

HISTORIA MILITARIS

Ю. А. Виноградов
В. А. Горончаровский

**ВОЕННАЯ ИСТОРИЯ
И ВОЕННОЕ ДЕЛО
БОСПОРА КИММЕРИЙСКОГО
(VI В. ДО Н. Э. –
СЕРЕДИНА III В. Н. Э.)**

СЕРИЯ «HISTORIA MILITARIS»

Исследования по военному делу древности и средневековья

Редакционный совет:

Ю. А. Виноградов (Санкт-Петербург, Россия); Н. Ди Космо (Принстон, США);
Б. В. Ерохин (Санкт-Петербург, Россия); А. Н. Кирпичников (Санкт-Петербург, Россия);
Б. А. Литвинский (Москва, Россия); А. В. Махлаюк (Нижний Новгород, Россия);
М. Мельчарек (Торунь, Польша); В. П. Никоноров (Санкт-Петербург, Россия);
В. Свентославский (Гданьск, Польша); А. В. Симоненко (Киев, Украина);
А. М. Хазанов (Мэдисон, США); Ю. С. Худяков (Новосибирск, Россия)

Editorial Board:

Nicola Di Cosmo (Princeton, USA); Boris V. Erokhin (St. Petersburg, Russia);
Anatoly M. Khazanov (Madison, USA); Yuly S. Khudjakov (Novosibirsk, Russia);
Anatoly N. Kirpichnikov (St. Petersburg, Russia); Boris A. Litvinsky (Moscow, Russia);
Aleksandr V. Makhlayuk (Nizhny Novgorod, Russia); Mariusz Mielczarek (Toruń, Poland);
Valery P. Nikonorov (St. Petersburg, Russia); Witold Świątosławski (Gdańsk, Poland);
Aleksandr V. Simonenko (Kiev, Ukraine); Yury A. Vinogradov (St. Petersburg, Russia)

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
INSTITUTE OF THE HISTORY OF MATERIAL CULTURE
Proceeding. V. XXV

Ju. A. Vinogradov, V. A. Goroncharovskiy

**WAR HISTORY AND WARFARE OF THE
CIMMERIAN BOSPORUS**

(6th century BC – middle of the 3rd century AD)

St. Petersburg State University
Faculty of Philology
St. Petersburg
2008

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ
Труды. Т. XXV

Ю. А. Виноградов, В. А. Горончаровский

ВОЕННАЯ ИСТОРИЯ И ВОЕННОЕ ДЕЛО БОСПОРА КИММЕРИЙСКОГО

(VI в. до н. э. — середина III в. н. э.)

Филологический факультет
Санкт-Петербургского государственного университета
Санкт-Петербург
2008

Виноградов Ю. А., Горончаровский В. А.

Военная история и военное дело Боспора Киммерийского (VI в. до н. э. — середина III в. н. э.). — СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2008. — 332 с. — (Historia militaris)

ISBN 978-5-8465-0801-9

Книга представляет собой всестороннее исследование военного дела и военной истории одного из важнейших центров греческой цивилизации на северном берегу Черного моря – Боспора Киммерийского (район современного Керченского пролива). Хронологические рамки исследования охватывают почти девятисотлетний период от момента возникновения здесь в VI в. до н.э. греческих колоний до готского вторжения III в. н.э. Авторы проанализировали всю совокупность сведений по этому вопросу, содержащихся в трудах древних авторов (Геродот, Диодор Сицилийский, Страбон, Лукиан Самосатский, Тацит и др.), а также в боспорских надписях. Особое внимание уделено данным археологии – находкам оружия на различных памятниках, сохранившимся изображениям боспорских воинов и т.д. Подробно рассмотрены организация, вооружение, стратегия и тактика боспорской армии, а также военно-политические события, в которых она принимала участие. Книга снабжена большим количеством иллюстративных материалов.

Издание рассчитано не только на специалистов, занимающихся изучением древней истории Северного Причерноморья, но и на широкий круг читателей, интересующихся военной историей далекого прошлого Юго-Восточной Европы.

ББК

Vinogradov Ju. A., Goroncharovskiy V. A.

War History and Warfare of the Cimmerian Bosphorus (6th century BC – middle of the 3rd century AD) . — St. Petersburg: St. Petersburg University Press; St. Petersburg State University Faculty of Philology, 2008. — 332 p. — (Historia militaris)

This book represents a comprehensive investigation of warfare and military history of the Bosphoran state over more than eight centuries. Its bottom chronological boundary is the appearance of the Greeks on the Cimmerian Bosphoran Coast, while its upper boundary is set by the gothic campaigns on the Northern Black Sea coast during which the well-adjusted military organization of the Bosphoran kingdom fell into decay. During this period under the influence of a barbarous environment there was a gradual transformation in Bosphoran arms and armours and manners of battle. The organization, weapons, strategy and tactics of the Bosphoran army, and also military and political events in which it took part, are considered in detail. The problem of the development of local fortifications is solved using materials found by the authors during long-term field research.

This edition is intended for a broad audience of readers interested by the past of those peoples which lived in the territory of South-Eastern Europe.

ВВЕДЕНИЕ

Война — фундаментальный фактор мировой истории, или, выражаясь другими словами, «история вопиет войнами». По этой причине можно уверенно говорить, что военная история является важнейшей составляющей мирового исторического процесса, и ее изучение имеет вполне самостоятельный научный интерес. Большое значение в этом отношении представляет не только исследование военных кампаний, передвижений войск или хода сражений, но и общее состояние военного дела втянутых в конфликт обществ, т. е. способ вооружения, особенности комплектования войск, приемы ведения боевых действий и т. д. Обозначенные аспекты, разумеется, определяются многими причинами как внутреннего развития, так и внешних влияний, сложное переплетение которых также заслуживает специального изучения. С другой стороны, нет никаких сомнений в том, что военное дело самым активным образом оказывает влияние на историческое развитие всех государств и всех народов, начиная с самой глубокой древности (см. Шнирельман, 1994). Надо признать, что в последние годы интерес к военной истории и военному делу заметно повысился, в полной мере это относится и к военной истории античного мира.

Вообще же военная история классической древности дает очень многое для исследования войны как фактора мировой истории. Платон в «Законах» (I. 626A3–5) хорошо выразил характерную для его времени точку зрения на эту проблему, утверждая, что каждый полис Древней Греции находился в естественном состоянии вой-

ны с другим. И это действительно так, греки не были пацифистами. Совсем не война, а мир казался им исключительным, почти ненормальным состоянием. Вождь афинской демократии Перикл по этому поводу даже заявил, что «миролюбивая политика, не связанная с решительными действиями, пагубна» (Thuk. II. 63. 3; перев. Г. А. Стратановского и др.). Протест вызывали лишь войны, которые тянулись слишком долго, не имели общественной поддержки, велись безнравственными средствами, то есть сопровождалась жестоким насилием и т. д. (Hanson, 2000. P. 111; Hansen, 2000. P. 170).

Наиболее крупным античным государством, которое сложилось на северном берегу Черного моря в результате греческой колонизации региона, был Боспор (рис. 1). Свое название государство получило от древнего наименования Керченского пролива — Боспор Киммерийский. Его тысячелетняя история демонстрирует сложнейший путь развития, наполненный самыми различными событиями, в том числе военными. В их черед следует особо выделить главные — возникновение на берегах пролива небольших греческих городов-государств (Пантикапей, Нимфей, Фанагория, Гермонасса, Кепы и др.), создание оборонительного союза (симмахии) под главенством Археанактидов, образование единого монархического государства во главе с династией Спартокидов, переход Боспора под власть понтийского царя Митридата VI Евпатора, участие в грандиозной борьбе за гегемонию в Средиземноморье, которую тот начал с Римом, поражение Митридата в этой борьбе, вхождение Боспорского царства в сферу римского влияния, вторжение готов, участие Боспора в их походах и т. д.

Из сказанного становится вполне понятным, что в разработке вопросов, связанных с историей и культурой Боспорско-

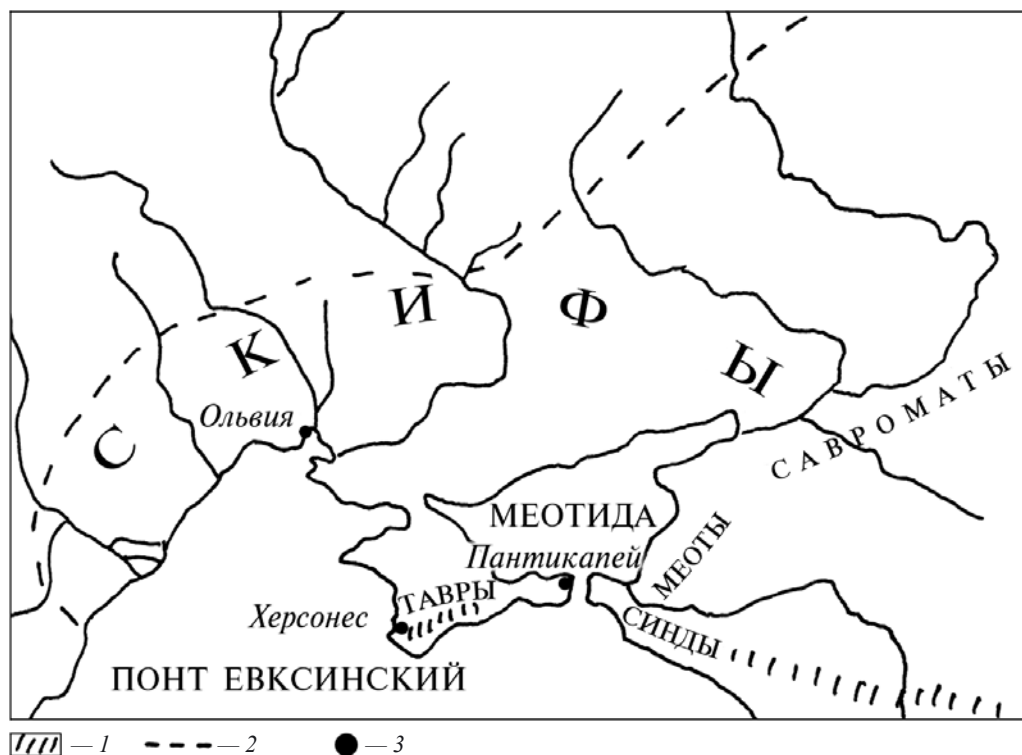

Рис. 1. Северное Причерноморье в скифскую эпоху
1 — горы, 2 — граница степей и лесостепей, 3 — главные греческие колонии

го государства, особое место принадлежит изучению военного дела. Античные города Боспора буквально с момента своего основания оказались втянутыми в сложные, подчас враждебные отношения с окружающими варварскими племенами. Специфика местных условий не могла не вызвать серьезную трансформацию как комплекса вооружения, принесенного сюда греческими колонистами, так и тактических приемов ведения боя. К сожалению, в наших знаниях о военном деле Боспора наблюдаются значительные лакуны, во многом обусловленные состоянием имеющихся источников. Сведения о многочисленных войнах, походах и сражениях, особенностях военной организации и тактики боя боспорцев и их противников, несомненно,

имевшиеся в местной письменной традиции, до нас практически не дошли. Все, что можно использовать в данном отношении, сохранилось в фрагментарном виде только у греческих и латинских авторов, выборочно освещавших лишь некоторые события военно-политической истории Северо-Восточного Причерноморья. Вполне естественно, что нередко это делалось с тенденциозных позиций, а из существовавших реалий многое опускалось как не заслуживающее внимания или трактовалось неверно. По этой причине огромное значение для решения интересующей нас проблемы приобретают археологические источники: эпиграфические памятники; находки предметов наступательного и защитного вооружения; сохранившиеся ос-

татки фортификационных сооружений; росписи и рельефы, дающие достаточно богатый и надежно идентифицируемый изобразительный материал, позволяющий судить о многих деталях вооружения и снаряжения боспорских воинов и т. д.

Проблема изучения военного дела Боспора напрямую связана с пониманием целого ряда вопросов политической истории, которые изучены крайне неравномерно. Выбор хронологических рамок исследования (первая половина VI в. до н. э. — середина III в. н. э.) не случаен, поскольку нижний рубеж определен временем основания на берегах Керченского пролива греческих колоний, а верхний связан со значительными потрясениями периода готских походов, в результате которых резко изменилась этнополитическая ситуация в Северо-Восточном Причерноморье, а хорошо налаженная военная организация и система обороны Боспорского царства пришла в упадок.

Научная разработка данной проблемы началась около ста лет назад. Именно тогда в русской науке о классических древностях Северного Причерноморья произошел переход от частных высказываний по поводу отдельных предметов вооружения, найденных на Боспоре, или их изображений в памятниках искусства (см., напр.: Ашик, 1845; 1848; Толстой, Кондаков, 1889; Kieseritzky, Watzinger, 1909) к обобщению имеющихся данных. Важным этапом в этом отношении явилась научная деятельность М. И. Ростовцева, отстаивавшего необходимость изучения северопричерноморских древностей на качественно новом уровне. В предисловии к своей книге «Античная декоративная живопись на юге России» он писал: «Я глубоко убежден, что только ряд таких публикаций способен дать нам надлежащее представление об истории нашего юга и что он введет, вместе с тем, в обиход науки свежие, малоиз-

вестные материалы, освещающие новым светом те или иные стороны античной жизни» (Ростовцев, 1913. С. VII). Сам он, планируя фундаментальное «Исследование по истории Скифии и Боспорского царства», предполагал включить в его третий том целые серии памятников в систематическом и хронологическом порядке, в частности, раздел «Оружие» (см. комм. И. В. Тункиной: Ростовцев, 1993. С. 38 сл.). К сожалению, в полном объеме этот замысел осуществить так и не удалось. Все же, поскольку эта проблема занимала М. И. Ростовцева всегда, ряд его интересных наблюдений или оригинальных мыслей относительно военного дела и военно-политической истории, помимо упомянутой «Античной декоративной живописи на юге России» (Ростовцев, 1913. С. 234, 239, 309–340), мы находим в его книгах «Эллинизм и иранство на юге России» (Ростовцев, 1918), «Скифия и Боспор» (Ростовцев, 1925) и отдельных статьях (см., напр.: Ростовцев, 1900; 1916; 1993а). Главным образом, они касаются организации боспорского войска и роли в нем тяжеловооруженной конницы, отдельных видов наступательного и защитного вооружения всадников и пехотинцев, сарматского влияния на боспорскую паноплию, появления на Таманском полуострове сети крепостей-убежищ, военных сюжетов на монетах Боспора и существовавших здесь коллегий-фиасов военно-сакрального значения.

В 20–30-е гг. прошлого столетия происходило дальнейшее накопление и ввод в научный оборот археологических материалов, имевших отношение к военному делу Боспора. В немногочисленных работах по отдельным аспектам этой проблемы, в основном, использовались данные, накопленные отечественной археологией еще в досоветский период. Так, В. Гинтерс собрал в своей книге о скифских и сарматских мечях обширный материал,

разбросанный по русским археологическим изданиям, и попытался осмыслить его в свете идей М. И. Ростовцева. Попутно он привлек и данные о боспорских мечках римского времени, рассмотрев их с точки зрения типологии (Ginters, 1928). Р. В. Шмидт создала сводку основных литературных и архивных данных по вопросу о боспорских оборонительных валах (Шмидт, 1941. С. 268 сл.).

Новый этап в изучении истории и культуры Боспора, в том числе и проблем, касающихся военного дела и военно-политической истории, связан с появлением ряда обобщающих работ, прежде всего, монографии В. Ф. Гайдукевича «Боспорское царство» (Гайдукевич, 1949; Gajdukevič, 1971). Важное место в историографии вопроса принадлежит также работам В. Д. Блаватского. Этот исследователь впервые уделил внимание искусству осады и обороны укреплений на территории Северного Причерноморья античной эпохи, при этом рассмотрел эти проблемы на широком историко-культурном фоне, с привлечением значительного круга источников (Блаватский, 1947. С. 89 сл.; 1951. С. 135 сл.). Он первым продемонстрировал специфические особенности боспорской фортификации (Блаватский, 1950. С. 126 сл.), а также своеобразии боспорской тяжелооруженной кавалерии (Блаватский, 1949. С. 96 сл.). Сделанные им наблюдения послужили основой для создания наиболее обстоятельной для своего времени монографии по военному делу античных государств Северного Причерноморья (Блаватский, 1954).

Впрочем, рассмотрению особенностей боспорского военного искусства и вооружения в исследовании В. Д. Блаватского было отведено совсем немного места. Следует признать и то, что к настоящему времени многие положения его работы сильно устарели. Тем не менее, некоторые приве-

денные в ней и не выдержавшие проверки временем факты начали странствовать по страницам научных изданий, исходя из принципа *magister dixit*, в свою очередь, подвергаясь искажениям. Так, заимствованная у М. И. Ростовцева (1913. С. 336. Рис. 64) информация о сарматском безрукавном чешуйчатом панцире III в. до н. э., найденном в с. Мокиевка Черкасского уезда (Блаватский, 1954. С. 116. Рис. 57), позднее попала в том «Археологии СССР», посвященный античным государствам Северного Причерноморья, где Б. Г. Петерс поместил этот панцирь в раздел защитного снаряжения III–IV вв. н. э. (Петерс, 1984. С. 274. Табл. LXXXIV, 54), и в статью В. Ю. Малашева о сарматах, изображенных на колонне Траяна (Малашев, 1988. С. 73). Между тем, речь в данном случае идет о реконструированном Н. Е. Бранденбургом скифском доспехе IV в. до н. э. из кургана № 491 у с. Макеевка в Среднем Поднепровье (Черненко, 1968. С. 38. Рис. 17).

Более детально интересующая нас проблема рассматривалась в кандидатской диссертации Н. И. Сокольского, посвященной военному делу Боспора (Сокольский, 1954). В ее главах автор осветил вопросы состава и комплектования армии, тактики, эволюции и роли некоторых типов и видов вооружения, осады и обороны на Боспоре. Сделанные им выводы о существенном сарматском влиянии в области военного дела Боспора первых веков н. э. стали общепринятыми. К сожалению, из текста этой работы были опубликованы лишь разделы о боспорских мечках, щитах и оборонительных валах (Сокольский, 1954а; 1955; 1957).

В последующие пятьдесят лет происходил процесс стремительного ввода в научный оборот новых археологических материалов, однако, их специальное осмысление продвигалось очень медленно-

ми темпами. Уже упоминавшийся очерк Б. Г. Петерса о военном деле античных государств Северного Причерноморья в одном из томов «Археологии СССР» мало что добавил к данным, использованным В. Д. Блаватским (Петерс, 1984. С. 187–197). Автор придал ему слишком общий характер, к тому же с изрядным уклоном в сторону военно-морского дела. Определенный интерес для нашей темы представляют монографии А. А. Масленникова, затрагивающие вопросы организации обороны территории Восточного Крыма (Масленников, 1981; 1998; 2003). Весьма ценные наблюдения содержатся также в работах других авторов, касающихся отдельных проблем военно-политической истории Боспора, в частности времени создания единого государства (Виноградов Ю. Г., 1983. С. 394 сл.; Толстиков, 1984; Шелов-Коведяев, 1985. С. 63 сл., 70 сл., 82 сл.; Vinogradov, 1980), эпохи Митридатовых войн (Молев, 1976; 1995; Сапрыкин, 1996) и взаимоотношений Боспора с Римом (Шукин, 1994; Зубарь, 1998; Сапрыкин, 2002). В отношении последней из названных проблем широко дискутировался вопрос о римском военном присутствии на берегах Боспора Киммерийского (Цветаева, 1979; Блаватский, 1985; Sarnovski, 1988; Трейстер, 1993) и о находках римского оружия в данном регионе (Treister, 1994). Ряд статей был посвящен анализу прежних и публикации новых археологических материалов, имеющих отношение к военному делу Боспорского государства (см., напр.: Десятчиков, 1972; Горнчаровский, Никонов, 1987; Горнчаровский, 1993; Трейстер, 1993; Виноградов Ю. Г., 1994; Виноградов Ю. А., 1995; 1997; 1999; Галль, 1997).

Несмотря на имеющиеся успехи, приходится признать, что в научной и популярной литературе не уделяется должного внимания военной истории и военному

делу Боспора. Весьма показательным, что специальное исследование «Армия Боспорского царства» предпринято недавно не российским, а польским археологом М. Мельчареком (Mielczarek, 1999). Эта работа стала логическим продолжением его монографий, посвященных тяжело-вооруженной коннице античного мира (Mielczarek, 1993) и публикации предметов вооружения античного времени, происходящих из Северного Причерноморья в собрании Музея Войска Польского в Варшаве (Mielczarek, 1995, см. рец.: Горнчаровский, 1999. С. 436–438).

Конечно, автор «Армии Боспорского царства» отличается большой эрудицией в области военного дела античного мира, прекрасным знанием научной литературы на русском языке, но все же в ее содержании явное предпочтение отдано раннему этапу развития военного дела на берегах Боспора Киммерийского. Применительно же к римскому времени бросается в глаза чрезвычайная краткость изложения. Данному периоду, достаточно обеспеченному изобразительным и археологическим материалом, что в полной мере нашло отражение в иллюстративной части книги (Pl. XI–XXV), посвящено всего около четверти текста монографии.

Таким образом, нетрудно убедиться в том, что интересующая нас проблема все еще изучена явно недостаточно. Между тем, современная наука, а также последние достижения отечественных и зарубежных ученых в области военной археологии дают новые возможности для изучения военного дела и военно-политической истории периферии античного мира и сопредельных варварских территорий. Данное исследование предполагает в известной мере исправить сложившуюся ненормальную ситуацию, хотя первая попытка такого рода уже была предпринята авторами этой книги по отдельности в рамках науч-

но-популярной серии «*Militaria antiqua*» (Горончаровский, 2003; Виноградов, 2004). В данной работе авторы рассматривают под новым углом зрения с учетом имеющихся сведений письменной традиции и накопленных археологических материалов такие вопросы, как военно-политическая история Боспора, особенности вооружения боспорян на различных исторических этапах, организация боспорской армии, ее стратегия и тактика, система обороны границ государства и т. д. Поскольку проблемы боспорской фортификации достаточно основательно разработаны В. П. Толстиковым (1981; 1984а; 1986; 1989; 1992) и рядом других авторов (Иванов, 2005), эта тема в предполагаемой книге затрагивает-

ся либо в общем виде, либо применительно к вводимым в научный оборот данным по фортификации Илурата, наиболее изученной к настоящему времени боспорской крепости I–III вв. За пределами исследования осталось также изучение военного флота, т. к. практически весь соответствующий материал был обобщен Б. Г. Петерсом и Н. П. Писаревским в специальных работах (Петерс, 1982; Писаревский, 2001).

Учитывая специфику имеющихся источников, далеко не равномерно освещающих различные хронологические периоды, в первой части книги основной акцент делается на военной истории Боспора до-римской эпохи, во второй — на археологических материалах первых веков н. э.

**Часть I. ВОЕННАЯ ИСТОРИЯ И ВОЕННОЕ ДЕЛО
БОСПОРА ОТ ВРЕМЕНИ ГРЕЧЕСКОЙ
КОЛОНИЗАЦИИ ДО ЗАВЕРШЕНИЯ
МИТРИДАТОВЫХ ВОЙН**

Глава 1

БОСПОР КИММЕРИЙСКИЙ ВО ВРЕМЯ ГРЕЧЕСКОЙ КОЛОНИЗАЦИИ

1.1. Греки и варвары. Проблемы сосуществования

Вряд ли могут возникнуть сомнения, что на Боспор, как и в другие районы греческой колонизации, была перенесена система военного дела, сложившаяся к тому времени в метрополии, то есть в Древней Греции. Изучение военного дела классической древности развивается сейчас достаточно успешно, по этой проблематике проводятся научные конференции, одна за другой выходят специальные книги (см.: Конноли, 2000; Вэрри, 2004; Connoly, 1981; Hanson, 1989; 1999; Snodgrass, 1999; Sekunda, Hook, 1999). Однако было бы совсем неверным ограничивать изучение военного дела греческих колоний лишь простой констатацией его состояния в полисах Малой Азии и Балканского полуострова. Конечно, в полной мере следует признать, что основные изменения в характере вооружения, фортификационного строительства и т. д., которые происходили в Древней Греции, распространялись в греческих колониях достаточно быстро. Вместе с тем, можно обратить внимание, что македонская фаланга или даже строй римских манипул в условиях Северного Причерноморья вряд ли могли быть успешно применены. Жизнь на окраине античного мира в окружении многочисленных воинственных варварских племен, с которыми колонисты были вынуждены налаживать по-

литические, экономические, культурные связи, диктовала свои законы. Этот характер связей многое определял в военном деле Боспора. Изучение адаптации греков-колонистов к специфическим условиям своей новой родины, в том числе и в военной сфере, представляется нам принципиально важным, отвечающим научным требованиям современности.

Древние греки стали основывать свои поселения на берегах Керченского пролива, скорее всего, в первой четверти VI в. до н. э., возможно, с конца VII в. до н. э. Отличие Боспора от других центров греческой колонизации этого региона (Ольвия, Херсонес Таврический) заключается в том, что здесь было создано несколько колоний, организованных по типу полисов: Феодосия, Пантикапей, Нимфей (в Восточном Крыму), Фанагория, Кепы, Гермонасса и Синдская Гавань или Синд (на Таманском полуострове). Помимо этого, была основана целая серия поселений, которые с ходом времени превратились в небольшие города (Мирмекий, Тиритака, Киммерик и др.), но, вероятнее всего, они никогда не были независимыми социально-политическими образованиями, входя в состав того или иного полиса (рис. 2; Виноградов Ю. А., 1993; 1999б. С. 105, 110а).

Необходимо особо подчеркнуть, что греческие колонии на северном берегу Черного моря существовали в весьма специфических условиях, поскольку их соседями оказались не только земледельческие племена, как это было, к примеру, в Западном Средиземноморье (Сицилия, юг Аппенинского полуострова и др.), но и кочевнические. Причастность греческих государств региона, и вероятно, прежде всего, Боспора Киммерийского, историческим судьбам великого пояса евразийских степей, ритмам Евразии, о которых много писал Л. Н. Гумилев (см.: Гумилев, 1993),

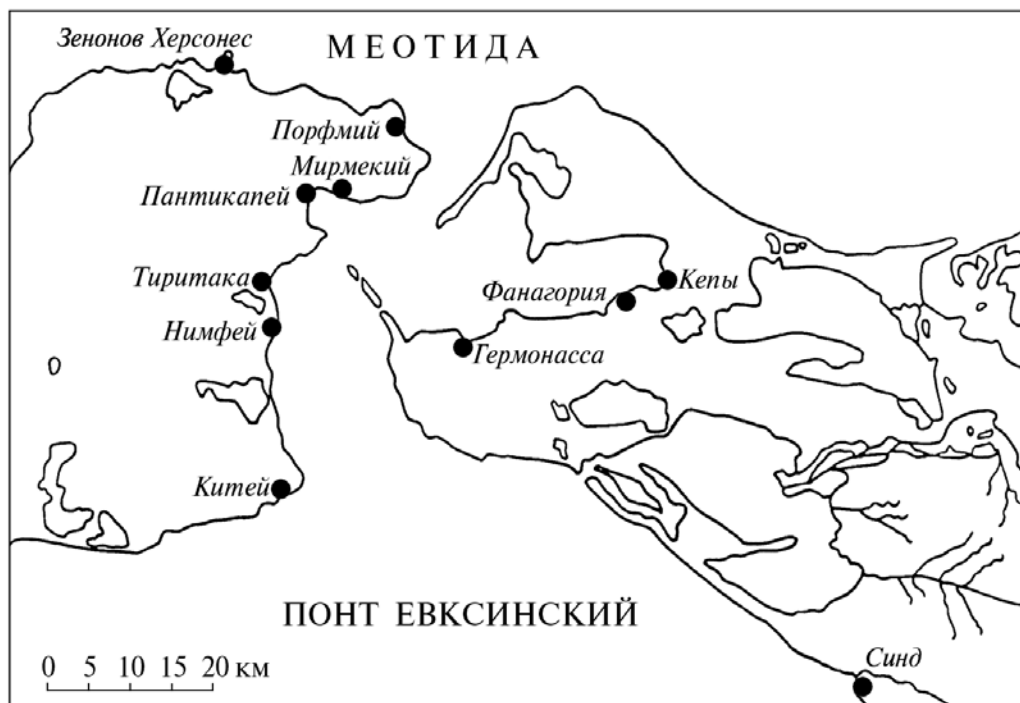

Рис. 2. Греческие колонии Боспора Киммерийского

позволяет рассматривать их историю в этом глобальном контексте. Столь большое внимание к кочевническому фактору в истории греческих государств Северного Причерноморья определяется целым рядом обстоятельств. Прежде всего, следует обратить внимание на то, что кочевники (номады) по причине своей военной силы и мобильности всегда создавали очень большие проблемы для соседних оседлых народов и государств постоянными набегами или даже масштабными завоеваниями. Крупный специалист в области изучения номадизма А. М. Хазанов справедливо указывает на то, что вплоть до нового времени с его революцией в области вооружений оседлые государства были не в состоянии найти сколь-либо надежное решение военной проблемы, связанной с защитой от нападений кочевников (Khaza-

nov, 1984. P. 222–223; ср. Крадин, 1993. С. 196; 1995. С. 166; Першиц, 1994. С. 132). Чаще всего это решение, в какой-то степени обеспечивающее мир и спокойствие, находилось в выплате дани определенной группе номадов с таким расчетом, чтобы те защищали сельскохозяйственные территории от нападений других номадов (Khazanov, 1984. P. 263).

Следующее важнейшее обстоятельство заключается в том, что на историю греческих колоний региона и, разумеется, на их военное дело наложили особый отпечаток изменения военно-политической обстановки, которые периодически (один раз приблизительно в 200–300 лет) происходили в степях Северного Причерноморья в связи с продвижениями на запад из глубин Азии новых и новых кочевых народов. Для древней истории это были

передвижения скифов, сарматов, аланов и др., для средневековья — гуннов, хазар, печенегов, половцев, татаро-монголов и т. д. Время вторжения кочевников на новые территории С. А. Плетнева определила как стадию «нашествия» (Плетнева, 1982. С. 14), порой его называют также «периодом завоевания» или «обретения родины»¹. Такие определения вполне оправданы, поскольку пришельцам приходилось вести борьбу за обладание районом с прежними его хозяевами. Г. Е. Марков обоснованно, на наш взгляд, считает, что во время больших переселений общество кочевников переходило в «военно-кочевое» состояние (Марков, 1976. С. 311–312).

Вполне очевидно, что передвижение кочевников на запад, их вторжение в Северное Причерноморье, как правило, приводило к дестабилизации военно-политической обстановки в регионе и накладывало заметный отпечаток на последующее развитие всех территорий, прилегающих к поясу степей. Можно предполагать, что во время вторжения основная цель пришельцев заключалась в уничтожении власти старой кочевнической аристократии и утверждении новой; рядовое кочевническое население, возможно, тоже частично уничтожалось, но скорее всего просто обкладывалось данью или инкорпорировалось в состав орды пришельцев, постепенно растворяясь в ней (Першиц, 1994. С. 201). Войны кочевников, однако, совсем не ограничивались лишь степными территориями, в них так или иначе включались

соседние земледельческие народы (в древности, разумеется, и греческие колонии), над которыми новые хозяева степей стремились установить свой контроль. Именно тогда, как представляется, дестабилизация военно-политической обстановки в регионе приобретала максимумальную степень напряжения.

«Новые номады», как можно полагать, достигали желаемого совсем не сразу. Лишь приблизительно через четверть века после вторжения им удавалось установить «нормальную» систему эксплуатации подвластных территорий, взимание дани с подчиненных земледельцев и т. п. На этой стадии кочевники уже не были однозначно заинтересованы в дальнейшем продолжении войн, и, таким образом, военно-политическая ситуация в степях постепенно стабилизировалась (ср.: Марков, 1976. С. 311–313). Как правило, такие перемены достаточно благотворно сказывались на положении земледельцев, поскольку фиксированная дань, конечно, была лучше откровенного грабежа, хотя, разумеется, здесь многое зависело от форм и размеров взимаемой номадами дани (об этом см. Першиц, 1973; 1994. С. 208; Крадин, 1992. С. 60; 1995. С. 174; 2001. С. 28; Khazanov, 1984. P. 224 ff.). В любом случае этап «завоевания родины» в истории взаимодействия кочевников с земледельцами можно назвать конфликтным, а этап стабилизации — относительно конструктивным.

Кочевники, продвинувшиеся в Северное Причерноморье из глубин Азии, часто приносили с собой новые приемы ведения боевых действий и новые предметы вооружения: типы луков, стрел, мечей, детали снаряжения боевых коней — седла, стремена и т. д. Каждое вторжение, таким образом, вносило определенные перемены в устоявшуюся за десятилетия систему военного дела как местных варварских племен, так и греческих государств. Заимство-

¹ Понятие «период обретения родины» сложилось в венгерской археологической литературе первой половины XIX в. в отношении памятников, оставленных кочевниками-венграми времени их продвижения в Карпатский бассейн в IX в. н. э. (см.: Археология Венгрии. 1986. С. 331–332). Сейчас его используют и в отношении истории других кочевых народов.

вание передового опыта в военной сфере у своих соседей, как можно считать, являлось одним из важных элементов адаптации греков-колонистов к грандиозным этническим и военно-политическим переменам, имевшим место в степях северного берега Черного моря, без такой адаптации существование колоний в чуждом для них и часто враждебном окружении вообще вряд ли могло стать сколько-нибудь продолжительным и продуктивным. Обозначенная закономерность, связанная с периодическими продвижениями на запад новых волн азиатских кочевников (скифы царские, сираки, аорсы, роксоланы, языги, аланы и др.), позволяет связать с ними важные хронологические реперы в развитии античных государств Северного Причерноморья. Основываясь на этой закономерности, историю Боспора VI в. до н. э. — III в. н. э. можно разделить на девять основных этапов.

К сожалению, боспорская история в трудах древних историков и географов, как уже отмечалось, освещена весьма фрагментарно, в такой ситуации принципиальное значение приобретают результаты археологического изучения древних городов, сельских поселений, могильников и т. д. Однако, как хорошо известно, современная античная археология позволяет датировать раскопанные памятники в пределах четверти или трети столетия, более точные («узкие») датировки пока невозможны. Предлагаемая периодизация, базирующаяся, в основном, на данных археологии, закономерно имеет достаточно условные хронологические рамки многих из выделенных периодов. Иное предположить сейчас просто невозможно — приведенные в сочинениях древних авторов точные даты событий, имевших ключевое значение в истории Боспора (480/79, 438/37, 310/9, 63 гг. до н. э.), являются, скорей, исключением из общего правила.

Девять основных периодов истории Боспора античного времени можно кратко определить следующим образом:

1. Конец VII в. до н. э. — 480/79 г. до н. э. — период появления греков на берегах Керчерского пролива, установления и развития их связей с местными племенами, время относительно мирных и стабильных взаимоотношений в регионе.

2. 480/79–438/37 гг. до н. э. — период дестабилизации, усиления агрессивности скифов, вызванной, очевидно, вторжением новых кочевнических орд с востока (скифов царских?). Это время войн и междоусобных столкновений, ответом на которые со стороны боспорских греков стало создание оборонительного союза во главе с Археанактидами.

3. 438/37 г. до н. э. — рубеж IV–III вв. до н. э. — период стабилизации в степях, «золотой век» эллинизма в Северном Причерноморье. В начале этого периода власть на Боспоре перешла к Спартокидам, которые вскоре создали самое большое в регионе государство. В его состав вошли как греческие колонии Боспора Киммерийского, так и некоторые местные варварские племена; формой правления в государстве стала наследственная монархия. Период отличают теснейшие союзнические связи Боспорского государства с Великой Скифией.

4. Первая половина III в. до н. э. — время крушения Великой Скифии под ударами сарматов, продвинувшихся с востока в степи Подонья-Прикубанья. Период дестабилизации военно-политической обстановки в Северном Причерноморье и одновременной переориентации политики Боспорского государства на союз с новыми владыками степей.

5. Вторая половина III — первая половина II в. до н. э. — период относительной стабилизации в степях северного берега Понта, который особенно ярко проявился

на Боспоре. В истории государства, как можно считать, тогда получили продолжение и развитие тесные связи с местными племенами Прикубанья.

6. Середина II в. до н. э. — 107 г. до н. э. — новая дестабилизация в степях Северного Причерноморья, вызванная продвижением на запад кочевых племен роксоланов, языгов и др. Боспор, как и другие государства региона, оказался в ситуации острейшего политического и экономического кризиса, выходом из которого стала передача власти царю Понтийского государства Митридату VI Евпатору.

7. 107–63 гг. до н. э. — Боспор в составе Понтийской державы Митридата. В разразившейся тогда борьбе с Римом за гегемонию в Средиземноморье Боспор стал для владыки Понта важнейшим стратегическим пунктом, через который, как представляется, осуществлялся его контроль над всем Северным Причерноморьем. Поражение понтийского царя и его гибель в Пантикапее стали теми событиями, которые как бы подвели некий итог более чем пятивековому развитию Боспора.

8. 63 г. до н. э. — середина I в. н. э. — дестабилизация, вызванная периодическими колебаниями внешнеполитического курса правителей Боспора и острой борьбой за царский престол.

9. Середина I — середина III в. н. э. — новый расцвет Боспорского царства, на сей раз под контролем Римской империи. В начале этого периода в причерноморские степи продвинулись кочевники аланы, но это этническая перемена не привела к радикальной перемене военно-политической ситуации в Северном Причерноморье. Более того — пришельцы даже не сумели проникнуть далеко на запад. Район их обитания, в основном, был ограничен северо-восточным Приазовьем. Конец девятого этапа связан с вторжением в регион германских племен готов.

Своеобразие всех названных периодов будет подробно раскрыто в ходе дальнейшего повествования. Но прежде чем перейти к изложению военной истории Боспора в обозначенных хронологических рамках, необходимо хотя бы в общих чертах охарактеризовать военное дело скифов, то есть народа, населявшего Северное Причерноморье и определявшего здесь военно-политическую ситуацию в то время, когда на берегах Керченского пролива появились греки.

1.2. Военное дело скифов

Во время греческой колонизации северного берега Черного моря в степях региона господствовали скифы, контролировавшие обширные пространства от Дуная (древний Истр) на западе и до Дона (древний Танаис) на востоке. Нет никаких сомнений, что эти воинственные кочевники представляли для переселенцев немалую опасность, их отряды могли стремительно налететь из степей, разграбить поселения земледельцев и так же стремительно исчезнуть в бескрайних степных пространствах. Если же собирались целые кочевнические армии для проведения масштабных завоеваний или грабительских походов, то они уже представляли глобальную угрозу, способную дестабилизировать военно-политическую обстановку на обширнейших территориях, сокрушить крупные государства и т. д. Военная история скифов в этом отношении не является исключением, а, скорей, правилом.

Для исследования военного дела любого древнего народа важное значение имеют сохранившиеся сведения письменной традиции, археологические данные (находки оружия, воинские могилы и пр.), иконографические материалы (изображе-

Рис. 3. Изображения скифских воинов

1 — на серебряном сосуде из Воронежских курганов; 2 — золотая бляшка из Куль-Обы; 3 — на амфоре из кургана Чертомлык; 4 — золотая монета скифского царя Атея; 5 — каменное изваяние из Донецкой области; 6 — реконструкция вооружения скифского вождя по находкам из кургана Толстая могила (по М. В. Горелику)

ния воинов и просто оружия на рельефах, росписях и пр.) и т. д. При изучении находок оружия важно помнить, что всю его совокупность можно разделить на три составляющие (Vencl, 1984. P. 127; Шнирельман, 1994. С. 35):

1. Специализированное оружие, которое использовалось только на поле боя (мечи, тяжелые копья и т. д.). Оно было на вооружения специалистов военного дела — аристократии, дружинников, наемников.

2. Неспециализированное оружие (лук со стрелами, легкие копья, ножи и т. д.), которое могло использоваться как на поле боя, так и, к примеру, на охоте. Такое оружие использовала основная масса рядовых ополченцев.

3. Оружие случайного использования (камни, палки и т. д.).

Последняя составляющая вряд ли может стать предметом специального научного интереса. Первые две, напротив, принципиально важны, при этом вполне понятно, что для понимания военного дела изучаемого общества первостепенное значение имеет наличие или отсутствие специализированного оружия.

Многочисленные археологические материалы, а также изображения скифских воинов на предметах искусства позволяют уверенно считать, что, прежде всего, они были конными лучниками (см.: Мелюкова, 1964; 1989. С. 92; Черненко, 1981). Луки, как известно, бывают простыми, т. е. сделанными из одного куска дерева, или сложными, изготовленными из нескольких соединенных вместе деревянных частей или из дерева и кости (рога). Скифские луки были сложными. По форме они напоминали греческую букву «сигма» (Σ) с перехватом в средней части и загнутыми наружу концами, длина их чаще всего составляла 0,60–0,70 м. Изображения такого лука можно видеть на многих памятниках скифского искусства (рис. 3), на одном из них —

электрическом сосуде, найденном в кургане Куль-Оба под Керчью, — представлен также способ натягивания тетивы (рис. 4). В принципе, такая форма оставалась неизменной на протяжении всей скифской эпохи, и за ней обоснованно закрепилось название лука «скифского» типа. Любопытно, однако, что единственный скифский лук неплохой сохранности был найден в одном из курганов IV в. до н. э. группы Три Брата под Керчью (Бессонова, 1973. С. 250, рис. 6). Этот сложный лук (рис. 5) состоял из трех деревянных пластин, обмотанных по спирали полоской коры.

Лук вместе с необходимым запасом стрел хранился в специальном футляре-горите, который носился на поясе с левой стороны. Гориты имели трапецевидную или прямоугольную форму, они изготавливались из дерева, обтягивались кожей, иногда украшались нашивными бляшками и т. п. Настоящими шедеврами античного ювелирного искусства являются золотые обкладки парадных горитов (рис. 6), открытые в скифских царских курганах IV в. до н. э. (Чергомлык, Мелитопольский, Пять Братьев).

Скифские стрелы, как и стрелы других народов, состояли из трех частей: наконечник, древко и оперение. Их длина составляла около 0,60–0,70 м; древки изготавливались из дерева или тростника, выемка для накладывания на тетиву в задней части стрелы (так называемое «ушко») составляло 0,25–0,35 см. Наконечники стрел у скифов, в основном, делались из бронзы, железные встречаются реже. Наиболее ранние из них (VII–VI вв. до н. э.) имели листовидную или ромбическую форму, выступающая втулка порой снабжалась острым шипом (рис. 7, 2). Правда, уже тогда появились наконечники трехлопастной или трехгранной формы (рис. 7, 3), которые к концу VI в. до н. э. вытеснили более ранние.

Рис. 4. Электровый сосуд из кургана Куль-Оба с изображением скифов

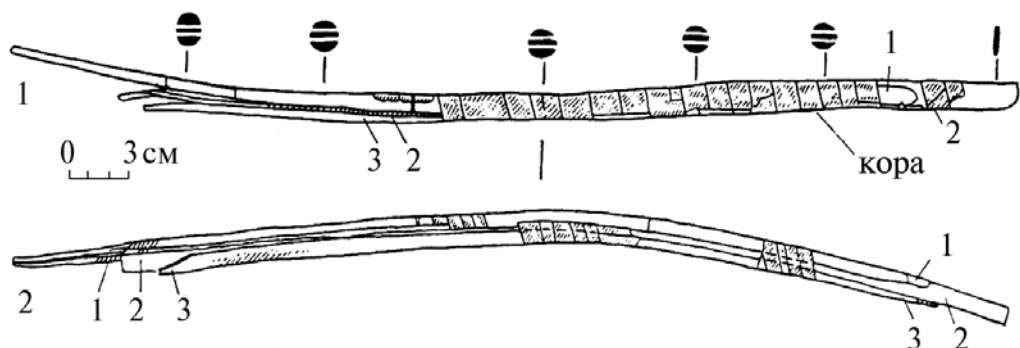

Рис. 5. Деревянный лук из Трехбратнего кургана под Керчью, вид с двух сторон (по С. С. Бессоновой)

Крупный специалист в области военного дела скифов Е. В. Черненко считает, что прицельная стрельба из «скифского» лука была вполне эффективной, начиная с расстояния 90 м. Стрельба с коня, особенно в движении, вероятно, снижала точность попадания и сокращала дистанцию полета стрелы, но тренированный лучник мог сделать 10–12 выстрелов за минуту (Черненко, 1981. С. 140–141). Таким обра-

зом, совсем нетрудно представить, что отряд скифской конницы мог буквально засыпать противника тучей стрел и тем самым нанести ему немалый урон (рис. 8), что, безусловно, способствовало успеху в завязывавшемся затем ближнем бою.

Оружием ближнего боя у скифов были копья и мечи, хотя копья, несомненно, могли использоваться также для метания по врагу. Специально для метания использо-

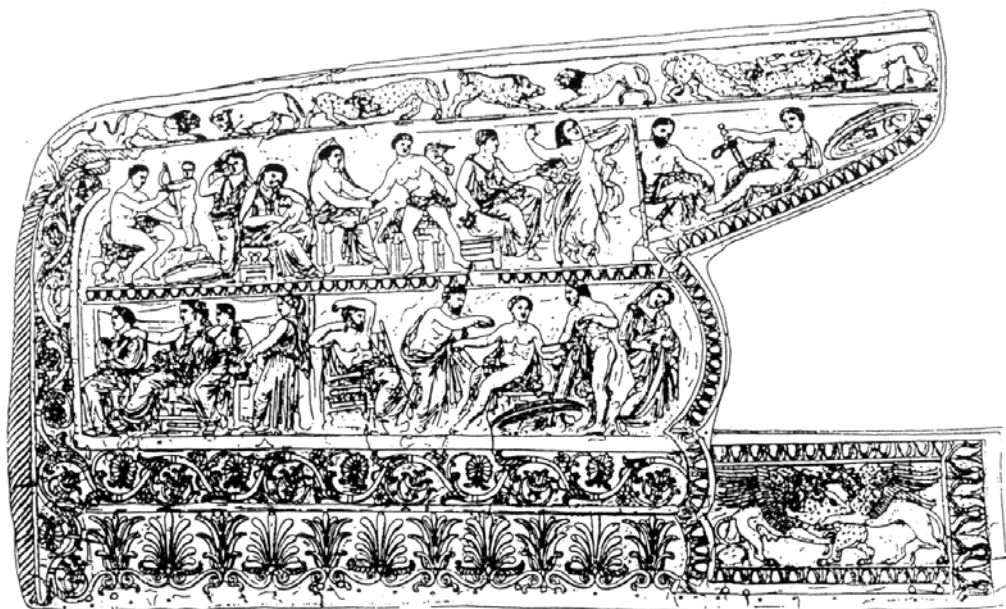

Рис. 6. Золотая накладка на горит из кургана Чертомлык

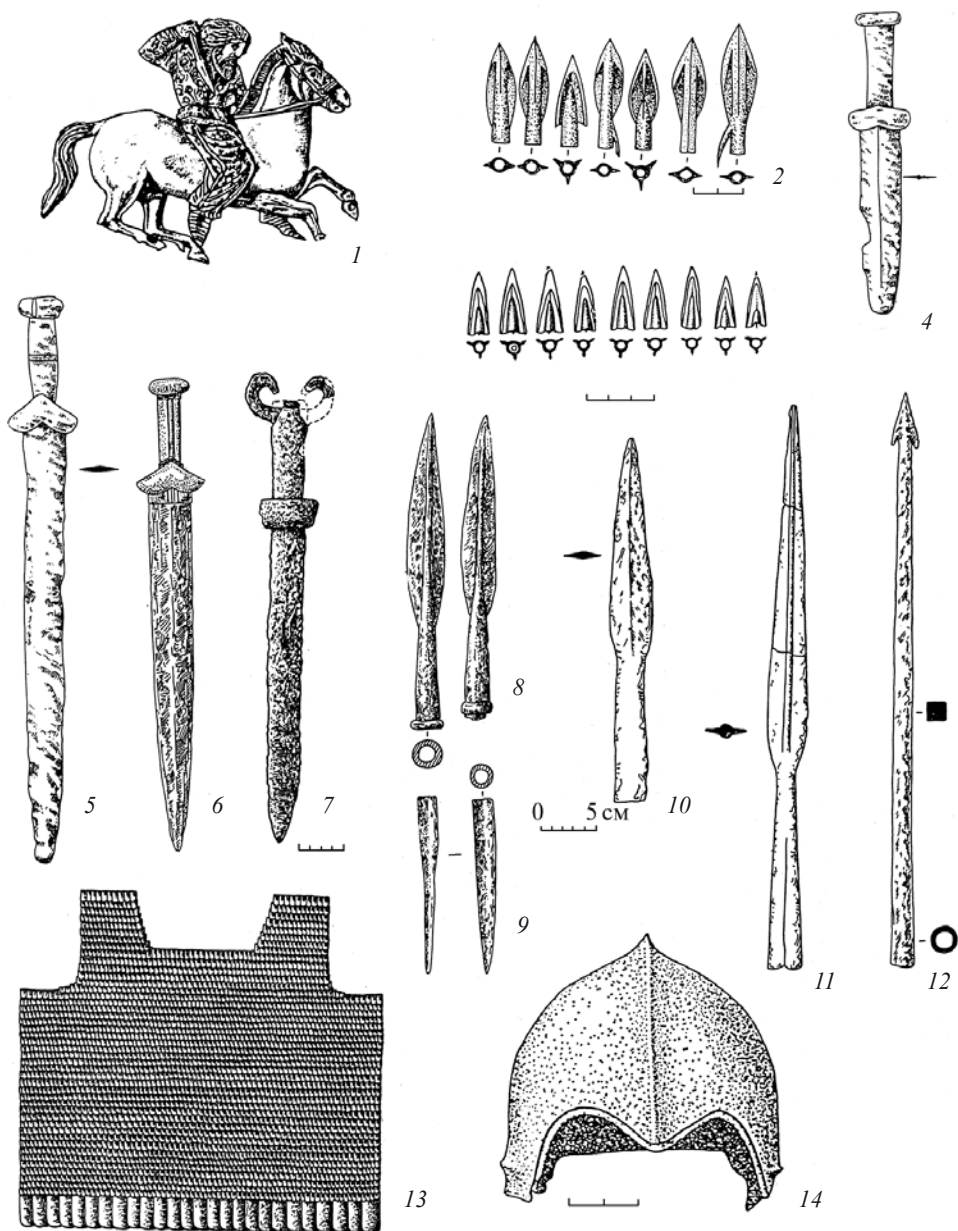

Рис. 7. Вооружение скифов

1 — золотая бляшка в виде скифского всадника из кургана Куль-Оба; 2-3 — бронзовые наконечники стрел; 4 — кинжал; 5-7 — мечи; 8, 10, 11 — наконечники копий; 9 — втуки копий; 12 — наконечник дротика; 13 — чешуйчатый панцирь; 14 — бронзовый шлем прикубанского типа (2, 3, 6, 14 — по В. А. Ильинской и А. И. Тереножкину; 4, 5, 10-13 — по А. И. Мелюковой; 7 — по Г. Л. Евдокимову и В. М. Мурзину; 8 — по В. А. Ильинской)

Рис. 8. Скифская конница в бою (по М. В. Горелику)

вались дротики, имевшие узкий длинный наконечник с небольшим жаловидным пером (рис. 7, 12). Последние представляют немалый научный интерес, поскольку, скорее всего, являлись оружием местного северопричерноморского происхождения, появившимся здесь довольно поздно — в V в. до н. э. По размерам дротики не отличались от копий, но их наконечники выделялись явным своеобразием. Прежде всего, это относится к их размерам — тенденция развития таких наконечников сводится к увеличению длины до 0,40 и даже 0,50 м. Следует указать и на своеобразие формы, поскольку наконечник дротика состоит не из двух обычных для копья частей (втулка и перо), а из трех: втулка, стержень и перо. На втулку, в которой крепилось древко, приходилось приблизительно $\frac{1}{3}$ длины наконечника, далее следовал еще более длинный, постепенно сужающийся к концу стержень, завершавшийся небольшим жаловидным пером. Это перо с двумя боко-

выми шипами имело небольшие размеры, составлявшие приблизительно $\frac{1}{10}$ длины наконечника. Дротик такого типа можно признать прекрасным метательным оружием, несколько приближавшимся к идеальному метательному копьё — римскому «пилуму»². Любопытно, что они использовались не столько степняками-кочевни-

² Считается, что такие метательные копьё легионеры получили уже к концу II в. до н. э. Пилум имел очень длинный наконечник и небольшое, напоминавшее наконечник стрелы, острие (Коннолли, 2000. С. 131, 233). По описанию Полибия (VI, 29), наконечник пилума и древко имели равную длину — около 1,35 м, при этом древко на половину длины вставлялось во втулку наконечника. Таким образом, получалась трехчастная конструкция общей длиной около 2,10 м, в которой из трех равных по длине частей самой тяжелой была центральная (втулка с вставленным в нее древком). Такое устройство обеспечивало оптимальный режим полета метательного копьё. При этом даже если противник не был поражен, и пилум, к примеру, втыкался в щит, его тонкий наконечник сгибался, а длинное древко мешало свободному движению вражеского воина.

ками, сколько земледельческими племенами Прикубанья и лесостепей Северного Причерноморья.

Скифские копья, как и копья других варваров Северного Причерноморья, в длину достигали 1,70–2,20 м. Железные наконечники копий имели перо листовидной формы и втулку для насаживания на древко (рис. 7, 8, 10, 11). На нижнюю часть древка иногда надевались железные подтоки (рис. 7, 9), которые, служа противовесом, облегчали воину обращение с оружием.

Чрезвычайно типичны для скифской культуры железные мечи и кинжалы, за которыми закрепилось название акинаков (рис. 7, 4–7). Вполне обоснованно считается, что акинаками были вооружены, главным образом, дружинники, основная часть простых воинов их, скорее всего, не имела (см.: Мелюкова, 1964. С. 46 сл.; 1989. С. 93–94). По форме мечи и кинжалы одинаковы, но размеры их различны. Кинжалы не превышали 0,30–0,40 см в длину; мечи же примерно в два раза длиннее — 0,50–0,70 м, они предназначались для нанесения рубящих и колющих ударов. Большие рубящие мечи длиной 1 м и более в Скифии встречаются реже.

Чрезвычайно интересны наблюдения специалистов о видоизменении рукояти скифских мечей, а точнее — перекрестия, отделяющего рукоять от лезвия, и завершающего его навершия. В VI в. до н. э. навершия были «брусковидными», а перекрестия — «сердцевидными», «бабочковидными» или «почковидными». С V в. до н. э. появлялись так называемые «антенные» навершия (рис. 7, 7). Позднее форма рукояти заметно упростилась, навершие стало овальным, а перекрестие уже напоминало не бабочку или сердечко, а широкий низкий треугольник. Следует заметить также, что среди находок скифского вооружения небольшим количеством экземп-

ляров представлены боевые топоры и кельцы — оружие в форме небольшой кирки (см.: Мелюкова, 1964. С. 65 сл.; 1989. С. 94). Нет сомнения, что некоторые предметы наступательного вооружения у скифов имели отношение к социальной структуре общества, а также связывались с определенными сакральными представлениями. Сакральная символика отчетливо выступает на примере меча, которому, по сообщению Геродота (IV. 62), скифы приносили специальные жертвы (см.: Алексеев, 1980). Социальный статус, вероятно, связывался с булавой, поскольку подобные находки зафиксированы только в погребениях скифской аристократии IV в. до н. э.: курган Солоха и Толстая Могила (рис. 3, 6; Манцевич, 1987. С. 61–62, кат. 37; Мозолевский, 1979. С. 179, 64, кат. 118)). Любопытно, что литой бронзовый предмет, который можно признать деталью булавы, был обнаружен недавно во время раскопок одного из античных поселений на Таманском полуострове, Артющенко I, в слое IV в. до н. э. (рис. 9). По внешнему виду этот предмет напоминает усеченный конус с отверстием в центре; особое внимание привлекает его оформление девятью специфическими «перьями». Вполне возможно, что он крепился на рукоять булавы снизу. Каким образом данный необычный объект попал на довольно небогатое боспорское поселение, сказать затруднительно, хотя следует отметить, что некоторые предметы, весьма значимые для культуры местных племен Северного Причерноморья, проникали на Боспоре очень рано, практически одновременно с их появлением в степях. Выше уже говорилось о находке скифского лука в Трехбратних курганах под Керчью, в дальнейшем повествовании эта чрезвычайно показательная тенденция будет отмечена еще не один раз.

Что касается защитного вооружения, то в его составе, прежде всего, следует

Рис. 9. Деталь булавы из поселения Артющенко I

назвать щит. Скифские щиты делались из дерева, обтягивались кожей и иногда снабжались покрытием из узких металлических пластинок (Мелюкова, 1964. С. 78; Черненко, 1968. С. 99 сл.). По форме щиты были овальными, прямоугольными или почти квадратными (см.: рис. 4; 9). Кроме щитов, скифская аристократия имела защитный доспех, относящийся к категории наборных пластинчатых (см.: рис. 7, 13; Мелюкова, 1964. С. 69 сл.; Черненко, 1968. С. 7 сл.; Горелик, 1993. С. 108 сл.). Металлические пластины нашивались на кожаную основу горизонтальными рядами таким образом, что каждый верхний ряд несколько перекрывал (приблизительно на 1/3) нижележащий. Такие панцири обеспечивали достаточно надежную защиту от ударов копий и мечей и при этом мало стесняли движения воина.

Скифские мастера иногда подобным образом изготавливали наборные шлемы. Вообще же, для скифов шлемы не являлись обязательной частью вооружения, хотя с самого раннего времени (VII–VI вв. до н. э.) у них бытовали бронзовые литые шлемы полусферической формы, которые по месту основного числа их находок обычно называются «прикубанскими» (рис. 7, 14; Рабинович, 1941. С. 109 сл.; Мелюкова, 1964. С. 76–77; Черненко, 1968. С. 76 сл.; Горелик, 1993. С. 168–169). В V в. и осо-

бенно в IV в. до н. э. скифская аристократия использовала греческие шлемы, в основном, халкидского типа (см. главу 1.3), которые при этом несколько переделывались в соответствии с местными вкусами и традициями. Среди аристократии также отмечено использование греческих бронзовых поножей, так называемых кнемид (о них см. главу 1.3), защищавших ногу воина от стопы до колена.

Так в общих чертах выглядело вооружение потенциальных противников греческих переселенцев на северном берегу Черного моря, однако можно сказать и иначе: так вооружались потенциальные союзники в случае возникновения конфликта, при этом отнюдь не только с какими-то варварскими группировками, но и с соседями-греками. Междоусобные споры, кровавые распри, братоубийственные войны — постоянные спутники всей греческой истории, и вряд ли здесь уместна какая-либо идеализация колонистов Боспора. Скорее всего, они без особых колебаний приглашали варварские дружины для помощи в борьбе с какими-то досадившими им соплеменниками из других родов-государств.

На наш взгляд, не может возникнуть ни малейшего сомнения в том, что боевые качества скифских конников, так сказать, родившихся в седле и с детства привыкших стрелять из лука, сражаться копьём и т. д., следует признать весьма высокими. По свидетельству Геродота (II. 167), у скифов, как и у других варварских народов, именно труд воина почитался более всего, признавался благородным. Можно даже говорить о развитии в скифском обществе настоящего культа воина-всадника, связанного с почитанием оружия, героизацией усопших предков и т. д.

Военный потенциал Скифии, войско которой состояло из таких воинов, был весьма серьезным. Среди самых известных

кампаний, проведенных скифами, следует назвать войну против персидского царя Дария I. Точная дата этой войны неизвестна, но, скорее всего, она разразилась между 515 и 512 г. до н. э. (см.: Мазетти, 1982; Черненко, 1984; Эдаков, 1986; Полин, 1994; Shahbazi, 1982; Gardiner-Gardner, 1987). Война хорошо описана в четвертой книге «Истории» Геродота, который, как известно, за это сочинение получил почетное прозвище «отца истории». Геродот нарисовал впечатляющую картину противоборства скифов и персов, в которой, несмотря на ряд «темных», непонятных мест, общая канва событий вполне ясна. Дарий, желая наказать скифов, прошел через северные Балканы, переправился через Истр (современный Дунай) и, таким образом, совершил вторжение в Скифию. Для противостояния агрессии скифы создали три армии и, уклоняясь от решающего сражения, начали осуществление стратегического плана, сочетавшего заманивание противника в глубь территории с использованием тактики «выжженной земли». Несмотря на огромные трудности, персы преследовали скифов и дошли до Танаиса (современный Дон), переправились через него, но затем решили повернуть назад. Не достигнув никакого результата и потеряв большую часть войска, Дарий вынужден был уйти из Скифии.

Еще более печальная судьба ожидала в 331 или 330 г. до н. э. Зопириона, полководца Александра Македонского, о походе которого в Скифию и об осаде Ольвии сохранились краткие сведения у древних авторов (Just. XII. 2. 16; Macrob. Saturn. I. 11. 32; Oros. IV. 19. 4; Curt. X. 1. 43–44). В эпитоме сочинений Помпея Трога, составленной Юстином, говорится, что он погиб здесь вместе со всей армией (Just. XII. 2. 16). Современные исследователи трактуют обстоятельства этого похода по-разному (см.: Доманский, 1985; Гаврилюк, Черненко, 1991;

Самойлова, 1993; Алексеев, 2003. С. 243–245), однако, слава победы над Зопирионом, как правило, связывается со скифами.

Совсем не удивительно, что за свои военные победы скифы стяжали славу непобедимых (Мелюкова, 1949). В связи с этим, правда, необходимо привести весьма авторитетное мнение историка V в. до н. э. Фукидида, писавшего, что «нет народа, который сам по себе мог бы устоять перед скифами, если бы они были едины» (II. 97,5). Единства в действиях скифов, как можно полагать, очень часто не хватало. В определенных ситуациях это, вероятно, облегчало положение древнегреческих колоний региона, которые, играя на противоречиях в среде варварского мира, могли решать некоторые из своих внешнеполитических проблем, но об этом речь пойдет в следующих главах.

1.3. Греки на Боспоре. Первые шаги

Боспор Киммерийский в сравнении с другими районами греческой колонизации Северного Причерноморья (Ольвия, Херсонес Таврический) интересен рядом особенностей (рис. 1; 2). Прежде всего, необходимо подчеркнуть, что древние греки именно здесь проводили границу между Европой и Азией (см.: Herod. IV, 45; Strab. VII, 4,5; XI, 2,1), по их представлениям, она шла по Керченскому проливу (Боспору Киммерийскому), а дальше к северу — по восточному берегу Азовского моря (Мелитиды) и по реке Дон (Танаис). По этой причине в научной литературе Восточный Крым стал именоваться европейским Боспором, а Таманский полуостров — азиатским. Но не эти необычные для нас географические границы представляют главную особенность района.

В первую очередь следует акцентировать внимание на том, что греки основали здесь сразу несколько колоний. Выше уже говорилось, что в Восточном Крыму были созданы следующие города-государства: Пантикапей (будущая столица Боспорского царства), Нимфей и Феодосия, а на Таманский полуостров и прилегающих территориях — Фанагория, Кепы, Гермонасса и Синдская Гавань (Горгиппия). Своим экономическим и политическим влиянием в их ряду, очевидно, сразу стал выделяться Пантикапей, расположенный в чрезвычайно удачном месте (современный г. Керчь). Кроме названных семи городов-государств (полисов) на берегах пролива было расположено большое количество небольших городков (Мирмекий, Тиритака, Порфмий, Киммерик, Патрей и др.), которые, очевидно, никогда не были независимыми центрами и входили в состав того или иного полиса (Виноградов Ю. А., 1993; 1999б. С. 104, 111–112; 2005. С. 222 сл.). В общем, приходится признать, что в античное время район Боспора был заселен достаточно густо.

Второе важное обстоятельство, на которое необходимо обратить внимание, заключается в том, что колонисты оказались здесь в самом тесном соприкосновении с различными варварскими племенами как земледельческими, так и кочевыми. Керченский полуостров, как известно, на западе подходит к Крымским горам, которые в то время были населены таврами, отличавшимися крайним консерватизмом, нелюбовью к иностранцам и вообще всему иноземному. Тавры занимались морским разбоем и, по свидетельству Геродота, приносили в жертву своей богине Деве всех захваченных ими эллинов, а также потерпевших кораблекрушение у крымских берегов (Herod. IV. 103). Лучше у греков складывались отношения с земледельческими племенами Прикубанья — меотами и особенно синдами.

Особо следует акцентировать внимание на отношениях с кочевыми скифами, поскольку представляется возможным считать, что на берегах пролива колонисты в первую очередь столкнулись именно с ними. Бесценную информацию в этом отношении оставил Геродот, который в своей «Истории» отметил, что зимой, когда лед сковывает пролив, «скифы толпами переходят по льду и на повозках переезжают в землю синдов» (Herod. IV. 28; перев. В. В. Латышева). Из контекста этого сообщения вполне очевидно, что скифы переправлялись из Восточного Крыма на Таманский полуостров, где обитали земледельческие племена синдов. Есть основания полагать, что Геродот описал здесь сезонные перекочевки какой-то части скифской орды, обитавшей в степях Северного Причерноморья, на зимние пастбища Прикубанья, всегда весьма привлекательные для кочевников (см.: Вахтина, Виноградов, Рогов, 1980; Виноградов, 2005. С. 214 сл.).

Нетрудно представить, что эти передвижения номадов через район Керченского пролива могли представлять серьезную угрозу для греческих колоний. Может быть, по этой причине переселенцы закрепились на берегах пролива сравнительно поздно, в первой половине VI в. до н. э., хотя в районе Северо-Восточного Причерноморья появились значительно раньше. Как показывают современные археологические исследования, первое греческое поселение было основано в Приазовье в районе г. Таганрог, вероятно, еще в третьей четверти VII в. до н. э. (Копылов, Ларенок, 1994. С. 5; Копылов, 1999. С. 174–175). Логично предполагать, что в это раннее время греки считали области, непосредственно прилегающие к проливу, слишком опасными и, желая приглядеться к местной специфике, попытались основать колонию в местах, довольно отдаленных от Боспора, но явно более спокойных. Лишь приблизи-

тельно через 40 лет, накопив определенный опыт существования в Северном Приазовье, наладив столь необходимые для жизни в новом районе связи с туземными племенами, древние греки начали активное освоение берегов Керченского пролива.

Возможно, по той же самой причине колонисты здесь долго не рисковали осваивать земли, далеко отстоящие от их первоначальных поселений, во всяком случае, современная археология фиксирует практически полное отсутствие деревень VI в. до н. э. в глубинных районах Восточного Крыма (см.: Кругликова, 1975. С. 27–28; Масленников, 1998. С. 36). Этот факт, на наш взгляд, заслуживает самого пристального внимания по той причине, что именно сельские поселения могут служить надежным индикатором усиления или ослабления военной угрозы, поскольку они всегда легко уязвимы при нападениях неприятеля, во всяком случае, намного более уязвимы, чем укрепленные стенами города. Сельскую округу городов древние греки называли *хорой*, этот термин вошел в современную науку, и в дальнейшем он будет не раз использоваться на страницах нашего повествования. Дальнейшее изложение продемонстрирует также, что деревни, как грибы после дождя, разрастались в окрестностях греческих городов в благоприятной внешнеполитической обстановке и, напротив, исчезали при возникновении серьезной военной опасности. В этой связи периоды массового появления сельских поселений или, наоборот, их запустения, фиксируемые при археологических исследованиях, следует рассматривать в непосредственной связи с кардинальными переменами военно-политической обстановки в степях Северного Причерноморья.

Необходимо, правда, оговориться, что на Таманском полуострове при археологических разведках зафиксировано немало

остатков сельских поселений середины VI — начала V вв. до н. э. (Абрамов, Паромов, 1993. С. 71 сл.). К сожалению, они почти не подвергались специальному археологическому изучению, но на тех из них, где раскопки все-таки проводились (Артюшенко 1, Волна 1), реконструируется картина не постоянного, а лишь временного пребывания населения (см.: Виноградов Ю. А., 2002. С. 61 сл.; Соловьев, Бутягин, 2002. С. 71). Иными словами, скорее всего, они были сезонными поселениями земледельцев, так что и на азиатской стороне Боспора можно усматривать существование внешней угрозы, препятствующей нормальному развитию жизни на хоре.

В общем, следует признать, что греческие колонисты на Боспоре предпочитали селиться сравнительно крупными поселениями в местах, удобных для обороны, на небольших расстояниях друг от друга. Постепенно эти поселения превратились в города, в основном, сравнительно небольшие (Виноградов Ю. А. 1993; 1999б), которые, тем не менее, достаточно быстро обзавелись фортификационными сооружениями.

Показательно, что среди всех колоний Северного Причерноморья самые ранние оборонительные сооружения были открыты археологами именно на Боспоре — в Мирмекии и Порфмии (рис. 10; Вахтина, Виноградов, 2001). В обоих случаях возведению стен предшествовали масштабные пожары. Необходимо подчеркнуть, правда, что в слоях пожаров не было обнаружено наконечников стрел, обломков оружия и прочих находок, которые позволяли бы уверенно судить о развернувшихся боевых действиях, однако, сама их возможность на Боспоре около середины VI в. до н. э. вполне допустима. На памятниках азиатской стороны также выявлены следы каких-то потрясений, относящихся к весьма раннему времени. Так, на городище Пат-

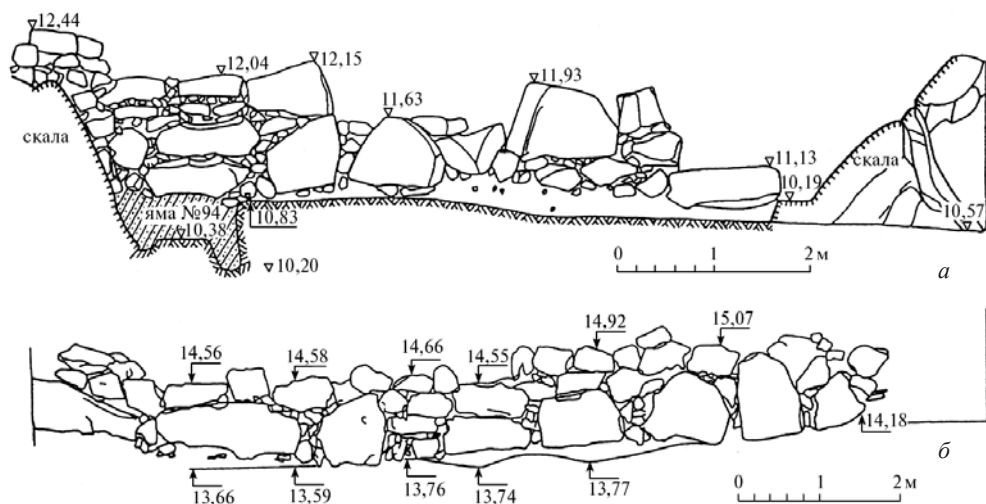

Рис. 10. Ранняя фортификация Боспора
 а — стена мирмекийского акрополя; б — стена Порфмия

рей были открыты следы пожара, который, по заключению Б. Г. Петерса, произошел здесь до 512 г. до н. э. (Петерс, 1989. С. 96–97). В Кехах пожар имел место в третьей четверти VI в. до н. э. (Кузнецов, 1992. С. 32, 42).

Пожары в ранних боспорских поселениях, как видим, датируются по-разному:

середина — третья четверть VI в. до н. э. — до 512 г. до н. э. Последняя необычно точная датировка пожара, происшедшего в Патрее, объясняется тем, что Б. Г. Петерс (1989. С. 96–97) связывал его с походом на Боспор персидского царя Дария, точнее, каппадокийского сатрапа Ариарамна. Об этом походе мы знаем из сообщения Кте-

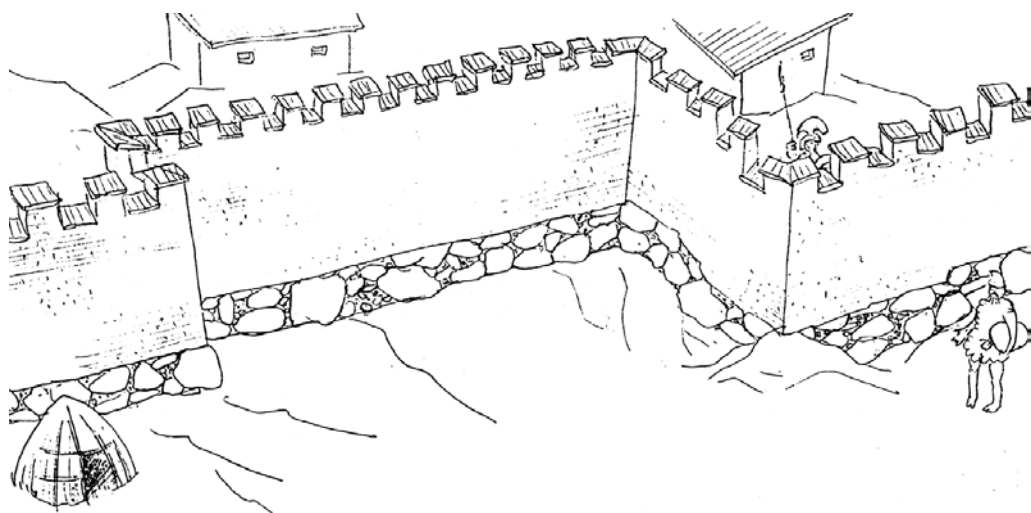

Рис. 11. Укрепления акрополя Мирмекеия второй половины VI в. до н.э. (реконструкция И. О. Гурова)

сия Книдского (Ctesias FrGrHist 688 F 13; Henry, 1959. P. 108), в котором говорится, что персы выступили против скифов на тридцати пятидесятивесельных кораблях. В результате их действий были взяты пленные, в том числе Марсагет, который был братом скифскому царю Скифарбу. Оскорбленный действиями персов Скифарб написал Дарию дерзкое письмо, ответом на его дерзость, по версии Ктесия, стал поход Дария на Скифию, о котором кратко говорилось выше (см. главу 1.2).

Ктесий не сказал ни единого слова о Боспоре, тем не менее, в последние годы наметилась тенденция связывать с походом Ариарамна весьма важные события в истории боспорских колоний, высказана даже гипотеза о их подчинении Персии (Кошеленко, 1999. С. 134 сл.; Яйленко, 2004; Fedoseev, 1997; ср.: Масленников, 1999. С. 175 сл.; Завойкин, 2000. С. 259–261). А. А. Масленников (1999. С. 176) в связи с этим указывает, что следы пожаров локализуются лишь на Боспоре, отсутствуя в Ольвийско-Березанском районе. Это, однако, не совсем так — в низовьях Днепра в середине столетия перестали функционировать производственные комплексы Ягорлыка (Рубан, 1983. С. 289; Полин, 1998. С. 59; Виноградов, Фоняков, 2000. С. 96), обратим внимание и на то, что в северном Приазовье в третьей четверти VI в. до н. э. прекратило существование Таганрогское поселение (Копылов, 1999. С. 174–175). Вполне возможно, что все эти негативные проявления были связаны не с действиями персов, а с первыми проявлениями дестабилизации в регионе, вызванной давлением восточных кочевников, их первыми грабительскими походами на запад (см. главу 2.1). Геродот однозначно указывает, что области к северу от Кавказа не были подчинены персам (Herod. III. 97), по этой причине любые предположения об установлении персидского господства (протектората) над Бос-

пором или какой-либо другой областью северного Понта следует считать лишены оснований (Молев, 2001; Борисова, Молев, 2002. С. 273–274).

В Мирмекии после пожара акрополь (наиболее возвышенная часть поселения) был укреплен каменными стенами. Все удобные для подъема наверх места на склоне горы были перекрыты мощными необычного «мозаичного» вида каменными кладками (ширина — 1 м), примыкающими к обрывистым выходам скалы (рис. 10, а; см.: Виноградов Ю. А., 1995; Вахтина, Виноградов, 2001; Vinogradov, 1999). Эти каменные конструкции, вероятнее всего, представляли собой лишь цокольные части стен, выше которых шла кладка из сырцовых кирпичей, что вообще очень характерно для архитектуры Древней Греции. Стены в совокупности образуют систему (выявленная длина более 20 м), которая состоит из двух уступов или бастионов. Оборонительное значение этой конструкции вполне очевидно (рис. 11). Общий облик ранних укреплений Порфмия очень близок мирмекийским (рис. 10, б; Вахтина, Виноградов, 2001), что заметно выделяет их из совокупности городских стен более поздних эпох. Складывается впечатление, что башен ранние оборонительные системы Боспора не имели, что, кстати, характерно и для метрополии большинства боспорских колоний, города Милета в Малой Азии (Gerkan von, 1925. S. 26 ff.; 37, Abb. 26; Taf. III, IV; Колобова, 1965. С. 57; Долгоруков, 1982. С. 179–180; см. также: Sobet, 1997; Blum, 1999).

На азиатской стороне Боспора остатки ранних укреплений были открыты археологами при раскопках поселения на месте Анапы (древняя Синдская Гавань или Синд). Они сильно отличаются от описанных выше — здесь удалось выявить часть рва (ширина — 2,2 м, глубина — приблизительно 2 м), к которому с внут-

ренной стороны, вероятно, примыкала ограда. Е. М. Алексеева считает, что эта ограда представляла собой древесно-земельную конструкцию, при возведении которой был использован грунт, полученный при рытье рва. По ее заключению, укрепления относятся ко времени возникновения поселения, то есть ко второй половине VI в. до н. э. (Алексеева, 1997. С. 14, 18)³.

Почти нет сомнений, что нападения на греческие поселения Боспора совершали небольшие отряды кочевников, а совсем не крупные армии — малочисленные группы первых колонистов им бы просто не сумели противостоять. В такой ситуации грекам было необходимо научиться договариваться с варварами, и они, как представляется, овладели этой наукой в совершенстве. По одной из версий, сохранившейся в древней письменной традиции, место для основания Пантикапея было получено от скифского царя (*St. Byz. s. v. Παντικάπαιον*). Следует признать, правда, что в таком контексте несколько странным выглядит сообщение Страбона, который, рассуждая об истории Северного Причерноморья, заметил следующее: «Киммерийцев изгнали из страны скифы, а скифов — эллины, основавшие Пантикапей и прочие города на Боспоре» (*Strab. XI. 2, 5*; перев. В. В. Латышева). Когда греки изгнали скифов с Боспора, и было ли это на самом деле, с уверенностью сказать чрезвычайно затруднительно; очень может быть, что этот пассаж Страбона как-то связан с событиями времени Археанактидов, речь о которых пойдет ниже (см. главу 2.1). Во всяком случае, трудно поверить в то, что подобное могло иметь место в момент основания колоний.

³ А. А. Завойкин, впрочем, скептически относится к факту открытия ранней фортификации Синдской Гавани, называя остатки конструкций, выявленных Е. М. Алексеевой, «канавами» (Завойкин, 2006. С. 109).

С другой стороны, вряд ли могут возникнуть сомнения в том, что варварская стихия всегда оставалась малопредсказуемой, и отдельные конфликты колонистов с туземцами, конечно, имели место с самого раннего времени. Для правильного понимания особенностей взаимоотношений греков со скифами, на наш взгляд, принципиальное значение имеют некоторые суждения Лукиана Самосатского, писателя-сатирика, эрудита и интеллектуала своего времени (около 120–190 гг. н. э.). В одном из его диалогов, «Токсарид или дружба», отмечается, что на территорию Боспора совершали нападение отдельные отряды скифов, которые названы разбойниками и за действия которых остальные скифы ответственности не несли (*Luk. Tox. 49*). Ситуацию, которую описал Лукиан, скорее всего, следует относить к началу III вв. до н. э., но вряд ли она была характерна только для этого времени, напротив, такое положение представляется весьма типичным. Вполне возможно, что отдельные разбойничающие отряды скифов могли представлять опасность для греков даже тогда, когда между Скифией и Боспором существовали нормальные отношения, скрепленные договорами и взаимными клятвами. Для разбойников эти договоры и клятвы, конечно, не имели никакого значения. Результатом действий таких разбойничающих групп, вероятнее всего, стали упоминавшиеся выше крупные пожары в Мирмекии, Порфмии и других боспорских поселениях. В связи с этим можно привести и такой показательный археологический факт, как открытие в Нимфее захоронения мужчины, убитого скифской стрелой, наконечник которой застрял в левой лопатке. Погребение датируется последней четвертью VI в. до н. э. (Грач, 1999. С. 28).

Нападениям варваров греки противостояли обычным для них образом, защищая городские стены или же выступая за

их пределы. Вряд ли можно высказывать сомнения в том, что кочевые скифы могли захватить укрепленные города неожиданным ударом. Столь же уверенно можно считать, что они не умели вести правильную осаду городов и штурмовать их и, вероятнее всего, так этому и не научились. По этой причине укрепления греческих городов, какими бы несовершенными они ни казались нам поначалу, в принципе, давали надежную защиту для колонистов. Хорошо известно также, что основу вооруженных сил всех полисов Древней Греции того времени составляли тяжеловооруженные пехотинцы (гоплиты). В случае столкновений с неприятелем в открытом поле они строились фалангой (о ней см.: Андреев, 1993; Нёфедкин, 2004; Lorimer, 1947; Detienne, 1968; Van Wees, 2000). Такое построение воинов сложилось в Древней Греции к VII в. до н. э., т. е. задолго до освоения греками северного берега Черного моря, и представляло собой линейный боевой порядок тяжеловооруженных пехотинцев (гоплитов), тесно сомкнутый в шеренги. Воины строились в длинные шеренги плечом к плечу и одновременно в ряды в затылок друг другу с таким расчетом, чтобы в случае ранения или смерти впереди стоящего, его место занял воин, находящийся сзади. Сомкнув щиты и ошестинившись копьями, фаланга медленно двигалась на врага, — передвижение бегом, о котором изредка сообщают древние авторы (см.: Herod. VI, 112), было, очевидно, исключительным случаем, поскольку построение тогда легко спутывалось, перемешивалось, нарушалась столь необходимая для него монолитность. Весьма уязвимые фланги и тыл фаланги должны были защищать отряды легковооруженных воинов и конницы. По всей видимости, бой начинался с действий именно легковооруженных воинов, затем гоплиты, возможно, бросали в противника метательные

копья, главный же момент этого боя, безусловно, заключался в лобовом столкновении двух фаланг, так сказать, шла «стенка на стенку». После удара копьями начинался рукопашный бой, в котором главную роль играли уже не копья, а мечи; преследование разбитого противника осуществляли отряды конницы и, очевидно, опять же легковооруженные воины.

К слабым сторонам построения фалангой, кроме уже отмеченных обстоятельств, вне всякого сомнения, следует относить и то, что она была абсолютно не приспособлена к действиям на пересеченной местности. Недостатков у фаланги, как видим, было немало, но достоинства ее в сравнении с боевыми порядками (точнее, отсутствием таковых) у потенциальных противников из среды варварского мира были просто неоспоримы. Дело в том, что даже у великолепной скифской конницы тоже были свои слабые стороны. В высшей степени показательно, что Геродот, описывая войну скифов с Дарием, заметил, что скифы всегда побеждали персидскую конницу, но отступали перед пехотой, страшась ее (Herod. IV, 128). Строй пехоты, ошестинившейся копьями, а позднее штыками, становится почти непреодолимым препятствием для конницы. В этом отношении в полной мере можно согласиться со Страбоном, который, вероятно, не очень сильно преувеличивал, когда писал, что «против сомкнутой и хорошо вооруженной фаланги всякое варварское племя и легковооруженное войско оказывается бессильным» (Strab. VII, 3, 17; перев. В. В. Латышева).

Как уже говорилось, фланги этого боевого построения нуждались в прикрытии конницей, которую грекам могли предоставить союзные варварские племена. Союзники, естественно, с успехом выполняли и другие боевые задачи. В раздираемом противоречиями мире племен Северного

Причерноморья для дипломатии греческих государств всегда была весьма важной задачей поиска, так сказать, врагов своих врагов. Для того чтобы склонить часть племен на свою сторону, проводились переговоры с варварскими вождями, в которых греки для достижения успеха применяли самые разнообразные средства и способы. Нет сомнения, что в этих переговорах активнейшим образом использовался мощный фактор вина, к которому туземная элита питала большую слабость. Важную роль играл и откровенный подкуп партнеров. Многие исследователи считают, что в числе многочисленных произведений греческого ювелирного искусства, которые археологи часто находят в скифских курганах, представлено немалое количество так называемых дипломатических даров (Яковенко, 1986. С. 51–52; Виноградов Ю. А., 2005. С. 268; ср.: Wells, 1980. P. 72, 77–78). Такие богатые дары были предназначены для укрепления дружеских связей с варварской аристократией, что, разумеется, способствовало направлению деятельности подвластных ей племен, в том числе и в военной сфере, в выгодном для эллинских колоний направлении. Все эти усилия, несомненно, должны были давать определенный позитивный результат.

Возвращаясь к боспорским колониям, следует признать, что военные акции за пределами укреплений, безусловно, должны предполагать сотрудничество нескольких городов-государств, поскольку сомкнутый строй тяжеловооруженных воинов мог быть эффективным только при условии определенного минимума бойцов. Среднее боспорское поселение даже во время расцвета вряд ли могло выставить больше нескольких десятков воинов, что представляется явно недостаточным для открытого боя, а вот несколько сотен уже можно считать серьезной боевой силой. Потребности обороны от враждебно на-

строенного варварского окружения, как можно считать, достаточно скоро привели к развитию здесь военной кооперации, которая со временем обусловила возникновение оборонительного союза и даже создание единого государства, о чем подробнее будет сказано ниже.

Греки вообще высоко ценили свою систему вооружения, построения фалангой, тактику ведения боевых действий. Несмотря на недостаток конкретных материалов, есть основание считать, что классический для Древней Греции набор вооружения гоплита (т. н. паноплия: шлем, панцирь, круглый щит, поножи, копье и меч) был полностью принесен колонистами на Боспор. Ранних греческих шлемов здесь, к сожалению, не сохранилось, однако, известны два скульптурных изображения в виде шлемов из Пантикапея и Фанагории (Иванова, 1948. С. 31–35; Соколов, 1972. С. 184–191; Толстикова, 1999. С. 122–137), которые, очевидно, венчали надгробные стелы (рис. 12, 4, 5). Оба изображения вырублены из местного известняка, т. е., вне всякого сомнения, изготовлены на Боспоре, что можно считать принципиально важным для реконструкции общего набора вооружения боспорских воинов. Надгробия представляют шлемы так называемого коринфского типа, которые можно датировать не позднее начала V в. до н. э.

Такие шлемы, изготавливавшиеся из бронзы, были широко распространены в Древней Греции. Они хорошо защищали голову воина, полностью закрывали лицо, оставляя горизонтальную прорезь для глаз и вертикальную для облегчения дыхания (Коннолли, 2000. С. 60–61; Dintsis, 1986. S. 87 ff.; Die Funde aus Olympia, 1980. S. 93 ff.). Этот тип, как считается, появился в конце VIII в. до н. э., его «родиной» был город Коринф, хотя, разумеется, подобные шлемы могли изготавливаться и в других центрах. Ранние коринфские шлемы име-

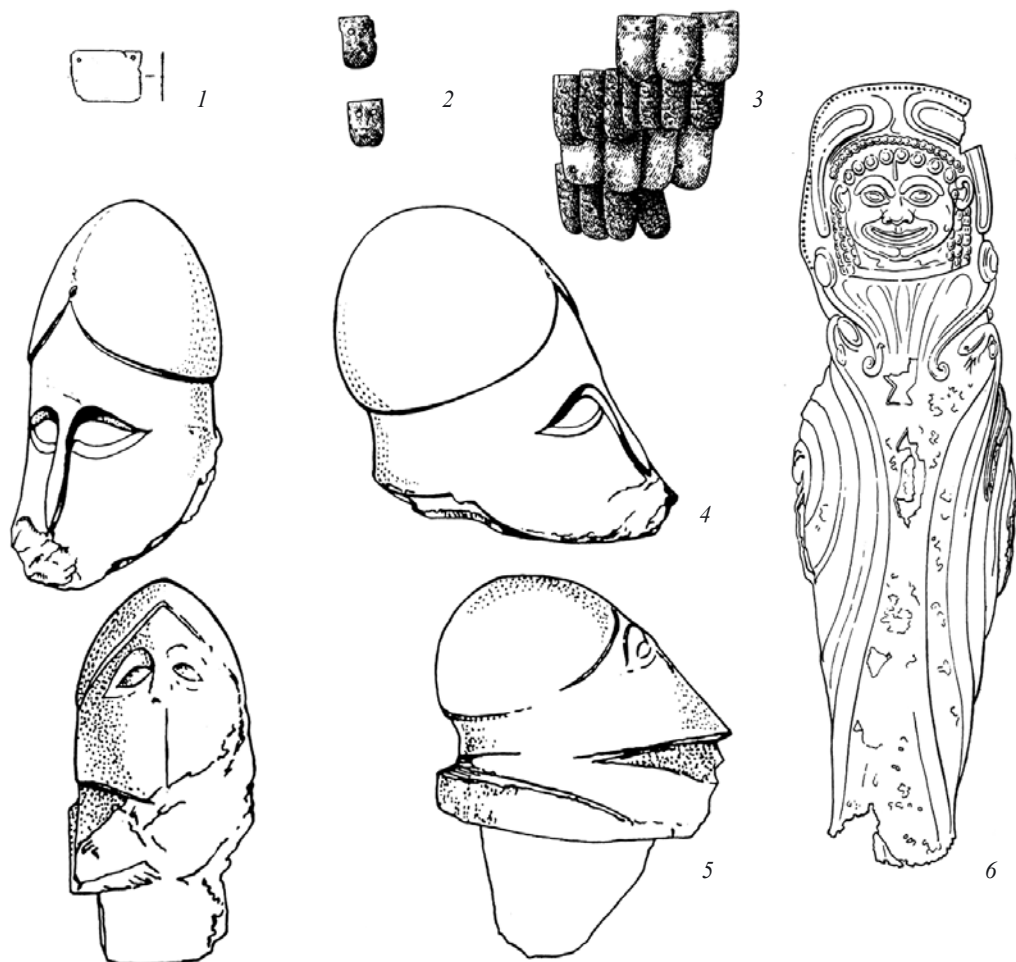

Рис. 12. Защитное вооружение боспорских воинов

1 — бронзовая панцирная пластинка с поселения Вышестеблиевская-11 (по Е. В. Грицик); 2–3 — бронзовые панцирные пластинки из мастерской оружейника в Пантикапее (по И. Д. Марченко); 4–5 — изображения коринфских шлемов (по В. П. Толстикову); 6 — бронзовая поножь из кургана Ашика (1838 г.)

ли почти цилиндрическую форму, классические же шлемы этого типа (приблизительно 650–570 гг. до н. э.) отличались более округлыми очертаниями с выделенным нашейником и несколько оттянутой вперед лицевой частью. За ними закрепилось название «группы Мироса», которое предложил немецкий ученый Э. Кунце, основанием для этого послужил шлем, хранящийся в Будапеште, на котором прочер-

чено имя владельца (Kunze, 1961. S. 77 ff.). Самые поздние коринфские шлемы в Греции относятся к началу V в. до н. э., в них греческие воины вступили в полосу греко-персидских войн. К этому типу, очевидно, следует относить керченские находки.

Поздние образцы коринфских шлемов сосуществовали с новым типом шлемов — халкидским, который сложился во второй половине VI в. до н. э. (Коннолли, 2000. С.

61; Kunze, 1967. S. 135–183; 1996; Dintsis, 1986. S. 135 ff.). Эти шлемы имели выделенный нащечник, наносник и нащечники; нащечники были двух вариантов — неподвижные и подвижные, т. е. прикрепленные к шлему на петлях (см. рис. 23, 3; 42, 3). Сформировавшись, вероятно, в области материковой Греции (Халкидике), этот тип впоследствии пользовался весьма широкой популярностью и, подобно коринфскому, мог изготавливаться в самых различных производственных центрах. На Боспоре находки таких шлемов относятся к сравнительно позднему времени (IV в. до н. э.), о чем подробнее будет сказано ниже.

Тип шлемов, по конструкции близких халкидским, но все-таки отличающихся в некоторых деталях, часто воспроизводится на многочисленных аттических черно- и краснофигурных вазовых росписях. По этой причине его порой именуют аттическим (Dintsis, 1986. S. 105 ff.). На Боспоре шлемов этого типа не находили, в других частях античного мира — как будто бы тоже.

В связи с изображениями шлемов в древнегреческом искусстве необходимо обратить внимание на одно любопытное обстоятельство. На памятниках греческой скульптуры, рельефах и росписях коринфские шлемы встречаются достаточно часто и довольно долго, даже тогда, когда они уже давно вышли из употребления и в реальной жизни доминировали халкидские. Есть веские основания считать, что такие изображения можно трактовать как признак героизации представленных персонажей. Коринфский шлем в этих композициях как бы возвращал зрителей к далеким, славным временам, ставил современных воинов в один ряд с «бойцами марафонскими», героями Фермопильского ущелья и т. п. Уже говорилось, что на Боспоре известны находки шлемов халкидского типа, но на произведениях боспорского искусства можно видеть только коринф-

ские (рис. 12, 4–5; 38), и такое положение, конечно, нельзя считать случайным.

Среди защитного вооружения тяжело-вооруженного воина большое значение имел большой круглый щит (0,80–1 м в диаметре), который был создан греками в конце VIII в. до н. э. (Коннолли, 2000. С. 51 сл.; Snodgrass, 1964. P. 61 ff.) В научной литературе он получил наименование аргивского. Важнейшее отличие этого щита от более ранних заключается в том, что он имел не одну, а две ручки на внутренней стороне: первая находилась в центральной части, через нее левая рука воина пропущалась почти по локоть, вторая ручка находилась у самого края, она удерживалась кистью руки⁴. Порой эта ручка заменялась веревочкой, пропущенной через небольшие петли по всему периметру щита. Современному человеку, привыкшему видеть изображения воинов на произведениях античного или средневекового искусства, кажется вполне очевидным, что щит с двумя ручками существовал всегда, так сказать, изначально. На самом деле, это, конечно, не так. Самые ранние щиты, в том числе и на территории Греции, имели одну ручку и представляли собой что-то вроде заслонки, не очень удобной на поле боя, в особенности в регулярном боевом построении (Snodgrass, 1964. P. 37 ff.). Древние греки в конце VIII в. до н. э., поместив на щит вторую ручку, произвели настоящую революцию в военном деле. Следует отметить, правда, что далеко не все древние народы, даже имевшие тесные связи с греками, переняли у них это изобретение. У скифов, к примеру, щиты оставались такими же «заслонками» даже в IV в. до н. э. (рис. 40). Необходимо особо подчеркнуть, что вве-

⁴ Геродот сообщает, что первыми приделывать ручки на щит научились карийцы, они же стали изображать на щитах эмблемы и крепить к своим шлемам султаны. Все это впоследствии было перенято греками (Herod. I, 171).

дение второй ручки значительно расширило боевые качества щита, позволило изменить всю тактику ведения боевых действий; некоторые ученые даже считают, что именно новый тип щита создал возможность построения фалангой, сделал греческую пехоту непобедимой на протяжении столетий (Snodgrass, 1964. P. 68.).

Круглые щиты гоплитов изготавливались из дерева, иногда полностью покрывались листом бронзы, но чаще обтягивались кожей и обивались по краю металлом, в центральной части порой крепилась специальная эмблема, которая первоначально, скорее всего, связывалась с какими-то сакральными представлениями. В архаическое время эмблема изготавливалась из бронзы в виде плоской фигурной пластины или рельефа, часто с изображением животных, птиц, личины горгоны Медузы или т. п.; она, безусловно, служила дополнительным усилением щита. Во время войн с персами распространился обычай прикреплять к нижней части щита специальный коврик (фартук), который предохранял ноги от неприятельских стрел (Jarva, 1987). В археологических контекстах находки щитов чрезвычайно редки, поскольку органические материалы, из которых они изготавливались, легко разрушались. При раскопках погребений и святилищ, правда, порой встречаются металлические обивки таких щитов, бронзовые бляхи и т. п. (см.: Kunze, 1958; Die Funde aus Olympia, 1980. S. 104 ff.), но на Боспоре подобных находок, относящихся к времени греческой колонизации района, пока не известно. Во всем Северном Причерноморье лишь при раскопках Ольвии была открыта бронзовая пластина от аргивского щита (Русяева, Назаров, 1994).

При раскопках на Боспоре также не отмечено и находок греческих металлических панцирей, хотя их бытование здесь не вызывает особых сомнений. Панцирь — это

важная составная часть оборонительного вооружения воина Древней Греции (Коннолли, 2000. С. 54 сл.; Snodgrass, 1964. P. 71 ff.; Jarva, 1995) Наиболее ранняя находка греческого доспеха относится к последней четверти VIII в. до н. э. — это бронзовый панцирь из Аргоса так называемого колоколовидного типа, аналогичные доспехи происходят из Центральной Европы (см.: Сидорова, 1965. С. 62–63; Snodgrass, 1964. P. 83–84, Pl. 30–31). Он состоит из двух половин (передней и задней), скрепленных между собой системой застёжек и шпилек. Любопытно, что на обеих частях условно воспроизведены анатомические детали: мышцы живота, груди — на передней части и, соответственно, лопатки — на задней.

Нет сомнения, что тогда и позднее в Древней Греции широко бытовали более легкие и дешевые холщовые панцири. Металлический доспех с течением времени трансформировался в элегантную «мускульную кирасу» (или «анатомический» панцирь), название которой, закрепившееся в научной литературе, происходит от четкой моделировки мышц живота, груди и спины на ее поверхности. Греки, очевидно, называли этот доспех «торакас» (Snodgrass, 1964. P. 76).

Несмотря на отмеченное выше отсутствие находок греческих панцирей на Боспоре, в археологических реалиях района все-таки имеется одна любопытнейшая находка, которую вполне можно связывать с боспорскими колониями. Имеется в виду нагрудная часть бронзовой кирасы, обнаруженная при раскопках одного из Елизаветинских курганов в Прикубанье (рис. 13). Ее размеры — 44 × 41 см, толщина бронзового листа — до 1 мм. На кирасе в невысоком рельефе представлена личина Медузы, все подробности изображения которой, по выражению автора находки Н. И. Веселовского, «имеют целью производить устрашающее, отталкивающее впе-

чатление» (Веселовский, 1918. С. 3). Глаза чудовища широко открыты, курносый нос приплюснут, щеки неестественно раздуты, зубы оскалены, из широко растянутого рта справа и слева торчит по паре изогнутых клыков, из волос выползают восемь бородатых змей. Такое изображение, конечно, служило для того, чтобы оберечь владельца панциря от всяческих напастей, отвести от него удары вражеских мечей и копий. Близких аналогий елизаветинскому нагруднику среди имеющихся находок греческих панцирей, а также их изображений на памятниках древнего искусства найти не удастся (см. Jarva, 1995. P. 17 ff.). В. Д. Хэнсон правильно указывает, что столь пышно декорированный доспех мог принадлежать только богатому человеку и, вероятно, использовался в специальных церемониях (Hanson, 1999. P. 19). Практически нет сомнений и в том, что в руки варварского вождя, погребенного в прикубанском кургане, доспех попал с Боспора, возможно, в виде дорогого (дипломатического?) подарка.

Н. И. Веселовский датировал находку концом V или началом IV в. до н. э. (Веселовский, 1918. С. 8), и такая атрибуция закрепились в научной литературе (см. Артамонов, 1966. С. 41; Античная художественная бронза, 1973. С. 29–30. № 76), хотя и вызвала некоторые сомнения. Пышная орнаментация защитного вооружения в Древней Греции, как известно, была обычна не в IV в. до н. э., а в значительно более раннее время (Коннолли, 2000. С. 59; Jarva, 1995. P. 25 ff.; Snodgrass, 1999. P. 92). Вся стилистика украшений нагрудника близка времени архаики, что позволило Е. Ярве датировать его не ранее середины VI в. до н. э. (Jarva, 1995. P. 27–28; ср. Виноградов Ю. А., 2005). М. Ю. Трейстер, проанализировавший особенности орнаментации панцирной пластины, пришел к заключению, что ее следует считать не архаической, а архаизи-

Рис. 13. Бронзовый нагрудник из Шестого Елизаветинского кургана.

рующей, и, соответственно, сам нагрудник датировать первой половиной IV в. до н. э. (Трейстер. 2008. С. 274).⁵

Некоторые археологические материалы позволяют предполагать, что боспорские колонисты могли использовать панцири не только греческих типов, но и местные, варварские. Весьма показательные в этом отношении находки были сделаны при исследовании позднеархаической мастерской оружейника в Пантикапее (Марченко И. Д., 1971). Кроме бронзовых наконечников стрел скифских типов, здесь изготавливались также пластинчатые панцири. В мастерской было обнаружено много панцирных чешуек (до 250 экземпляров), большая часть из которых была сделана из железа (около 200 экземпляров), остальные — из бронзы (рис. 12, 2, 3). Это открытие позволяет с полной

⁵ Надо признать, что греческое защитное вооружение времени архаики часто богато орнаментировалось и выглядело очень нарядно. В качестве примера можно указать на так называемые критские «митры» — бронзовые полукруглые пластины, крепившиеся на пояс воина под нижним краем панциря (Hoffmann, 1972. P. 9 ff.).

определенностью утверждать, что в Пантикапее было налажено производство пластинчатых доспехов, аналогичных бытовавшим в Скифии (см. главу 1.2). Очень может быть, что они изготавливались здесь не только на продажу в варварскую среду, но и, так сказать, для внутреннего потребления. Такое предположение имеет некоторые подтверждения в находках панцирных пластин, сделанных при раскопках боспорских поселений, к примеру, Вышестеблиевской-11 на Таманском полуострове (рис. 12, 1; Грицик, 2004. С. 105, 107).

Набор защитного вооружения греческого тяжеловооруженного воина завершают поножи («кнемиды»), которые защищали голень от стопы до колена. Логично предполагать, что их прототипом были какие-нибудь кожаные защитные приспособления, позднее дополненные металлическими деталями (см.: Snodgrass, 1964. P. 86 ff.). Каноническую форму кнемиды получили с VII в. до н. э., когда их высота стала составлять приблизительно 40 см. Поножи архаического и классического времени изготавливались из бронзового листа, плотно облевали ногу и не имели специальных скрепов в задней части (см.: Коннолли, 2000. С. 59 сл.; Gaerte, 1920; Kunze, 1991). Как и панцири, их поверхность часто имела орнаментацию, передававшую форму мышц икры и коленной чашечки, или же украшалась иным образом.

По подсчетам Л. К. Галаниной, на Боспоре найдено 15 экземпляров поножей, что составляет приблизительно четверть всех подобных находок в Северном Причерноморье (Галанина, 1965. С. 5–27). Считается, что все они относятся к IV в. до н. э., однако это не совсем так: среди древностей Боспора Киммерийского известны явно более ранние, великолепно орнаментированные бронзовые поножи, обнаруженные в одном из курганов под Керчью, так называемом кургане Ашика (рис. 12, б).

Опять необходимо обратить внимание, что лишь архаические греческие поножи, как и панцири, имели богатую орнаментацию (см.: Kunze, 1991. S. 68; Jarva, 1995. P. 94). Коленные чашечки керченской находки украшены масками горгоны Медузы; на выпуклостях, соответствующих икроножным мышцам, помещено по волоте; валики, имитирующие длинные узкие мышцы голени, заканчиваются головами бородастых змей. Вдоль края имеются мелкие отверстия, образующие как бы кайму, что характерно для подобных изделий времени архаики. По стилистике украшения и даже по набору орнаментальных сюжетов поножи очень близки приведенной выше находке нагрудной части кирасы из Прикубанья, и, соответственно, их следует датировать второй половиной VI в. до н. э. (Виноградов Ю. А., 2004. С. 54). Вообще же следует особо подчеркнуть, что кираса из Елизаветинских курганов и поножи из кургана Ашика являются самыми ранними и, безусловно, самыми эффектными деталями греческого защитного вооружения из обнаруженных не только на Боспоре, но и в других центрах греческой колонизации Северного Причерноморья.

Наступательное вооружение греческих воинов, как уже говорилось, в основном, состояло из копья и меча, при этом копье («дóрю») являлось главным видом оружия гоплита, а меч — лишь вспомогательным. Показательно, что греческие поэты как будто никогда не употребляли в отношении прославленных воинов таких, казалось бы, вполне обычных выражений, как «Меченосец», «Первый меч Афин» или «Лучший меч Милета» (Hanson, 2000. P. 114), но царя Трои Приама великий Гомер, как известно, называл «Копьеносцем», и это, разумеется, совсем не случайно.

Длина греческого копья достигала 2–3 м. Его железный наконечник имел листовидную форму на вытянутой втулке (см.: Weber,

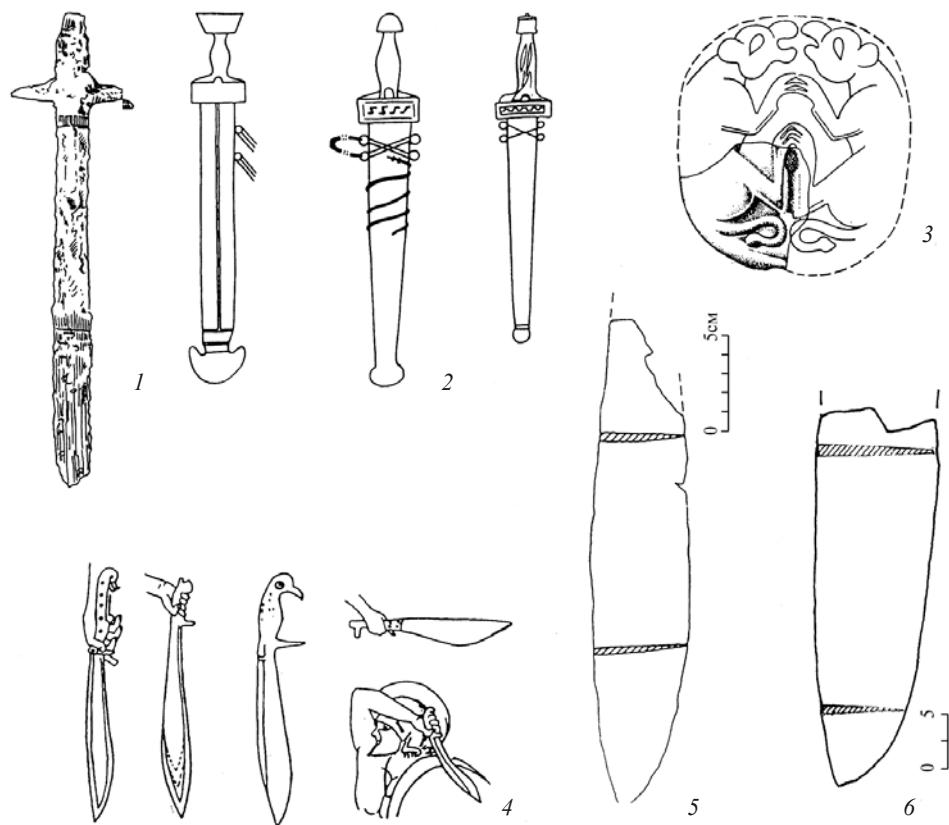

Рис. 14. Древнегреческие мечи

1 — ксифос из Британского музея (по Е. В. Черненко); 2 — ксифосы по изображениям на аттических вазах; 3 — предполагаемый вид бутероли, отлившейся в пантикапейской форме (по И. Д. Марченко); 4 — махайры по изображениям на аттических вазах; 5 — обломок махайры из Мирмекия; 6 — обломок махайры с поселения Вышестеблиевская-11 (по Е. В. Грицик)

1944; Baitinger, 2001. S. 33 ff.). С противоположной стороны древка некоторые копья имели наконечники-втоки, сделанные из бронзы или железа (см.: рис. 38, 1; Baitinger, 2001. S. 54 ff.). Вток служил противовесом, позволял легко воткнуть копьё в землю для получения упора, а также, вероятно, мог использоваться для защиты в случае поломки копья и утери его передней части⁶.

⁶ Арриан, описывая сражение Александра Македонского с персами у Граника (334 г. до н. э.), отметил, что один из македонян, копьё которого сломалось, отбивался от врагов его обломком (Arr. Anab. I. 15,6).

Железные мечи появились на территории Греции в XI в. до н. э., именно они, а не серпы или кухонные ножи были здесь самыми первыми железными орудиями. Первоначально эти мечи повторяли формы своих предшественников бронзового века (Коннолли, 2000. С. 63; Remouchamps, 1926; Snodgrass, 1964. P. 93 ff.), среди которых было немало довольно длинных экземпляров (0,75 м и более), но постепенно все отчетливее стала проявляться тенденция к их уменьшению. В настоящее время можно утверждать, что классический тип греческого двулезвийного меча, так назы-

ваемый «ксифос», сложился к середине VI в. до н. э. (Baitinger, 2001. S. 76), во всяком случае, к началу греко-персидских войн он уже, безусловно, существовал. Этот меч имел прямой или сильно вытянутый листообразный клинок (длина — около 0,60 м), с металлическим перекрестием и навершием на конце рукояти (рис. 14, 1, 2). Ножны имели завершение в виде насадки округлой формы (бутероли). Ксифос мог использоваться для нанесения рубящих и колющих ударов; в отличие от копья, он был вспомогательным оружием гоплита.

Если судить по многочисленным вазовым росписям, ксифос носился на косой перевязи выше пояса воина, почти подмышкой. Это было нужно для того, чтобы в случае необходимости его можно было легко достать; при извлечении меча, как можно полагать, плечом левой руки, которой удерживался щит, оружие без труда прижималось к боку. Нижний конец ножен с бутеролью, вероятно, был достаточно тяжелым, чтобы меч в таком положении сохранял равновесие и при резком движении, особенно в боевой обстановке, не переворачивался ручкой вниз, что могло привести к его потере.

В. П. Толстиков считает, что после первой четверти IV в. до н. э., возможно в результате военной реформы македонского царя Филиппа, в конструкции ксифоса произошла серьезная модификация. По его мнению, тогда были увеличены массивность и вес эфеса меча, что было сделано за счет увеличения толщины перекрестия. Перекрестие выковывалось вместе с клинком из одного куска стали и, как представляется В. П. Толстикову, стало очень массивным (Толстиков, 1999. С. 129). Такая реконструкция, однако, вызывает серьезные сомнения. Прежде всего, тяжелый эфес непременно должен нарушать привычную уравновешенность оружия, что,

как отмечалось, угрожало его потерей на поле боя. Что касается изображений ксифосов с «широким» перекрестием на произведениях античного искусства, на которые ссылается автор, то, скорее всего, мы здесь имеем дело не с модификацией рукояти меча, а с новой модой оформления верхней части ножен. В своей верхней части ножны ксифосов всегда делались в виде довольно широкой обоймы. С IV в. до н. э. эта обойма стала более массивной, она выступала за боковые края ножен, внутри появилась выемка, в которую входило перекрестие меча, так сказать, «утапливалось» в нее (Künzl, 1997. S. 61–62, Abb. 1; Baitinger, 2001. S. 61–62, Taf. 66, 1338, 1339). В общем, имеющиеся материалы не позволяют согласиться с В. П. Толстиковым; ксифосов с «широким» перекрестием, на наш взгляд, вообще никогда не существовало.

Близко по времени с ксифосом, но все-таки несколько поздней, возможно, в третьей четверти VI в. до н. э., появился меч, который назывался «махайра», или «копис» (Baitinger, 2001. S. 79). Это был однолезвийный, несколько изогнутый меч рубящего действия, который внешне напоминал более поздний турецкий ятаган (рис. 14, 4). Очертания его лезвия таковы, что при нанесении удара махайра смещалась в сторону от наносящего удар, по этой причине рукоять всегда имела завершение в форме крючка, помогавшее удержать меч в руке; иногда это завершение оформлялось в виде головки птицы или т. п. Происхождение махайры не вполне ясно — предположения об иллирийских, этрусских и др. прототипах не убедительны (Коннолли, 2000. С. 63). Наиболее вероятно, что махайра проникла в Древнюю Грецию, а также во Фракию, Италию, Иберию с Востока. В Иберии даже сложился своеобразный тип изогнутого меча — «фальката» (De Hoffmeyer, 1972. P. 26 ff.). У него в

отличие от махайры затачивался не только нижний край лезвия, но и треть верхнего, начиная от острия. Таким образом, фальката могла служить для нанесения как рубящих, так и колющих ударов. Негреческое происхождение махайры, возможно, сказалось и в том, что греческие художники (вазописцы, торевты и др.) изображали именно этот меч в сценах несправедливых убийств, кровавой резни и т. д. (Roux, 1964).

Лук и стрелы не получили в Древней Греции широкого распространения. В «Описании Эллады» Павсания говорится, что «у эллинов, за исключением критян, не было обычая стрелять из лука» (I. 23,4; перев. С. П. Кондратьева). Такое положение вызывает определенное недоумение, поскольку лук достаточно популярен в греческом эпосе (вспомним лук Одиссея и избиение с его помощью женихов Пенелопы), он являлся одним из атрибутов Геракла, известны даже боги-лучники: Аполлон, Артемида. На вазах геометрического стиля (XI–VIII вв. до н. э.) выделяются три типа луков: европейский простой; одноизогнутый сложный, т. е. состоящий из нескольких пород дерева, дерева и кости и т. п.; сложный с двойным изгибом, который иногда именуется скифским. Последний, правда, мог быть развитием более древнего лука минойского типа, сохранившегося на Крите (Snodgrass, 1964. P. 141 ff.). Именно критяне, наряду со скифами, составляли наемный контингент стрелков из лука, которые в случае необходимости привлекались различными греческими городами-государствами. Тем не менее есть веские основания считать, что греки, так сказать, приняли на вооружение лук «скифского» типа, более того, они распространили его на запад (Rausing, 1967. С. 141–142).

При раскопках поселений, а также на местах сражений в Греции найдено немало наконечников стрел (см.: Nicholls, 1958–

1959. P. 129–130; Erdman, 1973; Buchholz, 1976; Maass, 1984; Baitinger, 2001. S. 5 ff.). По способу крепления к древку их можно разделить на два основных типа — черешковые и втульчатые. Черешковые наконечники появились в Анатолии и Египте еще в бронзовом веке, затем они получили распространение в Эгеиде. Что касается более поздних времен, то их находки на территории Греции, относящиеся к IV в. до н. э., можно связывать с присутствием здесь критских лучников; на Крите даже известны монеты с подобными изображениями (Snodgrass, 1964. P. 143, 147–148). Бронзовые литые втульчатые наконечники стрел, которые происходят из Греции, имеют близкие восточные аналогии. Они могли попасть сюда разными путями: из Скифии, из Скифии через Фракию и т. д. Разумеется, стрелы несли с собой восточные завоеватели — киммерийцы, персы и пр. Со всем не удивительно, что втульчатые наконечники стрел являются достаточно обычной находкой при раскопках греческих колоний на территориях, примыкающих к скифским степям, в том числе и на берегах Керченского пролива (см. рис. 17, 18, 23, 1, 41, 2).

Вообще же на Боспоре находок наступательного вооружения известно довольно много, по большей части они происходят из погребений. Наконечники копий при этом представлены вполне обычными для Древней Греции, можно даже сказать, интернациональными типами (рис. 15, 1–3). Сложнее обстоит дело с находками мечей, поскольку при их изучении возникает одно странное обстоятельство дело в том, что материалы раскопок греческих некрополей как азиатского, так и европейского Боспора дают в основном мечи местных типов, характерных для варварских племен Северного Причерноморья (рис. 15, 4–5; 16, 1–7), подробнее о них говорилось в предыдущей главе, а вот в поселениях, пусть

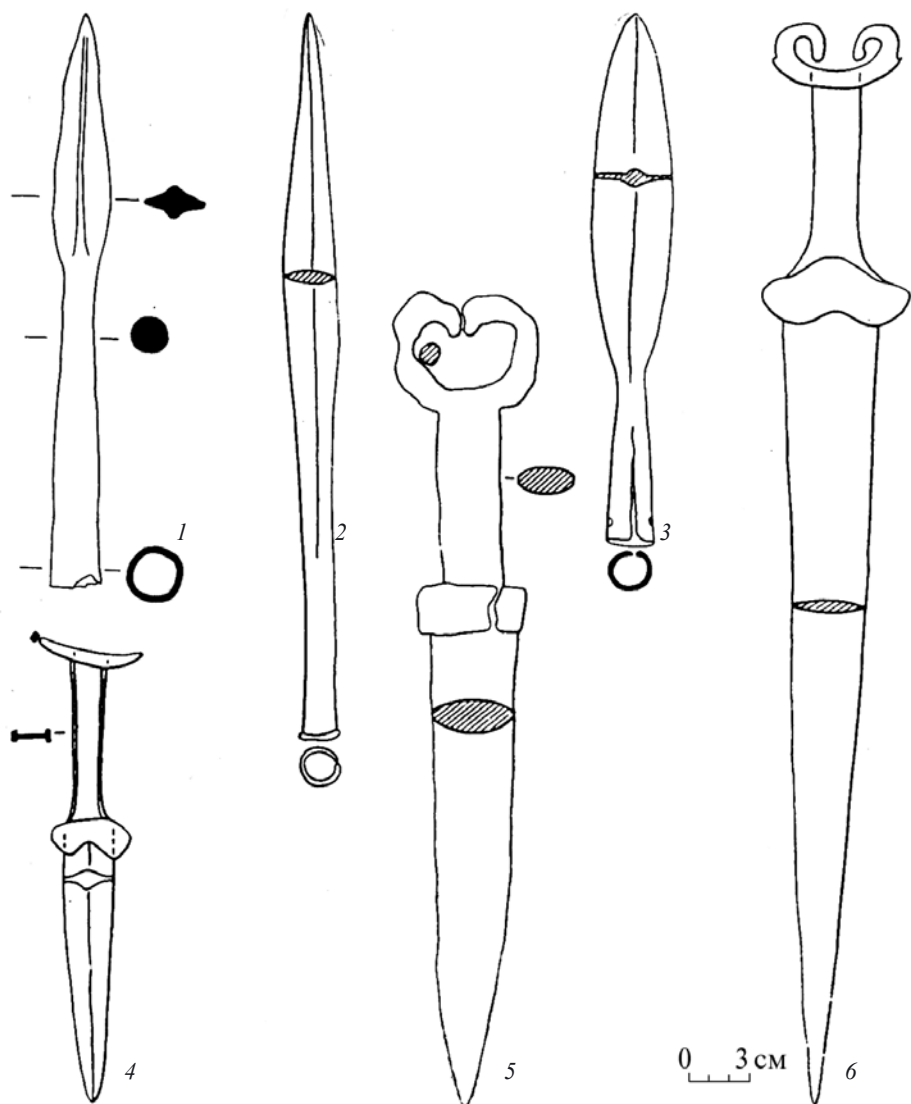

Рис. 15. Находки наконечников копий (1–3) и мечей (4–6)
1 — Мирмекий; 2–6 — Синдская Гавань (по Е. М. Алексеевой)

весьма редко, встречаются образцы греческого происхождения.

Среди последних — обломок греческого однолезвийного меча типа махайры (Виноградов, 1997. С. 141–142; 1999), обнаруженный при раскопках Мирмекия (рис. 14, 5). Эту находку можно отнести к концу

VI в. до н. э. или даже к последней четверти столетия, что позволяет считать ее одной из самых ранних находок оружия подобного рода на античных памятниках Северного Причерноморья. Еще один обломок махайры происходит с поселения Вышестеблиевская-11 на Таманском полу-

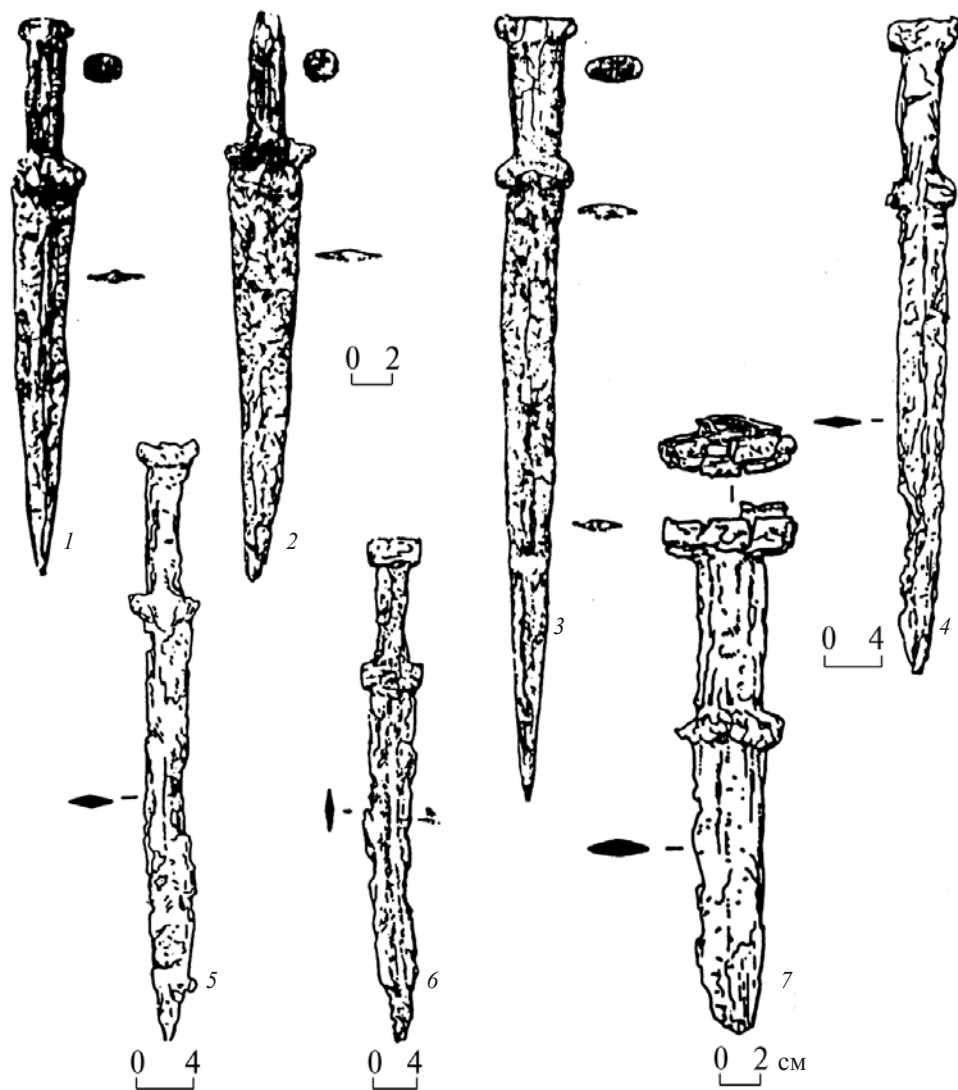

Рис. 16. Мечи местных типов из некрополей Боспора
1–3 — Тирамба (по А. К. Коровиной); 4–7 — Нимфей (по Н. Л. Грач)

острове (рис. 14, б), но он датируется первой половиной IV в. до н. э. (Грицик, 2004. С. 106). На Боспоре такие находки известны и для более позднего времени (см. ниже), и, в общем, имеются основания считать, что махайры пользовались особой популярностью среди греческих колонистов

Боспора и более того — всего Северного Причерноморья.

Другой тип греческого меча — двулезвийный колюще-рубящий ксифос — в боспорских материалах не представлен, однако, его существование и использование здесь вряд ли можно оспаривать. В связи

с этим необходимо обратить внимание на фрагмент створки каменной литейной формы VI в. до н. э., обнаруженный в Пантикапее в 1957 г., на которой в геральдической позе были изображены два льва или грифона (рис. 14, 3; Марченко И. Д., 1962). Долгое время считалось, что эта форма использовалась для отливки блях, орнаментированных в так называемом скифском зверином стиле (Блаватский, 1964. С. 40–41; Онайко, 1966. С. 164–165). М. Ю. Трейстер, специально исследовавший находку, пришел к иному заключению: форма применялась для изготовления наконечников ножен мечей (бутеролей), имеющих сходство с бутеролями греческих ксифосов и наконечниками ножен парадных мечей, бытовавших у скифской знати (Трейстер, 1988. С. 46–48; 1992. С. 74–75; 1998. С. 131–132). Н. А. Онайко также предполагала, что в боспорских мастерских были произведены некоторые парадные мечи, найденные в скифских курганах (Онайко, 1966).

Обозначенное выше расхождение двух главных категорий археологических памятников (поселения и могильники) в отношении находок мечей, характерное не только для Боспора, но и для другого центра греческой колонизации Северного Причерноморья — Ольвии, заслуживает специального внимания (Виноградов, 1997. С. 143–144). На наш взгляд, распространение мечей местных типов в погребальной практике не обязательно свидетельствует о возрастании роли легковооруженной пехоты в боспорском войске, как это предполагает Д. В. Григорьев (2000. С. 32). Варварские мечи вполне могли иметь особое символическое значение в весьма своеобразной, деликатной сфере представлений, связанных с загробным миром.

В отношении организации войск и особенностей ведения боевых действий греками на Боспоре наши знания весьма ограничены по причине недостатка конкретных

материалов, но все-таки можно считать, что фаланга здесь сохранила свое значение. Действия фаланги, как представляется, стали осуществляться при активном взаимодействии с отрядами конницы. Нельзя исключать, что в определенных ситуациях такие отряды могли использоваться для проведения самостоятельных операций. Конница, разумеется, могла быть предоставлена греческим государствам союзными варварскими племенами, но, по всей видимости, этим дело не ограничивалось. В связи с изложенным можно еще раз обратить внимание, что главными противниками греков-колонистов в это время, вероятнее всего, были не крупные кочевнические армии, а отдельные небольшие группы конников, тактика действий которых сводилась к простой формуле: «Неожиданно нападать, грабить, убегать». В такой ситуации фалага тяжеловооруженной пехоты, конечно, малоэффективна, она, скорее всего, вообще не могла ничего предпринять против мобильных отрядов конницы, которые к тому же совсем не стремились вступить в сражение, а, напротив, уклониться от него. Успешнее противостоять разбойникам могли столь же подвижные отряды греческой конницы, которые были в состоянии встретить врага в открытом поле или хотя бы организовать его преследование. Содержание боевого коня, приобретение всего необходимого снаряжения и вооружения, вне всяких сомнений, было делом весьма дорогим, доступным лишь самым состоятельными людям, прежде всего, аристократам. Думается, что именно греческая аристократия боспорских колоний сравнительно быстро стала предпочитать конный строй традиционному пешему порядку фаланги. В связи с этим представляется вполне логичным, что выходцы из знатных родов самым внимательным образом присматривались к вооружению и особенностям боевых действий конницы

кочевников и, соответственно, восприняли некоторые важные особенности военного опыта номадов. Все это, однако, еще не позволяет согласиться с мнением видного скифолога Е. В. Черненко, который считал, что уже на самом раннем этапе истории греческих колоний Северного Причерно-

морья в них стало преобладать скифское вооружение, а тяжелая пехота была заменена конницей (Черненко, 1979. С. 185–186). Нет, фаланга здесь, скорее всего, не исчезла, но продолжала существовать, успешно сочетаясь с отрядами конницы.

Глава 2

БОСПОР В БОРЬБЕ СО СКИФСКОЙ АГРЕССИЕЙ

2.1. Союз Археанактидов

Приблизительно на рубеже VI–V вв. до н. э. военно-политическая обстановка в степях Северного Причерноморья резко изменилась, что, очевидно, следует связывать с вторжением сюда с востока новой группы кочевников (Виноградов, Марченко, 1991. С. 150; Алексеев, 1992. С. 109; 2003. С. 156 сл.). Весьма вероятно, что именно эту группу Геродот называл «царскими» скифами, сообщая при этом, что они были самыми сильными и всех остальных скифов считали своими рабами (Herod. IV. 6). Вполне возможно, что самоназвание этой кочевнической группировки было «сколоты» (Виноградов Ю. А., 2001; ср. Исмаилов, 1993. С. 63). Любопытно, что «Отец истории» в их отношении заметил, что они сами себя скифами не считали, но их так именовали окружающие (Herod. IV. 6).

Вследствие вторжения новых номадов и связанной с этим дестабилизацией обстановки в степях, ситуация для всех греческих государств региона, в том числе и для колоний Боспора Киммерийского, стала очень опасной приблизительно к 480 г. до н. э. Наиболее показательным результатом негативного развития военно-политической ситуации стало крушение сложившейся системы жизнедеятельности на сельских территориях в окрестностях гре-

ческих городов. Именно в это время исчезли многочисленные сельские поселения Нижнего Буга и Днестра (см.: Марченко, 1980. С. 142–143; Виноградов Ю. Г., 1983. С. 402; Охотников, 1990. С. 70; Vinogradov, 1980. S. 71; Ochotnikov, 2001. P. 103). Тогда же прекратилась жизнь во всех известных сельских поселениях Восточного Крыма, хотя они, как говорилось выше, были немногочисленны (Масленников, 1998. С. 38). Изучение сельских поселений азиатского Боспора только начинается, но уже сейчас можно сказать, что одно из них, Артющенко I, не пережило этого рокового рубежа (Виноградов Ю. А., 2001а. С. 18), в пределах второй половины V в. до н. э. прекратилась жизнь на Алексеевском поселении около Анапы (Салов, 1986. С. 195; Алексеева, 1991. С. 18–19). Опубликованные материалы архаического Торика позволяют предполагать, что его развитие оборвалось приблизительно в начале этого же столетия (см.: Онайко, 1980. С. 141 сл.).

Есть веские основания считать, что от вражеских нападений пострадали даже некоторые боспорские города. Слой пожара и разрушений 490–480 гг. до н. э. обнаружен в Пантикапее (Толстиков, Журавлев, Ломтадзе, 2003. С. 323–324), весьма показательным, что из него происходит немало трехгранных бронзовых наконечников стрел скифского типа (рис. 17). Следы масштабного пожара, происшедшего около 480 г. до н. э., открыты также при раскопках Мирмекия (Виноградов, Тохтасьев, 1994. С. 54–63). Здесь среди развалин построек, груд битой посуды и прочего было найдено немало весьма показательных вещей: бронзовые наконечники стрел, некоторые из которых имеют погнутые острия (иными словами, явно использованные в боевой обстановке), детали снаряжения скифских коней и т. д. (рис. 18). Показательно, что в западной части Мирмекия на участке, плотно застроенном в

последней трети VI — первой четверти V в. до н. э., фиксируется явное запустение во второй четверти столетия (Виноградов Ю. А., 1991. С. 76). Вполне очевидно, что пожары и разрушения в Пантикапее и Мирмекии были, скорее всего, связаны с нападениями скифов.

Следы пожаров и разрушений, датирующиеся первой половиной V в. до н. э., открыты и в других боспорских поселениях. В. П. Толстикова, специально собиравший материалы по этому вопросу, отмечает, что такие слои зафиксированы в Нимфее, Тиритаке, Зеноновом Херсонесе, Фанагории и Кепях (Толстикова, 1984.

С. 30 сл.), при этом в слое пожара в Фанагории были обнаружены даже обломки железных мечей местных типов (Кобылина, 1983. С. 53). В дополнение к этой сводке можно заметить, что следы пожара первой трети V в. до н. э. открыты также в Порфмии (Вахтина, 1995. С. 33), а в раннем поселении на месте Анапы (Синдской Гавани) все постройки погибли в огне во второй четверти того же столетия (Алексеева, 1997. С. 18).

Обычно с временем военной опасности в научной литературе связывается такое весьма специфическое явление, как массовое сокрытие монетных кладов. Само

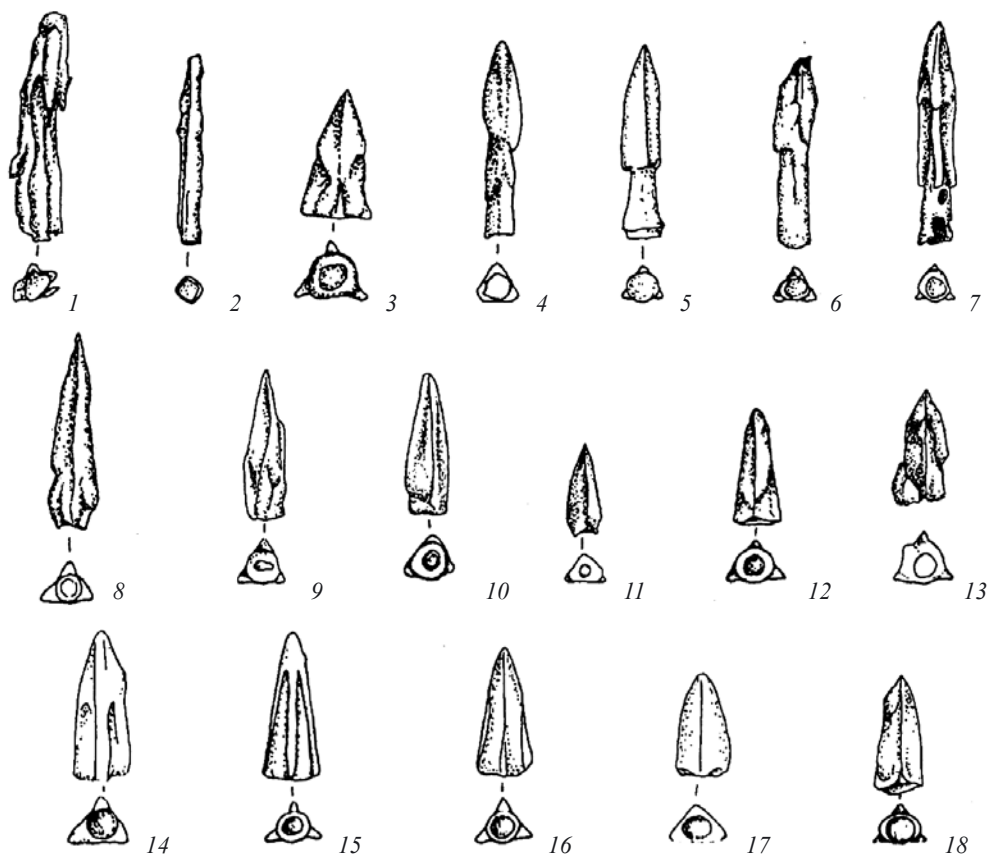

Рис. 17. Наконечники стрел из слоя пожара 490–480 гг. до н. э. в Пантикапее (по В. П. Толстикова, Д. В. Журавлеву и Г. А. Ломтадзе)

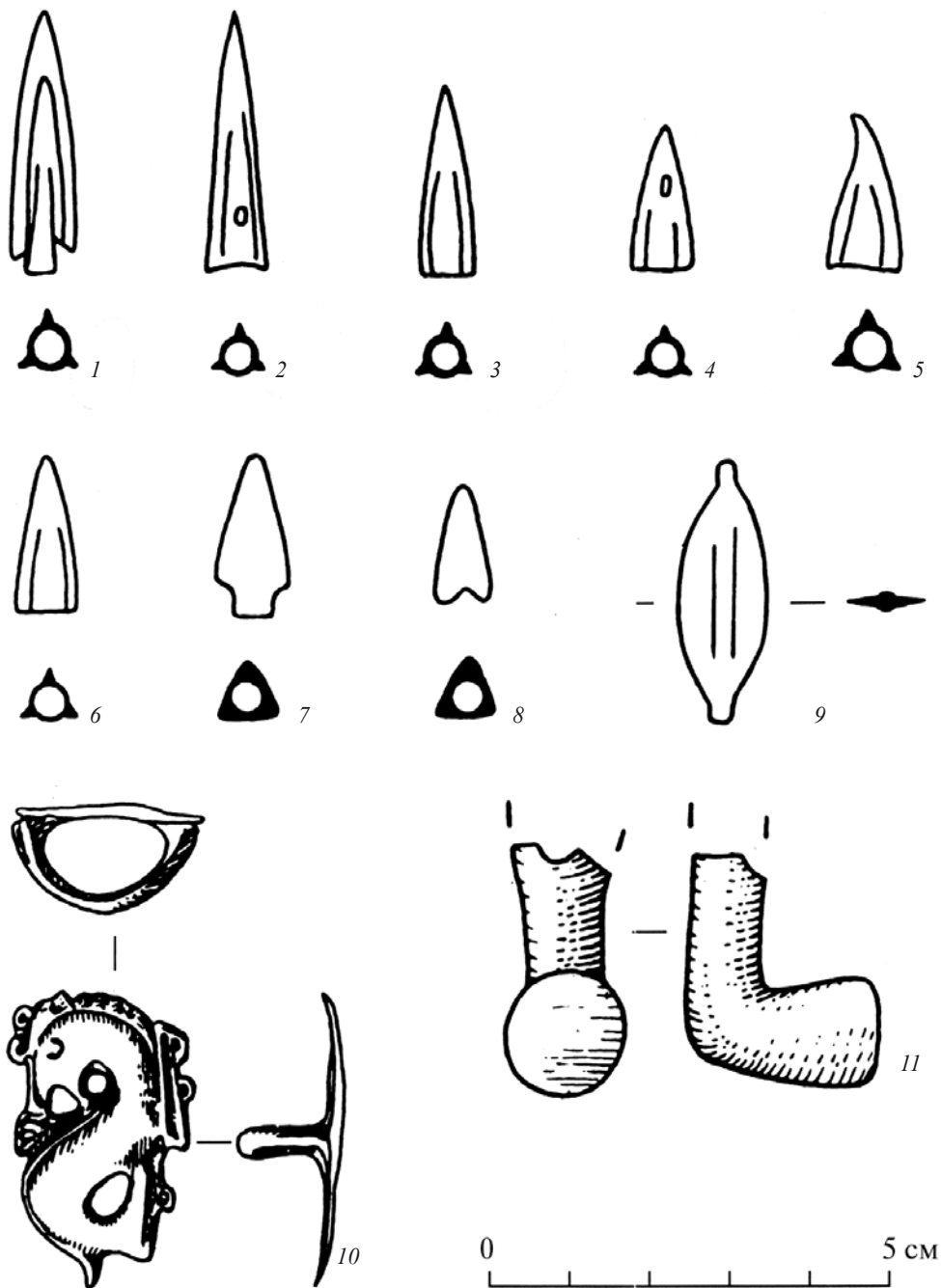

Рис. 18. Находки из слоя разрушения в Мирмекии
1–8 — бронзовые наконечники стрел; 9 — бронзовая монета-стрелка; 10–11 — детали конской узда

по себе это представляется вполне понятным, поскольку в подобной обстановке люди действительно могли посчитать, что наиболее надежным способом сохранения сбережений является их закапывание в землю. Однако к интересующему нас периоду на Боспоре относится всего один памятник подобного рода, это так называемый первый нимфейский клад 1949 г., состоящий из 17 пантикапейских серебряных монет. Он датируется началом V в. до н. э. и в настоящее время является самым ранним боспорским кладом (Голенко, 1974. С. 68 сл.; ср.: Скуднава, 1950; Шелов, 1951; Завойкин, 2006. С. 105).

В этой обстановке боспорские города-государства, как представляется, решили противостоять внешней угрозе совместно; как результат этих усилий, возникло объединение во главе с Археанактидами. Надо подчеркнуть, что об Археанактидах мы знаем из единственного сообщения древнего историка Диодора Сицилийского, который писал, что они царствовали на Боспоре 42 года с 480/79 г. до н. э. (Diod. XII. 31,1). Несмотря на краткость информации, можно полагать, что знатный греческий род Археанактидов стал во главе объединения боспорских колоний в очень трудный для них час. Ю. Г. Виноградов высказал идею, что это объединение было одновременно военным и религиозным союзом (1983. С. 394–419), и такая трактовка сразу нашла сторонников (Толстикова, 1984. С. 24–59; Шелов-Коведяев, 1985. С. 58–70). Несмотря на ряд сложностей, обозначенный подход к пониманию происшедших тогда событий представляется весьма перспективным (Виноградов Ю. А., 2002а; но ср. Григорьев, 1998. С. 38 сл.; Сапрыкин 2003. С. 18 сл.).

При Археанактидах в некоторых городах были построены оборонительные стены, при этом археологические наблюдения позволяют считать, что их приходилось

возводить с большой поспешностью. Укрепления акрополя Пантикапея были построены в начале V в. до н. э. (Толстикова, 2001. С. 54). Северный участок этих укреплений (рис. 19), который был недавно открыт во время раскопок, сооружен таким образом, что в его трассу были включены разрушенные к тому времени каменные здания. В результате здесь была создана продуманная система обороны бастионного типа, нижняя часть стен (цоколь) была сложена из камня, а выше шла кладка из сырцовых кирпичей. По расчетам В. П. Толстикова высота стен достигала 7 м. Раскопками открыта любопытная конструктивная деталь оборонительной системы — калитка для вылазок около западного угла, ширина которой составляет 0,80 м (Толстикова, Журавлев, Ломтадзе, 2003. С. 322, табл. II).

В первой четверти V в. до н. э. была построена оборонительная стена Тиритакки, ширина ее составляла 1,7–1,8 м (Марти, 1941. С. 13 сл.; Гайдукевич, 1952. С. 15 сл.). В трассу оборонительных сооружений, как и в Пантикапее, были включены стены некоторых разрушенных домов, что явно свидетельствует о поспешности строительства (рис. 20; Толстикова, 1984. С. 29). Оборонительная стена, построенная тогда же в Мирмекии, была более монументальной, в ширину она достигала трех метров (рис. 21). В высшей степени любопытно, однако, что мирмекийская стена не окружала всей площади поселения, а лишь отсекала его западную, прилегающую к акрополю часть, то есть опять же была возведена с очень большой поспешностью (Виноградов Ю. А., 1992. С. 107; Виноградов, Тохтасев, 1994. С. 54 сл.). Обвод оборонительных стен вокруг всего Мирмекия был завершен позднее, когда скифская угроза ослабела.

На азиатской стороне Боспора греки также были вынуждены позаботиться об

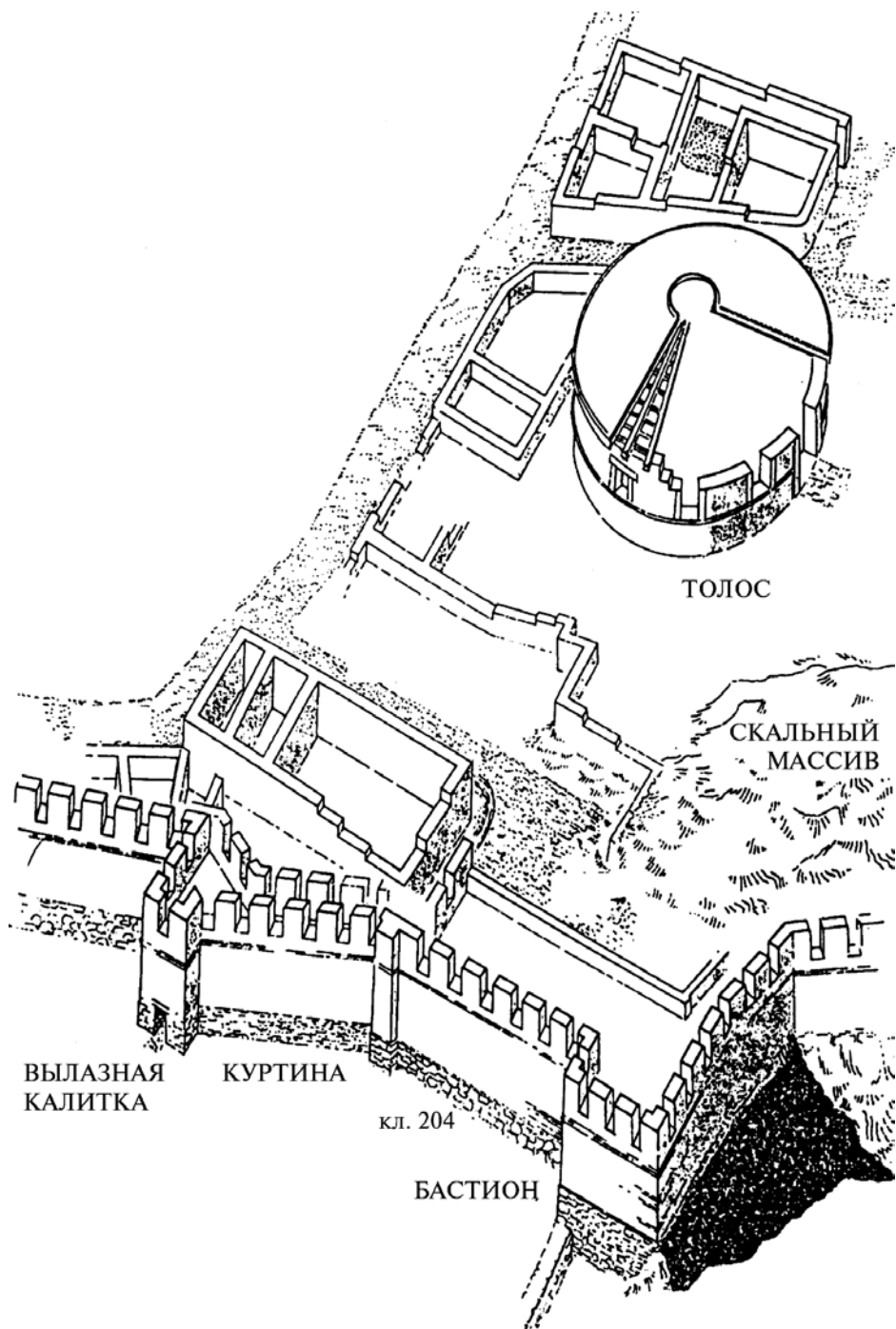

Рис. 19. Укрепления акрополя Пантикапея (по В. П. Толстикову)

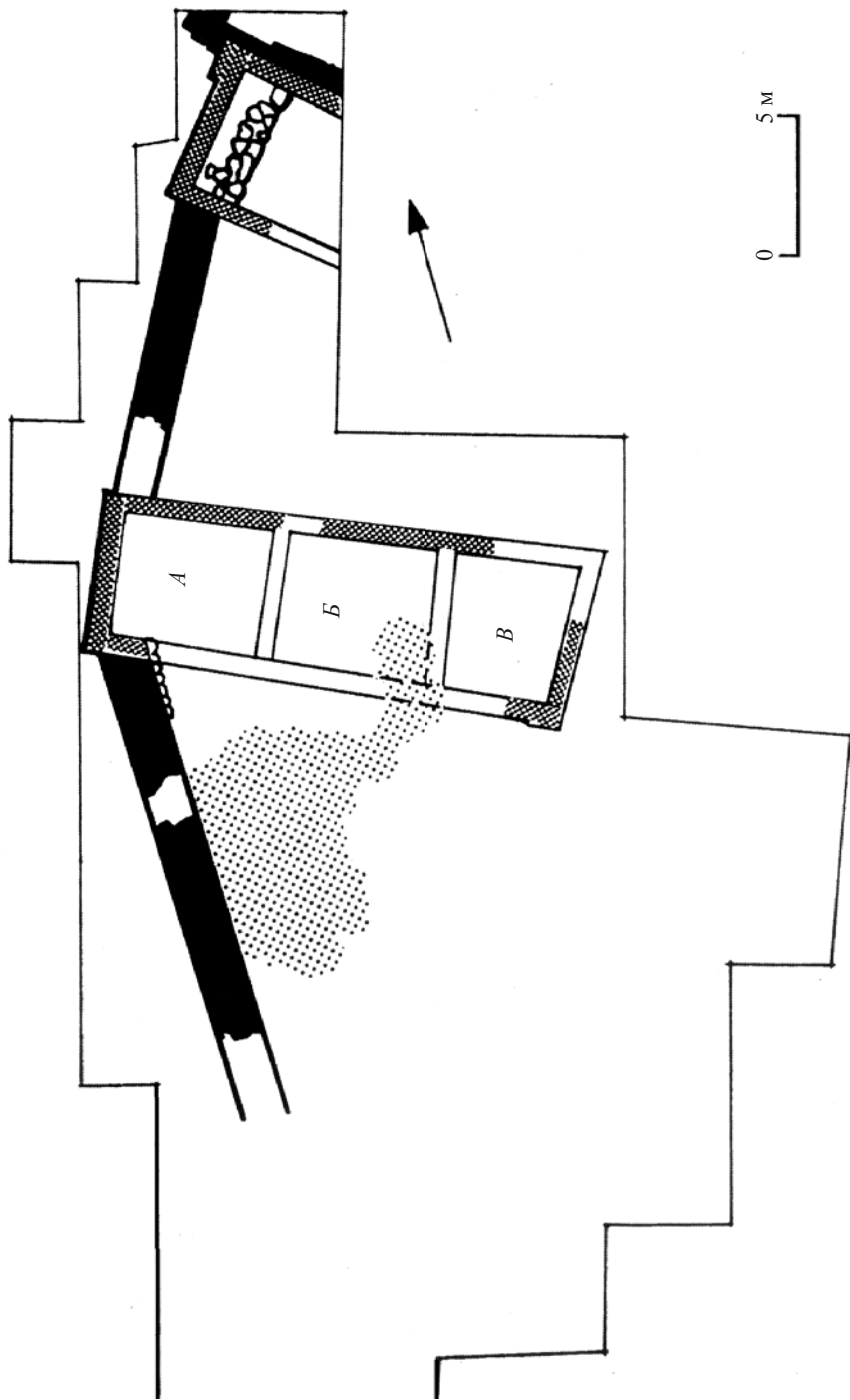

Рис. 20. Оборонительная стена Гиритаки (первая четверть V в до н. э.). По В. П. Толстикову

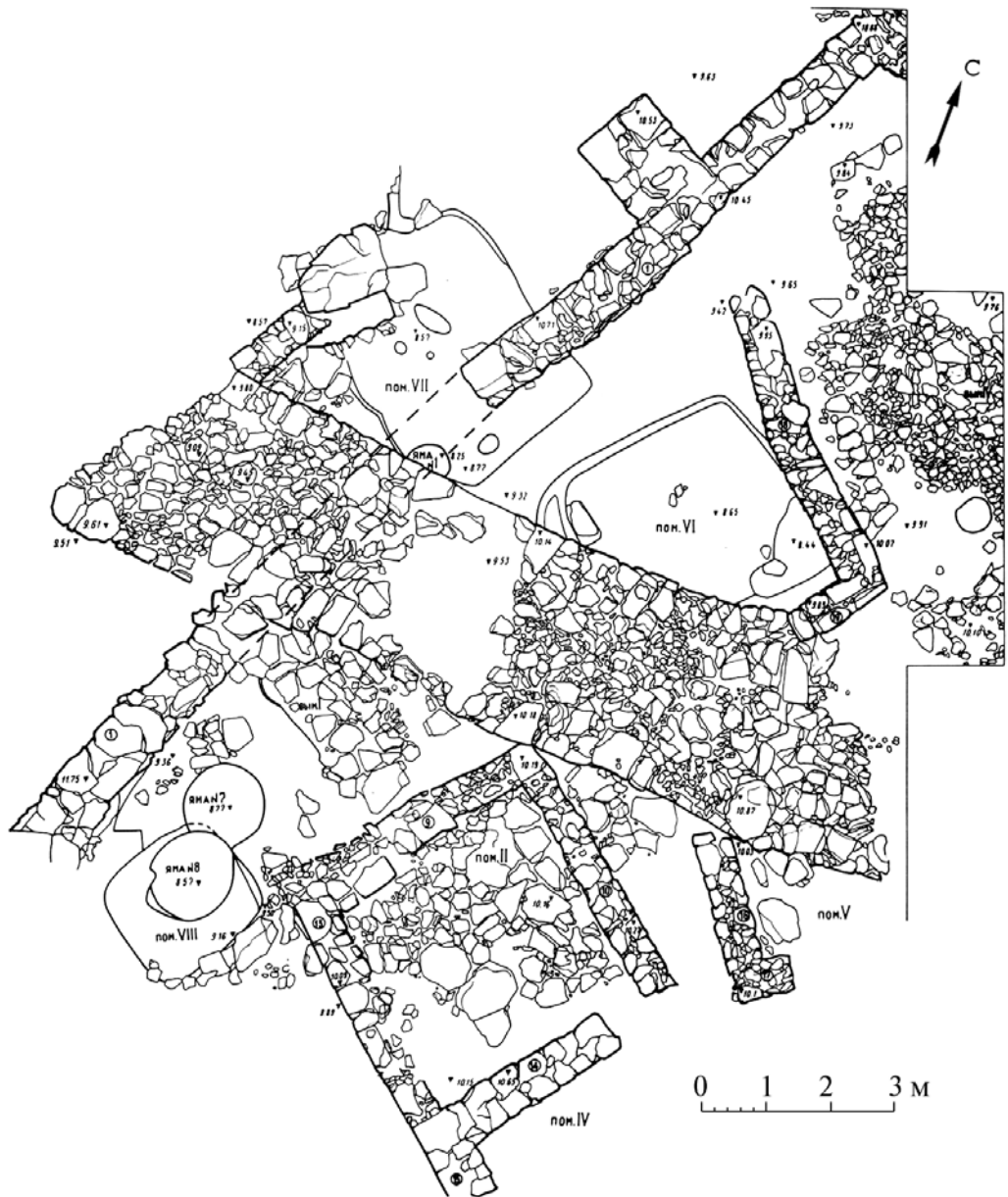

Рис. 21. Оборонительная стена Мирмекия (конец первой трети V в. до н. э.)

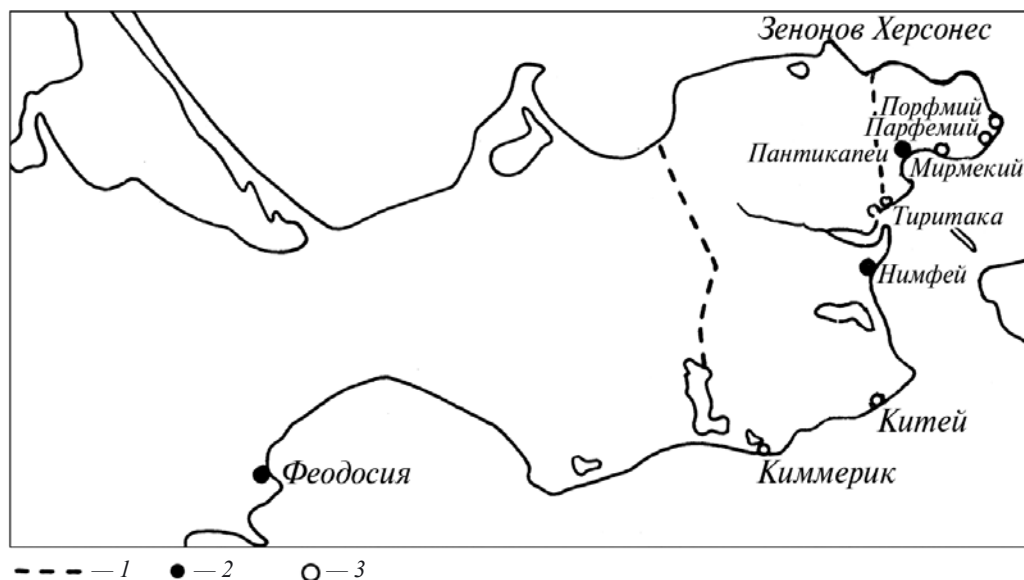

Рис. 22. Европейский Боспор

1 — древние валы (Тиритакский и Акксов); 2 — столицы полисов; 3 — «малые» города Боспора

укреплении своих городов. В первой или второй четвертях этого столетия было укреплено анапское поселение (Синдская Гавань или Синд). Оборонительная стена здесь проходила по трассе засыпанного ранее рва, о котором говорилось в предыдущей главе, она имела всего 1 м в ширину (Алексеева, 1997. С. 17–18). Более солидная стена, достигавшая в ширину 2,4 м, была возведена в поселении несколько позже — во второй половине V в. до н. э., возможно, ближе к последней четверти столетия (Алексеева, 1997. С. 18). Оборонительная стена вокруг Фанагории, судя по сохранившимся субструкциям, достигала в ширину 3,5 м (Кобылина, 1969. С. 98); эти укрепления, скорее всего, были построены во второй половине V в. до н. э. (Горлов, 1986. С. 136; Завойкин, 2004. С. 52).

Для защиты своих рубежей Археанактиды, как представляется, использовали и более масштабные, нежели строительство городских стен, акции. В связи с этим в

первую очередь необходимо сказать о так называемом Тиритакском вале. Традиционно считалось, что этот оборонительный рубеж, следы которого еще видны на современной поверхности, имеет 25 км в длину, — он начинается у Азовского моря, идет в южном направлении и обрывается у Тиритаки (рис. 22). Иными словами, вал отсекал от Керченского полуострова его восточную часть (см.: Шмидт, 1941; Гриневиц, 1946; Гайдукевич, 1949. С. 189; Соколовский, 1957; Толстиков, 1984. С. 25 сл.).

Большое внимание изучению вала в последнее время уделял А. А. Масленников (см.: 1983; 1998. С. 184–185, 215 сл.), который в конце концов сумел убедительно показать, что реальная ситуация с остатками укреплений на обозначенном участке местности не столь проста и однозначна. Здесь явно присутствуют остатки нескольких сооружений, относящихся к различным эпохам, в том числе даже к времени «покорения Крыма» Россией в XVIII в.

(Масленников, 2003. С. 131 сл.). Однако его общий вывод о том, что пока нет достаточных оснований предполагать строительство здесь каких-то валов в VI — начале V в. до н. э. (Масленников, 2003. С. 250), представляется несколько поспешным. Тем более, что совсем недавно в юго-восточной части Керченского полуострова открыты остатки еще одного древнего вала, так называемого Чурубашского (Зинько, 2003. С. 49). Датировка его остается неясной, но сугубо гипотетически можно предположить, что оба вала (Тиритакский и Чурубашский) представляют собой части единого сооружения, тянувшегося от Азовского до Черного моря и, таким образом, отсекавшего всю восточную часть полуострова

Само по себе возведение валов и стен — типичнейший способ защиты земледельческих народов от нападения кочевников, в качестве примеров чему можно привести Дербент, Великую Китайскую стену, русские засеки и т. д. (Григорьев, 1875). Не следует забывать и о том, что древние греки были прекрасно знакомы с системой укреплений территории полуострова путем строительства стен на перешейке от моря до моря. Первая такая попытка, естественно, из известных нам, относится к середине VI в. до н. э., — это стены, построенные Мильтиадом на Херсонесе Фракийском (Herod. VI. 36). Боспорские греки в этом важнейшем деле, конечно, не были пионерами (Маринович, Кошеленко, 2000).

Как представляется, система обороны Боспора Киммерийского при Археанактидах была достаточно продуманной. В зимнее время она, конечно, не могла базироваться на Тиритакском вале, естественно, если считать, что древний вал обрывался около Тиритаки, а не продолжался далее к Черному морю, как Чурубашский. Подвижные отряды кочевников легко могли

обойти его по льду, к примеру, около Нимфея, точнее, на участке от Нимфея до Тиритаки, где берег достаточно пологий для того, чтобы всадники могли выйти на лед пролива. Но даже при подобном понимании ситуации, могли ли такие рейды нанести большой ущерб боспорянам? Думается, что нет. Урожай на полях был в это время уже убран, а население могло легко укрыться под защитой городских стен, остатки которых, напомним, были открыты в Пантикапее, Фанагории, Тиритаке, Мирмекии и Порфмии. Тиритакский вал был дополнительной защитой боспорских городов в летнее время и, что особенно важно, единственной защитой боспорских (прежде всего, пантикапейских) сельскохозяйственных угодий в весенне-летний сезон, когда они действительно могли пострадать от нападения номадов (Виноградов, Тохтасьев, 1994. С. 61–62). Тиритакский вал в этом отношении выполнял свои задачи. Следующим этапом защитных работ, когда угроза со стороны скифов, по всей видимости, уже не была столь реальной, стало возведение так называемого Акковского вала, который находится западнее Тиритакского и идет от Азовского моря до Черного, имея около 36 км в длину (рис. 22).

Для понимания военно-политической ситуации на Боспоре в рассматриваемое время определенное значение имеют погребения с оружием. Выше уже говорилось, что это оружие, в основном, представлено наконечниками копий, стрел и мечами местных варварских типов. Надо признать также, что эта специфическая черта отличает некрополи боспорских городов и других колоний Северного Причерноморья от синхронных памятников метрополии, где обычай помещения оружия в могилу исчез очень рано (Boardman, Kurtz, 1971. P. 75). В некрополях греческих городов Таманского полуострова эта необычная черта погребального обряда проявляется весьма отчет-

ливо. В некрополе Тирамбы, к примеру, во второй половине VI — первой половине V в. до н. э. оружие было столь обычно, что А. К. Коровина пришла к выводу о поголовном вооружении мужчин этого города (Коровина, 1987. С. 8). В Тузлинском некрополе большое количество предметов вооружения фиксируется с рубежа VI—V вв. до н. э. (Сорокина, 1957. С. 21 сл., 52). На европейской стороне Боспора погребения с оружием тоже известны: под Нимфеем они относятся к концу VI — первой четверти V в. до н. э. (Грач, 1999. С. 27), в некрополе Пантикапея их датируют в более широких пределах VI—V вв. до н. э. (Цветаева, 1951. С. 67), захоронение с мечом, открытое в Мирмекии, принадлежит к первой четверти V в. до н. э. (Гайдукевич, 1952а. С. 214 сл., рис. 140). Признавая всю сложность интерпретации погребальных комплексов в прямой увязке с особенностями исторического развития оставшего их общества, все-таки можно признать, что обилие оружия в могилах, в известной степени, было детерминировано его определенной милитаризацией.

Рубежи Боспора, надо думать, защищали не только гражданские ополчения городов-государств, но и союзные каждому из них силы варварских племен. О развитии самых тесных контактов греков с местными племенами во время Археанактидов свидетельствуют курганы с погребениями туземной аристократии, которые вплоть до начала IV в. до н. э., т. е. до создания единого государства при ранних Спартокидах (см. ниже), насыпались в окрестностях всех главных городов (Пантикапей, Нимфей, Фанагория, Кепы, возможно, Гермонасса)¹. Почти во всех курганах

были захоронены воины-всадники (Виноградов Ю. А., 2001б). В вооружении этих воинов любопытнейшим образом переплелись варварские и греческие черты. В наборе защитного вооружения предпочтение отдавалось греческим шлемам и поножам, а металлические панцири были местными, относящимися к типу пластинчатых или чешуйчатых доспехов, как уже говорилось, обычных у скифов и их юго-восточных соседей — синдов и меотов. Комплекс наступательного вооружения целиком соответствовал местным традициям: лук со стрелами, короткий меч-акинак, копье.

Наиболее показательная группа курганов местной знати времени Археанактидов (имеются, правда, и несколько более поздние памятники), насчитывающая приблизительно десяток комплексов, расположена под Нимфеем (Силантьева, 1959), именно здесь во время археологических раскопок были обнаружены материалы, позволяющие судить о том, как были вооружены союзники боспорян. Вооружение это было весьма многочисленным и разнообразным; рядом с погребенными, как правило, были положены несколько мечей, кинжалов, копий и, очевидно, лук со стрелами, от последних, естественно, сохранились лишь бронзовые наконечники (рис. 23, 1). Чешуйчатые панцири, столь характерные для местных племен Северного Причерноморья, были составлены из железных и бронзовых пластинок. Весьма интересны также поножи, найденные в одном из нимфейских погребений. Они относятся к категории полосчатых, т. е. состоящих из серии соединенных между собой тонких длинных бронзовых пластин (их длина — около 25 см, ширина — чуть больше 1,5 см), которые крепились вертикально на кожаной подкладке (Черненко, 1968. С. 118–119; 1970. С. 195–197; Vickers, 1978. P. 10, 45, Pl. XVIb; 2002. P. 46–47, Pl. 17). Эти поножи, безусловно, следует связывать с

¹ С созданием единого греко-варварского Боспорского государства погребения варварской аристократии здесь, в основном, стали концентрироваться около столичного города — Пантикапея (Виноградов Ю. А., 2005. С. 274).

традицией местных племен. Импортные греческие кнемиды здесь также представлены, они были изготовлены из бронзы и, в отличие от более ранних, не имели пышной орнаментации. Комплекс защитного вооружения, каким он предстает на основании находок из курганов Нимфея, дополняется греческим бронзовым шлемом. Один из них относится к халкидскому типу, для которого, как уже говорилось выше, характерно наличие наносника и нащечников, в данном случае неподвижных (рис. 23, 4); второй — значительно своеобразней (рис. 23, 3; Рабинович, 1941. С. 139–140; Черненко, 1968. С. 92; 1970. С. 191–194; Vickers, 1978. P. 11, 34, Pl. I; 2002. P. 14–15, Pl. 1). Он имеет полусферическую, несколько уплощенную форму; в его лицевой части имеется небольшой прямоугольный вырез, который был закрыт бронзовой пластиной, укрепленной здесь с помощью трех заклепок (на рисунке пластина изображена отдельно). Сверху по оси шлема проходят два невысоких валика, в разрезе имеющих треугольную форму. Эта находка, безусловно, относится к типу так называемых иллирийских шлемов. В разделе, посвященном греческому вооружению (глава 1.3) о них не говорилось по той причине, что в колониях Северного Причерноморья шлемы этого типа не получили распространения. Абсолютное большинство таких находок происходит с севера Балканского полуострова, с территории древней Иллирии. Этот тип отличается наличием прямоугольного выреза в лицевой части, неподвижных нащечников и назатыльника; сверху всегда имеются два валика (Черненко, 1968. С. 92; 1970. С. 194; см. также: Конноли, 2000. С. 60). При изготовлении нимфейского экземпляра у обычного иллирийского шлема были срезаны нащечники и назатыльник, затем к нему в лицевой части была прикреплена пластина, возможно, полученная

при срезании назатыльника. Е. В. Черненко уверен в том, что она была прикреплена к шлему в качестве своеобразного козырька (1968. С. 92; 1970. С. 191), а Б. З. Рабинович считал, что эта пластина служила назатыльником (1941. С. 140). Надо сказать, что традиция переделки греческих шлемов в соответствии с местными вкусами в Северном Причерноморье скифского времени существовала довольно устойчиво, но козырьков у местных шлемов никогда не было; греческие шлемы в результате удаления нащечников и других деталей просто становились более легкими. При такой ситуации можно считать, что в данном случае либо был исполнен, так сказать, индивидуальный заказ и шлем получил козырек, либо, пусть несколько необычным образом, был восстановлен утраченный при переделке назатыльник.

Каждого воина сопровождало захоронение коня или даже нескольких коней с великолепной уздой, украшенной бронзовыми изображениями в так называемом скифском зверином стиле (рис. 23, 2). Нет сомнения, что общий облик боспорского всадничества, который реконструируется на основании находок из курганов, в частности, Нимфейских, является наглядным проявлением смешения греческой и варварской элиты в единый пласт боспорской (неоднородной по своему происхождению) аристократии. Вкусы этой аристократии проявлялись во многих аспектах свойственной ей материальной и духовной культуры, в том числе и в снаряжении боевого коня, наборе вооружения и т. д.

Большое значение для понимания исторической ситуации, сложившейся в это время, разумеется, имеют не только курганы варварской знати союзных грекам племен, но и погребения рядовых дружинников, пришедших с ними на Боспор. Вероятно, будет слишком оптимистично полагать, что где-нибудь в окрестностях Пан-

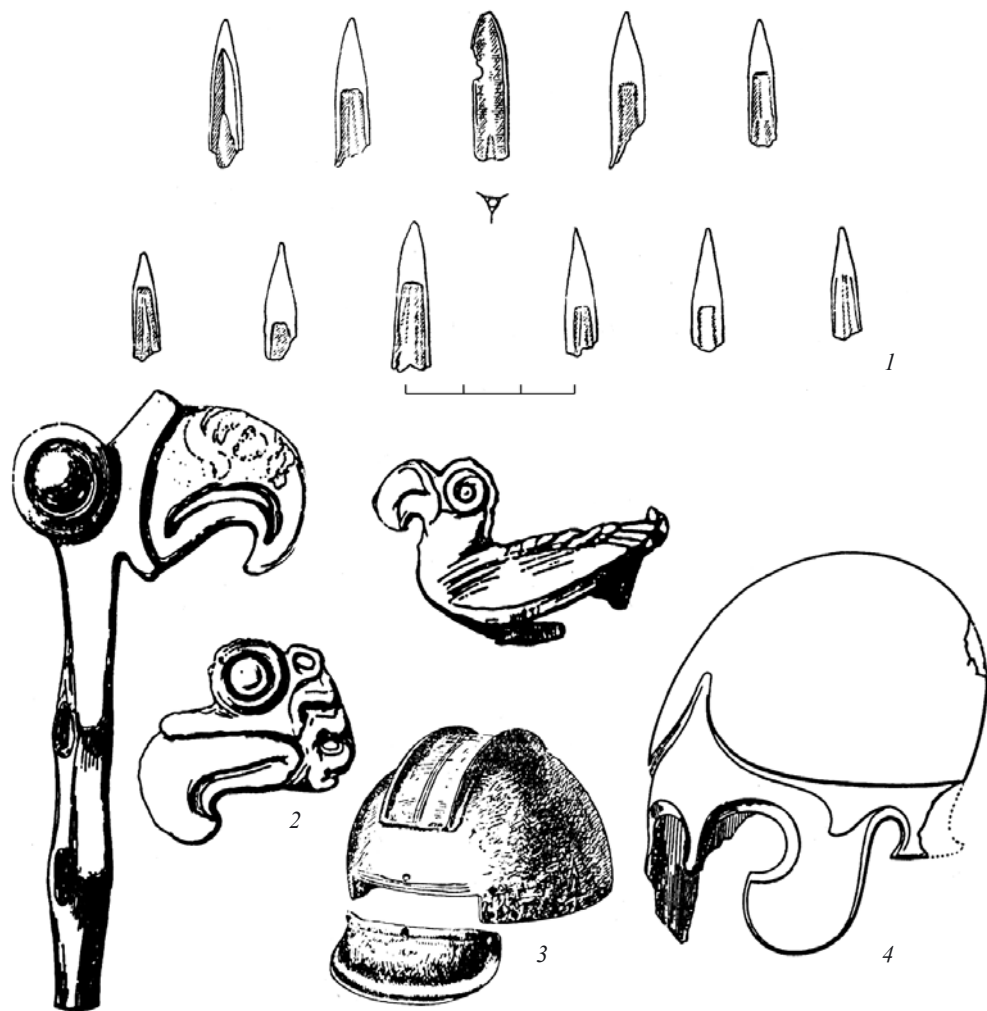

Рис. 23. Находки из Нимфейских курганов

1 — бронзовые наконечники стрел; 2 — детали конской узды; 3 — бронзовый шлем иллирийского типа; 4 — бронзовый шлем халкидского типа

тикапея или другого греческого города Восточного Крыма удастся обнаружить компактный дружинный некрополь первой половины V в. до н. э. или даже братскую могилу погибших тогда воинов. Однако надеяться на открытие отдельных воинских погребений имеются все основания. Показательным в этом отношении является погребальный комплекс, исследованный

около Аджимушка под Керчью. Здесь в обычной грунтовой могиле были обнаружены остатки двух человеческих костяков с весьма показательным набором вооружения: меч с так называемым «антенным» навершием (рис. 24, 1) и бронзовые наконечники стрел (рис. 24, 2–5). А. Е. Кислый и С. А. Скорый считают, что это погребение относится к второй половине V в.

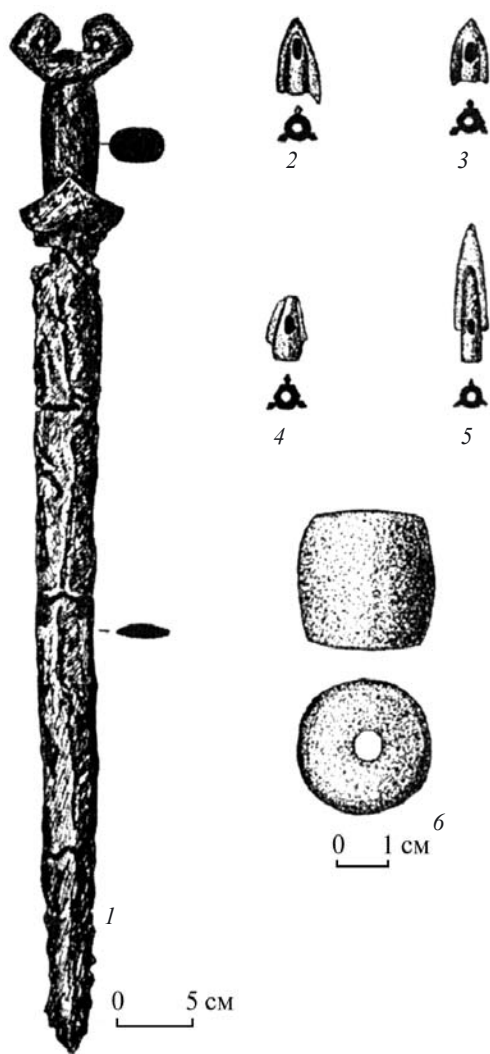

Рис. 24. Находки из погребения у Аджимушка
1 — железный меч; 2–5 — бронзовые наконечники
стрел; 6 — подвеска

до н. э. (Кислий, Скорий, 1990. С. 130), но, в принципе, возможна и несколько более ранняя датировка.

Думается, что приведенные факты достаточно отчетливо свидетельствуют об ухудшении военно-политической ситуации на Боспоре, обусловленной, скорее всего, общей дестабилизацией обстановки в сте-

пях Северного Причерноморья. Однако в трудах современных исследователей эти явления не находят однозначной оценки. Е. М. Алексеева признает, что около 480 г. до н. э. на Боспоре начался процесс объединения полисов. О характере этого объединения она замечает: «Эта консолидация не ограничивала свои цели созданием оборонительного союза против окрепших скифов. Одной из насущных задач для растущих полисов стало приобретение новых плодородных земель» (Алексеева, 1997. С. 31). На наш взгляд, исследовательница, не находя нужным разделять два крупных этапа в истории Боспора — время правления Археанактидов и ранних Спартокидов, — совершает серьезную методическую ошибку. Обозначенные этапы отличаются явным своеобразием, и Археанактидам, конечно, было не до забот о расширении хоры греческих городов. Эта задача была воплощена позднее при преемниках Спартока I, о чем будет сказано ниже.

Не вполне убедительным представляется и заключение Э. В. Яковенко о том, что, несмотря на обострение боспоро-скифских отношений в 80-х гг. V в. до н. э., до военных столкновений дело не дошло и ситуация разрешилась путем переговоров и принятием взаимных договорных обязательств (Яковенко, 1986. С. 51). Спрашивается в таком случае, почему же в боспорских поселениях происходили пожары, против кого возводились оборонительные сооружения и т. д.?

В. С. Долгоруков и Е. А. Молев, оценивая эти археологические факты, вообще не видят признаков скифской военной угрозы на Боспоре (Долгоруков, 1990. С. 35 сл.; Молев, 1997. С. 27; 1999. С. 83; ср.: Сапрыкин, 2003. С. 18 сл.). Первый из названных исследователей считал, что в это время на берегах Керченского пролива разразился конфликт апойков с эпойками, иными словами, борьба старых колонистов с новыми.

По мысли В. С. Долгорукова, сюда прибыла новая волна переселенцев из Ионии, спасшихся после поражения антиперсидского восстания (494 г. до н. э.), по этой причине возникла нехватка пригодных для обработки земель, и началась борьба за их перераспределение. Вполне возможно, что какая-то часть переселенцев из Малой Азии в начале V в. до н. э. действительно переселилась в Причерноморье, но насколько велик был поток эпойков и, соответственно, мог ли он вызвать острую нехватку сельскохозяйственных угодий в местных колониях, абсолютно неизвестно. В этой связи закономерно возникает вопрос, — если нехватка земель действительно имела место, то почему переселенцы не основали новых колоний, ведь просторы Северного Причерноморья как будто давали для этого все необходимые условия. Другое дело, что на обширных степных территориях региона тогда происходили весьма важные события, которые почему-то ускользнули от внимания исследователя.

Гипотеза Е. А. Молева еще более оригинальна. По его мнению, засвидетельствованные факты разрушений в боспорских поселениях, усиление фортификационного строительства и прочее могут быть истолкованы как следствие агрессивной политики Пантикапея (Молев, 1999. С. 87). Такое, в общем, парадоксальное заключение связано с рядом других предположений (см.: Молев, 1997. С. 36–37). Автор полагает, что в это время уже существовало объединение некоторых городов, получившее название Боспор, столицей которого, естественно, был Пантикапей. Боспор сделал попытку подчинить Нимфей, но эта акция оказалась неудачной. Результатом ее стало то, что против Пантикапея открыто выступили Мирмекий, Тиритака и Порфмий, попытавшиеся добиться независимости. Именно в такой обстановке, как представляется Е. А. Молеву, во главе

Боспора встал Археанакт, который, опираясь на союзников-скифов, сумел покорить мятежные города.

Интерпретация уважаемого исследователя, на наш взгляд, достойна страниц исторического романа. Как было сказано, имеющиеся археологические материалы никак не позволяют ограничивать конфликт только европейской частью Боспора, в него, безусловно, были вовлечены и азиатские центры. Если же взглянуть на проблему более широко, то представляется возможным говорить о глобальности греко-скифского конфликта в масштабах всего Северного Причерноморья. В таких условиях греческим городам-государствам Боспора Киммерийского было, конечно, важнее заключить оборонительный союз, пожертвовав частью своих традиционных свобод, нежели начинать самоубийственную междоусобицу.

В связи с изложенным приходится еще раз согласиться с уже давно высказанной идеей о том, что объединение греческих колоний под властью Археанактидов было вызвано угрозой со стороны варварского окружения (см.: Латышев, 1909. С. 71; Гайдукевич, 1949. С. 44–45; Каллистов, 1949. С. 197; Блаватский, 1954а. С. 39). В. П. Толстиков справедливо отмечает, что одна из важнейших причин этого объединения заключалась в необходимости в консолидации всех сил для защиты от скифской угрозы, для организации защиты хоры, являвшейся основой экономики боспорских городов (Толстиков, 1984. С. 24 сл.; ср. Виноградов Ю. Г., 1983. С. 349 сл.; Шелов-Коведяев, 1985. С. 63 сл.). В высшей степени странным выглядит заключение В. С. Долгорукова о том, что приход к власти Археанактидов не был связан с внешней опасностью, более того, по его мнению, мировая история вообще не знает примеров возникновения государств, которые бы были вызваны военной угрозой (Долгоруков, 1990. С. 35). Разумеется, причины возник-

новения государств очень сложны и разнообразны, но и фактор военной опасности в их ряду никак нельзя игнорировать (см.: Семенов, 1994. С. 119–120). В данном случае, однако, речь вообще идет не о возникновении государства (см.: Васильев, 1992. С. 125), а о сложении оборонительного союза. Этот союз был создан несколькими или, может быть, даже всеми городами-государствами Боспора, и подобных примеров в истории Древней Греции, конечно, известно немало, самый близкий из них по времени — Делосский (Первый Афинский) союз, сложившийся в 479 г. до н. э.

Кратко подводя итог сказанному выше, следует с полной определенностью признать, что оборонительные акции Археанактидов, направленные на отражение скифской агрессии, оказались вполне успешными. В рамках возглавляемого ими оборонительного союза боспоряне провели ряд крупных мероприятий по укреплению не только отдельных городов, но и с помощью вала, за которым мы оставляем закрепившееся в научной литературе название Тиритакского, — целого района в северо-восточной части Керченского полуострова, а, может быть, и всей его восточной части. Ополчения греческих городов-государств и союзные им варварские дружины, очевидно, в основном синдские и меотские, сумели защитить боспорские рубежи, отстоять независимость местных колоний, что, несомненно, имело очень большое значение для их будущего развития. Одним из важных последствий такого завершения греко-скифского конфликта, вероятно, можно признать прекращение регулярных скифских передвижений через Боспор Киммерийский, которые, как отмечалось выше (см. главу 1.3), имели важное значение на начальном этапе истории греческих колоний района.

2.2. Военное дело синдо-меотов

В драматических событиях времени Археанактидов, как представляется, важную роль сыграли прикубанские земельские племена меотов, которые, вероятно, оказали грекам помощь в их борьбе со скифской агрессией. Как покажет дальнейшее изложение, их роль в военной истории Боспора была весьма значительной и в более поздний период. По этой причине необходимо дать хотя бы краткий очерк состояния военного дела у восточных соседей боспорян, которое, к сожалению, изучено сравнительно слабо. Во всяком случае, имеющийся очерк Р. Б. Схатума не исчерпывает всей проблемы (Схатум, 2001).

Нет сомнения, что на развитие военного дела меотов существенное влияние оказывали кочевнические народы — сначала скифы, а затем сарматы. В вооружении местной аристократии заметна также мода на «все греческое». Эти влияния действительно проявляются вполне отчетливо и наглядно, но вместе с тем, очевидно и то, что набор вооружения меотов не являлся полной копией скифского или сарматского. В Прикубанье, к примеру, были созданы вполне оригинальные типы кинжалов, мечей и т. д. В. Р. Эрлих предполагает, что под греческим влиянием здесь был выработан своеобразный тип шлема куполообразной формы, существовавший в среде меотских племен в III–I вв. до н. э. (Эрлих, 1996. С. 178).

Иконографические материалы для суждений о вооружении меотов не очень многочисленны, но в высшей степени показательны. На серебряном ритоне (рог для питья) из кургана Карагодеуаш пред-ставлены два обращенных друг к другу всадника (рис. 25, 1), у правого рука под-

Рис. 25. Изображения меотских воинов

1 — на серебряном ритоне из кургана Карагодеуашх; 2 — на золотом колпачке из кургана Курджипис

нята в жесте приветствия, у левого в одной руке ритон, а в другой, вероятнее всего, длинное копье, опущенное вниз наконечником. Под ногами коней видны обезглавленные человеческие тела. На наш взгляд, это изображение позволяет судить о воинских культах и ритуалах, часто весьма жестоких, которые существовали среди прикубанских племен (Виноградов Ю. А., 1993а. С. 69). На золотом колпачке из кургана Курджипс дважды изображена фигурная группа, каждая из которых состоит из двух пеших воинов (рис. 25, 2; Галанина, 1980. С. 93). Воины одной рукой держатся за древко дротика, обращенного острием вниз. В каждой группе у левого персонажа в правой руке находится обнаженный меч, а у правого в левой руке — отрубленная человеческая голова. Значение курджип-

ского изображения, как представляется, сводится к той же сфере воинских ритуалов. Показательно, что представленные здесь довольно длинные мечи лишены перекрестий.

Ценную для понимания затронутых сюжетов информацию содержит обломок каменного рельефа с изображением сцены битвы (амазономахия?), обнаруженный в 1983 г. при раскопках поселения Юбилейное I на Таманском полуострове (рис. 26). Этот рельеф, был исполнен в середине или второй половине IV в. до н. э. в боспорской мастерской (Штупперих, 2001. С. 83), что придает ему особую значимость в плане достоверности изображенных здесь деталей костюма, предметов вооружения и т. д.. Фигуры рельефа представлены в сложном пересечении, но при внимательном их

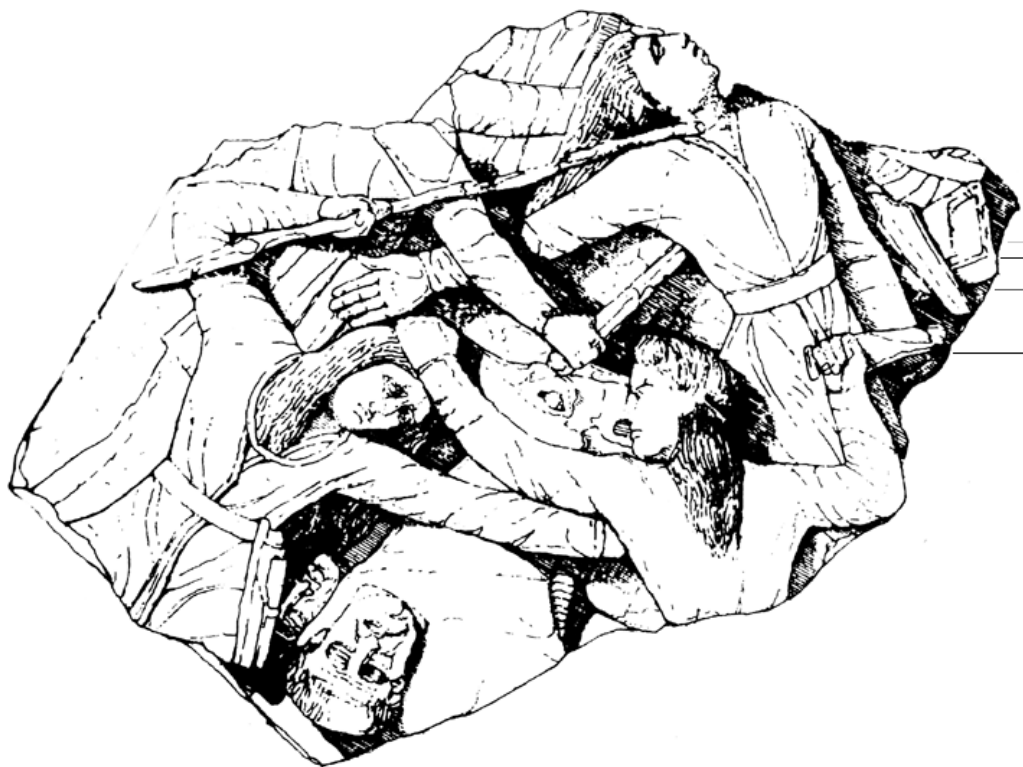

Рис. 26. Таманский рельеф с изображением сражения варваров (амазономахия?)

рассмотрении становится очевидным, что художник расположил их на двух планах, при этом изображения двух пеших воинов находятся в левой части, а трех всадников — в правой. Все они облачены в варварские одежды и имеют варварское вооружение. Слева на первом плане находится безбродый мужчина с длинными волосами; на его шее надет большой обруч (гривна), у пояса с левой стороны подвешен горит с луком и стрелами. В поднятой правой руке он держит небольшое копье, повернутое острием вниз, странное положение которого позволяет считать, что этот воин поражен неприятелем или, возможно, обречен на гибель. Противник, изображенный справа, схватил его за волосы и замахивается мечом. Вероятно, этому второму воину принадлежит лошадь, голова которой, а также часть шеи и груди, видна перед ним. К уздечке лошади подвешены две отрубленные человеческие головы, висащие в перевернутом положении.

На втором плане композиции слева представлен пеший воин, наносящий удар мечом в спину своему противнику, расположенному справа. Можно считать, что левой рукой он также схватил его за длинные волосы, отчего голова второго персонажа этой группы несколько запрокинулась назад. Правее его, вероятно, был представлен еще один всадник, от которого на рельефе сохранилось изображение пояса с подвешенными к нему горитом и коротким мечом.

Отвлекаясь от семантики конкретных образов, представленных на рельефе из Юбилейного, а также от общего смысла всей композиции, можно обратить внимание, что из предметов вооружения здесь имеются короткое копье, два горита с луком и стрелами, а также три меча (рис. 27; Ольховский, 2001). Показательно, что все меча, как и на золотом колпачке из Курджипса, не имеют перекрестий. Отрубленные человеческие головы, подвешенные

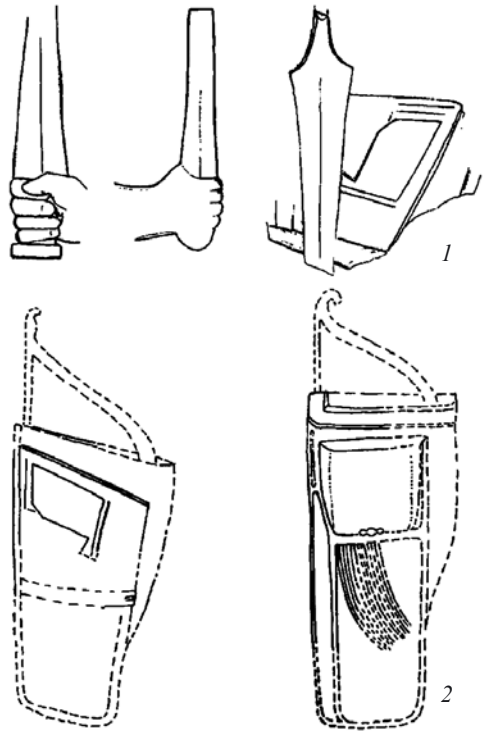

Рис. 27. Изображения оружия на таманском рельефе (по В. С. Ольховскому)
1 — меча синдо-меотского типа; 2 — гориты с луками

на шее лошади, конечно, придают сцене особый колорит, но, в общем, они вполне вписываются в ряд изображений, который уже был обозначен в нашем повествовании (см.: Кнауэр, 2001)².

Более конкретно о вооружении прикубанских племен позволяют судить наход-

² Отрубленные человеческие головы у местного населения, очевидно, пользовались очень большим почитанием. Весьма показательные в этом отношении находки были сделаны при раскопках Елизаветовского городища в дельте Дона. В заполнении котлована одной из полуземлянок было обнаружено несколько десятков человеческих черепов, а также небольших votивных тарелочек, вероятнее всего, сброшенных сюда из святилища (Марченко, Житников, Копылов, 2000. С. 244–146, табл. 56, рис. 96, 1).

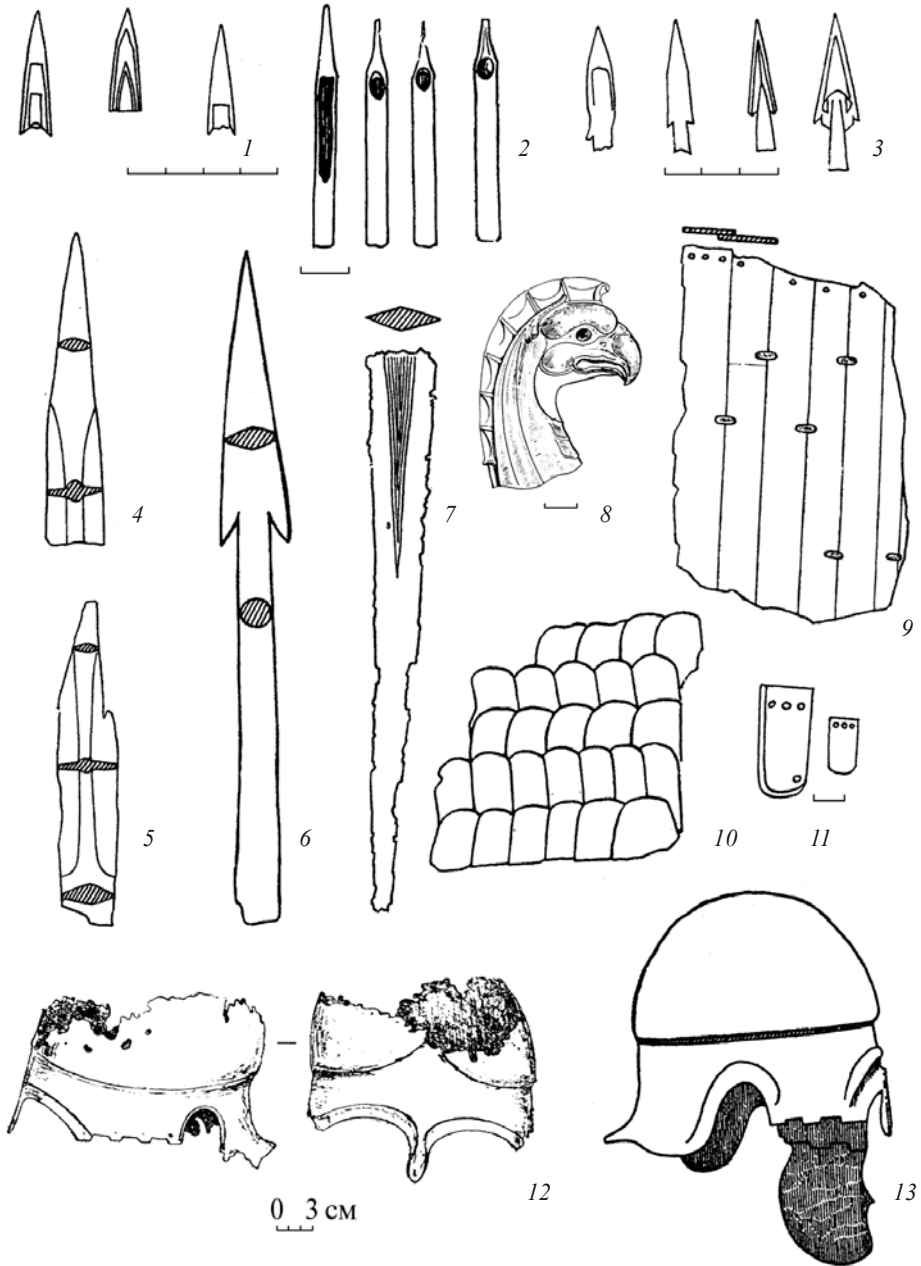

Рис. 28. Находки вооружения из курганов Прикубанья

1, 3 — бронзовые наконечники стрел; 2 — костяные наконечники стрел; 4, 5 — обломки наконечников копий; 6 — наконечник дротика; 7 — обломок меча; 8 — часть рукояти махайры; 9 — обломок щита; 10, 11 — панцирные пластины; 12, 13 — бронзовые шлемы халкидского типа (1–11 — из Семибратних курганов, по Е. В. Черненко; 12 — по И. Н. Анфимову; 13 — по П. А. Дитлеру)

ки, сделанные, в основном, при раскопках погребальных памятников. Самые богатые и разнообразные материалы, естественно, происходят из захоронений местной аристократии: Семибратние, Елизаветинские курганы, Карагодеуашх, Курджипс и др. Семибратние курганы, вероятнее всего, принадлежали царям синдов. Известно, что среди племен Прикубанья синды в социально-политическом отношении были наиболее развитым этносом. Есть основания считать, что под сильным греческим влиянием сложилось Синдское государство, просуществовавшее сравнительно недолго, но сыгравшее важную роль в событиях боспорской истории при ранних Спартокидах.

Находки оружия из Семибратних курганов были изучены Е. В. Черненко (1973. С. 64 сл.). Почти в каждом из погребений были обнаружены бронзовые наконечники стрел, принадлежащие к типу втульчатых, трехлопастных (рис. 28, 1, 3). Лишь в кургане № 1 представлены костяные экземпляры, сделанные из трубчатых костей птицы или грызуна (рис. 28, 2). Нет сомнения, что луки синдов, как и других племен района, относились к скифскому типу и хранились вместе со стрелами в специальных футлярах-горитах. Из кургана Карагодеуашх происходит фрагментированная серебряная накладка на горит с изображением сцены сражения (рис. 29; Лаппо-Данилевский, Мальберг, 1894. С. 57, рис. 34; 152, рис. 2; Манцевич, 1980. С. 162–163), которая по форме вполне аналогична скифским образцам (ср.: рис. 6). Точная ее аналогия, однако, происходит совсем не из Скифии, а из древней Македонии. Там при раскопках кургана в Вергине, в котором, как считается, открыта гробница Филиппа II, была найдена золотая накладка на горит, вероятнее всего, изготовленная по одной форме с прикубанской (Andronicos, 1984. P. 180 ff.; Манцевич, 1980.

С. 162–164, рис. 17–18; Андроникос, 1990. С. 120–121).

Железные наконечники копий также встречаются почти в каждом комплексе Семибратних курганов (рис. 28, 4, 5). Среди них представлены как весьма массивные (ширина пера — 5,5 см), так и сравнительно небольшие (ширина — до 3 см). Вполне вероятно, что копия с небольшими наконечниками могли использоваться для метания, т. е. по функциональному назначению примыкали к дротикам. Наконечники дротиков с характерным жаловидным пером и двумя боковыми шипами, о которых говорилось выше в связи с вооружением скифов (см. главу 1.2, рис. 7, 12), в Семибратних курганах тоже имеются (рис. 28, 6). Подобные находки зафиксированы и в других богатых погребениях, к примеру, в Курджипском кургане (Галанина, 1980. С. 97, № 64).

Мечи в погребениях некрополя синдской знати сохранились лишь в обломках, однако, можно предполагать, что они, в основном, относились к скифским типам, при этом некоторые имели рукояти с «антенными» навершиями (рис. 28, 7). В высшей степени интересна находка фрагмента рукояти греческого меча типа махайры, оформленной в виде головы грифона (рис. 28, 8). Длина сохранившейся части — 6 см; в своей основе рукоять железная, сверху она покрыта серебром (толщина до 2 мм), глаз, шея и часть подбородка грифона к тому же плакированы золотом. Это единственная находка оружия подобного рода из сделанных на всей территории Северного Причерноморья, населенной варварскими племенами.

В Курджипском кургане были обнаружены два меча совсем иного, необычного для степей Северного Причерноморья типа (ср.: рис. 32, 15–19; Галанина, 1980. С. 96–97, № 60, 62). Лучший из них по сохранности имеет длину 59 см. Рукоять выкова-

Рис. 29. Серебряная накладка на горит из кургана Карагодеуашх (по Е. В. Черненко)

на из одного куска железа с клинком, она завершается коротким, уплощенным сверху навершием, перекрестие отсутствует. Подобные мечи хорошо известны в погребальных комплексах Прикубанья, в научной литературе за ними закрепилось название мечей «синдо-меотского типа» (Смирнов, 1980). Наибольшее их количество (более 70 экземпляров) найдено в Закубанье, т. е. на территории расселения не синдов, а меотов, по этой причине В. Р. Эрлих указывает, что такие мечи правильнее считать меотскими (1991. С. 77; ср. Абрамова, 2004. С. 19–22). Имеющиеся материалы позволяют предполагать, что они появились в Прикубанье во второй половине V в. и просуществовали до III в. до н. э. Нет сомнения, что мечи воинов, изображенных на золотом колпачке из Курджипса и рельефе из Юбилейного относятся именно к этому типу.

Находки защитного вооружения, происходящие из Семибратних курганов, прежде всего характеризуются обычными для Северного Причерноморья панцирями, изготовленными из железных или бронзовых пластин, нашитых на кожаную основу (рис. 28, 10, 11). Бронзовый пластинчатый панцирь из кургана № 4 дополнялся нагрудной круглой пластиной (диаметр — 14,5 см) с изображением головы горгоны Медузы (рис. 30). Панцирь синдского царя, погребенного во Втором Семибратнем кургане украшала великолепная серебряная бляха с двумя ярусами рельефных изображений; в верхнем представлена олениха с золотыми рогами, кормящая олененка, а в нижнем — птица с распущенными крыльями, летящая вниз (рис. 31; Артамонов, 1966. С. 36, табл. 113). В связи с этими находками можно напомнить о бронзовом нагруднике с рельефом в виде головы Медузы, обнаруженном в одном из Елизаветинских курганов (см.: рис. 13). Имеющиеся материалы, на наш взгляд, позволяют

Рис. 30. Пластинчатый доспех из Четвертого Семибратнего кургана (реконструкция Е. В. Черненко)

Рис. 31. Часть серебряного нагрудника из Второго Семибратнего кургана

признать, что синдо-меотская знать питала явное пристрастие к богато украшенным доспехам.

В погребениях меотской знати очень редки бронзовые поножи греческого производства, Р. Б. Схатум даже считает, что их здесь нет вовсе (2001. С. 63). Пара поножей, однако, происходит из Курджипского кургана (Галанина, 1980. С. 100, №№ 73, 74). В Четвертом Семибратнем кургане к тому же обнаружены любопытные бронзовые пластины (длина — до 33,5 см, ширина — 2,5 см). Есть основания считать, что они относятся к пластинчатым поножам (их еще называют «полосчатыми»). Такие поножи, как уже говорилось, изготавливались не из сплошного бронзового листа, а из нескольких узких удлиненных пластин, нашитавшихся на кожаную основу (Черненко, 1973. С. 74–76; но ср.: Манцевич, 1971).

Из металлических пластин изготавливались не только панцири или поножи, ими также могли покрываться щиты. Е. В. Черненко вполне обоснованно считает, что традиция панцирного покрытия щитов имеет местное северопричерноморское происхождение (Черненко, 1973. С. 79). Железными пластинами, вероятно, был обит щит, часть которого обнаружена в седьмом Семибратнем кургане (рис. 28, 9). А. П. Манцевич полагала также, что к покрытию щита принадлежат бронзовые пластины (длина — 38 см), найденные в кургане № 4 (Манцевич, 1971), но Е. В. Черненко оспаривает такую интерпретацию и признает, что они относятся к полосчатым поножам (Черненко, 1973. С. 76).

Любопытно, что в Семибратних курганах, несмотря на их почти фантастическое богатство, не было открыто греческих или иных шлемов. Вместе с тем, хорошо известно, что шлемы греческого производства в Прикубанье пользовались немалой популярностью, Р. Б. Схатум сообщает о

находках 18 халкидских («аттических», как он их называет) шлемов (Схатум, 2001. С. 54), но, к сожалению, далеко не все из них опубликованы. Надежно документированы лишь семь экземпляров (рис. 28, 13; см.: Лунин, 1939. С. 215; Дитлер, 1964; Галанина, 1980. С. 97–98, № 66–68; Анфимов И. Н., 1981).

О вооружении рядовых воинов можно судить на основании находок, сделанных при изучении крупных могильников: Усть-Лабинский, Пашковский, Старокорсунский и др. (см.: Анфимов, 1951; Смирнов, 1958; Каминская, 1984; Лимберис, Марченко, 2001). В них отсутствуют дорогостоящие предметы защитного вооружения (панцири, шлемы), но наступательное оружие встречается довольно часто. Показательно, что лук со стрелами не стал в Прикубанье основным видом наступательного оружия. Наконечники стрел встречаются в меотских могилах, но их количество, как правило, невелико (5–10 экземпляров), в некоторых некрополях они вовсе отсутствуют (Схатум, 2001. С. 45–46). В типологическом отношении прикубанские наконечники стрел соответствуют скифской схеме (см. главу 1.2). Все они втульчатые, самые ранние имели листовидную форму, втулка иногда дополнялась острым шипом (рис. 32, 1), затем появились трехлопастные или трехгранные наконечники (рис. 32, 2). Со временем, однако, обозначилось отличие от Скифии, проявившееся в материале изготовления. Если в VI в. до н. э. все прикубанские наконечники стрел изготавливались из бронзы, то в V в. до н. э. наряду с ними распространились железные, а в IV в. до н. э. они стали доминирующей формой (рис. 32, 3).

Наиболее распространенным видом наступательного оружия меотских воинов было легкое копье с небольшим железным наконечником (Каминская, 1984. С. 81). Длина наконечников, в среднем, составля-

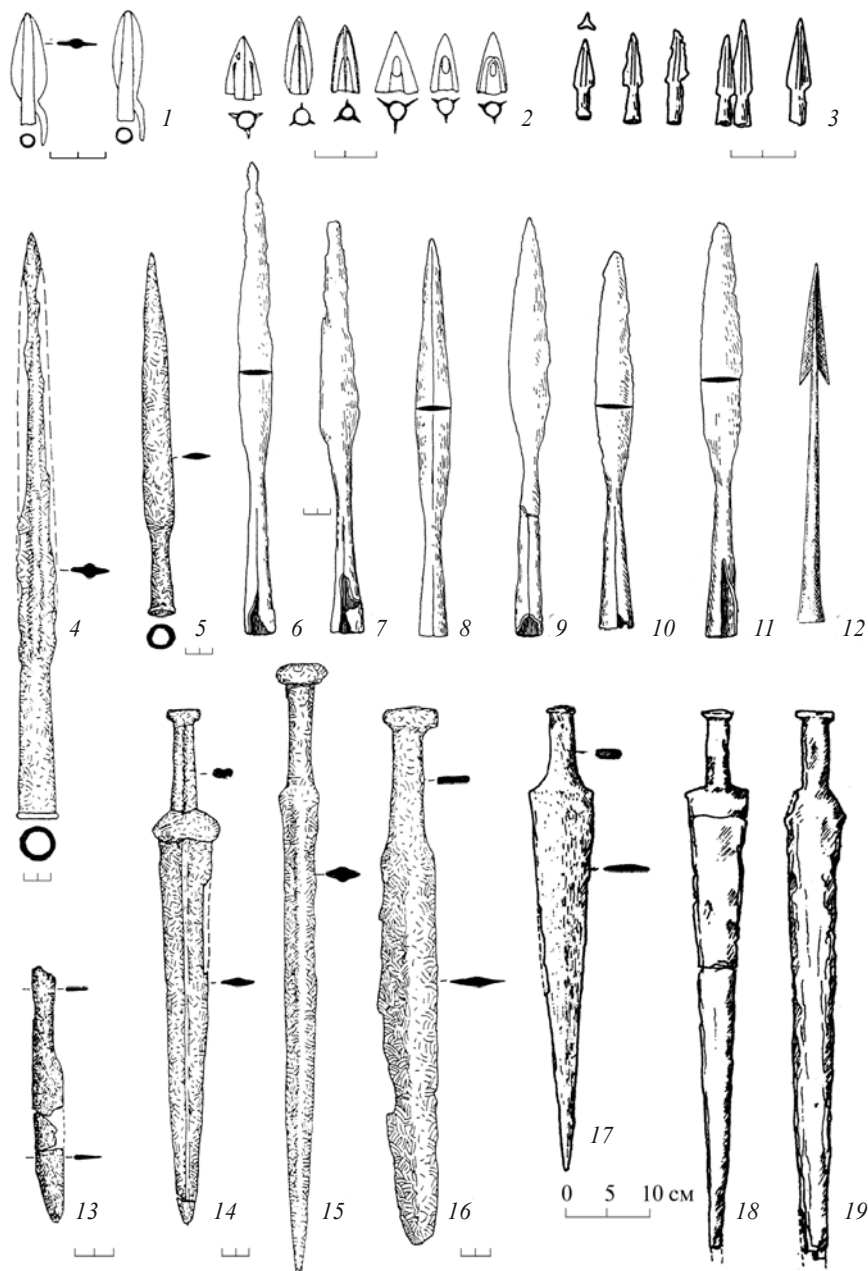

Рис. 32. Находки оружия из рядовых могильников Прикубанья
 1-2 — бронзовые наконечники стрел; 3 — железные наконечники стрел; 4-11 — железные наконечники копий; 12 — наконечник дротика; 13 — железный нож; 14 — меч типа акинак; 15-19 — мечи синдо-меотского типа (1, 2, 4, 5, 13-16 — по Н. Ю. Лимберис и И. И. Марченко; 3, 6-11 — по К. Ф. Смирнову; 12 — по Н. В. Anfimov; 17-19 — по В. Р. Эрлиху)

ет 27–32 см, перо имеет листовидную форму (рис. 32, 4–11). В IV в. до н. э. на них исчезло среднее продольное ребро жесткости, и перо в сечении приобрело линзовидную или ромбовидную форму. Наконечники тяжелых копий, имеющие в длину 34–37 см, встречаются редко (Схатум, 2001. С. 39). С IV в. до н. э. в Прикубанье распространились дротики, среди которых Р. Б. Схатум выделяет два типа (2001. С. 40–41). Первым он считает легкие копья, втулка которых в 2–3 раза длиннее пера. Второй тип — дротики с уже хорошо нам знакомым длинным наконечником, завершающимся небольшим жаловидным пером (рис. 32, 12).

В VI–V вв. до н. э. у меотов бытовали мечи типа скифских акинаков (рис. 32, 14). В V в. до н. э., как уже говорилось, появились мечи «синдо-меотского типа» без перекрестия и с брусковидным завершением рукояти (рис. 32, 15–19). Эти мечи были

довольно длинными (65–80 см), при этом к концу IV в. до н. э. наблюдается тенденция к увеличению их размеров (Эрлих, 1991. С. 89). Нет сомнения, что такими мечами можно было поражать противника, не слезая с коня.

Завершая этот раздел, следует признать, что меотские племена могли выставить весьма многочисленное и неплохо вооруженное войско. Племенная аристократия и, вероятно, наиболее состоятельная часть общинников составляли конницу. Прочие входили в пешее ополчение. Вооружение конников, естественно, выглядит более дорогим, многочисленным и разнообразным, но и боевые качества меотского пешего воинства вряд ли следует приуменьшать. Воины, каждый из которых имел несколько легких копий или дротиков, длинный меч, а некоторые к тому же владели луком со стрелами, вне всяких сомнений представляли серьезную военную силу.

Глава 3

БОСПОР ПРИ РАННИХ СПАРТОКИДАХ

3.1. Спартокиды создают державу

После потрясений конца VI — первой половины V в. до н. э. ситуация в степях Северного Причерноморья начала постепенно стабилизироваться, при этом тенденция к этому отчетливо наметилась уже в третьей четверти V в. до н. э. (Виноградов, Марченко, 1991. С. 151). Изменение военно-политической ситуации сразу сказалось на положении в греческих государствах региона, в том числе и на Боспоре. Показательно, что ранняя оборонительная стена Мирмекия в определенной степени потеряла свое значение именно к этому времени (Виноградов Ю. А., 1992. С. 107; Виноградов, Тохтасьев, 1994. С. 59–60), тогда же начался возврат населения на городские участки, которые ранее опустели (Виноградов Ю. А., 1991. С. 76–77).

Исчезновение внешней угрозы для оборонительного союза Археанактидов, вероятно, имело не только позитивные, но и негативные моменты, приведшие к тому, что в нем начались разногласия, споры или даже конфликты. Многочисленные исторические параллели убедительно свидетельствуют, что бывшие союзники часто становятся врагами. Объединение боспорских городов-государств, как представляется, не стало исключением из этого правила, можно даже предполагать, что в условиях возрастания противоречий между

его участниками оборонительный союз постепенно слабел и в конце концов прекратил свое существование.

Важнейшая политическая перемена, свидетельствующая о крушении союза Археанактидов, относится к 438/437 г. до н. э. Тогда, как об этом сообщает Диодор Сицилийский (XII. 31,1), власть на Боспоре перешла к некоему Спартоку. При каких обстоятельствах это случилось и кем был Спарток по своему происхождению, с уверенностью сказать нельзя. Есть основания считать, что Спарток происходил из Фракии, на что указывает его необычное имя (см.: Виноградов Ю. Г., 1983. С. 418; Шелов-Коведяев, 1985. С. 83 сл.; ср.: Васильев, 1977), а власть над Боспором он получил насильственным путем. Для понимания сущности происшедших событий важно сохраненное античной письменной традицией свидетельство об изгнанниках с Боспора, проживавших в Феодосии (Anon. Per. 77). В этих изгнанниках логично видеть политических противников Спартокидов, вынужденных искать спасения на чужбине, но недалеко от их родных городов. Не случайным представляется и то, что новые владыки Боспора постоянно боялись заговоров даже среди своих самых близких людей, в одной из судебных речей знаменитого афинского оратора Исократы говорится о деле Сопея, богатого и влиятельного на Боспоре человека, который был арестован по подозрению в заговоре, но потом реабилитирован (Isocr. 17). В общем, имеющиеся материалы позволяют считать, что гипотеза о государственном перевороте, происшедшем на Боспоре в 438/437 г. до н. э., имеет право на существование (Сопова, 1971. С. 55; Молев, 1997. С. 48–49; 1999а. С. 30 сл.; но ср.: Васильев, 1976). В результате этого переворота на берегах пролива на целых 330 лет утвердилась династия Спартокидов.

Трудно сказать, повлияла ли на происшедшие события Понтийская экспедиция Перикла. Из краткого сообщения Плутарха мы знаем, что лидер Афинского морского союза с большой эскадрой отправился в Черное море, подкрепив дружеские отношения с эллинскими городами, а по отношению к варварам продемонстрировав мощь своего флота (Plut. Per. 20). В отечественной литературе долго господствовала трактовка этой экспедиции как акции, которая не имела особого отношения к Северному Причерноморью (см.: Брашинский, 1958), но сейчас почти все исследователи согласны, что корабли афинян достигли северного берега Понта (Виноградов Ю. Г., 1989. С. 128–134; Завойкин, 2000. С. 256 сл.). В отношении воздействия экспедиции Перикла на боспорские события необходимо подчеркнуть, что наиболее вероятная ее дата совпадает с приходом к власти Спартока (Суриков, 1999. С. 107), в остальном же имеющаяся база источников оставляет простор для самых разнообразных предположений и догадок.

Вполне возможно, что в Афинский союз тогда были приняты некоторые города Северного Причерноморья. Античная традиция позволяет считать, что самые тесные связи с Афинами сумел наладить Нимфей, он стал членом союза и платил талант форо́са (налога), о чем свидетельствует Гарпократион со ссылкой на Кратера (Нагросг. Lex., s. v. Νίμφαιον); название Нимфея, как хорошо известно, даже реконструировалось в списке форо́са Афинского союза за 425/424 г. до н. э., выбитом на каменной плите (см.: Граков, 1939. № 1), хотя уверенности в правильности этой реконструкции нет. Несмотря на имеющиеся сомнения, можно признать, что Нимфей был членом Первого Афинского морского союза и, соответственно, был защищен от всякого рода враждебных посягательств силой и авторитетом этого могущественного объединения.

Весьма вероятно, что изначальные владения Спартока ограничивались территорией Пантикапея, но очень скоро его преемники приступили к расширению границ государства. Уже сын Спартока, Сатир, сумел захватить Нимфей и начал боевые действия против другого полиса Восточного Крыма — Феодосии. Сохранившиеся свидетельства письменной традиции не позволяют уверенно судить, каким образом Нимфей был захвачен Сатиром, сопровождалось ли это военными действиями, осадой города или т. п. Ясно лишь одно: Нимфей перешел под власть Сатира в результате измены, вероятно, весьма влиятельного лица — афинянина Гилона, получившего в награду за свое деяние г. Кепы (Aeschin. III. 171–172). Вероятнее всего, это произошло тогда, когда Афины уже потеряли свое могущество, а возглавляемый ими союз развалился в результате поражения в Пелопоннесской войне (404 г. до н. э.). Любопытно при этом, что афиняне, забыв о потере Нимфея, быстро наладили самые дружественные отношения с Сатиром. Эти дружественные отношения сохранились и позднее, став важным фактором боспорской истории на протяжении всего IV в. до н. э.

О времени «измены Гилона», в результате которой Нимфей был присоединен к Боспору, мнения исследователей несколько расходятся: Т. В. Блаватская считает, что это произошло после 413 г. до н. э. (1959. С. 70–71), Ф. В. Шелов-Коведяев — приблизительно в 405 г. до н. э. (Шелов-Коведяев, 1985. С. 113), Д. Б. Шелов полагал, что данное событие имело место сразу после 405 г. до н. э. (Шелов, 1956. С. 38). Очень может быть, что Нимфей потерял свою независимость в 405 г. до н. э. или около того. Очевидно, вскоре после этого началась борьба Сатира за другой полис Восточного Крыма — Феодосию, в котором, как уже говорилось, нашли убе-

жище изгнанники с Боспора — политические враги Спартокидов (Αποπ. Ρερ. 77). Боевые действия под этим городом, пусть скромно, но освещены в письменных источниках. Известно, что на помощь Феодосии пришла Гераклея Понтийская. Этот древнегреческий полис был расположен на южном берегу Черного моря, но его властители проявляли немалый интерес к северопричерноморским событиям. Любопытные детали акций гераклеотов можно найти в рассказах Полиэна о военных хитростях (Polyaen. Strateg. V. 23). Дело в том, что на помощь Феодосии было выслано всего два корабля, из которых лишь один был боевым («триерой»). Сил было явно недостаточно, и поэтому Тинних, возглавлявший эту экспедицию, вынужден был пойти на хитрость. Корабли подошли к городу ночью, под покровом темноты на три лодки было посажено по трубачу, после чего Тинних расставил лодки на некотором расстоянии друг от друга и приказал трубачам трубить по данному им сигналу. Расчет его был прост, — обмануть осаждавших, показать, что на помощь Феодосии подошел большой флот. Приказ Тинниха был исполнен, в нужный момент трубачи затрубили, осаждавшие в испуге без всякого порядка покинули свои позиции, и, таким образом, Феодосия была освобождена от осады. Как видим, первая попытка захвата города боспорянами провалилась, по одной из версий, Сатир даже умер у его стен (Harp. Lex., s. v. Θεοδοσία; Schol. ad Dem. XX. 33. P. 467, 9).

Перед походом на Феодосию Сатиру, скорее всего, удалось подчинить крупный полис на азиатской стороне — Фанагорию. А. А. Завойкин, подводя итог многолетних археологических раскопок в южной части городища, заметил, что имеющиеся материалы позволяют считать, что в последней четверти V в. до н. э. в истории Фанагории завершился целый этап (Завойкин, 2004.

С. 90). Все существовавшие здесь постройки погибли в пожаре, на рубеже V–IV вв. до н. э. была разрушена сравнительно недавно построенная оборонительная стена (Там же. С. 91), приблизительно тогда же прекратилась автономная чеканка монет этого полиса (см.: Шелов, 1956. С. 49–50; Завойкин, 1995. С. 92; 2004. С. 91, 93; Фролова, 2001. С. 14). Обозначенные факты достаточно красноречивы, чтобы считать, что Фанагория действительно потеряла свою независимость в конце V в. до н. э. В отношении разрушения фанагорийской оборонительной стены М. М. Кобылина высказала точку зрения, что с включением в состав Боспорского государства исчезла необходимость в городских укреплениях (Кобылина, 1969. С. 99), но дело здесь, надо думать, было в ином. Укрепления были разрушены в результате разгрома, перенесенного Фанагорией (Горлов, 1986. С. 136), после чего владыки Боспора не стали их восстанавливать, поскольку опасались силы и влияния этого полиса и, как представляется, таким образом пытались ограничить вероятность возникновения в нем сепаратистских настроений.

Показательно, что Спартокиды проявляли самую серьезную заботу о защите других боспорских городов. Весьма внушительные остатки фортификации, которую можно датировать концом V — началом IV в. до н. э., т. е. временем Сатира, были открыты при раскопках Мирмекия сразу на двух участках. В северной части городища линию оборонительных стен удалось проследить на 42 м в длину (рис. 33). Ее ширина неравномерна, на различных участках она составляет от 2,20 до 2,50 м. Здесь же была полностью открыта прямоугольная башня (6,20 × 6 м), толщина стен которой достигает 0,95–1 м (Гайдукевич, 1952а. С. 138 сл.). Еще один участок оборонительной стены и башня этого времени были изучены в восточной части Мирме-

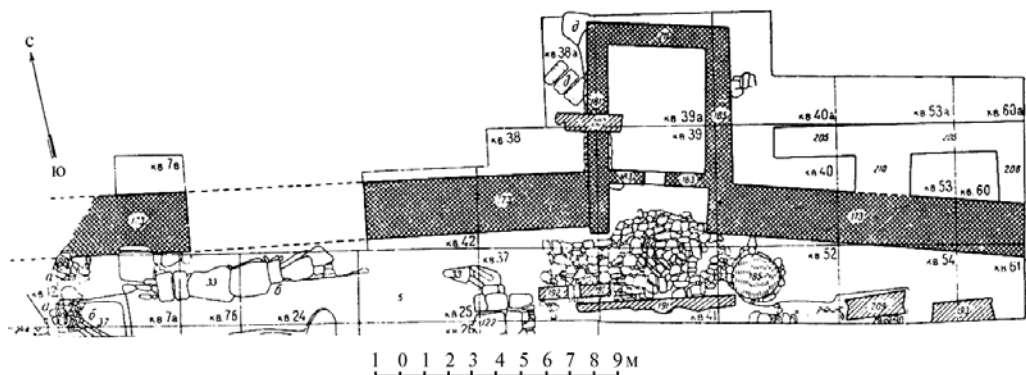

Рис. 33. Северная оборонительная стена Мирмекия конца V — начала IV вв. до н. э. (по В. Ф. Гайдукевичу)

кия (рис. 34; 50). Эти сооружения перекрывались более поздними, возведенными в III в. до н. э. (о них см. ниже). Тем не менее, вполне очевидно, что стена здесь имела ширину, близкую северной, — от 2,20 до 2,40 м. Конструкция четырехугольной башни и толщина ее стен также вполне ей идентичны (Гайдукевич, 1987. С. 149 сл.)³.

Есть основания считать, что еще один полис азиатского Боспора, Синдская Гавань, был захвачен Спартокидами приблизительно в начале IV в. до н. э., возможно, около 370–365 гг. до н. э. (Завойкин, 2004а. С. 62) Е. М. Алексеева связывает с этим событием крупный пожар, в котором погибли все дома в поселении. После пожара город был восстановлен, и границы его даже расширились, что может указывать на приток новой волны переселенцев. Это поселение стало называться Горгиппией в честь царского сына (Алексеева, 1997. С. 31–32). Оценивая все эти факты (захват Нимфея, Фанагории, Синдской Гавани),

можно признать, что к началу IV в. до н. э. завершилось формирование ядра территориальной державы Спартокидов, которое стало именоваться Боспор (Завойкин, 2000. С. 264; 2004б. С. 63).

Не ограничивая себя действиями только против греческих городов, Сатир начал политику активного вмешательства в дела местных племен Прикубанья, которая, надо признать, поначалу была не слишком успешной. Древний историк Полиэн (Strateg. VIII. 55) рассказывает, что Сатир возвратил на престол царя синдов Гекатея и потребовал, чтобы тот развелся со своей женой меотиянкой Тиргатао и даже убил ее, а взял в жены дочь Сатира. Практика династических браков, как нетрудно заметить, использовалась правителями Боспора достаточно активно. Меотиянка, однако, сумела спастись, подняла против Боспора местные племена, которые подвергли боспорские территории всем ужасам войны. Осознав крушение своих планов, Сатир умер, а его преемникам пришлось откупаться от враждебных соседей богатыми дарами.

М. И. Ростовцев убедительно показал, что в основе этого рассказа лежат реальные события из истории боспоро-синдских взаимоотношений (Ростовцев, 1915. С. 64

³ Хронологическая атрибуция городских оборонительных стен чрезвычайно затруднительна, если их не подстилают или, напротив, не перекрывают какие-то хорошо датированные археологические комплексы. О времени строительства и существования мирмекийских стен V–III вв. до н. э. см.: Чистов. 1999а.

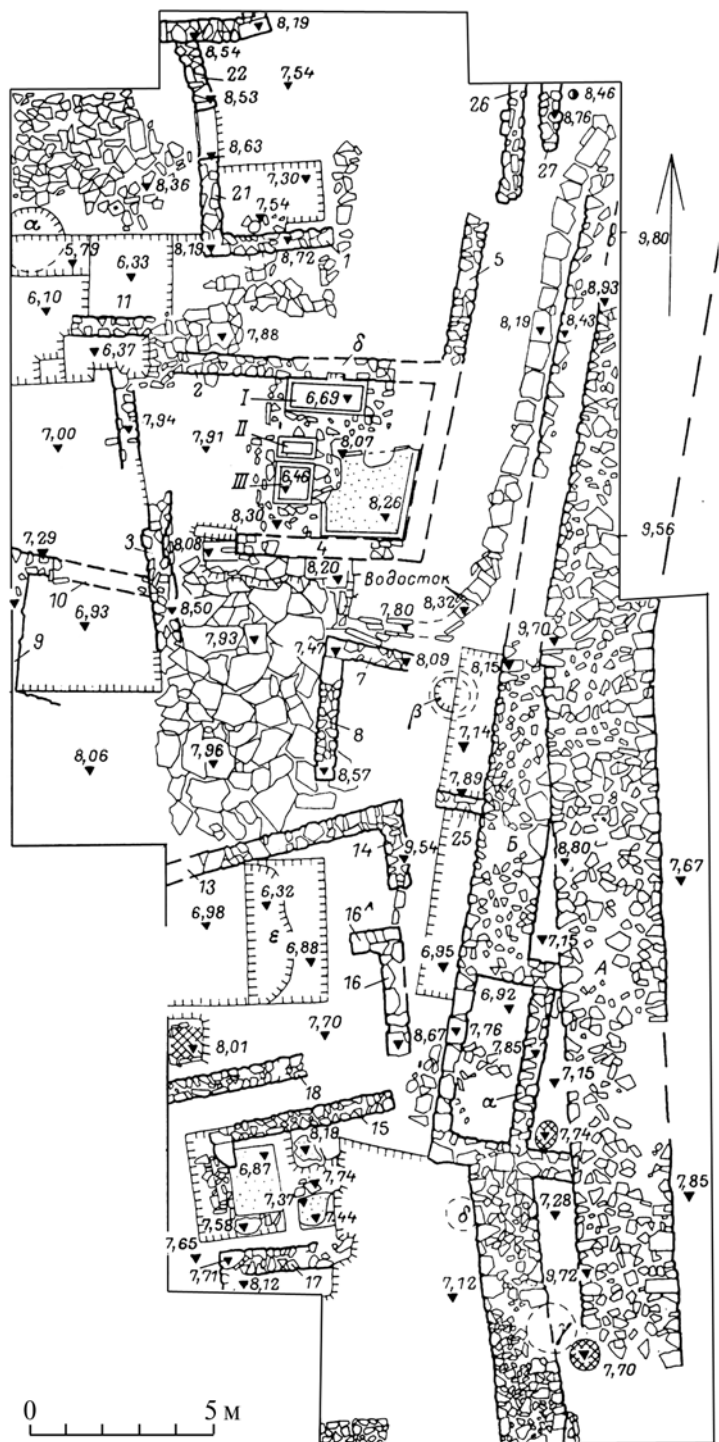

Рис. 34. Восточная оборонительная стена Мирмекии конца V — начала IV вв. до н. э. (по В. Ф. Гайдукевичу)

сл.; 1925. С. 130 сл.). Как видим, неудавшаяся попытка династического брака, предпринятая Сатиром, привела к серьезному конфликту с меотами. Наряду с прочим, рассказ Полиэна хорошо иллюстрирует сложность для боспорян задачи подчинения туземных племен. Решить ее удалось лишь преемнику Сатира — Левкону I.

Однако и Левкону, как его отцу, пришлось столкнуться с противодействием гераклеотов, которое, очевидно, опять же имело место тогда, когда боспоряне пытались захватить Феодосию. На этот раз гераклеоты действовали даже более активно. По свидетельству Полиэна (Strateg. V. 44. 1), известный греческий полководец Мемнон провел тогда разведывательную акцию, — под видом переговоров о дружбе, на Боспор была послана делегация, в которую входил популярный музыкант — кифаред Аристоник. Музыкант должен был дать концерт, а послу по количеству слушателей в театре стал бы ясен, так сказать, людской потенциал противника.

После такой разведки начались активные боевые действия. Автор псевдо-Аристотелевой «Экономики» сообщает, что на сей раз Гераклея отправила на помощь Феодосии весьма многочисленный флот, состоявший из 40 кораблей (II. 2,8). У нас нет особых сомнений в том, что свидетельство псевдо-Аристотеля относится ко времени правления Левкона I (Шелов-Коведяев, 1985. С. 120), а не Левкона II, как это предполагал Д. Б. Шелов (1950. С. 169 сл.). Полиэн рассказал прелюбопытную историю о развернувшейся тогда борьбе (Strateg. VI. 9) — гераклеоты производили нападения на берега Керченского пролива, совершая высадки там, где им заблагорассудится. Ясно, что их превосходство на море было полным. Для Левкона положение оказалось чрезвычайно трудным еще и по той причине, что его воины действовали как изменники и, по существу, не про-

тивостояли врагу. Оценив ситуацию, он избрал следующий боевой порядок: впереди были поставлены гоплиты, а за ними — скифы; при этом царь открыто объявил, что, если гоплиты опять будут медлить и допустят высадку неприятеля, то скифы должны стрелять им в спины из луков. «Узнав об этом, гоплиты мужественно воспрепятствовали врагам высадиться» (Polyaen. Strateg. VI. 9,4; перев. В. В. Латышева).

Присоединение Феодосии произошло в хронологическом диапазоне от смерти Сатира под ее стенами в 389–388 г. до н. э. до 355/354 г. до н. э., когда в речи Демосфена город уже был назван как владение Левкона (Dem. XX. 33). Обычно считается, что конфликт с гераклеотами и, соответственно, включение Феодосии в состав Боспора относится к первым годам правления Левкона, т. е. ближе к началу IV в. до н. э. (см.: Шелов, 1950. С. 171; ср.: Петрова, 2000. С. 76, 224). По предположению А. А. Завойкина (2000. С. 266; 2004б. С. 65), эти события могли иметь место несколько позднее — около 366–364 гг. до н. э. Такая трактовка находит определенную поддержку в археологических материалах, поскольку в некоторых боспорских городах открыты следы пожаров первой половины IV в. до н. э. В Мирмекии, к примеру, сильным пожаром были уничтожены здания, расположенные на самом берегу бухты, прилегающей к городищу с запада (Виноградов Ю. А., 1992. С. 108–109; Чистов, 1999. С. 169). Нетрудно представить, что именно такие прибрежные постройки должны были подвергаться нападению при высадках неприятельских десантов. Некоторые археологические наблюдения позволяют предполагать, что Нимфей тоже был частично разрушен в первой половине IV в. до н. э. (Чистов, 2000. С. 250).

Важная информация о вмешательстве Боспора в синдские дела имеется в надписи, обнаруженной в 1985 г. на Семибратнем

городище (столица Синдского государства). Эта надпись, содержащая стихотворное посвящение богу Аполлону, позволяет считать, что злополучный Гекатей был изгнан со своего престола вторично, и на этот раз вернуть власть ему помог сын Сатира, Левкон I. Впервые данный документ был опубликован Т. В. Блаватской (1993. С. 34 сл.), и, надо признать, в ее переводе и трактовке имеется немало неясностей. Совсем не удивительно, что эпиграфисты продолжили работу над документом, иное его прочтение предложили С. Р. Тохтасьев и Ю. Г. Виноградов (Тохтасьев, 1998. С. 286 сл.; 2001. С. 67 сл.; 2004. С. 144 сл.; Виноградов Ю. Г., 2002).

В результате их усилий стало ясно, что Левкон поставил изваяние Аполлону, владыке города лабритян (Семибратнего го-

родища?), когда он военной силой изгнал из земли синдов Октамасада, сына царя синдов Гекатея, который лишил отца власти. Содержание надписи позволяет предполагать, что Левкон вернул Гекатею власть, но ненадолго — очень скоро, очевидно, после смерти Гекатея с независимостью синдов было покончено. Боспорские надписи свидетельствуют, что Синдика была подчинена Боспору, и новым царем синдов стал сам Левкон (КБН. 6, 6а). В дальнейшем Левкон подчинил другие меотские племена (торетов, керкетов, дандариев).

Результаты археологических исследований Семибратнего городища дают новые важные материалы для понимания боспоро-синдских отношений в V–IV вв. до н. э. Есть основания считать, что город был основан приблизительно на рубеже VI–V вв.

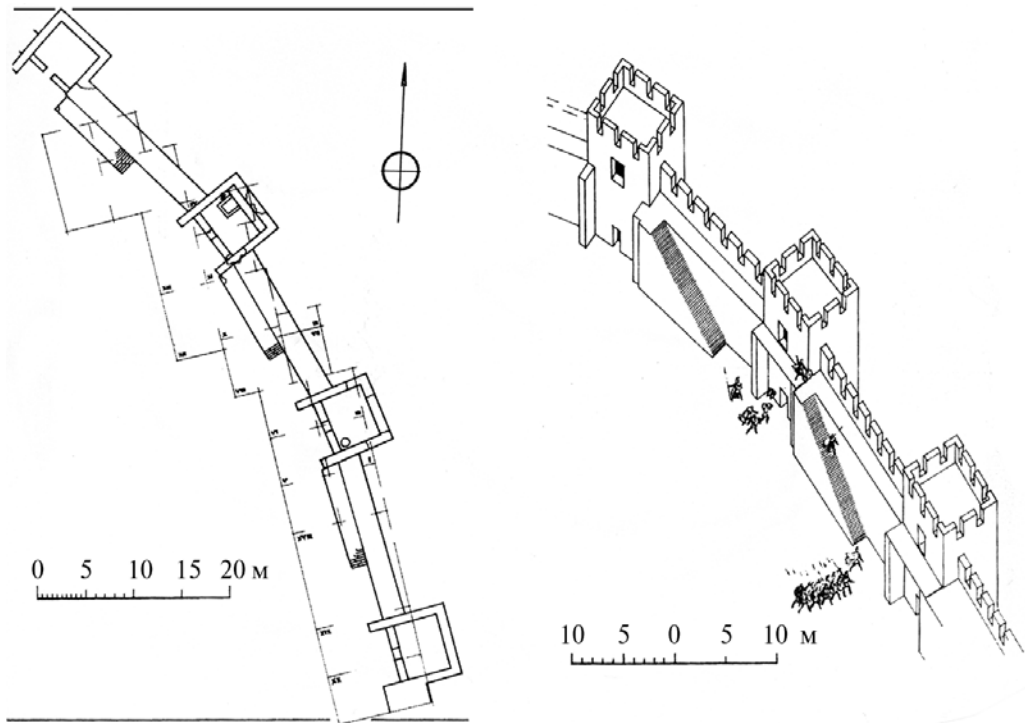

Рис. 35. Оборонительные стены Семибратнего городища (по В. П. Толстикову)

до н. э., при этом, вероятнее всего, он стал строиться как столица Синдского государства. Самая ранняя оборонительная стена была возведена здесь во второй четверти V в. до н. э. Раскопками обнаружена прямоугольная проездная башня (толщина стен — 0,85 м) с лестницей, ведущей на ее верхнюю площадку. В начале второй четверти IV в. до н. э. эти фортификационные сооружения были разрушены, возможно, в связи с обозначенными выше событиями времени правления царя Гекатея, но на их месте были построены новые стены (рис. 35). Куртины толщиной 2,25–2,65 м фланкировались четырехугольными башнями, расположенными на расстоянии 15–18 м одна от другой. Наверх стены вели специальные лестницы (Tolstikov, 1986. P. 170–171; 1997. P. 211).

Боспорские надписи с упоминанием Левкона, а их сейчас насчитывается семь, позволяют проследить территориальный рост его государства. Самая ранняя из этих надписей — упоминавшееся выше посвящение Аполлону с Семибратнего городища, в котором Левкон, вероятнее всего, назван архонтом Боспора и Феодосии (см.: Тохтасьев, 2004. С. 156). Второй по времени документ — надпись, обнаруженная при раскопках Нимфея в 2000 г., в которой он именуется «архонтом Боспора и Феодосии, всей Синдики, торетов, дандариев и псесов» (Соколова, Павличенко, 2002). Как видим, Боспорское государство тогда уже стало включать не только греческие полисы, но и варварские народы, при этом для обозначения власти над теми и другими использован термин «архонт». Этот термин — греческий, но как показал Ю. Г. Виноградов (1989. С. 112), институт архонтов не засвидетельствован в V — начале IV в. до н. э. ни в Милете, ни в его колониях. Возможно, он был выбран Левконом из-за его нейтральности (Соколова, Павличенко, 2002. С. 111). Еще одна важная деталь, за-

фиксированная этим документом, заключается в том, что под властью Левкона оказалась «вся Синдика». Можно предполагать, что ранее он владел лишь ее частью, т. е. территориями отдельных синдских родов или т. п. (Соколова, Павличенко, 2002. С. 113; ср.: Завойкин, 2004б. С. 65–66). С. Р. Тохтасьев, однако, склонен считать, что Синдика названа здесь таким образом по той причине, что ее просто необходимо было выделить среди прочих варварских владений, ведь под власть боспорского правителя перешла не просто племенная территория, а государство — «целая Синдика» (Тохтасьев, 2004. С. 165).

В третьей надписи Левкон назван «архонтом Боспора, Феодосии и синдгов, царем торетов, дандариев и псесов» (КБН. ба). В высшей степени интересно, что в отношении варварских племен титул «архонт» сохранен здесь только для синдгов, для других владыка Боспора стал «царем». В четвертом документе (КБН. б) содержится одно важное изменение, Левкон в ней имеет титул «архонт Боспора и Феодосии, царь синдгов, торетов, дандариев и псесов». В этой надписи все было расставлено по надлежащим местам, термин «архонт» стал применяться только к грекам, а «царь» — ко всем варварам; он без изменений был сохранен еще в двух документах (КБН. 1037, 1038).

Последнюю, седьмую надпись Левкона (КБН. 8) обычно связывают с дальнейшим расширением Боспорского государства, и титул правителя реконструируют как «архонт Боспора и Феодосии, царь синдгов и всех меотов». Такая реконструкция имеет один серьезный изъян, поскольку надпись сильно сколота и выражение «всех меотов» попросту добавлено исследователями. Если придерживаться установившейся традиции, то после «синдгов» в ней должны следовать «тореты, дандарии и псессы», но для написания всех трех этнонимов на ка-

менной плите просто не хватает места, и, соответственно, какой-то из них необходимо исключить. Логичнее всего предполагать, что один из этих народов вышел из подчинения Боспору, возможно, это были псессы (Яйленко, 1987. С. 25. № 18; Тохтасьев, 2004. С. 179). Данное предположение можно поддержать тем, что преемник Левкона на боспорском престоле Перисад I поначалу носил титул «архонт Боспора и Феодосии, царь синдов, торетов и дандариев» (КБН. 1014). Лишь позднее он стал именоваться «архонтом Боспора и Феодосии, царем синдов и всех меотов» (КБН, 10, 11 и др.).

Таким образом, при Левконе I сложилось своеобразное по своей структуре греко-варварское Боспорское государство, в которое входили, как некогда независимые греческие колонии района, так и варварские племена. Среди колоний, как видим, особо выделялась Феодосия, поскольку она была расположена вдали от коренных земель государства, прилегавших к проливу, которые, как уже было сказано, вероятнее всего, стали объединяться общим названием Боспор.

Возникновение пышной титулатуры боспорских правителей, безусловно, представляет значительный научный интерес. Для объяснения этого явления вряд ли продуктивно искать какие-то внутренние, специфически боспорские причины, правильнее будет объяснять его внешними влияниями. В связи с этим С. Р. Тохтасьев указывает, что единственным государством того времени, правители которого имели пышные титулы, содержавшие в своем составе название ядра государства с дальнейшим перечислением присоединенных к нему стран, была Персия (Тохтасьев, 2001а. С. 163). Есть все основания считать, что персидские цари использовали более древнюю месопотамскую традицию, но на Боспор она проникла, скорее всего, именно через Персию.

3.2. Армия Спартокидов

Из приведенных выше рассказов древних историков о войнах Сатира и Левкона можно заключить, что их войска состояли из пехоты, прежде всего тяжеловооруженной (гоплитов), и конницы. О вооружении боспорской пехоты этого времени можно судить на основании надгробных изображений, хотя они, по большей мере, не столь богаты интересующими нас деталями. К примеру, на надгробии юноши из Пантикапея мы можем видеть лишь большой круглый щит, который закрывает тело воина приблизительно от подбородка до нижней части колен (Риджвей, 1999. С. 64–65).

Определенный интерес имеет также часть мраморного рельефа, обнаруженного в Керчи в 1828 г., на котором изображена батальная сцена, вероятно, мифологического характера (рис. 36; Харко, 1941. С. 91–93; Сокольский, 1954. С. 125). Рельеф плохо сохранился, при первом взгляде на него даже может показаться, что у двух фигур, расположенных справа, на головах имеются бычьи рога. На самом деле с историей Минотавра они, конечно, никак не связаны. На их головах надеты бытовавшие в Древней Греции широкополые шляпы (такой тип шляп именовался петас), но не они в данном случае должны привлекать основное внимание. Более важно для нас изображение мужчины с мечом в руке в левой части рельефа. Нет сомнения, что этот персонаж, закинув руку за голову, приготовился к нанесению рубящего удара. Его меч, безусловно, является махайрой.

Более информативны рельефные стелы, обнаруженные при раскопках античной усадьбы Юбилейное I на Таманском полуострове в 80-х гг. прошлого века и уже вошедшие в научную литературу под названием «таманских рельефов». Один из рельефов, на котором представлено сра-

Рис. 36. Рельеф с изображением батальной сцены из Керчи (1828 г.)

жение варваров, был описан ранее (см. главу 2.2; рис. 26), но в данном контексте для нас более интересны два других, изображающих греческих воинов. Стелы датируются приблизительно третьей четвертью

IV в. до н. э., они изготовлены из мрамора, скорее всего, аттическими мастерами, но, вероятно, на Боспоре, во всяком случае их местные особенности выступают достаточно отчетливо. На первой стеле представлен

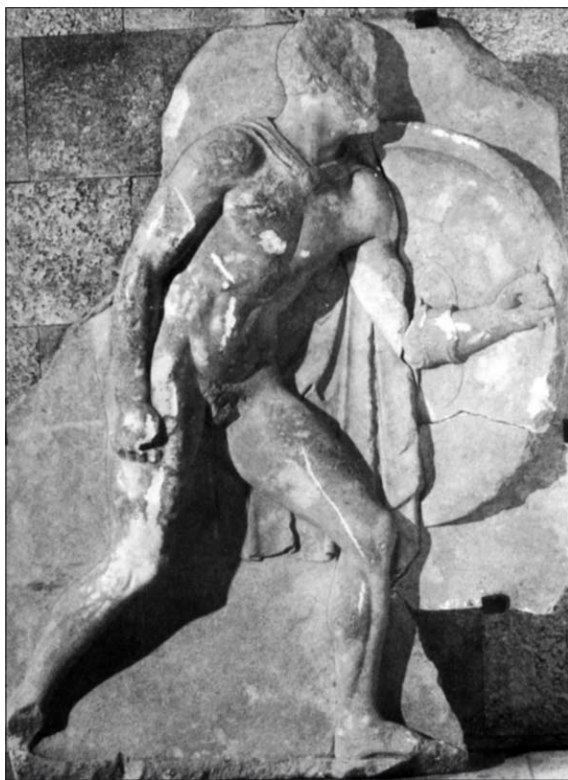

Рис. 37. Таманский рельеф с изображением воина

Рис. 38. Таманский рельеф с изображением воинов:
 1 — стела с изображением двух воинов; 2 — молодой воин (по В. П. Толстикову)

обнаженный воин с плащом, заброшенным за спину, который смело идет в бой, прикрываясь круглым щитом и сжимая меч в правой руке (рис. 37). Меч не сохранился, но, судя по изображению ножен, он относится к типу ксифосов (Риджвей, 1999. Рис. 1).

Еще более интересен второй рельеф (см.: Толстиков, 1999), на котором представлены два воина — пожилой (с бородой) и молодой (безбородый); на голове у каждого — коринфский шлем (рис. 38). Старший правой рукой придерживает круглый гоэлитский щит, другой рукой держит копье, лежащее на левом плече. На ногах у воина — высокие поножи, но он изобра-

жен босым. У младшего в правой руке копье, а в левой — меч (ксифос), который он держит за перекрестие рукоятью вниз. Скульптор прекрасно изобразил втуки копий, они представляют собой суживающиеся к низу втулки и вытянутые, по всей видимости, четырехугольные в поперечном сечении острия. Шейки втуков, где втулки соединены с острием, оформлены в виде рельефных валиков. Хорошо видны и другие детали вооружения, можно рассмотреть даже изображение шапок-подшлемников, которые изготавливались из войлока или кожи и служили для амортизации ударов по шлему. Подобную подкладку имели также кнемиды. В общем,

имеющиеся изобразительные материалы позволяют считать, что в IV в. до н. э. боспорская пехота сохраняла характерные для более раннего времени особенности вооружения и, надо думать, боевое построение фалангой.

Из приведенного выше рассказа Полиэна о столкновении Левкона I с гераклеотами (Polyaen. Strateg. VI. 9,4) можно заключить, что фаланга, состоявшая, скорее всего, из граждан боспорских городов, не стала надежным орудием в руках монархов Боспора. Вероятно, уже при ранних Спартокидах в их вооруженных силах все более и более важную роль начинают играть отряды наемников. В их контингенте можно предполагать наличие не только гоплитов, но и так называемых «пельтастов», зани-

мавших промежуточное положение между тяжеловооруженными и легковооруженными воинами.

Подразделения пельтастов получили широкое распространение в Греции IV в. до н. э., свое название они получили от легкого щита («пéльта») в форме полумесяца, который изготавливался из дерева, возможно, даже был плетеным, покрывался овечьей или козьей кожей и, как представляется, был лишен металлических обивок. Появление пельты обычно связывается с Фракией (см.: Best, 1969). Наиболее ранние изображения такого щита на аттических вазовых росписях относятся ко второй половине VI в. до н. э., но популярными они стали позднее. Часто пельта изображалась на так называемых «боспорских» пеликах IV в. до н. э., которые, по всей видимости, изготавливались в Афинах специально для продажи на Боспоре (рис. 39; см.: Коровина, 1951). Однако каких-либо остатков подобных щитов здесь до сих пор не обнаружено.

Пельта была известна и скифам. На одном из шедевров греко-скифской торевтики, золотом гребне, найденном в кургане Солоха, представлена сцена сражения трех воинов (Рис. 40; см.: Манцевич. 1987. С. 57–60). Спешившийся скиф, конь которого убит, отбивается от нападающего на него всадника и расположенного за всадником пешего воина; этот скиф имеет пельту, его противники — обычные скифские щиты. Приведенное изображение, очень информативное само по себе, интересно для нас еще и по той причине, что гребень из Солохи, как и большая часть других произведений этого стиля, скорее всего, был изготовлен в мастерских Боспорского государства. Во всяком случае, многие специалисты придерживаются именно такой точки зрения.

Еще раз возвращаясь к рассказу Полиэна о войне Левкона с гераклеотами, хо-

Рис. 39. Боспорская пелика с изображением охоты аримаспа на грифона. Под ногами коня виден щит-пельта (Собрание ГМИИ им. А. С. Пушкина)

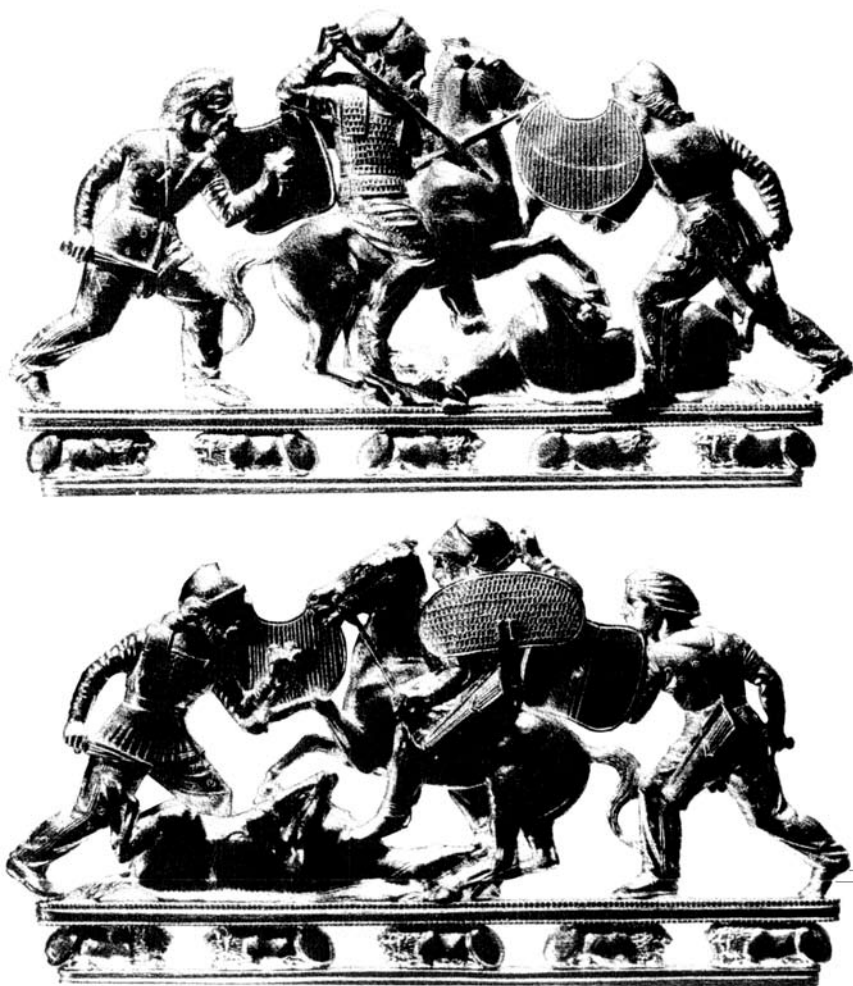

Рис. 40. Золотой гребень из кургана Солоха с изображением сражающихся скифов.

чается обратить внимание, что содержащаяся в нем информация чрезвычайно ценна в одном весьма существенном аспекте. Приведенное повествование, пусть в несколько анекдотичной форме, отражает реальный боевой эпизод, происшедший на Боспоре, добавим, что это единственное описание военных действий на берегах Керченского пролива, которое сохранила античная письменная традиция. В высшей степени показательны, что в этом эпизоде верными союзниками Левкона выступили

скифы, и у нас есть веские основания считать, что в это время уже существовал боспоро-скифский союз, важной составляющей которого, безусловно, было военное сотрудничество (Шелов-Коведяев, 1985. С. 136; Яковенко, 1985. С. 28; 1986. С. 47).

Материальными свидетельствами такого союза являются курганы варварской знати (вероятно, в основном, скифской), которые насыпались в это время в окрестностях столицы государства — Пантикапея. Первым в их ряду следует назвать так

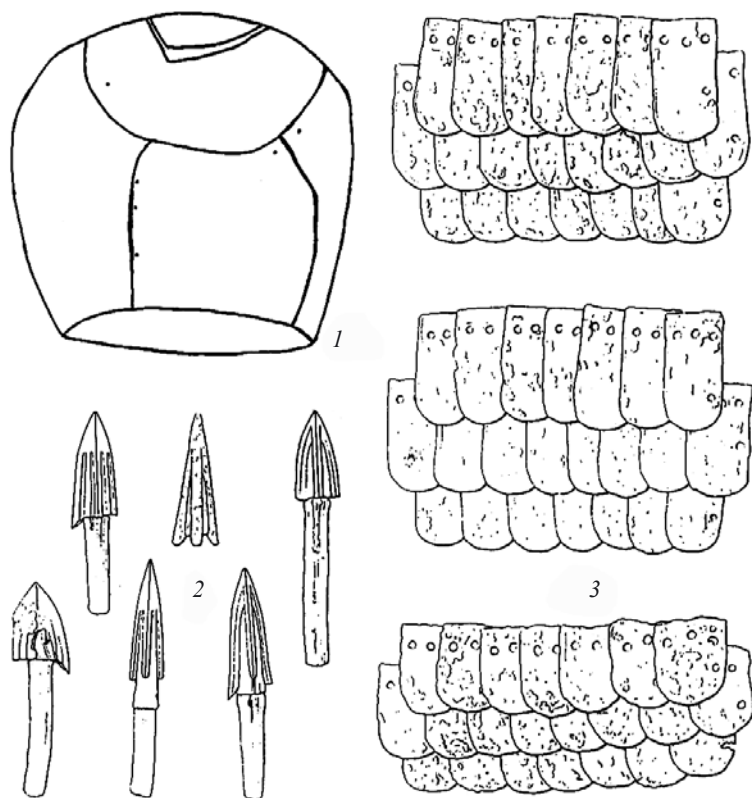

Рис. 41. Находки из кургана Ашика (1838 г.)
 1 — бронзовый шлем; 2 — бронзовые наконечники стрел; 3 — обломки
 бронзового чешуйчатого панциря

называемый «курган Ашика» (раскопан А. Б. Ашиком в 1838 г.), поскольку он хорошо датируется концом первой четверти IV в. до н. э., когда Левкон I достиг немалых успехов в создании Боспорского государства (см.: Виноградов Ю. А., 2004а). В кургане был погребен воин с интереснейшим набором вооружения: шлем, панцирь, поножи, меч, лук со стрелами (рис. 41). Подчеркнем, что именно в этом кургане были обнаружены бронзовые поножи с изображением голов горгоны Медузы на коленной части (рис. 12, б), которые, как уже отмечалось, являются самой ранней находкой подобного вооружения во всем античном Северном Причерноморье.

В этом комплексе чрезвычайно интересны и другие предметы. Прежде всего, это бронзовый шлем (рис. 41, 1), который, как отметил Б. З. Рабинович (1941. С. 166), «поражает крайней простотой формы». Он состоит из трех грубо склепанных пластин, две из которых свернуты полукругом и образуют боковые стенки, а третья расположена сверху. Его высота — 17 см, длина посередине — 25 см, наибольшая ширина — 22 см. По краю шлема имеются мелкие отверстия для прикрепления подкладки. В отличие от обычных форм этот шлем не сужается, а как будто несколько расширяется кверху. Вероятно, простота формы может свидетельствовать в пользу его ме-

стного происхождения, хотя шлем совершенно не подходит под типы скифских, «видимо, представляя собой единичное явление», как считал Б. З. Рабинович. Другие специалисты в области древнего вооружения предполагали, что шлем был сделан из частей разрушенных шлемов или из бронзовых пластин неизвестного назначения, возможно, даже из частей металлических сосудов, проще говоря, из греческого металлолома (Черненко, 1968. С. 95; Горелик, 1993. С. 340–341). В общем, этот шлем представляется в полной мере уникальным.

Панцирь также весьма любопытен (рис. 41, 3), хотя и относится к обычному для варваров Северного Причерноморья типу пластинчатых или чешуйчатых доспехов. Дело в том, что, как отмечалось выше, в основном, такие панцири были изготовлены из железа, панцирь из кургана Ашика сделан из бронзовых пластин, при этом пластины здесь были не просто нашиты на основу, а крепились бронзовыми заклепками, что абсолютно нетипично для скифской традиции (Черненко, 1968. 28–29, прим. 1). Железный меч, скорее всего, принадлежит к типу скифских акинаков, а бронзовые наконечники стрел (рис. 41, 2) относятся к хорошо известным в Северном Причерноморье типам, которые можно датировать второй половиной — концом V в. до н. э., а также началом IV в. до н. э.

Среди более поздних курганов времени расцвета Боспорского государства при Спартокидах особое значение принадлежит кургану Куль-Оба, в котором в 1830 г. было открыто богатейшее погребение скифского военачальника (ДБК. С. XXXII сл.; Ростовцев, 1925. С. 376 сл.; Артамонов, 1966. С. 62 сл.). В специальном отделении саркофага был положен его парадный меч, рукоять и ножны которого имели золотые обкладки. На рукояти изображены фигуры двух животных; на пластине для подвешива-

вания меча — морской конь (гиппокамп), на самих ножнах — грифон, лев, терзающий оленя, леопард и др. (рис. 42, 2). Кнемиды, изготовленные из позолоченной бронзы, по размерам значительно превосходят обычные греческие поножи и позволяют считать, что погребенный в Куль-Обе воин был настоящим богатырем. Из защитного вооружения представлен также шлем. Среди наступательного вооружения, кроме меча, в склепе были найдены сотни наконечников стрел, наконечники копий и дротиков. Чрезвычайно важны для нас также происходящие из Куль-Обы находки золотых штампованных бляшек и электрового сосуда с изображением скифов (рис. 3, 2; 4; 7, 1).

В кургане Патиниоти, который М. И. Ростовцев назвал «более бедным двойником Куль-Обы» (1925. С. 386 сл.; см. также: Яковенко, 1974. С. 65; Тункина, 2001), в 1821 г. было открыто погребение знатного воина, но оно, к сожалению, было разграблено. Еще один важный памятник подобного рода — курган у с. Баксы, в котором был обнаружен каменный склеп с уступчатым перекрытием свода, принадлежавший воину с сопровождавшими его погребениями трех коней (ОАК. 1882–1888. С. VI; Gajdukevič, 1971. S. 278).

В некрополе боспорской знати IV в. до н. э. Юз-Оба («Сто холмов»), расположенном южнее Керчи, также имеются воинские захоронения. В кургане на землях мирзы Кекуватского (под таким названием он вошел в научную литературу) был открыт не очень богатый склеп, но здесь обнаружено немало предметов вооружения (ДБК. С. IV, XIX; Ростовцев, 1925. С. 192 сл.; Артамонов, 1966. С. 66). Погребенный имел в каждой руке по пучку стрел с бронзовыми позолоченными наконечниками (их общее число составляет около 300). В ногах находился бронзовый греческий шлем халкидского типа с подвижными на-

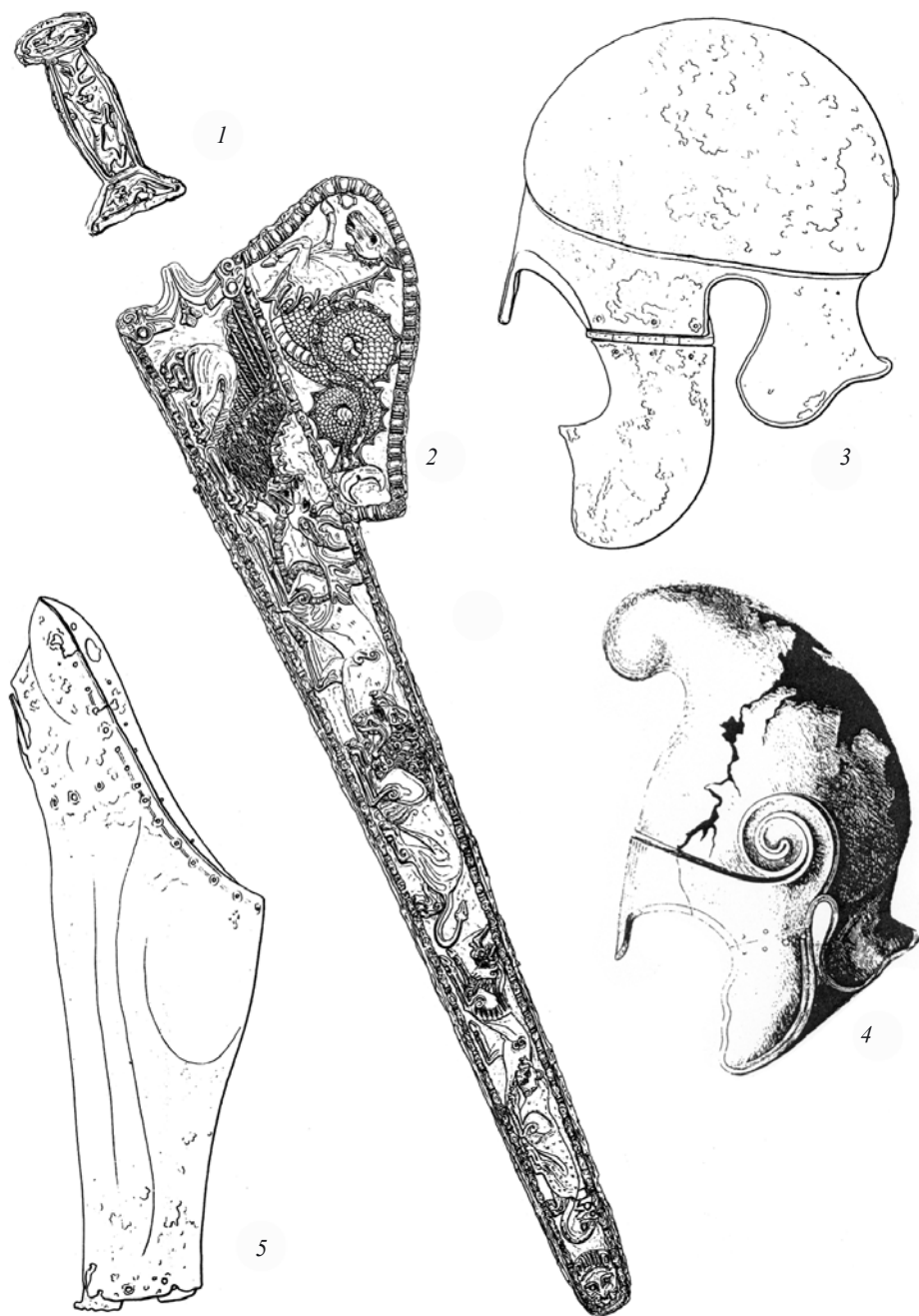

Рис. 42. Находки оружия из боспорских курганов IV в. до н. э.
1 — обложенная золотом рукоять меча; 2 — обложенные золотом ножны меча; 3 — шлем халкидского типа; 4 — шлем в виде фригийского колпака; 5 — бронзовая поножь (1, 3, 5 — курган Кекуватского; 2 — Куль-Оба; 4 — Большая Близица)

щечниками (рис. 42, 3), а также бронзовые поножи (рис. 42, 5). Здесь же лежал меч, от которого сохранилась обложенная золотом рукоять, с представленным на ней неясным изображением зверя (рис. 42, 1).

Цепочку насыпей Юз-Обы на западе замыкает второй Змеиный курган (ОАК. 1882 — 1888. С. ССХIV; 1889. С. 11). При его раскопках также был открыт каменный склеп с уступчатым перекрытием свода, в котором находилось ограбленное погребение воина с сопровождающим его захоронением коня. Среди сделанных здесь находок — железные наконечники копий, большое количество наконечников стрел и т. д.

На Таманском полуострове погребения с богатыми наборами вооружения времени ранних Спартокидов были открыты в курганах Большая и Малая Близницы. Во время раскопок Большой Близницы в 1865 г. был обнаружен склеп с погребением воина (ОАК. 1865. С. IV сл.; 1866. С. 5 сл., 67 сл.), в котором, кроме других находок, представлены: великолепный бронзовый шлем в виде фригийского колпака (рис. 42, 4), бронзовые пластины с позолотой, которые исследователи кургана посчитали обломками панциря и поножей, большой железный меч, небольшой кинжал, 7 копий и множество бронзовых наконечников стрел.

Особый интерес в комплексе, безусловно, представляет шлем. Вполне очевидно, что он продолжает традицию развития халкидских шлемов, что видно по устройству его короткого наносника, подвижных нащечников, закругленных вырезов для ушей и, наконец, выгнутого назатыльника. Верхняя часть шлема, однако, оформлена совсем иначе, по-новому, — она сильно вытянута вверх и загнута вперед, имитируя форму фригийского колпака. П. Динтсис отнес этот шлем к группе «тиарообразных» (Dintsis, 1986. S. 123, № 63; Taf. 12,

3)⁴. Б. З. Рабинович справедливо указывал на переходный характер такого типа шлемов от классических к эллинистическим (1941. С. 151), т. е. получившим распространение уже после завоеваний Александра Македонского, в III–I вв. до н. э. Действительно, наиболее ранние их воспроизведения можно видеть на монетах царя Македонии. Шлем из Большой Близницы тоже является достаточно ранним, вероятно, его можно датировать концом IV — началом III вв. до н. э.

Есть веские основания предполагать, что более ранней в сравнении с Большой Близницей является соседняя с ней Малая Близница, которую можно датировать серединой или даже первой половиной IV в. до н. э. (Виноградов Ю. А., 2004б. С. 102, 104). К сожалению, в центральной гробнице кургана было обнаружено немного предметов вооружения, в основном это были бронзовые наконечники стрел. В тризнах, окружающих гробницу, были найдены наконечники копий.

Для управления конем и более свободных действий всадника на поле боя, как известно, большое значение имеет конструкция седла и наличие стремян. Сразу оговоримся, что подробнее все эти вопросы будут рассмотрены в главах, посвященных истории Боспора первых веков н. э. Сейчас можно лишь отметить, что стремяна вообще появились очень поздно — не ранее IV в. н. э., при этом их изобрели, скорее всего, в Северном Китае и Корее. Седло с твердой основой, изготовленное из дерева и имеющее вертикальные выступы

⁴ Можно отметить, что три подобных шлема были обнаружены в кладе около с. Олонешты (Молдова), состоящем из шести шлемов и шести пар поножей (Сергеев, 1966). Есть предположение, что вещи клада были оставлены военачальниками Зопириона, полководца Александра Македонского, который приблизительно в 331–330 гг. до н. э. совершил неудачный поход против скифов (см. главу 1.2).

Рис. 43. Деревянная основа седла из Пантикапея

в передней и задней частях, появилось раньше — приблизительно на рубеже эр. Исследователи почти не сомневаются, что в более раннее время были распространены мягкие седла, сделанные из кожи и имевшие набивку, которая создавала невысокую переднюю луку (Мелюкова, 1989. С. 97). Однако в археологических реалиях Боспора Киммерийского уже давно известна находка деревянной основы, относящаяся к значительно более раннему времени — IV в. до н. э., которая почему-то почти не привлекает внимание ученых (см.: Сокольский, 1971. С. 227, 286, табл. XXXIV. 2).

Деревянная основа седла была обнаружена во время раскопок одного из курганов под Керчью в 1859 г.⁵ Она представляет собой изогнутую пластину размером 28 × 22,5 см, с нижней ее стороны имеется выемка глубиной около 1 см, видимо, предназначенная для войлочной подкладки (рис. 43). С боков пластины расположены прорезы, в которых закреплены концы гнутого деревянного стержня толщиной 2 см, служившего, вероятнее всего, основой се-

дельного задника. Место соединения стержня с пластиной охвачено бронзовой обоймой, набитой сюда с помощью бронзовых гвоздиков.

Весь этот комплекс, несмотря на его принципиальную важность, до настоящего времени полностью не изучен и не опубликован. Его описание, хранящееся в архиве ИИМК РАН, не оставляет сомнения в том, что в открытой в 1859 г. гробнице был погребен мужчина, при этом по вполне греческому обряду. Ни оружия, ни сопровождающих захоронений коней здесь не было найдено. Очень показательным, что среди погребального инвентаря представлен железный стригиль — специальный нож, использовавшийся древнегреческими атлетами после состязаний для соскребания с тела остатков масла и пота с налипшим песком. Н. И. Сокольский датировал этот комплекс IV в. до н. э. (Сокольский, 1971. С. 227, 286), и, надо признать, для этого у него были все основания, поскольку в гробнице была найдена краснофигурная ваза с изображением двух фигур, стоящих перед жертвенником. Хронологическая атрибуция этого сосуда, а значит и всего комплекса в целом, может быть сужена до второй половины IV в. до н. э.

⁵ См. Архив ИИМК РАН. Описание 1. 1859. № 12. С. 1–2, 12–13, 122–123; Описание 1. 1859. № 21. С. 6–7.

Данный хорошо датированный комплекс заставляет предполагать, что конструкция седла с твердой основой сложилась в мире кочевников приблизительно на 400 лет раньше, чем сейчас считается (ср.: Переводчикова, Фирсов, 2005. С. 405 сл.), при этом уже во второй половине IV в. до н. э. культурные импульсы с востока достигли Боспора.

Курганы Боспора IV в. до н. э., как и других исторических эпох, позволяют наглядно представить, насколько богата, многочисленна и влиятельна была полиэтничная элита государства. Нет сомнения, что именно она составляла костяк боспорской конницы. В ее среде высоко ценилась воинская культура, умение владеть различными видами оружия, для ее мироощущения был особенно характерен культ героев и вообще прославление идеала героической жизни воина-всадника.

Имеющиеся материалы позволяют считать, что владыки Боспора, опираясь на силу боспорского войска и на поддержку скифов, расширяли свои владения и достигли такого положения, что стали играть очень важную роль, так сказать, в международной жизни Северного Причерноморья. При Перисаде I Боспорское государство простиралось на землях, которые, как сказано в одной из надписей, лежали «между пределами тавров (т. е. Крымскими горами) и Кавказскими горами» (КБН. 113). Благоприятная обстановка IV в. до н. э. выразилась в расцвете материальной культуры всех греческих государств региона и в особенности Боспора. Выдающийся исследователь северопричерноморской античности М. И. Ростовцев с полным на то основанием назвал это столетие «золотым веком» эллинизма на северном берегу Черного моря (Ростовцев, 1918. С. 93). Одним из ярких проявлений такой ситуации можно рассматривать активное освоение греками широких сельскохозяйственных тер-

риторий. По подсчетам специалистов, общее количество сельских поселений этого времени в обеих частях Боспорского царства составляло более 400 (см.: Кругликова, 1975. С. 53 сл., 254, рис. 101; Паромов, 1990. С. 164; Масленников, 1995. С. 43). Чрезвычайно показательным, что все они были лишены укреплений.

3.3. Негативные перемены в степях Северного Причерноморья

Боспоро-скифский союз, однако, мог быть реальным гарантом стабильности в регионе лишь до тех пор, пока скифы были господствующей военной силой в степях Северного Причерноморья, и здесь очень многое зависело от положения на восточных рубежах Скифии. Передвижения новых орд кочевников из глубин Азии, как уже не раз говорилось выше, обычно вели к дестабилизации военно-политической обстановки. Вряд ли можно оспаривать тезис о том, что в IV в. до н. э. греко-варварские взаимоотношения в регионе, в целом, носили достаточно стабильный, мирный характер, но, имея дело с чрезвычайно подвижным миром номадов, вряд ли можно ожидать, что этот «золотой век» был абсолютно безмятежным или слишком длительным.

В связи с этим следует обратить внимание, что на восточных рубежах Скифии признаки возрастания военной опасности фиксируются уже приблизительно с середины IV в. до н. э. Весьма показательным, что на Елизаветовском городище, расположенном в дельте Дона, развитая оборонительная система была возведена как раз около этого хронологического рубежа (Брашинский, Марченко, 1980. С. 214; Марченко, Житников, Копылов, 2000. С. 76). Во

второй половине столетия (не позднее третьей четверти) эти укрепления были скрыты, скорей всего, по требованию враждебных племен, вероятно, сарматов (Марченко, Житников, Копылов, 2000. С. 78–80). Через некоторое время на Елизаветовке была возведена новая линия укреплений, не менее мощная, чем прежняя (Брашинский, 1980. С. 215; Марченко, Житников, Копылов, 2000. С. 80), однако, на рубеже IV–III вв. до н. э. городище было оставлено населением (Марченко, Житников, Копылов, 2000. С. 252).

В Прикубанье, как и на Дону, признаки возрастания военной угрозы проявлялись вполне отчетливо. До недавнего времени считалось, что целая серия укреплений и городищ была возведена в среднем течении Кубани в IV в. до н. э. (Анфимов, 1958. С. 25). Этот вывод, в принципе, невозможно оспаривать, но современные археологические исследования позволяют его конкретизировать и, соответственно, лучше понять военно-политическую ситуацию в регионе. На городище № 2 у хутора им. Ленина оборонительная система была возведена еще в первой половине IV в. до н. э., а во второй половине или конце столетия она была уничтожена (Марченко, 1996. С. 116–117; Лимберис, Марченко, 1998. С. 43). На Старокорсунском городище № 2 строительство оборонительной системы, состоящей из валов и рвов, было осуществлено в середине — второй половине IV в. до н. э., но она просуществовала недолго и была уничтожена в конце IV — начале III вв. до н. э. (Марченко, 1996. С. 117; Лимберис, Марченко, 1998. С. 55–56). Все эти археологические факты можно связывать с большой военной опасностью, которая возникла в Прикубанье по причине продвижения сюда сарматских племен (Лимберис, Марченко, 1998. С. 56). Складывается впечатление, что сопротивление местного земледельческого населения бы-

ло сломлено пришельцами приблизительно к концу IV в. до н. э.

В результате начавшегося передвижения кочевнических групп в скифо-сакских степях, вероятно, уже с 30-х гг. IV в. до н. э. происходит инфильтрация в Скифию савроматских элементов (Алексеев, Мурзин, Ролле, 1991. С. 140). По мнению Д. Б. Шелова, в последней четверти IV в. до н. э. начали действовать те факторы, которые привели к глубочайшему кризису денежной системы Боспора (Шелов, 1956. С. 117), и надо признать, всех других античных государств северного берега Понта. В этом отношении хотелось бы обратить внимание, что какие-то негативные явления во взаимоотношениях Боспора со скифами возникли уже в конце третьей четверти IV в. до н. э. Весьма важная информация для понимания начавшихся изменений в регионе, как можно считать, содержится в речи Демосфена против Формиона, которую он произнес около 328 г. до н. э. (Dem. XXXIV. 8). В ней знаменитый оратор, в частности, говорил о торговой поездке Формиона на Боспор. Поездка была крайне неудачной, так как товары, привезенные Формионом, почти не находили сбыта вследствие войны, которая шла тогда между боспорским царем Перисадом и скифами. Сам по себе факт военных столкновений между скифами и Боспором в это время чрезвычайно интересен, ибо скифы, если судить по данным античных письменных источников, и до, и после этого события выступали как союзники боспорских царей (Polyaen. Strateg. VI. 9,4; Diod. XX. 22–24). Но еще более интересен, на наш взгляд, другой аспект этого сообщения, а именно тот, который свидетельствует о крупных торговых затруднениях Формиона. Боспорское государство во второй половине IV в. до н. э. занимало значительную территорию и граничило с различ-

ными варварскими племенами, а значит, локальный конфликт с одним из них, а именно так иногда трактуется сообщение Демосфена (Масленников, 1981. С. 43), вряд ли мог привести к столь бедственным последствиям.

Не исключено, что уже в это время в силу каких-то причин вся система взаимоотношений Боспора с варварским миром испытывала некоторые трудности, что, в частности, могло привести к военным конфликтам и отрицательному воздействию на боспорскую торговлю. К сожалению, в силу своей краткости, приведенное свидетельство не может быть основанием для более определенных выводов. Да и сама по себе неблагоприятная ситуация для торговли на Боспоре в это время может рассматриваться не более, чем симптом будущих потрясений. Очень может быть, что уже тогда начались отдельные походы восточных номадов (сарматов) на запад, которые повлияли на увеличение военной напряженности в Северном Причерноморье.

Данные археологии убедительно свидетельствуют, что Великая Скифия не пережила рубежа IV–III вв. до н. э. (Алексеев, 2003. С. 277), ее крушение с полным основанием можно назвать одним из важнейших, эпохальных событий древней истории. Скорей всего, эта катастрофа стала результатом целого комплекса причин, приведших к общему ослаблению Скифии, но главной из них, несомненно, было сарматское продвижение на запад (см.: Мачинский, 1971; Виноградов Ю. Г., 1997; 1999; Виноградов, Марченко, Рогов, 1997; Брюяко, 1999). Весьма важным в этом контексте представляется свидетельство Диодора Сицилийского о том, что савроматы (сарматы) «опустошили значительную часть Скифии и, поголовно истребляя побежденных, превратили большую часть страны в пустыню» (Diod. II. 43,7; перев. В. В. Латышева).

3.4. Усобища сыновей царя Перисада I

Буквально накануне крушения Скифии произошло одно важное событие, в которое были вовлечены и скифы, и сарматы, и Боспорское государство. Речь идет об усобище сыновей царя Перисада I (Сатира, Евмела и Притана), о которой достаточно подробно сообщил историк Диодор Сицилийский (Diod. XX. 22–24). В самом кратком изложении его повествование сводится к следующему. В 310/309 г. до н. э. умер Перисад I, и по старшинству власть перешла к Сатиру. Недовольный этим Евмел начал оспаривать власть у брата, в своей борьбе он опирался на поддержку варваров во главе с царем Арифарном, который располагал значительными воинскими силами, насчитывавшими 42 тысячи (20 тысяч конницы и 22 тысячи пехоты). Понимая серьезность нависшей угрозы, Сатир собрал значительные силы: 34 тыс. воинов, из которых 30 составляли союзные скифы (20 тыс. пехоты и 10 тыс. конницы), 2 тысячи наемников-греков и 2 тыс. наемников-фракийцев. Под командованием царя это крупное войско с большим обозом продовольствия выступило в поход.

Где произошли военные столкновения и какие варвары поддержали Евмела, из текста Диодора не вполне ясно, поэтому мнения ученых по этим вопросам сильно расходятся. Есть веские основания считать, что районом боевых действий стало Прикубанье, а беглого боспорского царевича поддержало сарматское племя сираков, к тому времени уже продвинувшееся с востока в обозначенный район (см.: Желобев, 1953. С. 177; Струве, 1968. С. 151; Десятчиков, 1977. С. 46; Марченко И. И., 1996. С. 113–114; Виноградов Ю. А., 2003. С. 82–86; Rostovtzeff, 1922. P. 145; 1930. P. 577; Sulimirski, 1970. P. 95, 103; Mięlczarek,

1999. P. 62). Противники такого понимания считают, что на стороне Евмела выступило племя фатеев (см.: Латышев, 1909. С. 67; Гайдукевич, 1949. С. 73; Каллистов, 1949. С. 221; Блаватский, 1954. С. 85; Minns, 1913. P. 578–579; Olbrycht, 2001. S. 444). О фатеех имеются упоминания в боспорских надписях (КБН. 9, 25, 972, 1015), из которых вполне очевидно, что те были подчинены царям Боспора до и после интересующих нас событий. Разумеется, можно предполагать, что фатеи решили выйти из подчинения, подняли восстание, чем решил воспользоваться в своих интересах Евмел, но в таком случае у нас неизбежно должны возникать сомнения в том, каким образом это племя сумело выставить 42 тысячи воинов — больше, чем объединенные силы боспорского царя и скифов. Если даже древний историк преувеличил численность вовлеченных в конфликт сил, то общее их соотношение, надо думать, было указано им верно. В военном потенциале сираков у нас не может быть сомнений; Страбон свидетельствует, что при Фарнаке они выставили 20 тысяч всадников (Strab. XI. 5,8), т. е. ровно столько, сколько указывается в рассказе Диодора (об этих событиях см. ниже). Несмотря на имеющиеся сомнения, есть веские основания предполагать, что Евмел в борьбе за боспорский престол опирался на поддержку кочевников-сираков и подвластные им меотские племена. Меоты, как представляется, составляли пехоту Арифарна.

Войско Сатира перешло реку, которая, возможно, называлась Фат, и, приблизившись к противнику, встало лагерем, окружив его телегами со всех сторон. Отметим, что такое устройство лагеря («табором» или «куренем») было очень характерно для кочевников (Голубовский, 1902. С. 72–79; Плетнева, 1964. С. 133–134). Историки, описывавшие события первых веков н. э., как это будет сказано ниже, рассказывали

о таких построениях не раз, но важно подчеркнуть, что первое описание военного лагеря, окруженного телегами, для региона Причерноморских степей дал именно Диодор, о чем современные исследователи почему-то часто забывают. Еще более показательно, что боспорский царь Сатир использовал при этом варварскую, даже кочевническую традицию, объяснение чему, вероятно, надо искать в том, что его войско по составу было преимущественно варварским.

Затем произошло сражение, которое в исторической литературе порой называется битвой на Фате. Противники построились следующим образом. Сатир по скифскому обычаю, как это специально подчеркивает Диодор, встал в центре своих боевых порядков. Подобное построение, когда военачальник встает в центре войска, — характерный прием боевого построения не только скифов, но и других ираноязычных народов. Ксенофонт в его известном сочинении «Анабасис» в этом отношении сообщает: «Все военачальники варваров занимают место в центре войска, полагая, что они таким образом находятся в наибольшей безопасности, если с обеих сторон имеют свое войско, и что в случае необходимости передачи приказа войско будет оповещено о нем в половину времени» (Anab. I. 8,22; перев. М. И. Максимова)⁶. Весьма показательно, что в центре враждебных Сатиру сил встал Арифарн, а Евмел находился на левом фланге.

По поводу этого построения известный советский историк и археолог В. Д. Блаватский высказал предположение, что Евмел использовал здесь тактику «косо́го клина» (рис. 44), впервые столь удачно примененную знаменитым полководцем Эпаминон-

⁶ Показательно, что именно таким образом стоял персидский царь Дарий в битве с Александром Македонским при Иссе (Агг. Anab. II. 8,11).

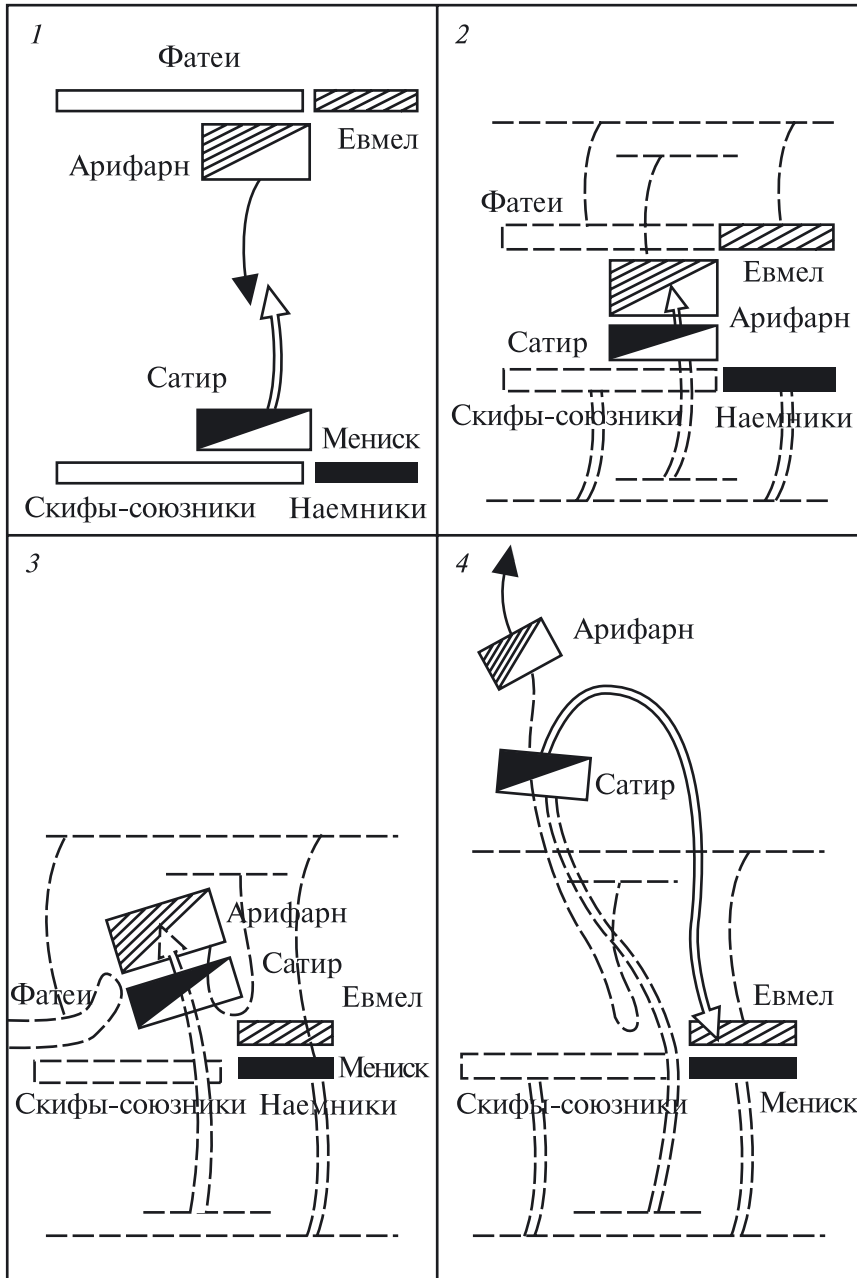

Рис. 44. Схема битвы при Фате (по В. Д. Блаватскому)

1 — боевой порядок войск Сатира и Арифарна; 2 — встречный бой конницы Сатира и Арифарна; 3 — конница Сатира опрокинула конницу Арифарна, вступивший в бой Евмел теснит наемников Сатира; 4 — конница Сатира, прекратив преследование конницы Арифарна, наносит удар по отряду Евмела и, сокрушив его, одерживает победу

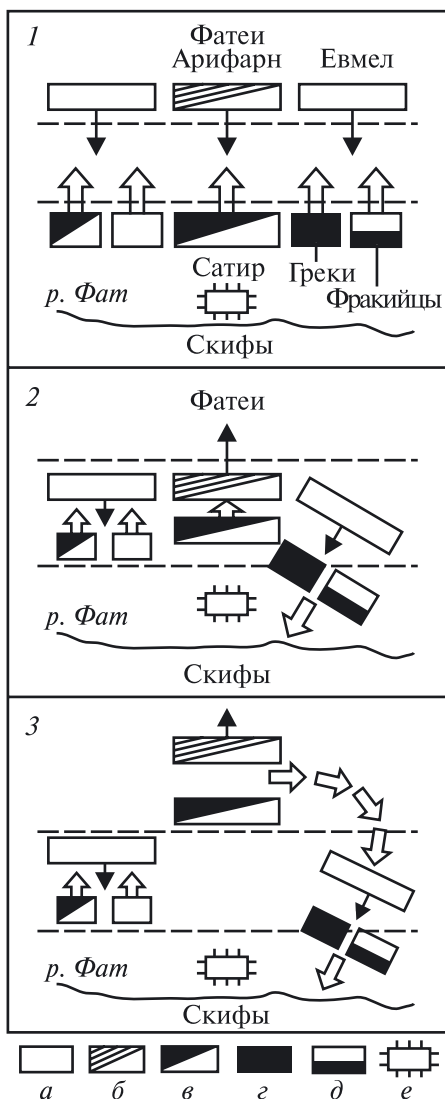

Рис. 45. Схема битвы при Фате (по Е. В. Черненко) 1 — войско Сатира и войско Арифарна перед сражением, встречный бой; 2 — скифская конница Сатира наносит поражение коннице Арифарна и начинает ее преследование. Евмел обращает в бегство наемников; 3 — скифская конница Сатира прекращает преследование разгромленных, меняет направление движения и наносит удар в тыл Евмела; а — пехота; б — конница Арифарна; в — скифская конница; г — греки-наемники; д — наемники-фракийцы; е — укрепленный лагерь Сатира

дом в битве против спартанцев под Левктрами в 371 г. до н. э. (Блаватский, 1946. С. 101; 1954. С. 88). Тогда Эпаминонд сильно видоизменил традиционный боевой порядок фаланги, разместив свои силы не равномерно по всему фронту, а с преимуществом на левом фланге (отсюда происходит название «косого клина»). Поставив лучшую часть своего войска на левом фланге и создав здесь тем самым количественное и качественное преимущество, он одержал победу над непобедимыми до того спартанцами. Но использовал ли Евмел этот боевой порядок? Такое соблазнительное предположение, в общем, ничем не обосновано (Черненко, 1971. С. 37), более того, из описания Диодора вполне очевидно, что роль Евмела в командовании войсками во время сражения была довольно скромной, да и судьбу сражения решила совсем не пехота, а конница. Все эти соображения заставляют предпочесть схему хода битвы на Фате, которую предложил киевский скифолог Е. В. Черненко (рис. 45; Черненко, 1984. С. 59–75).

Сатир с отборными отрядами конницы, в которых мы вправе видеть формирования, в основном состоящие из боспорских аристократов, нанес удар в центр построения неприятеля, где находился царь Арифарн. После упорного боя, потребовавшего больших жертв от обеих сторон, он обратил сираков в бегство. Поначалу Сатир даже начал преследовать бегущих, но вскоре, узнав, что его брат Евмел победил на своем фланге, прекратил преследование и, нанеся еще один удар по врагу, опять одержал победу. Уцелевшие воины Арифарна и Евмела укрылись в царской ставке, стоявшей на берегу Фата; глубокая река, обтекающая ее, делала ставку почти неприступной. Неприступность еще более усиливалась благодаря наличию здесь обрывистых утесов и густого леса. Подступы к крепости были к тому же защищены высокими башнями и палисадами.

После победы в сражении Сатир сначала опустошил неприятельскую страну, предал огню местные поселения, захватил большое количество добычи и пленных, а затем предпринял попытку взять крепость штурмом. Эта акция имела лишь частичный успех, но войска Сатира все-таки сумели переправиться через реку и начали вырубать лес, мешавший подходу к укреплениям. Работы быстро продвигались, но и осажденные начали действовать более активно, стрелки Арифарна поражали рубящих лес. Несмотря на все трудности и немалые потери воины Сатира три дня продолжали свое дело и на четвертый приблизились к укреплениям. Здесь, находясь на тесных позициях и осыпаясь тучей стрел, они понесли большие потери. Положение попытался спасти предводитель наемников Мениск, его поддержал сам Сатир. В происшедшем бою Сатир был ранен копьем в руку, рана оказалась столь серьезной (может быть, копье было отравлено), что этой же ночью царь скончался.

После этого Мениск снял осаду и отвел царское войско в город Гаргазу. Оттуда тело Сатира переправили по реке в Пантикапей к его брату Притану, где были устроены подобающие высокому сану успешного пышные похороны. После похорон Притан прибыл к войску, где принял царскую власть, но в борьбе с противниками не проявил должной активности и не сумел развить достигнутый предшественником успех. Евмел же и его союзники оправившись от поражения и сумели захватить немало городов и укреплений. Когда Притан, наконец, перешел к решительным действиям, то потерпел неудачу, его войска оказались оттесненными к перешейку около Меотийского озера и были вынуждены сдаться. В такой тяжелейшей ситуации Притан безуспешно пытался укрепить свою власть в Пантикапее, после чего бежал в город Кепы, где был убит.

Таким образом, в тяжелой междоусобице полную победу одержал Евмел. Утвердившись на боспорском престоле, он жестоко расправился со своими противниками, приказав умертвить друзей Сатира и Притана, а также их жен и детей. Бегством удалось спастись лишь сыну Сатира, царевичу Перисаду, который нашел укрытие у скифского царя Агара. Несмотря на проявленную чудовищную жестокость, в дальнейшем Евмел управлял государством очень умело и дальновидно. Он очистил море от пиратов, помогал некоторым греческим государствам, в частности, принял тысячу попавших в бедственное положение граждан Каллатиса, дав им город для поселения и разделив на земельные участки так называемую Псою. В результате таких действий Евмела Боспорское царство укрепилось, расширились его границы, возрос международный авторитет и т. д. У царя даже созрел план покорить все племена, окружавшие Черное море, осуществлению чего, как подчеркивал древний историк, помешала лишь его скоропостижная смерть в 304/303 г. до н. э.

Кратко резюмируя сказанное о борьбе за боспорский престол сыновей Перисада I, необходимо особо подчеркнуть, что столкновение между братьями следует рассматривать не как простую междоусобицу, не как «небольшую гражданскую войну», по выражению М. И. Ростовцева (Rostovtzeff, 1930. P. 577), а как столкновение мощных варварских группировок. Разумеется, конфликт начался из-за спора за боспорский престол, но с вовлечением в борьбу варварских племен он явно перерос рамки простой междоусобицы и превратился в явление отнюдь не чисто боспорской истории. Военно-политическая обстановка того времени, как можно предполагать, была такой, что и скифы, и сарматы в этой войне сражались не только за интересы царевичей, но и за свои собственные. Втор-

жения сарматов в области к западу от Дона сделали их непримиримыми врагами скифов. По мнению Д. А. Мачинского, суть событий 310/309 г. до н. э. «в большой степени определялась смертельной схваткой за преобладание на Боспоре между рвущимися на запад сираками и отступающими в конце IV в. до н. э. в Крым скифами» (Мачинский, 1971. С. 20). Как мы знаем, скифы в этой борьбе потерпели поражение, вскоре после этих событий рухнула Великая Скифия, так что борьбу за престол Боспорского царства вполне можно рассматривать как своего рода прелюдию этой великой исторической драмы (Виноградов Ю. А., 2003. С. 89).

Возвращаясь к событиям междоусобицы, следует подчеркнуть, что в сложившейся тогда ситуации поведение Евмела представляется вполне логичным. В своих притязаниях на боспорский престол он сделал ставку на поддержку сарматов, объединение в военном отношении, безусловно, очень сильное. Но и скифы, по всей видимости, поддержали Сатира в борьбе с братом не просто из личных симпатий к нему или только из понимания правоты его дела. В это время борьба с сарматами была, так сказать, их кровным делом, по этой причине они предоставили в распоряжение Сатира столь значительные силы, игравшие в боевых действиях чрезвычайно важную роль. Не случайным в данной связи представляется и то, что после смерти Сатира Притан принял царскую власть и твердое решение продолжать борьбу с Евмелом лишь после того, как прибыл к войскам (Diod. XX. 24). Стремление войск, состоявших в основном из скифов, к продолжению успешно начатой войны сыграло здесь, по всей видимости, немалую роль. Судьба, однако, не была благосклонной к Притану и его союзникам, полная победа оказалась на стороне их противников-сарматов.

Совсем не исключено, что Евмел, получивший власть над государством благодаря помощи сарматов, и в дальнейшем в своей внешней политике стремился опираться на союз с ними. Возможно, с их поддержкой в какой-то степени следует связывать его успехи в расширении границ и в укреплении международного престижа Боспора, о чем сообщалось в рассказе Диодора. Можно даже предполагать, что события 310/309 г. до н. э. были до некоторой степени поворотным пунктом в истории Боспора. В это время традиционные союзнические взаимоотношения со Скифией прервались и, возможно, начался процесс переориентации боспорской политики по отношению к туземным племенам с акцентом на связи с сарматами. Состояние источников таково, что трудно судить, насколько этот процесс был продолжен или развит после смерти Евмела (304/303 г. до н. э.). Однако можно предполагать, что сильнейшее в регионе объединение сарматов продолжало играть важную роль в системе связей Боспора с варварским миром и позднее.

3.5. Новые веяния в военном деле

Для изучения военного дела Боспора периода сарматской экспансии, как и для более раннего времени, большое значение имеют материалы, полученные при раскопках курганов. Первостепенную важность для понимания происходивших глобальных перемен, как представляется, имеет курган, раскопанный на мысе Ак-Бурун, т. е. на южной оконечности Керченской бухты в 1875 г. (Виноградов Ю. А., 1993б; 2005. С. 292–294). В его центральной могиле были обнаружены кремированные останки воина с весьма показательным по-

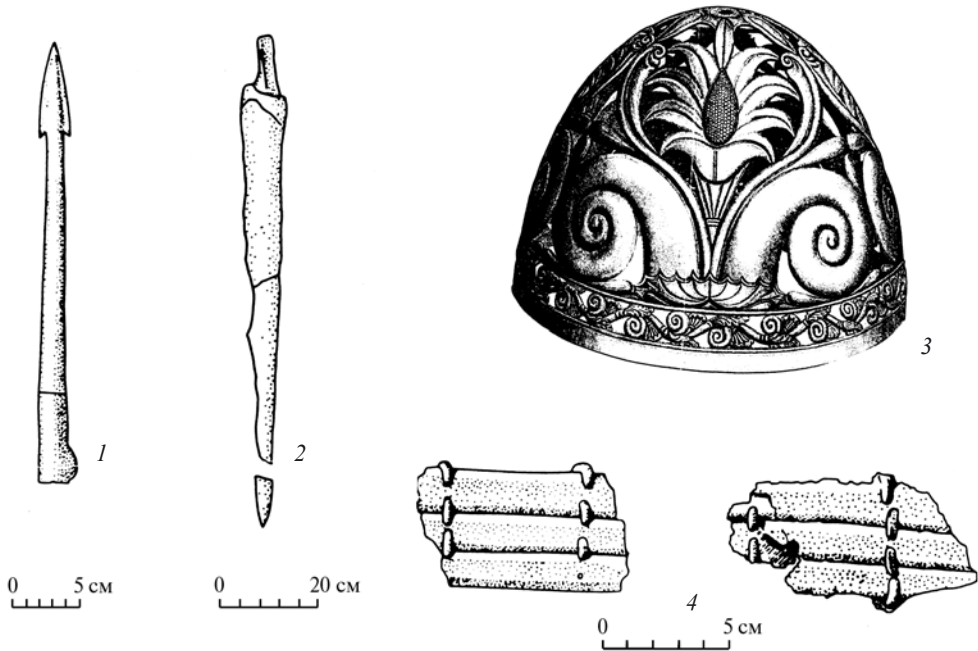

Рис. 46. Находки из кургана Ак-Бурун (1875 г.)

1 — наконечник дротика; 2 — меч; 3 — золотой ажурный шлем; 4 — железные пластины от панциря (?)

гребальным инвентарем (рис. 46). Наиболее известная находка, происходящая отсюда, — золотой ажурный шлем, украшенный троекратно исполненным цветком каллы между волютами (рис. 46, 3). Некоторые исследователи сближают его по форме с сарматскими шлемами или с кожаными колпаками кочевников. Вполне возможно, что этот парадный золотой шлем надевался поверх меховой шапки.

Другие вещи роднят курган Ак-Бурун с культурами народов, которые заселяли территории к востоку от Скифии (Подонье — Прикубанье). Из предметов вооружения в первую очередь обращает на себя внимание меч (рис. 46, 2). Его длина — 0,99 м, ширина у пяты клинка — 9 см. Нельзя согласиться с учеными, которые сближали эту находку с греческой махай-

рой или со скифским акинаком. Как показала А. И. Мелюкова, мечи длиннее 0,70 м вообще весьма редки в скифских комплексах (1964. С. 60). К сожалению, рассматриваемый меч, особенно его рукоять, имеет слишком плохую сохранность, и невозможно с уверенностью судить, имел ли он металлическое перекрестие или металлическое навершие. По этой причине аналогии ему можно найти в савроматских и сарматских комплексах, где встречаются длинные мечи без металлического навершия (Смирнов, 1961. С. 22; Хазанов, 1971. С. 18), либо в прикубанских памятниках IV–III вв. до н. э., где, как говорилось, были распространены довольно длинные мечи с коротким брусковидным навершием, но без металлического перекрестия (см. главу 2.2, рис. 32, 15–19). Видный

исследователь древностей этого района К. Ф. Смирнов относил меч из Ак-Буруна к мечам синдо-меотского (прикубанского) типа (Смирнов, 1980. С. 40, рис. 2, 22), что представляется вполне вероятным.

Среди прочего вооружения в кургане Ак-Бурун были найдены 4 наконечника дротиков, наконечник копья, железные наконечники стрел, железные пластинки, как считают некоторые исследователи, от чешуйчатого панциря. Железные пластины (рис. 46, 4) выделяются своими крупными размерами и, в общем, мало напоминают обычный чешуйчатый доспех. Е. В. Черненко по этой причине предполагал, что они относятся к покрытию щита (1968. С. 37). Исследователи кургана, однако, были уверены в том, что они нашли здесь не щит, а железный «нагрудник», т. е. панцирь (см.: Виноградов Ю. А., 2001в. С. 314). Возможно, это был панцирь нового, неизвестного в Скифии типа, состоявший из серии скрепленных между собой горизонтальных железных пластин, который был принесен на запад продвинувшимися с востока сарматами. Можно обратить внимание, что подобный по конструкции панцирь был обнаружен в более позднем сарматском погребении в Буеровой могиле на Таманском полуострове (см. главу 4.3).

В наборе наступательного вооружения, как говорилось, представлены также дротики (рис. 46, 1). Как показала А. И. Мелюкова, дротики редко встречаются в степных скифских памятниках, но они хорошо представлены в лесостепных районах Северного Причерноморья и в Прикубанье (Мелюкова, 1964. С. 44 сл.; см. также главы 1.2; 2.2). Железные втульчатые наконечники стрел IV–III вв. до н. э. бытовали в Скифии повсеместно (Мелюкова, 1964. С. 29), но их количество сравнительно невелико, и в колчаных наборах они почти всегда встречаются вместе с бронзовыми. Любопытно, что в рассматриваемом ком-

плексе представлены исключительно железные наконечники. В IV в. до н. э. такие наконечники преобладали в Прикубанье (Анфимов, 1951. С. 166; Смирнов, 1958. С. 305; см. также главу 2.2, рис. 32, 3), а также в некоторых районах распространения сарматской (прохоровской) культуры (Мошкова, 1962. С. 82). Вообще же весь комплекс вооружения из кургана Ак-Бурун наибольшее число аналогий имеет в районе Прикубанья, где в ряде богатых погребений этого времени встречается следующий набор оружия: длинный меч, несколько копий (от 1 до 7), несколько железных наконечников стрел (Смирнов, 1958. С. 306).

Курган Ак-Бурун, по нашему глубокому убеждению, является важным памятником времени крушения Великой Скифии, кардинальных этнических и политических перемен в регионе, вызванных продвижением сарматских племен на запад (Виноградов Ю. А., 1993. С. 46–49). Дата его возведения достаточно уверенно определяется в пределах конца IV — начала III вв. до н. э. По этой причине представляется весьма соблазнительной попытка связать этот курган с описанными выше событиями междоусобной войны сыновей Перисада I. В. Ф. Гайдукевич высказал вполне логичное предположение, что здесь был погребен один из союзников Евмела, поддержавших его в борьбе за боспорский престол (Gajdukevič, 1971. S. 142).

Дротики, подобные обнаруженным в кургане Ак-Бурун, как можно полагать, стали на Боспоре достаточно популярным видом метательного оружия. Очень интересно в этом отношении надгробие воина, найденное в Керчи в 1951 г. (рис. 47). В отличие от описанных выше таманских рельефов, это надгробие не рельефное, а расписное (Иванова, 1961. С. 108–110, рис. 52). Изображение здесь, по понятным причинам, сохранилось не очень хорошо, од-

нако вполне можно разглядеть, что на надгробии представлен безбородый юноша, вероятно, совершающий возлияние. На его ногах изображены кнемиды, обозначенные желтой краской (вероятно, бронзовые), за спину закинут сравнительно небольшой по размерам щит круглой формы. Из наступательного вооружения представлен меч, который, судя по характеру рукояти, следует считать махайрой, и три копья или дротика. Стела датируется концом IV–III вв. до н. э., большое количество копий (дротиков) у изображенного здесь воина, вероятнее всего, следует связывать с влиянием военного дела племен Прикубанья (Нёфедкин, 2004а), что в контексте событий, речь о которых шла выше, представляется вполне закономерным.

Рис. 47. Надгробие воина из Керчи (1951 г.)

Глава 4 БОСПОР МЕЖДУ СКИФАМИ И САРМАТАМИ

4.1. Последствия дестабилизации военно-политической ситуации в степях для Боспора

Победа Евмела при поддержке сарматов, однако, не спасла государство от серьезных потрясений, которые разразились приблизительно через 40 лет после описанной войны. В первую очередь эти потрясения коснулись Восточного Крыма, по этой причине есть веские основания считать, что виной тому стали скифы, оттесненные сарматами в Крым из степей Северного Причерноморья и вынужденные отвоевывать себе жизненное пространство на полуострове (рис. 48; см.: Гайдукевич, 1959. С. 277; Демьянчук, Туровский, 1999. С. 92; Зубарь, 2004. С. 198–200; Rostovtzeff, 1930. P. 574). Можно напомнить в связи с этим уже приведенное выше свидетельство Лукиана Самосатского (Тох. 49), в котором говорится о нападениях групп скифских разбойников на территории Боспорского государства, разумеется, европейской его части. Но приблизительно около 270 г. до н. э. произошли события, подтверждавшие, что этим дело, скорее всего, уже не ограничивалось. Археологические исследования последних лет позволили установить, что на сельскохозяйственных территориях европейского Боспора в это время имела место в высшей степени драматичная ситуация.

На западной границе Боспорского государства в районе Феодосии напряженное военное положение проявилось приблизительно в конце первой — начале второй четвертей III в. до н. э., когда жизнь здесь прекратилась на большинстве удаленных от города селищ (Гаврилов, 2004. С. 23). С этого времени Феодосия, по заключению А. В. Гаврилова, стала центром целого «укрепленного района», на который была возложена защита западного рубежа боспорских владений; важную роль в решении этой задачи стали играть находящиеся на подступах к городу укрепления типа небольших крепостей (Гаврилов, 2004. С. 41). Феодосийский «укрепленный район», однако, не мог сдерживать вражеского натиска.

Резюмируя результаты изучения сельских поселений Восточного Крыма, А. А. Масленников отмечает, что в конце первой трети III в. до н. э. на них в спешном порядке возводились укрепления, но, несмотря на это, все они погибли в 60-х гг. III в. до н. э. (Масленников, 1997. С. 63–65; ср. Зинько, 1996. С. 16; 2003. С. 180). На большинстве исследованных селищ выявлены следы пожаров и разрушений всех построек, которые впоследствии уже не восстанавливались. В слоях разрушения обнаружены бронзовые и железные наконечники стрел скифских типов, пращные камни и пр.

Драматическая картина гибели поселений реконструируется на некоторых из них вполне отчетливо. Важные наблюдения были сделаны при раскопках поселения Золотое Плато, на полу двух из исследованных домов под рухнувшими стенами были найдены три человеческих остова, в костях позвоночника одного из них торчал железный наконечник стрелы (Масленников, 1998. С. 88). Очень наглядная картина гибели во время нападения была зафиксирована также при раскопках поселения Генеральское-Западное. Археологические

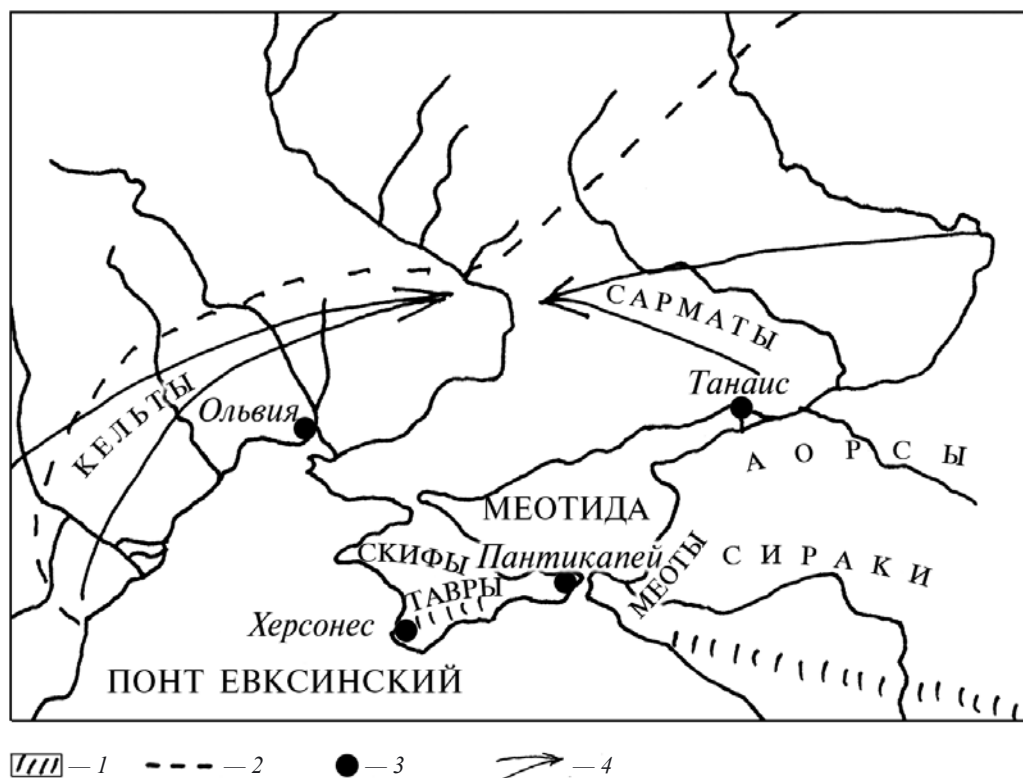

Рис. 48. Северное Причерноморье после падения Великой Скифии

1 — горы; 2 — границы степей и лесостепей; 3 — главные греческие колонии; 4 — направления кельтских походов с запада и сарматских с востока

наблюдения показывают, что нападающие обстреливали поселение из луков: наконечники стрел обнаружены около оснований стен, некоторые из них погнуты; защитники поселения в борьбе с противником, скорее всего, активно использовали каменные ядра (Масленников, 1996. С. 75–79).

Во время исследований одного из древних некрополей Крымского Приазовья (Салачик II) были обнаружены два погребения мужчин, погибших во время боевых действий. У одного в предплечии торчал бронзовый наконечник стрелы скифского типа, у другого на черепе, в центральной части лобной кости, было зафиксировано отверстие, образовавшееся от удара небольшо-

го ядра, вероятно, пращного камня. Специальное изучение костных остатков позволяет утверждать, что оба ранения были нанесены за несколько недель до смерти. Все эти важные наблюдения определенно указывают, что местные обитатели подверглись нападению варваров около 270 г. до н. э., при этом после первого из них они сумели выстоять, похоронить убитых и умерших от ран (Бужилова, Масленников, 2000). Однако вскоре, как уже говорилось, все сельские поселения района были оставлены населением. В свете изложенного представляется очень странным мнение Е. А. Молева, что в поселениях Восточного Крыма этого времени нет следов их насильственного уничтожения (Молев, 1994.

С. 38). Напротив, этих следов, на наш взгляд, вполне достаточно, чтобы заключить, что в конце 70-х гг. III в. до н. э. здесь разразились настоящие войны, которые привели к уничтожению всей системы земледелия в районе.

Аналогичная ситуация фиксируется на территориях других античных государств северного берега Понта. Роковая грань в истории хоры Херсонеса Таврического приходится на конец первой трети III в. до н. э. (Виноградов, Щеглов, 1990. С. 362; Пуздровский, 1995. С. 142), то же самое следует признать в отношении Северо-Западного Причерноморья (Крыжицкий, Буйских, Бураков, Отрешко, 1989. С. 100; Okhotnikov, 2001. P. 115). По справедливому заключению А. Н. Щеглова, в это время «происходит тотальное уничтожение сельских поселений на хоре всех северопричерноморских греческих государств», что связывается с сарматским опустошением Скифии (Щеглов, 1985. С. 192; ср. Марченко, 1999. С. 168).

В. Д. Хэнсон, изучая воздействие военного фактора на состояние сельского хозяйства Древней Греции, правильно указывает, что отдельные акции вражеских армий не могли сказаться на его положении катастрофическим образом. Даже регулярные вторжения на территорию Аттики спартанских войск во главе с Архидамом на первом этапе Пелопоннесской войны не разрушили полностью ее сельскохозяйственную структуру (Hanson, 1998. P. 15, 140; ср. Foxhall, 1995. P. 134–135). Ситуация становилась совсем другой, когда сельские территории страдали от продолжительной нестабильности, тяжелого налогообложения, грабежей, потерь рабочей силы и т. п. (Hanson, 1998. P. 16). Положение в Восточном Крыму, а также на хоре других греческих государств региона, как представляется, определялось факторами, которые можно назвать факторами длительной не-

стабильности, создававшими невозможную обстановку для производственной деятельности и нормальной жизни вдали от городских укреплений.

Вполне возможно, что сельское население из неукрепленных поселений, спасаясь от вражеских нападений, действительно уходило под защиту городских оборонительных стен. Не исключено, что фиксируемый в это время рост территории городов в немалой степени может быть объяснен притоком населения из степных частей полуострова, однако, и здесь жизнь была очень напряженной.

Имеющиеся археологические материалы дают основание полагать, что города европейского Боспора в рассматриваемое время испытывали серьезную военную угрозу, а некоторые из них даже подвергались нападениям. При раскопках Нимфея был обнаружен проезд в оборонительной стене, заложенный большими камнями так, что оказалась оставленной лишь небольшая калитка. Около оборонительной стены были найдены каменные ядра и бронзовые наконечники стрел. Исследователь городища, М. М. Худяк, относил данную ситуацию к концу IV в. до н. э. и связывал ее с событиями междоусобной борьбы сыновей Перисада (Худяк, 1962. С. 35). В рассказе Диодора о столкновении братьев, как было показано выше, ничего не говорится о военных действиях на собственно боспорской территории, поэтому, как представляется, наблюдение М. М. Худяка следует рассматривать не в контексте войны 310/309 г. до н. э., а в плане общей неспокойной военно-политической ситуации, сложившейся в это время на Керченском полуострове. В той же плоскости, по-видимому, можно трактовать и сильные разрушения Порфмия, происшедшие около середины III в. до н. э. (Кастанаян, 1972. С. 81).

Не вызывает удивлений, что многие города Европейского Боспора в это время ак-

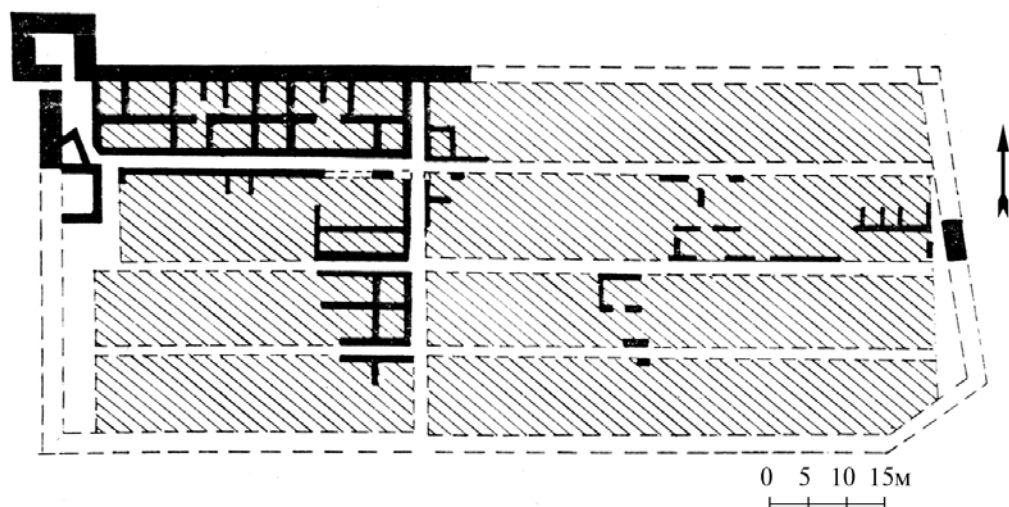

Рис. 49. План Порфмия эллинистического времени (реконструкция Е. Г. Кастанаян)

ивным образом укреплялись. Так, во второй половине столетия, после отмеченного разрушения был перестроен по единому, регулярному плану и стал мощной крепостью Порфмий (Кастанаян, 1972, С. 78; 1983, С. 162–168). Этот небольшой город (рис. 49) расположен на западном берегу пролива в том месте, где тот имеет наименьшую ширину и где издревле существовали переправы (само название города Порфмий, вероятнее всего, восходит к древнегреческому слову «переправа»). Раскопками выявлена прямоугольная сеть улиц, которая делит крепость на восемь кварталов, вытянутых с востока на запад параллельно оборонительным стенам. Толщина стен достигала 2,5 м; исследована также северо-западная башня, которая фланкировала калитку шириной 1,5 м, устроенную в западной стене. Не вызывает особых сомнений, что столь кардинальная перестройка Порфмия была вызвана потребностями защиты переправы между европейской и азиатской частями, которая имела для Боспорского государства стратегическое значение.

Приблизительно в середине III в. до н. э. новая оборонительная стена была возве-

дена в Мирмекии (Пругло, 1960. С. 269 сл.; Гайдукевич, Михайловский, 1961. С. 128 сл.; Гайдукевич, 1987. С. 149 сл., 154 сл.). Часть этой стены (ширина — 3,20–3,80 м) была выявлена при раскопках в восточной части городища (рис. 34, 50). Она перекрывала более ранние оборонительные сооружения города, возведенные, очевидно, на рубеже V–IV вв. до н. э. (см. главу 3.1), но при этом по отношению к ним ее трасса была несколько сдвинута к востоку. По этой причине последовательность двух этапов фортификационного строительства

Рис. 50. Восточная оборонительная стена Мирмекии III вв. до н. э. (перекрыта более ранняя стена конца V — начала IV вв. до н. э.)

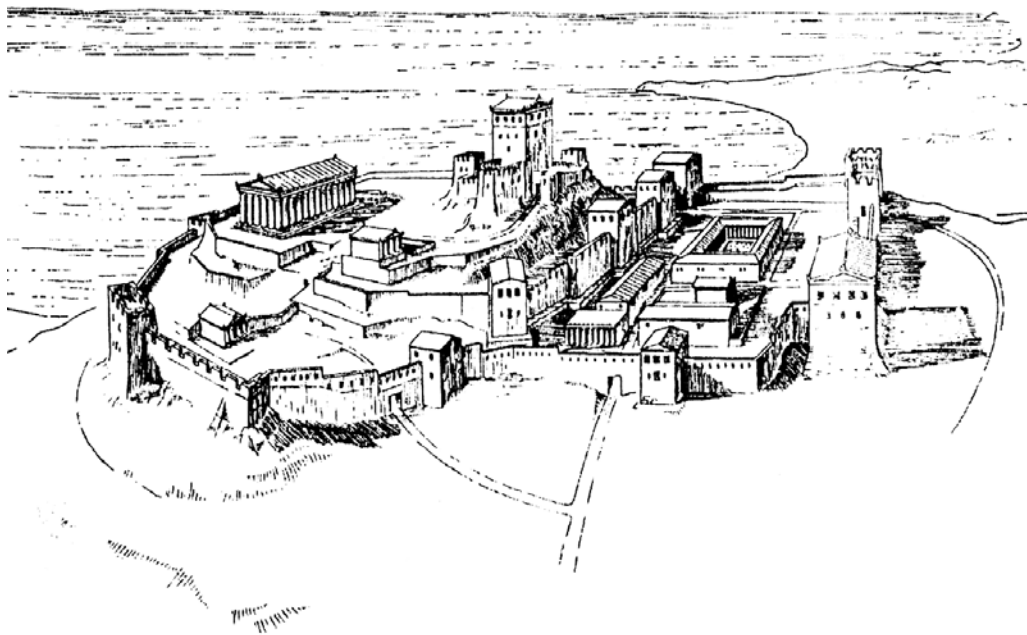

Рис. 51. Акрополь Пантикапея в III в. до н. э. (реконструкция В. П. Толстикова)

в Мирмекии фиксируется очень отчетливо и наглядно.

В Тиритаке, где в конце IV — первой половине III в. до н. э. производилось обновление всей фортификационной системы, мощь отдельных ее звеньев была усилена еще и во второй половине III в. до н. э. (Марти, 1941. С. 16 сл.; Гайдукевич, 1952. С. 20). Концом IV в. до н. э. или первой половиной III в. до н. э. можно датировать возведение оборонительной стены Китея (Молев, 1985. С. 58; ср. 1986. С. 43). В Зеноновом Херсонесе раскопками открыто мощное основание оборонительной стены III в. до н. э. (Масленников, 1992а. С. 142, 144, 146). Городские укрепления Пантикапея относятся к III—II в. до н. э. (Толстикова, 1984а. С. 34), особенно внушительно выглядят укрепления акрополя столицы государства (рис. 51). В это же время были возведены укрепления в Киммерике на вершине г. Опук (Кругликова, 1958.

С. 243 сл.)¹. Оценивая все эти факты, следует признать, что в III — начале II в. до н. э. в Восточном Крыму происходит усиление фортификационного строительства, вызванное, скорее всего, возрастанием военной угрозы со стороны Крымской Скифии.

Обозначенные выше укрепления боспорских городов, а также почти все подобные сооружения, отмеченные на страницах нашего повествования ранее (может быть, за исключением стен Семибратнего городища), заставляют признать одно в высшей степени важное обстоятельство. Фактически мы не можем говорить о заметном прогрессе в развитии фортификационного ис-

¹ Ю. В. Горлов и Ю. А. Лопанов склонны датировать укрепления Киммерика концом V — началом IV в. до н. э. (1997. С. 141). Их датировка, основанная исключительно на общих представлениях о развитии античной фортификации, пока не представляется убедительной.

куства Боспора на протяжении V–II вв. до н. э. Рвы, городские ворота сложной конструкции, протейхизмы и прочие сооружения, типичные для фортификации Средиземноморья этого времени, на северном берегу Черного моря не получили распространения. Более того, вплоть до времени Митридата Евпатора не имеется убедительных материалов об использовании каких-либо осадных механизмов (Иванов, 2005. С. 19). Почти нет сомнения, что хорошо оснащенные и обученные отряды греческих наемников сумели бы захватить боспорские города без особых проблем, но ведь совсем не эти отряды были главными противниками боспорян. Угроза для них всегда исходила, в основном, от местных варварских племен, в первую очередь, от кочевников. Уже говорилось, что кочевники могли захватить укрепленный город неожиданным ударом и разграбить его, но они никогда не умели вести правильную осаду, предпринять штурм и т. п. Как известно, развитие фортификации, с одной стороны, и осадной техники, с другой, всегда находилось в состоянии взаимообусловленности. Прогресс в одной из составляющих вел к адекватному изменению в другой; на «вызов» находился «ответ». Складывается впечатление, что на Боспоре, а, вероятно, можно говорить о всем античном Северном Причерноморье, особых «вызовов» к совершенствованию фортификации долгое время не было. По всей видимости, именно этим следует объяснять столь явный консерватизм, отсутствие заметного развития в оборонительном строительстве боспорских городов V–II вв. до н. э.

Для понимания военно-политической ситуации, сложившейся в первой половине III в. до н. э. на Боспоре, большое значение имеют некоторые граффиты (рисунки, прочерченные по штукатурке), сравнительно недавно обнаруженные в святилище Ним-

фея (Höckmann, 1999). Они вообще чрезвычайно ценны, поскольку, как считают исследователи городища, около середины III в. до н. э. святилище было ликвидировано и более не существовало (Грач, 1984. С. 81; 1987. С. 83; Sokolova, 2000. S. 172). Иными словами, полученные там материалы достаточно уверенно могут быть отнесены к раннему этапу сарматских вторжений в Северное Причерноморье.

На штукатурке были прочерчены изображения всадников и противостоящих им пеших воинов-лучников (рис. 52). Всадники в конических шлемах и массивных панцирях вооружены длинными копьями, что, по мнению Ю. Г. Виноградова, позволяет видеть в них сарматов-катафрактарию (2000. С. 274). Пешие воины-лучники — это, вероятно, скифы. Напомним, что, по сообщению Диодора Сицилийского, скифское войско, поддержавшее боспорского царя Сатира в конфликте с братом, в основном состояло из пехотинцев (Diod. XX. 22). Нетрудно понять, что в сцене боя, изображенной на штукатурке, побеждают всадники-сарматы, а лучники-скифы терпят поражение (Höckmann, 1999. P. 341). Признавая всю специфичность этих рисунков как источника по боспорской истории, отдаленность сделанных здесь изображений от событий большой политики того времени, все-таки можно предполагать, что сарматы тогда, скорей всего, были «симапичней», ближе рядовым жителям Боспора, чем скифы, а сарматские победы над скифами находили отклик в их сердцах и, соответственно, запечатлевались даже в такой, достаточно примитивной форме.

В связи с затронутым сюжетом необходимо сказать несколько слов о катафрактариях, которые как будто изображены на граффито нимфейского святилища. Подробнее эти вопросы будут рассмотрены в главах, посвященных первым векам н. э.,

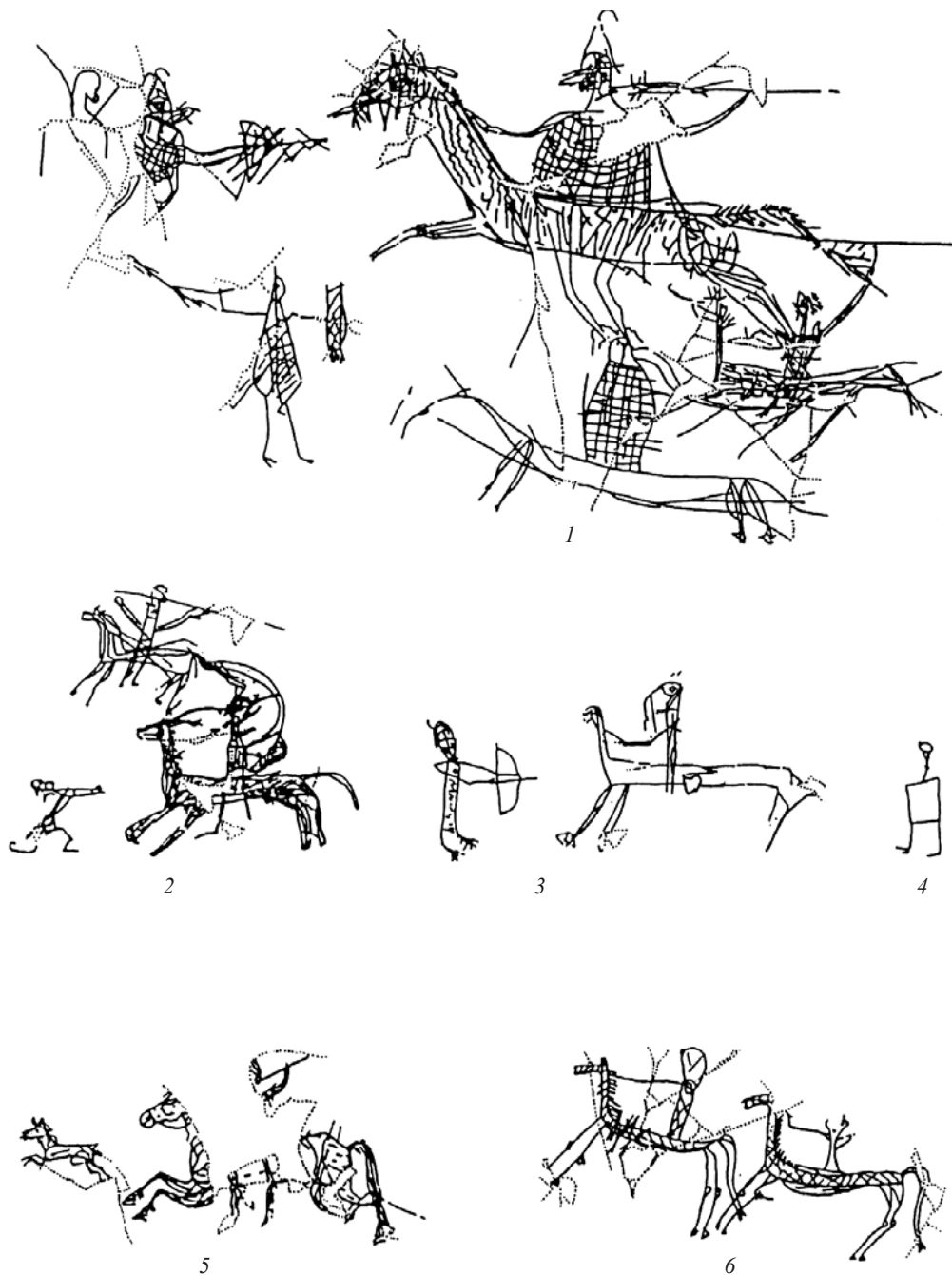

Рис. 52. Граффити с изображением батальных сцен из святилища Нимфея (по О. Хёкманну)

однако, уже сейчас можно отметить, что обычно так называют тяжеловооруженных конных воинов, у которых доспехами были защищены также и их боевые кони. Само слово «катафрактарий» в переводе с древнегреческого можно передать как «прикрытый доспехом». Традиция этой системы вооружения, несомненно, происходит с востока, хотя в научной литературе не утихают споры о времени и месте ее появления. Весьма обоснованной представляется точка зрения петербургского археолога В. П. Никонорова, который пришел к заключению, что катафрактары появились среди кочевников западной части Центральной Азии как результат их противостояния вторжению армии Александра Македонского (Nikonov, 1998. P. 135). При таком понимании можно предположить, что эта система вооружения всадника, если судить по нимфейским изображениям, быстро попала в степи Северного Причерноморья, куда была принесена первой волной сарматского продвижения на запад.

В высшей степени любопытно, что археологические материалы, полученные во время раскопок памятников Таманского полуострова, не позволяют считать, что военно-политическая ситуация здесь была более сложной, чем в Восточном Крыму. Это в особенности интересно по той причине, что, как уже говорилось, именно сюда, к восточным рубежам Боспорского государства проникли сарматские племена, прежде всего, сираки. Конечно, и здесь поначалу имели место какие-то военные столкновения — в конце IV в. до н. э., к примеру, были разрушены оборонительные стены Семибратнего городища (Анфимов, 1951а. С. 242; 1958. С. 52). На страницах научных изданий эти разрушения обычно увязываются с военными действиями времени междоусобицы сыновей Перисада (Коровина, 1957. С. 187; Анфимов, 1958. С. 52), а не предполагаемой сарматской

агрессии. Такое понимание, надо признать, вполне допустимо, к тому же на рубеже IV–III вв. или в начале III в. до н. э. на Семибратнем городище были возведены новые укрепления (Толстиков, 1985. С. 357). Последний факт также чрезвычайно любопытен, поскольку всплеска фортификационного строительства, столь явного в Восточном Крыму, на Тамани в это время как будто не произошло. Помимо Семибратнего городища, лишь при раскопках Фанагории был обнаружен небольшой участок оборонительной стены III–II вв. до н. э. (Кобылина, 1956. С. 25, рис. 6). Бурное фортификационное строительство фиксируется на азиатском Боспоре в более позднее время, но об этом будет сказано особо.

С общим сложным положением на границах государства можно связывать факты сокрытия кладов. Современная археология убедительно демонстрирует, что во времена военного лихолетья люди обычно старались спрятать свои сокровища в землю, сберечь их таким образом от вражеских грабежей. В отношении Боспора можно указать, что клады стали зарываться на обеих сторонах пролива с начала III в. до н. э. (Шелов, 1956. С. 125–126). На европейской стороне найдены два клада в Мирмекии (Зограф, 1941. С. 154; Брабич, 1964); на азиатской они как будто зарывались даже более активно (см.: Анфимов, 1949; 1981; 1988; 1991; Аптекарев, 1987; Фролова, Савостина, 1998).

К сожалению, пока еще весьма немного можно сказать о судьбе сельских поселений Таманского полуострова в III в. до н. э. Правда, в научной литературе отмечается, что здесь происходили процессы, аналогичные тем, которые ярко проявились в Восточном Крыму (Кругликова, 1975. С. 96; Масленников, 1981. С. 69). В общем, такое предположение вполне логично. Нестабильная ситуация, возникшая

в результате сарматского продвижения в Прикубанье, несла угрозу в первую очередь для неукрепленных поселений хоры, но для Таманского полуострова об изменениях, связанных с этим продвижением, допустимо лишь предполагать. Археологическое изучение хоры азиатского Боспора еще только начинается, и дискретность в ее развитии выступает здесь отнюдь не с полной очевидностью. О сельской округе Горгииппии, к примеру, сейчас говорится лишь то, что плодородные земли в ее окрестностях использовались регулярно с IV в. до н. э. (Алексеева, 1980. С. 48), или даже более определенно — в большинстве поселений жизнь не замирала с IV в. до н. э. по III в. н. э. (Алексеева, 1997. С. 42), хотя и допускается, что сельские поселения развивались в системе полиса, переживая вместе с ним периоды расцветов и катастроф (Алексеева, 1999. С. 163). Я. М. Паромову также не удалось проследить на Таманском полуострове заметных изменений в системе расселения для эллинистического периода, напротив, жизнь на сельских поселениях, по его заключению, тогда достигла максимума своего развития (Паромов, 1990. С. 64). Сложившееся понимание, конечно, никак не может исключать возможности того, что со временем, после проведения систематических раскопок, существующая картина исторического развития хоры азиатского Боспора будет несколько трансформирована, и здесь тоже будет открыт хронологический разрыв или, правильнее сказать, разрывы. Во всяком случае, такое открытие представляется очень вероятным.

Следует еще раз подчеркнуть, что, несмотря на близость к районам, подвергшимся нападению сарматов, положение на азиатской стороне Боспора, в целом, было отнюдь не хуже, чем на европейской. Во всяком случае, современное состояние археологических источников вполне по-

зволяет это предполагать. По всей видимости, в начальный период продвижения сарматов возможность их вторжения в пределы Боспорского царства была вполне реальной. Однако в дальнейшем, с развитием боспоро-сарматских взаимоотношений, эта угроза, как представляется, была сведена до минимума. Весьма показательным, что ни один из греческих городов Таманского полуострова не был разрушен, в это время здесь даже не отмечается активного фортификационного строительства. Не уменьшая сложности военно-политической ситуации в регионе, хотелось бы высказать предположение, что подобная достаточно благоприятная ситуация в восточной части государства могла стать устойчивой лишь в том случае, если боспорские цари в защите рубежей своих владений опирались не только на внутренние силы или на помощь со стороны греческих государств, но и на союз с местными варварскими племенами Прикубанья, в первую очередь, на союз с сарматами.

Есть основания считать, что в это время Боспорское государство проводило политику самого активного проникновения в глубинные районы Прикубанья. Очень важным в связи с этим представляется тот факт, что здесь в конце IV в. до н. э. на территории Елизаветинского городища (среднее течение Кубани) была основана боспорская торговая фактория. С этого времени городище, расположенное в самой гуще местных племен, стало форпостом боспорского экономического влияния в регионе (Анфимов, 1966. С. 159; 1967. С. 130). Этот факт, наряду с приведенными выше, на наш взгляд, позволяет достаточно обоснованно предполагать, что в рассматриваемое время правители Боспора придавали особое значение развитию связей с варварским миром Прикубанья.

Подобная политика проводилась также и в районе Донской дельты, где весьма ин-

тересные результаты были получены при раскопках Елизаветовского поселения, самого крупного на восточной границе Скифии. Выше говорилось, что под угрозой сарматских нападений жизнь здесь прекратилась приблизительно на рубеже IV–III вв. до н. э., но ненадолго. Вскоре здесь было основано довольно крупное поселение, которое в научной литературе именуется «боспорским эмпорием». Этот «эмпорий» просуществовал приблизительно 25–30 лет (Марченко, 1992. С. 176 сл.; Марченко, Житников, Яковенко, 1988. С. 75 сл.; Марченко, Житников, Копылов, 2000. С. 252). Попытка упрочения боспорского влияния в дельте Дона не была успешной, и поселение погибло в 80–70-х гг. III в. до н. э., вероятно, в результате неожиданного нападения сарматов (Марченко, 1992. С. 184–186; Марченко, Житников, Копылов, 2000. С. 258; ср. Кац, 2001. С. 90). Тем не менее, для понимания основных направлений греко-варварских контактов начала III в. до н. э. создание «боспорского эмпория» именно в этом районе чрезвычайно показательны. Еще более показательны, что полным успехом было ознаменовано создание другого боспорского центра в низовьях Дона — Танаиса.

Видный советский археолог Д. Б. Шелов, много лет руководивший раскопками Танаиса, считал, что город был основан в первой четверти III в. до н. э. (Шелов, 1970. С. 23; 1989. С. 47; ср.: Арсеньева, Бётгер, Виноградов, 1996. С. 54; Böttger, 2001. S. 49). По сообщению Страбона, его основали боспоряне (Strab. XI. 2,3). Очень скоро этот город, расположенный, по существу, на пути варварских передвижений с востока на запад, стал важным экономическим центром, самым большим торжищем среди варваров после столицы Боспорского государства — Пантикапея (Strab. VII. 4,5). Опираясь на него, Боспор твердо стоял в пункте, который давал ему несо-

мненные выгоды в плане экономического освоения района, торговли с местными туземными племенами, а также позволял ориентироваться в изменениях военно-политического характера в прилегающих степных областях (ср.: Гайдукевич, 1963. С. 306). Если и ранее Боспорское государство в силу своего географического положения имело реальный и, по всей видимости, легкий доступ в Крым и Поднепровье из европейской части и к Кавказу — из азиатской, то теперь в зону его активного влияния вошло и Нижнее Подонье-Приазовье.

4.2. Относительная стабилизация военно-политической обстановки во второй половине III — первой половине II вв. до н. э.

После потрясений времени крушения Великой Скифии жизнь на Боспоре постепенно нормализовалась, вошла в обычное русло. Можно считать, что во второй половине III — первой половине II в. до н. э. ситуация в регионе в целом отличалась определенной стабилизацией (см.: Марченко, 1996; Виноградов Ю. А., 1999). Сарматы, продвинувшиеся в причерноморские степи и ставшие здесь, как уже не раз отмечалось, главными возмутителями спокойствия, к середине III в. до н. э., по всей видимости, уже закончили бурный период «завоевания родины» и вступили в этап более спокойной, можно сказать, мирной эксплуатации подчиненных ими территорий. К этому времени, очевидно, вполне определилась и система политических, экономических и культурных связей новых владык степей с греческими центрами Се-

верного Причерноморья и, разумеется, прежде всего, с Боспорским государством.

Сразу же необходимо обратить внимание на явное своеобразие освоения кочевниками северопричерноморских степей в рассматриваемое время. Как позволяют считать современное состояние археологических источников, сарматы после серии сокрушительных походов против Скифии, когда значительная ее часть действительно была превращена в пустыню (Diod. II. 43, 7), по каким-то причинам не смогли закрепиться в Северном Причерноморье и вынуждены были сосредоточиться в более восточных областях Подонья-Прикубанья. Массовое расселение кочевников на землях к западу от Дона начинается лишь во II в. до н. э. (Абрамова, 1961. С. 91; Полин, 1992. С. 111 сл.; Полин, Симоненко, 1990. С. 43; Симоненко, 1994. С. 34–35; Клепиков, 1998; Simonenko, 1994. P. 116, 119).

Наиболее выразительные памятники сарматов III в. до н. э. фиксируются прежде всего на территории Правобережья Прикубанья. Можно предполагать, что именно здесь сформировался сиракский союз племен (Виноградов В. Б., 1963; Десятчиков, 1974; Ждановский, 1985. С. 13, 18; 1990. С. 36–39; Марченко И. И., 1996. С. 113 сл.), а к середине III в. до н. э., вероятно, сложилось сармато-меотское объединение, ставшее весьма влиятельной силой в регионе (Ждановский, 1990. С. 41; Ждановский, Марченко, 1988. С. 48; Марченко И. И., 1996. С. 119). Есть некоторые основания полагать, что на этом же этапе к северу от сираков в придонских степях расселились аорсы и так называемые царские сарматы (Виноградов Ю. А., 2004 г. С. 21 сл.).

На наш взгляд, союзнические отношения, которые сложились у Боспора с сарматами на предыдущем этапе, получили определенное развитие и в рассматриваемое

время, наложив свой отпечаток на военное дело, о чем будет сказано ниже. Этим влиянием дело не ограничивалось, и на данном этапе в культуре Боспора появились весьма важные новые детали, связанные с военными событиями, которые происходили на далеком Западе. Европа, в том числе и античные государства Средиземноморья, в это время столкнулись с экспансией кельтов, которых греки называли галатами, а римляне галлами (см.: Щукин, 1994. С. 80 сл., 95 сл.). Эта экспансия началась раньше рассматриваемого периода и развивалась волнообразно — всем известно, что около 385 г. до н. э. лишь «гуси спасли Рим» от полного захвата галлами, пик новой волны пришелся на 80–70-е гг. III в. до н. э. В 281 г. до н. э. 20 тыс. галатов переправились в Малую Азию, где приняли самое активное участие в военных событиях, став серьезной угрозой для античных государств региона. В 279 г. до н. э. кельты провели поход на Македонию и Грецию, совершив нападение на знаменитое святилище Аполлона в Дельфах, откуда с большим трудом были отеснены греками (Paus. I. 4. 1–4). Утвердившись во Фракии, они создали свое государство с центром в Тилисе, просуществовавшее с 280 по 213 гг. до н. э. (см.: Лазаров, 1996). Это кельтское государство, как представляется, оказало немалое влияние на развитие событий в Северном Причерноморье, противостоя сарматскому расселению на запад (рис. 48). Данные современной археологии позволяют считать, что только после его крушения, т. е. во II в. до н. э., кочевники смогли продвинуться из-за Дона и прочно освоить районы Поднепровья. Ранее этого хронологического рубежа в Северном Причерноморье, как представляется, столкнулись две волны экспансии — сарматская с востока и кельтская с запада (Симоненко, 1987. С. 112; Виноградов, Марченко, Рогов, 1997. С. 19;

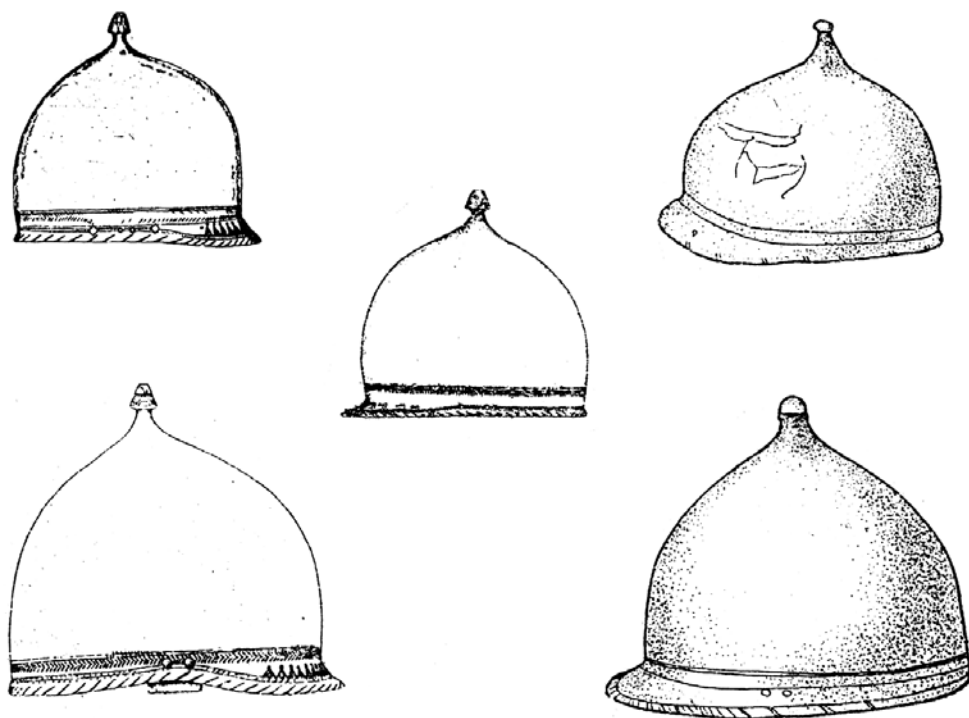

Рис. 53. Находки кельтских шлемов из Северного Причерноморья (по Б. А. Раеву, А. В. Симоненко и М. Ю. Трейстеру)

Виноградов Ю. А., 1999. С. 77, 80). По всей видимости, ни одна из сторон не могла одержать решительной победы и закрепиться здесь на сколь-либо продолжительное время. По этой причине район Поднепровья на десятилетия стал как бы «ничейной» землей, на которой любое самостоятельное развитие любых сравнительно многочисленных этнических групп было практически невозможно.

Материальными свидетельствами военных столкновений, разразившихся в это время в Северном Причерноморье между сарматами и кельтами, на наш взгляд, являются кельтские шлемы, которые археологи порой находят в сарматских погребениях, в основном, в районе Подонья-Прикубанья (рис. 53; см.: Раев, Симоненко, Трейстер, 1990). Эти шлемы, которые в

научной литературе именуется типом Монтефортино, вероятно, в основном, изготавливались в Этрурии. Их еще называют шлемами типа «шапки жокея», поскольку те действительно несколько напоминают жокейскую кепку, надетую козырьком назад; «козырек» защищал шею воина (Robinson, 1973. P. 15–19; Raev, 1986. P. 85–86).

Есть веские основания считать, что в сарматскую среду они попали в результате контактов кочевников с кельтами. Представляется весьма показательным, что всадники, вероятнее всего, сарматы, изображенные на штукатурке нимфейского святилища первой половины III в. до н. э., о которых уже говорилось выше (рис. 52), на головах имеют конические шлемы, по форме весьма похожие на тип Монтефортино.

Признавая сложность военно-политической ситуации в степях Северого Причерноморья во второй половине III в. до н. э., необходимо особо выделить одно важное обстоятельство — признаки стабилизации значительно более ощутимы в восточной части региона, с продвижением к западу они постепенно теряются (Виноградов Ю. А., 1999а. С. 66 сл.). Совсем не случайно М. И. Ростовцев много лет назад обратил внимание на то, что в первой половине II в. до н. э. культура Боспорского царства переживала своего рода возрождение (Rostovtzeff, 1930. P. 581; 1932. P. 227). В настоящее время обозначенные им хронологические рамки «возрождения» должны быть расширены и на вторую половину III в. до н. э., а, кроме того, представляется возможным говорить не только о культуре, но и о стабилизации экономической системы, политического положения государства и т. д.

Из надписи будущего боспорского царя Левкона II, правившего приблизительно в 240–220 гг. до н. э., явствует, что в середине — третьей четверти III в. до н. э. меоты и фатеи признавали власть владык Боспора (КБН. 25). Это, безусловно, позволяет считать, что в середине III в. до н. э. государство окрепло, и власть боспорских царей над меотами опять упрочилась. Другим важным признаком стабилизации обстановки стало возобновление жизни на сельских поселениях Боспора, которое фиксируется приблизительно с этого же самого времени (Кругликова, 1975. С. 95–96; Масленников, 1998. С. 208). Еще раз следует подчеркнуть, что этой категории археологических памятников следует уделять самое большое внимание при реконструкции военно-политической ситуации или, правильнее сказать, ситуаций, которые складывались в регионе на различных хронологических срезах.

4.3. Новое в военном деле Боспора

Сельских поселений второй половины III — первой половины II в. до н. э. на Боспоре известно не очень много, гораздо меньше, чем для времени расцвета IV в. до н. э., при этом в археологическом отношении, как уже отмечалось, сейчас значительно лучше изучены сельские территории европейского, нежели азиатского Боспора. Последнее обстоятельство делает несколько условными все проводимые между ними сопоставления, но вовсе без таких сопоставлений обойтись, разумеется, невозможно. Сразу же необходимо обратить внимание на то, что почти все сельские поселения этого времени, открытые в Восточном Крыму, были укрепленными. Укрепления строились даже на самых небольших из них. Показательный пример памятника такого рода дает поселение Крутой берег, расположенное на азовском побережье Керченского полуострова. Во время раскопок здесь была обнаружена часть оборонительной стены шириной 1,4–1,6 м, которая тянулась от одного края обрыва до другого, отсекая мыс с расположенными на нем постройками (Масленников, 1998. С. 208–209). Еще один яркий памятник такого рода — поселение Золотое на азовском побережье Керченского полуострова. Здесь была выявлена более сложная оборонительная линия, состоявшая из мощной стены (толщина — до 2,5 м) с серией хорошо сохранившихся выступов-бастионов (Масленников, 1998. С. 211–216).

Имеющиеся археологические факты, на наш взгляд, позволяют считать, что военная ситуация в Восточном Крыму все еще оставалась достаточно тревожной, жизни людей в сельских поселениях района угрожали нападения неприятеля. Поч-

ти нет сомнений, что этим неприятелем были крымские скифы. По всей видимости, со второй половины III в. до н. э. в предгорьях Крыма начинается процесс консолидации скифского населения и, вероятно, некоторых других этнических группировок, приведший к окончательному сложению нового государства — Малой Скифии, которая, по сообщению Страбона, занимала Крым и область за перешейком (Перекопом) вплоть до Днепра (Strab. VII. 4,5).

На азиатской стороне Боспора, как демонстрируют результаты археологических разведок, число сельских поселений на этом этапе увеличилось до 200, достигнув своего максимума (Паромов, 1990. С. 64). Среди исследованных памятников выделяется Таманский толос. Как показал Н. И. Сокольский, этот явно культовый памятник стал возводиться во второй четверти III в. и просуществовал до середины II в. до н. э. (Сокольский, 1976. С. 46).

Следует, правда, оговориться, что для одного из боспорских городов района, Горгиппии, получены археологические факты, так сказать, иного порядка. В середине или третьей четверти III в. до н. э. дома во многих частях города погибли в сильнейшем пожаре, тогда же пострадали и поселения сельскохозяйственной округи (Алексеева, 1997. С. 44–45). Это событие, возможно, следует рассматривать как локальное и связывать с действиями варварских племен Северо-Западного Кавказа. Показательно, что Горгиппия после пожара и разрушений была быстро восстановлена в пределах прежней планировочной структуры (Алексеева, 1997. С. 45).

Выше говорилось, что в военно-политических истории Северного Причерноморья, во всяком случае, западной его части, важную роль сыграли кельты. Надо признать, что в античном мире прекрасные боевые качества кельтских отрядов были быстро оценены по достоинству, их авто-

ритет в военной сфере был весьма высок, и совсем не удивительно, что многие правители эллинистических государств охотно приглашали галатов на службу. Как сообщает Юстин в эпитоме сочинения Помпея Трога, «ни один восточный царь не вел ни одной войны без галльских наемников» (Just. XXV. 2,9). Но можно ли что-нибудь сказать о присутствии кельтских наемников на Боспоре? Ответ на этот вопрос представляется очень непростым.

Недавние археологические открытия свидетельствуют, что они, вероятнее всего, входили в состав египетского посольства, посетившего Боспор в первой половине III в. до н. э. В святилище Нимфея, в том самом, где на штукатурке были изображены всадники-сарматы, сражающиеся со скифскими лучниками (см. выше рис. 52), сохранилось великолепное изображение корабля «Исида» (рис. 54), на котором, как считается, прибыло посольство из Птолемеявского Египта к двору боспорского царя Перисада II (Грач, 1984; 1987; Höckmann, 1999; Vinogradov Ju. G., 1999). Вдоль борта этого корабля установлены характерные кельтские щиты (типа «тюреос»), позволяющие предполагать, что здесь присутствовали и их владельцы-кельты. Следует оговориться, однако, что непосредственного отношения к военному делу Боспора эти кельтские наемники, конечно, не имели.

Несколько слов необходимо сказать об упомянутых щитах, получивших широкое распространение во время кельтской экспансии III в. до н. э. в Европе, а затем и в Малой Азии. Прежде всего, «тюреос» в переводе с древнегреческого можно определить, как «подобный двери», и такое определение соответствует действительности. Эти овальные по форме щиты действительно имели большие размеры (длина — примерно 1,1 м, ширина — 0,40–0,60 м). Их отличительная внешняя особенность —

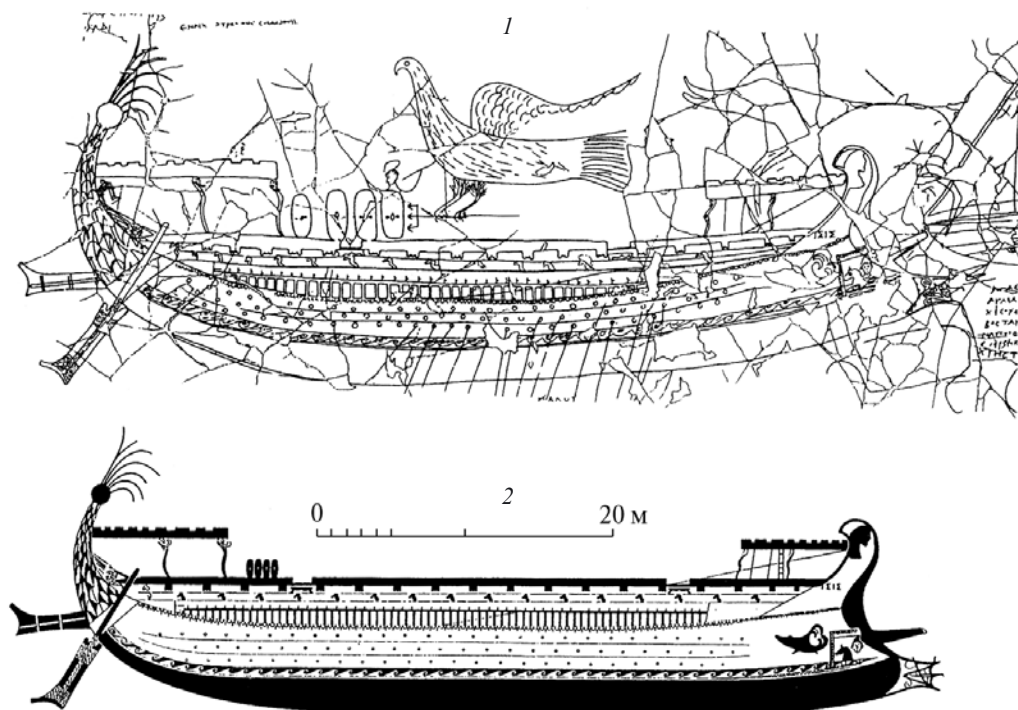

Рис. 54. Корабль «Исида» (по О. Хёкманну)
1 — графито из Нимфейского святилища; 2 — реконструкция корпуса корабля

вертикальное ребро, идущее вдоль центральной части. Щиты изготавливали из дерева, вероятнее всего, обтягивали кожей и иногда снабжали металлическими обивками по краю. Металлический умбон в центре щита прикрывал деревянную ручку, за которую воин удерживал щит, надев его на вытянутую левую руку (Конноли, 2000. С. 119–120; Kimmig, 1940; Eichberg, 1987. S. 43 ff.).

«Тюреос» вошел в употребление на Боспоре, скорее всего, около середины III в. до н. э., и его изображения вскоре появились на боспорских надгробиях, а затем — и на терракотовых статуэтках воинов. Наиболее показательным в этом отношении является надгробие, обнаруженное около Ахтанизовского лимана на Таманском полуострове в 1962 г. (Толсти-

ков, 1976). На известняковом надгробии, относящемся к концу II — началу I в. до н. э., представлено изображение стоящего в полный рост воина, который вооружен копьем и большим овальным щитом (рис. 55, 4, 5). Копье имеет листовидный наконечник с продольным ребром. Большой щит с вертикальным ребром посередине закрывает фигуру воина от плеча до щиколоток. Вполне очевидно, что он имеет сходство с типом «тюреос», хотя и не в полной мере, поскольку здесь отсутствует такая важная деталь, как выступ (умбон) в центральной части. В связи с этим можно высказать предположение, что щит ахтанизовского надгробия представляет собой поздний вариант развития щитов, типологически восходящих к кельтским образцам.

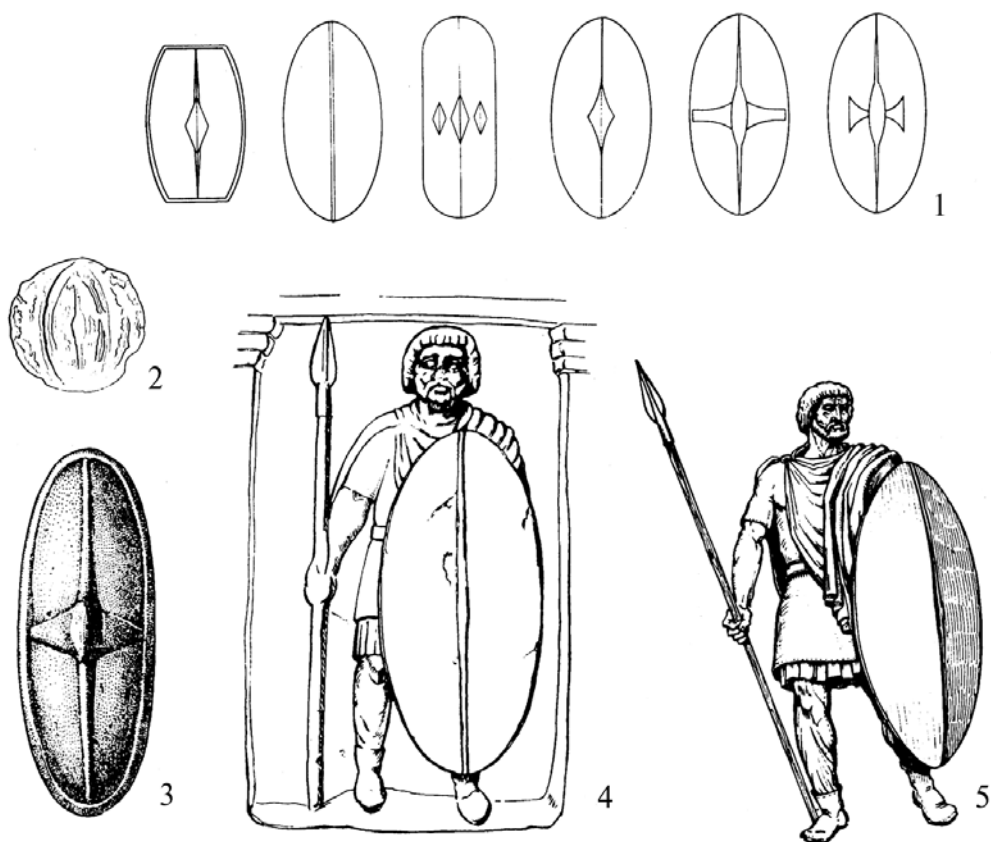

Рис. 55. Кельтские щиты на Боспоре

1 — щиты III—I вв. до н. э. (по В. П. Толстикову); 2 — изображение на монете Левкона II; 3 — изображение щита на терракотовой статуэтке (по В. И. Пругло); 4 — изображение воина на Ахтанизовском надгробии; 5 — воин со щитом (по В. П. Толстикову)

Настоящие щиты типа «тюреос» можно видеть на терракотовых статуэтках с изображением воинов (рис. 55, 3; 56). Эти статуэтки, неизвестные в других античных центрах Северного Причерноморья, представляют собой весьма своеобразную группу боспорской коропластики II—I вв. до н. э. (Пругло, 1966). Воины на них стоят в полный рост, опираясь на овальные щиты; если судить по экземплярам, на которых сохранилась раскраска, щиты были окрашены в малиновый цвет. На некоторых статуэтках можно рассмотреть панцири типа «мускульных кирас» (см. выше гла-

ву 1.3), поверх которых обычно надет длинный плащ. В. И. Пругло, изучившая эти статуэтки, верно заметила, что перво-степенное значение здесь имеет именно щит, который выставлен на первый план как некий символ, лучше всего характеризующий воина.

Самое раннее изображение кельтского щита на Боспоре, однако, представлено не на надгробиях или статуэтках, а на монетах (рис. 55, 2). Вскоре после середины III в. до н. э. боспорский царь Левкон II впервые в истории государства произвел чеканку царской медной монеты, что, возможно,

Рис. 56. Терракотовая статуэтка с изображением воина с кельтским щитом (Пантикапей)

следует связывать с его военными победами. Военная тематика представлена на них изображением щита на лицевой стороне и рукояти меча — на оборотной. М. Ю. Трейстер предположил, что и щит, и меч принадлежат к кельтским типам (Трейстер, 1992а. С. 39; Treister, 1993. P. 791). По его заключению, кельтская символика монет позволяет считать, что при Левконе II имели место контакты Боспора с галатами. Против этой точки зрения выступила Н. А. Фролова, которая считает, что данный тип монет «являет собой произведение греко-скифского искусства», щит при этом рассматривается как греческий, а меч как акинак, типичный для окружающих Боспор скифских и сарматских племен (Фролова, 1999.

С. 315; Frolova, 1998. S. 260). Вполне возможно, Н. А. Фролова в чем-то права. Предположение М. Ю. Трейстера об изображении кельтского меча представляется не очень убедительным по той простой причине, что на монетах оно отчеканено не очень четко, и о его типе с уверенностью судить нельзя. Совсем другое дело — изображение щита, оно определенно относится к кельтским. По этой причине заключение М. Ю. Трейстера о том, что кельтская символика монет может быть связана с контактами Левкона II с галатами, в принципе, представляется вполне вероятным.

В совокупности имеющихся археологических материалов, относящихся к рассматриваемому времени, определенное значение, на наш взгляд, имеет состав погребального инвентаря в гробнице, раскопанной в 1834 г. в районе Карантинного шоссе под Керчью (рис. 57), которую можно датировать приблизительно серединой III в. до н. э. (Виноградов Ю. А., 1997а. С. 75). Среди сделанных здесь находок имеется бронзовый щит удлиненной формы (0,51 × 0,27 м), возможно, кельтского типа (Виноградов Ю. А., 1997а. С. 74). Щит сохранился очень плохо, однако, из описания и имеющегося рисунка ясно, что он имел вид выпуклого овала с обивкой гвоздями по краю. С внутренней стороны зафиксированы кожаные петли. Подобные сравнительно небольшие бронзовые щиты у кельтов, вероятнее всего, были предназначены исключительно для церемониальных или культовых целей (Stead, 1991. P. 23). Думается, можно предположить, что и керченская находка использовалась подобным образом.

Из этой гробницы происходит также прекрасный железный шлем с небольшим гребнем и подвижными нащечниками (рис. 57, 3). Шлем на лобовой части был украшен серебряными изображениями в виде головы Афины, масками горгоны

Медузы по бокам и не вполне понятными изображениями на щечниках, возможно, они представляют фигуры мифического чудовища Сциллы с факелами (Рабинович, 1941. С. 153; ср.: Блаватский, 1954. С. 84). Тип шлемов, к которому относится керченская находка, можно определить как аттический или псевдоаттический эллинистического времени (Dintsis, 1986. S. 121, 276, Kat. Nr. 215, Taf. 55, 3), имеющиеся аналогии позволяют говорить о его широкой популярности во время походов Александра Македонского и позднее. Очевидно, тогда были достаточно популярны и шлемы, изготовленные из железа, поскольку, по свидетельству Плутарха, в битве при Гавгамелах железный шлем надел сам Александр Македонский (Plut. Alex. 32). На Боспоре описанная находка не является единственной, фрагмент шлема такого типа был найден также при раскопках одного из поселений в Восточном Крыму².

Наступательное вооружение в погребении у Карантинного шоссе представлено железным мечом типа махайры (рис. 57, 2). О подобных мечах и их распространении на Боспоре, начиная с самого раннего времени, уже говорилось выше; что касается данного экземпляра, то он имеет длину около 0,80 м. Вообще же набор вооружения, обнаруженный в описанной гробнице, очевидно, был достаточно распространен. Показательно, что на одном из боспорских надгробий конца III — начала II в. до н. э. имеется рельефное изображе-

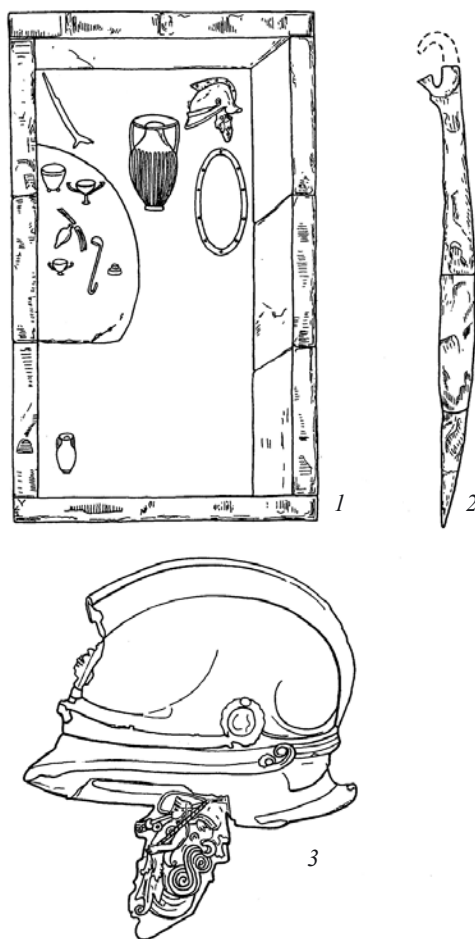

Рис. 57. Погребение воина у Карантинного шоссе под Керчью (1834 г.)

1 — рисунок гробницы; 2 — меч-махайра; 3 — железный шлем с серебряными украшениями

ние воина со щитом как будто овальной формы, который замахивается коротким изогнутым мечом (Kieseritzky, Watzinger, 1909. S. 23, 79–80, Taf. XXXII, 449). Почти нет сомнений, что этот меч — махайра.

Материалы данного погребения дают основание полагать, что оно принадлежит наемнику, служившему в армии боспорского царя. Хорошо известно, что эти античные «солдаты удачи» были готовы сражаться за деньги где угодно и против кого

² Обломок лобной части шлема был обнаружен в слое разрушения античного поселения на Чокракском мысу, которое, как считают исследователи, было разрушено в самом конце I в. до н. э. Эта находка еще раз позволяет убедиться в верности наблюдения, что шлемы, как впрочем, и другие предметы вооружения, могли переходить из рук в руки, многократно меняя своих владельцев и находиться в употреблении в течение столетий (Масленников, Трейстер, 1997).

угодно. Из текста Диодора Сицилийского об усобице сыновей Перисада I мы уже знаем, что на боспорской службе находились довольно крупные отряды греческих и фракийских наемников (см. главу 3.4). Весьма показательны и некоторые эпиграфические документы. Среди них — надгробие, принадлежащее пафлагонцу (КБН. 180), который погиб, «сражаясь в земле маитов (меотов)». Иногда считается, что один из декретов в честь Левкона I (КБН. 37) был принят аркадскими наемниками (Блаватский, 1954. С. 71; Сокольский, 1958. С. 300–301; но ср.: Гайдукевич, 1960. С. 107; Яйленко, 1986. С. 224–225). В. П. Яйленко относит к надгробиям наемников эпитафии сиракузянина (КБН. 203), киприота (КБН. 236), хиосца (КБН. 1223) и некоторые другие (см.: Яйленко, 1990. С. 293, 303).

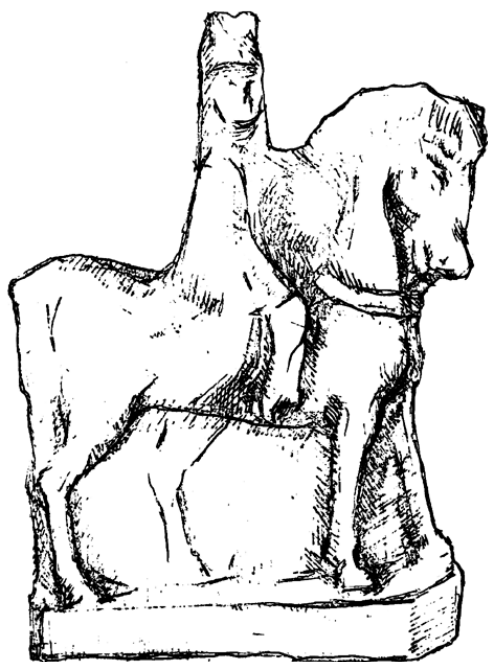

Рис. 58. Терракотовая статуэтка с изображением всадника (поселение Артющенко I на Таманском полуострове)

Совсем не исключено, что на службе у боспорского царя в третьей четверти III в. до н. э. находились также кельтские воинские контингенты, игравшие важную роль в политике государства (Shchukin, 1995. P. 218). Уже говорилось, что тогда ни один восточный царь не вел ни одной войны без галатских наемников, очень может быть, что этого правила в своих действиях придерживался и боспорский царь Левкон II. Что касается гражданского ополчения, то оно, скорее всего, к этому времени уже полностью потеряло свое значение.

Выше говорилось о терракотовых статуэтках воинов с кельтскими щитами, которые достаточно ярко характеризуют одну из сторон боспорской культуры рассматриваемого времени. Столь же любопытна еще одна категория терракотовых статуэток, появившихся на Боспоре, очевидно, во второй половине III в. до н. э., — это статуэтки всадников, спокойнодвигающихся вправо (рис. 58). Этих «боспорских всадников» П. Д. Диатроптов связывает с распространением на Боспоре культа героев, отмечая связь изобразительной традиции с греческими образцами (Диатроптов, 2001. С. 78, 85; 2001а. С. 63, 88–89). К сожалению, многие детали на статуэтках воспроизведены очень небрежно, пропорции коня и всадника часто переданы неверно, и, в общем, эти произведения никак нельзя относить к шедеврам античной корoplastики. Их значение, на наш взгляд, заключается совсем в ином. Общий варварский, восточный облик костюма всадника, несмотря на всю условность трактовки, выступает здесь вполне отчетливо, в частности, в его головном уборе в виде башлыка с заостренным верхом. Нельзя сомневаться в том, что все терракотовые статуэтки так или иначе были связаны с культовыми представлениями. В полной мере это следует относить к изображениям воинов-галатов и всадников, в данном слу-

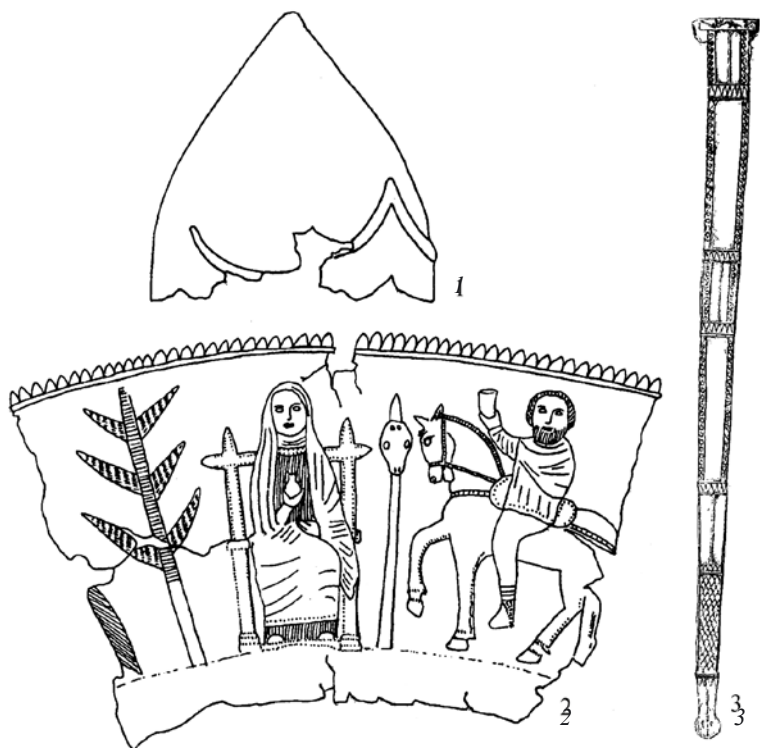

Рис. 59. Находки из боспорских курганов

1 — бронзовый шлем; 2 — золотая пластинка с изображением всадника и богини; 3 — обложенные золотом ножны меча (1, 2 — Мерджаны, 3 — Буерова могила)

чае эта связь, скорее всего, выступает в сфере представлений о роли и предназначении мужчины как воина-героя. Героический идеал, как можно предполагать, в первом случае был, так сказать, навеян Западом, а во втором — Востоком, т. е. миром евразийских степей. О восточных направлениях связей Боспора в военной сфере, как и прежде, свидетельствуют материалы курганных захоронений.

Курганы, содержащие погребения варварской знати, в это время сосредоточены только в азиатской части Боспора, ближе к кочевьям сарматских племен. Неудивительно, что в их культуре ярко выступают именно сарматские черты, связанные прежде всего с манерой украшать боевых коней круглыми, в основном, серебряными

бляхами, так называемыми фаларами (см.: Спицын, 1909; Гущина, 1969; Mordvinceva, 2001). Весьма важной в ряду таких памятников представляется так называемая Буерова могила (ОАК. 1870–1871. С. IX сл., XXXI сл.), расположенная сравнительно недалеко от Большой и Малой Близниц, о которых говорилось ранее (см. главу 3.2). Она содержала конское захоронение с уздечным набором из бронзовых блях, покрытых серебром и позолотой. Человеческое погребение находилось в склепе, сложенном из тесаных известняковых плит. Здесь был обнаружен весьма богатый сопровождающий инвентарь — золотые венки, большое количество серебряной и бронзовой посуды и т. п. Очень впечатляет набор оружия: 5 мечей, 6 копий, масса железных

наконечников стрел, обломки панциря из кованых железных пластин, такие же пластины от щита (?) и бронзовый шлем с нащечниками. Мечи в ножнах с золотыми обкладками, безусловно, относятся к типу сарматских (рис. 59, 3). К сожалению, весь этот интереснейший комплекс вооружения никогда специально не изучался и, за исключением отдельных предметов, даже не был опубликован (см.: Ростовцев, 1918а. Табл. II, 5, 7, 8; III, 4).

В кургане у д. Мерджаны, расположенной недалеко от Анапы, был обнаружен комплекс вещей, относящихся, вероятно, к первой половине II в. до н. э. (Виноградов Ю. А., 1998). Из их числа стала хрестоматийно известной золотая пластина с изображением всадника, приближающегося к сидящей на троне женщине, вероятнее всего, богине (рис. 59, 2). Среди предметов вооружения здесь был найден короткий меч или кинжал, а также два конических бронзовых шлема (рис. 59, 1). Конические шлемы, подобные находкам из Мерджан, стали изготавливаться в Древней Греции в эллинистическое время (см.: Dientsis, 1986. S. 77 ff.). Вполне возможно, что причиной их популярности стала необходимость защиты от рубящих ударов кельтских мечей. Не удивительно, что они представлены на таких важных памятниках

времени войн с галатами в Малой Азии, как Алтарь Зевса в Пергаме (Белов, 1959. Табл. 30, 32; Winnefeld, 1910. Taf. III, XXVII, XXVIII; Müller, 1978. Taf. 22), но еще чаще — на рельефах с изображением оружия в святилище Афины Nikeфоры (Bohn, 1885. Taf. XLIII, XLIV, XLVI; Jaeckel, 1965. S. 100–101), которое пергамцы, вероятнее всего, захватили во время сражений с этими варварами.

Для понимания особенностей развития военного дела на Боспоре, как уже не раз отмечалось выше, немалое значение имеют изображения оружия и военных сюжетов на монетах. Надо признать, что наиболее популярными изображениями подобного рода в нумизматике античного Северного Причерноморья являлись лук и стрелы (Зограф, 1982). Не вызывает особого удивления, что на монетах здесь во многих вариантах представлен так называемый «скифский» лук с перехватом в центральной части и симметричным изгибом обеих половин (см. главу 1.2). Однако на боспорских монетах второй половины III — первой половины II вв. до н. э. можно видеть лук необычной асимметричной формы (рис. 60; см. также: Зограф, 1951. Табл. XLII, 11, 13; Шелов, 1956. Табл. VI, 72, 73; Голенко, 1974. Табл. II, 50; Анохин, 1986. С. 142, табл. 4–5, №№ 145, 146). Если в данном случае мы не сталкиваемся с ошибкой резчиков штемпелей, то можно высказать предположение, что в это время происходили изменения в форме традиционного лука «скифского» типа. Асимметричность формы, как известно, в научной литературе связывается с луками так называемого «гуннского» типа (Мошкова, 1989. С. 184), о которых подробнее речь пойдет во второй части нашего повествования. Принято считать, что этот более крупный и более мощный, чем «скифский», лук был взят на вооружение сарматами Северного Причерноморья в I–II вв. н. э. (Хазанов, 1971. С. 28;

Рис. 60. Боспорская бронзовая монета с изображением лука асимметричной формы (Поселение Артющенко I на Таманском полуострове)

Симоненко, Лобай, 1991. С. 12 сл., 43 сл.), однако на юге Западной Сибири он стал известен еще в III–I вв. до н. э. (Могильников, 1992. С. 264; 1992а. С. 302; Хабдулина, 1993. С. 33). Как представляется, асимметричность луков, изображенных на боспорских монетах, не может являться достаточным основанием для признания их «гуннскими» и, соответственно, для пересмотра устоявшейся точки зрения о времени появления данного вида оружия в Причерноморских степях. С другой стороны, нельзя исключать, что луки измененной асимметричной формы попали в этот регион с первой волной сарматских миграций. Во всяком случае, появление луков необычной формы на боспорских монетах, суммарно датированных второй половиной III — первой половиной II в. до н. э., безусловно, требует своего объяснения.

Имеющиеся материалы позволяют заключить, что Боспорское государство во второй половине III — первой половине II вв. до н. э. в своей внешней политике опиралось на военные формирования, состоявшие из наемников, а также на союзных сарматов. Нет сомнения, что по-прежнему большое значение имела боспорская аристократическая конница. До поры до времени этого вполне хватало, чтобы отстаивать свои интересы, более того, обозначенный период даже можно признать временем процветания Боспора. Процветанию пришел конец, когда военно-политическая ситуация в степях Северного Причерноморья в очередной раз резко изменилась.

4.4. Боспор в условиях новой дестабилизации в степях

Середина II в. до н. э. по многим причинам связывается с окончанием периода относительной стабилизации в Северном

Причерноморье. Складывается впечатление, что с этого времени выплески все новых и новых кочевых этносов из глубин Азии на запад происходили, так сказать, в ускоренном ритме. Эти передвижения привели к окончательной дестабилизации обстановки в степях северного берега Понта, поскольку, как представляется, ни одно из появившихся в регионе племен не могло осуществить свою полную гегемонию, и античным государствам в этом сложном переплетении политических целей, экономических интересов, возникающих и разваливающихся союзов варварских племен было чрезвычайно непросто отстоять свою самостоятельность, выбрать собственный, сравнительно безопасный путь развития.

Не исключено, что новый импульс переселения кочевников с Востока был связан с миграцией языгов, ургов, роксоланов и, возможно, других кочевнических орд (рис. 61; Виноградов Ю. А., 2004в. С. 25). По свидетельству Страбона, роксоланы заняли пространства между Танаисом и Борисфеном, т. е. между Доном и Днепром (Strab. VII. 3,17). Описывая образ жизни кочевников, древний географ заметил, что «они следуют за своими стадами, выбирая всегда местности с хорошими пастбищами; зимою — в болотах около Меотиды, а летом — и на равнинах» (Strab. VIII. 3,17; перев. В. В. Латышева). В 112–110 гг. до н. э. эти воинственные кочевники уже принимали участие в скифо-херсонесском конфликте на стороне скифов и были разбиты Диофантом (подробнее о нем будет сказано ниже), которого прислал на помощь Херсонесу царь Понтийского государства Митридат VI Евпатор (Strab. VII. 3,17). В почетном декрете в честь царского полководца, принятом гражданами Херсонеса, они названы ревксиналами (IOSPE. I². 352).

Войско варваров, состоявшее почти из 50 тысяч человек, не устояло против 6 ты-

Рис. 61. Северное Причерноморье во второй половине II—I вв. до н. э.
1 — горы; 2 — граница степей и лесостепей; 3 — главные греческие колонии

сяч воинов, которыми командовал Диофант, и в большинстве своем погибло, что еще раз продемонстрировало силу дисциплинированного, хорошо обученного войска в столкновениях с варварскими толпами (Strab. VII. 3,17). Вооружение роксоланов, каким его описал Страбон, выглядело весьма не совершенно: у них были шлемы и панцири из сырой воловьей кожи, сплетенные из прутьев щиты, а наступательным оружием служили копья, луки и мечи. Археологические материалы, однако, позволяют уточнить эту картину и признать, что роксоланы, как и другие сарматы, имели на вооружении не только кожаные, но и металлические панцири и шлемы (см.: Хазанов, 1971; Simonenko, 2001), но подробнее об этом речь пойдет ниже.

Языги продвинулись западнее роксоланов и обитали за Днепром, где известны также царские сарматы и урги (Strab. VII. 3,17). В плане вооружения и военной организации они, скорее всего, мало отличались от роксоланов.

Новые кочевнические объединения, как можно легко заметить, быстро достигли Таврики. Во второй половине II в. до н. э. эпиграфические источники фиксируют здесь новых пришельцев, сатархов, появление которых Ю. М. Десятчиков связывал с широким расселением на запад центрально- и среднеазиатских кочевников (Десятчиков, 1973. С. 143). Вероятно, в последней четверти II в. до н. э. на азиатском Боспоре появились аспургиане (Молев, 1994. С. 55; 1995a), которые в дальнейшем

стали играть весьма важную роль в событиях боспорской истории (см. ниже). В последнее время вопрос об аспургианах в отечественной научной литературе стал весьма дискуссионным, причиной чему явилось их отождествление С. Ю. Сапрыкиным не с варварским этносом, а с военными колонистами Боспора, расселенными на царских землях. В состав аспургиан, по мысли автора, входили представители различных племен: сарматов, сатархов и пр. (Сапрыкин, 1985. С. 76). Страбон, однако, писал об аспургианах как о меотском племени (Strab. XI. 2, 11), и такое их понимание представляется единственно верным (Молев, 1994. С. 55–56). Приведенная трактовка, на наш взгляд, нуждается лишь в одной оговорке: древний географ, вероятнее всего, причислил к меотам сарматский этнос, возможно, по той причине, что аспургиане обитали среди меотских или меото-сарматских племен.

Археологические материалы свидетельствуют о широком расселении сарматов в Северном Причерноморье с середины II в. до н. э., но это расселение, однако, развивалось весьма своеобразно. По каким-то причинам кочевники начали переселяться на земли к западу от Днепра лишь с I в. до н. э. (Кубишев, Покляцкий, Симоненко, 1987. С. 57, 61), а в район Днестро-Дунайского междуречья — еще позднее, ближе к рубежу эр (Дзигорский, 1989. С. 65; Фокеев, 1999. С. 261). Такое любопытное положение, скорее всего, следует объяснять тем, что продвижению кочевников на запад, как и раньше в III в. до н. э. (см. главу 4.2), мешало противодействие племен Карпато-Дунайского региона, на сей раз не кельтов, а, возможно, скифов задунайской Малой Скифии, гетов или др. М. И. Вязьмитина, описывая ситуацию этого времени в междуречье Днепра и Днестра, отмечала, что тогда население района оказалось перед двойной угрозой — от

вторжения сарматов с востока и гетов с запада (Вязьмитина, 1969. С. 122). Ю. Г. Виноградов считал, что во второй половине II в. до н. э. важную роль в событиях, развернувшихся в Северо-Западном Причерноморье, стали играть бастарны (1989. С. 231). Надо признать, что письменные источники не дают для этого прямых оснований, древние авторы сообщают об активности бастарнов в первой половине столетия, при этом их походы были устремлены на запад (см.: Шукин, 1999). Походы на запад, если судить по имеющимся свидетельствам, не имели особого успеха, что, однако, не дает оснований сомневаться в том, что этот этнос представлял собой значительную военную силу. По вполне логичному заключению А. В. Симоненко, бастарны вместе с гетами сдерживали сарматское продвижение на запад вплоть до третьей четверти I в. до н. э. (Симоненко, 1994. С. 45).

Во второй четверти — середине II вв. до н. э. на политической арене все активной начинала выступать Малая Скифия в Крыму, где утвердилась власть царя Скилура, передавшего затем царский престол своему сыну Палаку (Strab. VII. 4,3)³. Скилур начал нелегкую борьбу за подчинение

³ Некоторые археологи считают, что между культурами Великой и Крымской Скифий нет преемственности и что последняя сложилась в результате синтеза различных этнических элементов (см.: Щеглов, 1998. С. 150; Зайцев, 1999. С. 128; 2000. С. 39; Пуздровский, 1999. С. 101). Признавая сложность проблемы культурно-исторического развития Малой Скифии в Крыму и важность изучения различных этно-культурных элементов, повлиявших на процесс ее становления, необходимо подчеркнуть, что в рассуждениях этих авторов имеется немалый деструктивный заряд. Порой в них теряется главное, а именно — сама Скифия. Вне зависимости от особенностей сложения археологической культуры, для греков Северного Причерноморья население Крыма этого времени, безусловно, было, прежде всего, скифским, а созданное им государство — Скифией (ср.: Храпунов, Мульд, 2004; Зубарь, 2004).

Херсонеса Таврического. Развитие конфликта между скифским государством и Херсонесом привело к тому, что еще во второй четверти II в. до н. э. произошел разгром греческих сельских поселений в Северо-Западном Крыму (Щеглов, 1998. С. 149). Очевидно, до этого разгрома херсонеситам пытались помочь сарматы, возможно, даже существовал союз между ними и Херсонесом. Полиэн (Strateg. VIII. 56) рассказывает, что царица сарматов Амага с группой отборных воинов совершила большой переход, неожиданным ударом захватила дворец царя скифов, убила его, а захваченную скифами страну вернула грекам.

Не все северопричерноморские кочевники в начавшемся конфликте заняли антискифскую позицию. Как уже говорилось, роксоланы выступили против греков на стороне скифов, но не достигли успеха (Strab. VII. 3,17; IOSPE. P. 352). Тем не менее, фактор угрозы с востока, исходящей от кочевников, продвинувшихся в Причерноморье, стал играть важную роль в разыгравшейся тогда исторической драме.

Союз Херсонеса с сарматами, как следует считать, оказался ненадежным (Сапрыкин, 1996. С. 195), греки не сумели противостоять скифскому натиску. Около середины II в. до н. э. на руинах некоторых греческих укреплений были построены скифские крепости (Щеглов, 1978. С. 131; Дашевская, 1991. С. 8 сл.; Пуздровский. 1995. С. 144), таким образом, владения Херсонеса в Северо-Западном Крыму оказались под властью варваров, а к концу столетия они уже ограничивались только ближайшими его окрестностями (Щеглов, 1978. С. 131–132; Сапрыкин, 1986. С. 194, 214; Золотарев, Туровский, 1990. С. 74, 84). По существу враг подступил к самым стенам города.

В истории Ольвийского государства новое обострение кризиса также пришлось

на середину II в. до н. э. (Карышковский, 1988. С. 101 сл.; Виноградов Ю. Г., 1989. С. 231). В этой ситуации ольвиополиты вынуждены были в очередной раз искать себе защитника среди соседних варваров, что в конце концов привело к подчинению полиса скифам, которое выразилось на сей раз в виде протектората царя Скилура (Виноградов Ю. Г., 1989. С. 230 сл.; Зайцев, 1999. С. 144). Правители Боспора Киммерийского пытались выйти из кризиса своим путем.

Сразу следует признать, что дестабилизация военно-политической обстановки в степях Северного Причерноморья и на сей раз весьма болезненно отозвалась на положении Боспорского государства. Начало этого кризисного периода, скорее всего, было связано с какими-то политическими переменами, связанными с неким Гиgienонтом. Имя этого правителя встречается на немногочисленных монетах (золотых, серебряных и бронзовых) и на клеймах керамических черепиц. Любопытно, что на монетах Гиgienонт имеет титул архонта, а не царя, хотя последнее для Боспора уже давно стало обычным. Вопросы о времени его правления и связи с династией Спартокидов вызывают большие споры среди исследователей. Е. А. Молев, специально изучивший вопрос об архонте Гиgienонте, пришел к заключению, что его правление относится приблизительно к 145–130 гг. до н. э. (1994. С. 22). Судя по изображению скачущего всадника на реверсе его серебряных монет, можно предполагать, что этому правителю удалось одержать какую-то военную победу (Шеллов, 1956. С. 184–185). Е. А. Молев допускает, что это была победа над сатархами (1994. С. 52). Этот успех, однако, не мог спасти государство от новых военных потрясений, при этом почти нет сомнений, что основная угроза ему исходила именно с востока, а не с запада.

По свидетельству Страбона, которое можно относить к рассматриваемому периоду, земледельческие племена меотов не уступали по воинственностиномадам (Strab. XI. 2,4), а подвластные Боспору племена поднимали восстания, отпадали от него (Strab. XI. 2,11). По всей видимости, в это время были полностью потеряны все владения боспорских царей в Прикубанье. Не удивительно, что результаты дестабилизации, обусловленной в первую очередь изменениями в сарматском мире, наиболее рельефно проявились на азиатской стороне. Археологические материалы свидетельствуют, что уже в середине II в. до н. э. погибли в пожарах многие поселения Таманского полуострова (см.: Онайко, 1967. С. 168; Сокольский, 1976. С. 46; Сорокина, 1985. С. 377). При раскопках поселения Аргющенко I следов пожара не открыто, тем не менее можно считать, что железоделательная мастерская, существовавшая здесь в эллинистическое время, не пережила середины II в. до н. э. (Виноградов Ю. А., 2001а. С. 19). Приблизительно в то же самое время, как представляется, прекратил функционировать боспорский эмпорий на Елизаветинском городище на Кубани. Во всяком случае, по наблюдениям Н. В. Анфимова, здесь отсутствуют пантикапейские монеты второй половины II—I в. до н. э. (Анфимов, 1966. С. 161). Показательно, что именно с середины II в. до н. э., как считал Н. И. Сокольский, началось создание оборонительной системы, состоящей из валов и серии укрепленных поселений, на Фонталовском полуострове (Сокольский, 1963. С. 19; 1976. С. 107, 116).

В этом отношении чрезвычайно странно выглядит заключение Е. А. Молева, что нельзя говорить о враждебности боспорян и сарматов вплоть до конца I в. до н. э. (Молев, 1986а. С. 58; 1994. С. 117). Кризис рассматриваемого времени он склонен объяснять, прежде всего, внутренней соци-

альной борьбой в государстве, выразившейся в стремлении меотов к независимости. Внешние силы, под которыми исследователь понимает скифов и сарматов, как ему представляется, сыграли в развитии кризиса незначительную роль (Молев, 1986а. С. 59, 62). На наш взгляд, акценты в данном случае расставлены не совсем верно, — отпадение меотов от Боспорского царства стало не причиной, а следствием дестабилизации обстановки, что, разумеется, еще в большей степени осложняло положение Боспора.

Не удивительно, что в 120–110-х гг. до н. э. здесь начался новый период сокрытия кладов, что, конечно, опять наиболее резонно связывать с резким обострением военно-политической ситуации (см.: Салов, 1974. С. 95; Фролова, 1998; Абрамзон, Фролова, Горлов, 2000. С. 60; 2000а. С. 60). Этот период оказался весьма продолжительным, охватив все митридатовское и даже еще более позднее время (см.: Нестеренко, 1981; 1987; Голенко, Масленников, 1987; Абрамзон, Фролова, Горлов, 1999).

Враждебные отношения с местными племенами Прикубанья, чреватые частыми военными конфликтами, как представляется, проявлялись и в том, что для второй половины II в. до н. э. вплоть до митридатовского периода на Таманском полуострове мы не знаем ни одного кургана варварской знати, который можно было бы более или менее уверенно датировать этим временем. В этом отношении реконструируемая картина выглядит просто уникальной, поскольку ранее, начиная с V в. до н. э., такого здесь никогда не было. В предыдущих главах было приведено немало сведений о богатых погребальных комплексах, которые позволяют лучше понять направления развития военно-политических связей Боспора с варварским миром на различных исторических этапах. Для второй половины II в. до н. э. таких примеров мы

не знаем. Думается, есть все основания для заключения, что азиатский Боспор находился в это время в весьма критическом положении, взаимоотношения с местными варварскими племенами достигли крайней степени обострения.

На европейской стороне результаты дестабилизации проявились несколько позднее, чем на азиатской. Некоторые поселения азовского побережья Керченского полуострова погибли на рубеже II—I вв. до н. э. (Сапрыкин, 1996. С. 273), о запустении района свидетельствует и Страбон (VII. 4,5). Но эти факты логичней связывать уже не с враждебностью каких-то варварских племен, а с обстоятельствами подчинения Боспора Митридату VI Евпатору, восстанием Савмака, боевыми действиями понтийских полководцев и т. д. (см. ниже).

Скорей всего, именно к этому времени следует относить сообщение Страбона об активной деятельности морских разбойников северо-западного Кавказа — ахейцев, зигов и гениохов (Strab. XI. 2,12). Для своих разбоев эти варвары использовали небольшие, узкие и легкие ладьи, которые греки называли «камарами». Такие лодки вмещали около 25 человек, редко — до 30. Пираты господствовали на море, нападали на грузовые суда и даже на отдельные местности или города. После таких походов они возвращались в родные места, но поскольку не имели удобных стоянок, то взваливали камары на плечи и уносили их в леса, в которых обитали; перед новыми разбоями пираты подобным же образом приносили ладьи к берегу.

Описывая особенности разбойничьего образа жизни ахейцев, зигов и гениохов, древний географ отмечает, что порой им содействовали боспорские правители, предоставляя пиратам стоянки, позволяя покупку провианта и продажу награбленного. В лучшие для Боспорского государства

времена царь Евмел, как говорилось выше, прославился отнюдь не сотрудничеством с грабителями, а беспощадной борьбой с ними (Diod. XX. 25), но ситуация в регионе изменилась самым кардинальным образом, и правители Боспора были вынуждены по существу сотрудничать с морскими разбойниками.

Экономический кризис, разразившийся на Боспоре в это время, имел многие негативные последствия, сказавшиеся, прежде всего, на состоянии государственной казны. Оскудение казны, в свою очередь, закономерно вело к ослаблению оборонеспособности государства. Средств для содержания сильной наемной армии, состоящей из греков, галатов или т. п., явно не хватало. Дружины соседних варварских племен также не желали отстаивать интересы Спартокидов бесплатно, да и вообще дружеские отношения с варварами, точнее, с варварской аристократией, всегда стоили Боспору немалых средств. Во второй половине II в. до н. э. необходимых для этого средств уже не было.

В результате обозначенных негативных перемен последний из Спартокидов — Перисад V, «будучи не в состоянии бороться с варварами, требовавшими большей дани, чем прежде, уступил власть Митридату Евпатору» (Strab. VII. 4,4; перев. В. В. Латышева). В процитированном пассаже из текста Страбона немалую дискуссию среди исследователей вызвал вопрос о том, каким именно варварам вынужден был платить дань Боспор. Ответ, казалось бы, прост, — поскольку военных сил для отражения варварской угрозы явно не хватало, то платить надо было всем, кто этого требовал, а таких в это время, надо думать, было немало.

В отечественной литературе предпочтение отдается точке зрения, что дань выплачивалась скифам (см.: Молев, 1994. С. 114 сл.). Однако очерченная выше ситуация за-

ставляет с большим вниманием относиться к идее, что это были сарматы, во всяком случае именно с их стороны, как представляется, тогда исходила основная угроза Боспору (Виноградов Ю. Г., 1987. С. 67–69; 1999. С. 62, прим. 2; Сапрыкин, 1996. С. 140 сл.). Боспоро-скифские отношения носили в это время иной характер, и для этого утверждения имеются весьма веские основания. Обнаруженные сравнительно недавно эпиграфические документы, прежде всего, надпись дочери царя Скилура из Пантикапея, которая уверенно датируется второй половиной II в. до н. э. (Толстикова, 1987. С. 88 сл.; Виноградов Ю. Г., 1987; см. также: Виноградов, Молев, Толстикова, 1985), позволяют предполагать самый близкий союз Боспора со скифами. Надпись сообщает, что мужем скифской царевны был Гераклид, явно не обычный грек, а представитель боспорской аристократии, вероятнее всего, даже член царской фамилии (Виноградов, Молев, Толстикова, 1985. С. 590–591). Еще более показательным, что в боспорской истории этот брачный союз не был исключением. Известно, что еще ранее, возможно, в 170–150 гг. до н. э. царица Камасария была замужем за Арготом (КБН. 75). Имя Аргот — старинное, иранское, царское имя (см.: Виноградов Ю. Г., 1980. С. 92 сл.),

так что имеются веские основания считать, что Камасария вступила в брак с представителем скифской династии (Виноградов Ю. Г., 1987. С. 61). Можно даже говорить о традиции боспоро-скифских династических браков, установившейся уже со второй четверти II в. до н. э. Эта традиция, в свою очередь, отражала союз Боспора со скифами, который был направлен на противодействие общему врагу — «воинственным, агрессивным настроенным меото-сарматским племенам Приазовья» (Виноградов Ю. Г., 1987. С. 85).

Другой важнейший эпиграфический документ был обнаружен в 1999 г. при раскопках столицы Крымской Скифии — Неаполя Скифского (рис. 62); в нем, вероятнее всего, говорится о том же самом Арготе (см.: Виноградов, Зайцев, 2003; Зайцев, 2003. С. 43, 52, 110–111, рис. 40–41). Надпись была установлена рядом с гробницей этого человека, возведенной не ранее 130 г. до н. э. (Зайцев, 2003. С. 43). В стихотворном повествовании, высеченном на каменной плите, вероятно, от имени Скилура, говорится, что Аргот был доблестным военным мужем, много сделавшим для защиты отчизны от полчищ фракийцев и меотов. В этой информации можно видеть подтверждение реконструкции военно-по-

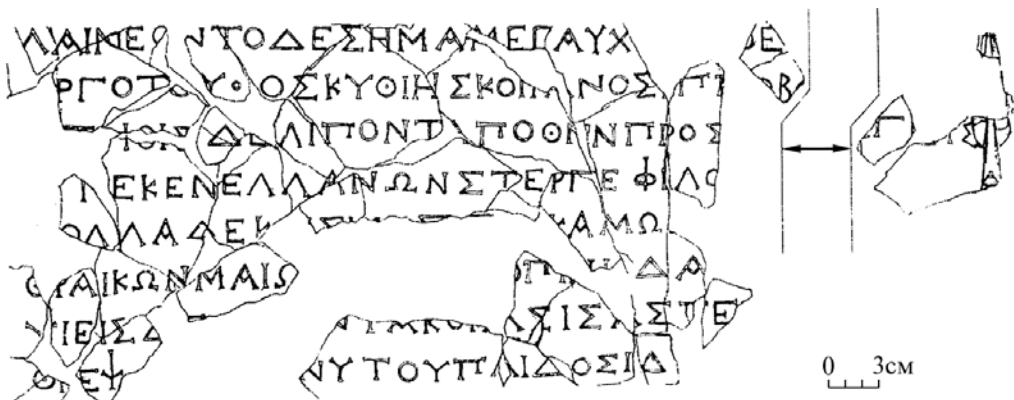

Рис. 62. Надпись Аргота из Неаполя Скифского (по Ю. П. Зайцеву)

литической ситуации рассматриваемого времени в Северном Причерноморье, которая была предложена нами выше. Как следует из надписи, Малая Скифия, и, конечно, не только она одна, страдала тогда от двойной угрозы — с запада и с востока. Полчища фракийцев устремлялись сюда из Карпато-Дунайского района, а «мео-ты», — вероятнее всего, из Приазовья-Прикубанья; под последними при этом, скорей, следует понимать не земледельческие народы Прикубанья, а кочевников-сарматов, совершавших походы с территорий, прилегающих к Меотиде, и, возможно, подчинивших себе меотов⁴.

Если признать тождество этого Аргота с супругом Камасарии, а оно представляется почти несомненным, то в понимании связей Скифии и Боспора возникают весьма существенные, ранее неизвестные детали. Ю. П. Зайцев предполагает, что брак с боспорской царицей стал началом политической карьеры Аргота, важным межгосударственным актом, во многом определившим его дальнейшую судьбу. Вероятно, после смерти Камасарии он перебрался к Скилуру, многое сделал для укрепления скифского государства и после смерти был с почестями погребен в столице Крымской Скифии. Как видим, имеются немалые основания считать, что в середине — второй половине II в. до н. э. существовал боспоро-скифский союз, ставший важным фактором военно-политической обстановки в Северном Причерноморье. Признавая важ-

ность этого союза, следует осознать и все его своеобразие.

Сам по себе скифо-боспорский союз, конечно, не означал того, что боспоряне были свободны от дани скифам. Ю. Г. Виноградов был не совсем прав, утверждая, что дань с союзников взиматься не могла (1999. С. 62, прим. 2). Она, скорее всего, взималась в скрытой форме дипломатических даров. Во взаимоотношениях кочевников с земледельческими государствами вообще многое зависело от соотношения сил, когда слабая сторона даже при обмене подарками, по существу, была вынуждена платить дань, а сильная могла обойтись символическим подношением (Григорьев, 1875. С. 17; Першиц, 1994. С. 208). Крымские скифы, как представляется, проводили свою политику в русле этой устоявшейся практики.

Зададимся, однако, другим вопросом: мог ли этот союз и эти дипломатические дары гарантировать безопасность Боспора, надежно защитить его восточные границы в столь непростой военно-политической обстановке? Думается, что нет. То, что в свое время могла обеспечить Боспорскому государству Великая Скифия, Малой Скифии было явно не по силам. Когда же в результате нарастающей дестабилизации обстановки в регионе неэффективность этого альянса стала вполне очевидной, был найден новый спасительный вариант в виде передачи власти понтийскому царю Митридату VI Евпатору.

⁴ Такое понимание вполне согласуется с информацией Страбона. Напомним, что сарматское племя аспургиан он относил к числу меотов (Strab. XI, 2,11).

Глава 5 БОСПОР В СОСТАВЕ ДЕРЖАВЫ МИТРИДАТА VI ЕВПАТОРА

5.1. Подчинение Боспора понтийскому царю

Детали сложной и драматической истории, связанной с переходом власти на Боспоре к понтийскому царю, известны, прежде всего, по знаменитому декрету в честь Диофанта, который был обнаружен при раскопках Херсонеса (IOSPE. P. 352). Надпись повествует о том, что Херсонесское государство, оказавшееся в труднейшей ситуации в результате натиска скифов, обратилось за помощью к владыке Понтийского царства Митридату (рис. 63). Это царство располагалось на территории Малой Азии, отсюда на помощь к херсонеситам было прислано войско во главе с Диофантом. После первых побед над скифами и таврами он прибыл на Боспор, чтобы, как логично ожидать, предупредить возможное выступление боспорян на стороне скифов (Молев, 1994. С. 18). Эта акция представляется абсолютно оправданной, ибо боспоро-скифский союз, речь о котором шла выше, как будто должен был к этому обязывать. Возможно, уже тогда была достигнута и предварительная договоренность о передаче власти Перисадом V («последним») понтийскому царю.

Вновь разгромив скифов, которые попытались взять реванш, и выступивших на их стороне роксоланов (в надписи на-

званы «ревксиналами»), Диофант второй раз прибыл на Боспор, где «устраивает тамошние дела прекрасно и полезно для Митридата Евпатора». Этот пассаж декрета, скорее всего, следует понимать как свидетельство окончательного решения вопроса о передаче власти царю Понта. Против такого поворота событий выступили скифы во главе с Савмаком; в результате поднятого ими восстания Перисад был убит, Диофанту же удалось спастись на херсонесском корабле. Собрав силы, понтийский полководец начал карательную экспедицию, «взял Феодосию и Пантикапей, виновников восстания наказал, а Савмака, убийцу царя Перисада, захватив в свои руки, выслал в царство (т. е. в Понт — Ю. В., В. Г.)» (IOSPE. P. 352. 41–42). Перечисленные события, потрясшие Боспор, вероятно, продолжались весь 107 г. до н. э., и с этого времени Митридат VI Евпатор почти на 50 лет стал владыкой Боспорского государства, а вскоре фактически и всего Северного Причерноморья.

Рис. 63. Монета Митридата VI Евпатора (увеличено)

Разумеется, отнюдь не все детали этих важных событий в достаточной степени освещены в имеющихся источниках. В научной литературе, как известно, вызвало большую полемику то место декрета в честь Диофанта, в котором говорится, что скифы во главе с Савмаком убили Перисада, «вскормившего его», но кого именно вскормил боспорский царь, остается не вполне ясным. Традиционно это выражение относили к Савмаку, который, соответственно, совершил страшное злодеяние, подняв руку на своего благодетеля. Сам он при этом рассматривался как скифский царевич, получивший воспитание при дворе боспорского царя (см.: Момзен. 1994. С. 201, прим. 1; Brandis, 1897. Sp. 774; Minns, 1913. P. 520, 582; Rostovtzeff, 1932. P. 229; McGing, 1986. P. 53).

Академик С. А. Жебелев в слове «вскормившего» усмотрел указание на рабскую принадлежность Савмака, и восстание при этом стало трактоваться как выступление рабов (Жебелев, 1933; 1953. С. 82 сл.). Это проявление классовой борьбы на Боспоре было поставлено в ряд других крупных восстаний рабов, потрясших античный мир. В советской антиковедческой науке гипотеза С. А. Жебелева, по существу, сразу стала господствующей, получившей статус почти бесспорного факта. В настоящее время этой точки зрения как будто уже никто не придерживается, а вскормленным Перисада считают не только Савмака. Некоторые ученые признают, что это был Диофант (Lurie, 1959. S. 72–73; Казакевич, 1963. С. 58–59; Гаврилов, 1992. С. 61–62; Молев, 1994. С. 119). Появилась даже еще одна гипотеза, которая, как представляется, завершила возможные варианты интерпретации этой части текста декрета. А. И. Немировский обратил внимание, что в документе чувствуется не один Диофант, но также и Митридат Евпатор, а значит, есть основания предполагать, что воспи-

танником Перисада был сам понтийский царь, чему не противоречат некоторые детали его биографии (Немировский, 1978. С. 67 сл.; ср.: Сапрыкин, 1996. С. 143–145).

А. К. Гаврилов рассматривает описанные события на Боспоре как результат вторжения крымских скифов во главе с Савмаком (1992. С. 71–72). Эта точка зрения выделяется новизной и определенной смелостью постановки вопроса, но все-таки не представляется убедительной. Ближе к истине, на наш взгляд, был Ю. Г. Виноградов, видевший в этих событиях дворцовый переворот, осуществленный полуварварской верхушкой Боспорского царства (1987. С. 79–80, 86). Действительно, с имеющимися материалами больше согласуется представление о восстании Савмака как о попытке скифов удержать Боспорское царство в орбите своего влияния и, возможно, втянуть его в борьбу с Херсонесом. Следует особо подчеркнуть, что эти события никак нельзя считать случайными, связанными с действиями только скифского царевича-авантюриста, напротив, они стали закономерным следствием боспоро-скифского сближения, о котором речь шла выше.

Восстание Савмака и боевые действия Диофанта против мятежников, безусловно, должны были привести к разрушениям боспорских поселений. Разрушения конца II — начала I вв. до н. э. действительно фиксируются при археологических раскопках на некоторых памятниках. К примеру, городище Крутой Берег в Восточном Крыму погибло в конце II в. до н. э. (Масленников, 1998. С. 208) На рубеже веков или несколько позднее был разрушен Зенонов Херсонес (Масленников, 1992. С. 150). На азиатской стороне Боспора в конце II в. до н. э. погибло Раевское городище (Онайко, 1967. С. 168). К интерпретации перечисленных археологических

фактов исследователи, по большей мере, относятся очень осторожно. Лишь разрушения Пантикапея этого времени, где погибли все монументальные здания, были уничтожены укрепления акрополя и пр., уверенно связываются с потрясениями, которые столица Боспора испытала при последнем Перисаде и в период владычества Митридата VI Евпатора (Толстикова, 1992. С. 95; ср.: Сапрыкин, 1996. С. 269).

Наряду с победами Диофанта над скифами Савмака, имеются данные о победах на Боспоре Киммерийском другого понтийского полководца — Неоптолема. Краткая информация о действиях Неоптолема содержится в двух пассажах из «Географии» Страбона. По причине важности его свидетельств, будет уместным привести цитаты:

«Лед в этих местностях столь крепок у устья Меотийского озера (т. е. в Керченском проливе — Ю. В., В. Г.), что в том месте, где зимою военачальник Митридата победил варваров в конной битве на льду, он же разбил в морском сражении тех же варваров летом, когда лед растаял» (II. 1,16; перев. В. В. Латышева).

«Рассказывают, что полководец Митридата Неоптолем в одном и том же проливе летом разбил варваров в морском бою, а зимой — в конном» (VII. 3,18; перев. В. В. Латышева).

Эти скудные упоминания чрезвычайно интересны в нескольких аспектах. Е. А. Молев вполне обоснованно считает, что победы Неоптолема «привели к утверждению прав Митридата на весь Боспор и установлению дружественных отношений с варварскими племенами Подонья-Приазовья» (Молев, 1995. С. 45), то есть, безусловно, имели очень большое, можно сказать, историческое значение.

В высшей степени любопытен, конечно, сам факт сражения на льду. В «ледовых сражениях», как представляется, всегда

имеется некоторая загадка; в них, на наш взгляд, одна из сторон стремилась перехитрить противника, поставить его в заведомо невыгодную позицию, но об этом речь пойдет ниже. Наибольший интерес ученых, разумеется, привлечен вопрос о том, каких именно варваров и когда разбил Неоптолем на Боспоре. По причине краткости упоминаний Страбона и отсутствия другой информации неудивительно, что высказанные точки зрения сильно разнятся. Противниками понтийского полководца считали скифов, скифов и тавров, скифов и ахейцев, сарматов и т. д. (см.: Виноградов Ю. А. 2001г. С. 65). Логика рассуждений исследователей, касавшихся этого сюжета, сводится к тому, что конницей должны располагать кочевники (скифы и сарматы), но поскольку предполагать у них наличие флота, пусть самого примитивного, в высшей степени затруднительно, то считается, что кочевников поддержали племена, занимавшиеся морским разбоем, т. е. тавры, сатархи или ахейцы, о пиратстве которых сообщают письменные источники (см.: Брашинский, 1973). В процитированных выше пассажах Страбона, однако, говорится, что в двух сражениях Неоптолем разбил одних и тех же варваров, т. е., как можно понимать, имевших конницу и располагавших флотом.

Удивительно, но немалое количество сторонников имеет и точка зрения, что Неоптолем сражался против восставших боспорян (Кулаковский, 1914. С. 26; Гайдукевич, 1955. С. 124; Шелов, 1975. С. 88; Ломоури, 1979. С. 104). Такое понимание, на наш взгляд, весьма сомнительно хотя бы по той причине, что Страбон не мог назвать боспорян варварами. Для него, как и для других античных историков, они, конечно, были эллинами, пусть и заброшенными судьбой к самым северным рубежам ойкумены и по этой причине в культурном отношении весьма своеобразными, но все-

таки эллинами. Спасти их от варварской угрозы как раз и должен был Митридат VI Евпатор.

Более распространенной и логичной является точка зрения, что это были какие-то меотские или территориально близкие им контингенты, которые стремились нанести удар по Боспору с востока (см.: Жебелев, 1953. С. 103; Гайдукевич, 1949. С. 305; Молев, 1976. С. 46; Reinach, 1890. P. 75; McGing, 1986. P. 54). В. Ф. Гайдукевич с полным основанием отмечал, что нападающие, по-видимому, действовали из азиатской части государства, пытаясь при этом захватить переправы и прорваться на европейскую сторону (Gajdukevič, 1971. S. 318). Во всяком случае, локализация противников понтийского царя вблизи границ азиатского Боспора представляется почти бесспорной.

В отношении времени происшедших боевых действий можно предполагать, что они развернулись на Керченском проливе либо в конце II в. до н. э., вскоре после подавления восстания Савмака, либо же после неудач Первой Митридатовой войны с Римом, когда Боспор попытался выйти из подчинения (App. Mithr. 64), о чем подробнее будет сказано ниже. Понтийский царь, как известно, провел карательную акцию уже по завершении Второй войны (App. Mithr. 67). Первая точка зрения представляется предпочтительней, поскольку позднее Первой Митридатовой войны полководец Неоптолем вообще не упоминается в источниках (Geyer, 1935. Sp. 2465). Есть веские основания полагать, что после предательства другого видного митридатовского полководца Архелая (85 г. до н. э.), который являлся Неоптолеми братом, тот вообще был отстранен от командования войсками (Молев, 1976. С. 46; Сапрыкин, 1996. С. 149).

Но с кем же из местных варваров пришлось сражаться Неоптолеми? Для ответа

на этот вопрос зададимся другим — какому из местных племен, кроме, разумеется, скифов, о которых речь шла выше, было невыгодно подчинение Боспора понтийскому царю? Кто еще был заинтересован в сохранении старого порядка, мог нанести удар с востока и к тому же располагал флотом? Как ни мало мы знаем о варварских племенах Северного Причерноморья этого времени, ответ напрашивается сам собой. Выше уже говорилось, что по свидетельству Страбона (XI. 2,12) известно, что пиратствующие племена ахейцев, зигов и гениохов господствовали на море, порой им содействовали и правители Боспора, предоставлявшие пиратам стоянки, покупку провианта и продажу награбленного. Таким образом, позиции этих варваров в районе пролива были достаточно прочны, а сложившаяся тогда ситуация в высшей степени для них выгодна. Нет сомнений, что великий царь, утвердив свою власть на Боспоре Киммерийском, не стал мириться с этими безобразиями и сделал все возможное, чтобы железной рукой навести порядок на море. Пираты же, естественно, стремились к обратному; результатом очевидного несовпадения интересов стал военный конфликт, в ходе которого и произошли два упомянутых сражения.

Другие местные племена, как представляется, не располагали флотом для проведения морского сражения, за исключением, разумеется, сатархов и тавров, о пиратстве которых имеется информация, но их участие в событиях на Боспоре пока не поддается сколь-либо логичному объяснению. Любопытную трансформацию по рассматриваемому вопросу претерпели взгляды Е. А. Молева. Поначалу он считал, что Неоптолем разбил флот Савмака, который привлек на свою сторону синдов и меотов (Молев, 1976. С. 46), но позднее стал допускать, что скифов своим флотом поддерживали ахейцы, зиги и гениохи, но в

конном сражении на льду с понтийцами, по его заключению, бились одни скифы (Молев, 1995. С. 45). Последнее допущение, необходимо подчеркнуть, противоречит тексту Страбона, поскольку в интересующем нас фрагменте говорится о двух победах Неоптолема над одними и теми же варварами. В таком случае логичнее было бы предполагать, что и в конном сражении вместе со скифами принимали участие ахейцы, зиги и гениохи. По мнению Е. А. Молева, это было невозможным по той причине, что, как ему представляется, описание быта ахейцев у Страбона не позволяет считать, что те имели конницу (Молев, 1976. С. 46).

В связи с этим следует особо отметить, что быт ахейцев древний географ не описывал вообще, его занимали лишь их морские разбои. Вывод же об отсутствии у ахейцев конницы представляется просто наивным, поскольку трудно себе представить варварский народ, особенно в непосредственной близости от степей, у которого бы, по крайней мере, аристократия не имела привычки владеть конями и в случае необходимости выступать в поход в конном строю. О силе сухопутной армии ахейцев можно заключать из того, что карательная акция, предпринятая против них Митридатом после Второй войны с Римом оказалась неудачной, более того — в результате сражений и от тяжелого климата было потеряно две трети понтийского войска (App. Mithr. 67).

Приведенное выше мнение Е. А. Молева об отсутствии у северокавказских морских разбойников конницы, несмотря на всю его спорность, при определенном смещении акцентов, как представляется, все-таки может способствовать лучшему пониманию сути происшедших событий. В этой связи можно обратиться к деяниям других морских разбойников, значительно более знаменитых, чем ахейцы, зиги и ге-

ниохи, а именно — норманнов. Набеги норманнов, как хорошо известно, в VIII–XI вв. держали в страхе всю Европу. Вряд ли уместны сомнения в том, что в плане ведения боевых действий они представляли собой типичную «морскую пехоту». В связи с этим писавшие о них восточные авторы неоднократно отмечали, что если бы норманны (русы) были всадниками, то они бы стали «великим бичом для людей» и «приобрели бы господство над многими народами» (Заходер, 1967. С. 98). Но этого не произошло.

Любопытно, но лошади у норманнов были. Данные археологии убедительно свидетельствуют, что население Скандинавии, наряду с другими домашними животными, разводило и лошадей, погребения с конями имеются в местных некрополях (Лебедев, 1985. С. 78, 83, рис. 22). Этих животных даже приносили в жертву богам (Заходер, 1967. С. 96). Во время походов во Францию норманны делали набеги не только на ладьях, но и в пешем порядке, и на лошадях, местному населению под страхом наказания было строжайше запрещено продавать пришельцам лошадей, также как и вооружение (Стриннгольм, 1861. С. 46). Все эти детали, безусловно, очень любопытны, но, тем не менее, конными воинами норманны так и не стали, — как свидетельствует один персидский автор, на коне они не обнаруживали присущей им смелости (Заходер, 1967. С. 97). Все приведенные свидетельства о норманнах, по нашему мнению, указывают на одну простую, но чрезвычайно важную истину, — вооруженный человек, сидящий на коне, совсем не обязательно является конным воином. Для того чтобы стать таковым, и он сам, и его конь должны пройти специальную подготовку.

Возможно, сходная ситуация имела место в античное время в приморской полосе Северного Кавказа, где обитали ахейцы,

зиги и гениохи. Лошадей они, конечно, имели, но сражаться в конном строю не умели или, скорей всего, умели плохо. Может быть, именно по этой причине Неоптолем и решил дать сражение на льду. Вряд ли можно сомневаться, что инициатива выбора места для сражений принадлежала именно ему. Логика понтийского полководца проста и абсолютно оправдана: в таких условиях, т. е. на льду, даже небольшой отряд профессиональной конницы может легко победить массу всадников, которые вообще не привыкли сражаться в конном строю.

Кратко резюмируя изложенное, можно сделать заключение, что главными противниками Митридата VI Евпатора в борьбе за власть над Боспором были, с одной стороны, крымские скифы, а с другой — ахейцы, зиги и гениохи. Имеющиеся источники позволяют считать, что в будущем и с теми, и с другими понтийскому царю пришлось столкнуться неоднократно (см. ниже).

С обстоятельствами войн Митридата Евпатора за Боспор, как можно предполагать, было связано сооружение одного любопытнейшего памятника. Это самый грандиозный на Керченском полуострове курган Кара-Оба, выделяющийся среди прочих рядом важных параметров: высота его достигала 25,6 м, а диаметр насыпи — около 120 м. Масштабность памятника еще более усиливалась от того, что он был насыпан на одной из вершин холмистой гряды, в 2,5 км на северо-запад от Куль-Обы при выходе в открытую степь. Положение памятника, надо признать, в высшей степени показательны.

Курган раскапывался в 1859–1861 гг. директором Керченского археологического музея А. Е. Люценко и через 100 лет, в 60-х гг. XX в., известным скифологом П. Н. Шульцем, но до конца так и не был исследован (см.: ОАК. 1859. С. XI; 1860. С. VI; 1861. С. V; Шульц, 1968; 1971). В ре-

зультате проведенных работ была выяснена одна любопытная особенность конструкции кургана — наличие здесь двух мощных каменных крепид, т. е. обкладок основания насыпи. Кара-Оба — действительно уникальный памятник Боспора не только по причине наличия двух крепид, но и потому, что он, скорей всего, имел форму ступенчатого конуса. Сделанные при раскопках находки позволяют считать, что курган был сооружен во II в. до н. э., может быть, даже во второй его половине (Шульц, 1971. С. 62). Что же стало причиной возведения в это время в столь любопытном с топографической стороны месте такого необычного по своей конструкции кургана?

Несмотря на то, что памятник до сих пор полностью не раскопан, предположение о том, что здесь был погребен боспорский царь, вызывает большие сомнения. Кара-Оба, как представляется, имела совсем иное предназначение. Для понимания этого памятника, на наш взгляд, важное значение имеет могила, обнаруженная А. Е. Люценко под насыпью на скале. Она была заполнена человеческими костями как бы изрубленными на части, что дало основание исследователю предположить, что курган был насыпан в честь битвы, происшедшей поблизости (см.: Шульц, 1971. С. 56–67).

А. Н. Щеглов сопоставил Кара-Обу с памятником, весьма отдаленным от Боспора, но типологически ему очень близким, — Шверинским курганом, расположенным в ближайших окрестностях Херсонеса¹. Обращает на себя внимание, что и этот памятник выделялся большими раз-

¹ Свою точку зрения А. Н. Щеглов высказал в докладе, прочитанном в ЛОИА АН СССР (ныне ИИМК РАН) в 80-х гг. прошлого века, а также в неоднократных личных беседах с авторами этой книги. К сожалению, его чрезвычайно ценное исследование до сих пор не опубликовано.

мерами и необычной, конусовидной формой насыпи. При раскопках здесь были обнаружены две каменные крепиды, а между ними — бронзовый сосуд, заполненный черной массой, вероятно, сожженным прахом покойного (покойных?), который был полит благовониями. Местные жители утверждали, что в окрестностях кургана они находили человеческие черепа (см.: Юргевич, 1875). А. Н. Щеглов считает, что сходство Кара-Обы и Шверинского кургана не случайно. Эти памятники, более грандиозные, чем Сорос, сооруженный над прахом греческих воинов, погибших в Марафонской битве, и не менее великолепные, чем трофей римского императора Траяна, по его мнению, представляют собой памятники мемориального характера, связанные, вероятнее всего, с военными победами войск Митридата под Херсонесом и на Боспоре в конце II в. до н. э. Иными словами, они должны были увековечить память о подвигах понтийских воинов в сражениях со скифами, победы над которыми стали важными событиями в завершении создания Черноморской державы Митридата. Данная трактовка, на наш взгляд, представляется весьма вероятной.

Подчинение Боспорского царства Митридату VI Евпатору было важным этапом на пути создания его Всепонтийской державы, в которой Черное море стало фактически внутренним. Включение античных государств Северного Причерноморья в единую державу было выгодно не только Митридату, поначалу оно казалось спасительным и для эллинизма этого региона и, безусловно, нашло здесь поддержку (Шелов, 1983. С. 41; 1985. С. 560 сл.). Однако филэллинизм Митридата этого времени не было актом чистого альтруизма. Планы владыки Понта, как известно, шли еще дальше, и в них столкновение с Римом было неизбежно. Понтийская держава была создана к началу Первой Митридатовой

войны, в этой и последующей войнах Северному Причерноморью отводилась роль поставщика воинских контингентов, всевозможного снаряжения, продовольствия и т. д. Основная масса войск при этом рекрутировалась из среды варварских племен, часть из которых была подчинена Понту, а другая имела какие-то договоры с Митридатов, их царьки считались его друзьями.

Создавая Всепонтийскую державу, Митридат VI Евпатор столкнулся с противодействием ряда варварских племен Северного Причерноморья. Выше говорилось о его борьбе с крымскими скифами, поддержавшими их роксоланами, а также, по всей видимости, ахейцами, зигами и гениохами. Позднее, уже в начале I в. до н. э., понтийскому царю были подчинены бастарны и сарматы (Plut. De fort. Rom. 11), обитавшие в областях Северо-Западного Причерноморья. Вполне возможно, что они были покорены Неоптолемом, если связывать с его военными победами на этой территории свидетельство Страбона о так называемых башнях Неоптолема в устье Тираса (VII. 3,16). Именно так трактуют это сообщение некоторые исследователи (см.: Сапрыкин, 1996. С. 148–149; но ср. Виноградов Ю. Г., 1989. С. 251–251).

Контроль над этим сложным племенным миром, надо думать, для Митридата являлся задачей не менее, а, скорее всего, более сложной, чем его покорение, по этой причине не может возникать особых сомнений в том, что великий царь проводил весьма продуманную и последовательную политику по отношению к северопричерноморским варварам. Нет сомнения, что своим крымским победам Митридат придавал очень большое значение в той глобальной борьбе, которую он начинал с Римом, при этом значение не только в плане практическом, то есть связанном с оценкой людских и материальных ресурсов регио-

на, но и в плане пропагандистском. Официальная пропаганда провозглашала Митридата VI победителем скифов, которые ранее не знали поражений, то есть владыкой, превзошедшим Кира, Дария и Зопириона, справиться с которым Риму будет не по силам (Хайнен, 1993. С. 27). Именно из непобедимой Скифии у него была набрана «большая часть войска» (Just. 38. 7,3). Пропагандистские декларации, однако, не обязательно полностью соответствуют действительности (Ростовцев, 1925. С. 118–119; Граков, 1947. С. 84; Мелюкова, 1949. С. 107–109; McGing, 1986. P. 163), и, если попытаться отменить многие суждения современных исследователей, ставших жертвой этой официальной традиции, то картина связей понтийского царя с варварами Северного Причерноморья представляется несколько иной и значительно более сложной и драматичной. Имеющиеся в нашем распоряжении источники позволяют считать, что верными союзниками понтийского царя в борьбе с римлянами были отнюдь не скифы, а сармато-меотские племена, бастарны и некоторые другие (Виноградов Ю. А., 2005б. С. 203–204).

5.2. Боспор и Митридатовы войны

После утверждения власти понтийского царя над Боспорским царством, которое сопровождалось скифским восстанием под руководством Савмака, а также борьбой с разбойничающими племенами ахейцев, зигов и гениохов, Боспор почти на полстолетия вошел в державу Митридата Евпатора. При этом именно Боспор стал тем центром, вокруг которого владыка Понта стремился консолидировать местные силы для вовлечения их в борьбу с Римом (Каллистов, 1938. С. 280).

Страбон отмечал, что с того времени Боспору был подчинен Херсонес (Strab. VII. 4,3). Мы не можем с уверенностью сказать, каким образом осуществлялось непосредственное управление этими территориями. Показательно, однако, что по словам Плутарха, еще тогда, когда римский полководец Сулла готовился к походу против Митридата (т. е. ранее 87 г. до н. э.), один из сыновей последнего управлял старинными владениями в Понте и на Боспоре вплоть до необитаемых областей за Меотидой (Plut. Sull. 11). Имя этого царевича Плутарх не называет, но, вероятнее всего, это не мог быть Махар, которому было поручено управление Боспором позднее (Шелов, 1978. С. 55). Т. Момзен предположил, что первоначально управление северопричерноморскими владениями было поручено другому сыну понтийского царя, Митридату-младшему (Момзен, 1994. С. 209; ср.: Сапрыкин, 2003. С. 30), но такое допущение тоже вызывает определенные сомнения (Смекалова, Дюков, 2001. С. 66).

М. И. Ростовцев считал, что столицей всех владений царя в Северном Причерноморье стал именно Пантикапей (Rostovtzeff, 1932. P. 232). Несмотря на то, что Херсонес и Ольвия в рамках этого образования имели определенную автономию, могли чеканить монету и т. д., в этом заключении М. И. Ростовцева есть немалый исторический смысл — Боспор стал той ключевой точкой, опираясь на которую Митридат мог наилучшим образом контролировать материальные и людские ресурсы региона. Известно, что Крым и Таманский полуостров в совокупности платили царю дань в размере 180 тыс. медимнов хлеба и 200 талантов серебра (Strab. VII. 4,6). Этот налог следует признать весомым, но все-таки не слишком тяжелым (Гуленков, 2002). Вряд ли можно сомневаться в том, что Боспор достаточно жестко контролировался царской администрацией,

только такой контроль мог обеспечить царю необходимую базу в планировавшейся им борьбе с Римом за гегемонию в античном мире.

Столь важный стратегический пункт, каковым для понтийского царя являлся Боспор Киммерийский, разумеется, необходимо было надежно укрепить, имея при этом в виду прежде всего вторжения со стороны местных варварских племен, а не вероятные действия главного противника — Рима. Племенной мир Северного Причерноморья, как говорилось выше, в это время отличался большой подвижностью, ситуация здесь могла быстро измениться в самом неблагоприятном для понтийского царя направлении.

Для того чтобы противостоять подобному развитию ситуации и держать район под контролем, Митридат разместил в ключевых пунктах Боспора свои гарнизоны. Весьма интересную информацию для понимания положения этих контингентов дает надпись, обнаруженная в 1986 г. в окрестностях Фанагории (Виноградов Ю. Г., 1991). Из надписи, датированной 88–87 г. до н. э., следует, что в городе находился отряд наемников, которым было даровано гражданство. Ю. Г. Виноградов обоснованно предположил, что это надо понимать следующим образом: в 87 г. до н. э., когда войска Суллы поставили Митридата в трудное положение и царь был жизненно заинтересован в получении денежных средств, фанагорийцы решили не платить наемникам, а сделать их гражданами (Виноградов Ю. Г., 1991. С. 31).

Совсем не удивительно, что именно при Митридате VI Евпаторе, в основном, была создана система укреплений границ Боспора, которая, правда, начала формироваться несколько ранее, о чем уже было сказано, и достигла своего максимального развития позднее, при преемниках Митридата (Сапрыкин, 1996. С. 275). Материа-

лы археологических исследований на Таманском полуострове позволяют считать, что в это время продолжали существовать старые укрепленные пункты и активно возводились новые. Среди первых можно назвать резиденцию Хрисалиска (Сокольский, 1976. С. 89 сл.), усадьбу, построенную около хут. Рассвет под Анапой не ранее начала II в. до н. э. (Крушкол, 1968. С. 219), а также укрепленное здание на Семибратнем городище, построенное еще во второй половине III в. до н. э. (Анфимов, 1941. С. 263). В ряду укрепленных пунктов, возведенных при Митридате, следует выделить Владимировку и Цемдолинское под Новороссийском (Онайко, Дмитриев, 1981. С. 98; 1982. С. 111). Эти крупные постройки площадью около 200 кв. м и толщиной внешних стен 1,7 м чрезвычайно интересны в том отношении, что дают наглядное представление о стремлении понтийского царя обезопасить данную часть своих боспорских владений от нападений северокавказских племен, обитавших поблизости, — ахейцев, зигов и генихов. Укреплению этого района, безусловно, необходимо было уделить особое внимание, и исследователи с полным основанием связывают возведение названных зданий с политикой Митридата. По мнению С. Ю. Сапрыкина, царь Понта стал создавать здесь систему военно-земледельческих поселений, заселяемых местными племенами, которые были лояльны царю (Сапрыкин, 1996. С. 276). Названные и некоторые другие укрепленные поселения, возведенные на Боспоре в конце II–I вв. до н. э. или позднее, относятся к типу эллинистических «домов-башен» (рис. 64). С. Ю. Сапрыкин считает, что этот тип построек был перенесен сюда из Малой Азии, когда Северное Причерноморье стало частью Понтийской державы Митридата Евпатора (Сапрыкин, 2001. Р. 289). Следует признать, правда, что «дома-башни» спо-

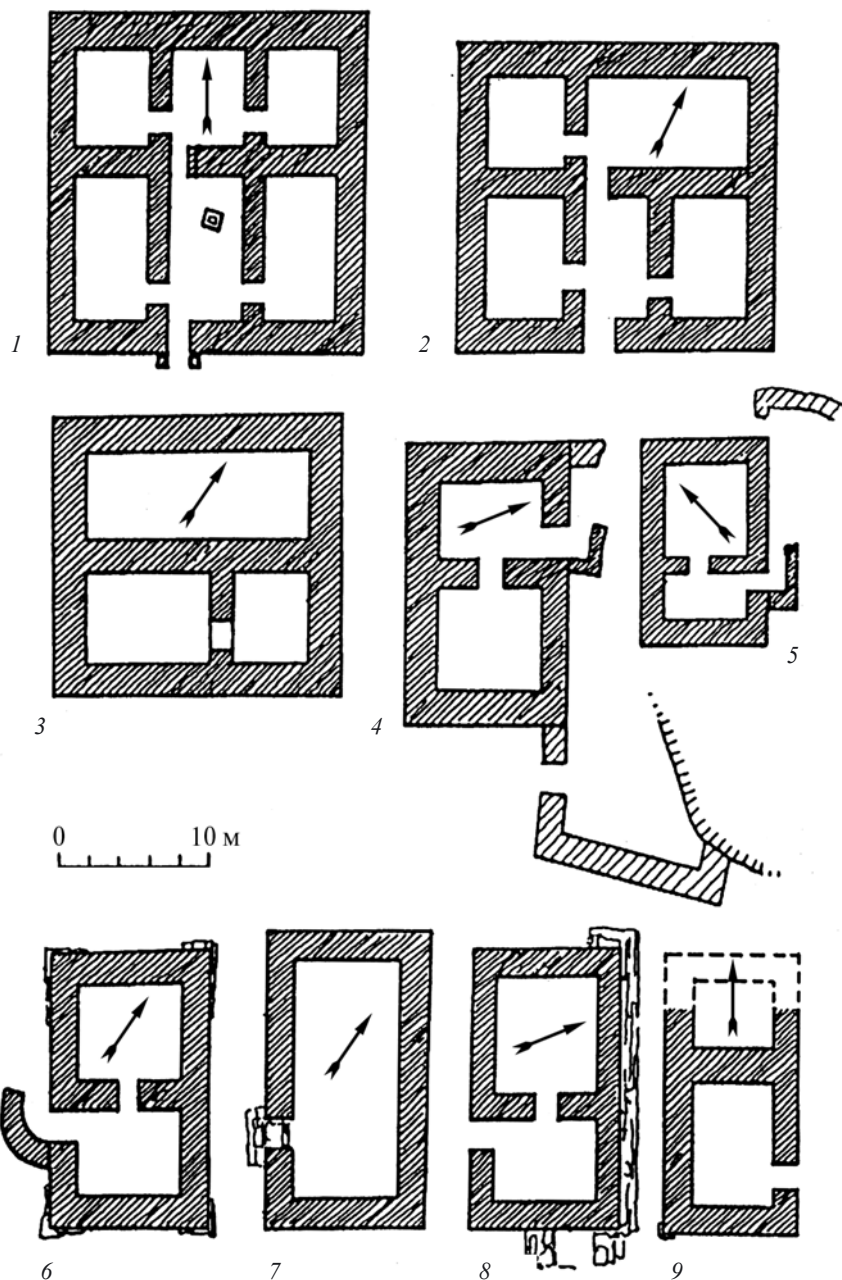

Рис. 64. Планы «домов-башен» Боспора Киммерийского (по Я. М. Паромову)
 1 — на Семибратнем городище; 2 — у поселка «За Родину»; 3 — Юбилейное I; 4 — у станции Анапской;
 5 — Джемете I; 6 — Цемдолинское; 7 — Владимировка; 8 — у хутора Рассвет; 9 — на берегу
 Ахтанизовского лимана

радикально возводились на Боспоре и ранее, тем не менее, вполне очевидно, что при Митридате такая строительная деятельность была в значительной степени стимулирована. Бесперспективно, на наш взгляд, искать здесь сарматскую (кочевническую?) традицию, что делает Я. М. Паромов (2001. С. 84).

На европейской стороне активное фортификационное строительство относится, в основном, к более позднему времени. Можно допустить, что здесь была вполне удовлетворительной уже существовавшая система укреплений. Археологическая изученность памятников интересующего нас этапа такова, что конкретной информации о развитии военно-политической ситуации она почти не дает. А. А. Масленников по этому поводу лишь заметил, что с эпохи Митридата Евпатора на сельских территориях Восточного Крыма начинается «длительный, богатый различными событиями

и по-своему яркий период» (Масленников, 1998. С. 100). Весьма симптоматичным, однако, представляется тот факт, что во второй четверти — середине I в. до н. э. укрепленное поселение было построено у с. Новоотрадное на Керченском полуострове (рис. 65; Saprykin, 2001. Р. 289).

Борьба Митридата с Римом растянулась на долгие годы. Проведенные им войны — Первая (88–85 гг. до н. э.), Вторая (83–82 гг. до н. э.) и Третья (74–63 гг. до н. э.) — наполнены походами и сражениями, славными подвигами и кровавой резней, примерами воинской верности и гнусного предательства. Все в них переплелось! В специальной литературе ход борьбы Понта с Римом описан достаточно подробно, и вряд ли следует еще раз останавливаться на пересказе этой истории. Для нас перипетии Митридатовых войн интересны не сами по себе, а лишь в том аспекте, в котором они касались Боспора Киммерийского.

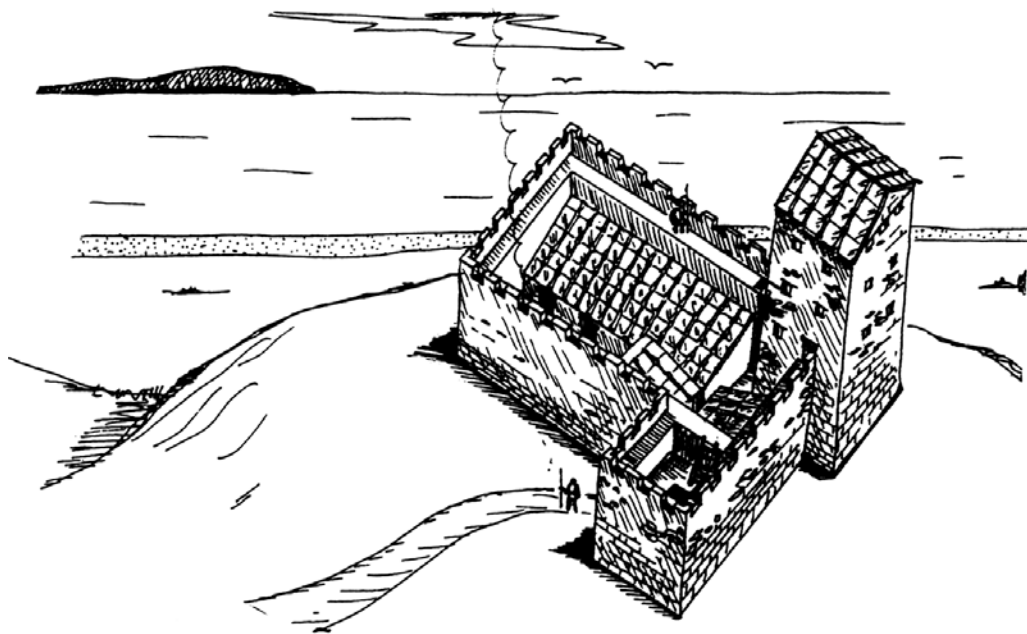

Рис. 65. Новоотрадное на Керченском полуострове. Реконструкция крепости I в. до н. э. (по А. А. Масленникову)

В этом отношении необходимо указать, что уже во время Первой войны неудачный для Митридата ход военных действий привел к попытке отделения Боспора от Понтийской державы (App. Mithr. 64). Для того чтобы восстановить власть, царь готовил против боспорян большой флот и огромное войско; размах приготовлений был столь велик, что у римлян даже возникли подозрения в том, что все это собирается не для похода на Боспор Киммерийский, а против Рима (App. Mithr. 64; Cicero. De Imp. Gn. Pomp. IV. 9). Данное обстоятельство, собственно, и стало поводом для начала Второй Митридатовой войны, а карательная экспедиция на Боспор состоялась уже после ее завершения (App. Mithr. 67).

О боевых действиях этой кампании мы знаем очень немного. Аппиан сообщает лишь то, что тогда был предпринят поход против ахейцев. Поход оказался крайне неудачным, потеряв две трети войска (конечно, экспедиционного корпуса, а не всей армии) из-за боев и тяжелого климата, Митридат вынужден был вернуться (App. Mithr. 67). Позднее, скорей всего, был предпринят еще один поход, и ахейцы были подчинены понтийскому царю, поскольку во время Третьей Митридатовой войны они упомянуты в составе его войска (App. Mithr. 69).

Есть основания предполагать, что в это же время Митридату на Боспоре пришлось бороться еще с одним варварским объединением, вероятнее всего, скифами. Среди эпиграфических памятников, найденных в последние годы на античных поселениях Восточного Крыма, имеется один любопытный документ — каменная база бронзовой статуи Митридата, обнаруженная на некрополе Нимфея. На базе была начертана надпись с благодарностью за победу, которая, разумеется, была одержана над варварами и, если судить по некоторым

деталю надписи, после Первой Митридатовой войны (Виноградов, Молев, Толстиков, 1985. С. 595 сл.; Яйленко, 1985. С. 618 сл.; Сапрыкин, 1996. С. 149 сл.; Молев, 1999б).

С. Ю. Сапрыкин считает, что тогда победили сарматы (1996. С. 159), а В. П. Яйленко полагает, что это были скифы (1985. С. 618). Логичней представляется вторая точка зрения, поскольку возведение памятника в честь победы Митридата над какими-то другими варварами (сарматами или т. п.) на европейском Боспоре кажется не вполне логичным, а в контексте победы над крымскими скифами он абсолютно уместен. В свете изложенного представляется весьма вероятным, что попытка боспорян выйти из состава Понтийской державы после поражений Митридата в Первой войне с Римом, была связана не с позицией греческих городов, а некоторых из местных варварских племен. Д. Б. Шелов, на наш взгляд, был абсолютно прав, когда указывал, что тяготы войны для боспорских греков тогда еще не стали слишком обременительными, и, в конечном итоге, здесь все зависело от реакции на известия о неудачах царя какой-то части варваров (Шелов, 1978. С. 56; 1983. С. 53). Возможно, определенную роль в этих событиях сыграло недовольство действиями царской администрации (Шелов, 1978. С. 58), но этими недовольствами, как представляется, дело не ограничилось. Вполне возможно, что часть варваров, воспользовавшись благоприятной ситуацией, попыталась восстановить на Боспоре свои утерянные позиции. По всей видимости, и на сей раз инициатива исходила, прежде всего, от скифов и ахейцев, которые, как говорилось выше, боролись против установления власти Митридата над Боспором Киммерийским, были разгромлены, но не забыли о былом влиянии в районе пролива и, надо думать, мечтали о его возвращении.

Восстановив власть над Боспором, Митридат назначил здесь правителем своего сына Махара (App. Mithr. 67). К этому времени он уже полностью прекратил разыгрывать роль защитника эллинских свобод, пытаясь сконцентрировать все имеющиеся силы для продолжения тяжелейшей борьбы с Римом (Шелов, 1978. С. 65). Определяя территориальные границы владений Махара, В. Ф. Гайдукевич считал, что ему был подчинен не только Боспор, но и все другие греческие центры Северного Причерноморья (Гайдукевич, 1949. С. 305), что, очевидно, следует принимать с определенными оговорками. Конечно, Махар не был царем Боспора и тем более — всего Северного Причерноморья, а являлся наместником, управлявшим от имени царя, но роль его в политической системе региона была очень существенной.

Поражения, нанесенные Митридату Лукуллом во время Третьей войны, привели к тому, что Махар осознал бесперспективность дальнейшей борьбы и решился на измену. Он направил к римскому полководцу посольство, даровал ему золотой венок и заключил дружбу (App. Mithr. 83; Plut. Luc. 24; Liv. Per. 98), римлянам были направлены также запасы продовольствия, подготовленные для нужд войск Митридата (Memn. 54,1). После предательства сына положение Митридата становилось почти безнадежным.

Царь Понта, однако, не желал складывать оружие. Даже окончательно разбитый Помпеем в Малой Азии, он отнюдь не отказался от борьбы. Более того, тогда он задумал дерзкий план переноса военных действий на территорию противника, для чего нужно было осуществить поход на Рим с востока. Первым шагом к реализации этого плана, естественно, было возвращение власти над Боспором, где все еще правил изменник Махар (App. Mithr. 101). Путь к Боспору лежал через Кавказ,

населенный многими воинственными племенами, при этом с некоторыми из них царь сумел договориться, а других принудил к повиновению силой. Известно, что он был дружески принят гениохами, а вот с ахейцами вновь пришлось бороться. Митридат одержал еще одну (третью?) победу над ними (App. Mithr. 102), после чего те способствовали успешному завершению его нелегкого пути (Strab. XI. 2,13).

Совершив рискованный переход через Кавказ, Митридат вышел в Прикубанье. Все местные племена радушно приняли понтийского царя, пропустили через свою территорию, обменялись многими подарками и заключили союз, для укрепления которого Митридат отдал замуж за наиболее могущественных из них своих дочерей. Как свидетельствует Аппиан, именно во время этого похода у Митридата окончательно сложился план вторжения в Италию через Альпы (App. Mithr. 102). Думается, что поддержка меото-сарматских племен сыграла здесь весьма важную роль. Показательно, что римский полководец Помпей не рискнул преследовать Митридата, поскольку считал, что путь его проходил через земли многочисленных неизвестных и воинственных племен. Тогда-то он и отдал приказ о морской блокаде Боспора Киммерийского (Dio. Cass. XXXVII. 2–3; Plut. Pomp. 39).

Вряд ли можно согласиться с заключением Г. Бенгтсона, что «своим авантюрным бегством в Пантикапей понтийский царь сам исключил себя из мировой политики» (1982. С. 321). Напротив, этим отчаянным шагом Митридат попытался сохранить себя в мировой политике, использовать свой последний шанс в борьбе с могучим противником.

Махар, узнав о том, что отец проделал огромный путь в столь короткое время и, очевидно, этого не ожидавший, не предпринял никаких попыток сопротивления,

хотел даже перед ним оправдаться. Все, однако, было напрасно. В конце концов Махар был вынужден бежать в Херсонес, а для того, чтобы избежать преследования, сжечь корабли. Эта предосторожность оказалась напрасной, у Митридата нашлись другие корабли, в такой абсолютно безнадёжной ситуации Махар принял решение покончить жизнь самоубийством (App. Mithr. 102). Таким образом владыка Понта потерял своего сына, на которого он так надеялся и которому так много доверил. Эта потеря, конечно, была для него жестоким ударом.

Д. Б. Шелов предполагал, что измена Махара не отражала господствующих настроений на Боспоре, который, в целом, оставался верен понтийскому царю (Шелов, 1978. С. 71; 1985. С. 569). Однако антимитридатовские настроения в это время здесь, скорей всего, уже не только существовали, но и выражались активными действиями. По свидетельству Аппиана, царь «захватил Пантикапей» (Mithr. 107), а его военачальники — другие укрепленные места (Mithr. 108). На основании этих свидетельств следует считать, что Митридат восстановил свою власть над Боспором силой оружия (Гайдукевич, 1949. С. 308; Каллистов, 1938. С. 282; Блаватский, 1964. С. 128).

Археологические материалы также могут поддержать данную точку зрения. Серьезные разрушения этого времени зафиксированы при раскопках Пантикапея (Блаватский, 1964. С. 133; Марченко И. Д., 1974. С. 56–57), небольшая крепость на месте переправы через пролив (Порфмий) вовсе прекратила существование (Кастанаян, 1972. С. 85; но ср. 1983. С. 162). Слой пожара на городище Патрей относится к концу правления Митридата, в слое разрушения обнаружены даже два человеческих костяка (Крушкол, 1951. С. 228; 1956. С. 116). По заключению А. А. Масленникова,

почти все сельские поселения Восточного Крыма тогда лежали в развалинах (1998. С. 216).

Прочий огромный и в высшей степени ценный археологический материал пока еще сложно использовать при исторических реконструкциях. С. Ю. Сапрыкин абсолютно верно указывает на то, что причиной разрушений на боспорских поселениях конца II — первой половины I в. до н. э. могли быть самые различные события: восстание Савмака, карательный поход Диофанта, боевые действия Неоптолема, борьба Митридата за восстановление власти над Боспором после Второй войны с Римом, а затем — против изменника Махара (Сапрыкин, 1996. С. 270; ср. Saprykin, Maslennikov, 1995. P. 267). Не следует забывать также, что перед прибытием царя на Боспор многие местные поселения пострадали от страшного землетрясения, о чем сообщают древние авторы (Dio Cass. XXXVII. 3,3; Oros. VI. 5,1). Все эти события, так сказать, были весьма «плотно спрессованы» во времени, но современный уровень археологического знания пока не позволяет предложить столь дробную и «узкую» хронологическую атрибуцию всех памятников, выявить следы разрушений, которые можно было бы однозначно связать с одним из перечисленных выше событий. Надо надеяться, что это удастся сделать в будущем.

В отношении Мирмекия, правда, можно достаточно уверенно полагать, что он пострадал в результате действий понтийского царя против Махара. Небольшой монетный клад, обнаруженный на городище, содержал самые поздние монеты, которые относятся к 80–70-м гг. до н. э. (Белова, 1958. С. 343–344, №№ 222, 227). Были обнаружены также 6 монет южно-понтийского города Амиса (тоже, вероятно, клад), которые датируются 80-ми гг. (Харко, 1952. С. 361; Зограф, 1952. С. 378,

№№ 2552–2557). Во второй половине I в. до н. э. центральная и восточная части Мирмекия уже превратились в руины (Гайдукевич, 1959а. С. 55; Пругло, 1966. С. 274). Одновременно с Мирмекием, скорее всего, пострадала и прекратила существование сельская усадьба, расположенная в его окрестностях (Гайдукевич, 1981. С. 58).

Признавая бесспорность фактов разрушений боспорских поселений, имевших место во время борьбы Митридата за восстановление своей власти в этом районе, необходимо, конечно, четко осознавать, что он прибыл сюда не только для того, чтобы покарать изменников, и даже прежде всего не для этого, — в первую очередь его захватывали идеи дальнейшей борьбы с Римом, а для этого было нужно не только карать, но и созидать. Положение великого царя, однако, становилось все более критическим, свою роль в этом, конечно, сыграла и плотная морская блокада Боспора, установленная Помпеем. В такой ситуации владыка Понта, уже практически потерявший свою державу, вынужден был

вступить в переговоры с римским полководцем. Помпей по существу потребовал от Митридата капитуляции, а также его личной явки к римлянам. Царь на это пойти не мог, но, не отказавшись от дипломатических контактов, обещал послать к Помпею кого-нибудь из сыновей (App. Mithr. 107). Несмотря на тяжелейшие обстоятельства, этот мужественный человек, как писал древний историк Дион Кассий, по-прежнему считал, что для него нет ничего невозможного (Dio Cass. XXXVII. 11,2). Митридат ускоренными темпами готовился к задуманному походу, «он спешно стал собирать войско из свободных и рабов, приготовил много оружия и копий и военных машин, не щадя ни лесу, ни рабочих быков для изготовления тетив (из их жил), и на всех наложил налоги, даже на крайне маломощных» (App. Mithr. 107; перев. С. П. Кондратьева).

Археологические материалы также позволяют считать, что Митридат стремился в кратчайшие сроки получить все необходимое для похода. На сельскохозяйствен-

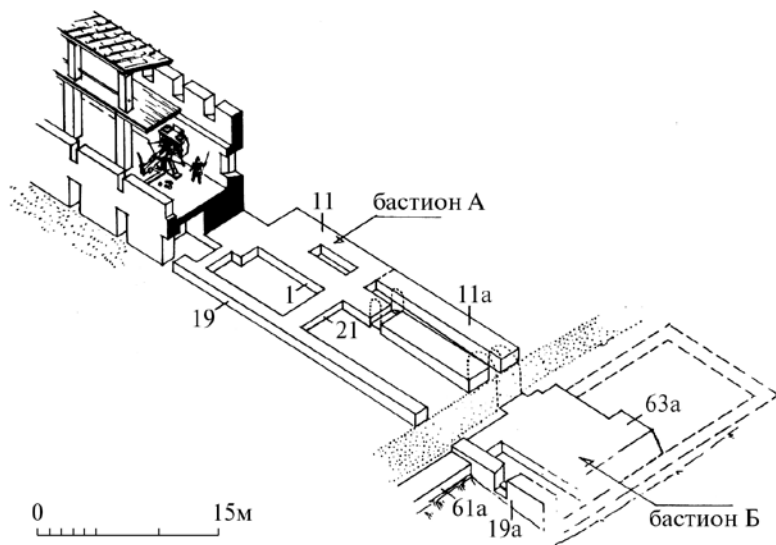

Рис. 66. Акрополь Пантикапея. Куртина, предназначенная для установки катапульта (реконструкция В. П. Толстикова)

ных территориях Боспора восстанавливались старые и строились новые поселения (Saprykin, Maslennikov, 1995. P. 269 ff.). Совершенствовались и оборонительные системы — в Пантикапее в первой половине I в. до н. э., вероятнее всего, в 60-х гг., были перестроены укрепления, в результате чего куртины получили более сложную планировку, удобную для установления метательных машин (рис. 66). Исследователь городища В. П. Толстик связывает эту реконструкцию с деятельностью гарнизона Митридата (1984а. С. 45; 1985. С. 360; Tolstikov, 1997. P. 223).

Приведенные выше факты военных приготовлений Митридата, будь то свидетельство Аппиана о почти поголовной мобилизации или данные археологии о строительстве укрепленных сельских поселений, позволяют сделать одно чрезвычайно важное заключение. Выше говорилось, что при Спартокидах роль народного ополчения в вооруженных силах государства постепенно уменьшалась, и к III в. до н. э., вероятнее всего, оно практически перестало существовать. Владыки Боспора, в основном, стали полагаться на контингенты наемников (греческих, фракийских, кельтских и пр.), а также на военные формирования союзных варварских племен. При Митридате боспорское ополчение, скорее всего, было воссоздано, при этом воссоздано на совсем иной основе, нежели гражданское ополчение греческих полисов более раннего времени. Эта принципиальная перемена, как покажет дальнейшее повествование, повлияла на военное дело Боспора нескольких последующих веков.

Все эти чрезвычайные меры, усугубленные злоупотреблениями царской администрации (App. Mithr. 107), а также римской блокадой, вызвали огромное недовольство боспорян. Между тем для планируемого похода стали собираться необходимые силы — 60 отборных отрядов по

600 человек в каждом и много другого войска. Часть этого войска была послана из Пантикапея в Фанагорию, чтобы еще больше укрепить контроль над проливом (App. Mithr. 108). Положение на Боспоре, однако, стало не просто критическим, а взрывоопасным. Любопытно, что именно в Фанагории, куда был направлен царский отряд, и вспыхнуло антимитридатовское восстание, к которому призвал горожан фанагориец Кастор. Повстанцы обложили дровами ту часть города, где находились сыновья и дочери Митридата, и подожгли его. Почти все царские дети сдались в плен, лишь царица Клеопатра оказала сопротивление, и отец сумел спасти ее на специально посланном корабле (App. Mithr. 108).

После этих событий от Митридата отложились Херсонес, Феодосия, Нимфей и все другие города по берегу Понта. Только в такой ситуации великий царь решил обратиться к скифам, прося их как можно скорей прибыть к нему с войском. Тогда к скифским владыкам были посланы дочери Митридата, но отряд, который сопровождал девушек, взбунтовался, и они оказались в руках Помпея (App. Mithr. 108; ср.: Dio Cass. XXXVII. 11,4). Уже потеряв все царство и не рассчитывая больше на поддержку скифов, Митридат все еще надеялся на продолжение борьбы с Римом, он считал возможным совершить поход в Италию при поддержке кельтов, с которыми давно заключил союз и поддерживал дружбу. Но и царское войско в это время заколебалось, стало волноваться вследствие, главным образом, грандиозности запланированной военной акции (App. Mithr. 109).

Митридату изменил даже сын Фарнак, которого отец высоко ценил и считал своим преемником. Судьба распорядилась так, что любимый сын встал во главе заговора, который, правда, был раскрыт (App. Mithr. 110; Dio Cass. XXXVII. 12,2; Oros. VI. 5,4),

но это не спасло царя, а лишь подтолкнуло Фарнака к более активным действиям. Он, прежде всего, явился в лагерь к римским перебежчикам и склонил их к выступлению против Митридата, поскольку тем возвращение на родину в рядах вражеской армии было неприемлемо. После этого царевич разослал своих сторонников по другим расположенным поблизости лагерным стоянкам, договорившись о совместных действиях. Утром следующего дня в соответствии с договоренностью перебежчики первыми бросили военный клич, его поддерживали воины, стоявшие недалеко от них, а также флот. Другие же присоединились к нему «скорее из страха, чем по доброй воле» (App. Mithr. 110; перев. С. П. Кондратьева).

Не сумев договориться с Фарнаком, Митридат осознал крушение всех своих надежд и опасался, что мятежники выдадут его в руки римлян. Такой исход для великого врага Рима был абсолютно неприемлем, по этой причине он решился на самоубийство. История его неудачного отравления уже давно стала хрестоматийно известной, все древние авторы излагают ее приблизительно одинаково (см.: App. Mithr. 111; Dio Cass. XXXVII. 13,1–2; Oros. VI. 5,5–6).

Митридат решил уйти из жизни, приняв яд, который он всегда носил с собой в рукояти меча. Две его дочери пожелали разделить судьбу отца, они тоже приняли яд и тотчас умерли. На Митридата смертельное зелье не подействовало «вследствие привычки и постоянного употребления противоядий, которыми он всегда пользовался как защитой от отравления» (App. Mithr. 111; перев. С. П. Кондратьева). Как видим, в конце жизни судьба сыграла с этим восточным владыкой жестокую шутку, — по существу, по своей собственной вине царь был лишен права на легкую смерть.

Завершение этой трагедии описывается по-разному: Дион Кассий писал, что Митридата убили мечами воины, которых царь раньше послал к Фарнаку (XXXVII. 13,3), Павел Оросий считал, что это сделал солдат-галл (VI. 5,6), а другие древние историки отмечают, что царя убил начальник галлов Битоит (App. Mithr. 111; Liv. Per. 102). Несмотря на несхожесть описаний, можно предположить, что они совсем не противоречат друг другу, а просто описывают событие с некоторыми расхождениями. Очень может быть, что пришедший в отчаяние царь по его просьбе был убит Битоитом, предводителем отряда галатов, который ранее был послан для переговоров к Фарнаку и, соответственно, принес Митридату роковое для него известие.

Археологические материалы, относящиеся ко времени владычества Митридата над Боспором, позволяют лучше понять историческую ситуацию, поскольку, как неоднократно говорилось выше, несут информацию о многочисленных разрушениях на боспорских поселениях, фортификационном строительстве и т. д. Любопытно, но погребальным памятникам этого времени в научной литературе уделено очень мало внимания. Сложилась ситуация, которую вполне можно назвать парадоксальной, — истории Митридата VI Евпатора посвящены монографии, в них собраны все сведения письменной традиции и данные археологии о войнах с Римом, но при этом не выделено ни единого погребального комплекса на Боспоре, который можно было бы назвать погребением воина митридатовской армии. Такие комплексы однако есть, и они давно известны.

Среди них в первую очередь следует выделить так называемый Ахтанизовский клад (ОАК. 1900. С. 104 сл.; Спицын, 1909. С. 19 сл.). Он был обнаружен на Таманском полуострове в 1900 г. при случайных об-

стоятельствах, и часть инвентаря была расхищена. Из предметов этого клада можно выделить бронзовый кованый шлем (рис. 67, 2), набор серебряных блях с изображением головы горгоны Медузы, украшавших конскую сбрую (рис. 67, 1), три шейные гривны, серебряные и стеклянные сосуды, золотую застежку с хрустальной пронизью в центре, золотые фибулы с резными сердоликами, 27 тисненых золотых нашивных бляшек и пр. Датировка клада вызывает немалые трудности, поскольку входящие в него вещи были изготовлены в различное время; тем не менее, есть основания согласиться с М. И. Максимовой и датировать комплекс концом II в. до н. э.

(Максимова, 1969. С. 58; ср.: Засецкая, Марченко, 1995. С. 99). Показательно, что среди золотых нашивных бляшек 5 экземпляров имеют изображение восьмиконечных лучевой розетки и 3 — полумесяца (рис. 67, 3, 4), их вполне можно включать в совокупность официальных символов державы Митридата Евпатора, на что обратил внимание еще М. И. Ростовцев (1925. С. 557).

Другое подобное погребение было открыто в кургане около станицы Старо-Гиторовской намного раньше Ахтанизовского клада в 1845 г. (см.: Карейша, 1846. С. 305–306; ДБК. С. LVI сл.). Здесь были обнаружены шлем, меч, кинжал, бронзо-

Рис. 67. Находки из Ахтанизовского клада
1 — серебряная бляха конской сбруи (фалар); 2 — бронзовый шлем; 3, 4 — золотые нашивные бляшки (1 — по В. И. Мордвинцевой)

вые сосуды, стеклянный сосуд, два серебряных фалара, застежка с резным камнем и пр. Хронологическая атрибуция этого комплекса тоже не вполне ясна, но его датировка в пределах I в. до н. э. вполне приемлема (Засецкая, Марченко, 1995. С. 96).

Есть основания полагать, что у Ахтанизовского лимана и под Старо-Титоровой были погребены воины, которые сражались в составе войск Митридата Евпатора и получили от царя богатые дары. Некоторые ученые признают, что царскими дарами являлись серебряные фалары, застежки-медальоны и дорогие стеклянные сосуды (Щукин, 1994. С. 151; Марченко, 1996. С. 128; ср.: Simonenko, 1994. P. 119). В обоих случаях этот набор присутствует. Хронологический разрыв между двумя памятниками позволяет предполагать, что Ахтанизовка, вероятней всего, относится к начальному периоду владычества Митридата над Боспором, а Старо-Титоровка — к его завершению. Расположение обоих памятников на азиатской стороне Боспора, на наш взгляд, совсем не случайно, поскольку, как неоднократно говорилось выше, с варварскими племенами этого района Митридат наладил самые тесные связи.

Оценивая митридатовский этап в истории Боспора и всего Северного Причерноморья, вряд ли стоит задаваться вопросом, а мог ли владыка Понта победить в борьбе с могучим противником, и, соответственно, могла ли история пойти совсем иным путем? В подобного рода рассуждениях, конечно, нет особого смысла. Другое дело — вопрос о причинах поражения Митридата, тесным образом связанный с серией других. Среди них вычленим некоторые: сумел ли Митридат Евпатор сплотить все античные центры и все варварские племена для грандиозной борьбы с Римом, а значит, удалось ли ему обеспечить себе надежный источник пополнения войск за

счет местных контингентов? Иными словами, сказалось ли на трагическом для Митридата завершении этой борьбы положение в Северном Причерноморье?

Ответ на эти вопросы не прост, да и вообще при современном состоянии разработанности источников вряд ли может быть однозначным. Сразу можно признать, что указания на то, что «мощь римской армии была неизмеримо выше» (Молев, 1995. С. 142), «перспективы римской политики Митридата были совершенно ошибочными» (Бенгтсон, 1982. С. 321) и т. п. сами по себе, разумеется верные, не позволяют раскрыть всей сложности проблемы. Совсем неудачными представляются объяснения, в которых следствия выдаются за причины, что, к примеру, продемонстрировал Н. И. Новосадский, писавший, что «ближайшими причинами гибели Митридата были восстания в его собственном царстве, измена войска и глубочайший разлад в его семье» (Новосадский, 1928. С. 353–354).

Более прав, на наш взгляд, был Д. П. Каллистов, который отмечал, что выступление Митридата в Северном Причерноморье совпало с периодом острого кризиса. В такой обстановке понтийский царь начал свою борьбу с войны против варваров, а закончил политикой союзов с варварскими династами, вербовкой в армию рабов и пиратов (Каллистов, 1938. С. 281). Причиной поражений Митридата, по мнению исследователя, было не сомнительное военное превосходство римлян, а внутренний крах митридатовской политики, попытка найти опору в двух враждующих силах (греческие города и варварские племена) окончилась полной неудачей. Однако заслуга Митридата заключается в том, что на заключительном этапе борьбы он повернул политику от вступивших в кризис эллинов в сторону варваров, то есть тех, «за кем было историческое будущее» (Каллистов, 1938. С. 285).

Оставим без комментариев радикализм выражений, характерный для советской науки того времени, но даже тогда с Д. П. Каллистовым можно поспорить. В первую очередь, трудно с ним согласиться, что античное общество к рубежу эпох уже находилось на нисходящей линии развития. Трагизм положения эллинов Северного Причерноморья заключался не в этом, а в том, что они попытались спастись от варваров, защитить свою самобытность и право на самостоятельное развитие под властью азиатской державы. Владыка этой державы использовал «панэллинскую» риторiku, на словах выступал покровителем свободы греков, а на деле был готов пожертвовать и действительно жертвовал всем ради борьбы с Римом (ср.: Шелов, 1986. С. 41). В таком случае выступление греков против царя Понта на заключительном этапе Митридатовых войн стало вполне закономерным итогом его политики.

Таким образом, одной из важных причин поражения Митридата, на наш взгляд, стало то, что он не сумел создать в Северном Причерноморье прочную базу для столь грандиозного противостояния. Точнее, «единый греко-варварский блок» был создан, но он оказался непрочным, просуществовавшим лишь до первых поражений

понтийского царя. В ситуации начавшихся разочарований политикой Митридата все острее стали проявляться противоречия между греками и варварами Северного Причерноморья, а также и противоречия внутри мира варваров, отдельных племен или их группировок. Эти противоречия, очевидно, удалось лишь временно сгладить, но отнюдь не ликвидировать. В общем, представляется возможным признать, что даже выдающейся личности Митридата Евпатора не удалось консолидировать нестабильный мир варваров Северного Причерноморья. Ход войн с Римом, как и развитие межплеменных отношений, постоянно подтачивали основы этого непрочного союза, который стал быстро давать трещины в весьма существенных его составляющих, прежде всего, в Крымской Скифии. При таком положении, как представляется, Митридату было трудно надеяться на успех в борьбе с Римом. Победа над Малой Скифией, как видим, не обеспечила победы над Великим Римом. Сокрушив Митридата, римляне приняли от него эстафету покровительства причерноморским грекам и, как правильно считали Я. В. Доманский и Э. Д. Фролов, справились с этой непростой задачей и успешней, и продуктивней (Доманский, Фролов, 1995. С. 94).

Часть II. ОТ ПРАВЛЕНИЯ ФАРНАКА ДО НАЧАЛА ГОТСКИХ ВОЙН

Глава 1

ОРГАНИЗАЦИЯ И СОСТАВ БОСПОРСКОЙ АРМИИ

Боспорское царство первых веков нашей эры (рис. 68–69) предстает перед нами как военизированное государство, ориентированное, главным образом, на успешную организацию защиты и нападения относительно соседских варварских племен. Чтобы успешно противостоять им, нужно было, прежде всего, воспринять или творчески переработать военные новшества, родившиеся в мире кочевников евразийских степей. В то же время в военном отношении Боспор во многом унаследовал опыт эллинистических монархий, дополнив его отдельными достижениями римлян.

1.1. Командный состав и комплектование армии

Несомненно, главой боспорской армии, как и в предшествующий период, считался сам царь, и она была для него главным инструментом поддержания власти (Блаватская, 1965. С. 30 сл.). Следует предполагать также сочетание ряда административных должностей в системе управления отдельными областями царства с широкими военными полномочиями. В данном аспекте на первое место среди них можно поставить должность, именовавшуюся ὁ ἐπί της βασιλείας¹ (КБН, № 36, 58, 628,

1051, 1134, 1249). Лица, занимавшие ее, вероятно, контролировали царские войска в пределах столицы и прилегающей к ней области (Сидоренко, 2001. С. 137–138)². Во всяком случае, в списке членов привилегированного фисаса судовладельцев-навклеров из Горгииппии конца II — начала III в. сначала упоминается ὁ ἐπί της βασιλείας Афинодор, сын Селевка,³ а затем уже наместник самого города (КБН, № 1134). К кругу подобных должностей, связанных со своего рода военно-административными округами, относятся также следующие: «наместник Феодосии» (КБН, № 36, 64, 1130; Петрова, 2002. С. 39), «начальник острова»⁴ (КБН, № 40, 697, 982, 1000), «начальник аспургиан»⁵ (КБН, № 36, 1246, 1248), «пресбевт» Танаиса (КБН, № 847, 1239, 1241, 1243, 1245, 1246, 1248–

ском дворе и автоматически получали римское гражданство. Соответственно, в их компетенцию входила территория всего царства, и они играли видную роль в военной истории Боспора (Ростовцев, 1990. С. 176–178).

² Из других мнений на этот счет отметим следующие: наместник европейской части царства (Латышев, 1909. С. 125); правитель царской резиденции (Жебелев, 1953. С. 210); ближайший помощник царя (Гайдукевич, 1955. С. 141); управляющий царским имуществом (Болтунова, 1958. С. 116); управляющий царскими земельными владениями на европейском и азиатском Боспоре (Болтунова, 1958. С. 113–116; 1968. С. 75; Сапрыкин, 2002а. С. 213); доверенное лицо царя для выполнения особо важных царских поручений в различных областях царства (см. комм. к КБН, № 1120).

³ В имени этого человека отсутствуют какие-либо указания на римское гражданство, как и в случае с занимавшим ту же должность Менестратом, сыном Госемфлия (КБН. № 36), что не позволяет принять вышеупомянутую гипотезу М. И. Ростовцева.

⁴ Эта должность скорее всего обозначала начальника крепостей Фонталовского полуострова, в древности действительно бывшего островом (Сокольский, 1976. С. 107–108; Толстикова, 1992. С. 53; Сапрыкин, 2002а. С. 213).

⁵ Область их расселения охватывала земли прибрежно-восточной части Таманского полуострова до района современного Новороссийска.

¹ Впервые такую мысль высказал М. И. Ростовцев, полагая, что лица, занимавшие эту должность, были агентами римских императоров при боспор-

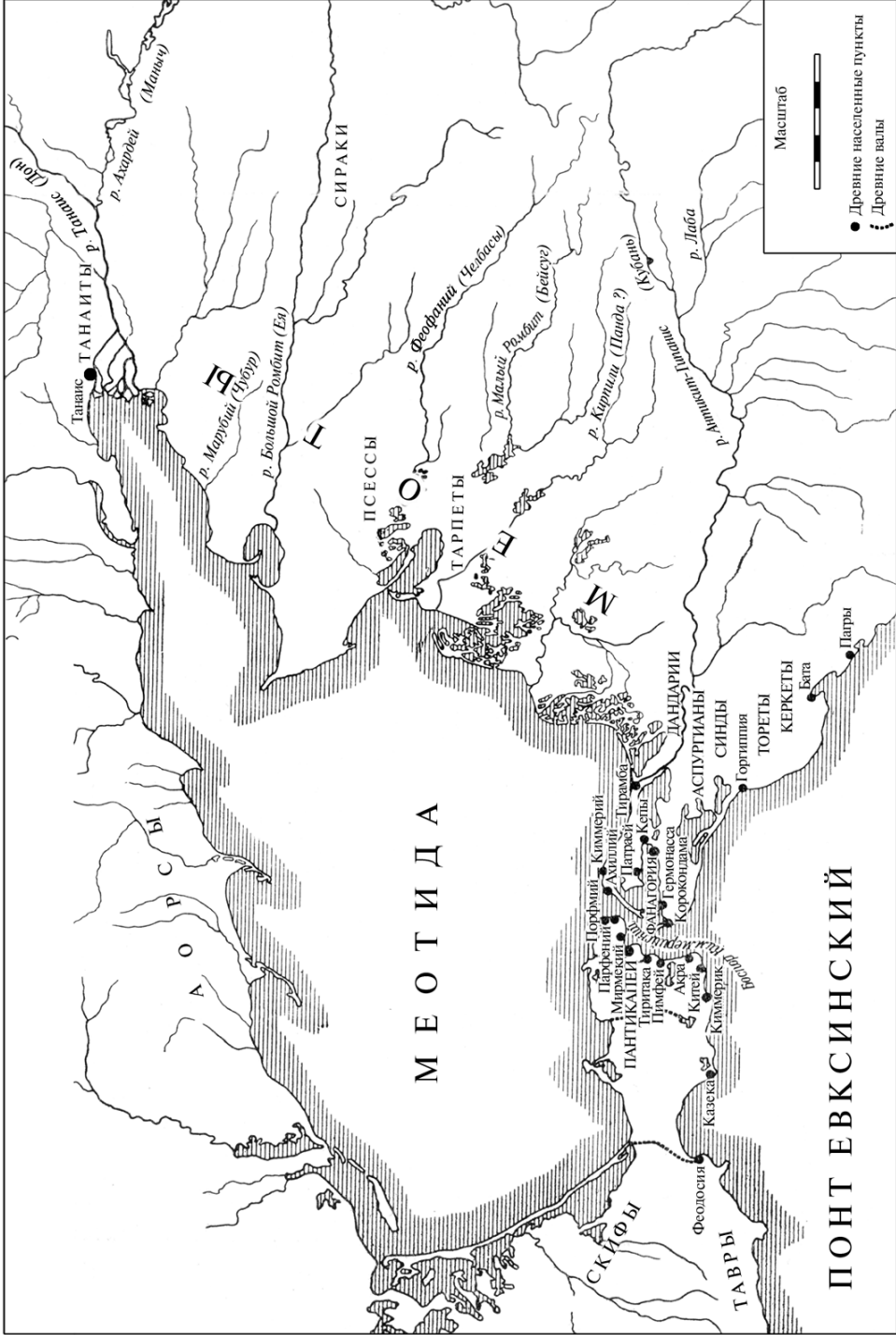

Рис. 68. Боспорское царство в римский период

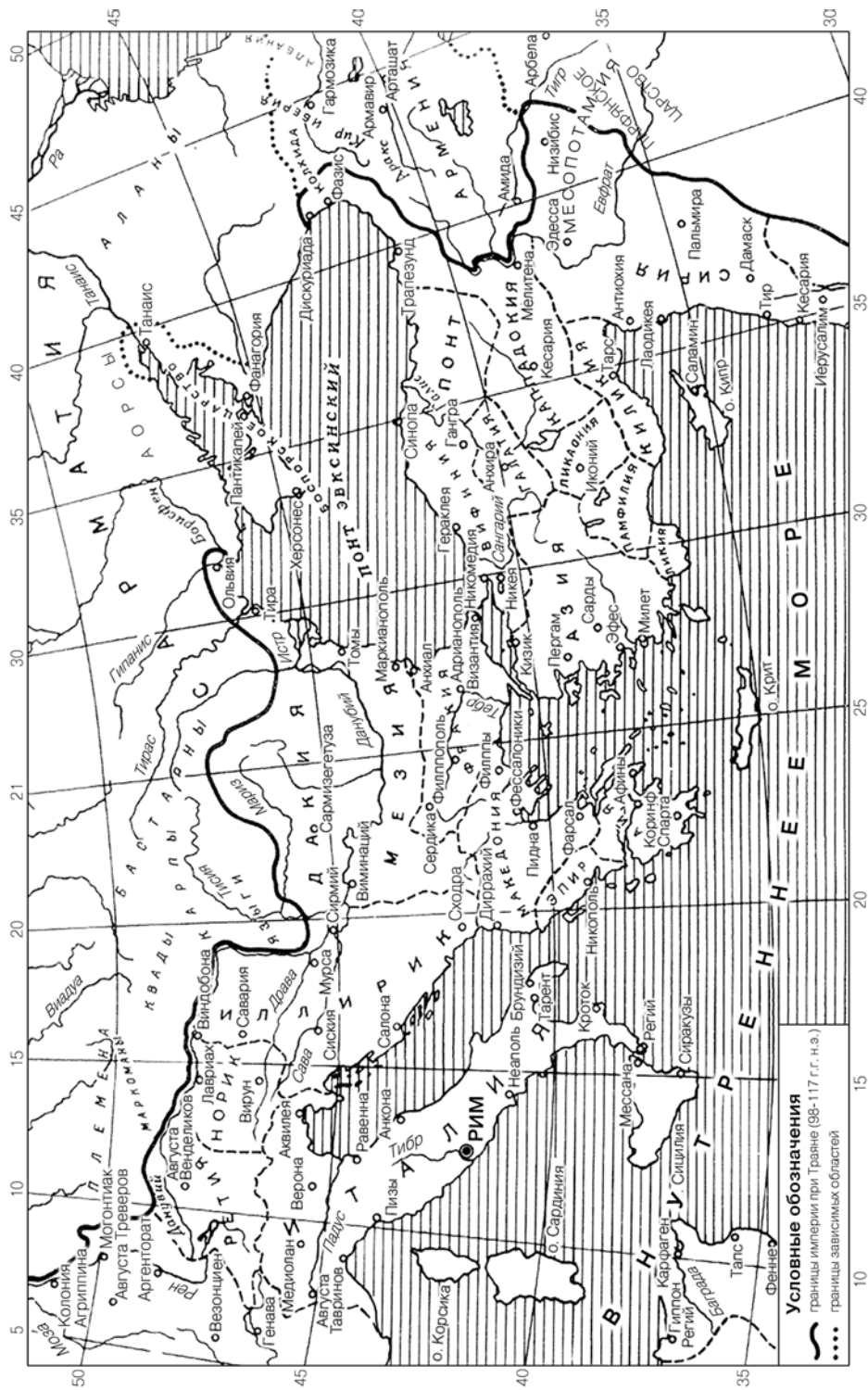

Рис. 69. Боспорское царство и восточная часть Римской империи в I–III вв.

1250, 1252), очевидно, в значении, близком римскому «легату» времен Империи, то есть самостоятельный наместник или военачальник. По-видимому, окончательно эта административно-территориальная система оформилась в период правления царя Аспурга (Сапрыкин, 2002а. С. 214) или Савромата I (Ростовцев, 1990. С. 176). Отметим, что и ранее, при Спартокидах, управление какой-либо областью сочеталось на Боспоре с контролем над размещенными в ее пределах войсками. Приведем соответствующую цитату из обращения молодого боспорца, сына Сопея, к афинским судьям в переводе Н. Н. Залеского: «Отец мой... настолько близко стоит к Сатиру, что управляет у него обширной областью и имеет попечение о всей его вооруженной силе» (Isocr. Trapez., 3). Близкий перевод этого места у Исократ давала ранее К. М. Колобова: «правит большой частью царской территории и (вместе с тем) управляет всем его войском» (Колобова, 1953. С. 59).

Командная структура армии включала и отдельные должности, традиционные для эллинистических армий (Масленников, 1990. С. 144). Так хилиархом (КБН, № 36, 53, 58, 984, 1049) мог именоваться крупный военный чин из ближайшего окружения царя или командир наемной царской гвардии, несшей постоянную военную службу при дворе (Brandis, 1899. Sp. 2276; Ростовцев, 1990. С. 178). Скорее всего, начальниками значительных воинских соединений были упоминающиеся в надписях стратеги (КБН. № 1134, 1141, 1179, 1237, 1256; Болтунова, 1986. С. 46). Значимость этой должности на Боспоре подтверждается выделением в пантикапейском некрополе I в. н. э. специального участка, вероятно, обнесенного оградой с воротами и обозначенного одним словом *στρατηγών* (КБН. № 827; Латышев, 1902. С. 33. № 1; Блаватский, 1954. С. 148). Кро-

ме того, две посвятительные надписи, относящиеся ко времени правления царей Асандра и Котиса II, поставлены от имени лиц, занимавших должность наварха — командующего флотом (КБН. № 30, 33).

Все перечисленные должности относятся к сфере высшего командования, точную картину иерархии которого трудно представить. Нельзя до конца исключить и возможность того, что титул стратега могли носить также и крупные чиновники, занятые в гражданской сфере (Алексеева, 1988, с. 75; Mielczarek, 1999. P. 83). Во всяком случае, круг людей такого рода, занимавших высшие придворные и военные посты, был не так уж велик. Известны и менее значимые должности, например, в одной из пантикапейских надписей упоминается спираpx Гаттиан (КБН, № 263). Этот термин, видимо, обозначал командира боспорского пехотного отряда в 600 воинов, примерно равного по численности римской когорте (Ростовцев, 1900. С. 145; Блаватский, 1954. С. 148). Примечательно, что отборную часть войска Митридата VI Евпатора, собранного им на Боспоре в 63 г. до н. э. для новой войны с Римом, составляли шестьдесят отрядов по 600 человек в каждом (App. Mithr., 108). Возможно, именно с этого времени спира,⁶ созданная

⁶ Сам греческий термин «спира» (или синтагма) впервые используется применительно к армиям преемников Александра Македонского для обозначения воинского подразделения численностью 256 человек. У Полибия этот термин нередко используется для обозначения римского манипула, самой мелкой тактической единицы легиона, насчитывавшей 140 человек (см. Connolly, 1981. P. 69, 77). В дальнейшем он нередко применяется для обозначения когорты. Митридат впервые пытался использовать сокрушительную тактику римлян в 69 г. до н. э., разделяя на отряды и спира переданные ему Тиграном Великим войска (App. Mithr. 87). Наличие в армии понтийского царя достаточного числа римских перебежчиков (ср.: App. Mithr. 110), способных заняться обучением воинов, вполне позволяло это сделать.

по образцу когорты римскими перебежчиками, стала основной тактической единицей регулярных частей боспорской армии (Блаватский, 1954. С. 145; Масленников, 1990. С. 144; Крыкин, 1993. С. 238), которые, как можно предполагать, дублировали соответствующую римскую организационную структуру (Зубарь, 1998. С. 84).

Наконец, существовала и должность лохага (КБН, № 36, 1000, 1051, 1136, 1179, 1231, 1251a), функции которого до конца неясны (Mielczarek, 1999. P. 85). М. И. Ростовцев считал, что так именовали ближайших помощников хилиарха и стратега (Ростовцев, 1990. С. 179). Видимо, в составе армии лохаги были командирами отдельных отрядов, подчинявшихся непосредственно стратегам без каких-либо промежуточных инстанций (Lammert, 1926. Sp. 945). Скорее всего, такие отряды не имели постоянной численности: все зависело от количества воинов, набиравшихся по территориально-административному принципу (Нефёдкин, 1998. С. 24–31).

Как именно формировалась боспорская армия в рассматриваемый период, мы можем только догадываться, и эта недостаточно изученная проблема требует дополнительного осмысления. В свое время В. Д. Блаватский предположил, что, как и в сарматском обществе, все свободное мужское население Боспорского царства было связано с военной службой (Блаватский, 1954. С. 141–142). Существование здесь всеобщей воинской повинности считает возможным и М. Мельчарек, привлекая для сравнения имеющиеся сведения о практике формирования военных отрядов у сарматов (Mielczarek, 1999. P. 82–83). Но насколько обоснована эта гипотеза? Вряд ли она оправданна, ведь Боспорское государство и соседние сарматские племена находились на разных стадиях общественного развития. Более логичным представляется в данном отношении сравнение с Понтий-

ским царством, государственные институты которого получили на территории Боспора дальнейшее развитие. Можно утверждать только одно: по крайней мере, часть населения царства была связана с его военной организацией, и вооружение воина в основном зависело от уровня его благосостояния.

Несомненно, определенную долю боспорского войска составляли воины-профессионалы, получавшие жалованье как в период военных действий, так и в мирное время. Использование постоянных воинских частей давало неоспоримое преимущество, поскольку они являлись более надежной опорой для трона, чем временно мобилизованные войска. Частью это были наемники иноземного происхождения, что было обычной практикой вассальных по отношению к Риму правителей⁷. Так, на погребении иудейского царя Ирода Великого в траурном шествии «сперва шли копьеносцы, затем отряды фракийцев, германцев и галлов», а затем уже все остальное войско (Ios. Fl. Ant. Jud. XVII, 8, 3). Представляется вероятным, что в этот период и на Боспоре этнический состав наемников был примерно таким же, конечно, при некоторой доле выходцев из соседних варварских, прежде всего сарматских племен. У Аппиана в описании событий, связанных со смертью Митридата VI Евпатора в 63 г. до н. э., упоминается начальник галлов Битоит (App. Mithr. 111). Вряд ли его отряд был распущен, когда на трон взошел новый царь. Изготовленные в пантикапейских мастерских терракоты конца II в. до н. э. — I в. н. э., воспроизводят образы воина-галата или воина в варварском одеянии со своего рода этнической эмбле-

⁷ Мнение Г. В. Треболевой относительно того, что в это время «цари Боспора отказываются от использования наемных войск» (Треболева, 2002. С. 311) представляется слишком категоричным.

мой — большим овальным щитом — тюреосом (Пругло, 1966. С. 205. Рис. 1). Для него характерны такие особенности, как вытянутый умбон с рельефным ребром по длинной оси и валик по краю (Пругло, 1966. Рис. 2; Connolly, 1981. P. 118–119). Это предполагает довольно хорошее знакомство жителей боспорских городов с их владельцами. М. Ю. Трейстер связывает с присутствием галатов в Пантикапее найденную там серию фибул периода среднего латена (Treister, 1993. P. 793).

Как свидетельство наличия в столице отряда фракийских наемников можно рассматривать грекоязычную эпитафию Диза, сына Бифия (II в. н. э.), где сказано, что он был *κεντυρίων ὁ καὶ πρίνκιψ* фракийской сперы (КБН. № 666). В свое время это считалось свидетельством временного пребывания римских войск на Боспоре и, в частности I, V или VI Фракийской когорты (Sichorius, 1901. Sp. 277; Гайдукевич, 1949. С. 334; Герасимова, 1970. С. 25; Цветаева, 1979. С. 39), хотя еще М. И. Ростовцев высказался в пользу местного происхождения этого подразделения (Ростовцев, 1911. С. 39). Сейчас многие исследователи склоняются к мнению, что это именно боспорское воинское формирование, ведь, судя по имени и совместному погребению с женой Еленой, Диз не имел римского гражданства и прожил на Боспоре довольно длительное время (Крыкин, 1993. С. 239; Зубарь, 1998. С. 84–85; Сапрыкин, 2001. С. 191). Дополнительным указанием на принадлежность фракийской сперы к боспорской армии служит упоминание о командовании ею в одной из пантикапейских надписей этапов воинской карьеры чествуемого лица, входившего в ближайшее окружение царя Савромата I (Vinogradov, 1994. P. 74; Виноградов, Шестаков, 2005. С. 42–44; Сапрыкин, 2005. С. 45 сл.).

Должность, указанная в эпитафии, переводилась составителями КБН как «цен-

турион и начальник отряда фракийцев», но тогда непонятно, почему Диза не называют просто спирархом, да и скромный характер известнякового надгробия не убеждает в том, что это был военачальник достаточно высокого ранга. Не исключено, что *κεντυρίων ὁ καὶ πρίνκιψ* — это просто греческая «калька» с латинского *centurio princeps*. В римских вспомогательных войсках так именовали старшего центуриона когорты (Ле Бозк, 2001. С. 64). В III–IV вв., судя по ряду пантикапейских надписей, название этой должности используется в сокращенном варианте: *πρίνκιψ* (КБН. № 35, 744, 811).

Вполне вероятно, что представители династии Тибериев-Юлиев, не менее чем в свое время Митридат VI Евпатор и Фарнак, использовавшие римских перебежчиков (App. Mithr. 110), нуждались в хороших военных специалистах и привлекали на службу бывших офицеров римской армии (ср.: Gracey, 1986. P. 314). К числу таковых можно отнести Марка Ульпия Прима, поставившего в 97 г. статую «своего благодетеля» царя Савромата I (КБН. № 43). Носитель имени Прим, популярного среди римских военных, peregrinorum и отпущенников и крайне редкого для Боспора, вряд ли был местным уроженцем. Поскольку он получил *praenomen* и *nomen* Траяна, когда тот еще был наместником в Германии (Дьячков, 1993. С. 246), можно полагать, что этот ветеран, выйдя в отставку, предпочел службу боспорскому царю скучной жизни в провинциальном городе. Спустя полтора столетия на Боспоре появляется римский всадник, «известный августам» Аврелий Родон, сын Лоллея, чья статуя была воздвигнута в Пантикапее в 249 г. (КБН. № 58). Наделенный высшими военными полномочиями он занимает должности *ὁ ἐπὶ τῆς βασιλείας* и хилиарха.

Общую численность наемников контингента в составе боспорского войска

определить невозможно. В конечном итоге она регулировалось объемом отпускавшихся на их содержание денежных средств. Впрочем, финансовые возможности Боспора, даже в лучшие времена, в период его первого расцвета в IV в. до н. э., не простирались далее содержания 4 тыс. наемных воинов (Diod., XX, 22; Блаватский, 1953. С. 202 сл.). Условно такую цифру можно принять за основу и для римского времени. С этим вполне сопоставимо количество воинских сил, выделенных для поддержания порядка на северном побережье Понта при императоре Нероне, — 3 тыс. солдат (Jos. Fl. Bell. Jud. II. 16,3).

Отборная часть боспорских воинов, судя по всему, несла постоянную военную службу при дворе, находясь в личном распоряжении царя. В случае военных действий это элитное подразделение, по-видимому, выступало как конный корпус типа «агемы», отряда конницы численностью в тысячу человек, в войске Селевкидов (Secunda, 1994. P. 22). Когда Фарнак потерпел поражение от Юлия Цезаря в битве при Зеле, он прибыл в Синопу, а затем возвратился на Боспор (App. Mithr. 120) с тысячей всадников, которые, судя по их недовольству приказом убить коней перед посадкой на корабли, были набраны среди кочевников⁸. Видимо, со времени правления Аспурга на особом положении в составе царской гвардии находились представители родственных правящей династии аспургиан (Ростовцев, 1990. С. 179; Горончаровский, 2000а. С. 57; его же, 2000б. С. 234).

Часть постоянного войска была рассеяна по гарнизонам городов и, вероятно, подчинялась наместникам соответствующих военно-административных округов. В слу-

чае развертывания масштабных военных действий в состав вооруженных сил Боспора могли включаться военные поселенцы, набравшиеся среди сельского населения или соседних варварских племен. В таком случае их размещали в заново отстроенных или возведенных от основания крепостях и предоставляли прилегающие земельные угодья, размежеванные на отдельные участки. Подобная практика широко применялась в эллинистических государствах, обеспечивая им внушительный военный потенциал, и часто сопровождалась отменой на определенный период налогов с урожая и плодов земли (ср., напр.: Jos. Fl. Ant. Jud., XVII, 2, 1). Возможно, поселенцы получали также оружие и прочее военное снаряжение. В свою очередь они были обязаны нести сторожевую службу, держать под контролем дороги, участвовать в подавлении внутренних волнений или отражении нападений извне. Постоянных расходов из казны такие воинские подразделения не требовали. Конечно, в случае войны они могли получать подарки и, наверняка, имели долю в добыче. Успешное завершение боевых действий также, видимо, отмечалось денежными раздачами. Таким образом, военные поселения, созданные в приграничных районах на направлениях возможных вражеских вторжений, избавляли боспорских царей от необходимости содержать здесь большую армию прикрытия.

Вторая, более многочисленная часть резерва, — это конное и пехотное ополчение жителей боспорских городов (Масленников, 1990. С. 42). Возросшая роль их в обороне государства, очевидно, была обусловлена усилением при Митридатe VI Евпаторе элементов городского самоуправления, которые впоследствии поддерживались Римом в противовес власти боспорских царей (Ростовцев, 1990. С. 182; Сапрыкин, 2002. С. 158 сл.; 2002а. С. 220). В этом

⁸ В этой связи можно вспомнить, что у аланов считалось позорным для мужчины даже ходить пешком (Amm. Marc. XXXI, 2, 20).

отношении чрезвычайно интересен фанаторийский декрет 88–87 гг. до н. э. о предоставлении гражданства иноземным наемникам «за то, что они достаточно продолжительное время несли службу вместе с нами». Привилегии даются им «на том условии, чтобы они не платили ни причитающиеся общественные сборы, ни плату за квартирование, ни дополнительную плату, будучи свободными от всех чрезвычайных взносов и от любого рода повинностей, кроме всеобщего набора в войско...» (Виноградов, 1991. С. 16). В любом случае боспорским царям в целях стабильности центральной власти, очевидно, приходилось считаться с позицией городов и их правами (Сапрыкин, 2002. С. 159 сл.),⁹ если они хотели обеспечить их содействие в деле обороны границ (Ростовцев, 1990. С. 182). М. И. Ростовцев считал, что в этот период обязательная военная служба была главной обязанностью граждан боспорских городов, на которой покоилось само существование государства (Ростовцев, 1989. С. 197).

Впрочем, относительно гражданских общин на Боспоре первых веков н. э. есть различные точки зрения. Достаточно осторожно по данной проблеме высказался В. Ф. Гайдукевич, который полагал, что «в государственно-политическом строе Боспора уже нет ничего, что могло хотя бы отдаленно напомнить рабовладельческий демократический полис», за исключением Фанатории, в эпиграфике которой вплоть до II в. встречается формула «совет и народ» (Гайдукевич, 1949. С. 340–341). Вряд ли можно однозначно утверждать, что в это время полисные институты власти «либо играли незначительную роль,

либо их не было вовсе» (Скржинская, 2003. С. 91). Видимо, для первых веков н. э. можно говорить о сохранении остатков городского самоуправления, помимо Фанатории, в Пантикапее, Горгиппии и Танаисе (Колобова, 1953. С. 53–55, 65; 1958. С. 195 сл.; Кругликова, 1966. С. 29–31). К этому списку, очевидно, следует присоединить и Феодосию, с учетом ее особого статуса, зафиксированного в посвячительных надписях с титулатурой царя Аспурга (КБН. № 39, 40). Данное обстоятельство, конечно, не исключает одновременного жесткого контроля со стороны представителей государственной администрации (комм. к КБН. № 1000).

Население более мелких боспорских городов, не имевших полисных традиций, по-видимому, также в какой-то степени было связано с военной организацией царства, выделяя по требованию центральной власти небольшие воинские контингенты. Практика всеобщего набора в войско объясняет обилие изображений воинов на местных надгробиях и сравнительное изобилие мужских захоронений с оружием в городских некрополях, когда «каноническим делается присутствие в погребениях меча и кинжала» (Ростовцев, 1925. С. 235). Из ряда эпитафий становится ясно, что военная служба вовсе не была основной профессией погребенных. Наиболее характерным примером в данном отношении является найденное в Керчи надгробие I в. н. э., воздвигнутое на могиле Стратоника, сына Зенона (рис. 70). На верхнем рельефе надгробия Стратоник изображен в длинном гиматии, со свитком в руке, на нижнем — он же выступает в виде конного воина (Гайдукевич, 1949. С. 385 сл. Рис. 64). На правом боку всадника лук «гуннского» типа и колчан для стрел, на правом бедре — кинжал с кольцевидным навершием. В надписи под рельефом говорится: «Храня и мудрость, и дивный характер, погиб

⁹ Ф. Миллар, анализируя рескрипт царя Аспурга от 15 г., обращенный к горгиппийцам, считает его отражением «деликатных» отношений царя и полисов (Millar, 1996. P. 169–170).

ты, Стратоник, оставив слезы печальному отцу. Божественный друг, причисленный к прежним великим людям, будущие века узнают из книг твою прелестную мудрость» (КБН, № 145). Таким образом, Стратоник, писатель, а может быть и философ, тем не менее, нес военную службу, когда его, вероятно, и настигла смерть.

При всей условности подсчетов общая численность свободного населения боспорских городов должна была составлять около 90–100 тыс. человек (ср.: Крижицкий, Щеглов, 1991. С. 46–56), и, в случае необходимости, они могли выставить не менее 15–16 тыс. воинов. Для командования ими существовали определенные военные должности. Так, для Танаиса мы

знаем о существовании стратега граждан и лохага танаитов (Латышев, 1909. С. 126; КБН, № 1237, 1251, 1256). В одной из пантикапейских надписей засвидетельствована должность политарха, военный аспект которой определенно вытекает из найденной в Фанагории эпитафии 179 г. на стеле Агафа, сына прежнего начальника острова Сакла. Она характеризует его как «хорошо управлявшего в прошлые времена канцелярией, а затем ставшего доблестным политархом и превосходным лохагом вследствие своего исключительного благоразумия по отношению к владыкам-царям» (КБН, № 1000). Последнее наводит на мысль, что подобные должности были не выборными, а замещались по решению царя или по согласованию с ним.

Таким образом, можно полагать, что и преемники Митридата VI, и представители династии Тибериев-Юлиев терпимо относились к наличию оружия и традиций военной подготовки у жителей боспорских городов, чтобы в случае необходимости использовать их в собственных интересах, как резервную воинскую силу. В условиях мирной жизни годные к воинской службе боспорцы могли быть организованы в рамках тех фиасов, которые существовали под покровительством вельмож царского двора и, возможно, носили сакрально-военный характер (Ростовцев, 1989. С. 194; Сапрыкин С. Ю., Масленников А. А., 1999. С. 198–199)¹⁰. В отстаивании данной точки зрения, распространяя ее на все фиасы, наиболее последовательным был М. И. Ростовцев: «Мы имеем дело с планомерной организацией, целью которой было объединить способ-

Рис. 70. Надгробие Стратоника, сына Зенона. Пантикапей. I в.

¹⁰ В. Д. Блаватский считал, что боспорские граждане объединялись «в особые корпорации-синаоды, имевшие религиозный, политический и военный характер» (Блаватский, 1954. С. 141; см. также Книпович, 1949. С. 103 сл.).

ное носить оружие население городов в государственные коллегии военно-религиозного характера. Этим преследовалась задача создать сплоченные кадры защитников государства против надвигающейся опасности поглощения варварскими элементами. Одновременно в этих организациях юношество подготавливалось к будущей военной и административной карьере» (Ростовцев, 1989. С. 201). Создание их в тесной связи с военной организацией государства он приписывал Савромату I, когда на Боспоре сложилась «благоприятная почва для сплочения эллинизированных элементов около талантливого царя» и отражения грозившей со всех сторон смертельной опасности (Ростовцев, 1989а. С. 124). Конечно, эта гипотеза выглядит чрезвычайно привлекательной, но фиасы и синоды в Боспорском царстве нельзя оценивать однозначно¹¹. Во всяком случае, они отличаются от аналогичных объединений греческих городов в составе Римской империи тем, что в них входили только мужчины¹².

В ряде случаев боспорские цари могли привлекать и военные силы подчиненных Боспору племен — синдов, меотов, дандариев, тарпетов, торетов, псессов и танайтов. Для некоторых из них, например, синдов можно предположить прямое управление царя через своих наместников, для других — сохранение племенных вождей. Такие вожди могли инкорпорироваться в военную иерархию царства, оставаясь во

¹¹ По той же причине вряд ли следует полностью отрицать возможную сакрально-военную природу хотя бы части боспорских союзов (Смирнова, 2002. С. 64). Широкий диапазон различных точек зрения по этой проблеме см.: Смирнова, 2001. С. 252–267; Завойкина, 2003. С. 120–135.

¹² Впервые это отметил В. В. Шкорпил на основании изучения 25 пантикапейских надгробий фиасотов, подчеркивая военный характер объединений, в которые они входили (Шкорпил, 1908. С. 42–44).

внутренней политике достаточно независимыми от центра. Автономность племен основывалась на их экономической самостоятельности и всеобщем вооружении, ограничивавшем давление сверху (ср.: Крадин, 2001. С. 25). Соответственно, сохранялась возможность восстания с целью свержения надплеменной власти. Недаром Страбон, говоря о подвластных Боспору племенах, отмечал: «...иногда то те, то другие поднимали восстание против своих властителей» (Strab. XI. 2. 11). Далее упоминается о захвате Фарнаком страны дандариев, которые в дальнейшем, видимо, добились определенной независимости, поскольку их нет в перечне племен, подвластных царю Аспургу, приведенном в посвянительной надписи 23 г. н. э. (КБН, № 39), а в 40-е гг. I в. они имели собственного царя (Тас. Ann. XII. 15). В любом случае, племена, включенные в состав Боспорского государства, очевидно, должны были выставлять воинские контингенты по первому требованию. При аналогичной ситуации в царстве Селевкидов туземные войска составляли около половины численности всей армии (Secunda, 1994. P. 12).

Возможно, для этнических общностей жестко инкорпорированных в структуру Боспорского царства, отчасти использовалась уже упомянутая командная структура. В частности, из эпитафии на стеле с изображением всадника, поражающего пешего врага, найденной на предназначенном для погребений стратегов участке пантикапейского некрополя, нам известен стратег тикандитов Дама, сын Гая (КБН. № 382). Правда, этот этноним более нигде не встречается. Г. Кизерицкий воспринимал это как ошибку резчика и предлагал читать «ликандитов» от *Lykandos* — названия области в Малой Азии (K-W, S. 107). Данное предположение, впрочем, не объясняет, как этот стратег мог оказаться столь дале-

ко от своей родины, разве что в роли командира наемников.

Кроме того, мы знаем примеры выступления на стороне Боспора военных сил соседних племен. Так, по сообщению Страбона, в период правления на Боспоре Фарнака, царь сираков Абеак выставил 20 тысяч всадников (Strabo XI, 5, 8)¹³. Указанная в том же пассаже Страбона численность войска, предоставленного аорсами, — 200 тысяч всадников неоправданно завышена и может служить лишь относительным показателем больших потенциальных возможностей этого племени в военном отношении. Кстати, цифра в 20 тысяч воинов от племени фигурирует и у Лукиана, где в военных действиях, предпринятых боспорским царем, принимают участие всенародное ополчение греков и призванные на помощь аланы и савроматы (Лус. Тох. 54). Такие союзы, например, совместные военные действия Котиса I и царя аорсов Евнона в 49 г. н. э., безусловно, носили достаточно временный характер. Они могли достигаться либо посредством богатых даров, манипулируя которыми вожди укрепляли свой престиж и политическое влияние, либо путем дипломатических браков.

Такая система военной организации царства оказалась удивительно жизнестойкой даже в смутные для Римской империи годы, когда Боспор был предоставлен сам себе. Все же она не была рассчитана на отражение значительных воинских масс противника, что показали события времени готских походов третьей четверти III в. н. э.

¹³ См. также: Виноградов, 1965. С. 108–121. Ср. с проведенным Ф. Контамином анализом численности племенных объединений, противостоявших Римской империи в IV–V вв., где он приходит к выводу, что «каждый из основных варварских народов располагал силами примерно от 10 000 до 30 000 воинов (Контамин, 2001. С. 20).

1.2. Конница

На рубеже нашей эры, в условиях постоянных военных столкновений с кочевниками, в составе боспорской армии возрастает значение конницы. Своеобразным отражением ее значительного удельного веса в сравнении с пехотой можно считать тот факт, что с учетом выборки, сделанной по данным КБН, среди пантикапейских мужских надгробий I–II вв. лишь около 12 % имеют сюжеты с изображениями пехотинцев, в то время как 33% — украшены рельефами с вооруженным всадником или всадниками. Конечно, отсюда не следует, что все погребенные под стелами с изображениями конных воинов были таковыми и в земной жизни, поскольку на Боспоре было распространено почитание героизированных умерших в виде всадников (Бритова, 1948. С. 54; Диатроптов, 2001. С. 78 сл.). В то же время такие сюжеты, видимо, символизировали принадлежность к определенному социальному слою, в основном аристократического характера.

Наряду с отрядами легковооруженных всадников в состав боспорской армии входила и тяжеловооруженная конница — катафрактарии. В данном случае под этим термином мы понимаем устоявшееся в отечественной научной литературе определение катафрактариев как действующих в определенном боевом порядке конных воинов, снабженных тяжелым доспехом и набором наступательного вооружения, главную роль в котором играет длинная тяжелая пика (Блаватский, 1954. С. 114; Хазанов, 1968. С. 185 сл.; он же, 1971. С. 72; Горончаровский, Никоноров, 1987. С. 201 сл.; Горончаровский, 1993. С. 79 сл.; ср.: Mielczarek, 1993. P. 89; Nikonorov, 1998. P. 131 ff.), без которой, как писал А. М. Хазанов, «не было бы катафрактария».

Отдельные элементы вооружения таких конных воинов, куда входили также длинный рубящий меч и иногда лук «гуннского» типа, сформировались в центральноазиатском регионе (Смирнов, 1950. С. 110; Шилов, 1959. С. 462; Хазанов, 1971. С. 76) и достаточно быстро появились на соседних территориях путем заимствования или за счет передвижения на запад отдельных кочевых племен (Туаллагов, 2001. С. 196). Начало их распространения на Боспоре можно связать с аспургианами, выходцами из сарматского мира,¹⁴ расселившимися на восточной границе государства, между Фанагорией и Горгиппией (Strab. XI. 2. 11; XII. 3. 29). Скорее всего, это произошло по предварительному соглашению в период правления царя Асандра (47–17 гг. до н. э.) (Горончаровский, 2000а. С. 54 сл.; его же, 2000б. С. 234). Политика привлечения на военную службу в пограничных районах людей, в совершенстве владеющих новыми видами вооружения в условиях конного боя, представляется вполне оправданной, поскольку подготовить таких профессиональных воинов-всадников, готовых выступить в любой момент, было достаточно сложно. Очевидно, именно включение аспургиан на правах военных поселенцев в состав военных сил Боспора со временем способствовало изменению структуры и вооружения местной кавалерии.

В данном отношении представляет интерес найденная в районе пребывания аспургиан, близ современного Темрюка, надгробная стела Матиана, сына Заидара, датирующаяся концом I в. до н. э. (рис. 71). В ее верхней части находится тщательно проработанный рельеф с самым ранним в боспорском искусстве изображением всадника-катафрактария. Облаченный в корот-

Рис. 71. Надгробие Матиана, сына Заидара. Ок. рубежа н. э.

кий панцирь с разрезом, он держит в левой руке конский повод, а правой придерживает длинное копьё, которое не поместилось в поле рельефа и частично вышло за его пределы. Та же деталь присутствует на известном надгробии Афения (не позднее сер. I в. н. э.), где нижний конец копьё катафрактария выходит за край рельефного поля стелы (Десятчиков, 1972. С. 74. Рис. 1–3). С правой стороны у всадника приторочен лук «гуннского» типа со спущенной тетивой и колчан для стрел.

Надгробие Матиана является работой опытного мастера, сумевшего передать ряд деталей этнографического характера, например, нахвостник у лошади и подстриженную «городками» гриву¹⁵. Эти особен-

¹⁴ А. А. Туаллагов полагает, что они могли быть частью центральноазиатских алан, мигрировавших в Восточную Европу (Туаллагов, 2004. С. 279).

¹⁵ Стрижка гривы «городками» предполагает придание ей определенной формы в виде выступов или прямоугольных зубцов. Для изображений лошадей в боспорском искусстве характерны просто коротко остриженные гривы. Считается, что эта мера была вызвана помехами, которые создавала длинная грива для всадников при стрельбе из лука (Витт, 1952. С. 168 сл.; Цалкин, 1960. С. 48).

Рис. 72. Изображение катафрактария на серебряном сосуде из погребения у с. Косика (Астраханская обл.)

ности определенно связаны с восточной кочевой средой и не получили широкого распространения на Боспоре. Так, стрижка гривы «городками», кроме рассматриваемого рельефа, отмечена лишь на одном из надгробий (Магковская, 1993. С. 404. Табл. V, 7) и в росписях более поздних пантикапейских склепов II в. — Стасовского 1872 г. и 1873 г. (АДЖ. Табл. LXIV, LXX-IX). Помимо этого, наличие такой стрижки мы видим в изображениях конных боспорских царей: Савромата II на монете и Рескупорида III на пластине золотого погребального венка (Maenchen-Helfen, 1957. Fig. 3,4), что, скорее всего, являлось данью традиции в силу сарматского происхождения правящей династии, а также на граффито конца II — первой половины III вв. н. э. из крепости Илурат, в составе гарнизона которой было много выходцев из сарматских племен (Шургая, 1983. Рис. 4; Горнчаровский, Никоноров, 1987. Рис. 1).

Указанием на ближайший к Боспору регион, где была распространена подобная мода, служит гравированный рисунок на серебряном сосуде из погребения середины I в. у с. Косика Астраханской области (Дворниченко, Федоров-Давыдов, 1993. С.

154; Трейстер, 1994. С. 180. Рис. 7), где эта деталь имеется (рис. 72)¹⁶. Круг более ранних аналогий гораздо шире, от Горного Алтая до Китая (Maenchen-Helfen, 1957. P. 95–137; Rawson, 1996. Fig. 100b). Для данного ареала характерны и кожаные нахвостники (Зеймаль, 1979. Рис. 36; Маршак, 1987. С. 235, 236; Маслов, 1999. С. 227).

Интересно отметить, что все этнографические детали, присутствующие на стеле Матиана, мы находим и в изображении конного воина с оруженосцем из пантикапейского склепа Анфестерия, сына Гегесиппа (рис. 73)¹⁷. В комплект вооружения в данном случае входят панцирь, пика, длинный меч и лук. Относительно того,

¹⁶ В отношении связей этого региона с Боспором заслуживает внимания оригинальная тамга на происходящей отсюда же серебряной ложке (Дворниченко, Федоров-Давыдов, 1993. С. 151 сл.). Точно такой же знак помещен на монетах Аспурга (Голенко, Шелов, 1961. С. 12–14; Карышковский, 1973. С. 15–16; Фролова, 1979. С. 142) и на кирпичках, производившихся в керамических мастерских Горгииппии (Цветаева, 1975. С. 99; Зубарь, 2001. С. 146 сл.).

¹⁷ Впервые использование на Боспоре нахвостников, аналогичных образцам из сакского мира отметил С. А. Яценко в связи с анализом росписи склепа Анфестерия (Яценко, 1995. С. 189).

Рис. 73. Фреска из пантикапейского склепа Анфестерия, сына Гегесиппа.

что это именно лук убеждает справедливое наблюдение А. К. Амброза, отметившего в скопированной росписи этого склепа неправдоподобно длинную заднюю луку седла, скорее всего, являющуюся контуром горита с луком. Ближайшей аналогией в данном случае является изображение всадника на ковре из Пазырыка, где темный силуэт лука в горите сливается с седлом и кажется его частью (Амброз, 1992. С. 35. Табл. VII, 11).

Вполне допустимо говорить о том, что в склепе Анфестерия также был захоронен выходец из аспургианской знати. Сам сюжет росписи и приемы, которыми пользовался создавший ее мастер, сопоставимы с сарматскими религиозными представлениями (путешествие в загробный мир) и художественными традициями: изображения лошадей с вставками, имитирующими изделия торевтики, т. н. «бирюзово-золотого стиля», распространившегося в сарматской аристократической среде (Яценко, 1995. С. 189–192). Эти наблюдения можно

дополнить, если обратить внимание на трактовку ног коня, показанных вытянутыми и параллельными друг другу. Такая манера достаточно характерна для памятников азиатского искусства (Руденко, 1962. Табл. I, 5; IV, 5; Маслов, 1999. С. 228; Ghirshman, 1962. Abb. 342,345; Rudolf, Wen Yu, 1951. Pl. 39) и, видимо, связана с теми боспорскими мастерами, которые не придерживались античных художественных традиций (см.: АДЖ. Табл. LXIV, 1; LXXXIV, 3; Шургая 1983: Рис. 1, 4).

Вероятно, это был далеко не единственный представитель, выражаясь словами М. И. Ростовцева, «полуиранской аристократии» (Ростовцев, 1918. С. 185–186), удостоившийся погребения в пантикапейском некрополе. Обращает на себя внимание открытие в ближайшем соседстве со склепом Анфестерия еще двух погребальных памятников, демонстрирующих «поразительное сходство» с ним по архитектуре, особенностям стиля и живописи (АДЖ. С. 196). Имеются в виду склеп Алкима,

сына Гегесиппа, и склеп, открытый в 1891 г. (АДЖ: 170, 175, 183, 184). В первом из них, возможно, принадлежавшем брату Анфестерия (IOSPE, II, 123; АДЖ: 175), справа от входа была вырезана сарматская тамга (АДЖ: Табл. L, 2; Драчук 1975: табл. XII, 945), близкая по типу к царским знакам Боспора,¹⁸ во втором, как и в склепе Анфестерия, присутствует сцена с юртой и выездом конного воина (АДЖ: Табл. LI, 1). Вслед за М. И. Ростовцевым эти склепы было принято датировать последними десятилетиями I в. до н. э. или временем не позднее середины следующего столетия (АДЖ. С. 166–168, 181–182, 195–198). Е. В. Ернштедт считал, что «структурный стиль», в котором они расписаны, относится к I в. до н. э. — нач. I в. (Ернштедт, 1955. С. 262). Для уточнения датировки можно использовать совокупность имеющихся данных о склепах. В отношении нижней хронологической границы, конечно, особенно важен шрифт надписей, вырезанных острым орудием на штукатурке в склепах Анфестерия и Алкима (АДЖ. Табл. XLIX, 3; Табл. LI, 6). В обоих случаях он не может датироваться временем более ранним, чем правление Аспурга (10/11–38 гг.), особенно учитывая характерные формы альфы, эпсилона, сигмы и ипсилона (ср.: Болтунова А. И., Книпович Т. Н., 1962. С. 10). Характерно, что этот шрифт находит параллели в надписи царицы Гипепирии на серебряной тарелке из Неаполя Скифского (Яценко, 1962. С. 112). Для определения верхней хронологической границы сооружения склепов может иметь значение находка в склепе, открытом в 1891 г., монеты Митридата VIII 39–45 гг.

¹⁸ В нижней части знака присутствует триден, являющийся постоянным элементом для группы тамгообразных знаков боспорских царей (Шелов 1966: 268–277; Драчук 1975: 63). Таким образом, склеп явно принадлежал знатному лицу, возможно, родственнику правящей династии.

К тому же склеп Деметры, расписанный уже в более позднем «цветочном стиле», но чрезвычайно близкий склепу Алкима по трактовке сюжета похищения Кору Плутоном, можно датировать по находкам стеклянных сосудов 40–50-ми гг. I в. (две ойнохой мастерской Энниона (?) первой половины I в. и стакан 40–70-х гг. I в. (Куннина Н. З., 1997. С. 273. Кат. 110, 111; Ср.: С. 313. Кат. 298). Таким образом, склепы Анфестерия и Алкима, скорее всего, были сооружены в 10–30-х гг., а склеп 1891 г. — в конце 30-х — начале 40-х гг. I в. н. э.¹⁹ Если эти наблюдения верны, то аспургиане достаточно быстро адаптировались к местному варианту античной цивилизации, и на первых порах именно они составляли отряды тяжеловооруженной конницы нового образца в боспорскую армию. Данное обстоятельство неизбежно должно было иметь определенные последствия для развития военного дела Боспора.

Формирование отрядов катафрактариев из состава боспорских горожан, видимо, началось несколько позднее, когда события, связанные с войной Митридата VIII против римлян и своего брата Котиса в 45–49 гг. н. э. (Tac. Ann. XII. 15–21), наглядно показали всю сложность военных действий без помощи союзной конницы в условиях ведения масштабной войны на границах Боспора (Горончаровский, 2001. С. 217–221). Действительно, в сюжетах многочисленных надгробных рельефов из некрополей Пантикапея и других боспорских городов вплоть до середины I в. н. э. не отмечено каких-либо серьезных изменений в комплексе вооружения всадников

¹⁹ Дополнительным указанием на обоснованность такой датировки может служить наблюдение С. А. Яценко относительно появления изделий бирюзового стиля (ср. имитацию бирюзовой вставки на плече коня из склепа Анфестерия) в междуречье Дона и Кубани не ранее рубежа н. э. (Яценко, 2000. С. 268. Прим. 41; 2004. С. 315).

и снаряжении коня. Впрочем, не известно практически ни одного случая, когда умерший был бы представлен в тяжелом защитном доспехе. В данном случае можно согласиться с мнением В. Ф. Гайдукевича о том, что «надгробные рельефы изображают воинов не в походно-бытовой обстановке, а в парадном виде воина-героя, победителя, выступающего перед зрителем без полного набора ратных доспехов». (Гайдукевич, 1949. С. 385).

Численность боспорских катафрактариев вряд ли была особенно велика. Для сравнения А. М. Хазанов, оценивая количество воинов с таким вооружением у парфян относительно всего войска в I в. до н. э., считает, что соотношение было меньше 1: 10 (Хазанов, 1971. С. 75). Кстати, близкую цифру — около 6% — дает подсчет среди боспорских надгробий с воинскими сюжетами рельефов с изображениями всадников в сопровождении оруженосцев,²⁰ которые, вероятнее всего, можно соотнести с катафрактариями. Конные оруженосцы или слуги, как правило, изображены с длинными копьями и часто в достаточно реалистично исполненных шлемах или панцирях. Очевидно, они входили в обязательное сопровождение тяжеловооруженных воинов, перевоза часть их снаряжения, чтобы не утомлять коня катафрактария излишней тяжестью до боя. В этой связи заслуживает внимания сообщение Аммиана Марцеллина о том, что сарматы обычно ведут «в поводу запасную лошадь, одну, а иногда и две, чтобы, пересаживаясь с одной на другую, сохранять силы коней...» (Амм. Марс. XVII. 12. 3). Именно такую картину мы видим в росписи склепа Анфестерия и на рельефе надгробной стелы Юлия Патия,

где всадник в остроконечном шлеме, с большим горитом за спиной, держит поводья другой лошади, рядом еще одна, сзади жеребенок (К-В. № 575). Это была обычная практика для многих кочевых народов. Так, в начале XVI в. Сигизмунд Герберштейн пишет о татарской коннице: «При набегах на соседние области каждый ведет с собой, смотря по достатку, двух или трех лошадей, чтобы, когда устанет одна, пересесть на другую и третью; усталых же лошадей они в это время ведут на поводу» (Герберштейн, 1988. С. 168–169).

Основная масса лошадей для простых боспорских всадников, конечно, покупалась, захватывалась и выменивалась у соседних степняков или поступала от них же в виде дани. Видимо, это были, главным образом, низкорослые степные кони с большой головой на короткой шее, плотным туловищем и короткими ногами (ср.: БНГ. № 44, 48, 49, 51). В тоже время для создания катафрактарной конницы были необходимы разведение и обездка крепких рослых скакунов, способных выдержать вес тяжеловооруженного воина. В данном отношении интересно иранское имя Аспург, которое носил основатель династии Тибериев-Юлиев на Боспоре. Оно означало «имеющий мощных коней» (Абаев, 1949. С. 185). Действительно, рост степных коней этого времени достигал в холке 154 см, хотя, как отмечал еще В. И. Цалкин, они были достаточно редки (Цалкин, 1966. С. 89). Наличие в погребениях сарматских катафрактариев II–III вв. у хутора Городского (Прикубанье) лошадей степной породы, достигающих в холке высоты 134–144 см (Сазонов и др., 1995. С. 125–126) еще ни о чем не говорит, поскольку в могилу могли помещать далеко не лучших коней.

На большинстве боспорских надгробных рельефов и фресок кони изображены достаточно тщательно, с соблюдением ре-

²⁰ Для сравнения в сарматских могильниках I–II вв. в Закубанье, если судить по погребениям воинов, каждый второй был всадником, а каждый пятый — катафрактарием (Схатум, 2001. С. 30).

альных пропорций прототипа. Среди них явно выделяются высокопородные, длинноногие и поджарые аргмаки с небольшой головой и «лебединым» изгибом шеи (см., напр.: БНГ. № 43, 45–47, 50, 52, 53). Очевидная близость этих лошадей и тех, что мы видим на синхронных памятниках парфянского и бактрийского изобразительного искусства (ср.: Пугаченкова, 1971. С. 71; Пилипко, 1996. С. 69. Табл. 45), вполне согласуется с мнением гиппологов, допускающих центральноазиатское влияние на развитие коневодства в Северном Причерноморье (Цалкин, 1960. № 55. С. 46 сл.; он же, 1966. С. 89). В этой связи заслуживает упоминания сообщение о набегах аланов на Мидию, славившуюся лошадьми нисейской породы (Ambros. De excludio urbis Hierosol. V. 50). Потомками этих скакунов являются ахалтекинские кони, которых отличают привязанность к хозяину, легкость бега, выносливость и неутомимость. В XIX в. хивинцы проезжали на таких конях, которые в течение двух суток могли обходиться без воды, по 120 верст в день (Ковалевская, 1977. С. 136).

Лошади лучших пород, очевидно, поставлялись в боспорскую армию царской конюшней, существование должности управляющего которой засвидетельствовано посвятительной надписью 234 г. (КБН № 942)²¹. Можно предположить, что на Боспоре, как и в царстве Селевкидов, существовали конные заводы, где содержались обеспеченные необходимым уходом и кормлением племенные животные. Там же жили объездчики лошадей и люди, обучавшие обращению с тяжелым всадническим вооружением (Strabo. XVI. 2. 10). В этом отношении представляет интерес тамга царя Риметалка (131–153 гг.) на пан-

тикапейском надгробии Атты, сына Трифона. Она изображена на лопатке лошади, видимо, полученной из царского табуна (Яценко, 2001. С. 52). Такими конями могли обладать только состоятельные люди. Высокая стоимость хороших лошадей и тяжелых доспехов лишала малоимущие слои возможности служить в катафрактарной коннице. Так, Дж. Андерсон отмечал, что не слишком состоятельный человек мог потратить, по крайней мере, половину своего ежегодного дохода на скакуна, стоимость которого доходила до 50 золотых монет (Андерсон, 2006. С. 184). В описании сарматских катафактариюв у Тацита тяжелые пенцири «носят все вожди и знать» (Tac. Hist. I, 79).

Возрастание роли тяжелой кавалерии в боспорской армии привело к ряду изменений и в конском снаряжении. Конская узда этого времени включала затылочный, налобный, наносный, подбородочный и нащечные ремни. Для нее характерны удила, по конструкции близкие более ранним сарматским, но несколько усовершенствованные. Такие удила включали грызла, заканчивающиеся прямоугольными рамками, и двукольчатые псалии, позволявшие усилить воздействие на лошадь. Это достигалось за счет крепления нащечного ремня к верхнему концу псалия, а повода — к нижнему. Таким образом, при натягивании повода грызла давили не только на углы рта, но и на всю нижнюю челюсть лошади, вынуждая ее быстрее подчиняться всаднику, что очень важно в условиях быстротекущего конного боя (Зубарь, Симоненко, 1984. С. 152). Подобный способ крепления повода мы видим на известном граффито с изображением катафрактария из города Дура-Европос на Евфрате, в римской провинции Сирия (Rostovtzeff, 1933. P. 216. Pl. XXII, 2; Mielczarek, 1993. P. 119. Fig. 6) (рис. 74).

Помимо быстрого управления конем, для тяжеловооруженного всадника важно

²¹ Ср. с должностью начальника конюшен (*comes stabuli*), поставлявшего лошадей для позднеримской армии (Контгамин, 2001. С. 14).

Рис. 74. Граффито с изображением катафрактария из Дура-Европос (Сирия).

было удержаться на коне при столкновении с противником. Ведь стремена являются достаточно поздним изобретением: первые они появились в Северном Китае и Корее не ранее IV в. н. э. (Вайнштейн, 1991. С. 220–223. Рис. 98, 99). Выходом в данной ситуации стало совершенствование конструкции седла, которое должно было обеспечить устойчивую «глубокую» посадку.²² Ранее, в скифское время, со второй половины IV в. до н. э., были распространены мягкие седла с войлочным покрытием, известные по находкам в Больших Пазырыкских курганах, Башадарских курганах и могильнике Ак-Алаха 1 и 3 (Руденко, 1952. С. 125–126; Полосьмак, 2001. С. 48, 78). Они представляли собой две сшитые вместе подушки, плотно набитые травой и шерстью. Своего рода каркас при этом со-

²² Кстати, сходные явления, но уже в новых исторических условиях, наблюдались в отношении европейских седел, начиная с XII в. Это отмечал А. Н. Кирпичников, писавший о том, что распространение таранного удара копьём вызвало на рыцарском Западе появление седел с глубоким сиденьем (Кирпичников, 1973. С. 40).

здавали невысокие луки, укрепленные деревянными дужками. Использование деревянных деталей мягкого седла в период не позднее второй половины IV в. до н. э. можно предполагать и в западной части евразийских степей на основании находок в конских погребениях некоторых скифских царских курганов тонких золотых пластин с мелкими дырочками по краям, в которых в отдельных случаях даже сохранились гвоздики (Граков, 1971. С. 98; Мелюкова, 1989. С. 97; Алексеев, Мурзин, Ролле, 1991. Кат. 45, 48, 50, 52–54).

Очевидно, тогда же это новшество в конском снаряжении стало известно и на Боспоре. В этой связи следует упомянуть находку в пантикапейском погребении IV в. до н. э. деревянной основы седла в виде изогнуто вырезанной кленовой пластины размерами 22,5 × 28 см, с нижней стороны которой имеется выемка глубиной 1 см для войлочной подкладки, а с боков — прорези, в которых закреплены концы гнутого стержня диаметром 2 см, служившего основой низкой луки. Место соединения стержня с пластиной было охвачено бронзовой обоймой, прибитой бронзовыми гвоздиками (Сокольский, 1971. С. 227. Табл. XXXIV, 2). Ездить в таком седле было достаточно удобно, однако, обеспечить возможность копейного удара оно не могло.

Создание необходимой конструкции, по крайней мере в I в. до н. э., а может быть, и ранее, (Herrmann, 1997. P. 764; Симоненко, 2002. С. 120; Никоноров, 2002. С. 22) происходит в азиатском регионе, от Монголии до берегов Каспийского моря. В частности, в известных ноинулинских курганах были обнаружены седла с передними и задними деревянными луками дуговидной формы, соединенными квадратными в сечении палочками (Руденко, 1962. С. 50. Табл. XXIV, 3). Таким образом, вполне правомерно предполагать связь появления жесткого седла с гуннами (Вайнштейн,

Крюков, 1984. С. 114–130). Как одно из подтверждений этого могут рассматриваться находки костяных луков от жесткого седла в Западном Казахстане (Кушаев, 1978. С. 76–82) и Восточном Приаралье. В последнем случае, наряду с глиняной статуэткой, где изображено твердое седло, они происходят из ранних культурных слоев джетысаарских городищ и, по мнению Л. М. Левиной, связаны с первым проникновением хуннов на эту территорию в I в. до н. э. (Левина, 1966. Рис. 5, 1; она же, 1992. Табл. 23, 58–59; она же, 1996. С. 200–201).

Не остался в стороне от этого процесса и тесно связанный с кочевым миром Боспор, что наглядно демонстрируют памятники изобразительного искусства римского времени. Как справедливо отмечал в свое время Н. И. Сокольский, «на некоторых боспорских надгробиях I–II вв. н. э. можно видеть, что у седла были твердые основа, лука и задник» (Сокольский, 1971. С. 227). Другой точки зрения придерживаются С. И. Вайнштейн и А. К. Амброз, считая, что в первые века нашей эры здесь были распространены исключительно седла мягкого типа (Вайнштейн, 1991. С. 220. Рис. 96, 4; Амброз, 1992. С. 35–37). При этом А. К. Амброз для обоснования своего утверждения ссылался на уже устаревшие исследования В. Гренмана ван Ваатеринге относительно находок кожаных частей седел на территории римских лагерей (Groenman van Waateringe, 1967. Fig. 35, 38, 40, 41), которые, с его точки зрения, наконец-то «внесли ясность в это дело» (Амброз, 1992. С. 36). К сожалению, статьи П. Коннолли, трактующие рассматриваемую проблему иначе (Connolly, 1986. P. 353–355; 1987. P. 7–27; 1988. P. 71–76; 1991. P. 61–66), остались ему неизвестными. А. К. Амброз, впрочем, склонялся к тому, что «в период между II и IV вв. твердые короткие седла с высокими прямыми луками появи-

лись в различных областях Азии и Европы», но вопрос этот остался для него «чисто теоретическим до появления фактических данных» (Амброз, 1992. С. 37). При этом материалы об иранских седлах, приведенные в статьях Р. Гиршмана и Г. Херрманн, также не были использованы (Girshman, 1973. P. 94–103; Herrmann, 1997. P. 757–809)²³. Приемлемый термин, применимый к промежуточной конструкции жесткого седла в период до появления металлических стремян, еще предстоит выработать.

Начало распространения седел нового типа на Боспоре, как и набора вооружения катафрактария, можно связать с аспургианами. В этом отношении безусловный интерес представляет уже упоминавшийся рельеф на стеле Матиана, сына Заидара (Горончаровский, 2001. С. 72. Рис. 1), поскольку копьё всадника в данном случае опирается на четко показанный горизонтальный выступ седла²⁴. Для изготовления подобных седел, несомненно, должен был

²³ Тем же недостатком, т. е. отсутствием знания современной западной литературы по данной проблеме, страдает недавно вышедшая статья Е. В. Степановой о боспорских седлах, в которой она приходит к выводу о том, что нет никаких оснований для датировки жестких седел в Северном Причерноморье временем ранее конца IV–V вв. (Степанова, 2004. С. 231–246). В данном случае, очевидно, имеется в виду классическое жесткое седло с ленточкой и стремянами, которые в рассматриваемый период не использовались. Мы же подразумеваем наличие в жестком седле такой конструкции, в которой применялся деревянный каркас с набивкой, обтянутый кожей. Таким образом, неизбежно обращение к терминологии: что есть мягкое седло, а что жесткое? Е. В. Степанова, видимо, полагает, что до появления стремян жесткий единый каркас был не нужен, мы попытались показать обратное или, точнее, наличие промежуточного варианта. Ведь жесткое седло со стремянами вряд ли могло появиться как *deus ex machina* в античном театре.

²⁴ Это наблюдение сделано автором при осмотре надгробия на экспозиции Темрюкского музея в 1999 г.

1

2

Рис. 75. Мраморная стела Аполлония и Антипатра, сыновей Панталеонта, из Горгиппии: 1 — верхний рельеф; 2 — нижний рельеф

использоваться деревянный каркас. К сожалению, задняя часть седла на рельефе закрыта колчаном и закрепленным рядом с ним луком «гуннского» типа со спущенной тетивой. Наличие последней детали говорит о том, что конный воин изображен на марше, а не изготовившимся к бою.

Другой тип седла мы видим на мраморной стеле начала I в. н. э., поставленной на могиле сыновей Панталеонта из Горгиппии (Горончаровский, 2002. С. 184–189). В верхней части надгробной плиты

находится рельеф с изображением всадника, обращенного влево (рис. 75, 1). Молодой воин сидит в седле, имеющем вертикальный, слегка загнутый внутрь передний выступ с краем, выделенным рельефным валиком. За спиной у него — горит с луком «скифского» типа и стрелами. На нижнем рельефе присутствует безбородый всадник с таким же вооружением. В поводу он ведет двух оседланных длинноногих коней с седлами, имеющими вертикальные выступы и слегка выпуклую поверхность (рис. 75, 2). При этом у первого коня из-под седла свешивается попона со схематично переданными складками. Ближайшей аналогией в данном случае являются массивные парфянские седла с вертикальными передними и задними выступами, известные по терракотовым статуэткам и рельефу рубежа нашей эры в храме Баалшамина в Сиа (Ghirshman, 1973. P. 10, 103. Fig. 6; Secunda, 1994. P. 78, Fig. 61) (рис. 76). Другой пример изображения раннего парфянского седла происходит из «Квадратного зала» Старой Нисы, где был найден фрагмент росписи батального фриза, получивший название «Беглец»: безбородый юноша со щитом, утыканным стрелами, сидит в седле с изогнутыми роговидными выступами, под которым попона голубого цвета (Пилипко, 2001. С. 278. Табл. VI, 3)²⁵. Еще один восточный тип седла — мягкого — в виде вогнутой подушки с плавно приподнятыми округлыми выступами (Пилипко, 1996. С. 69. Табл. 45; Gall, 1997. S. 246. Abb. 2, 1–3) — засвидетельствован на некоторых боспорских фресках и надгробных стелах (АДЖ. Табл. LI, LXXXIX; Десятчиков, 1972. С. 76). Такое седло могло использоваться как всадниками в облегченном доспехе, так и легкой конницей

²⁵ Сводку изображений седел «рогового» типа на памятниках раннепарфянского и сасанидского искусства см.: Herrmann, 1989. P. 757–809.

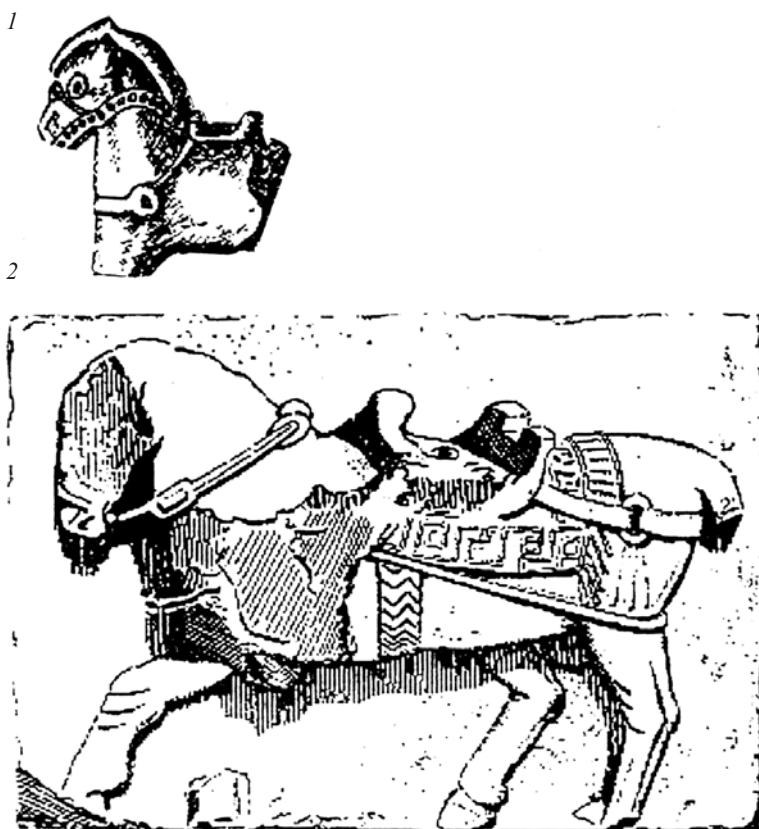

Рис. 76. Изображения седел с вертикальными выступами в парфянском искусстве: 1 — терракотовая статуэтка из Маджид-и-Сулейман; 2 — рельеф из храма Баалшамина в Сиа.

для маневренной стрельбы из лука на полном скаку.

Тип седла с так называемыми «рогами» получает применение в римской кавалерии, возможно, уже со времени военных конфликтов с Парфией. Наличие роговидных выступов на седле кельтской лошади с памятника Юлия в Сан-Реми, датируемого периодом около 40 г. до н. э., может свидетельствовать о том, что сходные процессы шли и на территории расселения кельтов. Впрочем, вряд ли можно предполагать, вслед за П. Коннолли, их приоритет в этом отношении (Connolly, 1981. P. 235).

Реконструкция римского седла из Валькенбурга в Голландии (Connolly, 1987.

P. 7 ff.; Nyland, 1993. P. 45–49), имевшего в основе обтянутый кожей деревянный каркас с набивкой (рис. 77), продемонстрировала на практике удивительно высокую эффективность «рогов», компенсировавших отсутствие стремян. Они давали хорошую поддержку для основания спины и бедер всадника, обеспечивали большую устойчивость в момент копейного удара и позволяли не испытывать неудобства в применении длинного меча или лука. В условиях конного боя все это, соответственно, повышало возможности воина, который мог чувствовать себя в седле достаточно уверенно и, в случае необходимости, далеко отклонять в сторону корпус и руки,

державшие оружие. Для придания таким седлам большей жесткости «рога» могли быть дополнительно укреплены повторяющимися их форму бронзовыми пластинами, подобными найденным в римской крепости конца I в. н. э. Ньюстид в Шотландии (Dixon, Southern, 1997. P. 73. Fig. 43). Интересно отметить, что упомянутой реконструкции П. Коннолли почти полностью соответствуют седла, изображенные на постаменте мраморного надгробия первой половины I в., принадлежавшего Фаллону, сына Пофа, из некрополя Горгиппии (Вайнштейн, 1991. С. 219. Рис. 96, 4) (рис. 78). Седло с невысокими «рогами», слегка наклоненными вперед и назад, если это не фантазия копииста (Амброс, 1992. С. 35), мы видим и в росписи первой камеры склепа, открытого в 1841 г. (АДЖ. Табл. LXXXVIII, 1).

Впрочем, большинство боспорских рельефов с изображениями всадников, начиная со второй половины I в., демонстрируют своеобразный местный тип «глубокого» седла, плотно прилегавшего к спине коня (Горончаровский, 2001. С. 86–88; он же, 2002. С. 184–189). У него до-

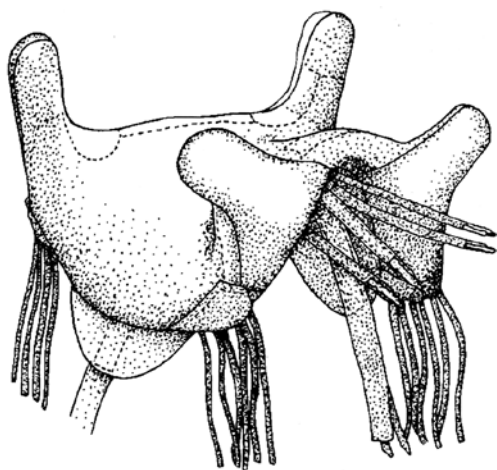

Рис. 77. Реконструкция римского седла из Валькенбурга (по П. Коннолли)

вольно массивная передняя часть, завершающаяся ярко выраженными округлыми выступами, загнутыми внутрь по форме бедра и защищавшими нижнюю часть туловища воина (К-В, № 640; Шкорпил, 1917. С. 113; Гайдукевич, 1949. С. 385. Рис. 64; Иванова, 1961. Рис. 55, 72). Спускающиеся вниз в передней части седла кожаные лопасти прикрывали подпружный ремень, чтобы он не терся о ноги всадника. Обычное изображение седла в профиль, как правило, не позволяет уверенно судить о том, как выглядела его задняя часть: имеются ли здесь простые вертикальные выступы или сплошная лука. Впрочем, в существовании на Боспоре такой детали седла убеждают относящийся к тому же времени фрагмент надгробия I–II вв. из собрания Темрюкского музея (рис. 77) (Горончаровский, 2002. С. 185. Рис. 2, 1) и терракотовая статуэтка всадника из слоя середины III в. на поселении Артезиан (рис. 78). В последнем случае всадник сидит в массивном седле с высокой вертикальной задней лукой дуговидной формы (Винокуров, 2002. С. 74–77. Рис. 4). К сожалению, детали устройства передней части седла оказались не столь интересными для местного коропласта. Все же сомневаться, что здесь изображено именно жесткое седло, не приходится.

Крепились боспорские седла с помощью нагрудного и подхвостного ремней, иногда украшенных фаларами²⁶, и подпруги, обычно изображавшейся выходящей из-под ленчика. В данном случае она должна была крепиться к деревянной основе, иначе невозможно обеспечить усложнен-

²⁶ Замечание Е. В. Степановой об отсутствии фаларов на рельефах боспорских надгробий, что она пытается объяснить местной греческой традицией (Степанова, 2004. С. 243), не совсем корректно. Достаточно взглянуть на рельеф надгробия Менофила, сына Демострата (Рис. 24, 1)

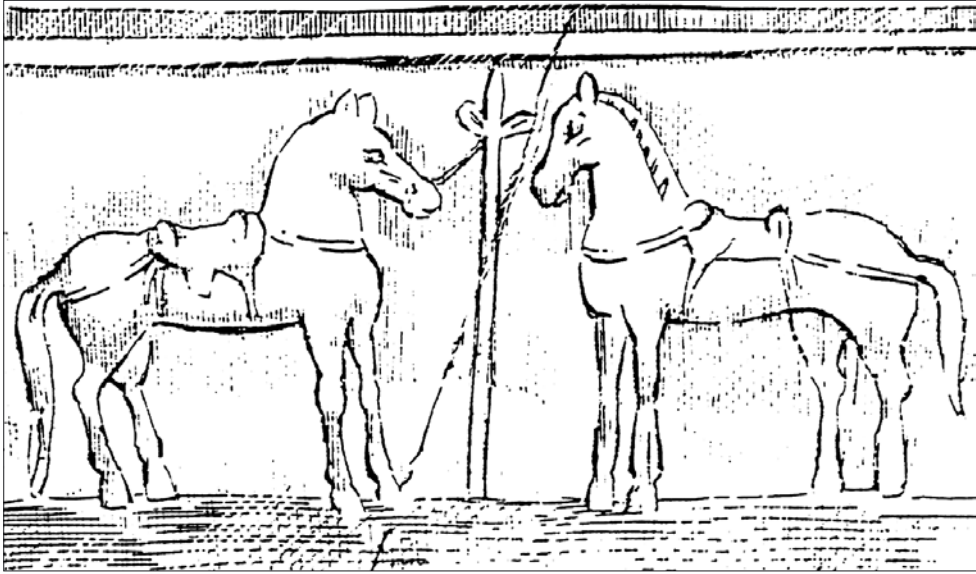

Рис. 78. Постамент надгробия Фаллона, сына Пофа, с изображением оседланных лошадей. Горгиппия. I в.

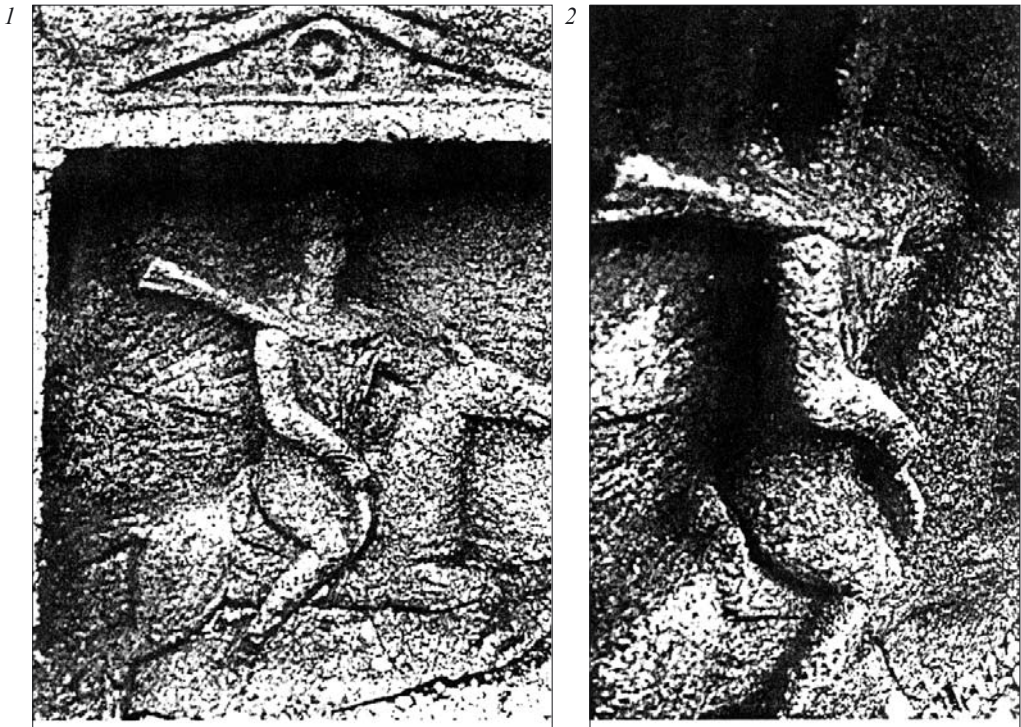

Рис. 79. Обломок надгробного рельефа I–II в. из Темрюкского музея:
1 — общий вид; 2 — деталь задней части седла

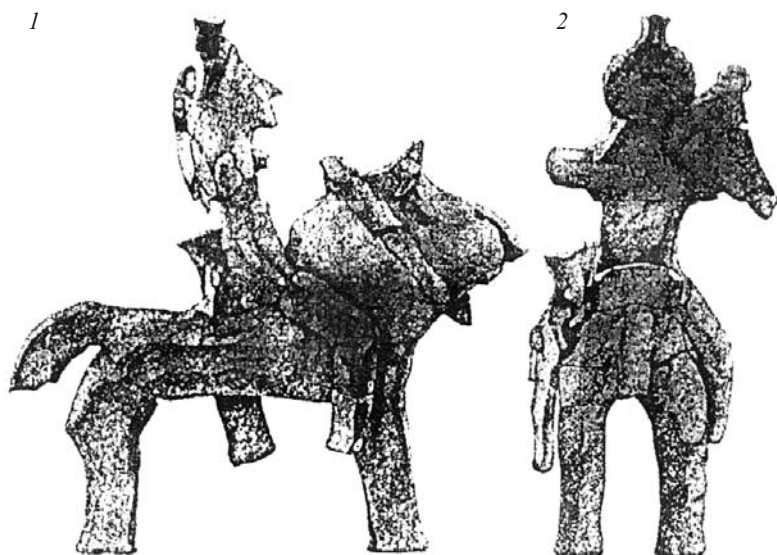

Рис. 80. Терракотовая статуэтка всадника из слоя III в. на городище Артезиан в Крымском Приазовье (по Н. И. Винокурову):
1 — вид сбоку; 2 — вид сзади

ную геометрию седла с высокими луками (Симоненко, 2002. С. 120–121). Косвенным доводом в пользу подобной конструкции боспорских седел является появление на многих надгробных рельефах первых веков н. э. изображений коней с нахвостниками (АДЖ. Табл. XXXIV, 1–2; Иванова, 1961. Рис. 55; Десятчиков, 1972. Рис. 1–3; Савостина, 1992. С. 382, 385, 386. № 31, 39, 40, 41; Матковская, 1992. Табл. II, 4; V, 7), в обычной кочевнической практике препятствовавшими сдвигу жесткого седла вперед и, соответственно, предотвращавшими потертость холки (Симоненко, 2002. С. 121). Довольно часто в задней части седел имеются три свешивающихся полоски (К-В, 575, 599–600, 619; Гайдукевич, 1949. С. 339. Рис. 56; БНР, № 46, 47, 52), которые являлись просто декоративным элементом либо использовались как тороки (Трейстер, 1994. С. 190) для закрепления каких-либо предметов. Например, с помощью одного из таких ремешков приторочена к седлу круглая фляга на стеле

Афения, сына Мены (Десятчиков, 1972. Рис. 1, 3).

Таким образом, имеющиеся данные о конструкции седел, использовавшихся на Боспоре с конца I в. до н. э., позволяют говорить об их известном своеобразии, несмотря на элементы восточного происхождения. Развитие этого вида снаряжения верхового коня протекало здесь в тесной связи с развитием форм седла в степной зоне Евразии.

1.3. Пехота

Данных о боспорских пехотинцах римского времени не так много и все же вряд ли оправданна слишком пессимистичная, на наш взгляд, фраза, которой открывается состоящий всего лишь из небольшого абзаца раздел «Пехота» во второй части книги М. Мельчарека «Армия Боспорского царства»: «Об организации

боспорской пехоты в первые века н. э. мы не знаем практически ничего». (Mielczarek, 1999. P. 88). Прежде всего, можно отметить, что как и конница, боспорская пехота делилась на тяжелую и легкую, объединявшуюся на поле сражения в рамках отдельных отрядов. При этом воины в защитном доспехе, видимо, выдвигались в передовую линию. При всей условности изображения именно так можно расценивать фрагмент росписи пантикапейского склепа 1872 г. (АДЖ. Табл. LXXXI, 2; Ср.: Блаватский, 1954. С. 146–147; Mielczarek, 1999. P. 218), где представлен на марше небольшой военный отряд (рис. 81). Во главе его тяжеловооруженный воин в каркасном шлеме и длинном, до колен, чешуйчатом панцире поверх кафтана с длинными рукавами. Слева трое легковооруженных пехотинцев с плоскими овальными щитами, каждый из которых держит в левой руке два копья одинаковых размеров, а справа имеет подвешенный на поясе короткий меч. Ношение коротких мечей справа на манер римских гладиусов является не единственной деталью, демонстрирующей римское влияние на военное дело Боспора. Обращает на себя внимание следующий момент: перед отрядом воинов шествует облаченный в защитный доспех знаменосец²⁷, который держит в руках вексиллум — войсковой штандарт в виде копья с прикрепленным к перекладине прямоугольным куском материи с кистями. Такие «знамена», выполнявшие две основные функции — сакральную и тактическую, — использовались в римских вспомогательных войсках в качестве знака когорты (Колобов, 2001. С. 38–44). Единственный сохранившийся образец такого знака датируется III в.

н. э. и происходит из Египта, где уникальные климатические условия обеспечивают прекрасную сохранность многих древних изделий из органических материалов. Это льняное полотнище алого цвета размерами 50 × 47 см, на котором изображена богиня победы — Виктория, стоящая на земном шаре (Rostovtzeff, 1942. P. 92–106.). Правой рукой она протягивает лавровый венок, а в левой держит пальмовую ветвь. Обычно такие штандарты увенчивались металлическим навершием в виде бронзовой фигурки орла или животного — покровителя данной воинской части.

Присутствие на боспорской фреске воинского знака, характерного для римлян, не должно вызывать удивления. Ведь уже Митридат VI Евпатор пытался заимствовать совершенную для своего времени тактику римской пехоты, в которой быстроту маневра обеспечивала такая структурная единица, как когорта (Масленников, 1990. С. 144). Для созданных им подразделений нового образца могли использоваться принятые в римском войске значки, поскольку с их помощью легче было управлять войсками в бою. В отношении распространения в Причерноморье этого времени практики использования подобных эмблем интересно сообщение Луция Флора о том, что фракийский царь Реметалк, пришедший к власти в 11 г. до н. э. «приучил варваров и к военным значкам, и к дисциплине, и даже к римскому оружию» (Flor. XXVII. 17). Видимо, тогда же под влиянием римского военного костюма в царских мастерских начинается производство поясных наборов, подражающих изделиям из провинций Германия и Реция. Что касается римского вооружения, то хотя у Тацита в описании войны 45–49 гг. н. э. с мятежным царем Митридатом VIII мы находим упоминание об оснащенных им боспорцах, но, судя по археологическим данным, оно не получило широкого распространения

²⁷ М. Мельчарек считает, что здесь изображено знамя всей армии, поскольку на фреске смешаны два рода пехоты (Mielczarek, 1999. P. 89).

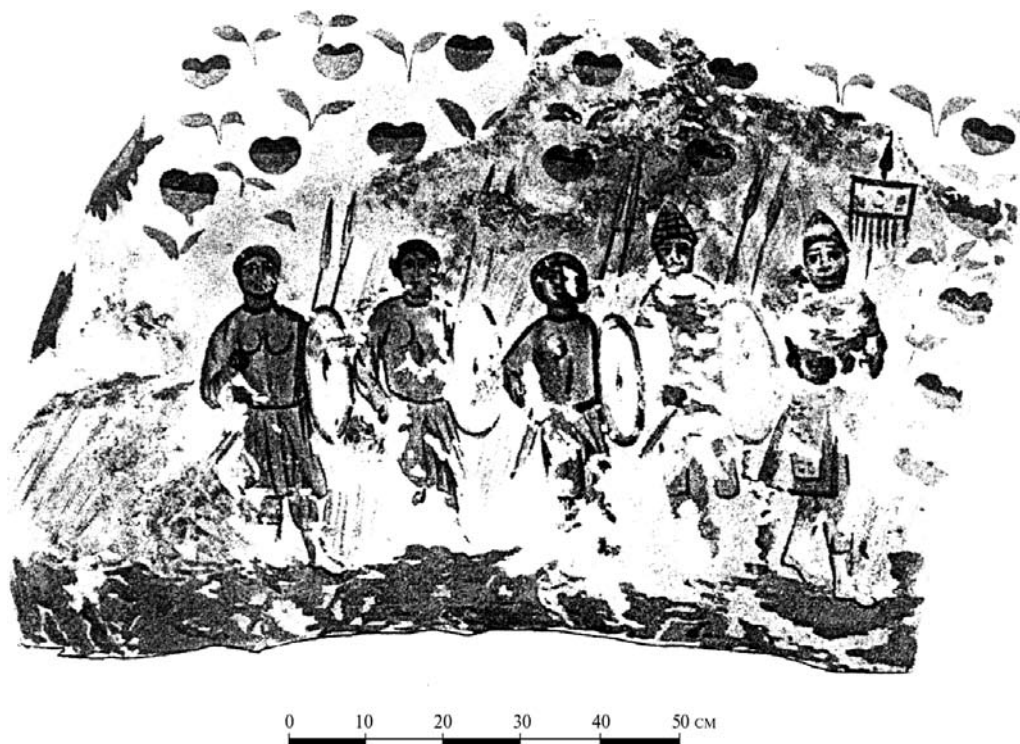

Рис. 81. Боспорские воины. Фрагмент росписи Стасовского склепа 1872 г.

на территории этого царства. Отдельные образцы римского оружия могли поступать на Боспор в период подготовки совместных военных действий с римской армией или благодаря торговле. Возможно, какую-то роль в этом отношении играли и боспорцы, отслужившие во вспомогательных войсках, размещенных в различных областях Римской империи — Малой Азии, Сирии, Мезии, Дакии, Верхней Паннонии и Германии (Holder, 1980. P. 229, 266–267; Mielczarek, 1999. P. 98).

Судя по изображениям на надгробных рельефах, в обычный набор вооружения боспорского пехотинца входили только копья и щит (ср.: Иванова, 1961. Рис. 67, 83, 84; БНГ. № 27, 40; CIRB-album. № 81, 260, 343, 348, 383, 422, 465, 499, 505, 520, 522, 537, 567, 606, 657, 662, 712). Гораздо реже встречаются фигуры воинов с луками «скифского» типа, которые также, несомненно, входили в состав пехотных подразделений (см.: БНГ. № 51; CIRB-album. № 80, 88, 400).

Глава 2 НАСТУПАТЕЛЬНОЕ И ЗАЩИТНОЕ ВООРУЖЕНИЕ

Период около рубежа нашей эры стал для обитателей евразийских степей временем поиска и разработки новых форм оружия дистанционного боя — лука и стрел, рубяще-колющего оружия, использовавшегося в ближнем бою, и усовершенствования защитного доспеха, что объясняется все большим применением в военных действиях отрядов тяжеловооруженной конницы. Естественно, этот процесс не мог не затронуть территорию Боспорского государства, находившегося в контактной зоне с племенами, являвшимися частью бескрайнего кочевого мира и служившими активными ретрансляторами достижений в области военного дела. Находки предметов боспорского вооружения достаточно информативны, особенно в сочетании с изобразительными данными и сравнительным анализом материалов из сарматских погребений первых веков нашей эры.

2.1. Наступательное вооружение

Мечи. Как уже отмечалось, постоянные военные столкновения с кочевниками способствовали повышению роли конницы в боспорской армии, а это, в свою очередь, привело к заимствованию ряда новшеств из военной практики сарматов, например, широкому распространению длинных мечей без металлического навершия. Среди них, если следовать класси-

фикации А. М. Хазанова, выделяются пять типов мечей, из которых к интересующему нас периоду относятся только три (Хазанов, 1971. С. 17).

Самый ранний **тип 1**, известный в Китае, по крайней мере с III в. до н. э. (Skripkin, 2003. S. 12. Taf. 1, 4,5), а в Средней Азии со II в. до н. э., представлен длинными мечами с коротким прямым железным, иногда бронзовым, перекрестьем, имеющим в сечении овальную или ромбическую форму (Хазанов, 1971. С. 19–21). С I в. до н. э. такие мечи появились в погребальных комплексах Прикубанья (Марченко, 1996. С. 231. Рис. 12), и, видимо, именно они были первоначально заимствованы боспорянами в сарматской кочевой среде. Показательно, что самая ранняя находка длинного меча на Боспоре, правда, без фрагмента, который позволил бы судить о его типе, связана с азиатской частью государства. Она происходит из могилы I в. до н. э., открытой в некрополе Фанагории (Сокольский, 1954. С. 155. Табл. V, 1; Марченко, 1956. С. 121). Длина меча — около 0,75 м. Штырь рукояти заканчивается шляпкой, под которой сохранились остатки деревянного навершия (рис. 72, 1). Определенный интерес представляет и находка резного навершия меча из кости в резиденции Хрисалиска, видимо, одного из аспургианских вождей, близких к царю Асандру (Сокольский, 1976. С. 95. Рис. 47, 1). Она расположена всего в 18 км к северо-востоку от Фанагории и погибла около 14/13 г. до н. э., в период борьбы понтийского царя Полемона за утверждение своей власти на Боспоре (Сокольский, 1976. С. 108).

Отметим также, наличие прямого перекрестья у меча всадника на неопубликованном фрагменте известняковой стелы из Керченского музея (КЛ-1276). Ту же деталь изобразил художник, копировавший фреску из склепа Анфестерия (АДЖ. Табл. LI, 6),

Рис. 82. Боспорские мечи I—III вв. н. э.
1, 2 — некрополь Фанагории; 3, 4 — некрополь Илурата

хотя меч у него получился весьма напоминающим слабо изогнутую саблю, что для этого времени совершенно невозможно.

Наиболее распространенными на Боспоре и в Прикубанье в I—II вв. были мечи типа 2 с треугольным основанием клинка длиной от 70 до 112 см (рис. 82, 2, 3), плавно переходящим в рукоять-штырь длиной

0,19–0,23 м. В сечении клинка этого типа — линзовидные или слегка уплощенные, с плавно сужающимся к острию концом. Ширина их колеблется в пределах 3,5–5 см (Хазанов, 1971. С. 20–21). Они употреблялись и пехотинцами, и всадниками, но в последнем случае, видимо, обычными были мечи длиной около 1 м и более. Это обусловлено тем, что подобное оружие предназначалось для нанесения прямого рубящего удара с коня и функционально должно было быть достаточно длинным. Так Тацит, описывая события 69 г. в Мёзии, упоминал длиннейшие мечи сарматских всадников (Tac. Hist., I, 79). В данной связи уместно упомянуть и другой, более ранний, пример использования длинных мечей. Имеется в виду сообщение Тита Ливия о наличии в армии Селевкидов арабских воинов, сражавшихся на верблюдах и вооруженных узкими мечами 4 локтей в длину (около 1,8 м), чтобы поражать врагов даже с большой высоты (Liv. XXXVII, 40, 12). К концу I в. большой всаднический меч становится обычным предметом вооружения для жителей античных городов Северного Причерноморья (Dio Chrys. XXXVI. 7).

Длина и большой вес меча обеспечивали эффективность его удара в столкновении с вражеской пехотой. Той же цели служила большая рукоять. Если такой меч держали одной рукой, то центр тяжести приближался к ней (Хазанов, 1971. С. 16 сл.). В случае необходимости всадник мог взять меч и в обе руки (Tac. Hist., I, 79). Для мечей, найденных в Пальмире, длина рукояти составляет как минимум 25 см. Впрочем, ее реальные размеры могли быть и больше. Дело в том, что в непо потревоженных сарматских погребениях Подонья, связанного с Боспором через Танаис, навершия мечей, как правило, находятся в некотором отдалении от конца штыря рукояти, представлявшего собой единое це-

лое с клинком. Поскольку их крепили, забивая штифт через отверстие в центре (ср.: Гущина, Засецкая, 1994. С. 53. Табл. 20, 186; там же. С. 57. Табл. 26, 247), можно предполагать, что общая длина рукояти была на 6–11 см больше самого штыря, то есть в пределах 0,25–0,34 м. Отметим, что находки наверший мечей в других регионах, связанных с сарматами, достаточно редки, что, очевидно, объясняется более дешевым, а следовательно, и менее долговечным материалом, из которого они изготавливались, например, из дерева. В одном случае, вероятно, считавшееся ценным халцедоновое навершие меча, помещенного в могилу, было даже склеено смолой (Хазанов, 1971. Табл. XIV, 5). Для Боспора, наоборот, отмечается особенно большое разнообразие в отношении таких наверший. Они имеют самую различную форму: усеченного конуса, полусферическую, линзовидную, овальную в сечении и цилиндрическую. Для их изготовления обычно использовались стекло и стеклянная паста (Грач, 1999. С. 167. Рис. 82), полудрагоценные камни (халцедон, топаз, агат, оникс), янтарь и кость (см., напр.: Ростовцев, 1925. С. 238). В отдельных случаях известны навершия в полихромном стиле: из полудрагоценных камней, дополненных золотой или серебряной оправой (см., напр.: ОАК за 1862 г. С. XIV — халцедоновое навершие в золотой оправе с 9 рубинами; ср.: Ростовцев, 1925. С. 231, 236, 271). Эти новые элементы в оформлении рукоятей мечей определенно свидетельствуют о вкладе Боспора в развитие их декора (Ростовцев, 1918а. С. 51–52; Хазанов, 1971. С. 21; Šarov, 2003. S. 38).

Собственно рукоять меча обычно изготавливалась из дерева, и в месте перехода к клинку образовывала короткое округлое расширение, заменявшее перекрестье. Существование его не вызывает сомнений, поскольку эта деталь оформления рукояти

мечей представлена в изображении воина на расписном саркофаге, обнаруженном в 1900 г. (АДЖ. Табл. ХСIII, 1), и на многих пантикапейских надгробных рельефах (К-В, N 631, 633, 634, 640, 642, 647, 669, 670, 683, 705, 725; БНР. Кат. 53).

Мечи **типа 3** имеют прямое основание клинка, в сечении, как и у типа 2, близки к линзовидному, но они более массивны, шириной 4,5–5,5 см. На рукояти, почти прямоугольной в сечении, как правило, имеются отверстия для крепления костяных или деревянных накладок. На Боспоре такие мечи, видимо, появились под влиянием двух независимых традиций — сарматской, распространенной в Подонье и на Кавказе, и «германской», привнесенной из Центральной и Северной Европы (Вознесенская, Левада, 1999. С. 253). И. П. Засецкая, анализируя мечи с прямым основанием клинка из Северо-Восточного Причерноморья, отмечала отличия по ширине лезвия и форме острия между ними и крымскими образцами оружия данного типа, и предполагала для последних позднелатенское влияние (Засецкая, 1994. С. 26–28). Так или иначе, хронологически более ранними представляются мечи типа 3, связанные с Прикубаньем, где они известны со II в., как в сарматских погребениях (Ждановский, 1984. С. 80. Рис. 1, 44; Марченко, 1996. С. 57–58. Рис. 12), так и в грунтовых меотских могильниках (Ждановский, 1975; Лимберис, 1983; Марченко, 1981).

Очевидно, не случайно боспорский меч типа 3, датирующийся Н. И. Сокольским временем не позднее II в., найден в азиатской части государства, в камере № 2 склепа № 3 у косы Тузлы на Таманском полуострове (Сокольский, 1954. С. 158. Табл. VII, 1). Его длина с учетом плохой сохранности достигала 0,8 м, при ширине клинка в основании — 0,045 м. На рукояти, завершавшейся цилиндрическим навершием из

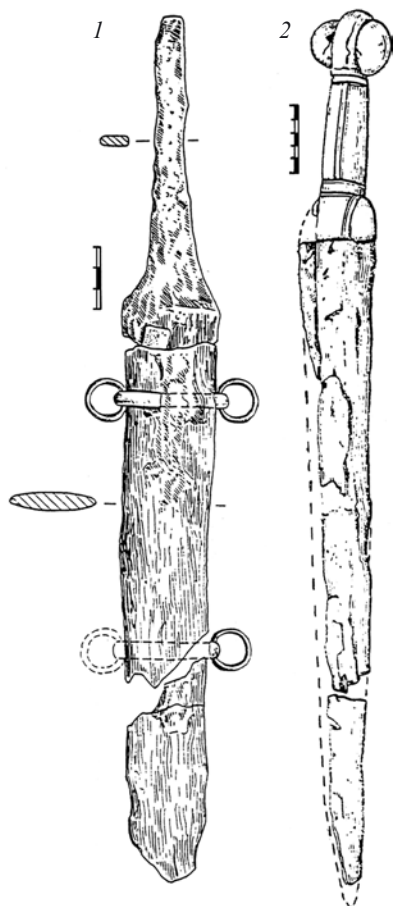

Рис. 83. Короткие мечи I–II вв. из раскопок некрополя Горгиипии:

1 — гладиус с металлическими деталями крепления ножен; 2 — меч с костяной рукоятью

белой пасты, сохранились остатки деревянной обкладки, прикреплявшейся железной заклепкой. Как выглядел меч рассматриваемого типа, можно видеть на надгробии Газурия из Херсонеса, датирующемся вторым десятилетием II в. (Кадеев, 1985. С. 69). В составе панοπлии здесь присутствует меч с небольшим перекрестьем, вложенный в ножны с прямоугольным устьем, украшенные геометрическим орнаментом (Соколов, 1973. С. 147. Илл. 157). Более поздняя разновидность мечей типа

3 представлена экземпляром из разграбленного воинского захоронения, датирующегося временем около середины III в., в катакомбе № 21 верхнего некрополя Илурата. Он имеет массивный клинок шириной 5,5 см, линзовидный в сечении (рис. 80, 4). Общая длина меча — 1,03 м, штыря рукояти, которая, судя по остаткам тлена и двум заклепкам, была деревянной — 0,16 см (Горнчаровский, 1998. С. 87–89).

Уникальной не только для территории Боспора, но и для Северного Причерноморья,¹ является недавняя находка в некрополе Горгиипии гладиуса (рис. 83, 1) (Горнчаровский, Тихонова, 2006. С. 121–124). Размещение его с левой стороны от погребенного не соответствует общепринятой традиции ношения такого оружия у римлян. В то же время отступление от нее у римских солдат зафиксировано Иосифом Флавием для периода Иудейской войны 66–70 гг.: «Пешие воины оснащены панцирями и шлемами и на каждом боку имеют по мечу, из которых более длинный расположен слева...» (Jos. Fl. Bell. Jud., III. 5).

Штырь рукояти меча из Горгиипии, постепенно расширяющийся к основанию клинка, имеет длину 13,8 см. От самой рукояти, изготовленной из дерева, остался фрагмент ее бронзовой оковки, зафиксировавший ее ширину — 3 см. Сам клинок практически одинаковой ширины (4–4,4 см) при сохранившейся длине 27,8 см первоначально имел явно большие размеры, не менее 40–55 см. Об этом можно судить по положению скреплявших ножны двух

¹ До сих пор были известны только металлические детали и костяные бутеролы ножен римских мечей, найденные в Тире, Ольвии, Херсонесе, в святилище у перевала Гурзуфское седло и в Прикубанье (Черненко, Зубарь, Сон, 1989. С. 250–252; Сон, Назаров, 1993. С. 121–122; Беглова, Эрлих, 1998. С. 173–176; Зубарь, Антонова, 2001. С. 122–124; Дорошко, 2004. С. 49–53).

гладких бронзовых скоб с кольцами для подвешивания (ср.: Новиченкова, 1998. С. 52. Рис. 1, 4; 2002. С. 81. Рис. 35, 4, 5; Дорошко, 2004. С. 51. Рис. 2), расположенными на расстоянии 11,2 см друг от друга. Три сохранившихся кольца имеют внешний диаметр 2,1 см и внутренний — 1,6 см. Общая длина одной из скоб, сохранившейся целиком, составляет 5,4 см, а ширина — 0,8 см. Судя по ее форме и фиксирующейся ширине ножен, меч относится к так называемому «помпейскому» типу и датируется серединой-концом I в. (Curle, 1911. P. 183; Braat, 1967. Taf. 2,3; Ulbert, 1969. S. 196. Taf. 17, 21; Connolly, 1981. P. 232–233).

Близок к римскому гладиусу другой короткий меч из того же некрополя (рис. 83, 2), найденный в погребении I–II вв. вместе с фрагментами костяных ножен (Кругликова, 1982. С. 120–121. Рис. 3, 1). На его костяной рукояти, имеющей трехчастную форму, покоилась кисть левой руки погребенного. В этой связи определенный интерес представляет рельеф I в. н. э., изображающий триаду пальмирских богов в виде военачальников высокого ранга. Их одежда и вооружение римского образца переданы детально и с большой тщательностью. Каждый из персонажей рельефа держит левую руку на рукояти меча трехчастной формы². При этом меч, размещенный слева, подобно гладиусу имеет на ножнах крепления из двух скоб с кольцами (Чубова и др., 1985. С. 95. Рис. 45). Сохранившийся большей частью остроконечный клинок горгиппийского меча имел длину около 50 см при ширине около 5 см у основания.

Клинки боспорских мечей часто сохраняют следы ножен в виде тонкого слоя от-

печатков древесных волокон. На уже упоминавшемся мече из Фанагории они были окрашены в белый цвет, для сарматских мечей известна красная окраска (Хазанов, 1971. С. 24), которая могла употребляться и на Боспоре. В отдельных случаях ножны обтягивались кожей (Шкорпил, 1905. С. 1 сл. № 84) или, возможно, целиком делались из этого материала.

Как уже отмечалось, боспорские мечи обычно носили с левой стороны. Для длинных мечей в отдельных случаях использовался портупейный ремень, прикрепленный к поясу. В данном варианте для подвешивания ножен применялись специальные скобы, получившие широкое распространение от Китая до Европы (Grousdales, 1975. P. 38–117). Подобные приспособления часто изготавливались из нефрита, жадеита и халцедона (Хазанов, 1971. С. 25 сл. Табл. XV), но не исключено, что, по крайней мере, для некоторых портупейных скоб использовался и более дешевый материал — дерево. Так или иначе, но их изображения присутствуют на целом ряде боспорских надгробий (К-W, N 647, 663; КЛ-1986). Наряду с находками из корейских гробниц и кочевнических погребений Поволжья (Хазанов, 1971. Табл. XIV, 9; XV) они демонстрируют, что скобы через отверстие в их центре прикреплялись в верхней части ножен на расстоянии около 1/3 их длины от устья. В данном случае портупейный ремень пропускался через промежутки между концами скобы и самими ножнами. В результате меч мог свободно скользить по нему, а в случае надобности легко снимался, так как портупея, видимо, крепилась к нему при помощи пряжки. Отмечены случаи, когда пояс и портупея для меча украшались бронзовыми, серебряными или золотыми бляшками, образуя металлический набор (Шкорпил, 1907. С. 58; ОАК за 1874. С. XI; Ростовцев, 1925. С. 231). Иногда меч подвешивался на рем-

² По любезному сообщению Т. Н. Смекаловой, полностью соответствующий этому изображению меч найден при раскопках в Египте в 2006 г.

Рис 84. Надгробие Феагена, сына Гермогена. Ахиллий. Конец I в.

не, перекинутом через правое плечо, как это можно видеть на одном из надгробных рельефов середины I в. н. э. (К-В, N 232). Аналогичный способ ношения мечей за правым плечом зафиксирован в нескольких курганных захоронениях первых веков н. э. в Восточном Приаралье, где остатки рукояти лежали под правой ключицей погребенных (Левина, 1996. С. 196). Впрочем, отмечен и другой, чисто боспорский способ, когда длинный меч пристегивался к

гориту, рукояткой на уровне его верхнего края (Сокольский, 1954. С. 159; Mięczarek, 1999. Р. 92), как например, на стеле Феагена конца I в. н. э. (БНР. С. 62. № 53) (рис. 82), фрагментированном надгробии того же времени, обнаруженном в 1994 г. при рытье траншеи в центре Керчи и еще одной случайной находке — обломке рельефа с изображением всадника (КЛ-1986, КЛ-728), где показано крепление ножен меча к гориту поперечным ремнем. Во всех отмеченных случаях ножны заканчиваются выпуклой бутеролью трапецевидной формы.

Кинжалы. Помимо длинных мечей обычным элементом вооружения боспорских всадников были кинжалы, большей частью имевшие прямое перекрестье и архаичную для I–II вв. форму кольцевого навершия (рис. 85, 1) (см., напр.: БНР. № 46–48)³. Длина кинжалов колеблется в пределах 0,33–0,45 м. Клинок, линзовидный в сечении без продольного ребра, с параллельными лезвиями, заметно суживающимися лишь к острию. Штырь рукояти круглый, иногда овальный в сечении. Сама она обкладывалась деревом или обматывалась ремнем.

Нередко штырь рукояти кинжалов, найденных в погребениях, имел такую же как у мечей типа 2 треугольную форму основания клинка (рис. 85, 2–4) и завершался насаживавшимся на него полусферическим навершием. Оригинальную форму рукояти кинжала — вогнутой в центре, с плавным завершением конической формы (рис. 85, 5) — демонстрирует находка из погребения в резном саркофаге, открытом в анапском склепе 1975 г., датирующемся концом II — началом III вв. (Античные государства Северного Причерноморья, 1984. С. 80).

³ Впервые кинжалы этого типа появились в степях Северного Китая и Внутренней Монголии с V до н. э. (Skripkin, 2003. S. 12).

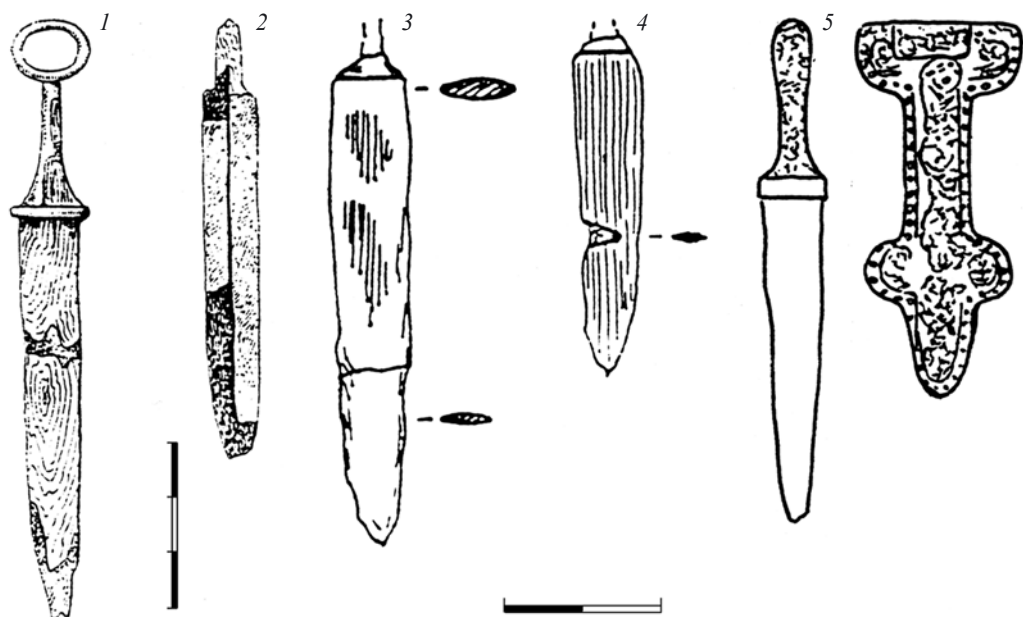

Рис. 85. Боспорские кинжалы I–II в.:

1, 2 — из собрания Керченского музея (по Н. И. Сокольскому); 3, 4 — из раскопок Илурата; 5 — из горгиппийского склепа 1975 г.

Рукоять и ножны, изготовленные из дерева, были обтянуты золотым листом с изображениями павлина и орлов, терзающих зайцев. По краю то, и другое украшено вставками из бирюзы и гранатов. Этот «бирюзово-золотой» стиль близко напоминает изделия, обнаруженные в погребениях кушанских правителей в Тилля-тепе, на территории Афганистана (Сарианиди, 1989. Рис. 32–34; Яценко, 1993. С. 66), что лишний раз демонстрирует определенное единство в отношении престижных вещей на территории степей Евразии и сопредельных с ними регионов. Ножны кинжала повторяют очертания суживающегося клинка и имеют заостренные выступы в районе устья и полукруглые — ближе к основанию. Такие выступы имели вполне определенное функциональное значение. В боспорских надгробных рельефах (рис. 86) ножны нередко изображены пристегнутыми к правому бедру кожаными ремеш-

ками (К-В, N 599, 606, 619 627 etc.). Наиболее детально подобное крепление ножен кинжала показано на статуе правителя Горгиппии Неокла, сына Мойродора (Соколь-

Рис. 86. Надгробие Клеона, сына Клеона. Пантикапей. 1-я пол. I в.

ский, 1954. С. 151. Рис. 6), поставленной в 187 г. его сыном. Этот способ не давал кинжалу болтаться и бить всадника по ноге во время езды. Таким образом расширение или выступы на концах ножен, были функционально оправданными, так как они не позволяли кинжалу выскальзывать из-под ремня. В этом отношении, как и во многих других, боспоряне следовали практике, уже сложившейся в кочевом мире евразийских степей.

Копья и дротики. В отличие от мечей и кинжалов находки наконечников копий, использовавшихся боспорской пехотой и кавалерией, крайне немногочисленны. Видимо, длина копий препятствовала их помещению в могилу, и лишь в отдельных случаях туда клали сломанное копьё или только его наконечник. К тому же часть соответствующих находок утрачена или сохранилась в незначительных фрагментах, что затрудняет их обстоятельное исследование.

Длинное копьё было одним из основных элементов в комплекте вооружения боспорской панцирной кавалерии. Для своего времени оно было чрезвычайно эффективным оружием. Здесь вполне уместно вспомнить характеристику тяжеловооруженных всадников в войске армянского царя Тиграна Великого (95–60 гг. до н. э.): «...вся сила этой броненосной конницы — в копьях, у нее нет никаких других средств защитить себя или нанести вред врагу, так как она словно замурована в свою тяжелую негнущуюся броню» (Plut. Lucull. 28). В описании сражения римлян с парфянским войском при Каррах упоминаются «тяжелые, с железным острием копья, часто с одного удара пробивавшие двух человек» (Plut. Crass. 27). О печальных последствиях столкновения с вражеским катафрактарием повествует и боспорская стихотворная эпитафия Аполлония, сына Аполлония (вторая половина I в. до н. э.), «наткнувшегося на

страшное варварское копьё» (КБН. № 119). Возможно, такой же конец постиг уроженца «венчанной морем Синопы» Менодора, сына Аполлония, от лица которого стихотворная эпитафия второй половины I в. до н. э. — начала I в. н. э. сообщает, что он «изрубил много кровавых вражьих доспехов» и лежит, «пораженный копьем в Боспорской земле» (КБН. № 131).

Собственно на Боспоре этот вид наступательного оружия появился, как показывают стела Матиана и фреска из склепа Анфестерия, достаточно рано. В последнем случае представлена сцена конного выезда умершего, где изображенный за ним оруженосец правой рукой держит на весу пику длиной не менее 4 м, если пропорции изображения хотя бы приблизительно выдержаны (K-W. N 599, 606, 619 627 etc.; Блаватский, 1954. С. 117). Сомнения в существовании столь длинных копий только на основании трудностей обращения с ними (Симоненко, 2002. С. 119) и размеров погребений (Симоненко, 1986. С. 6; Симоненко, 2002. С. 116–118) вряд ли оправданы, так как их могли ломать перед помещением в могилу. Вспомним, что спустя почти полторы тысячи лет пики знаменитой польской тяжелой кавалерии — «крылатых гусар» XVI–XVII вв. — имели длину до 4,5–5 м (Mielczarek, 1993. P. 92), а большие тяжелые копья бухарских всадников 1830-х гг. имели составное древко длиной 6,1 м (Борнс, 1849. С. 484).

Синонимом длинной тяжелой пики, которая была основным оружием катафрактариев, у римских авторов стало сарматское копьё (*contus sarmaticus*). Для региона Северо-Восточного Причерноморья хорошо сохранившиеся экземпляры наконечников копий, которые могли использоваться катафрактариями, известны только в сарматских погребениях Прикубанья (Хазанов, 1971. С. 47. Табл. XXVI, 1,3; Гущина, Засецкая, 1994. С. 46. Кат. 77. Табл. 7,

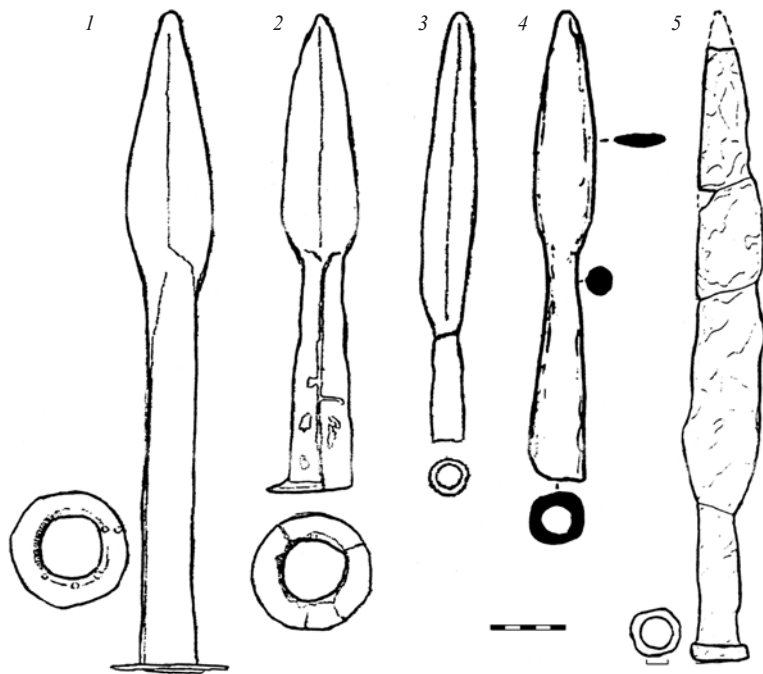

Рис. 87. Наконечники копий I–II в.:
1, 2 — Прикубанье; 3 — Илурат; 4 — Горгиппия; 5 — Приазовье

77). У них короткое массивное листовидное перо и длинная втулка. На конце втулки валик или кольцевидное расширение, которые могли препятствовать слишком глубокому проникновению в тело противника (рис. 87, 1, 2). Другой тип массивного наконечника, имеющего треугольную форму и короткую втулку, мы видим в изображении пики сарматского катафрактария на серебряном кубке из Косики (Дворниченко, Федоров-Давыдов, 1993. С. 154; Трейстер, 1994. С. 180. Рис. 7). Ближайшей аналогией в данном случае являются наконечники копий на стелах Агафа из Фанагории (Иванова, 1961. Рис. 90) Сосибия, сына Диониса, из раскопок городища Артезиан (Винокуров, 2002. С. 85. Рис. 7).

Долгое время на основании изобразительных источников считалось, что в бою катафрактарии использовали так называемую «сарматскую посадку» (Блаватский,

1949. С. 96–100; он же, 1968. С. 44; Перевалов, 1999. С. 307–309), когда всадник бросал повод и разворачивал корпус вправо, держа копье по одну сторону лошади, что совершенно невозможно. Специальные эксперименты показали: чтобы успешно действовать длинным копьем, нужно было или держать его одной рукой подмышкой, не выпуская из другой руки повода, или направлять копье правой рукой, тогда как в левой, поддерживающей древко для нанесения более точного удара, находятся поводья (Markle, 1977. P. 334–337).

Копье могло иметь ремennую петлю у рукояти (АДЖ. Табл. LXXIX), что давало дополнительную возможность быстро извлечь его в случае необходимости или легко вернуть, если оно выпадало из рук. По видимому, иногда применялось и дополнительное крепление копья. Вот как его описывает позднеримский писатель Гелио-

дор, живший на рубеже III–IV вв. н. э.: «...копье ремнем прикреплено к шее коня; нижний его конец при помощи петли держится на крупе коня, в схватках копье не поддается, но, помогая руке всадника, всего лишь направляющей удар, само напрягается и твердо упирается, нанося сильное ранение и в своем стремительном натиске колет кого ни попало» (Helioid. IX, 15).

В любом случае при хватке двумя руками всадник должен был сидеть, развернувшись вправо, левым плечом вперед, и удерживать копье по диагонали через шею лошади, как это показано на сасанидских рельефах со сценами поединков (Hall, 1990. Taf. 3–12). Иначе при столкновении с противником у него не было бы запаса для разворота торса в наиболее устойчивое фронтальное положение, что неизбежно ведет к выбиванию из седла. Что касается

брошенного повода, то и эта деталь «сарматской» посадки абсолютно нереальна. При движении галопом сложные маневры должен обеспечивать постоянный контакт лошади с рукой всадника через повод (Симоненко, 2001. С. 163). Без этого атаковать врага с пикой наперевес, не имея возможности компенсировать отдачу при столкновении, было бы слишком рискованно. В этом случае при особой сарматской посадке, сконструированной В. Д. Блаватским только по изобразительным источникам, воина, сидящего без стремян, просто снесет с седла (Симоненко, 2002. С. 110–119), даже если оно имеет роговидные выступы или заднюю луку.

Боспорские пехотинцы в походном варианте имели при себе два копья, длина которых, судя по росписям склепа, открытого в 1872 г., и надгробным рельефам пер-

Рис. 88. Надгробие Дионисия и Аристиды. Пантикапей. II в.

вых веков н. э. (рис. 88), составляла около 2,2–2,7 м. Известные нам типы наконечников копий довольно сильно отличаются друг от друга.

Тип 1. Наконечники копий с узким ланцетовидным пером. Представлены наконечником копья из воинского погребения № 38 (вторая половина II — начало III в.) в нижнем некрополе Илурата (Горнчаровский, 1998. С. 87–88). При общей длине 39 см он имеет узкое перо длиной 28 см и шириной 4,8 см, ромбовидное в сечении,

со слабо выраженным продольным ребром (рис. 87, 3). Втулка с внутренним диаметром всего 2,3 см предназначалась для довольно тонкого древка. Судя по всему, такие копья были приспособлены для пробивания защитного доспеха и давали пехотинцам возможность отражать натиск вражеской тяжеловооруженной конницы.

Тип 2. Наконечники копий с листовидным пером и длинной втулкой. Представлен наконечником копья первой половины III в. из Горгиипии (Алексеева, 1997. Табл.

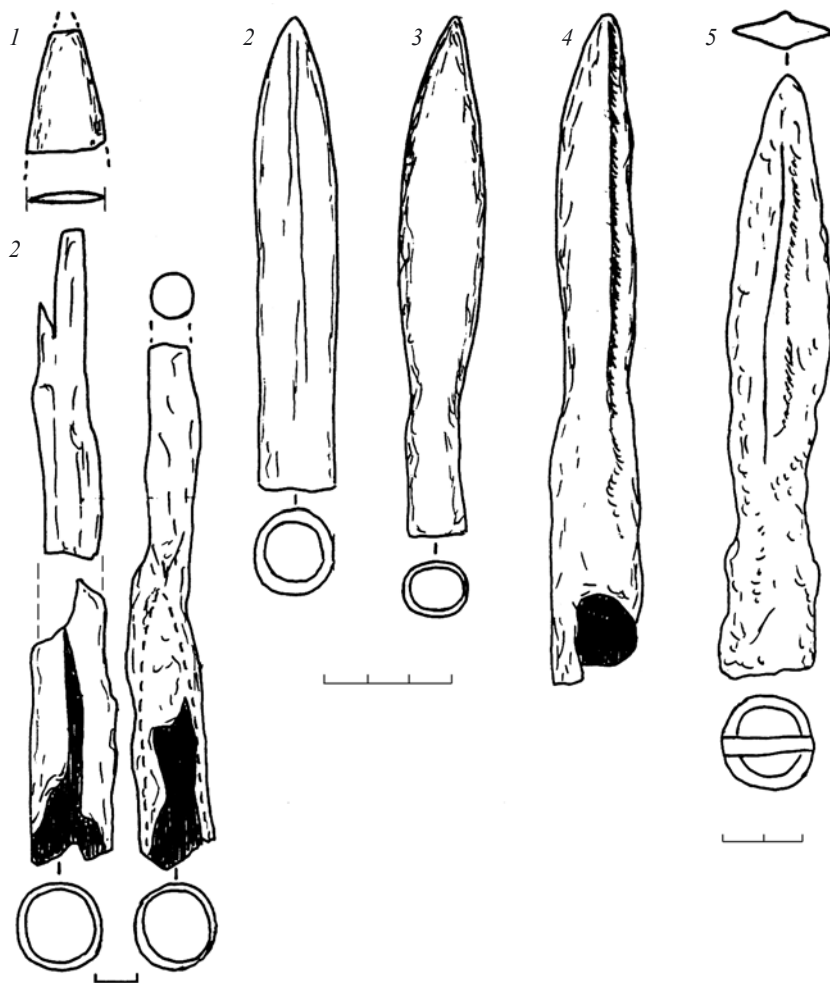

Рис. 89. Наконечники дротиков II–III вв.:

1, 2 — некрополь Золотое; 3–5 — поселение Семеновка; 6 — из Танаиса

120, 16). Длина пера, линзовидного в сечении, практически равна длине втулки при общей длине 24 см (рис. 87, 4). Внутренний диаметр втулки — 1,7 см.

Тип 3. Наконечники копий с листовидным пером и короткой втулкой. Представлен наконечником копья первой половины III в. из некрополя Сиреневая бухта на азовском побережье Керченского полуострова (Масленников, 2000. С. 154. Табл. XVI, 2). Длина пера, линзовидного в сечении, практически равна длине втулки при сохранившейся длине 26 см (реконструируемая общая длина — около 35 см). Внутренний диаметр втулки — 1,5 см. На конце втулки валикообразное утолщение диаметром 3,1 см и шириной 0,7–0,8 см (рис. 87, 5).

Обращает на себя внимание почти полное отсутствие для римского времени наконечников копий среди предметов вооруже-

ния, найденных в слоях сельских поселений Боспора и их некрополей (Кругликова, 1969; Арсеньева, 1970). Зато имеются отдельные находки наконечников дротиков (рис. 89, 1–5), входивших в состав наступательного вооружения пехоты и легкой боспорской кавалерии (Кругликова, 1966. С. 164. Рис. 45, 1–3; Корпусова, 1983. С. 106. Табл. XXXIII, 3,4). В то же время при раскопках боспорских городов они встречаются редко. Нам известна только одна находка — наконечник середины III в. из Танаиса с небольшим листовидным пером, имеющим валикообразное продольное ребро, и короткой втулкой (Арсеньева, Науменко, 1992. С. 54. Рис. 108, 3). Длина пера его составляет около 2/3 общей длины — 14,5 см (рис. 89, 6). Внутренний диаметр втулки — 1,7 см.

Изображения трех дротиков (реконструируемая длина — 1,5–1,7 м) за большим овальным щитом встречаются на ряде боспорских надгробий рядом с пешими воинами (Нефёдкин, 2002. С. 69. Рис. 1, 2). Отметим также стелу I–II вв. из нимфейского некрополя (БНГ. С. 63–64. Кат. 54), где изображен мчащийся вправо конный боспорец в развевающемся за плечами коротком плаще (рис. 88). Левой рукой держащей узду, он поднял коня на дыбы, а правой с дротиком замахнулся на поверженного врага с коротким мечом и щитом. За всадником наполовину видна фигура оруженосца с длинным копьём в руках. Сходный тип конного воина с дротиком над поверженным врагом имеется на нижнем рельефе огромной мраморной стелы высотой 4,2 м из Керчи (Шкорпил, 1914. С. 19. Рис. 8), а также на монетах Рескупорида I (Анохин, 1986. Табл. 15, 385), Савромата I (Анохин, 1986. Табл. 19, 468), Котиса II (Анохин, 1986. Табл. 20, 488, 491, 498, 501), Рескупорида II (Фролова, 1980. С. 21–22. Табл. XVI, 4,5; Анохин, 1986. Табл. 31, 647).

Рис. 90. Надгробный рельеф I–II вв. из некрополя Нимфея

Луки и стрелы. Роль лука в вооружении боспорских воинов первых веков н. э. продолжает оставаться значительной. В это время на Боспоре широко используется, правда, в усовершенствованном виде, уже упоминавшийся лук т. н. «скифского» типа. По сравнению с предшествующим периодом его размеры увеличиваются: длина таких луков в натянутом состоянии, судя по памятникам боспорского изобразительного искусства, составляла не менее половины роста стрелка, т. е. около 0,8–0,9 м. Возможно, преимущественное использование таких луков бытовало и среди сарматов (Симоненко, 1989. С. 60–63). Лук «скифского» типа обычно помещался в натянутом состоянии, то есть всегда готовым к бою, в горит, носившийся на левом бедре. Его прикрепляли к поясу или размещали на ремне за левым плечом. Находки остатков деревянных горитов, обтянутых кожей, являются достаточно редкими. Тем не менее их форма хорошо известна по многочисленным изображениям в росписи пантикапейских склепов и на надгробных рельефах, где лук выступает из горита примерно на 1/3 своей длины. Детали достаточно точно передают деревянный игрушечный горит из детской гробницы середины I в. н. э. (ОАК за 1873 г. С. 54. Табл. III, 8; Сокольский, 1971. С. 228. Рис. 68, 1). На его внешней поверхности имеется боковой карман со слегка намеченными древками стрел (рис. 91). Судя по декору, наружная сторона оригинала горита была дополнительно украшена металлическими накладками. Устье его расширено в соответствии с формой плеча лука, а ближе к уплощенному дну внешний контур плавно сужается. Полный комплект для такого горита включал от 50 до 300 стрел, уложенных наконечниками вниз. Вес горита со стрелами составлял около 5 кг.

В то же время к рубежу нашей эры в зоне евразийских степей входит в употреб-

Рис. 91. Деревянная модель горита из некрополя Пантикапея. Сер. I в.

ление более совершенный по сравнению со «скифским» так называемый лук «гуннского»⁴ типа (Хазанов, 1966. С. 33–40; он же, 1970. С. 273–276; он же, 1971. С. 30–35, 154, Табл. XIX; Савинов, 1981. С. 146–162; Худяков, 1993. С. 107–148; Ведерников, Худяков, Омелаев, 1995. С. 7; Rausing, 1967. P. 68–69, 11–111, 115–119, 122–128, 143–144, 150). В этом отношении показательно, что на монетах сакских правителей индо-иранского пограничья в середине I в. до н. э. еще помещалось изображение лука «скифского» типа (Mitchiner, 1990. N 2175–2176), а уже около 35 г. до н. э. появляется фигура всадника с луком «гуннского» типа у правого бедра (Mitchiner, 1990. N 2255–2256). В I в. н. э. он появляется даже в римских лагерях на территории Западной Европы вместе лучниками из вспомогательных частей, набранных на Востоке (Coulston, 1985. P. 242–243). Соответственно неверным является утверждение М. Мельчарека, что такие луки использовались на Боспоре только со II в. (Mielczarek, 1999. P. 93), ведь еще Ю. М. Десятчиков указывал, что лук гуннского типа присутствует на стеле Афения, которая датируется временем не позднее середины I в. (Десятчиков, 1972. P. 68 сл.), публикация надгробной стелы Матиа-на (Яйленко, 1995) удревнила эту дату еще на полстолетия.

Мощный сложносоставной лук «гуннского» типа имел достаточно большие размеры — около 1,2–1,5 м (Rausing, 1967. P. 69; Каминский, 1982. С. 49). Наличие прямой негнушейся рукояти и выступающих вперед крутых эластичных плечей с костяными накладками значительно увеличивало его дальнобойность, которая позволяла вести обстрел противника со значительного расстояния. Наиболее полное представление о конструкции такого лука

дает находка в одном из погребений первых веков н. э. на левом берегу реки Евфрат, в 40 км от Дура-Европос (Brown, 1937. P. 1–3. Pl. I–III). Древко в данном случае имело длину 1,47 м, а в натянутом виде расстояние между согнутыми концами лука составляло 1,275 м. Кибить (деревянная основа) сделана из четырех пластин, соединенных на лишенной эластичности рукояти из кусков дуба и вяза. Тонкие и гибкие плечи к наружным концам постепенно сужаются. Все детали лука выполнены очень тщательно и старательно проклеены. Уплощенная задняя сторона кибити усилена тремя соединенными друг с другом пластинками из рога газели. Перед склеиванием на эти составные части были нанесены глубокие надрезы. Жесткие концы плеч сделаны путем накладывания парных костяных пластинок, на 3 см выступающих за окончания кибити с вырезами для закрепления тетивы. Обвивавшие все древко сухожилия увеличивали общую эластичность лука. Именно о таких луках Аммиан Марцеллин писал, что они «выгнуты с обеих сторон широкими и глубокими внутрь «рогами», имеют вид луны во время ущерба, а середину их разделяет прямой и круглый брусок» (Amm. Marc. XXXII. 8. 37).

Наряду с луками «гуннского» типа в степях Евразии, а затем и на Боспоре, становится обычным применение крупных трехлопастных наконечников стрел (Горончаровский, 1999. С. 43–44). Видимо, это было обусловлено появлением более совершенного защитного доспеха, против которого прежнее оружие подобного рода было бессильно. Неудивительно, что в свое время на римлян произвело огромное впечатление, «с какой скоростью и силой летят парфянские стрелы, ломая оружие и пронзая все защитные покровы — и жесткие и мягкие — одинаково» (Plut. Crass. 24).

⁴ Об условности этого термина см.: Симоненко, Лобай, 1991. С. 44.

Изображения луков «гуннского» типа на боспорских рельефах показывают, что в небоевом положении, на марше, они носились, таким же образом, как у парфян и персов сасанидского периода, то есть на правом бедре, со спущенной тетивой (Perkins, 1973. Pl. 39; Nicolle, 1996. P. 7ff. Fig. 1,2,4,5. Pl. A-C; Пилипко, 2001. Рис. 229/21). Плутарх не случайно не раз отмечает, что вне зоны боевых действий парфяне спускают тетиву со своих луков (Plut. Ant. XLVI, 2; XLIX, 3; Plut. Crass. XXX, 2). Это было вызвано необходимостью сохранения упругости составного лука и снятия лишней нагрузки на тетиву, чтобы она не вытягивалась. На ранее упоминавшейся стеле Матиана лук «гуннского» типа⁵ уложен в длинное узкое налучье⁶. Видно, что он изогнут в противоположную от натянутого состояния сторону. На ряде известных надгробных рельефов с именами Афения (рис. 92), Стратоника, Фарнака, Агафа и Дафна (К-W, N 650; Иванова, 1961. Рис. 82, 89, 90; Десятчиков, 1972. С. 68 сл.; БНГ. № 48) лук также вложен в длинное налучье, обычно представлявшее собой чехол, изготовленный из мягкой кожи и подвешивавшийся к поясу на ремешке с помощью пришитых к нему металлических петель (ср.: Крыганов 1996. С. 346 сл.). Иногда его наличие обозначает колчан цилиндрической формы с двумя длинными узкими отделениями для стрел (БНР. С. 58. Кат. 48). В отдельных случаях горловины этих отделений дополнительно укреплены го-

ризонтными накладками. Встречаются также колчаны и налучья, соединенные вместе. Перед началом сражения натянутый лук могли помещать в специальный горит крупных размеров, как это показано на пластине первых веков нашей эры из Орлатского могильника (Никоноров, Худяков 1999, с. 144. Рис. 3, 1; там же, рис. 4, 2). В сравнительном плане безусловный интерес представляют кожаные гориты и налучья для сложносоставных луков, происходящие из раннесредневековых аланских погребений Северного Кавказа (Каминский 1982, с. 50).

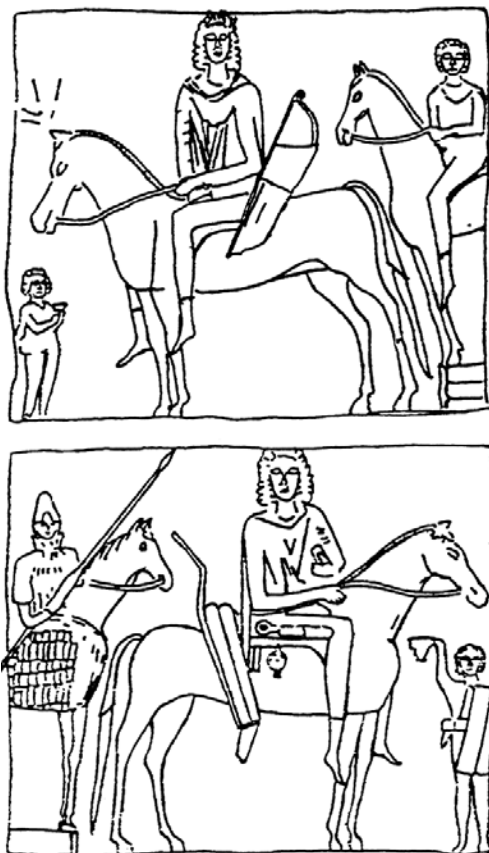

Рис. 92. Изображения всадников с луками «скифского» (вверху) и «гуннского» (внизу) типа. Фрагмент надгробия Афения, сына Мены.

⁵ В этой связи вызывает удивление высказанное М. Мельчарек мнении о появлении лука «гуннского» типа на северных берегах Черного моря только во II в. н. э. (Mielczarek, 1999. P. 93), тем более со ссылкой на А. В. Симоненко и Б. И. Лобая, датирующую соответствующую находку из погребения у с. Пороги I в. н. э. (Симоненко, Лобая, 1991. С. 45).

⁶ По форме оно практически полностью соответствует реконструированному по костяным деталям раннесредневековому венгерскому налучью (Крыганов, 1996. С. 345. Рис. 5).

Рис. 93. Изображение всадника с луком «гуннского» типа в росписи склепа 1841 г.

Единственный для Боспора пример изображения лука «гуннского» типа в действительности мы видим на одной из фресок склепа второй половины I в. н. э., открытого в 1841 г. (АДЖ. Табл. LXXXIX, 2). Всадник, скачущий вправо, держит лук под небольшим углом вниз (рис. 93). Четырьмя пальцами левой руки он сжимает рукоять лука, а большой палец, прижатый сверху, служит направляющим для стрелы. Правая рука оттягивает тетиву назад, до уха.

Натягивание тугого сложносоставного лука требовало значительных усилий и, очевидно, при этом использовался наиболее совершенный так называемый монгольский способ стрельбы (Черненко, 1981. С. 118 сл.). В данном случае тетива натягивалась согнутым большим пальцем при помощи указательного. Поскольку при стрельбе тетива отклонялась несколько влево, стрела всегда помещалась справа от лука. Подобный способ требовал применения специальных приспособлений для защиты большого пальца правой и запястья левой руки от возможного травмирования тетивой. Прежде всего, это были

наручи в виде широкого металлического или кожаного браслета на левой руке, которые иногда изображались на погребальных стелах, или пластины, нашивавшиеся на рукав (ср.: Смирнов, 1961. С. 36. Рис. 9, 3–4; Черненко, 1981. С. 122; Simonenko, 2001. S. 202. Abb. 6). Другим средством защиты был специальный перстень⁷, прекрасный образец которого, из полированной кости, обнаружен в Дура-Европос и датируется серединой III в. (James, 1987. P. 77–83). К ним можно отнести и подходящие по диаметру для большого пальца два массивных граненых бронзовых кольца (ср.: Хазанов. 1971. С. 43) из воинского погребения второй половины II — начала III вв. в некрополе боспорской крепости Илурат (Горнчаровский, 1998. С. 87. Рис. 1, 9).

На какое же расстояние можно было послать стрелу из мощного сложносоставного лука? Даже выпущенная из лука «скифского» типа, она могла пролететь расстояние около 500 м (282 оргии), как об этом сообщала надпись Анаксагора, сына Демагора, из Ольвии (IOSPE. P², 195). Обычная дальность стрельбы для рядовых лучников, конечно, была намного ниже. К тому же в условиях боя, особенно при стрельбе с коня, страдала и меткость выстрела. Вегетий сообщает, что римские лучники могли поражать цель на 600 шагов, т. е. с расстояния около 178 м (Veget. II. 23), а по данным «Стратегикона» Маврикия (рубеж VI–VII вв.), дальность прицельного выстрела из лука могла составлять от 133 до 225 м (McLeod, 1965. P. 11). Отметим также, что, согласно некоторым сведениям, относящимся к средневековой мусульманской традиции, пущенная из сложносоставного

⁷ Родиной этого изобретения является Китай, где сделана самая ранняя находка такого рода — нефритовый перстень рубежа XIII–XII вв. до н. э. из погребения царицы Фу Хао в Аньяне (Волков, 2003. С. 155).

ставного лука стрела попадала в цель с расстояния 250 ярдов (=229 м), а со 100 ярдов (=91 м) пробивала доспехи (Bivar, 1972. P. 283).

Боспорские стрелы рассматриваемого периода имели железные трехлопастные черешковые наконечники, вставлявшиеся в расщеп на конце древка и, очевидно, закреплявшиеся с помощью растительных волокон или сухожилий (Хазанов, 1971. С. 42). Большинство наконечников достаточно небольших размеров: 3–4 см длиной. В этом отношении показательны наконечники стрел из катакомбы 8 некрополя Нимфея, которая датируется второй половиной I–II вв. (Грач, 1999. С. 129–131. Табл. 161, 3–5). Они имеют треугольную головку с прямым основанием (рис. 94, 3). Длина наиболее хорошо сохранившегося наконечника — 3,8 см, в том числе головки — 3,2 см при ширине 1,3 см.

Встречаются и более крупные наконечники стрел, от 5 см в длину, что объясняется, прежде всего, уже отмеченными факторами: появлением усовершенствованного оборонительного доспеха и распространением мощного лука «гуннского» типа. Ранний образец такого наконечника, датирующийся временем не позднее середины I в. н. э., происходит из некрополя Золотое (Корпусова, 1983. С. 35, 103. Табл. XIII, 15). Он имеет округлый вертикальный контур головки, лопасти которой расположены под тупым углом к круглому в сечении черешку. Длина наконечника — 5 см, длина головки — 3 см при ширине 1,1 см (Рис. 94, 1).

Другим образцом крупных трехлопастных черешковых наконечников стрел является наконечник III в., найденный в одном из центральных кварталов Илурата. Он имеет ромбическую форму со слегка округлыми верхними лопастями, коротким черешком и едва намеченным уступом в основании головки (рис. 94, 2). Общая дли-

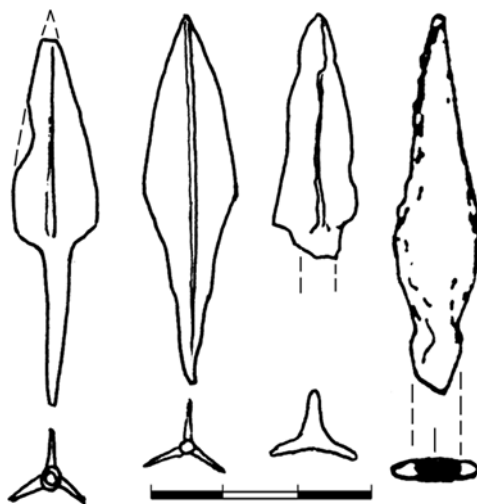

Рис. 94. Железные черешковые наконечники стрел I–III вв.

на его — 4,9 см, длина головки — 3,6 см при ширине 1,2 см.

К редкому типу относятся уплощенные наконечники стрел с овальным поперечным сечением и пером вытянуто-листовидной формы. Пока они представлены на Боспоре только двумя образцами из некрополя Илурата, которые можно датировать второй половиной II — началом III в. (Горнчаровский, 1998. С. 88. Рис. 1, 7, 8). Наиболее хорошо сохранившийся из них имеет длину 5 см, в том числе головку длиной 4,1 см и шириной 1,1 см (Рис. 94, 4). Судя по имеющимся аналогиям, такие наконечники входят в употребление в Центральной Азии уже в I–II вв. (Литвинский, 2001. С. 114).

Древки стрел, видимо, изготавливались из пород деревьев, произраставших на Боспоре: вяза, березы, ясеня, тополя и сосны (Сокольский, 1971. С. 24 сл.). Конечно, мы почти ничего не знаем об их величине, форме и конструкции, но вряд ли они чем-то отличались от стрел, распространенных в кочевой среде. О последних известно, что,

в зависимости от использовавшегося типа лука, они имели длину, не превышавшую 60 см или 75–80 см, при толщине около 0,4–0,6 см, и выемку для тетивы в ушке грушевидной формы (ср.: Хазанов, 1971. С. 42; Заднепровский 1992, с. 86–87; Максимова и др. 1968, с. 74–77, рис. 31–33). Отметим для сравнения, что длина стрел средневековых восточных лучников была около 75 см (Бехайм 1995, с. 285). Размеры древка стрелы определялась тем, что рядовой лучник не может натянуть тетиву больше чем на 73 см от центра внутреннего изгиба лука. При стрельбе это приблизительно соответствует расстоянию между кистями вытянутой левой руки и согнутой правой.

Для того чтобы избежать травм руки, древки стрел подбирались без сучков и тщательно полировались. Обязательным элементом для них было оперение, ведь прицельная стрельба без него практически невозможна. От того, на каком расстоянии от ушка оно находилось, зависели точность боя и скорость полета стрелы. Лучшими для оперения всегда считались перья орла, беркута и морских птиц, впрочем, могли использоваться и другие. Для этого с выбранного пера обычно сдиралось опахало с верхним слоем стержня и крепилось к древку с помощью клея.

В бою стрелы расходовались достаточно быстро, ведь опытный лучник мог выпустить при стрельбе по малоподвижному строю пешеходов, когда промахнуться было бы трудно даже при большом желании, до 150 стрел и более всего за полчаса (Литвинский 2001, с. 116; ср.: Lebedinsky, 2001. P. 177). В ходе эксперимента при имитации отряда неприятеля с помощью мишени высотой в человеческий рост (размеры по фронту — 45 м и в глубину — 18 м) опытный стрелок из сложносоставного лука на расстоянии 90–270 м добивался стопроцентного попадания (Литвинский, 2001. С. 345).

Шлемы. Впервые специально рассмотренные М. И. Ростовцевым боспорские шлемы римского периода имели каркасную конструкцию и представлены, главным образом, двумя типами: конической и полусферической формы (АДЖ. С. 329–333, 338–339; К-В. N 575, 593, 594, 606, 618, 619 etc.), в отдельных случаях с нащечниками и выделенной тульей. Детали конструкции шлемов, близких к использовавшимся на Боспоре, достаточно детально изображены на рельефах колонны Траяна, изображающих сарматских воинов в чешуйчатых панцирях и трофейное оружие (Малашев, 1988. С. 77 сл.). Помимо этого, мы видим их в изображении столкновения римских вспомогательных войск с даками на подступах к римскому лагерю. Здесь, среди деревьев, представлены четыре длинноволосых лучника в чешуйчатых панцирях, которых, видимо, можно отнести к боспорским солдатам из состава вспомогательных войск (АДЖ. С. 332). Вертикальные ребра их каркасных шлемов в нижней части скреплены ободом, а в верхней — сходятся и заканчиваются небольшим шариком или пуговицей. Некоторые шлемы имеют нащечники, сходящиеся под подбородком, и чешуйчатую или кольчужную бармицу. Интересно отметить, что шлем сходной конструкции защищает голову пешего воина с копьем, сопровождающего всадника на стеле Менофила (рис. 95) (К-В. N 593). Его передняя часть, набранная из семи вертикальных полос, имеет выделенную в рельефе тулью, короткий наносник, дугообразные вырезы для глаз и округлые нащечники, соединенные подбородочным ремнем. Различные варианты таких шлемов, обычно относимые к типу Spanghelhelm, позднее буквально наводнили всю Европу.

Другой редкий пример достаточно детального изображения каркасного шлема мы видим на стеле Родона, сына Гелиоса

Рис. 95 (справа). Изображение воина в шлеме на стеле Менофила, сына Демострата.

Рис. 96 (внизу). Изображение шлема на стеле Родона, сына Гелия.

(БНР. С. 40–41. № 27). Воин на рельефе одет в короткий подпоясанный кафтан, поверх которого наброшен плащ, узкие штаны и сапоги. В его левой руке большой овальный щит с умбоном, а рядом мальчик с коническим шлемом в руках (рис. 96). Обращенная к зрителю сторона шлема набрана из пяти сходящихся кверху полос, ниже показан прямоугольный нащечник.

Еще недавно каркасные шлемы на территории Северного Причерноморья были практически неизвестны. Можно, в частности, упомянуть реконструированный Э. Э. Ленцем шлем конической формы из кургана у ст. Тифлисской (Ленц, 1902. С. 120 сл.). Он был склепан из железных пластин и имел длинный, узкий наносник, а также треугольные нащечники. Только в описании известны два железных шлема II в. (один с кольчужной бармицей) из погребальной камеры 1891 г. (ОАК за 1891 г. С. 57 сл.), хотя их каркасную основу можно предполагать из-за того, что «все вооружение близко напоминает вооружение воинов росписи Стасовской камеры» (Рос-

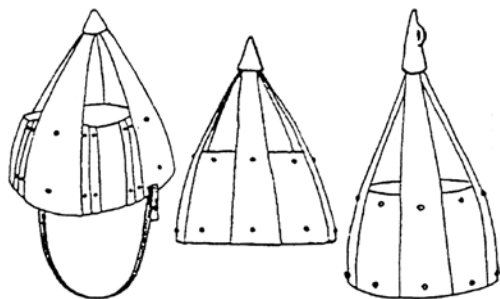

Рис. 97. Конические каркасные шлемы II — начала III вв. из погребений у хут. Городского в Прикубанье (по А. В. Сазонову).

лезных полосы шириной в основании около 7 см (каждая скреплена двумя заклепками с горизонтальной полосой высотой 17 см). В последнем случае их увенчивает слегка заостренное вытянутое навершие, а с боковых сторон у края наклепаны специальные пластины-обоймы для крепления нащечников или подбородочных ремней, отпечаток которых сохранился на поверхности некоторых шлемов.

Каркасные шлемы полусферической формы представлены пока только одним экземпляром, найденным А. М. Ждановским в сарматском погребении в кургане 6 у ст. Тбилисская Краснодарского края (Ждановский, 1984. С. 78–82. Рис. 1; Бажан, Гей,

Рис. 98. Посвяtitельный рельеф Трифона, сына Андромена. Танаис. II в.

1992. С. 117). Шлем, датируемый второй половиной II — первой половиной III в. н. э., представляет собой бронзовый каркас из трех перекрещивающихся пластин, соединенных в центре заклепкой. Образованные ими секторы переплетены между собой восемнадцатью раздвоенными пластинками. Каркасные пластины закреплены нижним краем на горизонтальном обруче, состоящем из трех полос разной длины. По бокам обруча находились длинные витые проволоочки, возможно, это основание назатыльника. Вероятнее всего, шлем надевался на кожаную шапочку-подшлемник. Полусферический шлем без каких-либо деталей каркасной конструкции (возможно, они просто не показаны) присутствует на известном посвяtitельном рельефе Трифона из Танаиса (рис. 98), где изображен скачущий вправо всадник в развевающемся плаще (АДЖ. Табл. LXXXIV, 3).

Панцири и кольчуги. Защитный доспех первых веков нашей эры представлен на Боспоре несколькими разновидностями: пластинчатые и чешуйчатые панцири, кирасы, кольчуги, комбинированные и кожаные панцири. Все они крайне редко встречаются в погребениях, зато большей частью хорошо представлены в памятниках изобразительного искусства. Самым ранним изображением длинного пластинчатого доспеха с короткими рукавами и воротом, плотно прикрывающим шею, считается рельеф на стеле Афения, сына Мены, которую Ю. М. Десятчиков относит ко времени не позднее середины I в. н. э. (Десятчиков, 1972. С. 71). Образцы подобных панцирей фигурируют на монетах сакских правителей индо-иранского пограничья I в. до н. э. — I в. н. э. (Горнчаровский, Никоноров, 1987. С. 206 сл. Рис. 4) и костяных пластинах из Орлатского могильника (Никоноров, Худяков, 1999. Рис. 3, 2, 4; там же, рис. 4, 1, 2), которые можно датировать I–II вв. (Маслов в. Е., 1999. С. 229).

Панцирный ворот присутствует также в изображении катафрактария на халчаянском фризе, который датируется временем около рубежа н. э. (Пугаченкова, 1966. С. 188–213; 1971. С. 16. Илл. 61, 62, 77) или серединой I в. (Грене, 2000. С. 132 сл.; ср.: Литвинский, 2002. С. 199). Очевидно, основой такого ламеллярного доспеха был кожаный кафтан с разрезами, на который нашивались горизонтальные ряды из расположенных вертикально узких прямоугольных металлических пластин. Аналогичный доспех, судя по панцирному воротнику, имеют и конные воины на надгробии Юлия Патия второй половины I — начала II вв. (Десятчиков, 1972. С. 74). Более де-

тельно укороченный вариант такого средства защиты демонстрирует хранящаяся в собрании Государственного Исторического музея уникальная терракотовая статуэтка всадника боспорского производства (рис. 99).

Длинные панцири из крупных пластин, без воротника, присутствуют на фреске из пантикапейского склепа 1841 г. (АДЖ. С. 375. Табл. LXXXVIII, 2). Среди противников боспорцев здесь представлены два тяжеловооруженных катафрактария в длинных, сильно расширяющихся книзу от пояса до щиколотки панцирях. С рассмотренным вариантом защитного вооружения можно соотнести находку крупных желез-

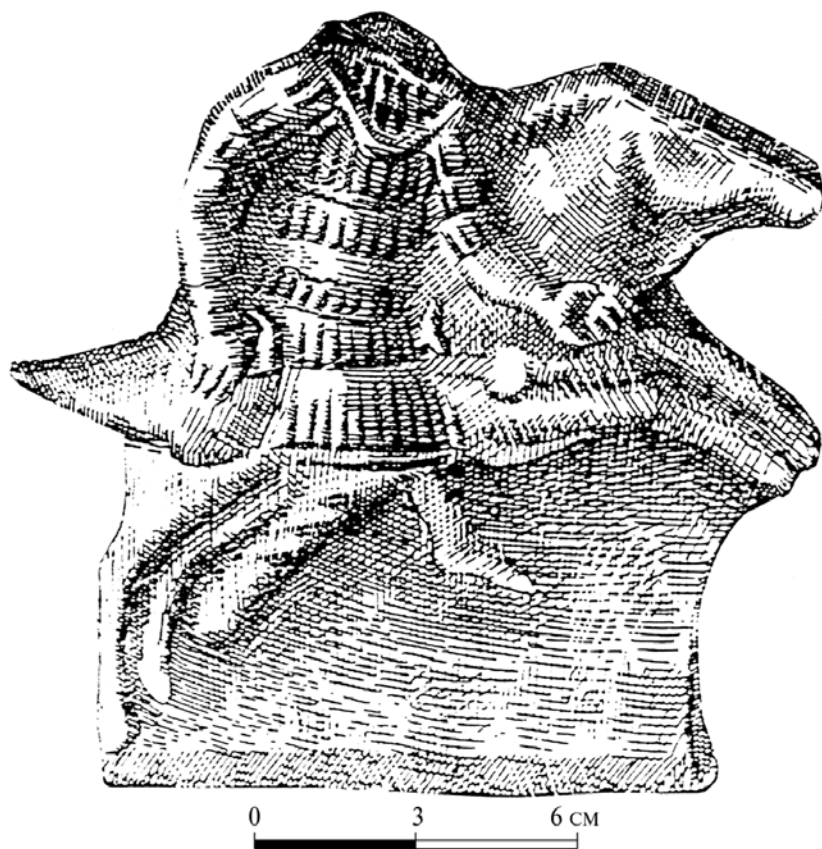

Рис. 99. Терракотовая статуэтка всадника в ламеллярном доспехе. I–II в.

ных пластин прямоугольной формы (8 x 12 см) с пятью небольшими отверстиями в одном из богатых сарматских погребений Поволжья суловского времени (Шилов, 1959. С. 406, 462. Рис. 50, 8, 18; Хазанов, 1971. С. 61. Табл. XXX, 12). Если сопоставить их размеры с доспехом катафрактария из склепа 1841 г., где показаны 23 ряда горизонтальных пластин, можно приблизительно реконструировать длину последнего. С учетом взаимного наложения пластин она составляет около 1,3 м, и это выглядит достаточно реально.

Конечно, такое средство личной защиты, как длинный пластинчатый доспех, представляется слишком архаичным ввиду его тяжести и излишней жесткости. С другой стороны, это доспех универсального типа, защищавший всадника в целом. Не получивший широкого распространения в практике позднеантичного военного дела, он, тем не менее, существовал на Боспоре в течение нескольких столетий. Об этом свидетельствует происходящий из Илурата обломок штукатурки красного цвета с граффито, изображающим катафрактария (рис. 100) (Горнчаровский, Никоноров, 1987. С. 201 сл.). Панцирь в данном случае не имеет рукавов. Имея разрез, от пояса он сильно расширяется книзу, об-

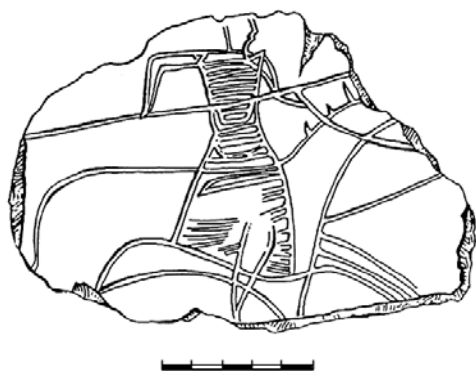

Рис. 100. Изображение катафрактария на обломке штукатурки из Илурата.

разуя длинные лопасти, прикрывавшие ноги до щиколоток. Металлические пластины, нашитые на кожаную основу, показаны обобщенно горизонтальными линиями, образующими 30 рядов, причем вертикальные грани их не прорисованы. Возможно, верхняя часть этого доспеха представляла собой ламинарную броню, т. е. состоящую из длинных, горизонтально расположенных металлических или кожаных полос, соединенных между собой ремешками, пропущенными через ряды специальных отверстий.

Наибольшее же применение получил другой тип панциря — чешуйчатый, который известен как у сарматов, так и в составе боспорского оборонительного вооружения первых веков н. э. По-видимому, он использовался на Боспоре практически одновременно с длинным пластинчатым панцирем, поскольку мы видим чешуйчатый доспех в треугольных вырезах кафтанов конных боспорских воинов на фреске из склепа 1841 г. (АДЖ. Табл. LXXXVIII, 2). Близкой аналогией для подобного облачения является изображение всадника на серебряном сосуде из Косики. Судя по находкам в сарматских погребениях, пластинки для таких доспехов имели длину от 2,5 до 5 см и 2–5 отверстий, с помощью которых они прикреплялись к кожаной или полотняной основе. Судя по отдельным археологическим находкам в Прикубанье, в это время мог использоваться и комбинированный панцирь, включавший элементы кольчужного плетения (Хазанов, 1971. С. 60; Гущина, Засецкая, 1994. С. 41. № 4; С. 44. № 54. Табл. 1, 4. Там же. Табл. 5, 54).

Широкое распространение на Боспоре получили два варианта чешуйчатых панцирей. Первый, зафиксированный в росписи склепа 1872 г. II в. н. э. и на монетах периода правления Савромата II (174–210) и Рескупорида II (211–228), имел вид каф-

тана с короткими рукавами, не стеснявшими движений, и разрезом внизу длиной почти до колен (Горнчаровский, 1993. С. 81). Вторым вариантом представлен панцирем без разреза, как правило, доходящим до середины бедра. Именно он присутствует на рельефе Трифона из Танаиса, где всадник облачен в панцирь с короткими рукавами, подпоясанный широким поясом.

Наконец, с представителями высших командных должностей, видимо, был связан панцирь эллинистического типа, который в римской армии носили военачальники в ранге не ниже командира легиона (Vermeule, 1959. P. 49). Он состоял из двух пластин короткой «мускульной» кирасы, имитирующей рельеф груди и живота мужской фигуры, из-за чего этот доспех иногда называют «анатомическим». Сверху пластины соединялись наплечниками — эпонидами. Из-под панциря до середины бедер спускался передник из птериг — кожаных полос, имевших металлическую обшивку. В археологической коллекции университета Джона Хопкинса (США) хранится происходящая из Керчи бронзовая матрица первой половины I в. н. э. для изготовления птериг с фронтальным изображением головы львиноголового грифона. Таким образом, можно предполагать наличие в Пантикапее серийного производства кирас римского образца (Treister, 1994. P. 97)⁸. Обычно их дополнял особый пояс — цингулум, — завязанный поверх панциря так называемым «геракловым узлом». Именно цингулум мы видим на пантикапейском рельефе I–II вв., изображающем победоносного полководца (ср.: Vermeule, 1968. P. 41–42). Это облаченный в панцирь

бородатый воин в плаще, застегнутом на правом плече (БНР. С. 65–67. № 57). Одной рукой он держит копьё, а другой — широкую плоскую чашу, наклонив ее над небольшим алтарем (рис. 101). Рядом маленькая фигурка богини победы Ники, увенчивающей его венком. Слева в поле рельефа представлена Афродита с Эротом, которой, видимо, и был посвящен пятиколонный ионийский храм, изображенный выше. Пространство между его колоннами разделено на два яруса, в верхнем из которых помещены четыре посвященных круглых щита. Возможно, архитектор, создавший этот храм, был хорошо знаком с памятниками римского Форума, где, по слова Плиния Старшего, одним из прекраснейших зданий, «какие когда-либо видел мир» (Pl. NH. XXXVI. 102), была двухъярусная Эмилиева базилика с круглыми щитами на фасаде.

Среди легковооруженных рядовых воинов, несомненно, был широко распространен в силу своей доступности защитный доспех из такого сравнительно дешевого материала, как кожа, хорошо известный у сарматов (Tac. Hist. I, 79). Такими панцирями не пренебрегали даже римляне, ведь при относительной легкости они давали достаточно эффективную защиту от стрел и камней, могли ослабить удар меча или копьё. Простейший тип кожаных панцирей, видимо, представлял собой короткую куртку, которая могла дополняться поясом с нашитыми железными пластинками в передней части (Горнчаровский, 1998. С. 86). Ранее наличие железного пояса в составе погребального инвентаря отмечалось Н. И. Веселовским для сарматских курганов Прикубанья I–II вв. (см.: Ростовцев, 1925. С. 572; Блаватский, 1954. С. 117).

Другой тип — изображенный на фреске из склепа Анфестерия кожаный кафтан до колен с длинными рукавами. Он покрыт расположенными в шахматном порядке

⁸ В пользу этого предположения свидетельствует находка обломков железного панциря с наплечниками в погребальной камере, открытой в Керчи в 1891 г. (ОАК за 1891 г. С. 57 сл.).

Рис. 101. Посвяtitельный рельеф с изображением полководца из Пантикапея. I-II в.

крупными кружками (армирован круглыми металлическими бляхами?). Остатки панциря, снабженного двумя нагрудными железными бляхами со следами позолоты, были найдены в пантикапейском склепе Юлия Каллисфена второй половины I в. н. э. (Мацулевич, 1941. С. 75). Более ранние панцири с двумя нагрудными бляхами-фаларами происходят из курганов зубовско-воздвиженской группы (Мацулевич, 1947. С. 58; Гущина, Засецкая, 1989. С. 73. Табл. IV, 35; XI, 121).

Достаточно дорогим видом защитного облачения была кольчуга, которой пользовались почти исключительно представители аристократии, чем объясняется редкость их находок. Судя по всему, впервые она появляется у кельтов на рубеже IV–III до н. э.⁹ Позднее, в I в. до н. э., кольчуги уже достаточно широко представлены на римских рельефах, а со второй половины указанного столетия они вошли в употребление и в северопричерноморском регионе (Блаватский, 1954. С. 145; Черненко, 1968. С. 55; Хазанов, 1971. С. 61; Каминская, Каминский, Пьянков, 1985. С. 228, 233). Не так давно остатки кольчуги римского производства, относящейся к типу *logica harmata*, найдены в святилище у перевала Гурзуфское седло близ Ялты на территории расселения тавров (Новиченкова, 2002. С. 82–83). Она изготовлена из железных колец мелкого плетения диаметром 4–5 мм и датируется последними десятилетиями I в. до н. э. Видимо, кольчуга попала в святилище как военный трофей около 14 г. до н. э., в период борьбы за утверждение на боспорском троне римского ставленника Полемона. В качестве приношения богам ее разрубили на 848 кусков и большей частью разбросали по всей центральной части священного участка.

В комплексе защитного вооружения боспорских воинов первых веков н. э. железные кольчуги присутствуют, но они не получили широкого распространения. К этому времени относятся остатки кольчуг, видимо местного производства, найденные при раскопках кургана 1853 г. у Фанагории (Ростовцев, 1925. С. 271), в Пантикапее (Блаватский, 1960. С. 27) и Горгиппии. В последнем случае два фрагмента кольчуги из фондов Анапского археологического музея (комплекс погребения, обнаруженного при охранно-спасательных работах на ул. Горького, 78) в виде спекшихся кусков размерами 11,5 x 7,5 x 5 см и 15 x 9,5 x 6 см демонстрируют комбинированное использование уплощенных железных и бронзовых колец диаметром 1 и 0,8 см. Каждое из них захватывало четыре соседних кольца: два верхних и два нижних.

С Горгиппией связано и мраморное надгробие Фаллона, сына Пофа, на верх-

Рис. 102. Верхний рельеф мраморной стелы Фаллона, сына Пофа. I в.

⁹ В данном случае мы придерживаемся точки зрения, высказанной П. Коннолли (Connolly, 1981. P. 124).

нем рельефе которого изображен всадник в кольчуге с полукруглым вырезом в районе шеи и коротким рукавом (рис. 102). Кроме того, с большой долей вероятности можно предположить, что кольчугой является защитный доспех с короткими рукавами без разрезов и длиной до бедер, в который облачен катафрактарий на фреске из склепа 1873 г. (АДЖ. Табл. LXIV, 1). В пользу этого говорит контур доспеха, переданный ярко выраженной волнистой линией, и особая манера передачи его фактуры короткими сдвоенными и параллельными штрихами. Интересно отметить, что похожая кольчуга, с рукавами до локтя, присутствует на рельефе с колонны Траяна (Малашев, 1988. С. 73).

Несколько целых кольчуг скорее всего боспорского производства недавно были найдены в уже упоминавшихся погребениях представителей сарматской аристократии у хутора Городского, где около четверти всех погребенных воинов можно отнести к катафрактариям (Сазонов, 1992. С. 244 сл.). Эти кольчуги представляют собой свернутые рулоном, сплетенные из колец рубахи длиной не менее 1,1 м¹⁰ (рис. 103) при среднем росте умерших 1,7 м. Возможно, в нижней части они оборачивались вокруг ног или дополнялись кольчужными штанами (рис. 104). Во всяком случае, в комплекте защитного вооружения катафрактария из кургана «Рошава Драгана» под Старой Загорой в Болгарии присутствовали чешуйчатый панцирь и штаны (Буюклиев, 1986). Хотя по приблизительным оценкам вес таких кольчуг достигал 12–15 кг, двигаться в них было достаточно легко и удобно. В бою они не стесняли действий воина, способного бла-

годаря этому наносить быстрые и неожиданные удары. Под кольчугу надевалась кожаная или стеганая полотняная рубаха (ср.: Схатум, 2001. С. 62) для предохранения от ушибов, которые могли быть весьма чувствительны, даже если меч или другое оружие не повреждали кольчужных колец.

Насколько эффективны, в том числе и в сравнительном плане, были существовавшие на Боспоре средства защиты? В этом отношении представляют интерес эксперименты с древними доспехами, проведенные недавно в баллистической лаборатории армии США. Оказалось, что наличие длинного доспеха и шлема уменьшает возможность поражения стрелами более чем вдвое, причем в панцирь из железных пластин, где один ряд их накладывался на другой, стрела на расстоянии 90–270 м никогда не проникала даже до кожаной основы (Литвинский, 2001. С. 345–346). В то же время защитные свойства кольчуги не следует преувеличивать. Она явно не всегда могла уберечь своего владельца. Известен пример, когда в качестве мишени использовали манекен, облаченный в кольчугу XVI в. из закаленной дамасской стали. Стрела, выпущенная из лука с расстояния 75 м, не только пробил ее, но и вонзилась на глубину 20 см (Малинова, Малина, 1988. С. 42–43). Данные достаточно впечатляющие. Таким образом, пластинчатый доспех по своим защитным свойствам намного превосходил кольчугу, что и объясняет его большее распространение.

Щиты. В составе боспорской конницы щиты были принадлежностью вооружения всадников, не использовавших длинную пику. Действительно, держать длинное копье двумя руками и одновременно применять щит весьма затруднительно. К тому же, как отмечалось, панцирный доспех был и так достаточно эффективен для за-

¹⁰ В 1896 г. подобная свернутая рулоном кольчуга была найдена в одном из сарматских захоронений около ст. Ярославской. Н. И. Веселовский тогда предположил, что это может быть конская броня (Блаватский, 1954. С. 118).

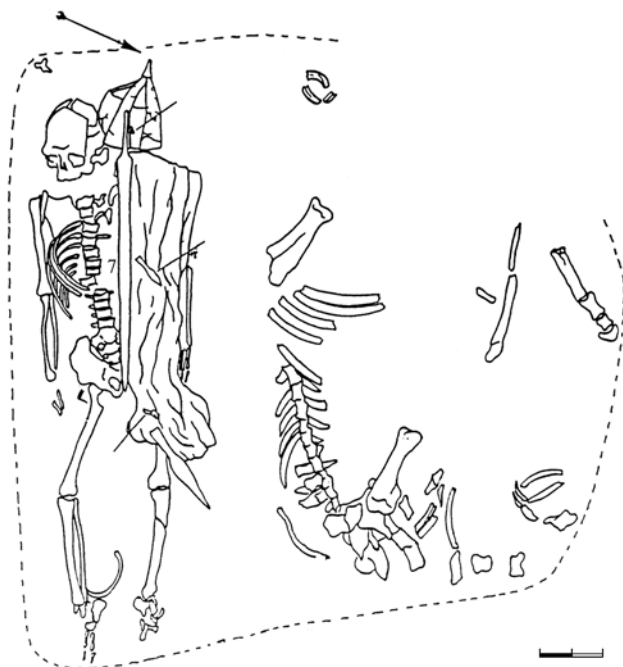

Рис. 103. План погребения № 21 у хут. Городского в Прикубанье (по А. В. Сазонову)

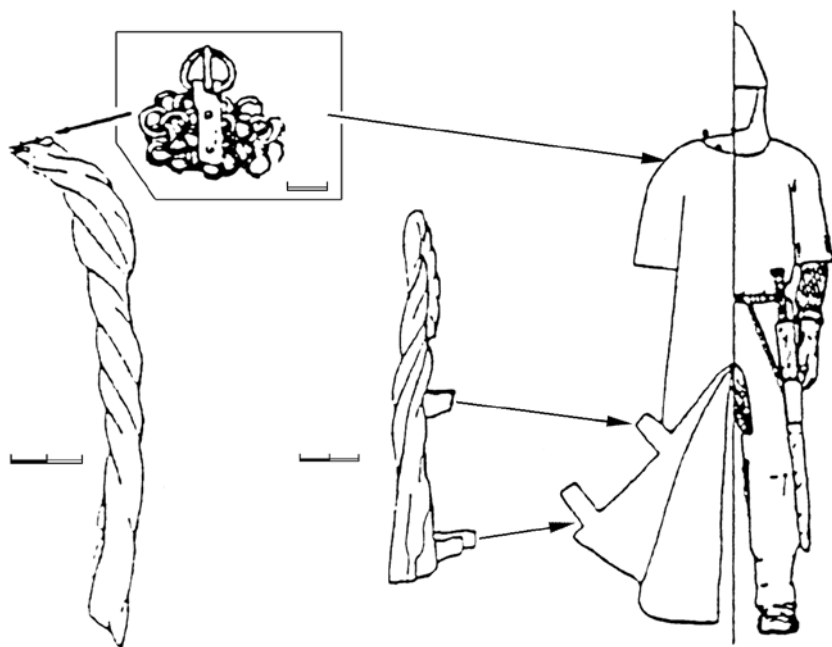

Рис. 104. Кольчуга из погребения № 21 у хут. Городского в Прикубанье: реконструкция кольчужного доспеха (по А. В. Сазонову)

щиты от ударов противника. Недаром Тацит отмечал, что у сарматских катафрактариев — то же можно сказать и о боспорских, — «не в обычае пользоваться щитом» (Тас. Hist. I. 79).

Единственная находка, которую можно соотнести с кавалерийским типом щита, происходит из погребения конного воина (судя по наличию уздечки) в пантикапейском склепе Юлия Каллисфена. Это железный умбон с тонкой бронзовой накладкой диаметром 21 см с отчеканенным в невысоком рельефе орнаментом в виде звезды, цветов, птиц и растительных лепестков (рис. 105, 1). Верхняя часть его в форме конуса выделена узким выпуклым валиком с насечками (Сокольский, 1955. С. 19. Рис. 4, 1). Ниже умбон образует с полями тупой угол. По краю имеются отверстия для его крепления, в трех из которых сохранились и гвозди. Точную аналогию среди европейских умбонов римского времени для него подобрать сложно, но ближе всего он к типу 2 по Й. Илкьеру (ступень B2, 70–170/180 гг.) (Шкјаер, 1990. Abb. 199) и датирующемуся тем же временем типу Цилинг 14 (Zieling, 1989. S. 119–120;). Сходный по форме умбон был найден на территории Фракии, что позволило высказать предположение о том, что изделие такого типа могло попасть на берега Боспора Киммерийского с направленными сюда римскими вспомогательными войсками (Kazanski, 1994. S. 436; Mielczarek, 1999. P. 98). Так или иначе, круглый кавалерийский щит был, несомненно, знаком боспорцам. Об этом можно судить по монетам I–II вв., где он присутствует среди прочих предметов вооружения (Фролова, 1968. С. 43 сл.; Анохин, 1986. Табл. 14, 375–378), и по пантикапейским терракотам-гротескам I–III вв. (Сокольский, 1955. С. 18. Рис. 2, 4).

Боспорские пехотинцы в большинстве случаев изображались с продолговатыми

овальными щитами, форма которых, по всей видимости, восходит к эллинистическим образцам. В силу своих больших размеров они, очевидно, нередко заменяли прочее защитное вооружение. В центре их внешней стороны обычно находится круглый выпуклый умбон, которым при случае можно было нанести неожиданный удар противнику (ср.: Тас. Agric. 36). Римские солдаты, например, при обучении специально отрабатывали прямые удары умбоном или ребром щита, чтобы вывести врага из равновесия (Голыженков, 2000. С. 18).

Обычная длина боспорских овальных щитов, скорее всего, соответствовала находкам из Дура-Европос, где пять аналогичных предметов защитного вооружения имели длину от 1,07 до 1,18 м (Connolly, 1981. P. 259). Иногда щиты имели горизонтально срезанные верхний и нижний края. Некоторые из них почти плоские, другие — с довольно заметной выпуклостью. Приблизительно одинаковые пропорции дают соотношение длины и ширины как 2: 1. Хотя реальных находок деталей щитов на Боспоре немного, с учетом обычной практики того времени, можно говорить, что при изготовлении такого рода защитного вооружения применялись крепкие деревянные доски, которые обтягивались одним или несколькими слоями плотной кожи. В любом случае обтяжка внутренней стороны была нужна для предотвращения трения руки о деревянную подложку щита. Здесь же имелась рукоять, которую с внешней стороны прикрывал умбон. В бою большой овальный щит держали за эту рукоять на почти вертикально опущенной руке, продевая через специальную петлю.

Достаточно многочисленна серия из железных умбонов щитов явно центральноевропейского происхождения найдена и в закрытых комплексах середины III в.

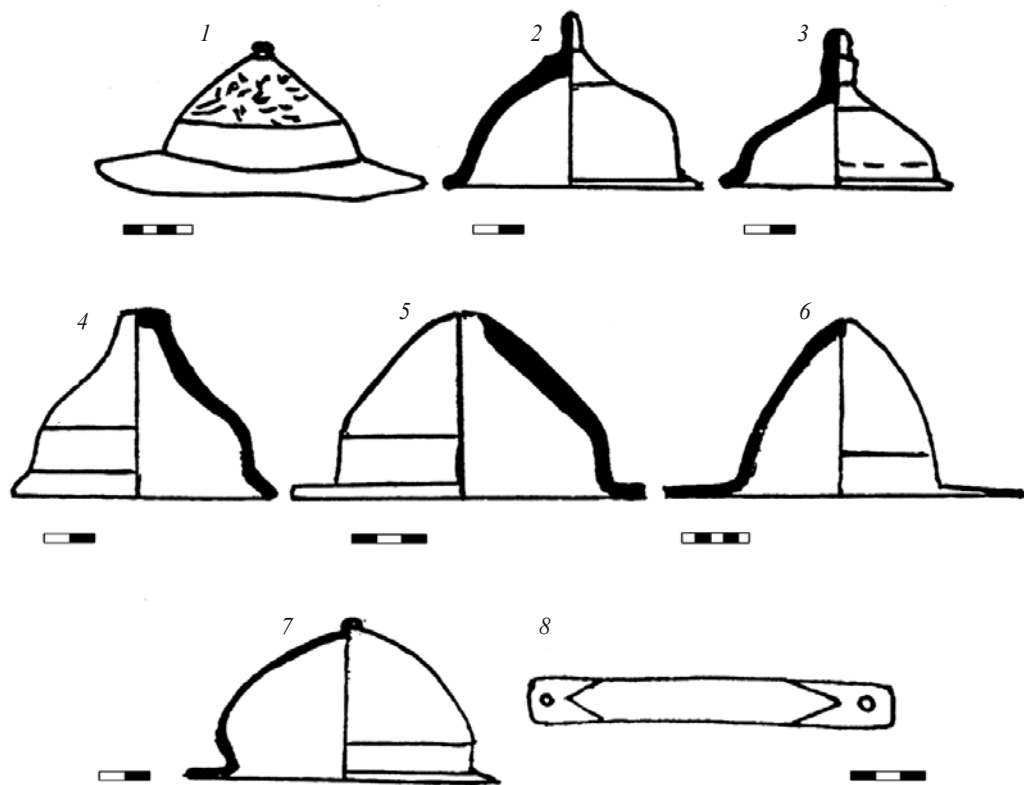

Рис. 105. Металлические детали боспорских щитов (по М. Казанскому):
1 — умбон из Пантикапея; 2–7 — умбоны из Танаиса; 8 — рукоятка щита из Танаиса. Конец I–III вв.

из Танаиса¹¹. Скорее всего, они связаны с германскими наемниками на боспорской службе (Васильев, 2005. С. 37 и сл.), хотя нельзя до конца исключить предположение, что они могли принадлежать и нападавшим (Щукин, 2005. С. 138). Одни ум-

боны относятся к ступени С1а (170–230 гг.): тип Конин конической формы с уплощенным шипом в центре (рис. 105, 4) (Арсеньева, Шелов, 1974. С. 135. Табл. 15, 6; Арсеньева, Науменко, 1989. С. 79. Рис. 3–5; Kazanski, 1994. P. 438. Fig. 2, 5), другие — к ступени С1b, 230–260 гг.: тип Хорула полусферической формы с шишечкой в центре (рис. 105, 2, 3) (Каргопольцев, Бажан, 1992. Рис. 1, 15; Kazanski, 1994. P. 437. Fig. 2, 3–4) и тип Коржень полусферической формы с широким горизонтально отогнутым краем (рис. 105, 7) (ср.: Kazanski, 1994. P. 438–439. Fig. 2, 10; Арсеньева, Науменко, 2001. С. 65. Рис. 24, 1). Наконец, два умбона типа Мизери датируются

¹¹ Происходящие из раскопанного В. В. Шкорпиллом в 1902 г. пантикапейского склепа № 181 круглый умбон яйцевидной формы (тип Цилинг К1) и обломок рукояти, которые Н. И. Сокольский датировал II–III вв. (Сокольский, 1954. С. 187; 1955. С. 22. Рис. 4, 2, 3), в настоящее время принято относить к ступени С3 (Шкjaer, 1990. S. 301–303. Fig. 193; Kazanski, 1994. P. 440. Fig. 2, 21) и соответственно датировать второй половиной IV в. или даже более поздним временем (Mielczarek, 1999. P. 98).

более широко ступенью С1, 170–260 гг. (рис. 105, 5, 6) (Kazanski, 1994. P. 441. Fig. 3, 3, 8). Появление в составе боспорского защитного вооружения щитов с умбонами вышеописанных типов можно связать с миграциями ряда германских племен времени Маркоманнских войн 168–180 гг. и последовавшего за ними периода, что сопровождалось распространением их на сопредельных территориях (Казанский, 1999. С. 277; Shchukin, 1994. S. 490–491; Kazanski, 1994. S. 436ff.; Mielczarek, 1999. P. 82).

Из редких для Боспора деталей щитов можно упомянуть часть оковки края щита

римского времени из раскопок Пантикапея, сохранившаяся в длину почти на 40 см (Сокольский, 1955. С. 20). В данном случае ширина металлической полосы, на которую можно было принять рубящий удар (ср.: Polyæn. 8. 7,2), составляет около 5 см. Чтобы предохранить щиты от разрушительного воздействия влаги во время похода боспорские воины, видимо, следовали обычной практике того времени. Для этого использовались специально сшитые кожаные чехлы с круглым отверстием для умбона (Dixon, Southern, 1997. P. 46–47. Fig. 15, 16), снимавшиеся перед сражением (Jos. Fl. Bell. Jud. V. 9,1).

Глава 3 БОСПОРСКАЯ АРМИЯ НА ПОЛЯХ СРАЖЕНИЙ

3.1. Стратегия и тактика.

Судя по всему, в большинстве случаев стратегические планы боспорского командования носили оборонительный характер. Противник, даже если это были мобильные конные отряды, преодолевая существующие оборонительные линии и сеть гарнизонов, неизбежно должен был замедлить продвижение вперед и подвергнуться риску фланговых ударов. Дальнейшие военные действия боспорской армии должны были четко планироваться на основе получения оперативной разведывательной информации о численности и маршрутах передвижения неприятельского войска, с тем, чтобы неожиданно напасть на главные силы врага и отрезать для него пути к отступлению (Горнчаровский в. А., 2004а. С. 96 сл.). Быстрое передвижение контингентов пехоты и конных отрядов при отражении набегов и прочих военных акциях обеспечивала сеть дорог между различными укрепленными пунктами. Наряду со всем этим, могли использоваться такие стратегические приемы, как обеспечение взаимодействия с флотом в отношении переброски войск с его помощью (ср.: Тас. Апп. XII. 17) и продуманная организация защиты тыловых коммуникаций. Конечно, определенную роль в достижении победы играли материальное и инженерное обеспечение, а также дипломатическая подготовка кампании и закрепление ее результатов договорами или клятвами верности,

которые нередко сопровождалось взятием заложников. Крупные операции наступательного характера — нанесение внезапного удара по важнейшим центрам противника и глубокое проникновение в его тыл — несомненно, должны были согласовываться с римской администрацией провинции Вифиния-Понт или непосредственно с императором. В случае возникновения потенциальной угрозы интересам самой Империи в них могли принять участие подразделения римской армии.

Постоянные военные конфликты с соседними кочевыми племенами, заимствование боспорской пехотой и конницей ряда элементов сарматского вооружения и снаряжения коня не могли не сказаться на развитии тактики, которой придерживалась армия правителей Боспора. Примеров такого рода влияния в истории военного дела достаточно, даже в отношении привыкших к дисциплине римских солдат. Так, Юлий Цезарь, описывая события, связанные с его кампанией против помпеянцев в Испании, отмечает, что солдаты из размещенных там легионов привыкли «к своего рода варварскому способу сражения от постоянных войн с луситанами и другими варварами, так как на солдат вообще оказывают большое влияние нравы тех стран, где они долго стоят» (Caes. De bello civ. I. 44).

Таким образом, в боспорской военной практике неизбежно должны были применяться характерные для сарматской тактики приемы: внезапное нападение; прорыв линии построения противника ударом компактного строя тяжеловооруженных всадников (при необходимости перестроение и вторичный удар); разгром противника по частям; применение в ходе сражения различных маневров и хитростей (охват неприятеля с флангов, притворное отступление, организация засад). Естественно, заимствования в этой области не воспри-

нимались механически, а творчески перерабатывались в соответствии с местными условиями. Так, учитывая структуру боспорской армии, существенную роль в ее тактике на поле боя должна была играть координация действий пехоты с тяжелой и численно преобладавшей легкой конницей (Горончаровский В. А., 2004а. С. 99 сл.).

Наибольший эффект действий панцирной конницы на поле боя достигался ее атакой на строй противника плотной массой вооруженных пиками всадников при надежном прикрытии флангов. Видимо, отряды катафрактариев занимали в строю атакующих передовые позиции, прикрывая всадников, экипированных похуже (ср.: Mielczarek, 1999. P. 87)¹. Как отмечает Вегетий, катафрактарии, поставленные впереди легионов или смешанные с легионной конницей, когда начинается рукопашный бой, часто прорывают ряды противника (Veget. III, 23). Атака сомкнутого строя подобной конницы действительно производила страшное опустошение в рядах противника. Помимо мощи копейного удара, следует учитывать огромное психологическое воздействие, которое оказывал на пешее войско вид несущейся лавины коней (Блаватский, 1954. С. 120). Недаром Тацит говорит о сарматских катафрактариях: «... вряд ли существует войско, способное устоять перед натиском их конных орд» (Tac. Hist. I. 79).

После прорыва линии обороны и отсутствия необходимости перестроения бой для катафрактариев, в том случае, если противник обладал сходным вооружением,

очевидно, превращался в серию отдельных поединков, нашедших отражение в росписях боспорских склепов. Для сарматского искусства в данном отношении показательна батальная сцена на серебряном кубке из Косики. Удар длинной пики, усиленный тяжестью доспеха, скоростью и массой коня, был страшным и менее удачливый всадник вылетал из седла или лишался жизни. Древо пики часто ломалось, и тогда катафрактарию приходилось полагаться на помощь оруженосца для ее замены либо на длинный меч.

Легковооруженные всадники могли не только начинать сражение, осыпая противника стрелами, или заниматься его преследованием, но и поддерживать в наступлении катафрактариев, которые старались решить исход битвы стремительным натиском и рукопашной схваткой. Эти тяжелооруженные конные воины, как показывает описание Тацитом битвы союзного сармато-иборо-албанского войска с парфянами в 35 г. н. э., в определенной боевой ситуации могли вполне успешно взаимодействовать и с пехотой, заставляя своих противников «биться в неравных условиях, ибо сверху на них обрушивали удары всадники, а снизу поражали не отстававшие от них пехотинцы» (Tac. Ann. VI. 35). Но если для сарматской кавалерии взаимодействие с пехотинцами — это лишь эпизод, то на Боспоре подобный тактический прием, очевидно, мог использоваться достаточно часто. Такой знаток военного дела, как Аммиан Марцеллин, специально отмечал целесообразность размещения пехоты среди всадников в случае битвы с «закованными в железо воинами», поскольку «пехотинец в опасную минуту боя, когда все внимание сражающегося сосредоточено на противнике, незаметно подкрадываясь по земле, ударом в бок коню может свалить всадника, если тот не побережется, и без затруднений убить его» (Amm. Marc. XVI. 21–22).

¹ Ср. с рекомендацией, дающейся в «Стратегиконе» Маврикия: «Лошади, в первую очередь лошади архонтов и остальных отборных солдат, должны иметь... нагрудники — железные или войлочные, ... защищающие грудь и шею лошадей, в особенности лошадей тех солдат, которые в сражении располагаются впереди» (Maugis. I. 2.).

Уже с середины I в., в условиях частых столкновений римской армии с варварской панцирной конницей, в составе вспомогательных войск балканских провинций (Мёзия и Паннония) и на восточной границе империи появились имевшие необходимый опыт боспорские всадники. В частности, в Мёзии между 45 и 157–158 г. размещалась ранее стоявшая в Сирии, на Евфрате, I Боспорская ала (Блаватский, 1954. С. 148; Beneš, 1978. S. 110). Она относилась к разряду квингенарных, т. е. такой кавалерийский отряд включал 480 воинов (16 турм по 30 человек и 34 лошади в каждой) (Cihogius, 1897. Sp. 1234; Beneš, 1978. S. 66). Еще одна I Боспорская ала, но уже милиарная, т. е. численностью в 1000 воинов, была сформирована Траяном накануне второй дакийской войны 105–106 гг. (Герасимова, 1969. С. 5–11; Рубцов, 2003. С. 145). В условиях участвовавших столкновений с сарматами, выступавшими в роли союзников даков, в римской армии появилась I ала паннонских катафрактариев (Рубцов, 2003. С. 139). Позднее, при Адриане, в Паннонии находилась I Боспорская конная милиарная (т. е. 760 пехотинцев + 240 всадников) когорта, командирам которой Тиберию Клавдию Криспину и Титу Флавию Вару Кальвесияну посвящены два почетных декрета из Олимпии и Фокеи (Граков, 1939. С. 244. № 7; С. 264. № 34).

Возможно, с этого времени римские полководцы стали отчасти учитывать и военный опыт, накопленный боспорской армией в противостоянии кочевникам, периодически представлявшим угрозу для восточных провинций Империи. В этом отношении интересно проанализировать написанную Аррианом «Диспозицию против аланов» (Arr. Ac. c. Alan. 1–30), отразившую события 135 г., когда это сарматское племя предприняло набег на территорию Каппадокии. На марше армии рекомендовалось передвигаться одной колонной, в

авангарде и арьергарде которой находилась кавалерия. В составе самой колонны сначала следовали чередующиеся вспомогательные пехотные и конные подразделения, причем пехота с флангов охранялась кавалерией (Нефёдкин, 1999. С. 187). В случае внезапного нападения из засады это делало пехотные подразделения не столь уязвимыми. В составе этих частей под командованием Лампрокла находилась II Боспорская конная милиарная когорта лучников, до первой трети II в. размещавшаяся на территории Паннонии (Нефёдкин, 1999. С. 180). Отборная конница занимала центр построения каппадокийской армии, а замыкала его тяжеловооруженная союзная пехота, конница и обоз.

Далее Арриан подробно описывал расположение армии в случае столкновения с противником, имевшим тяжелое оружие и защитный конский доспех (рис. 106). Предложенная диспозиция была явно рассчитана на сдерживание натиска такого рода конницы и последующего достижения перелома битвы в свою пользу. Основу боевого порядка в данном случае составляли выстроенные в восемь шеренг легионеры. Воины из первых четырех рядов в случае вражеской атаки метали дротики, чтобы свалить на землю коней и сбросить всадников. Последние, если они были в тяжелом вооружении, лишались возможности снова сесть в седло. Кроме того, отражению атаки должны были способствовать боспорские и другие лучники, поставленные в девятом ряду. В задачу конницы входило обеспечение охраны и поддержки пехоты. Конных лучников предлагалось поместить сразу за основным построением, чтобы они могли стрелять через него в противника, что предполагало использование мощных и дальнобойных луков «гуннского» типа. Град стрел должен был дезорганизовать врага и рас-

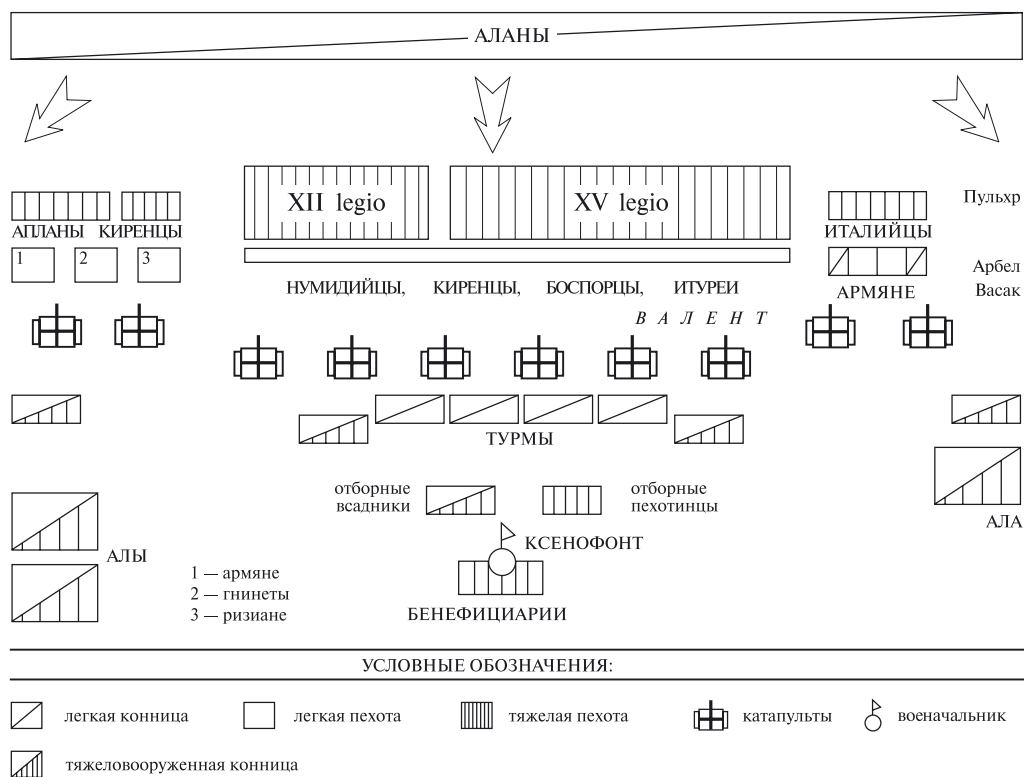

Рис. 106. Схема предполагаемого сражения между армией Арриана и аланами в 135 г. (по А. К. Нефёдкину).

строить его ряды перед массовой атакой. Той же цели служили другие виды метательного оружия — баллисты и катапульты. Если вражеская конница поворачивала назад, надлежало выделить для ее преследования половину всадников, придав им легкую пехоту.

Скорее всего, боспорская армия придерживалась рассмотренных тактических правил, но главная роль при столкновении с противником отводилась коннице, сопоставимой по численности и составу вооружения с сарматской, тогда как тяжелая пехота, выстроенная фалангой, была основой боевого порядка (Перевалов, 1999а. С. 150–151). В случае необходимости, она могла успешно наступать во взаимодейст-

вии с конными воинами или выполнять оборонительные функции и противостоять атаке вражеских всадников, встретив ее стеной щитов (Нефёдкин, 1999. С. 175). В критической ситуации, как свидетельствует одна из недавних эпитафических находок в Керчи, она могла действовать самостоятельно и не только отразить атаку сарматской конницы, но и нанести ей жестокое поражение (Сапрыкин, 2005. С. 45 сл.) Легковооруженные воины, очевидно, покидали ряды тяжелой пехоты, метали дротики и возвращались на свое место. При этом лучники были в состоянии поражать стрелами живую силу врага, стреляя через головы своих товарищей по оружию.

Относительно действий катафрактариев на поле битвы следует отметить, что панцирный доспех нередко мог стать их «ахиллесовой пятой» и, без взаимодействия с легкой конницей и пехотой, они неизбежно должны были нести тяжелые потери. Описывая нападение девятитысячного отряда роксоланов на провинцию Мёзия, Тацит отмечает: когда сарматские лошади увязли в глубоком и рыхлом снегу, свободно передвигавшиеся римские солдаты беспрепятственно засыпали своих тяжеловооруженных противников дротиками и копьями и пронзали их короткими мечами (Tac. Hist. I. 79). Действительно, в случае потери коня или падения на землю, для таких всадников было достаточно затруднительно безопасно покинуть место сражения. Весьма существенным условием успешного их применения становился рельеф местности, в частности, ровное широкое пространство, обеспечивавшее сохранение боевого порядка в момент атаки. Ведь повторить ее было достаточно сложно, если не удавалось рассечь линию противника после первого столкновения (Veget. III. 23).

Можно также предполагать, что в Северном Причерноморье, где преобладает открытая местность, большую роль играет военный обоз, использовавшийся боспорской армией в целях снабжения и обороны полевого лагеря еще при Спартокидах (Diod. XX. 22). Повозки, поставленные кругом, наподобие укрепленного лагеря, легко было использовать для предотвращения внезапного ночного нападения (ср.: Veget. III. 10; Amm. Marc. XXX. 2. 18–19), и, в целях эффективной обороны, на случай неудачи в сражении. Подобное укрепление из достаточно плотно поставленных друг к другу повозок могло на время дать надежную защиту от врага и сдерживать атаку его конницы. Кроме того, в нем хранились военное снаряжение и

продовольствие (ср.: Голубовский, 1899. С. 72–79; Плетнева, 1964. С. 133–140; Черненко, 1984. С. 59–75; Żygulski, 1994. S. 15–20).

3.2. Батальные сцены в боспорском искусстве

Яркими иллюстрациями действий боспорской армии на поле боя являются росписи пантикапейских склепов римского времени. Военизация государства в этот период, с одной стороны, и идея героизации усопшего, воспевания его подвигов в борьбе с врагами, с другой, получили в них вполне адекватное изобразительное воплощение (Диатроптов, 2001. С. 78–86). Разнообразные предметы вооружения и воинского снаряжения представлены достаточно подробно, в то же время многие детали оставались для создававших фрески мастеров малосущественными.

Самым ранним в данном отношении является склеп второй половины I в., открытый в 1841 г. директором Керченского музея А. Б. Ашиком, и, возможно, принадлежавший одному из боспорских царей (АДЖ. С. 346–375. Табл. LXXXVII–XCI). Относительно датировки склепа можно исходить только из общих соображений, но все же следует отдать предпочтение третьей четверти I в. Прежде всего, обращают на себя внимание такие детали, как изображение гладиаторов и венаторов — мода на связанные с ними представления пришла из Рима. Наибольшее влияние его на сферу зрелищ можно соотнести с периодом Боспорской войны 45–49 гг., когда римские войска четыре года оставались на территории царства, и последующим правлением Котиса I, демонстрировавшего Империи свой сервилизм и ставшего первым «пожизненным первосвященником авгу-

стов». К сожалению, о росписях склепа можно судить только по рисункам, изготовленным довольно посредственным художником А. М. Стефанским сразу после его открытия. Впечатляет нарисованная на одной из стен картина боя, расположенная под изображением загробного пира. Два отряда конных воинов с пиками наперевес во весь опор несутся навстречу друг другу, а между ними уже лежит груда мертвых тел (рис. 107). Группа боспорцев, атакующая в сомкнутом боевом порядке, представлена слева, что соответствует характерному для греческого искусства «направлению победителей». Это шесть героизированных всадников с непокрытыми головами в длинных кафтанах, через треугольный вырез которых видны чешуйчатые панцири или нагрудники. Они вступили в бой в численном меньшинстве, поскольку первоначально им противостояли восемь вражеских воинов, трое из которых уже повергнуты на землю и мертвы. Их защитное вооружение представлено каркасными шлемами

конической формы и панцирями двух типов. У одних, в том числе у погибших, они короткие чешуйчатые, без рукавов, у других, чей высокий социальный ранг подчеркнут трехчастными эмблемами на шлемах — панцири пластинчатые с рукавами до локтей, длинные до пят. В последнем случае фигуры воинов были показаны в копии несколько необычно: сидящими по-женски, что совершенно невозможно для тяжеловооруженного всадника.

М. И. Ростовцев считал, что женская посадка и доходящий до низа ног пластинчатый панцирь-кафтаны этих участников сражения являются несомненной фальсификацией (АДЖ. С. 352). Впоследствии оказалось, что в отношении панциря он ошибался. Что касается посадки, то как только ни пытались ее объяснить (Горнчаровский, 1993. С. 80). Вот только некоторые из предложенных объяснений: лошади всадников-катафрактариев имели пластинчатый панцирный доспех, неверно воспринятый при копировании фрески

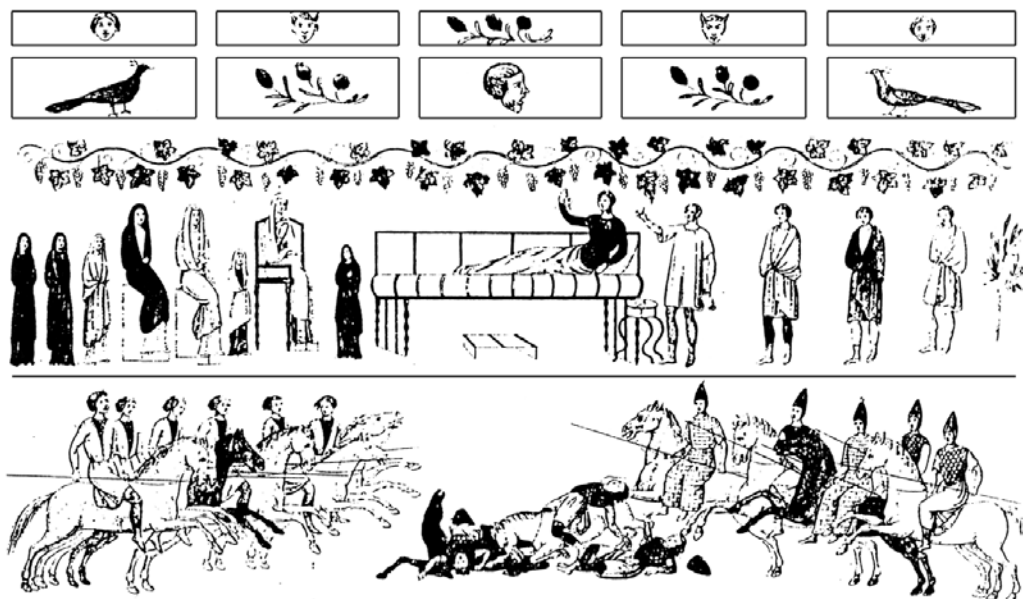

Рис. 107. Сцена конного боя в росписи пантикапейского склепа 1841 г.

(Десятчиков, 1972. С. 75); неустойчивая «дамская» посадка использовалась для демонстрации пренебрежения к противнику (Кызласов, 1973. С. 75); наконец, конным воинам, одетым в длинный неразрезанный панцирь, ничего не остается как сидеть боком (Горелик, 1971. С. 245). Впрочем, уже М. И. Ростовцев считал, что на самом деле это изображение сидящих на лошади всадников, у которых левая нога выдвинута вперед, а правая, по другую сторону лошади, отброшена несколько назад (АДЖ. С. 353). После длительной дискуссии следует признать наиболее близкой к истине следующую точку зрения: художник действительно неверно интерпретировал изображение длинных доспехов, естественно, имевших разрезы, и вполне обычную посадку всадников. Если нижний край полы доспеха спускается чуть ниже брюха лошади, то левая нога показана вполне реально, а правая была трактована так, как будто катафрактарий сидит на лошади боком (Галль, 1997. С. 186). Следует отметить, что в данном случае многих исследователей ввело в заблуждение стремление боспорских живописцев к максимальной фронтальности изображений социально значимых персонажей и определенной симметрии композиции. Между тем они выполнены по канону, где все условно — от коня до всадника. Он появился в Пальмире и Сирии в конце I в до н. э., а с начала следующего столетия получил на Востоке всеобщее распространение (Кошеленко, 1962. С. 135 сл.). Вот почему на боспорских фресках во всех случаях левостороннего движения всадники с копьями наперевес оказываются левшами, т. е. их фигуры как бы зеркально вывернуты. Только так можно было избежать их показа со спины, что, конечно, нарушило бы торжественно-парадный характер росписей склепов.

Не менее интересен для истории военного дела Боспора уже упоминавшийся

склеп, открытый в 1872 г. на северном склоне горы Митридат. Часто его называют «Стасовским», так как первое исследование и публикация открытых там росписей принадлежат перу известного художественного критика В. В. Стасова (1824–1906). В своей работе он пользовался кальками в натуральную величину, снятыми и раскрашенными художником Ф. В. Гроссом сразу после открытия склепа и затем сверенными им на месте. Более достоверными являются копии 1909 г., выполненные в красках художником М. В. Фармаковским для М. И. Ростовцева (АДЖ. С. 294).

В плане относительной хронологии Стасовский склеп, безусловно, более поздний, чем склеп 1841 г. Вслед за М. И. Ростовцевым это погребальное сооружение принято датировать первой половиной II в. (АДЖ. С. 345; Ернштедт, 1955. С. 276) или более широко — II в. (Гайдукевич, 1949. С. 415). При этом совершенно не учитывались данные об остатках погребального инвентаря в виде двух стеклянных бальзамариев. Один из них, «с высоким толстым горлом и низким, нешироким и плоским основанием» (АДЖ. С. 296), по классификации Н. З. Куниной и Н. П. Сорокиной относится к типу I (гр. 1, вариант В), датирующемуся серединой I — началом II в. (Кунина, Сорокина, 1972. С. 149. Рис. 1). Судя по рисунку в публикации В. В. Стасова (Стасов, 1894. С. 213 сл. Табл. V), второй бальзамарий имел чрезвычайно вытянутое горло и вогнутое коническое основание. Он тоже принадлежит к типу I, но уже гр. 2, варианта Е, появляющегося в Северном Причерноморье не ранее начала II в. Этим временем, скорее всего, и следует датировать погребение в склепе и его росписи.

Владелец склепа, очевидно, был крупным военачальником. По обе стороны от центральной ниши-лежанки, ставшей ме-

Рис. 108. Сцена конного боя в росписи Стасовского склепа 1872 г.

Рис. 109. Батальная сцена в росписи Стасовского склепа 1872 г.

стом его последнего успокоения, на стене запечатлены красочные сцены из военной жизни. На одной из них показано столкновение боспорского войска с вражеской конницей (рис. 108). Слева скачет катафрактарий в коническом шлеме и чешуйчатом панцире с разрезом, надетом поверх кафтана с длинными рукавами. Развевающийся за его спиной плащ создает впечатление быстрого движения. За всадником движется тяжеловооруженная пехота с короткими копьями и овальными щитами, имеющими металлические умбоны и оковку по краям (тематически к этой группе примыкает описанное выше изображение таких же воинов во главе со знаменосцем на западной стене центральной ниши). Навстречу пехотинцам устремляется конный вражеский лучник, на полном скаку пускающий стрелы в своих противников. На левом боку у него висит длинный меч в ножнах. Сзади за своим предводителем следует катафрактарий, по защитному вооружению отличающийся от боспорского только тем, что его панцирь имеет длинные рукава. В этой сцене боя боспорцы слева и варвары справа в отношении вооружения мало чем отличаются друг от друга.

Перед наступающими боспорскими воинами на земле валяются окровавленные тела их поверженных врагов. Один пронзен в сердце копьем со сломанным от удара древком, у другого отрублена голова, рядом — смертельно раненная лошадь с застрявшим в шее сломанным копьем. Седло на ее спине показано с выделенным выступом передней луки и свешивающимися тремя ремнями, под ним — красный чепрак. Наряду с общим схематизмом в этой сцене, безусловно, присутствует захватывающая динамика конного сражения, в котором запечатленная атака является уже не первой. Два преломленных копья явно носят символический характер, показывая, с одной стороны, мощь всадника-

победителя, с другой — сокрушенную силу противника (Галль, 1997. С. 189 сл).

Другой сюжет представляет бой между боспорским тяжеловооруженным всадником и пешим варваром, возможно, тавром (рис. 109). Под всадником схематично трактованное седло округлой формы. На его голове конический каркасный шлем, а поверх кафтана надет чешуйчатый панцирь с разрезами. Обороняющийся воин изображен с определенным этнографическим реализмом без шлема и панциря, с длинными волосами, усами и торчащей бородой. Он вооружен коротким мечом и ромбовидным щитом, обведенным по краю бурой полосой, скорее всего, деревянным или кожаным. Такая форма щита является достаточно редкой, так как очень невыгодна для защиты плечей, груди и бедер. Интересно отметить, что такой же ромбовидный щит мы видим в изображении трофея на монете царя Аспурга (10/11–38), который одержал ряд важных побед в Таврике, и в серии терракотовых статуэток-гротесков II–III вв. (Сокольский, 1955. С. 17–18).

Еще одна сцена конного боя, скопированная в красках Ф. В. Гроссом (рис. 110), была обнаружена в расписном склепе 1873 г., расположенном недалеко от «Стасовского». Более детальную копию, но уже со значительными утратами и в черно-белом варианте, изготовил в 1911 г. М. В. Фармаковский (АДЖ. С. 228), но, в любом случае, при изучении росписи склепа приходится пользоваться и рисунками Ф. В. Гросса, несмотря на ряд неточностей дающими представление о композиции батальной сцены в целом. М. И. Ростовцев, за отсутствием более точных данных, исходя из анализа особенностей стиля росписи, полагал, что ее можно отнести к концу I — первой половине II в., отмечая возможный приоритет в этом отношении Стасовской гробницы (АДЖ. С. 243). С учетом выска-

Рис. 110. Батальная сцена в росписи пантикапейского склепа 1873 г. (по Ф. И. Гроссу)

занных выше соображений о датировке последней, видимо, справедливо говорить о первой половине II в.

В росписи склепа справа представлен победоносный боспорский всадник, который скачет во весь опор навстречу своему противнику. Голова его защищена каркасным шлемом конической формы, где места скрепления металлических полос показаны тремя рядами точек. Защитный доспех боспорца с коротким рукавом достаточно широк, при этом его контур обозначен волнистой линией. Возможно, таким образом, художник пытался передать кольчужный набор. Обими руками всадник держит огромную пику с массивным наконечником. Под ногами лошади лежат тела двух убитых врагов. Слева изображен сраженный насмерть сарматский конный воин, голова которого² склонилась на правое плечо, а из рук выпало сломанное копьё не

меньших размеров, чем у победителя. На голове его шлем уже описанной конструкции, но с нащечниками, подвязанными под подбородком. Ниже сохранилась такая деталь изображения, которую можно трактовать как стоячий ворот.

Единственной аналогией для рассмотренных батальных сцен в боспорском искусстве является уже упоминавшийся рельеф на обломке надгробия I–II вв. из некрополя Нимфея. Он наиболее близок к сюжету поединка всадника с пешим варваром из «Стасовского» склепа. Можно упомянуть также один из типов реверса медных монет Рескупорида II. Здесь изображен скачущий вправо всадник с длинным копьём, а под копытами его лошади помещена миниатюрная фигура сраженного вражеского конного воина, голова и корпус которого откинута назад (Анохин, 1986. С. 167. Табл. 31, 647).

² Этот единственный уцелевший фрагмент фрески в настоящее время хранится в собрании Государственного Исторического музея в Москве (На краю ойкумены, 2002. С. 88. № 367).

Глава 4 ОБОРОНА ГРАНИЦ ГОСУДАРСТВА

4.1. Рубежи обороны

Границы, которые защищали боспоряне, были весьма размытыми для степных районов Крыма и Прикубанья. Основная же территория царства площадью более 2 тыс. км² и населением около 250 тыс. человек разделялась на шесть уже известных нам военно-административных округов: Царская область (Пантикапей и прилегающие земли), Феодосия с округой, Танаис и земли в дельте Дона, Остров с центром в Фанагории, Горгиппия в Синдике и область аспургиян (ср.: Ростовцев, 1989. С. 195).

Первой линией обороны боспорских владений были небольшие крепости и сторожевые посты, выдвинутые в горные и степные районы (Масленников, 1998. С. 180). К их числу на западной границе можно отнести Кутлакскую крепость (Ланцов, 1997. С. 72 и сл.; Он же, 1999. С. 132 и сл.) и укрепленное поселение Сары-Кая к западу от Феодосии (Петрова, 2000. С. 120). На Кутлакской крепости второй половины I в. до н. э. — I в. н. э., раскопанной практически целиком, следует остановиться особо. Она расположена в 60 км юго-западнее Феодосии, на западном отроге г. Караул-Оба. Укрепление площадью около 0,15 га было возведено в 170 м от береговой линии, на небольшом плато, с западной и южной сторон круто обры-

вающимся вниз. В плане оно имело пятиугольную форму с четырьмя башнями и бастионом по углам, сложенным из наиболее крупных каменных блоков и валунов (рис. 111–113). Реконструируемая высота стен в зависимости от рельефа местности могла достигать 4–6 м. Ширина куртин составляет от 1,4 до 2,7 м. В центре восточной линии обороны и юго-западном углу форта находились две калитки шириной до 1,5 м. Последняя была сооружена на месте более ранних перестроенных ворот шириной 2,6 м. Наиболее крупной оказалась восточная башня крепости размерами 10,7 × 8,3 м. Ее первый этаж, не связанный с более верхним уровнем лестницей, включал две камеры, имевшие хозяйственное назначение. Таким образом, на второй этаж башни можно было попасть только с боевого хода куртины через перекидной деревянный мостик. В башнях и бастионе, где, вероятно, размещались метательные машины, найдены в большом количестве снаряды для них весом до 3 кг, а также галечные и песчаниковые ядра для пращи (Ланцов, 1999. С. 127). Вдоль внутренней стороны восточной и западной куртин размещались воинские казармы гарнизона численностью не более 100 человек из пяти и шести помещений соответственно (Ланцов, 1999. С. 128–131).

В состав передовой линии обороны Азиатского Боспора входили однотипные двухкамерные постройки с мощными стенами площадью 110–200 м², располагавшиеся в 3,5–5 км друг от друга в окрестностях пограничного городка Баты (рис. 113), и крепости, прикрывавшие подъездные пути к Горгиппии (Онайко, Дмитриев, 1982. С. 107 сл.; Алексеева, 1980. С. 10–20; 1988. С. 66–70). В качестве второй линии обороны, прикрывавшей Таманский полуостров, можно рассматривать укрепления на западном коренном берегу древней поймы Кубани. Восточную линию их состав-

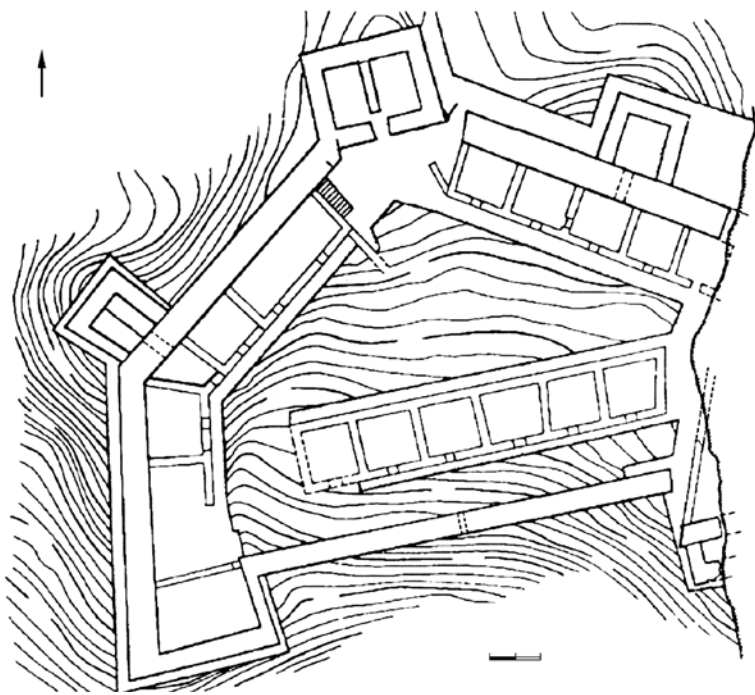

Рис. 111. Кутлакская крепость. План по С. Б. Ланцову

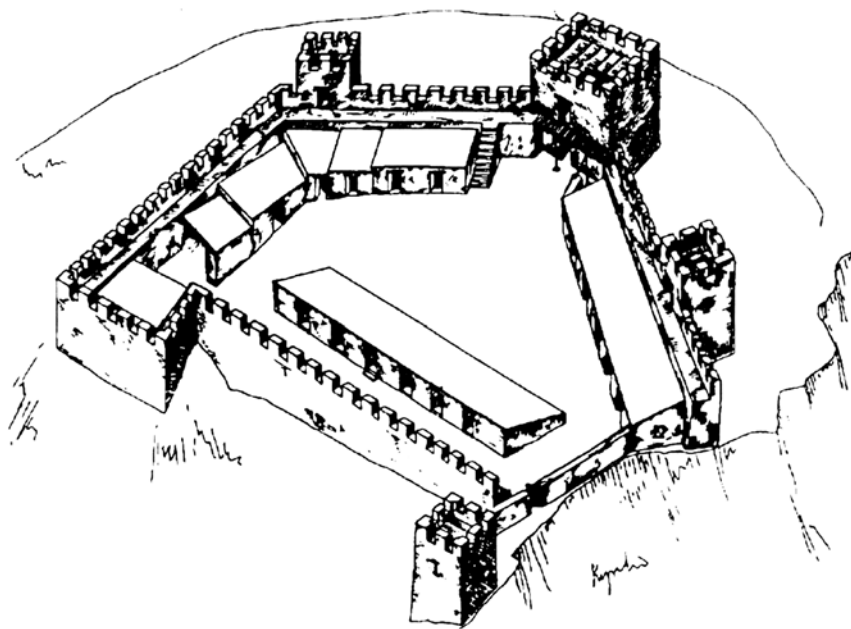

Рис. 112. Кутлакская крепость. Реконструкция по С. Б. Ланцову. Вид с юго-востока

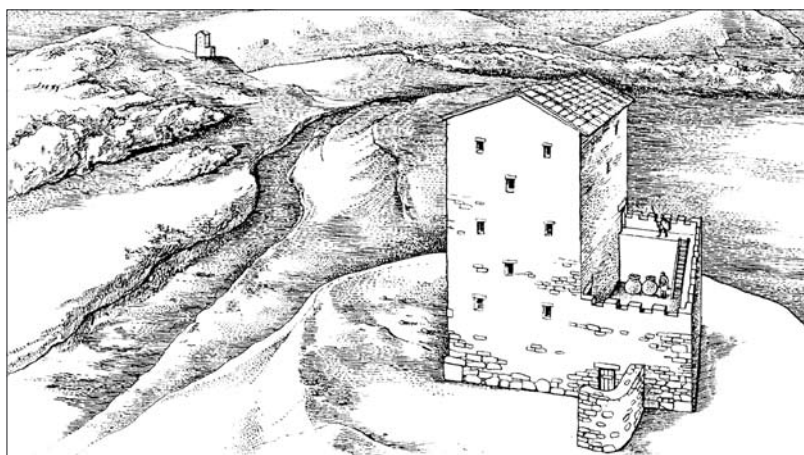

Рис. 113. Сторожевые башни на юго-восточной границе Боспора (реконструкция А. А. Масленникова)

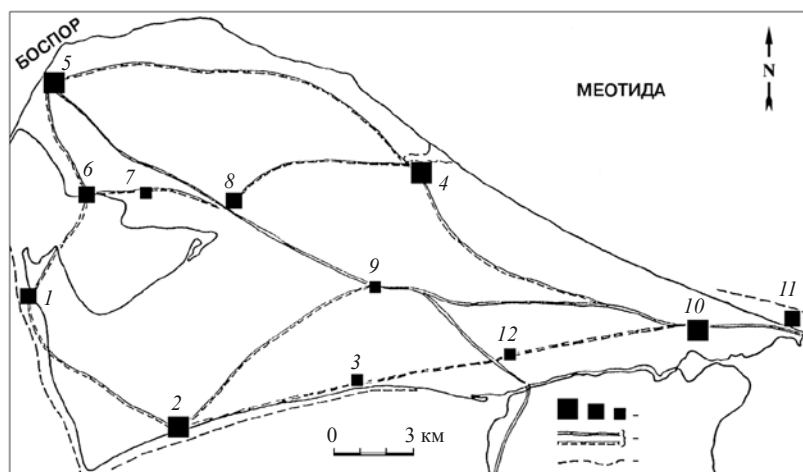

Рис. 114. Схема пространственного размещения крепостей Фонталовского полуострова (по Я. М. Паромову): 1 — Каменная батарейка; 2 — Патрей; 3 — Тартарская; 4 — Кучугуры; 5 — Ильич; 6 — Батарейка I; 7 — Батарейка II; 8 — Красноармейский; 9 — Фонталовская; 10 — За Родину (резиденция Хрисалиска); 11 — Тирамба; 12 — Юбилейный; а — крепости; б — главные древние дороги; в — линия древнего берега

ляют городища Старотитаровское, 14 и Стрелка, 2, а южную, проходившую по берегу Кизилташского лимана, — четыре крепости (Вышестеблиевская, 11, Старотитаровское, 17 и др.), расположенные на расстоянии 4–6 км друг от друга (Рогов, 1999. С. 154–155). Важное значение имел

также укрепленный район на Фонталовском полуострове (рис. 114), куда входило 12 крепостей (Сокольский, 1975. С. 29; 1976. С. 109–113; Толстиков, 1989. С. 52–65; 1992. С. 41–57; Паромов, 2003. С. 95).

На территории Восточной Таврики второй линией обороны служили валы пред-

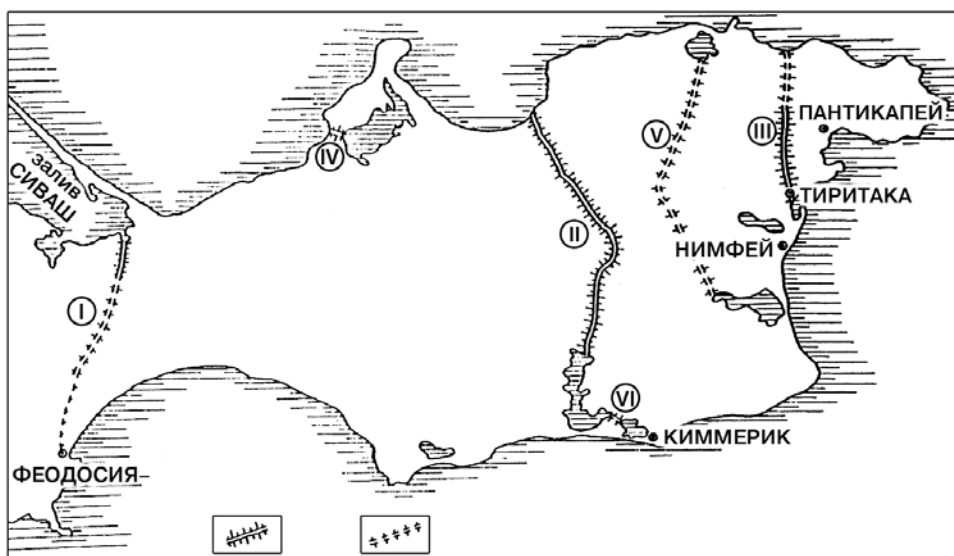

Рис. 115. Схема расположения древних земляных укреплений на Керченском полуострове (по А. А. Масленникову):

1 — существующие валы и рвы; 2 — несохранившиеся или почти исчезнувшие укрепления;
 I — Акмонайский вал; II — Узунларский вал; III — Тиритакский вал; IV — Акташский вал;
 V — вал «Безкровного»; VI — Кояшский вал

существовавшего времени, продолжавшие использоваться в римский период (рис. 115). Подобные сооружения без постоянного внимания быстро приходили в негодность и требовали периодического обновления. Иногда такие акции приобретали достаточно масштабный характер. Так, Страбон сообщает, что боспорский царь Асандр «построил на перешейке... поблизости от Меотиды стену длиной в 360 стадий (около 64 км — В. г.) и воздвиг на каждую стадию по 10 башен» (Strab. VII. 4. 6)¹. С учетом имеющихся данных есть основания полагать, что в этот период были обновлены и усилены три древних земляных вала на Керченском полуострове: Арабатский (от берега Азовского моря к западу от Арабатской стрелки до Феодосии) длиной около 25 км, Узунларский (от Азовского моря

до Узунларского озера)² — около 32 км и, возможно, часть т. н. Тиритакского вала в северо-восточной части Керченского полуострова (Масленников, 1983. С. 20–21; 1998. С. 225–226). Перед Узунларскими валом на протяжении 50–60 км располагалась практически лишенная поселений «мертвая зона», на преодоление которой, если это не был конный набег, потенциальный противник должен был затратить не менее одного-двух дней. Такая же ситуация сложилась перед римскими пограничными линиями (лимесом), где запрещалось селиться варварам. Собственно боспорские валы, видимо, предназначались в основном для защиты от внезапных грабительских нападений мобильных от-

¹ Историографию вопроса о локализации вала Асандра см.: Масленников, 2003. С. 12 сл.

² Очевидно, именно это сооружение, с наибольшей долей вероятности, можно соотнести с валом Асандра, упомянутым у Страбона (Голенко, 2004. С. 39–44).

рядов варваров и, в любом случае, существенно снижали возможность их маневра при отступлении (Маринович, Кошеленко, 2000. С. 133). Обстановку периодически возникавшей внешней опасности в пограничных с варварами районах Северного Причерноморья красочно передает эпизод из жизни Ольвии конца I в., описанный вифинским ритором Дионом Хрисостомом в его «Борисфенитской речи», где сообщается о том, что «вчера в полдень сарматы совершили набег» и убили несколько часовых; с остальными дозорными связь утрачена, настроение в городе тревожное, ворота на запоре, на стене развевается военное знамя (Dio Chrys. XXXVI).

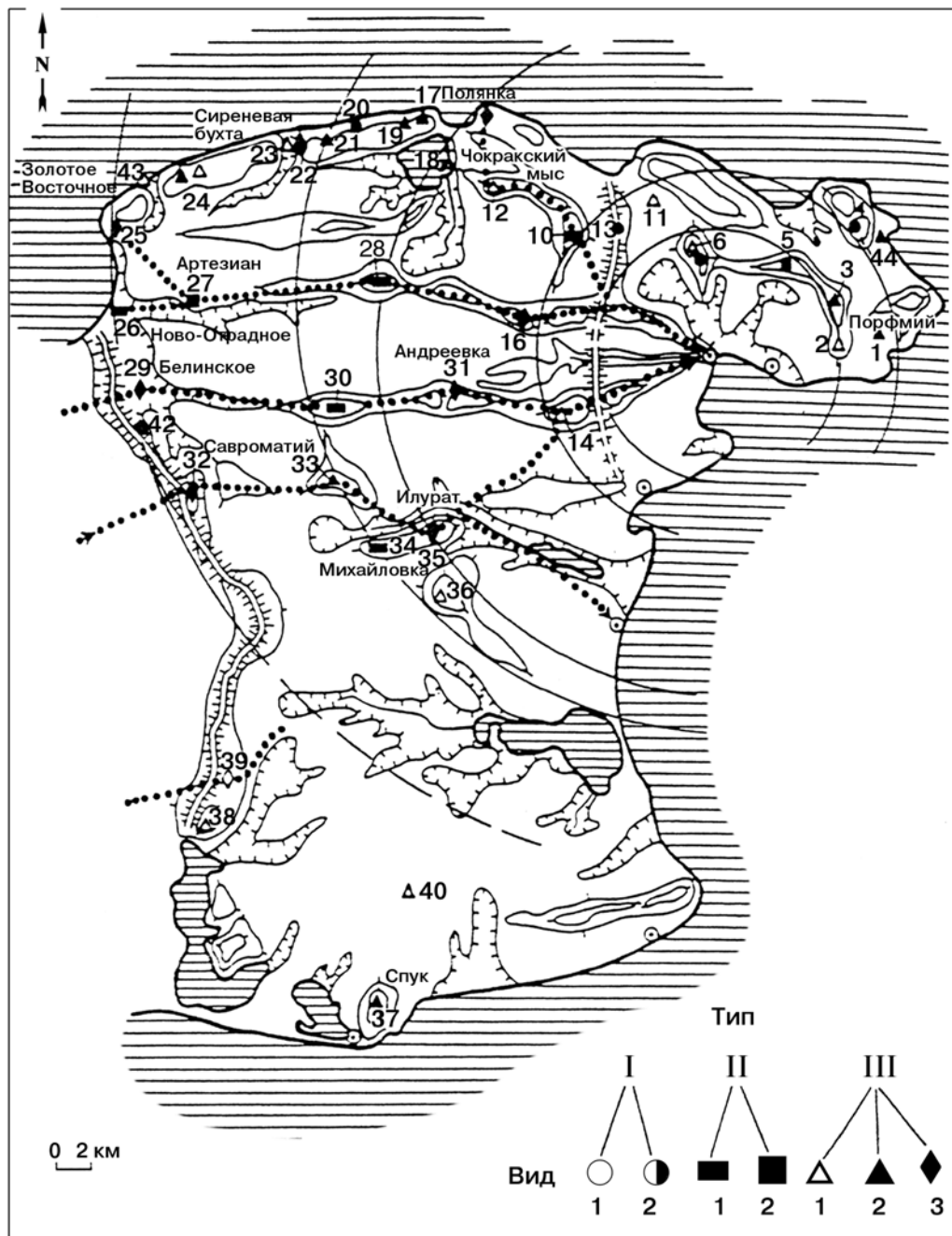
Грандиозные фортификационные работы на границах государства вряд ли были предприняты ранее конца 40-х гг. I в. до н. э., когда положение Асандра на Боспоре окончательно упрочилось. При наличии опытных военных инженеров и организованной рабочей силы в виде нескольких тысяч человек их можно было провести в достаточно сжатые сроки. Наиболее близким по времени примером, связанным с практикой римской армии, является возведение в 58 г. до н. э. легионерами Цезаря (около 10 тысяч человек) рва и вала высотой 4,8 м и протяженностью 28 км всего за 18–20 дней, чтобы воспрепятствовать продвижению гелльетов в пределы Нарбонской Галлии (Caes. De bello Gall. I. 8). Столь же бурный строительный энтузиазм продемонстрировали позднее, в 70 г. н. э., римские солдаты (не менее 20 тысяч человек) под командованием Тита в период осады Иерусалима, когда за три дня они возвели вокруг города стену длиной почти 7 км и тринадцать сторожевых башен (Jos. Fl. Bell. Jud. V. 12.)³. Для за-

падной части Боспорского царства подобная задача упрощалась из-за наличия уже существовавших земляных оборонительных сооружений. Что касается сигнально-сторожевых башен, которыми при Асандре были усилены валы, то по существующим оценкам на строительство даже мощной башни затрачивался месячный труд 10–50 человек (Ducrey, 1986. P. 135). Единственная из полностью исследованных башен Узунларского вала выглядит достаточно скромно. Прямоугольная постройка, возведенная на материковой скале, имела размеры 10,4 × 12,8 м при толщине стен 1,2–1,9 м, что позволяет реконструировать здесь несколько этажей общей высотой не менее 9–10 м. С внутренней стороны исследованного здесь участка вала проходила вымощенная камнем дорога шириной около 4 м (Масленников, 2003. С. 208, 210).

В таких башнях-фортах, видимо, размещались постоянные, хотя и небольшие, гарнизоны. Главной задачей для них, скорее всего, являлась не защита соответствующего участка обороны, а своевременная передача сигнала о вражеском нападении, что не исключало после непродолжительной осады вохможных действий в тылу прорвавшегося противника (Масленников, 2003. С. 211). Правда, в таком виде система башен-фортов просуществовала недолго: все они «гибнут в сильном пожаре где-то в середине последней четверти I в. до н. э.» (Масленников, 2003. С. 212). Вполне допустимо связать военные действия, которые привели к данному результату, с римлянами или их ставленником Полемоном, стремившимися обеспечить более полный контроль над Европейским Бос-

³ Для сравнения можно привести эпизод из истории средневековой Пизы, когда в 1155 г., опасаясь нападения германского императора Фридриха Бар-

бароссы, жители города (трудоспособное мужское население не более 4 тыс. чел.), располагавшие не большими техническими возможностями, чем солдаты Цезаря, за два месяца выкопали ров длиной 6 км и построили стену на самом уязвимом участке обороны (Контамин, 2001. С. 123).

пором. Дополнительное укрепление этого оборонительного рубежа относится уже ко времени не позднее конца I — начала II вв. или первой четверти II в., когда в условиях обострения военно-политической обстановки проводятся какие-то работы, возможно, связанные с усилением проездов через линию укреплений (Масленников, 2003. С. 208). В аналогичной ситуации конца II в. по повелению Савромата II почти в центре трассы вала возводится большая крепость, предположительно с названием Савроматий (КБН. № 970).

Главные дороги на основной территории царства контролировались сетью хорошо укрепленных усадеб и крепостей (рис. 116), игравших одновременно роль опорных пунктов для защиты прилегающей сельской округи (Масленников, 1992. С. 69–84; 1998. С. 112–181). При их возведении, как правило, максимально использовались особенности природного рельефа, прежде всего, удобные для обороны холмы, мысы и полуострова.

Характерным примером в данном отношении являются крепости Азиатского Боспора, входившие в систему обороны Фонталовского полуострова: Патрей, «Батарейка I», у поселка Красноармейское и др. (Толстикова, 1992. С. 44 сл.). На первом этапе строительства этих укреплений

с помощью рва намечались их будущие границы. Добытый таким образом грунт шел на сооружение насыпи вала, достигавшего высоты 3 м при ширине основания до 10 м. Второй этап был связан с возведением башен на специальных фундаментах из рваного камня. Кладка собственно башен состояла из сырцовых кирпичей на глинистом растворе с равными им по толщине деревянными брусьями, уложенными вдоль и поперек в целях повышения прочности всего сооружения. На третьем этапе по той же схеме строились куртины — оборонительные стены между башнями (рис. 117). Наконец, в ходе дальнейших работ к башням и куртинам с внутренней стороны пристраивались глиняные платформы шириной 8–9 м, усиленные кладками из сырцового кирпича и бутового камня. Нетрудно себе представить, насколько это должно было затруднить действие вражеских таранов или подведение осадных подкопов. Башни с толщиной стен до 3 м имели не менее трех этажей высотой около 3–5 м. Как и куртины, в большинстве случаев они были снабжены кровлями. Об этом красноречиво свидетельствуют использовавшиеся для их утепления пласты камки, упавшие сверху и обнаруженные у подножия оборонительных стен.

Рис. 116. Система обороны восточной части хоры Европейского Боспора в первые века н. э. (по А. А. Масленникову). Типы поселений:

I — отдельные жилищно-хозяйственные комплексы: 1) — сторожевые башни, башни-убежища; 2) — укрепленные дома башенного типа; II — поселения с концентрической застройкой: 1) площадью 500–800 кв. м; 2) — площадью 1500 кв. м и более; III — поселения с линейной застройкой: 1) — площадью около 0,12 га; 2) — площадью около 0,5 га; 3) — площадью 1 и более га.
Цифрами обозначены следующие поселения: 1 — Порфмий; 2 — Каменка; 3 — Глазовка; 4 — Осовины; 5 — Темир-Гора; 6 — Бондаренково Западное; 7 — Бондаренково Восточное; 8 — Ак-Бурун; 12 — Кезы; 13 — Высокое; 14 — Куль-Оба; 15 — Войково; 16 — Кара-Оба; 17 — Полянка; 18 — Чокракский мыс; 19 — Зеленый мыс; 20 — Скала; 21 — Сиреневая бухта; 22 — Генеральское Восточное; 23 — Салачик; 24 — Куль-Тепе; 25 — Золотое (берег); 26 — Ново-Отрадное; 27 — Артезиан; 28 — Багеро Северное; 29 — Белинское; 30 — Либкнехтовка; 31 — Андреевка Северная; 32 — Савроматий; 33 — Тасуново; 34 — Михайловка; 35 — Илурат; 36 — Чурубашский маяк; 37 — Опук; 38 — Атаманская Гора; 39 — Тамариново; 40 — Марфовка; 41 — Костырино; 42 — Узунларский вал, башня № 1; 43 — Золотое Восточное; 44 — Варзовка

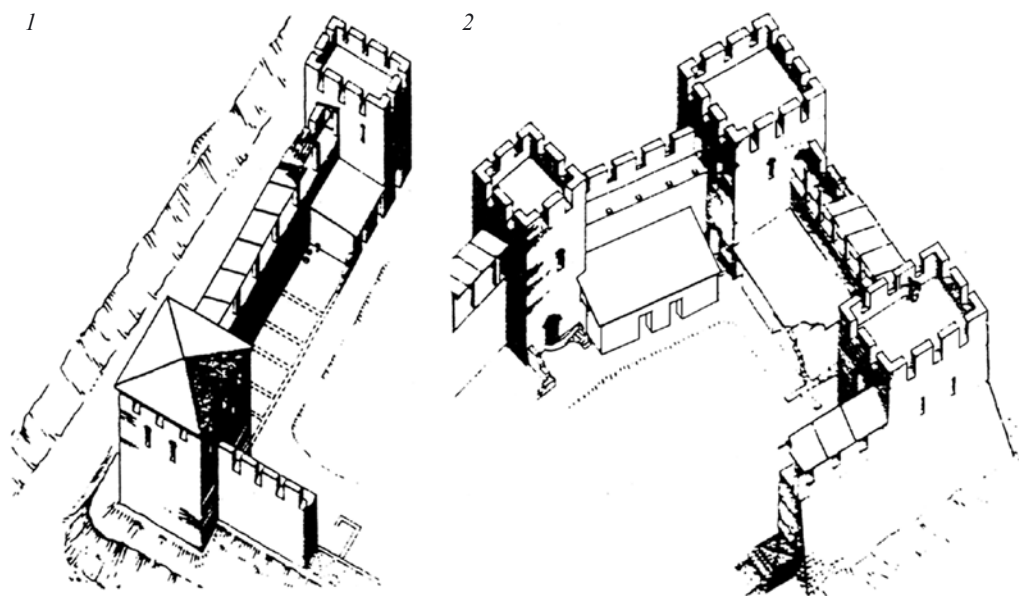

Рис. 117. Крепости Азиатского Боспора I в. до н. э. — I в. н. э.
1 — Батарейка I; 2 — Батарейка II (по В. П. Толстикову)

Рис. 118. Боспорские монеты I–II в. с изображением крепостей

Ряд городов, особенно центры военно-административных округов, располагали собственной фортификационной системой. Внешний вид крупных крепостей, очевидно, соответствовал изображениям, появляющимся на боспорских монетах с конца I в. н. э., где представлены ворота с арочным завершением и фланкирующие их башни из крупных каменных блоков прямоугольной формы, имеющие завершение в виде зубцов (рис. 118). Судя по тому, что укрепления вдоль рубежей государства находятся не так уж далеко друг от друга, все они были связаны между собой и, в конечном счете, со столицей, световой или дымовой сигнализацией. При вторжении врагов в короткое время могли быть мобилизованы значительные военные силы, а подразделения регулярной армии и отдельные гарнизоны вполне были способны оказать необходимую помощь друг другу. Тем не менее, в отдельных случаях военные действия приходилось вести и непосредственно у столицы государства. Так, в одной из пантикапейских надгробных надписей I в. повествуется об Аристоне, сыне Аристана, «защищавшем стены отечества» и навечно оставшемся «в памяти всех боспорцев» (КБН. № 133).

В любом случае глубоко эшелонированная оборона работала против нападающей стороны. В отношении Боспора можно сказать, что здесь «наблюдается любопытное соединение римской идеи стратегической обороны и тактических приемов и конкретных рекомендаций по фортификации, выработанных еще эллинистическим миром» (Масленников, 1998. С. 261). Поддержание в постоянной боевой готовности существующих линий укреплений и опорных пунктов было единственно возможным способом обеспечить достаточно эффективную оборону государства, не требующую содержания большой постоянной армии. В противном случае расходы на нее

оказались бы слишком обременительными для боспорской династии Тибериев-Юлиев, несмотря на помощь Рима.

4.2. Крепость Илурад в системе обороны Европейского Боспора

Особое значение для изучения фортификации Боспора римского времени имеют материалы раскопок Илурата, наиболее основательно исследованной боспорской крепости I–III вв. (рис. 118). В силу исключительной сохранности всех элементов оборонительной системы и жилых строительных комплексов, Илурад заслуживает особого внимания, поскольку позволяет достаточно полно охарактеризовать не только проблемы, связанные с развитием крепостной архитектуры этого времени, но и различные, имеющие отношение к военному делу аспекты жизни тех его обитателей, кто в течение более чем двух столетий защищал подступы к столице Боспорского государства.

Начало изучения Илурата связано с именем выдающегося исследователя античного Боспора Поля Дюбрюкса (1770–1835), безусловной заслугой которого является фиксация на плане и описание прекрасно сохранившихся оборонительных сооружений крепости (Дюбрюкс, 1858. С. 54–63; Гайдукевич, 1950, с. 173 сл.; Тункина, 1999. С. 16; 2002. С. 153 сл. Рис. 53, 54). Позднее В. Ф. Гайдукевич первым счел возможным отождествить городище у деревни Ивановка с Илуратом (Гайдукевич, 1950. С. 203 сл.), о местонахождении которого в стороне от побережья Восточной Таврики писал Клавдий Птолемей (ок. 100–165 гг.). Сопоставление сведений его «Географии» (Ptol. Geogr. III. 6. 4) с сообщениями Плиния и Арриана показывает,

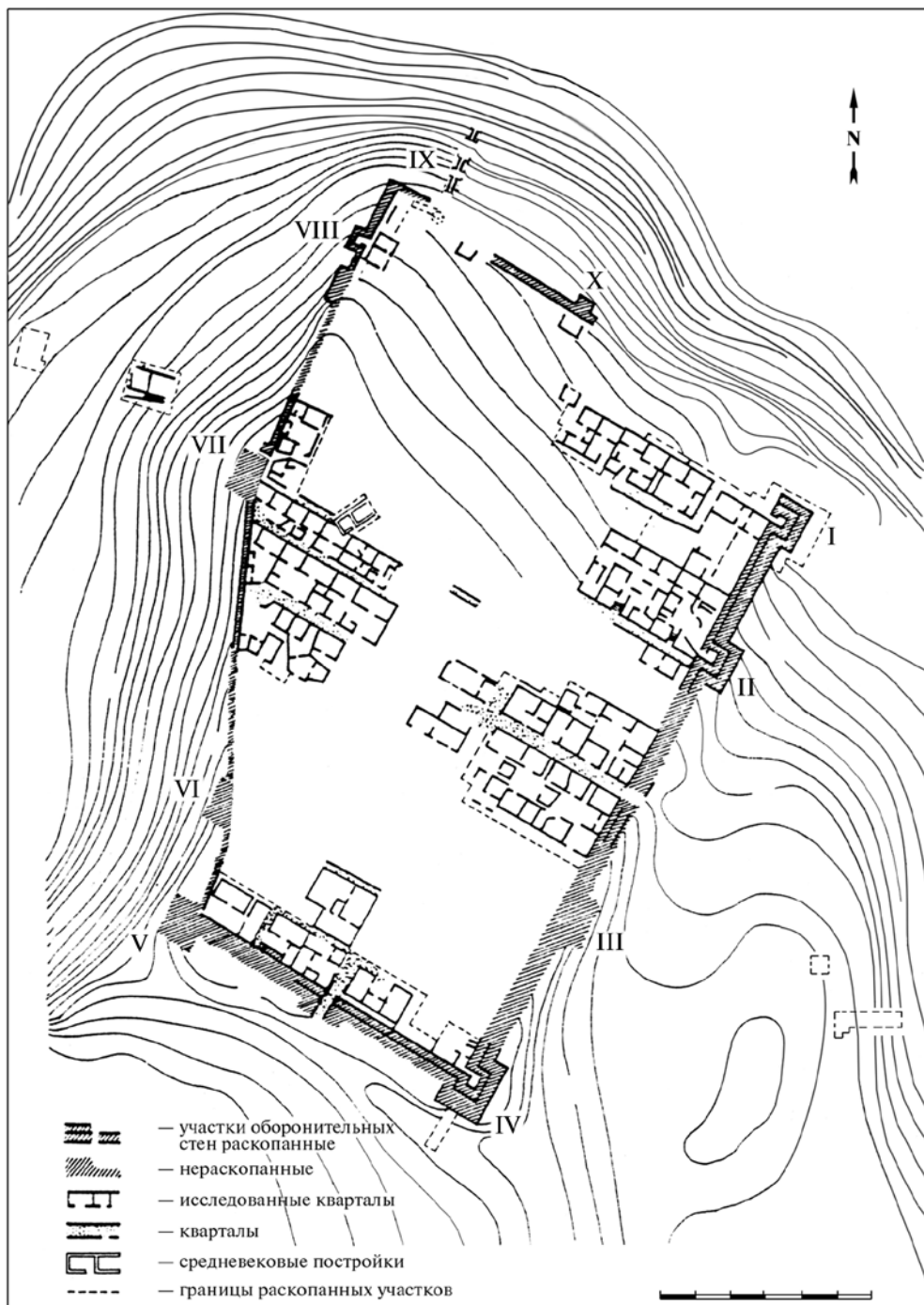

Рис. 119. Крепость Илурат. I—III в. План

что в ней добросовестно передана информация, по-видимому, полученная через Боспор или римские гарнизоны в Таврике (Ростовцев, 1925. С. 78). Поскольку считается, что Птолемей приступил к созданию «Географии» после 150 г. (Бронштейн, 1988. С. 15), можно полагать, что новые данные, использованные в последней, восходят к концу I — первой половине II в. В настоящее время локализация Илурата на месте городища у дер. Ивановка стала общепризнанной (ср.: Зубарев, 1998. С. 117), хотя ни одной надписи, подтверждающей ее, так и не найдено.

Илурат был основан во второй трети I в. н. э. как один из ключевых пунктов в системе дорог и укреплений Европейского Боспора. По своему местоположению, в 14 км к востоку от Узунларского вала, он был самым южным звеном в системе обороны северо-восточной части Керченского полуострова, куда входили также Савроматий и крепость, известная под названием Андреевка Северная (Масленников, Чевелев, 1983. С. 91; Кругликова, 1975. С. 109 сл.).

Продуманность выбора места для крепости свидетельствует о высоком профессионализме военных инженеров, руководивших строительством. Руины Илурата высятся на пологом скалистом плато высотой около 45 м, на правом берегу небольшой речушки, текущей с запада на восток и впадающей через 5 км в Чурубашское соленое озеро. В районе городища долина речки довольно узкая, с крутыми, иногда обрывистыми бортами.

Плато, на котором находится городище, сложено мощной толщей горизонтально-слоистых известняков меотического яруса, которая кое-где переслаивается водоупорными пластами глины, благодаря которым в бортах долины существуют пресные источники. Изучение особенностей топографии северо-восточного склона городища

позволило выявить в районе восточного угла крепости своеобразный, довольно широкий пандус, скорее всего, естественного происхождения, но, по-видимому, подправленный когда-то местными жителями для удобства подъема из долины на плато. Современный уклон здесь составляет около 10° , т. е. наверх легко могла подняться повозка, а тем более всадник. Внизу, на первой надпойменной террасе, пандус переходит в дорогу, следы которой заметны в рельефе. В свое время она была отмечена и на плане П. Дюбрюкса (Гайдукевич, 1958. С. 12–13). С точки зрения обороны эта дорога расположена очень выгодно, т. к. проходила под северо-восточной стеной крепости, что создавало возможность эффективного обстрела вражеских воинов в случае их передвижения по ней.

Скалистое плато, которое занимает крепость, постепенно понижается в северо-восточном направлении. При этом перепад уровней на застроенном участке составляет 15 м. Этим обусловлена специфическая система обустройства городской территории, связанная с созданием нескольких искусственных террас высотой от 0,6 до 2 м. Добытый таким образом камень использовался на месте для строительства. Мощные оборонительные стены, фланкированные башнями, на северо-западе и северо-востоке, где существуют естественные рубежи обороны в виде крутых склонов холма, следуют рельефу местности; с напольной же стороны они пересекаются под прямым углом. Максимальная площадь застройки Илурата после включения в нее в III в. северо-западной надпойменной террасы составила около 3 га.

Многолетние раскопки Илурата позволили выявить основные элементы фортификации и этапы строительства этой крепости, игравшей роль военно-административного центра для прилегающей сельскохозяйственной округи (Горончаровский, 1989.

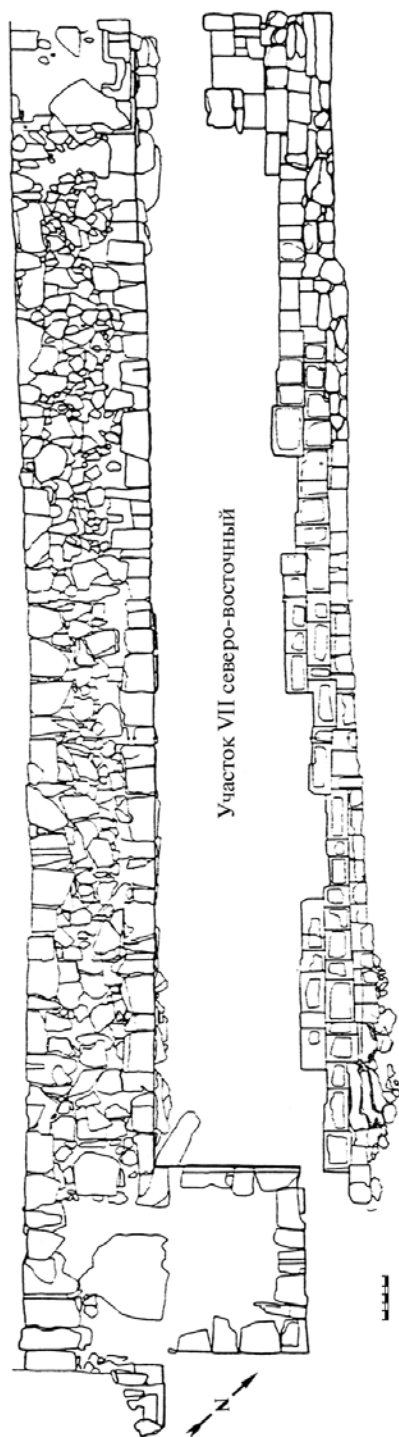

Рис. 120. Илурат. Северо-восточная оборонительная стена с башней. План и фасировка

С. 36 сл.; 1995. С. 60; 2002. С. 68 сл.). Сразу отметим, что установить облик первоначального укрепления на этом месте почти невозможно, т. к. ранние слои практически уничтожены в процессе последующих строительных работ, когда осуществлялось террасирование территории крепости.

Размеры раннего Илурата точно неизвестны, но, скорее всего, они соответствуют тому, что мы знаем для более позднего времени. В данном отношении привлекает внимание наличие в основании облицовки внутреннего фаса юго-западной оборонительной стены кладки из хорошо обработанных плит, отделанных в руст (Гайдукевич, 1981. С. 133. Рис. 50). Здесь, на участке двора 15 у башни V, сохранилось от одного до четырех рядов известняковых блоков при наибольшей высоте 1,3 м. Эта часть стены настолько разительно отличалась от привычного облика фортификационных сооружений Илурата, что В. Ф. Гайдукевич в свое время вполне естественно предположил вторичное использование рустованных плит, добытых из какого-то более раннего укрепления, может быть, на этом же месте (Гайдукевич, 1981. С. 135). Этот вопрос окончательно прояснило открытие на противоположном склоне городища остатков оборонительных сооружений раннего периода: небольшой башни размерами $4,4 \times 2,8$ м и примыкающего участка оборонительной стены с рустованными квадратами по внешнему фасу (рис. 120). Кладка стены толщиной 2,5 м вскрыта к северо-западу от башни на протяжении 27 м. Пространство между склоном холма и стеной на этом участке было сnivelировано строительным мусором таким образом, что перепад высот между основанием башни и вымосткой более позднего жилого комплекса II–III вв., расположенного выше, составил 3,5 м. Согласно правилам фортификации того вре-

мени⁴ северо-восточная оборонительная стена возведена на подтесанном скальном основании из крупных, хорошо обработанных квадров известняка желтовато-серого цвета, размерами по фасу от 0,9 × 0,45 до 1,2 × 0,42 м, на которых сохранились следы распилов и отески. В последнем случае они соответствуют рабочей кромке инструмента типа зубила или тесла длиной от 4 до 10 см.

Кладка стены по фасу уступчатая, без применения связующего раствора, поскольку, как отмечал еще О. Шуази, «кладка тесаными камнями всегда производится насухо» (Шуази, 1937. С. 282). Весьма существенно здесь и другое его наблюдение относительно отески камней, которая обычно «сведена к необходимому минимуму: ...отесаны лишь постели камней, из вертикальных швов отесаны только те, которые находятся в непосредственной близости к поверхности...; остальные (стороны — В. Г.) остаются необработанными...» (Шуази, 1937. С. 241). Таким образом, руст здесь представлял собой определенный технический прием для наилучшей подгонки известняковых квадров разных размеров, выступая над их подтесанной поверхностью всего на 1–2 см.

Ранняя оборонительная стена имеет трехчастную структуру: два панциря, в которых блоки уложены рваной поверхностью внутрь, и забутовка из грубо обколотых камней между ними. Прочность подобной кладки достигалась как за счет ее собственной тяжести, так и за счет деревянных балок, уложенных на всю ширину стены. Вырубы под них обнаружены и в башне, и в стене. Это буквально совпадает с рекомендациями Филона Византийского:

⁴ Ср. со следующим указанием Филона Византийского (III в. до н. э.): «При постройке башен нужно... копать до скалы, до воды или до какого-либо надежного слоя грунта» (Philon. I. 1).

«Внутри стен и башен нужно проложить составные деревянные брусья в четыре локтя, чтобы в случае повреждения стены литоболлами легче было привести ее в исправность» (Philon. III. 3).

Использование рустованных квадров на юго-западной и северо-восточной линиях обороны Илурата позволяет говорить о том, что в I в. в боспорской фортификации сохранялись традиции позднеэллинистической строительной техники⁵. В данном отношении Илурат отнюдь не исключительное явление. В свое время В. Ф. Гайдукевичем при исследовании оборонительных сооружений Тиритаки было зафиксировано, что стена II толщиной 2,3–2,4 м возведена в северо-западной части города на культурном слое IV–III вв. до н. э. Отсюда был сделан вывод о возможности датировать ее первой половиной или серединой III в. до н. э. (Гайдукевич, 1958. С. 157). В северо-восточной части Тиритаки к этой стене и угловой башне пристроен дополнительный панцирь из рустованных блоков (стена I), подошва кладки которого на 0,5 м выше, чем у стены II. Бутовый фундамент его впущен в эллинистический слой III–II вв. до н. э., что дает *terminus post quem* для этого строительства. При этом часть стены внутреннего пояса была перестроена и сужена до 1,1–1,65 м. Для ее укрепления использовались деревянные балки, сильно истлевший кусок одной из которых происходит из кладки.

⁵ В этой связи отметим наличие в илуратском некрополе монументального склепа № 32 с уступчатым сводом, сооружение которого также можно отнести к I в. (Кубланов, 1979. С. 95), хотя ранее верхней границей строительства таких склепов на Боспоре считали II–I вв. до н. э. (Кауфман, 1947. С. 11). Другой пример эллинистических традиций в погребальной архитектуре римского времени, уже за пределами Боспора, это применение руста в обработке лицевой поверхности плит крепиды Зевсова кургана конца II в. в Ольвии (Фармаковский, 1906).

Судя по найденному здесь же обломку амфоры римского времени, перестройка оборонительной стены происходит в I–II вв. (Гайдукевич, 1958. С. 162). Со стороны города вплоть до ее основания залегал культурный слой II–III вв. Не решившись отнести рустованную кладку ко времени более позднему, чем эллинистический период, В. Ф. Гайдукевич предложил довольно сложную схему перестройки этой оборонительной линии в начале н. э.: старая стена была частично разобрана, при этом полностью оставлен облицовочный панцирь из рустованных блоков и к нему пристроен менее мощный, чем прежний, внутренний пояс (Гайдукевич, 1958. С. 163). С нашей точки зрения, есть все основания полагать, что внешний пояс стен Тиритаки, сложенный из квадров, обработанных в руст, относится к периоду их реконструкции в I–II вв., но на отдельных куртинах, где массив первоначальной стены хорошо сохранился, его пристроили непосредственно к ней. Еще один пример использования рустованных кладок оборонительных сооружениях первых веков н. э. демонстрируют остатки римских крепостей второй половины II — начала III вв. на территории Фракии — Абритуса и Филиппополя (Иванов, 1980. С. 49, 91, 118, 208. Рис. 39, 101, 136, 230).

Датирующий материал из слоя у подошвы северо-восточной оборонительной стены Илурата, представленный прежде всего краснолаковой керамикой, относится ко времени не позднее второй трети I в. Эта датировка подтверждается находкой в забутовке стены асса царицы Гипепирии 37/38–39 гг. (Анохин, 1986. С. 95 сл.). Такому выводу не противоречат находки фрагментов керамики из углублений в скале на трассе Большой продольной улицы, нижних слоев зольника за юго-восточными воротами крепости и погребальных комплексов некрополя. Таким образом, нача-

ло строительства Илурата относится либо к периоду подготовки Митридата VIII к войне с Римом, либо ко времени правления Котиса I, что было связано с возросшей военной активностью крымских скифов (ср.: Гайдукевич, 1958. С. 278).

Тогда же, по-видимому, были решены и проблемы водоснабжения крепости. Дело в том, что выгодные топографические условия, использованные при ее возведении, не компенсировали один существенный недостаток: отсутствие источников воды на территории, окруженной оборонительными стенами, что в случае осады должно было поставить гарнизон в крайне тяжелое положение. Единственным выходом было устройство цистерн для дождевой воды, в древности считавшейся даже более здоровой, чем родниковая⁶. На это совершенно определенно указывает Аристотель в своей «Политике»: «Водой и источниками город должен быть снабжен в возможно большем количестве; в противном случае это должно быть возмещено устройством многочисленных и больших цистерн для сохранения дождевой воды, так, чтобы никогда в ней не было недостатка на случай, если бы граждане оказались из-за войны отрезанными от своей территории» (Arist. Pol. VII. 10. 2). В эллинистический период в обязанность городским чиновникам — астиномам — нередко вменялось производить перепись всех находящихся в домах цистерн и представлять список стратегам; следить за тем, чтобы хозяева держали цистерны закрытыми специальными крышками и соответственно не засорялись (Античный способ производства в источниках, 1933. № 594). Видимо, такие требования соблюдались и

⁶ Vitruv. VIII. 2,1: «дождевая вода по своим свойствам здоровее, потому что образуется из наиболее легких и тонких частиц, извлеченных из всех ручьев, а затем процеженная движущимся воздухом, снова падает на землю во время непогоды».

в Илурате. Здесь на дворах многих домов и даже на главной улице обнаружены выдолбленные в твердой материковой скале вместительные цистерны колоколовидной формы. Они имели объем от 7 до 10 м³, и их горловины достаточно часто были закрыты каменными крышками. Конечно, целиком удовлетворить потребности населения Илурата в питьевой воде в условиях ведения военных действий они не могли.

Между тем, еще П. Дюбрюкс отмечал следующее: «Несколько ниже угловой северной башни у подошвы горы находится заполненное землей углубление, бывшее, вероятно, потайным ходом, через который защитники укреплений, расположенных в ложбине, могли выходить из крепости и возвращаться туда же» (Дюбрюкс, 1858. С. 56). В. Ф. Гайдукевич также считал, что тут был выход из туннеля, вырубленного в скале, а длинное канавообразное углубление, спускающееся по склону близ северного угла крепости, вполне могло образоваться в результате осадки грунта на линии какого-то разрушившегося подземного хода. Этот провал завершался большой воронкообразной впадиной глубиной 1,5 м. Наличие такого сооружения именно в этом месте объяснялось расположением неподалеку в ложбине источников воды (Гайдукевич, 1958. С. 20).

Учитывая наличие выхода водоносных слоев у подножия скалистого плато можно было предположить, что на месте впадины все-таки должен находиться колодец, являвшийся для жителей Илурата постоянным источником воды в случае затянувшейся осады. И действительно, в 1981 г. здесь, в 2,5 м от современной поверхности, была обнаружена массивная кладка потайного осадного колодца с почти квадратным устьем — 1,85 x 1,8 м (Горнчаровский, 2001. С. 31 сл.). Он был исследован на глубину 7,85 м. По мере выборки заполнения

открывались один за другим подогнанные друг к другу квадры известняка, сложенные на известковом растворе с примесью песка. Высота рядов кладки колеблется от 0,45 до 0,67 м. Особая тщательность ее указывает на значение, которое придавалось этому сооружению⁷.

При зачистке стен колодца были выявлены интересные технологические детали. На расстоянии от 2,05 до 2,2 м по высоте располагались три линии пазов, заранее выпиленных в известняковых блоках и расположенных на стыке рядов кладки по всему периметру сооружения выше или ниже щелей шириной 7 см. Пазы, находящиеся на противоположных стенах, соответствуют друг другу. Вероятно, в процессе строительства они использовались для крепления балок, образывавших жесткую решетку для дощатого настила, с уровня которого выводили следующие ряды кладки. Кусок деревянной балки сечением 0,12 x 0,1 м был обнаружен в одном из пазов, оказавшихся под водой. Для нее был использован ствол старой сосны большого диаметра⁸. В дальнейшем, в ходе эксплуатации колодца, пазы и щели могли служить для устройства этажей, связанных лестницами, по которым можно было спуститься вниз, к урезу воды, для очистки дна колодца. Наряду с этим, несомненно, существовал и какой-то механизм для подъема воды наверх.

В целом, при значительных внутренних размерах, колодец должен был обеспечи-

⁷ Раскопки колодца дали мало датирующего материала, который все же дает основание заключить, что его сооружение относится к I в., т. к. без подобного сооружения крепость не могла существовать.

⁸ Определение сделано старшим научным сотрудником БИН, д. б. н. Е. С. Чавчавадзе. Отметим, что ранее остатки обугленных сосновых балок от сгоревших перекрытий были обнаружены в угловой башне IV (Гайдукевич, 1981. С. 110) и в доме к югу от перекрестка двух главных улиц.

вать достаточно эффективную систему сбора воды, поступавшей по водоносным пластам. По крайней мере, в процессе выборки заполнения он стал быстро заполняться чистой прозрачной водой температурой около 14°, которая на момент завершения раскопок поднялась до отметки на 4,75 м ниже устья.

Со дна колодца извлекли остатки каменной конструкции, перекрывавшей его устье: блоки пиленого известняка размерами 0,7 x 0,25 x 0,22 м и их обломки, общее число которых достигло 142. Скорее всего, в перекрытии использовались также деревянные балки, поскольку в некоторых квадратах сохранились прямоугольные пазы. Впрочем, не исключено, что свод перекрытия был уступчатым. По крайней мере, есть все основания предполагать наличие такого в перекрытии подземного хода длиной около 40 м до линии оборонительной стены, спускавшегося к колодцу несколькими пологими маршами с глинобитным полом (рис. 121).

Строительство подобного рода сооружений на Боспоре, видимо, связано с воздействием архитектурных традиций, существовавших на территории Понтийского царства и использовавшихся при Митридатe VI и его преемниках. Вырубленные в

скалах лестничные спуски к подземным резервуарам с водой широко известны в Каппадокии Понтийской, Пафлагонии, Малой Армении и Фригии. Укрепленные поселения в этих областях располагались, как правило, на труднодоступных вершинах холмов или скальных плато, бедных водными ресурсами. Поэтому первоочередной задачей было прорубить спуски к воде, порой насчитывавшие до двух сотен ступеней. Выделяются два типа туннелей: одни выводили к источнику воды непосредственно у подножия скалы и пробивались по покатому склону, другие подводили к подземному водоему в самой скале (von Gall, 1967. S. 509; Сапрыкин, 2002. С. 186–190). Илуратский подземный ход относится к первому из них. Он имел весьма простую конструкцию в виде траншеи, вырубленной с поверхности в материковой глине. Ее стенки укрепили каменной кладкой, сохранившейся до 1,8 м в высоту, а в качестве перекрытия использовали огромные известняковые плиты. Ширина подземного хода — 1,4 м, тогда как найденные в его заполнении три каменные плиты имели длину 1,05–1,1 м, т. е. они должны были покоиться хотя бы на двух-трех уступах с каждой стороны.

Трасса подземного хода проходит рядом с угловой башней IX, близ ее юго-восточ-

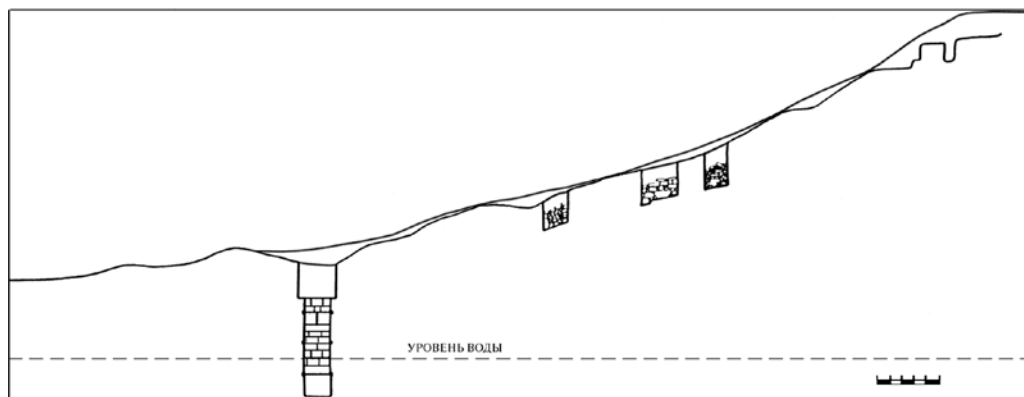

Рис. 121. Илурат. Разрез северо-восточного склона городища по трассе подземного хода

ной стены. Зафиксированная здесь округлая впадина диаметром 1,25 м, как показали раскопки, стала следствием размыва скальной породы. Она постепенно суживалась до глубины 1,5 м, где отмечены отходящие вниз и в стороны щели и пустоты, из которых веяло холодом. Таким образом, верхняя часть хода, проходившая под оборонительными сооружениями, была выдолблена в скале и, очевидно, выходила во двор близлежащего дома.

Учитывая местоположение и размеры этого подземного хода, где с трудом могли разойтись два человека, можно было предполагать, что он был не единственным в системе водоснабжения крепости. В 1999–2000 гг. там же, на северо-восточном склоне городища, проводились раскопки впадины диаметром около 5 м, находившейся на той же горизонтальной отметке, что и открытый ранее колодец, в 80 м к юго-востоку от него. В заложенном здесь шурфе выявлена траншея шириной 3,6 м, вырубленная в материковой глине. На глубине 5,1 м была обнаружена часть кладки: два блока пиленого известняка, уложенные в линию. Очевидно, они относятся к устью второго колодца, скорее всего, также связанного с крепостью подземным ходом, выходившим в район Большой Продольной улицы. Отсюда легко можно было доставить воду в любой из городских кварталов.

Ранняя крепость скорее всего просуществовала недолго и подверглась разрушению где-то около рубежа I–II вв. н. э. Спустя несколько десятилетий сохранявшаяся для западных рубежей царства угроза нападения сарматов и крымских скифов обусловила полную реконструкцию всей оборонительной системы и жилых кварталов Илурата. Масштабная перестройка крепости, судя по фрагментированной строительной надписи на тонкой мраморной плите (КБН № 966), проводилась скорее

всего во второй четверти II в. н. э. При этом нижние ряды рустованной кладки северо-восточной оборонительной стены надстраивались в совершенно другой технике — из грубо обработанных огромных блоков мшанкового известняка размерами до 1,5 × 1,1 × 1,1 м. Та же картина зафиксирована относительно юго-западной стены, которая, как и северо-западная и юго-восточная линии обороны, возводится фактически заново, очевидно, в весьма сжатые сроки. Только стремлением к быстрейшему завершению работ можно объяснить использование на самых уязвимых участках строительства любого годившегося в дело материала, вплоть до архитектурных деталей, каменных кормушек для скота и антропоморфных надгробий (Гайдукевич, 1981. С. 110 сл.). После перестройки стены крепости имели с трех сторон толщину 2,4 м и только с северо-запада — 1,8 м. И все же, судя по небрежно заделанному пролому близ южной башни IV (Гайдукевич, 1981. С. 111), они не могли служить надежной защитой от нападений крымских скифов, обладавших стенобитными орудиями⁹. С этим связано дополнительное усиление всей оборонительной системы Илурата, сопровождавшееся перестройкой ряда жилых кварталов, что, в конечном счете, и определило облик памятника, открытый раскопками

Третий строительный период падает на конец II в. н. э., когда Савроматом II предпринимались энергичные меры по укреплению обороны государства. В эти годы дополнительно усиливались, главным образом, напольные линии обороны Илурата (рис. 122). К юго-восточной оборонительной стене (сохранилась на высоту 3,15 м)

⁹ В частности, изображение тарана в виде повозки с односкатной крышей сохранилось на штукатурке в одном из зданий Неаполя Скифского (Дашевская, 1962. С. 182. Рис. 10).

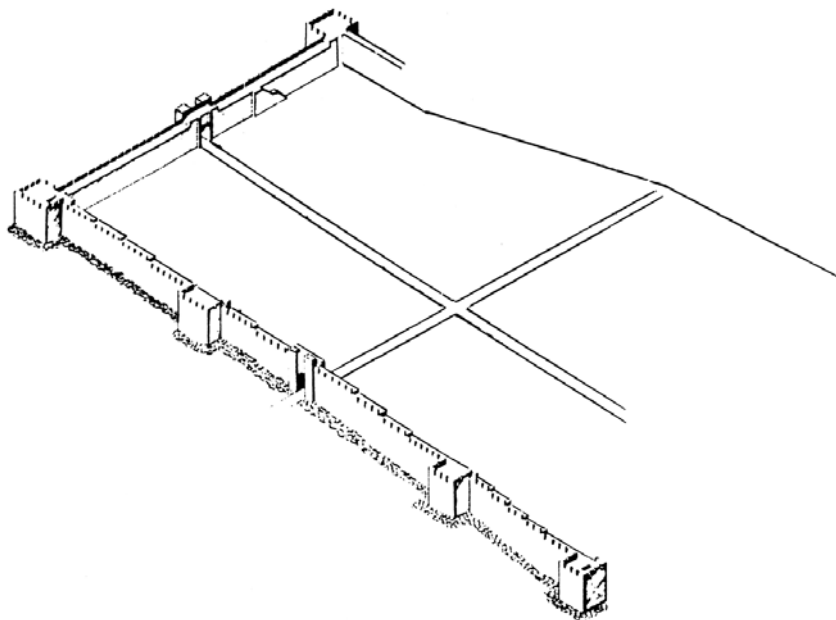

Рис. 122. Илурат. Вариант реконструкции юго-восточной и юго-западной оборонительных линий

на всем ее протяжении около 200 м был пристроен внешний панцирь толщиной 4 м, игравший роль противотаранного пояса. Он состоит из пяти рядов кладки высотой до 1,7 м, сложенной под углом 67° от основания. При этом на куртине между башней I и воротами противотаранный пояс пристроен непосредственно к оборонительной стене (общая толщина — 6,4 м), а далее за воротами и на юго-западном участке обороны пространство между основной стеной и внешним панцирем заполнено плотно утрамбованным щебнем и известковой крошкой. Таким образом, толщина стен в основании достигала здесь 8,2 м. Дополнительный панцирь мощностью 1,35 м получила и северо-западная стена.

На линии юго-восточной оборонительной стены с промежутком около 31 м, считая проем ворот, располагались четыре башни. Из них исследованы три, по конструкции практически идентичные. Все

они имеют прямоугольную форму с внутренними помещениями и связаны с примыкающими жилыми комплексами.

Башня I имела узкий вход длиной 1,65 м при ширине 0,77 м. Размеры внутреннего помещения около 9 м^2 ($2,97 \times 3,1 \text{ м}$). Башня на 4 м выступала за внешний фасад оборонительной стены. Длина ее юго-восточной стороны — 13,8 м, северо-восточной (с внешним панцирем) — 10,5 м. Башня II, выступавшая за оборонительную линию на 6 м, сохранилась на высоту до 3,5 м. Длина ее по фасаду — 14,5 м. Здесь также имелся проход шириной 1–1,2 м, ведущий в камеру размерами $2,85 \times 3,4 \text{ м}$ (Гайдукевич, 1958. С. 22 сл.).

Возле башни II, в том месте, где 1-й Поперечный переулок выходил к юго-восточной стене, была открыта пристроенная к ней с внутренней стороны кладка шириной 2,1 м. Вскрытая длина ее составила 8 м при высоте до 1,4 м. Возможно, это

остатки аппарели — полового пандуса для поднятия на стену метательных орудий (Гайдукевич, 1981. С. 78. Рис. 2). Скорее всего, с камнеметными орудиями, установленными на башнях крепости, связано найденное неподалеку от аппарели хорошо обработанное, без сбоев на поверхности, известняковое ядро в форме шара диаметром 7 см и весом около 450 г (Гайдукевич, 1958. С. 71. Рис. 63, 2). Считается, что ядра такого калибра имели универсальный характер и предназначались для поражения живой силы противника (Сокольский, 1962. С. 246; Акопян, 1986. С. 233). Расчет калибра баллисты, которому соответствовало это ядро, можно произвести по формуле: K (калибр в дюймах) = $1,1\sqrt{100 M}$ (вес в минах) (Эллинистическая техника, 1948. С. 288). Таким образом, мы получаем $K = 0,13$ м. По данным античных авторов, минимальные размеры площади, необходимой для установки камнемета, составляли 13,5 калибров в ширину и 16–21 в глубину (Эллинистическая техника, 1948. С. 291). Следовательно, для установки илуратской баллисты была необходима площадка шириной 1,75 м и глубиной 2–2,73 м, что в общем соответствует размерам башен и стен крепости.

Ворота в юго-восточной стене не сохранились. П. Дюбрюкс в свое время отмечал, что «ворота Т» в этом месте имели ширину 3–4 сажени, т. е. около 8 м. Это впечатление — результат разрушения и выборки стены возле них, отчего проем в стене казался больше, чем был на самом деле в древности. При раскопках на этом участке в 1977 г. никаких следов каменных кладок обнаружено не было. Впрочем, проем ворот, естественно, не мог быть шире Большой поперечной улицы, т. е. 4,5 м.

На стыке юго-восточной и юго-западной стен, расположенных под прямым углом друг к другу, находилась самая мощная угловая башня крепости (IV). Ее внешние

размеры — 10×14 м, внутреннего помещения — $3,3 \times 4,5$ м. В башне имелся входной проем высотой 1,6 м, перекрытый двумя массивными известняковыми блоками. Выявленный в ее северо-западной стене квадрат с пазом для балки перекрытия позволяет установить высоту первого этажа — 2,6 м. Таких этажей, связанных внутренними лестницами, видимо, было не менее четырех. Соответственно общая высота башни составляла около 12 м, включая зубцы, обычные размеры которых не превышали 1–1,2 м¹⁰. Расположенная на самой высокой точке занятой крепостью территории, она, очевидно, являлась главным наблюдательным пунктом для ее защитников, откуда осуществлялось руководство обороной в случае нападения врага. Отсюда открывался отличный обзор не только всех фортификационных линий и подступов к крепости с напольной стороны, но и окрестностей с дорогами, ведущими к ближайшим городам.

Оборонительные сооружения с завершением в виде прямоугольных зубцов неоднократно изображались на боспорских монетах I–II вв. (Зограф, 1951. С. 201 сл. Табл. XLVII, 3, 18; Анохин, 1986. С. 101 сл. Табл. 14, 381; 16, 416; 18, 461). Сложным является вопрос о наличии у крепостных башен и куртин перекрытий, но, учитывая характер их кладки на глинистом растворе, который в результате прямого воздействия дождей интенсивно разрушается, полностью исключить такую возможность нельзя.

С внешней стороны башни вскрыт участок рва, выдолбленного в скале на глубину 1,5 м. В разрезе он имеет форму перевернутой трапеции: ширина в верхней части — 6,2 м, по дну — 3,5 м. Ров представлял собой канаву, проходившую вдоль

¹⁰ Как правило, зубцы стен и башен устанавливались с шагом около 2 м.

всего внешнего фаса юго-западной стены с перемышкой в районе ворот, и мог заполняться водой только в случае дождей. Видимо, его назначение заключалось, главным образом, в том, чтобы затруднить подвоз стенобитных орудий.

Юго-западная крепостная стена вскрыта с внутренней стороны целиком на протяжении 94 м от башни IV до башни V. Определить ее высоту позволяют остатки лестницы шириной 1,2 м, от которой сохранились семь ступеней с углом возвышения около 45° (Гайдукевич, 1981. С. 129). При длине основания лестницы 10,95 м и приблизительных размерах площадки для перехода на боевой марш стены в 1,5 м высота стены должна была составлять около 9 м (с зубцами не менее 10 м), что соответствует стандартам античной фортификации. Так, Филон Византийский пишет: «В вышину мы будем строить стены не менее, чем на 20 локтей (=9,2 м — Ю. В., В. Г.), чтобы, приставив лестницы, враги не могли на них взобраться (Philon. III. 2).

Более простая конструкция хода на стену была, очевидно, реализована по другую сторону юго—западных ворот. Расположенный здесь дом не пристроен, как обычно, к оборонительной стене: между ними имеется промежуток шириной 1,3–1,7 м. За исключением примыкающего к воротам отрезка он забит на высоту до 1,1 м плотно утрамбованным грунтом с примесью бута. Общая длина этого коридора — 18 м, что давало возможность устроить здесь пологий подъем от ворот на стену (ср.: Гайдукевич, 1981. С. 115). Вероятно, он имел вид земляной насыпи с углом возвышения около 30°, в нижней части дополненной несколькими каменными ступенями.

В центре юго-западной оборонительной линии, в 43 м от угловых башен, находятся единственные сохранившиеся ворота крепости. С ними связана главная

улица города (так называемая Большая продольная), являвшаяся его планировочной осью. Проем ворот представляет собой вытянутую камеру-шлюз длиной 10,2 м и при ширине 3,75 м. На этом участке подтесанная поверхность скалы понижается в направлении центра города на 0,88 м.

Важной деталью устройства ворот является выявленный на высоте 1,4 м прямоугольный желоб (0,32 × 0,28 м) длиной 5,3 м для запиравшего их внутренние створки деревянного засова. Когда ворота закрывались, засов выдвигался из желоба и, очевидно, вставлялся в несохранившийся паз на противоположной стене (Гайдукевич, 1981. С. 113). Несомненно, имелись и внешние створки ворот, фланкированные не башнями, как это обычно практиковалось, а пилонами, выступавшими на 2 м за линию стены. Возможно, они были перекрыты арочным полуциркульным сводом и усилены надвратной башней. Ближайшей аналогией в данном случае являются крепостные ворота Патрея, также имевшие с внешней стороны пилоны. (Толстиков, 1992. С. 44 сл.). Сходное устройство ворот зафиксировано на территории Фракии, в римской крепости II–III вв. Августа Траяна (совр. Стара Загора). Здесь также имеется камера-шлюз длиной около 11 м и шириной 3,5 м и пилоны, выступавшие за линию стен на 1,2 м. В проеме ворот имелись пазы для опускания внешней и внутренней решеток-катаракт¹¹, а посередине когда-то находились две деревянные створки (Иванов, 1980. С. 204. Обр. 226). Пилоны, а не башни обнаружены и с внешней стороны ворот Неполя Скифского, сооруженных, по мнению Т. Н. Высотской, во второй половине II в.

¹¹ По сообщению И. Г. Шургая, с внешней стороны в 3,2 м от входа в илуратские ворота в юго-восточной стене их камеры-шлюза была выявлена часть вертикального паза, по-видимому, предназначавшегося для катаракты.

до н. э. и без особых изменений продолжавших существовать и в более позднее время (Высотская, 1979. С. 44 сл. Рис. 10). За счет перестроек длина коридорообразного проема в конечном итоге была доведена с 10 до 14 м при ширине 3,8 м (Там же. С. 50 сл.). Возможно, именно в случае создания длинного проема ворот древние строители отказывались от их значительного усиления с внешней стороны. Таким образом, конструкция привратных сооружений до предела упрощалась, что, с одной стороны, ограничивало возможность перекрестного обстрела прилегающих куртин, с другой — позволяло сузить перемычку в районе ворот на линии рва и создать тем самым дополнительные трудности на пути атакующего противника.

На стыке юго-западной и северо-западной оборонительных стен находилась башня V. Вход в нее открывался с того самого двора дома, откуда можно было подняться по лестнице на боевой марш стены. Устройство этой башни отличалось от описанных ранее тем, что ее первый этаж был полностью забутован камнем, а к стороне, обращенной во двор, пристроен пилон, сложенный из тщательно отесанных и подогнанных друг к другу блоков известняка. Рядом находился углубленный относительно вымостки двора каменный ящик с зольным заполнением. Учитывая, что такие ящики обычно находились под лестницами (Гайдукевич, 1958. С. 49. Рис. 35–37), наиболее вероятным представляется использование пилона для крепления деревянной лестницы, которая вела сразу на площадку второго этажа.

Северо-западная оборонительная стена длиной 240 м, изгибаясь, следует рельефу местности. Как уже отмечалось, даже после усиления за счет пристройки дополнительного панциря, ее толщина оставалась сравнительно небольшой — 3,15 м. Видимо, наспех возведенная на достаточно

крутом склоне, эта фортификационная линия неоднократно требовала ремонта, о чем свидетельствует наличие подпорной стены длиной около 10 м на ее северо-восточном отрезке и аналогичного сооружения под угловой северной башней IX. Всего на протяжении северо-западной стены зафиксировано пять башен, считая угловые. Помимо уже описанной башни V, в ходе раскопок были исследованы еще две — VIII и IX. Они защищали северный угол крепости и находились совсем рядом друг с другом. Расстояние между остальными башнями колеблется от 26 до 93 м, что обусловлено их расположением на естественном рубеже, требовавшем меньше усилий при обороне.

Единственным проемом в северо-западной стене является калитка шириной 1,2 м.¹² Рядом находилось позволявшее держать ее под наблюдением караульное помещение с двумя выходами — во двор и переулоч (Гайдукевич, 1958. С. 29). По другую сторону этого переулоча располагался дом 1, со двора которого можно было подняться на стену. Между ней и жилым помещением 4 открыты остатки еще одной лестницы: каменная платформа размерами 6,4 × 1,8 м, служившая основанием верхнего марша лестницы. От расположенного под прямым углом к нему нижнего марша сохранились пять ступеней лестницы шириной 0,65 м (Гайдукевич, 1958. С. 29). Таким образом, имеются все исходные данные для попытки определить высоту стены на этом участке обороны. Ступени нижнего марша лестницы с углом возвышения 60° выходили на промежуточную площадку на высоте 2,2 м. Если предположить, что ее размеры, как и площадки для пере-

¹² С юго-запада она фланкирована башней VII, остатки которой видел П. Дюбрюкс и зафиксировал на своих планах (Гайдукевич, 1958. С. 27 сл. Рис. 11; Тункина, 2002. С. 153 сл. Рис. 53, 54).

хода на стену, не превышали в длину 1,5 м, то, при том же наклоне верхнего марша, высота северо-западной стены составит около 7 м (с зубцами — около 8,5 м). Следовательно, она была как минимум на два метра ниже стен с напольной стороны крепости, что вполне соответствует ее местоположению и мощности.

Башня VIII, отмеченная на плане П. Дюбрюкса, расположена в 62 м от калитки. Ее внешние размеры 7,6 × 5,5 м. Башня плохо сохранилась, но даже то, что уцелело, производит впечатление крайней небрежности строительства. Видимо, это явилось следствием перестройки (может быть, и не одной) северного угла крепости в III в. Необходимость периодического ремонта стен и башен здесь была вызвана тем, что их частично подстилал слой более раннего сброса золы и это не могло не вызывать оползания оборонительных сооружений. Как результат перестройки следует рассматривать и изменение структуры кладки стены близ северной башни: тут не отмечено двух последовательно возведенных поясов. К юго-западу от башни VIII, между ней и выступом подпорной стены, оборонительная линия имеет толщину всего 1,4 м. Правда, под острым углом к ней расположена стена крупного жилого комплекса, и этот промежуток забит плотно утрамбованным грунтом с включениями мелкого бута. Таким образом, он играет роль внутреннего панциря, доводя общую толщину этой линии обороны до 2,7 м.

К северо-востоку от башни VIII оборонительная стена имеет толщину 1,8 м и с внешней стороны укреплена в основании бутовой кладкой на глине мощностью до 2 м, сложенной чрезвычайно небрежно. Между стеной и северной башней IX проходит коридор шириной 1,2 м. С одной стороны, он был связан с упоминавшимся жилым комплексом, с другой — выходил прямо на склон холма у башни, очевидно,

завершаясь калиткой. Сама угловая башня с внешними размерами 9 × 7,5 м, от которой сохранилось только основание, возведена с использованием скального выхода, сnivelированного крупными известняковыми плитами. Из пристроенного к ней дома на площадку ее первого этажа вел проход шириной 1,4 м.

Последним этапом в развитии фортификационной системы Илурата явилось возведение в первой трети III в. н. э. полосы застройки за пределами северо-западной оборонительной стены. Вероятно, это было вызвано временной стабилизацией ситуации на западных рубежах Боспора и перенаселенностью крепости. Разноуровневые жилые комплексы расположены приблизительно в 30 м от стены, на склоне, образующем небольшую террасу и затем круто обрывающемся вниз. При нападении узкие входные коридоры и проходы между домами закладывались, создавая дополнительное препятствие на пути врага, своего рода «протейхизму», отмеченную, кстати, на плане П. Дюбрюкса (Гайдукевич, 1958. С. 13. Рис. 37). Так, в одном из домов начало прохода шириной 1,3 м с внешней стороны было перекрыто несколькими тщательно уложенными крупными квадратами известняка, по-видимому, в момент военной опасности. Легко было перекрыть и расположенный рядом проход через всю линию застройки. Его вскрытая длина составила 19 м, ширина в нижней части — 2,5 м, а в верхней, видимо, запиравшейся калиткой — 0,87 м. Часть прохода была оформлена как лестничный спуск из девяти ступеней. В случае серьезной угрозы можно было подняться по нему чуть выше и через калитку в северо-западной стене отступить на территорию крепости.

Основой регулярной планировки города, которая, видимо, существовала изначально, являются две главных улицы, пересекающиеся под прямым углом и выходящие

к воротам. Они носят условные названия Большая Продольная и Большая Поперечная и имеют ширину соответственно 6 м и 4,5 м. Большую Продольную улицу пересекают десять поперечных улиц шириной от 1 до 1,8 м, образующих отдельные кварталы из нескольких жилых домов. Такая система планировки позволяла обеспечить быструю переброску воинов внутри крепости на подвергавшиеся наибольшей опасности участки обороны.

Выявленная раскопками структура внутренней застройки Илурата на всем протяжении его функционирования как крепости существенно не нарушалась, изменения происходили лишь в отдельных строительных комплексах. Все 26 полностью раскопанных илуратских домов имеют в центре мощеный двор (от 19 до 43% всей площади дома), из которого, в том случае, если он пристроен к стене или башне, открывался прямой доступ к оборонительным сооружениям. По своим размерам дома разделяются на четыре группы: 1) от 45 до 100 м²; 2) от 120 до 180 м²; 3) от 215 до 285 м²; 4) от 400 до 600 м² (Горнчаровский, 1983. С. 31–32). Большой массив стойких комплексов первой группы, очевидно, принадлежавших простым воинам, находится в северо-западных кварталах города. Для них характерно отсутствие больших дворов и хозяйственных помещений, преобладание в керамическом комплексе лепной посуды. Дома, входящие во вторую группу, следует связывать со средними слоями населения. Как правило, они располагаются вдоль двух главных улиц. Крупные домовладения третьей и четвертой групп, по-видимому, предназначенные для представителей военной администрации и зажиточных слоев населения крепости, сосредоточены в северо-восточных и центральных кварталах. Это можно объяснить близостью к юго-восточным воротам и сравнительно высоким уровнем бла-

гоустроенности (тротуары и продуманная система стоков для воды).

Ряд наблюдений позволяет говорить о том, что основную массу жителей Илурата, как справедливо полагал В. Ф. Гайдукевич, составляли выходцы из варварской среды,¹³ размещенные здесь на правах военных поселенцев¹⁴. Чтобы попытаться определить численность населения крепости на заключительном этапе ее существования, можно воспользоваться методикой, разработанной С. Д. Крыжицким (Крыжицкий, 1985. С. 94 сл.). Учитывая максимальное использование пространства внутри крепостных стен и на северо-западной террасе (в сумме около 2,6 га), а также общую площадь улиц и переулков (около 0,4 га), процент территории города, отведенной под жилую застройку, составляет около 73 % — не менее 2,2 га. При средних размерах илуратского дома около 180 м² общее количество домовладений должно приближаться к цифре 120. Соответственно, из расчета 8–10 человек на семью, включая

¹³ См.: Гайдукевич, 1958. С. 142–143. В этой связи можно отметить, что в некрополе Илурата вполне определенно прослеживаются различные этнокультурные традиции, связанные, с одной стороны, с теми, кого можно назвать боспорцами, с другой стороны, — с недавними выходцами из варварских племен. Наряду со склепами, сложенными из хорошо отесанных квадров известняка с уступчатыми или полуциркульными сводами, там встречаются вырубленные в скале катакомбы с захоронениями целых костяков лошадей в дромосе или на ритуальных площадках. В одном случае в ходе исполнения погребального обряда были умерщвлены сразу 6 лошадей (Кубланов, Хршановский, 1989. С. 15). Следует упомянуть и находки черепов с явными следами прижизненной деформации (Кубланов, 1983. С. 127).

¹⁴ См.: Гайдукевич, 1958. С. 142. В этой связи представляется просто фантастическим вывод Г. В. Треболевой о даровании Илурату полисного статуса Савроматом I, что соответственно, «льстило жителям» крепости и «делало их благодарными данному царю» (Треболева, 2001. С. 135), лишь на основании находки вторично использованной надгробной надписи фиасота (кстати, до сих пор единственной).

слуг или рабов, получается, что в Илурате проживало около 1000–1200 человек, которые могли выставить гарнизон не менее 150 воинов, т. е. в случае осады на каждого из них приходилось примерно 3 м оборонительной стены.

Илурат прекращает свое существование в связи с событиями третьей четверти III в. н. э., связанными с передвижениями готов и других германских племен в Северном Причерноморье. Видимо, нападение на крепость было в известной мере внезапным. Именно тогда пострадала от огня самая мощная южная башня крепости. В заполнении ее внутреннего помещения было найдено большое количество сгоревшего дерева (сосна) и остатков камыша или соломы, очевидно, использованных для поджога (Гайдукевич. 1981. С. 111). Пожар был настолько сильным, что камни кладки изнутри приобрели красноватый оттенок и растрескались. Пламя охватило и ряд городских кварталов. Владельцы некоторых домов не успели увести скот, и все животные погибли в огне (Шургая, 1970. С. 63). Видимо, времени на сборы было немного. Об этом свидетельствует находка клада, наспех спрятанного в угловом помещении дома близ перекрестка главных улиц. Он состоял из 66 биллоновых статовов времени правления царя Рескупорида IV, датированных 242–267 гг. (Фролова, Шургая, 1982. С. 91 сл.). Если учесть, что между 267 и 275 гг. чеканка монет на Боспоре не производилась, то на это время и приходится гибель крепости.

Почему это произошло, возможно, в какой-то степени объясняют результаты недавних раскопок в северо-восточном районе городища. Здесь доследовался дом № 8, настолько основательно разрушенный в результате землетрясения где-то около середины III в., что каменный завал мощностью до 1,2 м даже не стали разбирать, а прямо на его выровненной поверхности

надстроили и укрепили старые или возвели новые стены. Между землетрясением и прекращением существования упомянутого дома прошло не так уж много лет, т. к. новый уровень двора так и не успели перекрыть вымосткой¹⁵. Следы серьезных повреждений того же времени, вызванных пришедшей с северо-востока сейсмической волной, отмечены и на ряде других памятников Европейского Боспора с террасированными склонами (Винокуров, Никонов, 1998. С. 101–103). Даже если стены и башни Илурата хотя бы частично пострадали в результате подземных толчков, восстановить их в условиях нестабильной обстановки и финансовых затруднений в государстве вряд ли представлялось возможным. Тогда становится понятным, как это отмечал В. Ф. Гайдукевич на основании анализа вещевых находок в жилых комплексах, почему «нормальная жизнь в крепости протекала только до середины III в.» (Гайдукевич. 1958. С. 73). Его наблюдения заслуживают того, чтобы привести их целиком: «По-видимому, с начала второй половины III в. Илурат перестал быть тем, чем он был до этого, — важным опорным пунктом на западных подступах к столице Боспора. Это не значит, что жизнь в Илурате полностью замерла. В нем продолжало обитать рядовое население. Но здесь уже не было той командной верхушки, которая играла руководящую роль в Илурате в период его нормального существования, как ответственной боевой единицы в оборонительной системе «европейского» Боспора. Большие дома вдоль переулка I, надо думать, принадлежали

¹⁵ Для сравнения можно привести следующий пример: как показали результаты раскопок, даже в процветавших Помпеях далеко не все постройки, рухнувшие во время большого землетрясения 63 г. н. э., были восстановлены даже через шестнадцать лет, к тому моменту, когда город был погребен под пеплом Везувия (Блаватский, 1976а. С. 12–13).

представителям верхушечного слоя. Но есть основание думать, что в последний период существования Илурата большие дома уже были покинуты бывшими их владельцами. Такие постройки, пришедшие в плохое состояние, лишённые своего внутреннего устройства и обстановки, использовались рядовыми «поселянами», продолжавшими здесь жить на свой страх и риск и в то беспокойное время, которое наступило на Боспоре в 50–70 гг. III в.» (Гайдукевич 1958. С. 73). Когда после 267 г., в период «готских походов», обстановка в государстве внезапно обострилась, последние обитатели полуразрушенной крепости не стали защищать ее и покинули свои дома в спешном порядке.

Так или иначе, но в отношении оборонительной системы Илурат на протяжении более чем двух столетий оставался одним

из наиболее укрепленных населенных пунктов Боспора. Достаточно сравнить мощность его крепостных стен, в отдельных случаях превышающую 8 м, с обычными для боспорских городов фортификационными сооружениями: Пантикапей — 4,5 м, Тиритака — 3,4 м, Мирмекий — 2,5 м (Гайдукевич, 1952. С. 17; Гайдукевич, 1952а. С. 136; Толстикова, 1977. С. 158 сл.). В этом отношении сравнение выдерживают только стены Неаполя Скифского, толщина которых в основании колеблется от 5,4 м до 7,35 м (Высотская, 1979. С. 44. Рис. 8, 9). Таким образом, изучение Илурата, как эталонного памятника фортификации римского времени на Европейском Боспоре, наглядно демонстрирует ее эволюцию на протяжении этого периода и все характерные для нее элементы.

Глава 5 БОСПОР НА РУБЕЖЕ ЭПОХ: ОТ НЕЗАВИСИМОСТИ К СТАТУСУ ВАССАЛЬНОГО ЦАРСТВА

5.1. Правление Фарнака: попытка возрождения державы Митридата Евпатора

О военно-политической ситуации на Боспоре после смерти Митридата VI Евпатора свидетельствуют лишь отрывочные данные. В основном, они касаются событий, напрямую затрагивавших интересы Рима. Система отношений между двумя государствами устоялась далеко не сразу. Начало было положено в 63 г. до н. э., когда Фарнак, любимый сын Митридата, хорошо зарекомендовавший себя перед Римом, благодаря мятежу, поднятому против отца, первым из боспорских царей получил трон как «друг и союзник римского народа» (App. Mithr. 113; Dio Cass. XXXVII. 14. 2). Правда, известный римский полководец Гней Помпей постарался заранее ограничить его возможные притязания на нечто большее, предоставив свободу и автономию самому крупному городу Азиатского Боспора, Фанагории и прилегающей к нему области. Судя по тому, что позднее Фарнак осадил не только Фанагорию, но и соседние с ней города (App. Mithr. 120), эта область включала в себя, по крайней мере, весь Фанагорийский остров с городом Кепы.

Такой статус предполагал особое правовое положение, т. е. давал возможность

по собственному усмотрению устанавливать законы, даровать гражданские права и чеканить собственную монету при формальной независимости от римской администрации (Абрамзон, 1996; Зубар, Сон, 1997. С. 13; Смекалова, 2001. С. 332). Фарнаку пришлось смириться с этим, ведь в остальном договор с Римом мало чем ограничивал его реальную власть. Тогда нога римского солдата еще не ступала на берега Боспора Киммерийского, и молодой царь мог чувствовать себя в относительной безопасности, отделенный от владений своего «союзника» пространством Черного моря и дикими племенами кавказского побережья. Судя по официальным надписям, он даже не включил наименование «друг римлян» в свою официальную титулатуру, что, как правило, было обязательным для вассальных правителей. Более того, спустя несколько лет, он начал чеканить золотые стaterы с надписью «великий царь царей» (рис. 123). Этот титул выражал не просто мощь государства, глава которого господствовал над народами и племенами, имевшими своих царей, но и претензии на отцовское территориальное и политическое наследство (Варданян, 1999. С. 14; Молев, 2002а. С. 185).

Очевидно, в первые годы своего правления Фарнак сумел овладеть восточным побережьем Меотиды вплоть до Танаиса (Strabo XI. 2. 11), силой подчинив ряд местных племен. Особенно упорное сопротивление оказали ему вышедшие из повиновения дандарии, обитавшие в районе современного устья Кубани. Для их покорения потребовалось направить реку в другое русло, чтобы затопить земли непокорных варваров. Окончательной смене политического курса, очевидно, способствовали события на Востоке, где парфяне в 55 г. до н. э. вторглись в Армению, а затем в битве при Каррах нанесли поражение легионам Марка Лициния Красса. Теперь

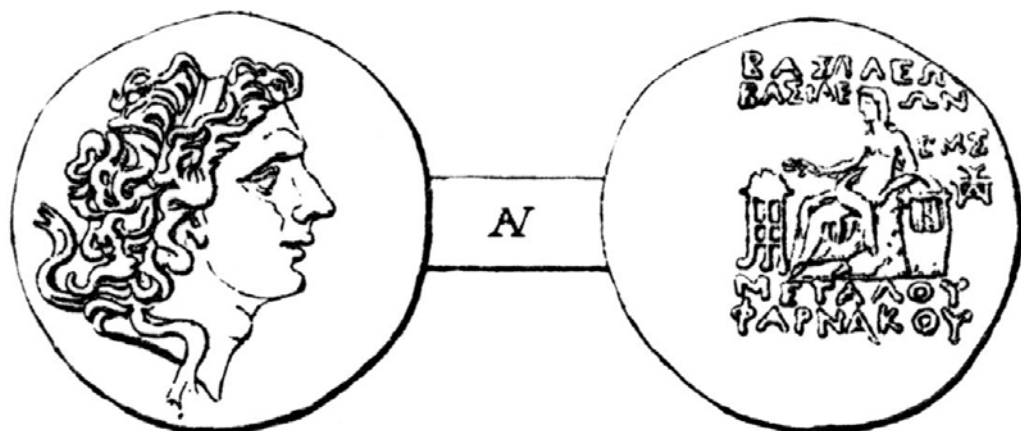

Рис. 123. Золотой статер царя Фарнака (по П. О. Бурачкову)

единственным препятствием на пути Фарнака к осуществлению замыслов о возвращении всего отцовского наследства на Боспоре была только свобода Фанагории. Царская армия окружила город со всех сторон. Осада, в ходе которой, судя по находкам каменных ядер, активно использовались метательные орудия, затянулась, и призрак голодной смерти вынудил фанагорийцев решиться на сражение, которое они проиграли. Ограничившись взятием заложников и заключением союза, Фарнак формально сохранил автономию города, разрушив при этом его оборонительные стены (Цветаева, 1965. С. 234 сл.; она же, 1979. С. 14).

Начать военные действия за пределами Боспорского царства Фарнака побудили события гражданской войны, начавшейся в 49 г. до н. э. между Юлием Цезарем и Помпеем. Собрав значительные военные силы, в том числе за счет союзных сарматских племен, царь двинул их вдоль восточного берега Понта в свои родовые владения. Возможно, участники этого похода оказались среди погребенных в Зубовско-Воздвиженской курганный группе второй половины I в. до н. э. — начала I в. н. э. (Шукин, 1994. С. 177). Здесь были обнару-

жены захоронения воинов в кольчужно-пластинчатых панцирях, при которых в составе погребального инвентаря присутствовали трофейная серебряная фиала V–IV вв. до н. э. с посвящением «Аполлону-Предводителю, что в Фасисе», стеклянные и бронзовые сосуды малоазийского и италийского производства, а также наконечник римского дротика-пилума длиной 0,83 м (Хазанов, 1971. С. 50. Табл. XXIII, 1). Среди других находок, демонстрирующих возможную связь с бурными событиями времени правления Фарнака, отметим кельтский железный шлем из Бойко-Понура, очевидно, попавший в Прикубанье в качестве военной добычи (Treister, 1993. P. 793. Fig. 6; Марченко, 1997. С. 67–68. Рис. 105, 2).

В короткие сроки царь захватил Колхиду, Малую Армению и Каппадокию, изгнав оттуда сторонников Помпея и местных правителей Дейотара и Ариобарзана. В задуманной им политической игре это можно было представить как действия в поддержку Цезаря и, соответственно, рассчитывать на его благосклонность в решении вопроса о расширении подвластных земель. Но у Цезаря был свой взгляд на пределы возможного компромисса, и он поручил До-

мицию Кальвину добиться возврата союзникам и друзьям римского народа их владений. Под началом Кальвина против Фарнака выступил один легион, дополненный затем четырьмя легионами, набранными из местных жителей в Понте и Галатии и обученными по римскому образцу. Впрочем, боевые качества подобных новобранцев оставляли желать лучшего. В аналогичной ситуации, применительно к событиям более позднего времени, Тацит пишет: «хотя этим солдатам недавно дали римское гражданство, значки и оружие, принятые в нашей армии, они, по сути дела, остались прежними ленивыми, распущенными греками» (Тас. Hist. III. 47). Это в полной мере подтвердило сражение у Никополя, где римские войска были разгромлены Фарнаком (De bell. Alex. 36–40; Dio Cass. XLII. 42. 2; App. Bell. Civ. II. 91; id. Mithr. 120). В данном случае мы имеем достаточно много информации о боевых действиях боспорской армии, обогащенной военным опытом понтийских полководцев и римских перебежчиков.

Численность войска Фарнака неизвестна, но инициатива, безусловно, оказалась в его руках. Сначала он пытался применить военную хитрость и укрыл отборных пехотинцев с большей частью конницы в засаде, приказав выпустить в ущелье за узким перевалом, отделявшим его позиции от лагеря римлян, большое количество скота (De bell. Alex. 36). Царь полагал, что Кальвин может предпринять попытку захватить эти стада, его солдаты рассеются, и их легко будет перебить. С другой стороны, Фарнак продолжал слать в римский лагерь послов с предложениями мира и дружбы. И надо сказать, он добился своего: ему удалось усыпить бдительность римского полководца призрачной надеждой на мир, и тот продолжал оставаться на месте. Ожидание в засаде затянулось, и находившихся там воинов пришлось отозвать

назад. Только тогда Домиций Кальвин подошел ближе к Никополю и разбил лагерь прямо напротив города. В первый день Фарнак выстроил свои войска по собственной системе, которую он, очевидно, уже успел опробовать в других сражениях. Для противника строй боспорских воинов представлял собой прямую линию, но за ней на флангах и в центре размещались соответствующими промежутками по три резервные линии (De bell. Alex. 37). Конница, очевидно, как и в дальнейшем, защищала фланги этого построения. Кальвин не ответил на вызов, выстроив часть войска перед валом, в то время как другая заканчивала строительство лагерных укреплений. Когда же из перехваченного следующей ночью письма стало ясно, что Цезарь требует прислать ему военную помощь в Александрию, где он оказался в сложной ситуации, царь выбрал другую тактику. Поскольку Домиций Кальвин поневоле должен был скоро уйти, оставалось только ждать и не торопить события. На пути вероятного отступления римлян Фарнак приказал вырыть на небольшом расстоянии друг от друга два рва глубиной более метра. Между ними он выстраивал свою пехоту, а многочисленную конницу ставил на флангах за пределами рвов (De bell. Alex. 38). Такого рода заграждения практиковались у римлян, чтобы задержать противника и добиться превосходства над ним путем маневра (Front. Strat. II. 3. 17–18). Наконец, все римское войско вышло из лагеря в полном боевом порядке. Самый надежный XXXVI легион занял позицию на правом фланге, понтийский — на левом, а два легиона галатского правителя Дейотара в центре. Когорты вспомогательных войск образовали резерв. Почти одновременно с обеих сторон раздался сигнал к бою. Развернулось ожесточенное сражение, развивавшееся с переменным успехом. XXXVI легион атаковал царскую кон-

ницу и, потеснив ее, форсировал ров и ударил врагу в тыл. На другом фланге понтийский легион действовал не столь удачно, но, подавшись назад, затем сделал попытку перейти через ров. Однако при этом он был обстрелян неприятельскими метательными снарядами и затем почти полностью уничтожен. Легионы Дейотара с трудом выдержали атаку и понесли большие потери. Таким образом, большая часть римского войска была рассеяна. В относительном порядке сумел отступить только XXXVI легион. Опьяненный этим успехом, Фарнак занял Понт и Вифинию. Здесь он, видимо, пополнил свою армию и, используя старые царские арсеналы, обзавелся серпоносными колесницами. На этом полосу везения закончилась. Многие понтийские города не открыли перед ним ворота, а террор в отношении завоеванных областей не способствовал популярности наследника Митридата VI среди местного населения (Молев, 2002а. С. 187). В его собственном царстве вспыхнул мятеж во главе с самим наместником Асандром (Dio Cass. XLII. 46. 4). Поэтому, когда Цезарь, завершив Александрийскую войну, прибыл в Малую Азию, Фарнак начинал с ним переговоры, похваляясь через своих послов, что его войско двадцать два раза было в сражении и всегда побеждало (De bell. Alex. 74). Он даже предлагал римскому полководцу породниться через брак с его дочерью. Очевидно, это была известная впоследствии Динамия, чья рука не раз становилась разменной монетой в планах закрепления боспорского трона за тем или иным правителем.

Ответом Цезаря стало требование покинуть территорию Понта, но это означало крах всей политики Фарнака, и он решил испытать судьбу в решающем сражении. Противники столкнулись у небольшого города Зела, где когда-то был побежден Митридатом римский военачальник Триарий.

Расчеты царя на то, что ему тоже улыбнется счастье, не оправдались. Цезарь, действуя быстро и внезапно, захватил возвышенность всего в миле от неприятельского лагеря, располагавшегося на самом высоком холме в долине у Зелы, и стал возводить там укрепления. Следуя благоприятным для него птицигаданиям и другим предзнаменованиям, Фарнак решил дать сражение и на рассвете 2 августа 47 г. до н. э. двинул свои войска в атаку. Римляне, с учетом невыгодных для нее условий, расценили это как обычный военный маневр с целью задержать их фортификационные работы. Однако совершенно неожиданно густые солдатские массы ринулись вверх, на крутой склон холма. Застигнутый врасплох, Цезарь отдал приказ выводить против врага легионы, но, когда их ряды еще не успели построиться, на них обрушились серпоносные колесницы, каждая из которых была запряжена четырьмя лошадьми (De bell. Alex. 75). Это была последняя в истории военного искусства атака подобного рода. Она была рассчитана на определенный психологический эффект, который достигался за счет фактора неожиданности и оснащения самих колесниц. В вооружение их обычно входили расположенные по обе стороны от ярма два изогнутых на конце лезвия, а также два серпа длиной около 90 см, прикрепленные к каждому из концов оси (Нефёдкин, 2001. С. 342 сл.), предназначенные для нанесения серьезных увечий солдатам противника.

Внезапное появление колесниц на первых порах произвело среди легионеров полное замешательство. За колесницами двинулась неприятельская пехота и развернулся ожесточенный рукопашный бой, продолжавшийся четыре часа, несмотря на неудобство местности для атакующих. Сражение закончилось полной победой римлян. После разгрома Фарнак бежал в

Синопу и оттуда отплыл на Боспор. Лишившемуся всего царю еще удалось при помощи скифов и сарматов захватить Феодосию и Пантикапей, но затем он, геройски сражаясь, погиб в битве (App. Mithr. 120; Dio Cass. XLII. 47). Теперь ничто не препятствовало Асандру, женившись на Динамией, закрепить свои права на трон.

5.2. Укрепление обороны границ государства при Асандре

Стремление римских властей, начиная с Юлия Цезаря, иметь на Боспоре в лице дружественного правителя «оплот против варварских и враждебных царей» (De bell. Alex. 78) вполне понятно, но для достижения этой цели потребовалось почти целое столетие. Асандр (47–17 гг. до н. э.) сохранил свою власть вопреки воле Рима, разгромив войско пытавшегося лишить его трона Митридата Пергамского, личного друга Цезаря (Strab. XIII. 4. 3; Dio Cass. XLII. 48. 4). Начав свое правление как архонт, три года спустя он официально принял титул царя (рис. 124). Новый боспорский царь сделал попытку подчинить Херсонес (Зубарь, 1998. С. 11) и укреплял границы своего государства, осуществляя работы по усилению их обороны (Strabo. VII. 4. 6; XI. 11. 11). Кроме того, видимо, этот правитель привлек на военную службу варваров — аспургиан, связанных с сарматской кочевой средой (основную библиографию вопроса см.: Сапрыкин, 1985. С. 68 сл.). Именно с этого времени наблюдается приток в Северное Причерноморье нового кочевого населения с востока, что отчасти можно связать с улучшением общеклиматической обстановки (Иевлев, 1990. С. 33). Само название «аспургиане», скорее всего, произошло от топонима, свя-

занного с неким Аспургом (Яйленко, 1987. С. 35–39), возможно, предком того, кто носил то же имя и позднее стал царем Боспора, и его воинами, которым для поселения была предоставлена территория между Фанагорией и Горгииппией (Strabo. XI. 2. 11; XII. 3. 29). В данном случае возникает вопрос об археологическом отражении присутствия аспургиан на отведенной им территории, где не обнаружено могильников сарматского типа (Масленников, 1990. С. 81). На него в свое время попытался ответить Н. И. Сокольский, определив раскапывавшуюся им так называемую резиденцию Хрисалиска на Таманском полуострове, как крепость аспургиан, не имеющую, при наличии достаточно выразительных черт иранского мировоззрения ее обитателей, полных аналогий как с боспорскими, так и меото-сарматскими памятниками (Сокольский, 1976. С. 89–90, 106). Аспургиане могли размещаться и в других укреплениях, созданных при Асандре для защиты Азиатского Боспора. Наиболее вероятным представляется, что они продвинулись к границам Боспора из прикаспийских степей, где, судя по ситуации, описанной Тацитом (Tac. Ann. VI. 33), действовало независимо друг от друга достаточно много сарматских вождей-скептухов, самостоятельно заключавших военные союзы с правителями соседних стран. В этой связи стоит обратить внимание на присутствие единственного за пределами Боспора знака, родственного тамге Аспурга, на скале Уйташ под Дербентом (Яценко, 2001. С. 48. Рис. 5, 116).

В данном случае можно согласиться с мнением М. И. Ростовцева, который считал, что «аспургиане есть не племя, а та дружина царя Аспурга, которую он вывел с собой с берегов Азовского моря или из глубины Сарматии» (Ростовцев, 1916. С. 16). На указанной Страбоном территории расселения аспургиан в 500 стадиев длиной

Рис. 124. Золотой статер с изображением царя Асандра

(около 88 км) не могла разместиться многочисленная пришлая группировка. Скорее речь может идти о мобильном отряде профессиональных воинов численностью от нескольких сотен до тысячи человек во главе с лицом аристократического происхождения, искавшей применения своим силам на границе сарматского мира (ср.: Щукин, 1992. С. 119). Сходная ситуация, связанная с особым наименованием группы воинов, отправлявшихся на военную службу за деньги, зафиксирована у галлов, которые называли их гесатами (Polyb. II. 22.1). Механизм изменения материальной культуры группы кочевников, при передвижении в поисках района для расселения проследила в свое время С. А. Плетнева. Она отмечала, что чем длиннее и дольше был путь, тем более изменялся этнолингвистический и антропологический состав первоначально отпочковавшейся ветви; первичная культура почти полностью исчезала, оставались только особенности, касавшиеся усовершенствований в военном деле (Плетнева, 1982. С. 15–16). Судя по всему, оказавшиеся в подобной ситуации аспургиане в короткие сроки адаптировались к местному вариан-

ту античной цивилизации, сохранив при этом комплекс всаднического вооружения, характерный для сарматских катафрактариев.

Сведения Страбона об аспургианах, видимо, восходят к Гипсикрату Амисскому, писавшему о временах Фарнака, Асандра и Полемона I (Ростовцев, 1914. С. 380; 1925. С. 143; ср.: Молев, 1995. С. 60–63). В любом случае их отсутствие в списке племен, подвластных Боспору в начале I в. н. э. (КБН. № 39, 40), говорит скорее о политическом, а не этническом характере данного термина. В этом смысле оговорка Страбона «так называемые аспургиане» (Strabo. XII. 2. 29), хотя ранее он писал, что они относятся к меотам (Strabo. XI. 2. 11), представляется весьма значимой. Если бы аспургиане пребывали в пределах Боспора уже с середины — второй половины II в. до н. э., как считают многие исследователи (Десятчиков, 1974. С. 6; Сокольский, 1976. С. 89, 107; Сапрыкин, 1985. С. 65 сл.; Щукин, 1994. С. 176; Молев, 1994. С. 55), сведения о них, наверно, отразились бы в повествованиях о событиях Митридатовой эпохи (Масленников, 1990. С. 81).

Косвенно о том, что аспургиане появились на восточной границе государства, при Асандре, а не ранее, свидетельствует найденная в резиденции Хрисалиска плита с надписью, упоминающей царя и самого владельца. Когда-то она была вмонтирована в стену на видном месте, над входом в дом. Ошибки, допущенные при изготовлении надписи, говорят о том, что обитатели крепости не до конца еще овладели греческим языком и находились на начальной стадии превращения их в боспорцев (Сокольский, 1975. С. 28; его же, 1976. С. 106 сл.).

Неизвестно, с чьей стороны исходила инициатива в случае появления аспургиан на Боспоре, ведь кочевники часто стремились занять определенную территорию для постоянного проживания. Так, несколько столетий спустя, тюркские племена не раз обращались к императорам Византии с просьбой о предоставлении области для поселения. Например, кутригуры, вынужденные после поражения в войне с утригурами покинуть принадлежавшие им земли в Причерноморье, выговорили себе право расселиться в пределах империи с обязательством защищать границу от других варваров (Проспер. Саес. Bell. VIII. 19). С другой стороны, для боспорских властей было выгодно держать на службе в пограничных районах пребывающие в постоянной боевой готовности воинские контингенты, способные на равных противостоять нападениям кочевых соседей.

Судя по всему, Асандр действовал в сложившейся ситуации так же, как и его младший современник Ирод Великий (37–4 гг. до н. э.). Иосиф Флавий сообщает, что, желая укрепить свои позиции на восточных границах подвластных ему земель, иудейский царь предоставил там область для поселения некоему вавилонянину, перешедшему «через Евфрат во главе пяти-

сот вооруженных луками всадников и около ста родственников... Этим он желал не только оградить свою собственную страну, но и иметь пункт, откуда он мог бы быстро нападать на врагов своих», а также «создать оплот лично для себя. Вместе с тем, он объявил эту область свободной от всех налогов и обычных повинностей и предоставил ее ему (т. е. вавилонянину — В. Г.) в безвозмездное пользование» (Ios. Fl. Ant. XVII. 2. 1). Это военное поселение вавилонян стало бастионом власти царей Иудеи. Оттуда выходили люди, возглавлявшие и обучавшие их армию, а также составлялась лучшая конница (Ios. Fl. Ant. XVII. 2. 3).

Определенные привилегии могли получить и аспургиане, которые, поселившись в чужой для них стране, стали для правящей династии надежной опорой на Азиатском Боспоре и той военной силой, на которую всегда можно было рассчитывать в борьбе с внешними и внутренними врагами (Горнчаровский, 2000. С. 54 сл.; он же, 2000а. С. 229 сл.). Может быть, именно с этими обстоятельствами связана некая «волна» варварского влияния на Боспор во второй половине I в. до н. э. (Масленников, 1990. С. 61). Возможно, связи вождя аспургиан с правящей династией, по примеру Митридата Евпатора (App. Mithr. 102), были дополнительно укреплены родственными отношениями. Так поступали многие правители и позднее, например, грузинский царь Давид Строитель, в начале XII в. предложивший половецкому хану Атраку переселиться с пятью тысячами отборных бойцов на южную и восточную границу своего государства. Он выдал замуж за хана свою дочь Гурандухт и фактически сделал его своей правой рукой в борьбе с турками-сельджуками и непокорными местными феодалами (Плетнева, 1990. С. 96).

5.3. Динамия и Полемон: Боспорское царство на весах политики Римской империи

Пока Римскую державу сотрясали гражданские войны, Боспорское царство могло вести совершенно самостоятельную политику (Сапрыкин, 2002. С. 55 сл.). Оно попадало в относительную зависимость от своего могущественного соседа, видимо, только после 22 г. до н. э., когда римский император Август занимался на Востоке реорганизацией вассальных государств (Каллистов, 1940. С. 65; Голубцова, 1951. С. 85; Сапрыкин, 1996. С. 314). Показательно, что термин *φιλорωμαίος* применительно к Асандру впервые появляется только в посвящении наварха Панталеонта, относящемся к последним годам его царствования, поскольку в нем в качестве второго эпонима выступает царица Динамия (рис. 125). По мнению В. П. Яйленко, это обстоятельство свидетельствует о факте соправительства Асандра и Динамии. При этом он считал, что золотая чеканка от имени последней началась только после смерти царя, имея в виду статер 16 г. до н. э. (Яйленко, 1987. С. 31). Теперь среди находок в святилище на Гурзуфском седле близ Ялты нам известен уникальный статер 21 г. до н. э. с именем царицы (Сапрыкин, 1990. С. 204 сл.), что заставило многих исследователей внести коррективы в сложившиеся представления о династической истории Боспора (Карышковский, Фролова, 1990. С. 91–98; Яйленко, 1990. С. 140 сл.). Не вдаваясь в дискуссию относительно начала чеканки самого Асандра, которую теперь принято относить к 50/49 гг. до н. э. (соответственно сдвигается и дата его смерти на тридцатом году правления), заметим, что от прежней датировки правле-

ния Асандра на Боспоре отказываться пока рано. Трудно предположить передачу Фарнаком права чеканки золотых монет другому, пускай даже влиятельному лицу за три года до смерти, на волне роста его могущества, позволившего вступить в противоборство с Римом за понтийское наследство. Видимо, не остается ничего другого, как признать возможность, по крайней мере с 21 г. до н. э., одновременной чеканки золотых статеров от имени двух царственных особ: и Асандра, и Динамии, что не является уникальным случаем в практике монетного дела эллинистического времени (Болтунова, 1989. С. 89; Парфенов, 1997. С. 128; Braund, 2004. P. 84). Та-

Рис. 125. Бронзовый бюст царицы Динамии

ким образом, посвящение Панталеонта, скорее всего, было сделано между 21 и 17 гг. до н. э., с которого началось самостоятельное правление Динамии, что свидетельствовало об отсутствии наследника, способного занять трон (Устинова, 1969. С. 61 сл.; Яйленко, 1990. С. 134).

Отношение Августа к царице Динамии, как внучке Митридата Евпатора, наиболее образно выразил М. И. Ростовцев: «вручить ей одной Боспор было неосторожно, не считаться с нею невозможно» (Ростовцев, 1918. С. 146). Видимо, римские власти опасались прежде всего возрождения на Боспоре митридатовских традиций, т. е. усиления местных правителей, главным образом, за счет опоры на варварскую периферию и военных поселенцев, привлеченных преимущественно из местных племен (Сапрыкин, 1985б. С. 63 сл.; 1996. С. 315). Это могло рассматриваться как потенциальная угроза северо-восточным границам Империи.

Еще при жизни Асандра на Боспоре появился некий Скрибоний, объявивший себя внуком Митридата VI Евпатора, и утверждавший, что сам Август пожелал сделать его царем (Dio Cass. LIV. 24. 4). Впрочем, вполне возможно, так оно и было (Яйленко, 1990. С. 135; Сапрыкин, 1995. С. 188 сл.), учитывая его принадлежность к gens Scribonia. Скорее всего, этот выходец из Малой Азии получил свое имя и римское гражданство от Л. Скрибония Либона, одного из наиболее влиятельных сторонников Секста Помпея, а затем Антония. Либон был родственником Октавиана Августа, поскольку его сестра Скрибония вышла замуж за будущего императора в 40 г. до н. э. (Braund, 2004. P. 85).

В сражении с Асандром претендент на трон сумел одержать победу, и престарелый царь решил сам свести счеты с жизнью (Luc. Macr. 17). Царица Динамия, не желая углублять конфликт, вышла за Скри-

бония замуж, но реальной властью новый правитель не пользовался. В любом случае, поставленной перед ним задачи он не выполнил, и не замедлило последовать прямое вмешательство Рима. Полководец Марк Випсаний Агриппа, зять Августа, от его имени решавший на Востоке дела римских провинций и вассальных государств, поручил понтийскому царю Полемону устранить Скрибония. Традиционно события, связанные с этим походом, вслед за Дионом Кассием, датировавшим их периодом консульства Марка Красса и Гнея Корнелия, относят к 14 г. до н. э. Впрочем, есть и другие мнения по поводу точки их отсчета, тем более, что многими исследователями не раз отмечалось наличие у Диона Кассия какой-то путаницы, «по-видимому, обусловленной ненадежностью его первоисточников» (Каллистов, 1940. С. 69; ср.: Латышева, 1991. С. 40–41). Неточности в датировке этим автором отдельных событий свидетельствуют в пользу старого предположения К. Брандиса о том, что Полемон появился в Северном Причерноморье уже в 15 г. до н. э. (Brandis, 1899. Sp. 779; Панов, 2002. С. 107)¹. Действительно, если рассматривать подготовку похода Агриппы на Боспор весной 14 г. до н. э. как реакцию на затянувшиеся военные действия, предпринятые до того Полемоном, такой вариант развития событий становится вполне вероятным.

Боспорцы, не желая войны, и, скорее всего, при поддержке Динамии, сами устранили Скрибония и пытались помешать Полемону прочно обосноваться на берегах Боспора Киммерийского. Тогда Агриппа решил поддержать своего ставленника,

¹ Той же точки зрения придерживается Дж. Андерсон, дополнительно обосновавший ее ссылкой на армянскую версию «Хроники» Евсевия, где пребывание Агриппы в Синопе датируется концом 15–14 гг. до н. э., а не годом позже, как у Диона Кассия (Anderson, 1934. P. 268).

предприняв поход против непокорного царства. Сначала корабли Агриппы сосредоточились у Синопы, которая стала базой подготовки вторжения. Как известно, отсюда пролегал краткий морской путь к северным берегам Понта, в херсонесскую гавань и далее в Феодосию и Пантикапей (Максимова, 1956. С. 145 сл.). Ранее по этому маршруту, очевидно, уже проследовал Полемон (Масленников, 1995. С. 160), получивший от Херсонеса военную поддержку. На данное обстоятельство указывает надпись в честь местного гражданина, возглавившего вспомогательный отряд, отправленный на помощь царю (IPE, P², 419; Кадеев, 1981. С. 17; Соломоник, 1990. С. 26 сл.). Возможно, одним из первых боспорских укреплений, разрушенных Полемоном на пути его продвижения к Пантикапею, стала Кутлакская крепость (Афинеон?) в 60 км к западу от Феодосии (Ланцов, 1999. С. 134). Такая же судьба постигла и башни-форты на линии Узунларского вала (Масленников, 2003. С. 212).

Из используемого обычно сообщения Диона Кассия, который не вдается в подробности, следует, что уже сама угроза римского вторжения побудила враждебные Полемону силы сложить оружие и подчиниться (Dio. Cass. LIV. 24. 4). Отсюда утвердившееся в отечественной и зарубежной историографии мнение о том, что упомянутое предприятие Агриппы осталось незавершенным в отношении его непосредственного участия в военных действиях на Боспоре (см., напр.: Ростовцев, 1925. С. 45; Гайдукевич, 1949. С. 315 сл. = BR. S. 328; Сапрыкин, 1995. С. 192; Reinhold, 1933. P. 113–115; Roddaz J.-M., 1984. P. 463–468). Последним по поводу этих событий высказался в своей недавно вышедшей монографии, посвященной истории Боспорского царства на рубеже н. э., С. Ю. Сапрыкин, считающий «...все попытки приписать Агриппе вторжение на

Боспор и свержение Динамии с последующей ее реставрацией на престоле с исторической точки зрения несостоятельными» (Сапрыкин, 2002. С. 122). Между тем существует сообщение Иосифа Флавия об участии иудейского царя Ирода Великого в этом предприятии (Ios. Fl. Ant. XVI. 2. 2). В свое время оно не было включено в «Scythica et Caucasica» — свод сообщений греческих и латинских авторов о Северном Причерноморье В. В. Латышева и, в дальнейшем, лишь немногие исследователи отметили данный факт, впрочем, и они считали, что непосредственное вмешательство Агриппы в боспорские дела не понадобилось (Голубцова, 1951. С. 89 сл.; Шукин, 1994. С. 179). Стоит привести этот отрывок из «Иудейских древностей» в неоднократно публиковавшемся переводе Г. Г. Генкеля: «Во время этого похода Ирод был неотлучно с ним, являясь его *союзником в боях*, советником в серьезные минуты и приятным товарищем в удовольствиях; всегда и везде был он с ним, деля с ним все тягости...», пока не «окончилось у них то дело на Понте, ради которого Агриппа был послан туда» [курсив мой — В. Г.]. Другой вариант предлагает С. Ю. Сапрыкин: «Во время этого похода (судя по контексту это поход Агриппы в 15–14 гг. до н. э. из Иерусалима в Митилену и далее в Синопу. — С. С.) Ирод был во всем ему помощником в государственных делах и советчиком во многих случаях» (здесь и далее речь идет о помощи государственной и «человеческой» уже во время стоянки флота в Синопе как главном эпизоде этого похода. — С. С.). Иными словами, у Флавия ничего не сообщается об участии царя иудеев в экспедиции на Боспор...» (Сапрыкин, 2002. С. 122). С. Ю. Сапрыкин, безусловно, прав, опуская в своем переводе выделенную ранее курсивом фразу, поскольку сохранившийся текст «Иудейских древностей» не дает для этого никаких

оснований (Flavii Iosephi, 1893. S. 4). Что касается его комментариев, а тем более вывода, то с ними трудно согласиться. Конечно, Иосиф Флавий ничего не говорит о том, что флот Агриппы достиг берегов Крыма. Да для него это было и неважно, так как данного автора прежде всего интересовали личные взаимоотношения зятя императора Августа и иудейского царя. Тем не менее, текст «Иудейских древностей» не оставляет никаких сомнений в том, что военно-морские силы под командованием Ирода двинулись вдогонку Агриппе и присоединились к нему именно в Синопе. Если бы римский экспедиционный корпус в итоге так и не тронулся с места, упоминание о походе вряд ли было бы уместным. Например, трудно представить, чтобы наполеоновские генералы расценивали пребывание в Булонском лагере 1804–1805 гг. как поход на Англию. К тому же вряд ли можно считать убедительной демонстрацию военной силы на расстоянии около 600 км пути от места событий.

Данные Диона Кассия и Флавия существенно дополняет и уточняет сообщение Павла Орозия, использовавшего труд Тита Ливия о военной победе Агриппы: «Боспорские же народы одолел Агриппа и, вернув в бою римские знаки, которые те некогда захватили при Митридате, принудил побежденных сдаться» (Oros. VI. 21. 28)². В пользу успешных действий Агриппы на Боспоре говорит и тот факт, что по возвращении в Рим сенат назначил ему триумф, который, впрочем, так и не был отпразднован (Dio. Cass. LIV. 24. 10). Согласно традиции право на триумф имел полководец, который в качестве главнокомандую-

щего одержал решительную победу на суше или на море в объявленной войне с внешним врагом (с числом убитых врагов не менее 5000) в объявленной войне с внешним противником и расширил пределы Римского государства (Liv. XXVI. 21; XXXIX. 29; Val. Max. II. 8. 1; Oros. 5. 4. 7). Следовательно, можно говорить о том, что, по крайней мере, на первых порах, Боспор был приведен к покорности с помощью самого Агриппы (ср.: Парфенов, 2001. С. 113). В этой связи обращает на себя внимание находка в святилище у перевала Гурзуфское седло крупной бронзовой пластины-лунницы с посеребренной лицевой поверхностью, которая определяется как деталь сигнума — воинского знака когорты или манипулы (Новиченкова, 2002. С. 78. Рис. 35, 3). Подобные детали хорошо известны по монетам времен Марка Антония и Августа с фигурами сигниферов (знаконосцев) и датируются двумя последними десятилетиями I в. до н. э. Лунница могла попасть в качестве приношения в святилище как трофей, взятый одним из участников бурных событий, связанных с пребыванием римлян на Боспоре. Она входит в хронологическую группу предметов конца I в. до н. э., являющихся характерными для мест пребывания римских войск: кольчуга типа «лорика хамата», фибулы Алезия и ранние типа Авцисса, стекло и др. (Новиченкова, 2002. С. 134). Обращает на себя внимание тот факт, что среди 99 монетных находок второй половины I в. до н. э. — рубежа н. э. присутствуют 53 экземпляра денариев и кистофоров Августа, а также серебряная драхма Полемона, крайне редко встречающиеся в Северо-Восточном Причерноморье (Новиченкова, 2002. С. 47).

Археологические исследования зафиксировали в конце I в. до н. э. крупные разрушения или гибель в пожаре целого ряда поселений Европейского Боспора. А. А. Ма-

² Отметим, что такой поздний автор как Евтропий включил в перечисление стран и народов, побежденных при Августе, все города Понта, «среди которых наиболее известными были Боспор и Пантикапей» (Eutrop. VII. 9).

сленников, не исключавший усиления войска Полемона римскими солдатами при его отправлении на Боспор, (Масленников, 1995. С. 162) считает возможным сопоставить последовавшие военные действия с гибелью в пожаре поселений «Полянка» и «Чокракский мыс» на азовском побережье Керченского полуострова и расположенной возле Узунларского вала сторожевой башни (Масленников, 1995. С. 158 сл.; 1998. С. 233). Где-то после правления Асандра, судя по находкам его монет, погибла крепость Порфмий в районе переправы через пролив (Кастанаян, 1983. С. 162; Масленников, 1995. С. 160). Предположительно с теми же событиями можно соотносить разрушения с последующими перестройками, зафиксированные в Семеновке, Ново-Отрадном, Салачике, Генеральском-Восточном, Сиреновой бухте, Золотом, Зеноновом Херсонесе, Андреевке Северной, Артезиане и ряде других (Кругликова 1975, С. 104 сл.; Масленников, 1995. С. 160). В то же время Пантикапей в это смутное время не пострадал и, очевидно, действительно сдался, покончив дело миром. До военных действий на другой стороне пролива скорее всего дело так и не дошло. М. Ю. Трейстер, полагая, что фибулы типа «Авцисса» 22а 2 можно рассматривать как деталь римского военного костюма на рубеже н. э., связывает серию таких фибул из Пантикапея с участием римских солдат в событиях на Боспоре, например, в походе Полемона (Трейстер, 1993. С. 69). Дополнительным аргументом в пользу этого предположения служит сводка находок на Боспоре римских монет республиканского и раннеимператорского времени. Они происходят либо из комплексов с монетами Полемона, либо найдены там же, где и детали римской военной одежды (Болдырев, 2000. С. 12–13).

Так или иначе, результат был достигнут: во главе царства оказался римский

ставленник. Полемон никогда не забывал, кому он был обязан властью на Боспоре, и, видимо, сразу после смерти Агриппы в 12 г. до н. э., переименовал Гермонассу в Кесарию, а Фанагорию — в Агриппию (Яйленко, 1987. С. 79; 1990. С. 141 сл.). Другие точки зрения (см.: Болдырев 1999: 30–38; Денисова 2000: 258–263) вполне обоснованно критикует С. Ю. Сапрыкин, впрочем, предприняв им попытку связать с Динамией переименование городов и отнести все надписи с ее именем к периоду практически единоличного и единственного, по его мнению, правления царицы в 22–14 гг. до н. э. (Сапрыкин, 2002. С. 103–106), также нельзя признать удачной (ср.: Латышева, 1981. С. 103). Такая демонстративная мера, как изменение названий двух городов, в целях официальной пропаганды, несомненно, должна была сопровождаться достаточно обильной чеканкой меди, которая почему-то не попала в клады периода военных действий понтийского царя на территории Боспора (Болдырев, 1999. С. 30 сл.). К тому же для этого времени трудно представить сочетание крайнего сервизма формулировок ряда надписей Динамии по отношению к Августу («бог, сын бога, спаситель и благодетель» — КБН. № 38, «всей земли и всего моря правитель, спаситель и благодетель» — КБН. № 1046) с удержанием на Боспоре как престижных военных трофеев римских значков, которые, согласно Павлу Орозю, удалось вернуть только Марку Агриппе (Oros. VI. 21. 28).

Относительно дальнейшей судьбы Динамии мы можем только догадываться. Если ее брак с Полемоном и состоялся, как об этом сообщает Дион Кассий, то он был весьма непрочным и непродолжительным (Латышева, 1981. С. 104; Парфенов, 1997. С. 131; Parfenov, 1996. S. 100 ff.). Существует предположение, что царица отправилась в качестве заложницы в Рим, где и

пребывала вплоть до смерти Полемона в 8 г. до н. э. (Парфенов, 1997. С. 132 ; Parfenov, 1996. S. 95–103). Тогда, по крайней мере, понятно, почему, женившись на Пифодориде, внучке Марка Антония, Полемон до своей смерти в 8 г. до н. э. успел произвести на свет двух сыновей и дочь.

Положение нового царя не было достаточно прочным, особенно в азиатской части Боспора. Очевидно, уже в начале военных действий 14 г. до н. э. в борьбу против Полемона и римлян активно включились аспургиане, и, видимо, у них были на то свои причины. Не исключено, что Динамия отправилась в Рим не одна. Ч. Роуз, исследовавший южный фриз известного Алтаря Мира, воздвигнутого в Риме к 9 г. до н. э., предположил, что рядом с Агриппой здесь изображена боспорская царица с сыном (Rose, 1990. P. 453–467). В данном случае мальчик лет пяти, увенчанный диадемой, имеет явно варварские черты и носит на шее гривну. Могла ли уже немолодая Динамия (считается, что она родилась около 65 г. до н. э.), которой ко времени начала работы над алтарем, было уже больше 50 лет, иметь маленького сына? Вряд ли. Напрашивается еще одно предположение: в критический момент, чтобы обеспечить полную поддержку сильных в военном отношении аспургиан боспорская царица могла официально усыновить отпрыска одного из их знатных семейств — ставшего впоследствии царем Аспургом. Может быть, в силу этого Дион Кассий говорит, что сын Аспурга, Митридат VIII, вел свой род от знаменитого Митридата Евпатора (Dio Cass. LX, 8). Не исключено, что именно с наследником трона и сопровождавшими его лицами прибыл в Рим некий боспорянин (аспургиан?) Аспург, сын Биомаса, выступавший там в роли переводчика сарматов и похороненный в императорском колумбарии первой трети I в. н. э. (Moretти, 1972. P. 567).

Говоря об аспургианском происхождении Аспурга мы склоняемся к точке зрения В. П. Яйленко (Яйленко, 1990. С. 164). Другие мнения следующие³: Аспург — это синдо-меотский царь (Anderson, 1934. P. 268; Rostovtzeff, 1919. P. 99–103; Горемыкина, 1955. С. 128–131); сарматский царь (Ростовцев, 1918. С. 149); его отец — царь Асандр=Асандрох (КБН. № 40) (Бертье-Делагард, 1911. С. 182; Гайдукевич, 1949. С. 539–540; он же, 1955. С. 128; Устинова, 1969. С. 62); родился от брака Асандроха с представительницей местной знати (Сапрыкин, 2002. С. 208); это приемный сын Асандра (Виноградов, 1994. С. 153); его мать — царица Динамия (Латышев, 1909. С. 103; Minns, 1913. P. 594; Ростовцев, 1916. С. 91. С. 16–18; Гайдукевич, 1949. С. 316=BR. S. 328–329; Блаватский, 1964. С. 134; Масленников, 1990. С. 162; Сапрыкин, 2002. С. 208). Попробуем высказать собственные соображения по этому поводу. Поскольку Асандр вступил на трон в преклонном по тем временам возрасте — около 60 лет, то его возможности породить законного наследника от внучки Митридата VI Евпатора были достаточно ограничены во времени, и, следовательно, предполагаемое появление на свет Аспурга должно относиться ко времени не позднее 40 г. до н. э. Таким образом, к моменту смерти в 37 г. его возраст подходил бы к 80 годам, что маловероятно при наличии юных сыновей⁴.

В недавно найденной фанагорийской надписи о посвящении статуи Эрота Аспург скромно именуется себя всего лишь

³ О различных взглядах на этот вопрос см.: Сопова, 1991. С. 113.

⁴ Наиболее категорично по этому поводу, выдвинув соответствующую аргументацию, высказались А. С. Русяева и А. Б. Супруненко: «Аспург не являлся сыном Динамии при всех возможных вариантах различных предположений» (Русяева, Супруненко, 2003. С. 265)

сыном царя Асандроха (Кузнецов, 2005. С. 63–64), тогда как для населения Боспора того времени легитимность власти означала принадлежность к роду Митридатидов (Сапрыкин, 2002. С. 208), что в данном случае не отмечено. Динамия в этом отношении не стеснялась, постоянно называя себя «дочь великого царя Фарнака, сына царя царей Митридата Евпатора Диониса». К тому же, в этой и другой надписи (КБН № 40) обращенных к жителям крупнейших городов Боспорского государства, если Асандрох действительно соответствует Асандру, скорее следовало бы ожидать употребления греческой формы этого имени, известной по монетным легендам и титулатуре последних лет правления Асандра — «царь царей, великий, спаситель». Во всяком случае, точку в вопросе о статусе отца Аспурга пока ставить еще рано. Так или иначе, по-прежнему остаются актуальными слова Ю. Г. Виноградова об этом периоде истории Боспора: «топтанье в заколдованном круге многократно уже обсужденных комбинаций может быть преодолено лишь с помощью тщательной повторной ревизии наличного эпиграфического и нумизматического фонда» (Виноградов, 1992. С. 130).

Возвращаясь к событиям конца I в. до н. э. отметим, что в любом случае противники навязанного Боспору римского ставленника Полемона последовательно боролись с ним, и эта война затянулась надолго. В ходе военных действий новый боспорский царь предпринял поход против Танаиса (Strabo XI. 2. 3; Болтунова, 1969. С. 61; Шелов, 1970. С. 226–234), где его предшественница на троне определенно пользовалась поддержкой со стороны местного населения, о чем свидетельствует фрагмент постамента воздвигнутой в ее честь статуи (Arsen'eva, Böttger, Vinogradov, 1995. S. 217–219). То же можно сказать относительно племенного мира Азиатско-

го Боспора и его пограничья, судя по всему, наводненным родственниками царицы благодаря брачной политике Митридата VI Евпатора (App. Mithr. 102). В захоронении одного из современников похода Полемона в кургане 26 у пос. Алитуб на Дону помимо монет Митридата VI и Асандра найден бронзовый котелок legionera типа «Сиския» ступени B1a (Щукин, 1994. С. 178), возможно, взятый как трофей.

В конце I в. до н. э. отмечены следы разрушений в ряде районов Фанагории (АГСП, 1984. С. 79), прекратили функционировать оборонительные сооружения Лабриса (Семибратнее городище)⁵. Тогда же погибли такие, больше уже не восстановленные, укрепления, как резиденция Хрисалиска (Сокольский, 1976, С. 39, 108, 118–120), крепость на юго-западном берегу Ахтанизовского лимана (Сокольский, 1965. С. 87; 1995. С. 89–113), сельская усадьба Юбилейное I (Савостина, 1987. С. 58), крепость у ст. Анапской близ Горгииппии (Алексеева, 1988. С. 69), Раевское городище и поселение у Широкой балки (Онайко, 1984. С. 91–92; Александровский, Вязкова, Гольева, Малышев, Смекалова, 1999. С. 9)⁶.

Очевидно, Полемон вовсе не собирался гарантировать особый статус аспургиан в своем царстве, хотя, возможно, такие переговоры и велись. О финале этого противостояния Страбон сообщает следующее: «Когда царь Полемон, напав на них под предлогом заключения договора о дружбе, не сумел, однако, скрыть свои намерения, они перехитрили его и, захватив в плен, убили» (Strabo XI. 2. 11). Вероятно, аспургианам удалось успешно применить такой характерный для кочевников способ веде-

⁵ Terminus post quem в данном случае дает найденный в 2001 г. при раскопках крупной северо-восточной башни пантикапейский тетрахапк 27–21 гг. до н. э. (ср.: Анохин, 1986. С. 148. Табл. 10, 251).

⁶ О различных мнениях относительно хронологии этих памятников см.: Бонин, 2004. С. 28–31.

ния войны как засада (Сапрыкин, 2002. С. 143). О распространенности военных операций подобного рода у сарматов свидетельствует упоминание Аммианом Марцеллином в качестве причины холощения ими своих коней того, что в этом случае животные спокойно ведут себя в засадах (Amm. Marc. XVII. 12. 2).

Скорее всего одним из аспургианских вождей, сыгравшим важную роль в этих событиях, был уже упоминавшийся Матиан, сын Заидара, надгробная стела которого была поставлена от имени царицы Динамии «памяти ради» (Яйленко, 1995. С. 220–224). Для Боспора это уникальный случай постановки надгробия царствующим лицом, что предполагает особые заслуги погребенного и довольно тесный характер отношений с правящим домом⁷. В. П. Яйленко считает, что оно могло быть установлено только в период борьбы с Полемоном в 13–9 гг. до н. э. (Яйленко, 1995. С. 224), однако это могло быть сделано и позднее. Обращают на себя внимание ровные аккуратные буквы надписи одинаковой высоты, четко вырезанные по тонко прочерченным линейкам, а также такой элемент курсивного письма, как выступающее над вершиной буквы продолжение правой боковой галсту у *альфы*, *лямбды* и *дельты*. Ранее считалось, что эта деталь письма появилась на Боспоре не ранее 14 г. н. э. (Болтунова, Книпович, 1962. С. 21). Следовательно, стелу Матиана правильнее отнести ко времени около рубежа или к самому началу н. э., когда вернувшаяся к власти Динамия могла отблагодарить своих верных сторонников, и они заняли почетное место при ее дворе или в системе управления царством. Действительно, дав-

няя гипотеза о втором единоличном правлении Динамии в 9/8 г. до н. э. — 7/8 г. н. э. (см., напр.: Ростовцев, 1916. С. 18; он же, 1918. С. 147; Гайдукевич, 1949. С. 316–317 = BR. S. 328; Блаватский, 1964. С. 134; Шелов, 1970. С. 231; Латышева В. А., 1981. С. 104; Анохин, 1986. С. 148; Виноградов, 1994. С. 154; Funk, 1986. S. 32), вполне объясняет большое количество надписей, сделанных от ее имени или в ее царствование (Латышева, 1981. С. 103, 106). Их — девять, в отличие от двух, относящихся к Асандру и четырех — к Аспургу, а ведь эти цари пребывали у власти достаточно долгое время. Если допустить личное знакомство царицы с Августом и Ливией, становится вполне логичным решение римским принцепсом вопроса о власти над Боспором после смерти Полемона в ущерб интересам его вдовы Пифодориды. Отсюда и благодарность Динамии, выразившаяся в установке статуй императорской четы в трех крупных городах царства — Пантикапее, Фанагории и Гермонассе, и чеканка, начиная с этого времени, золотых статеров с портретами Августа и Агриппы, а также монограммой ДУМ (Парфенов, 1997. С. 132). Впрочем, недавнее сообщение о двух статерах с этой монограммой от 12/11 и 10/9 гг. до н. э. (Анохин, 1999. С. 127–128), если это действительно так, может заставить пересмотреть устоявшиеся взгляды на хронологию событий этого периода.

С. И. Болдыревым была высказана еще одна, правда, слабо аргументированная точка зрения, согласно которой неправомерно говорить о «первом» и «втором» правлении Динамии. Он считает, что царица правила непрерывно с 21/20 г. до н. э. (смерть Асандра) до 7/8 г. н. э., поскольку «визит» Полемона на Боспор был весьма непродолжительным, с весны 13 г. до н. э. до марта 12 г. до н. э. (Болдырев, 1999. С. 36). Кроме того, он пытается обосновать тезис о

⁷ Правда, эти выводы вступают в противоречие со скромными размерами (высота — 61 см, ширина — 52 см, толщина — 15,5 см) и материалом этого памятника, которым является известняк.

том, что городская чеканка Кесарии и Агриппии последовала далеко не сразу после переименования.

Так или иначе, с конца I в. до н. э. зависимость Боспорского государства от Рима усиливается, в том числе и в военном отношении. На своих границах правители Боспора, как и другие вассальные по отношению к Риму цари, должны были поддерживать дружеские отношения с соседними варварскими вождями, наблюдать за передвижениями кочевых племен, охранять от набегов подвластное оседлое население и, по возможности, воздерживаться от прямых военных акций, направленных за пределы собственных границ (ср.: Gracey, 1986. P. 312). Статус союзного царства обязывал боспорских правителей участвовать в формировании подразделений вспомогательных войск для римской армии. В этой связи можно вспомнить, каким образом в «Истории» Тацита характеризуется политика империи по отношению к ее союзникам: «Они не платят податей, с них требуют лишь доблести и солдат...» (Tac. Hist. V. 25). Уже с 8/7 гг. до н. э. боспорские вспомогательные части появились в Малой Азии, что засвидетельствовано надписью из Антиохии Писидийской, где упоминается префект Боспорской когорты (ILS. № 9503). Попытка С. И. Болдырева со ссылкой на декреты из Олимпии и Фокеи времени правления Адриана (Граков, 1939. № 7. С. 34), где упоминаются командовавшие I Боспорской когортой трибуны XII Молниеносного легиона, рассматривать ее не как вспомогательное подразделение, а как I когорту соответствующего легиона, своего рода гвардию Агриппы, получившую свое название за поход на Боспор (Болдырев, 2000. С. 13; Ср.: Крыкин, 1993. С. 238), выглядит, по крайней мере, наивно. Впервые, как раз для вспомогательных войск собственное название воинской час-

ти, указывающее на место, где она была сформирована и произведен первый набор, являлось совершенно обычным делом (Ле Бозк, 2001. С. 134); во-вторых, почетные наименования ал и когорт или указания на провинцию, где отличились конкретные подразделения, служили дополнением к их названию и появились только при Флавиях (Ле Бозк, 2001. С. 15); в-третьих, в римской армии существовала практика назначения военных трибунов легиона командирами вспомогательных милиарных когорт (см., напр.: Голыженков, 2000. С. 11; Рубцов, 2003. С. 134). Кроме того, показательным является наличие в 135 г. в отражавшей аланский набег армии Арриана в Каппадокии наряду с XII Молниеносным легионом II Боспорской милиарной конной когорты лучников (Нёфедкин, 1999. С. 176, 180). По поводу принадлежности последней к вспомогательным войскам ни у одного из исследователей сомнений не возникало.

Относительно собственно боспорской армии еще раз отметим возросшую роль аспургиан, часть которых, видимо, находилась на военной службе в столице в качестве царской гвардии (Масленников, 1990. С. 81, 144). Некоторые из них могли войти в состав правящей элиты, восприняв греческие имена, язык и отчасти религиозные представления. Данное обстоятельство в дальнейшем облегчило приход к власти на Боспоре Аспурга (10/11–37/38 гг.) — представителя новой династии, имевшей сарматские корни.

5.1. Аспург: «друг цезаря и друг римлян»

Вероятно, Аспург добился власти благодаря военным действиям против других претендентов на трон. Во всяком случае,

если судить по типам золотых и медных монет, выпущенных на Боспоре, начиная с 8 г. н. э., у него был, по крайней мере, один предшественник (Фролова, 1979. С. 143; Анохин, 1986. С. 149; Яйленко, 1990. С. 164). На Боспоре было неспокойно и в 14 г. н. э., в период поездки Аспурга в Рим, где Тиберий закрепил за ним титул царя (рис. 126). Это совершенно определенно явствует из горгиппийского декрета, в котором говорится, что город в отсутствие царя оставался спокойным, видимо, в отличие от других областей государства (Блаватская, 1965. С. 197–200; 1965а. С. 30 сл.). В данном случае помощь со стороны сородичей могла оказаться решающей, и в дальнейшем им, очевидно, был предоставлен режим наибольшего благоприятствования (BR, 1971. S. 328 ff.; Сапрыкин, 1985а. С. 66; Виноградов, 1994. С. 152–154).

Помимо этого, Аспург мог использовать неисчерпаемый военный потенциал сарматского кочевого мира. Этот энергичный и тонкий политик вел масштабные военные действия против соседних варваров, возводил новые крепости на западных

и восточных рубежах своей державы. Активизация внешней политики Боспора при Аспурге реализовалась в пышной официальной титулатуре: он именуется великим царем, царствующим над всем Боспором, Феодосией, синдами, меотами, торетами, псессами, тарпетами и танаитами (КБН. № 39, 40), причем последние два племени при прежних правителях в нее не включались. В то же время в этом списке отсутствуют дандарии, с которыми преемникам Полемона, вероятно, приходилось вести постоянную борьбу (Ростовцев, 1989. С. 192).

В надписях отмечается, что Аспург подчинил скифов и тавров, которые, видимо, не раз беспокоили своих соседей неожиданными набегами и нападениями. Впрочем, военный потенциал этих племен не следует переоценивать. У поздних скифов уже с конца II в. до н. э. наблюдалось резкое уменьшение количества воинских погребений, которые вплоть до III в. н. э. составляют в отдельных могильниках от 1,4% до 6,6% (Симоненко, 1986. С. 12 сл.; Simonenko, 2001. S. 327). Это наблюдение можно рассматривать как отражение процесса сокращения военных сил Скифского царства в Крыму, связанного с переходом большей части его населения к оседлой жизни и изменением социальной структуры общества. Редкость находок оружия в мужских погребениях говорит о том, что оно стало привилегией немногих. На первый план в составе позднескифского войска, по-видимому, выходят постоянные дружины из профессиональных воинов, группировавшиеся вокруг правителя и представителей знати (Высотская, 1987. С. 62–63). В целом это соответствует ситуации с созданием у скифов частных дружин, описанной Лукианом в его новелле «Токсарис» (Luc. Tox. 48). Эти данные, не повторяющиеся у других авторов, очевидно, были заимствованы из какого-то позднеэл-

Рис. 126. Изображение царя Аспурга на боспорской монете

линистического (Ростовцев, 1925. С. 108) или более близкого времени жизни Лукиана источника.

Со второй половины I в. до н. э., когда окончательно сформировались четыре этногеографических области Крымской Скифии, в ней, скорее всего, было несколько правителей (Пуздровский, 2001. С. 99). Впрочем, о наличии у скифов одновременно нескольких правителей можно говорить уже с начала I в. до н. э. (См. также: Карасев, 1969. С. 8–9; Ср.: Храпунов, 2004. С. 87).

Очевидно, военный потенциал поздних скифов при отсутствии политического единства был невелик и для организации масштабных действий против Херсонеса или Боспора им были необходимы союзники из числа сарматов, кочевавших к югу или северу от Перекопа. Такая ситуация, с которой мы еще не раз столкнемся, существует с конца II в. до н. э., когда войску понтийского полководца Диофанта, наряду со скифами, противостоит конница роксоланов. Собственно сарматы могли совершать набеги на владения Боспора и сами по себе.

Угроза западным рубежам Боспора возросла к концу I в. до н. э. и, видимо, вылилась в оборонительный союз с Херсонесом под верховным главенством Рима (IRE. I². 704, 354; Зубарь, 1994. С. 17.). Только Аспургу удалось добиться серьезного успеха на этом направлении. Об этом мы знаем из посвяtitельной надписи Менестрата, носившего титул начальника острова (КБН № 40), и другого посвящения, датирующегося 23 г. (КБН № 39). С победой Аспурга над скифами и таврами можно связать установку его статуи в Херсонесе (IRE. I², 573) и появление на боспорских монетах времени его правления головы бога войны Ареса и трофея (Гайдукевич, 1949. С. 324; Анохин, 1986. С. 150. Табл. 11, 295). Согласно монетной практике того времени,

это свидетельствовало об успешном ведении активных боевых действий. О событиях военного характера, связанных с Неаполем Скифским, свидетельствуют и археологические материалы, которые дают основание говорить об усилении в начале I в. н. э. местной оборонительной системы, пожарах в городе и пригороде (Колтухов, 1990. С. 187; Зайцев, 2003. С. 44) и последующем восстановлении построек во второй четверти того же столетия (Пуздровский, 1999. С. 108).

Правда, вряд ли можно говорить об оккупации Боспором всей или почти всей крымской части скифского царства, включая его столицу (Раевский, 1973. С. 115). Не исключено, что Аспургу удалось добиться утверждения там своего ставленника и создания, хотя бы временного, боспоро-скифского союза. Эта точка зрения находит подтверждение в надписи из Неаполя Скифского, где упоминается царь Ходарз, сын Омпсалака, при этом шрифт надписи имеет «наиболее близкие палеографические параллели в лапидарных документах времени Динамии и Аспурга» (Виноградов, 1994. С. 155).

В это время Боспорское царство, по видимому, представляло собой серьезную силу, которая контролировала военно-политическую ситуацию в Северо-Восточном Причерноморье. Об этом свидетельствуют археологические данные о перемещениях варварского населения Восточного Приазовья, скорее всего, не без участия Боспора (Каменецкий, 1989. С. 240–245), и первоначальное отсутствие укреплений в Танаисе, восстановленном после полемоновского разгрома (Толстиков, 1981. С. 21).

Стабилизация положения в данном регионе нашла свое выражение в укреплении контактов Боспора с Римом, для которого Аспург оказался идеальной политической фигурой. Он полностью отвечал тем требованиям, которые предъявлялись к такого

рода властителям: был достаточно популярным среди разнородного в этническом отношении населения царства, обладал значительным опытом государственного и военного деятеля и в то же время был послушным исполнителем воли императора. Не случайно, по крайней мере после 23 г. н. э., в титулатуре Аспурга появляется такой элемент, как *φιλόκαισαρ* (КБН № 40). По-видимому, это сопровождалось дарованием ему и его потомству звания и привилегий римского гражданина (Дьячков, 1993. С. 245), что повлекло за собой принятие боспорскими царями имени Тиберий Юлий, которое становится династическим для местных правителей вплоть до конца V в. При этом в царскую титулатуру, как правило, включалось наименование «друг цезаря и друг римлян». Это означало, что римско-боспорские отношения строились на основе договора о дружбе с Римом (*amicitia*), который при вступлении на престол нового царя требовал обновления и подтверждения полномочий очередного претендента (Надэль, 1948. С. 212; Braund, 1984. P. 106; Сапрыкин, 2002. С. 161). Такой акт сопровождали почетные дары императора, — курульное кресло и скипетр с бюстом императора, шлем, круглый щит и копье, меч и секира, а также символическое изображение боевого коня в виде его головы, — запечатленные позднее на монетах Рескупорида I, Савромата I, Котиса II, Риметалка, Савромата II и Рескупорида II (Анохин, 1986. Табл. 14, 375; Табл. 17, 427, 428, 432, 435–439; Там же. Табл. 18, 446, 449, 455, 456, 459; Там же. Табл. 19, 464, 467, 469, 470; Там же. Табл. 20, 482, 483, 492, 495; Там же. Табл. 22, 522, 523, 527, 528; Там же. Табл. 27, 587, 588, 591, 593, 602; Там же. Табл. 28, 606; Там же. Табл. 29, 620, 620a; Там же. Табл. 32, 653).

Положение самого Аспурга еще больше упрочилось после женитьбы на предста-

вительнице фракийского царского дома — Гепеирии, которая подарила ему двух сыновей, обеспечив преемственность власти в рамках боспорской династии. Старший сын получил иранское имя Митридат, младший — фракийское имя Котис. Как показали последующие события, они отличались не только именами, но и своим отношением к зависимости Боспора от Рима.

5.5. Митридат VIII и Боспорская война 45–49 гг.

Аспург ушел из жизни в сложный момент смены власти в самом Риме, когда после смерти Тиберия она досталась Калигуле. Это обстоятельство получило отражение в его монетных выпусках, где на золоте 334 г. босп. эры (= 37/38 г.) продолжает помещаться портрет умершего Тиберия, а на медных ассах мы видим голову Калигулы с обозначением его полного имени (Анохин, 1986. С. 95. Табл. 12, 317, 320). У нового императора, требовавшего, чтобы ему поклонялись как богу, были свои виды на Боспорское царство, решение судьбы которого затянулось. Данные нумизматики свидетельствуют, что контроль над царством, по крайней мере на полтора года, перешел не к наследнику трона Митридату, а к вдове Аспурга, продолжавшей чеканить на своих золотых монетах портрет покойного Тиберия (Фролова, 1977. С. 166–174)⁸. В любом случае возможные ссылки на то, что Митридат в 37 г. еще не достиг совершеннолетия и поэтому не мог получить царскую власть, уязвимы, т. к. «неопытный по молодости лет» (Тас. Ann. XII, 15) Котис получил ее без всяких затруднений.

⁸ О различных точках зрения на причины ее прихода к власти см.: Сапрыкин, 2002. С. 242.

Можно высказать предположение, что такая ситуация стала возможной только в условиях отсутствия молодого Митридата на родине. Мы знаем о стремлении Тиберия и его преемников держать руку на пульсе событий, происходящих в понтийском регионе. Верность тамошних вассальных правителей должно было обеспечивать пребывание в Риме, фактически в качестве заложников, их наследников, призванных в будущем стать проводниками римской политики на подвластной им территории. В отношении совоспитанников Калигулы, Реметалка III, Котиса IV и Полемона II, это точно известно (Орешников, 1921. С. 3), но вряд ли в данном отношении был обойден вниманием такой важный для империи стратегический район, как Боспор. Ведь личные симпатии императора во многом должны были определять судьбы царств и народов (Braund, 1984. P. 58). Не исключено, что и молодой Митридат был вынужден провести в Риме довольно продолжительное время, вполне вероятно, уже с 23 г., когда были расширены полномочия его отца. На эту мысль наводит использование глагола «вернулся» в словах царя, обращенных позднее к императору Клавдию: «Non sum remissus ad te, sed reversus...» (Tac. Ann. XII. 21) (Дьячков, 1993. С. 245; 1997. С. 62). Ничего необычного в этом не было. Ведь даже обласканный Калигулой иудейский царь Агриппа I был вынужден отправить своего сына на воспитание при императорском дворе (Ios. Fl. Ant. XIX. 9. 2). Скорее всего, судьба боспорского трона была определена одновременно с решениями, вынесенными в отношении ряда зависимых восточных государств (Голубцова, 1951. С. 125 сл.). Т. Рейнак убедительно доказал, что это произошло в октябре 38 г. (Reinach, 1902. P. 147). Так, Агриппа стал правителем двух тетрархий, а затем и царем Иудеи (Ios. Fl. Ant. XVIII. 6. 10). По соседству была

образована Иудейская Аравия, а царская власть над ней дарована Соэму. Антиоху Коммагенскому вернули владения его отца (Suet. Calig. 16). Реметалку III достался фракийский престол, Котису IV — Малая Армения, получил наследственные владения и Полемон II, внук Полемона I (Dio Cass. LIX. 12. 2)⁹. Впрочем, сохранивший эти сведения Дион Кассий не уточнил, какие именно области в данном случае имелись в виду. Многие зарубежные и отечественные исследователи полагали, что среди них был и Боспор (см., напр., Magie, 1950. P. 514; Моммзен, 1995. С. 217; Гайдукевич, 1949. С. 326; Голубцова, 1951. С. 127). Такая не находящая опоры в источниках точка зрения, согласно которой «неправомерно понимать под „отцовскими владениями“ исключительно Понтийское царство» продолжает бытовать до сих пор (Панов, 2007. С. 160), хотя в таком случае непонятно, почему тогда вне юрисдикции Полемона II оказалась принадлежавшая его деду и территориально более близкая Киликия, присоединенная к Понту только при Клавдии (Dio Cass. LIX. 12. 2). Более оправданным представляется говорить об утверждении власти Полемона только в пределах Понта, где правила его мать, Антония Трифена (Сапрыкин, 1995. С. 200), и повторить прозвучавший у Д. Браунда, правда, по другому поводу, призыв не искать «конфликтные ситуации там, где их на самом деле не было» (Браунд, 1991. С. 34).

Видимо, после некоторых колебаний, права на боспорский трон официально были утверждены за Митридатом VIII (Сапрыкин, 1993. 37–39; Горончаровский, 2002. С. 197 сл.; он же, 2003. С. 129 сл.). В пользу этого свидетельствует помеще-

⁹ Относительно критики взглядов сторонников того, что Полемону II был передан и Боспор, а также якобы предпринятых им военных действий, см.: Яйленко, 1990. С. 175; Сапрыкин, 2002. С. 238–239.

ние на аверсе его золотых статов 39–41 гг. изображения правящего императора (Фролова, 1977а. С. 172–174; Анохин, 1986. С. 96–97. Табл. 12, 327). Несомненно, молодой царь на первых порах должен был рьяно демонстрировать лояльность своему благодетелю и поддерживать все пропагандистские акции, которыми было так богато правление Калигулы. В этом отношении он вряд ли отличался от других вассальных царей и правителей, быстро уяснивших, что с помощью лести от молодого императора можно добиться многого и воздвигавших в его честь алтари и статуи (ср.: Fl. Ios. Ant. Jud. XVIII, 8,1; Фрибус, 2002. С. 121). Это касается, прежде всего, требования божественных почестей самим Калигулой и установления культа некоторых членов императорской семьи (Trillmich W., 1988. S. 173ff.; Burnett, 1987. P. 29–30). В частности, Светоний сообщает, что он учредил в честь покойной матери ежегодные поминальные обряды и цирковые игры, на которых изображение Агриппины Старшей везли на особой колеснице (Suet. Calig., 15). Таким образом, молодой принцепс пытался склонить общественное мнение в свою пользу, подчеркивая легальность своей власти, поскольку был кровно связан с Августом через свою мать, его внуку. Очевидно, в данном случае обожествленная мать императора, могла быть представлена в образе Фортуны с рогом изобилия в руках, как и ее дочери на монетах Калигулы (Абрамзон, 1995. С. 375. Рис. 52; Wood S., 1988. P. 409ff.; idem, 1995. P. 458. Fig. 1).

Не исключено, что отражением нововведений такого рода в культовой практике Боспора является единственное для местной погребальной живописи изображение Тихе-Фортуны с рогом изобилия и рулевым веслом на темно-коричневом пьедестале в пантикапейском склепе 1891 г. Напомним, что дату сооружения этого скле-

па, предложенную М. И. Ростовцевым — не позднее середины I в., — подкрепляет находка «в земле, наполнявшей вход в катакомбу», монеты Митридата VIII (АДЖ. С. 195, 198). Склеп принадлежал представителю верхушки столичного общества, возможно, выходцу из аспургин, ставших военной опорой династии боспорских Тибериев Юлиев. Среди аспургин образ Фортуны мог иметь особую популярность из-за ассоциаций с иранским божеством Hvareno (воплощения понятия «фарн»), олицетворением счастья, судьбы (см.: Сокольский, 1975. С. 40, 104. Рис. 31; Яценко С. А., 2000. С. 260)¹⁰.

В данном отношении обращает на себя внимание уникальная терракотовая статуя I в. н. э., обломки которой были обнаружены в некрополе Илурата (Кубланов, Хршановский, 1989. С. 18–20. Рис. 6; Горончаровский, 2001. С. 255–257). Глина терракоты — боспорская, но составная форма, в которой она была изготовлена, — явно не местного происхождения. При совпадении ряда деталей со статуарными образами, восходящими к раннеимператорскому времени (Amelung, 1903. S. 79. Taf. 9, N 59; S. 101–103. Taf. 13, N 86), ее можно атрибутировать как изображение Фортуны. Учитывая быструю смену женской моды в Риме, оригинал, послуживший моделью для короппаста, с определенной долей вероятности можно отнести к числу изображений обожествленной Агриппины Старшей. Дело в том, что прическа с вьющимися, уложенными на пробор волосами и двумя длинными волнистыми локонами по обе стороны шеи запечатлена только на ее скульптурных портретах (West, 1933. Taf. XLV, N 191). На скульптурных бюстах дочери Агриппины Старшей, Друзиллы,

¹⁰ Ср. роль Тихе в качестве богини, освящающей царскую власть в парфянской нумизматике: Варданян, 1983. С. 20.

упомянутые локоны уже либо закручены в тугую спираль, либо перевязаны в нескольких местах по горизонтали (Wood, 1995. P. 470–474. Fig. 15–23). Такие официальные изображения могли копироваться, в том числе средствами коропластики, для провинций и знати вассальных государств. Судя по всему, на короткий период производство такой продукции было налажено и на Боспоре¹¹.

Впрочем, видимо, уже тогда у наследника имени великого противника Рима зрели мысли о более самостоятельной, а в перспективе и независимой политике. Судя по манумиссии 41 г. из Горгииппии (КБН. 1123), с учетом данных рыбницкой надписи (Болтунова, 1954. С. 176), он ввел в свою официальную титулатуру такие патристические элементы, как «друг отечества и друг союзников»¹². Такой элемент титулатуры Митридата VIII, как *φιλόπατρις*, не являлся уникальным для античной эпиграфики. Как следствие определенных политических установок и сакрализации патристических устремлений он был принят в I в. до н. э. Антионом I, царем Коммагены, и Архелаем, царем Каппадокии (Функ, 1992. С. 89–90).

Первая часть этой формулы обращена к населению собственного государства, вторая - к тем силам, которые находились за его пределами. Термин «отечество» в связи с царской титулатурой зафиксирован и в недавно найденном декрете из Танаиса. По предложению «проэдров Совета [танаитов], что на Боспоре», в нем чествуется некий сын Матиана, воспитанный приемными родителями, явно занимавший видное место при дворе и оказавшийся, судя

по сохранившимся фрагментам надписи, полезным для «царя царей и отечества» (Беттгер, Виноградов 1994: 68; Arsen'eva, Böttger, Vinogradov 1995: 222, 223: Abb. 6). Представляется достаточно вероятным, что эта формула также связана с Митридатом VIII. Во всяком случае восстановление им титула «царя царей», восходящего к знаменитому предку, Митридату VI Евпатору, было бы вполне естественным в период его открытого противостояния Риму.

Авторы публикации текста декрета предложили датировать его временем правления Савромата I (93–120), когда Танаис в полной мере возродился как урбанистический центр и был обнесен оборонительными стенами, но это мнение нельзя считать окончательным. Как известно, общественная и экономическая жизнь города возобновилась уже через несколько десятилетий после погрома, учиненного Полемоном (Шелов, 1972. С. 268–269). К тому же танаисский декрет демонстрирует дальнейшее развитие курсивного письма, использовавшегося на Боспоре около рубежа н. э., и вряд ли был издан значительно позднее. Учитывая редкость имени Матиан для боспорской просопографии, можно предположить, что в нем упоминается сын того самого Матиана, память о котором была в свое время увековечена царицей Динамией.

Видимо, боспорский царь с самого начала делал главную ставку на неограниченные воинские ресурсы соседних варварских племен. Как отражение предпринятых им дипломатических шагов в отношении скифов и тавров, можно рассматривать фрагмент серебряной тарелки царицы Гепепирии из Неаполя Скифского,¹³ а также от-

¹¹ К ней можно отнести обломок головы терракотовой статуи того же типа и таких же размеров из раскопок городища у с. Михайловка в 2 км от Илурата (Петерс, 1970. С. 113. Табл. 53, 1).

¹² О дискуссии по поводу реконструкции надписи см.: Сапрыкин, 2002. С. 244–246.

¹³ Ср.: Яценко, 1962. С. 101–113 (дипломатический дар царицы на переговорах со скифами); Пуздровский, 1991. С. 101 (допускает, что скифы в это

чеканенные в его правление монеты из святилища на Гурзуфском седле, которых насчитывается 28 (см.: Новиченкова, 1994. С. 54–55). Впрочем, в число даров Митридата VIII, как показывает клад из Сукко (Крушкол, 1978. С. 61–63), могли войти и присутствовавшие одновременно в обращении монеты Аспурга и Гепепирии — в святилище их соответственно 29 и 7. Несомненно, уже тогда среди союзников мятежного царя находилось и могущественное сарматское племя сираков на восточных границах государства. Все это вполне согласуется с историческим опытом, накопленным его предшественниками.

Вместе с тем, он не стремился раньше времени обострять отношения с Римом. Когда после убийства Калигулы императором стал Клавдий, чтобы выразить от лица брата верноподданические чувства, к нему отправился Котис, имевший свои виды на эту поездку. Глава посольства постарался «открыть глаза» императору на истинную подоплеку деятельности Митридата, обвинив его в подготовке к войне. Очевидно, его подталкивала к такому решению политическая оппозиция брату в лице матери и части состоятельных боспорских горожан, не заинтересованных в

время были независимы, и Митридат VIII предпринял попытку заключить с ними военный союз); он же, 2001. С. 213 (в 46 г. «Гепепирия могла обратиться за помощью в столицу крымских скифов с целью привлечь последних к борьбе за трон»); Виноградов, 1992. С. 139 (это дар «скифо-сарматскому вассалу» в связи с просьбой об оказании военной помощи в борьбе с Полемоном II); Колтухов, 1993. С. 218 (зависимые от Боспора скифы выступили на стороне Митридата VIII). Наконец, не исключено, что «тарелочка с именем Гепепирии могла попасть в Неаполь гораздо позже и вне всякой связи с ее деятельностью» (Алексеев, Коциевский, 1982. С. 43), поскольку она найдена в слое горизонта А конца II — первой половины III в. (Пуздоровский, 2001а. С. 102; Зайцев, 2003. С. 44).

конфликте с империей. Об этом вполне определенно говорит восходящий к Диону Кассию (Dio Cass. LX. 28. 7) отрывок из сочинения византийского автора VI в. н. э. Петра Патрикия: «Митридат задумал повернуть дело и стал готовиться к войне против римлян. Когда же мать воспротивилась этому и, не сумев убедить его, захотела бежать, Митридат, желая скрыть задуманное, но продолжая свои приготовления, посылает брата Котиса послом к Клавдию с дружескими изъявлениями. Котис же, презрев посольские обязанности, все открыл Клавдию и стал царем...». Насколько серьезными были аргументы Котиса, трудно сказать. При известной подозрительности Клавдия (Suet. Claud. 37) вызвать его резкую реакцию на действия вассальных правителей могло даже просто накопление оружия (ср.: Fl. Ios. Ant. Jud. XVIII, 7, 2) или усиление крепостных стен (Fl. Jos. Ant. Jud. XIX. 7. 2)¹⁴.

Так или иначе, обострение боспороримских отношений произошло, что существенно повлияло на монетное дело периода правления Митридата VIII. Вместо оживления выпуска золотых статов, как это обычно происходило при восшествии на престол нового императора и получении «даров» от него при возобновлении договора о дружбе (Зограф, 1951. С. 203; Фролова, 1971. С. 63; она же, 1982. С. 57–58; она же, 1997. Ч. I. С. 72; Смекалова, Дюков, 2001. С. 94), чеканка золота после 41/42 г. прекратилась, а на реверсе медных монет, по-видимому, именно в это время вместо бюста Гепепирии (рис. 127) появились атрибуты божественных предков боспорских царей — Геракла и Посейдона: лук в колчане, палица, львиная шкура и трезубец

¹⁴ Со строительной деятельностью Митридата можно предположительно связать возведение на западных подступах к Пантикапею крепости Илурат (Горончаровский, 2002. С. 69) и усиление оборонительных сооружений Китея (Молев, 1985. С. 55).

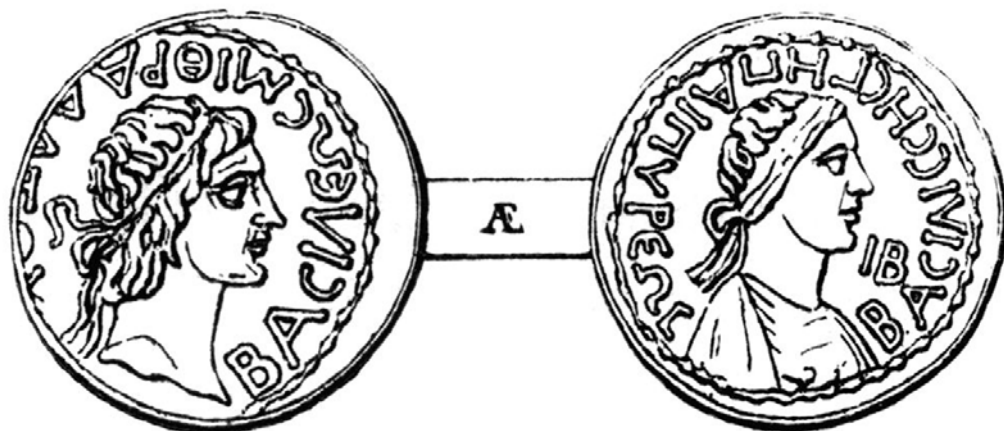

Рис. 127. Медная монета с изображением Митридата VIII и Гепеирии (по П. О. Бурачкову)

(Анохин, 1986. С. 151. Табл. 12, 330). Официально провозглашенный независимый политический курс, судя по тому, что Клавдием еще долго владели «горечь нанесенных ему оскорблений и жажда мести» (Тас. Ann. XII. 20), вполне вероятно, сопровождался рядом антиримских акций, например, демонстративным уничтожением памятников искусства, связанных с представителями династии Юлиев-Клавдиев, подобно тому, как это сделали жители Эфеса со статуями римлян в начале Первой Митридатовой войны (App. Mithr. 21).

События, связанные с Боспорской войной 45–49 гг., существенно повлияли на военно-политическую ситуацию в Причерноморье и поэтому неоднократно привлекали внимание исследователей (Гайдукевич, 1949. С. 326–328; он же, 1955. С. 129; Каллистов, 1952. С. 228; Блаватский, 1985. С. 228; Цветаева, 1979. С. 16; Щукин, 1994. С. 205–206; Зубарь, Шмалько, 1993. С. 225–231; Зубарь, 1998. С. 31–35), хотя и без детального анализа ситуации,¹⁵ что побуждает нас попытаться еще раз рассмотреть

отдельные аспекты данной проблемы в связи с теми данными, которые могут пролить дополнительный свет на конфликт Боспора и Рима в 40-е гг. I в. н. э. (Горнчаровский, 2003а. С. 161–170).

С. Ю. Сапрыкин считает, что ответные действия Рима последовали сразу, и смещает традиционную дату начала Боспорской войны — 44/45 г. — на год-два ранее, т. е. на 42 или 43 гг., хотя затем соглашается с мнением о том, что «это важное для римлян военное мероприятие готовилось тщательно и заранее» (Сапрыкин, 2002. С. 250–251). Далее, противореча сам себе, он упоминает «длительный и упорный военный конфликт Рима с Митридатом в 45–49 гг.» (Сапрыкин, 2002. С. 259). Действительно трудно представить, чтобы какая-то крупная внешнеполитическая акция началась одновременно с вторжением римских легионов в Британию в 43 г. К тому же мы знаем, что поход на Боспор с целью утверждения там царем проримски настроенного Котиса возглавил один из участников военной операции в Британии, Авл Дидий Галл, ставший в 44 г. наместником провинции Мёзия. Титул *dux*, с которым он упоминается у Тацита (Тас. Ann. XII.

¹⁵ Наиболее полно они освещены только в одной монографии: Сапрыкин, 2002. С. 243–259.

15), обычно применялся к лицу, не принадлежавшему к сенаторскому сословию, но осуществлявшему высшее командование (Ле Бозк, 2001. С. 54). Считается, что из Мёзии против Митридата были отправлены военные силы числом не менее легиона (Блаватский, 1985. С. 228;). Вероятно, основу армии вторжения составил переведенный в Мёзию в 45 г. VIII Августов легион (Ritterling, 1925. Sp. 1647). К нему нужно добавить несколько когорт, прибывших из Вифинии. Считается, что здесь стояло не менее трех когорт пехоты и вспомогательный конный отряд, а также вспомогательные войска из местных уроженцев (см.: Зубарь, Шмалько, 1993. С. 227). Это вполне согласуется с указанием Вегетия, что при небольших войнах римляне «считали достаточным один легион с присоединением к нему вспомогательных отрядов, т. е. 10000 пехоты и 2000 всадников» (Veget. III. 1).

Сборным пунктом переправленных морем в Таврику военных сил, видимо, стал Херсонес, всегда тяготившийся зависимостью от Боспора и, скорее всего, выделивший отряд вспомогательных войск для участия в походе (Кадеев, 1981. С. 19; Зубарь, 1994. С. 22). В любом случае переброска армии вторжения и дальнейшие военные действия должны были потребовать привлечения значительного количества не только военных, но и транспортных кораблей. Часть их, несомненно, была затребована у греческих городов понтийского побережья, ведь Равеннский флот, видимо, не располагал в это время достаточными силами, а Понтийский был создан не ранее 64 г. (Starr, 1960. P. 125–129; French, 1984. P. 53ff.). В этой связи заслуживает упоминания сообщение Тацита об освобождении на пять лет от податей жителей Византия, потому что они были истощены боспорской и фракийской войнами (Tac. Ann. XII. 63).

Далее армия А. Дидия Галла вытеснила Митридата VIII с европейской стороны Боспора, где он, судя по всему, не пользовался всеобщей поддержкой¹⁶. Тогда же боспорский царь мог лишиться и флота. По крайней мере, одно морское сражение должно было состояться, ведь позднее Митридат произнес фразу о том, что его «на протяжении стольких лет на суше и на море преследуют римляне» (Tac. Ann. XII. 18). Отчетом о предпринятых в тот период военных действиях мог пользоваться Плиний Старший при написании своей «Естественной истории», поскольку он прямо указывает, что при исчислении расстояний между городами и поселениями Боспора дает «размеры, определенные в наше время, когда даже в самом Киммерийском устье велась война» (Plin. Hist. Nat. VI. 3)¹⁷. М. В. Скржинская, анализируя приведенную им информацию, отметила достаточно высокую точность ее для европейской части, тогда как описание городов азиатской стороны Боспора отличается неконкретностью и значительно меньшей определенностью (Скржинская, 1977. С. 65–66). Данное обстоятельство представляется неслучайным. Ведь в римской армии точно составленным планам тех местностей, где идет война, придавалось огромное значение (Veget. III. 6). Это нужно было для того, чтобы знать путь следования от одного населенного пункта к другому и иметь представление о естественных препятст-

¹⁶ В данном отношении интересную параллель можно провести с историей присоединения к Риму при Тиберии Коммагенского и Киликийского царств, сопровождавшегося внутренней борьбой: «У народов их происходили смуты: большая часть населения [курсив наш — В. Г.] желала римского, другая — царского управления» (Tac. Ann. II, 56).

¹⁷ С этими военными действиями можно сопоставить разрушение в ходе массированного вражеского штурма крепости на городище Артезиан, датирующееся по монетному кладу серединой I в. н. э. (Винокуров, 2005. С. 51–58).

виях — реках и горных местностях. Вероятно, демонстрация римлянами военной силы оказалась настолько убедительной, что города и ряд зависимых племен на другой стороне пролива поспешили выразить свою покорность. Теперь ничто не мешало получившему боспорский трон Котису начать чеканку золотых статеров, самые ранние из которых датируются 45/46 г. (Анохин, 1986. С. 151). Так, не позднее 46 г., завершился первый этап Боспорской войны, связанный с Авлом Дидием Галлом. Именно в этом году Фракия стала римской провинцией, а часть бывшего Одрисского царства вошла в состав провинции Мёзия (Златковская, 1951. С. 51). Такое развитие событий, конечно, требовало присутствия самого легата, которого в 47 г. сменил на этом посту Туллий Гемин (Сапрыкин, 2002. С. 250–251). Для поддержания спокойствия и укрепления власти нового, неопытного по молодости, царя на Боспоре были оставлены несколько когорт под командованием Гая Юлия Аквилы, а общий контроль был возложен на администрацию провинции Вифиния, которая вскоре перешла под управление императорского прокуратора (Harris, 1980. P. 878 ff.). К сожалению, та часть «Анналов» Тацита, где содержался рассказ о низложении Митридата и воцарении Котиса, была утрачена, и дальнейший ход войны, вплоть до ее завершающей фазы, может быть реконструирован только приблизительно.

После потери трона Митридат совсем не собирался складывать оружие. В это время соперник Котиса в борьбе за власть, скорее всего, находился у своих союзников сираков (Виноградов, 1963. С. 147). Обращает на себя внимание фраза Тацита применительно к последующим событиям 49 г. о том, что царь сираков Зорсин «возобновил враждебные к ним [Аквили и Котису — В. г.] отношения» (Tac. Ann. XII. 15). Это заставляет предполагать военную

поддержку сираками антиримской борьбы Митридата VIII в начальный период, впрочем, скорее всего, непродолжительную. Далее, по словам Тацита, царь «блуждал по разным местам», очевидно, далеко за пределами своих бывших владений. Не исключено, что в конце концов он обосновался в области, которая в «Географии» Птолемея (Ptol. Geogr. V. 8. 23–24) обозначена как «страна Митридата» (ἡ Μιθριδάτου χώρα). Определенным ориентиром в локализации этой «страны Митридата» и «савроматов», к которым бежал непримиримый противник римлян,¹⁸ служат указания Плиния Старшего. Со слов самого Митридата, он сообщает, что они живут за сарматским народом епагиритами, обитающими в Кавказских горах недалеко от Питиунта (Plin. Nat. Hist. VI. 15–16), т. е. речь, видимо, идет о районе среднего течения Кубани.

Оставшихся римлян и Котиса Митридат не считал серьезными противниками. Дальнейшие его действия фактически укладываются у Тацита в одну фразу: «он принимается возмущать племена и сманивать к себе перебежчиков» (Tac. Ann. XII. 15). Очевидно, речь идет о племенах на восточных границах Боспора, а также о связанных с правящей династией аспургианах. После того как под началом Митридата оказалось достаточно большое войско, был предпринят следующий шаг, создавший непосредственную угрозу для римлян и их ставленника: он «прогоняет царя дандариев и захватывает его престол». На волне этих успехов ему удалось вновь привлечь к антиримскому союзу царя сираков Зорсина. В 49 г. создалась ситуация, когда Котис со дня на день мог ожидать вторжения, ведь область дандариев находилась в низовьях Кубани, в непосредственной близости от городских центров Азиатского

¹⁸ В. П. Яйленко даже считает, что он мог стать царем этих савроматов (Яйленко, 1990. С. 181).

Боспора. Чтобы избежать нападения соперника, Котис и его союзники должны были выступить первыми. В «Анналах» Тацит, говоря об объединенном войске, помимо римлян, упоминает только о вооруженных по римскому образцу боспорцах. Для успешного ведения военных действий этого было явно недостаточно. Римский историк пишет, что молодой боспорский царь и Аквила, «не рассчитывая на свои силы... стали искать поддержки извне и направили послов к Евнону, правившему племенем аорсов» (Тас. *Ann.* XII, 15). Необходимость такого союза, очевидно, диктовалась отсутствием у римлян и сторонников Котиса всадников, способных по численности и качеству вооружения противостоять коннице противника. В том, что аорсы все-таки примкнули к союзу, направленному против Митридата, конечно, сыграли свою роль не столько заверения в ничтожности сил мятежника и выгодах союза с Римом, сколько давнее соперничество этого племени с сираками

Рис. 128. Портрет императора Клавдия на гемме из пантикапейского слепа Юлия Каллисфена

(Виноградов, 1963. С. 161; Шукин, 1994. С. 201–202; Марченко, 1996. С. 134). Основные кочевья аорсов в это время, видимо, располагались где-то в районе Присивашья (ср.: Тас. *Ann.* XII, 20) и, соответственно, попасть на территорию Боспора они могли только через Перекоп (Мачинский, 1974. С. 129; Костенко, 1990. С. 30; Скрипкин, 1997. С. 89–90; Глебов, 2001. С. 197).

После удачного завершения переговоров все было готово к походу, в котором аорсы должны были противостоять вражеской коннице, а римляне — заниматься осадой городов. Походный порядок союзной армии был следующим: «впереди и в тылу находились аорсы, посередине — когорты и вооруженные римским оружием отряды боспорцев» (Тас. *Ann.* XII, 15). В таком тактическом построении, несомненно, был учтен военный опыт действий против кочевников, накопленный боспорской армией. Вероятно, одним из участников похода 49 г., имевших такой опыт, был Юлий Каллисфен,¹⁹ погребение которого, с набором предметов наступательного и защитного вооружения, было открыто в одном из склепов пантикапейского некрополя в 1894 г. (Мацулевич, 1941. С. 61 сл.). Иначе трудно объяснить наличие на левой руке этого имевшего римское гражданство боспорца золотого перстня с портретом императора Клавдия на аметистовой гемме работы мастера Скилакса (рис. 128), ведущего резчика при дворах Клавдия и Нерона (Неверов, 1976. С. 38. № 131; он же, 1979. С. 105).

Вряд ли Аквила и Котис могли выступить против основных сил Митридата, оставив у себя в тылу территорию, контролируруемую аспурггианами (Горончаровский, 2000а. С. 229 сл.; он же, 2000б. С. 54–58). С развернувшимися на их землях военными

¹⁹ Имя этого человека говорит о принадлежности к привилегированному социальному слою Боспора (см.: Яйленко, 1987. С. 109).

действиями, видимо, следует связывать разрушение целого ряда укреплений Азиатского Боспора: погибшей в огне пожара крепости у ст. Запорожская (Сокольский, 1963. С. 179 сл.), поселения на Семибратнем городище, усадьбы у хут. Рассвет (Крушкол, 1968. С. 219; Кругликова, 1975. С. 133), домов-башен около ст. Анапской, на поселениях Цемдолинское и Владимировка близ Новороссийска (Калашников, 1987. С. 64–65; Паромов, 2001. С. 79–84), а также зарытый в районе Сукко клад монет времени Митридата VIII (Крушкол, 1978. С. 61–63)²⁰.

Возможно, война затронула и соседние земли торетов, поскольку среди препятствий, которые преодолело римское оружие в период этой войны, Тацит упоминает «труднодоступные и высокогорные местности» (Тас. *Ann.* XII. 17). В данной связи можно упомянуть случайно обнаруженный в районе Сочи бронзовый имперско-галльский шлем середины I в. н. э. характерной полусферической формы, с плоским вытянутым назатыльником (Сударев, 1991. С. 143–145. Рис. 1). Интересно отметить, что два бронзовых нащечника от шлемов того же типа были найдены в святилище на Гурзуфском седле. Они относятся ко второй хронологической группе предметов римского происхождения (40–е гг. I в.), в которой, помимо нащечников, представлены детали мечей типа Майнц, две стрелы от катапульты, фрагменты норико-паннонских поясов, шпоры, шарнирные фибулы-

броши, монеты Клавдия и др. (Новиченкова, 2002. С. 81–82, 87, 134. Рис. 35–36; 40, 1–4). Эти находки можно сопоставить с сообщением Тацита о том, что после окончания войны несколько возвращавшихся римских кораблей «выбросило к берегу тавров, и их окружили варвары, убившие префекта когорты и множество воинов из вспомогательного отряда» (Тас. *Ann.* XII. 17). Из этого следует, что поход против Митридата VIII с самого начала был задуман как совместная операция сухопутных частей и флота.

Видимо, дальнейший маршрут римлян пролегал через населенные пункты в землях дандариев и сираков, располагавшихся недалеко от морского побережья. При любом исходе событий корабли сопровождения могли обеспечить быстрое возвращение, и, кроме того, давали возможность бесперебойной доставки провианта, а, в случае необходимости, — организации переправы через реки. Вероятно, несмотря на наличие конницы аорсов, командование экспедиционного корпуса не решилось углубиться в степные владения сираков, или же в этом просто не было необходимости (Черняк, 1992. С. 101).

На пути в страну дандариев римско-боспорская армия успешно провела одно или несколько сражений с войском Митридата VIII. Когда она подошла к городу Созы, царя там уже не было из-за ненадежности его жителей. Римляне без особого труда овладели городом и оставили здесь свой гарнизон. Только тогда военные действия переместились на земли сираков²¹. Поворотным моментом в ходе всей

²⁰ С участием в этой акции аорсов С. Ю. Сапрыкин предположительно связывает погребение воина у пос. Мысхако (Сапрыкин, 2002. С. 254), датирующееся прекрасной сохранности золотым статером Котиса I чеканки 48/49 гг. (Онайко, 1983. С. 84–85. Рис. 2, 8). Действительно, среди предметов погребального инвентаря обращают на себя внимание характерные для тяжеловооруженного всадника втульчатый наконечник копья с большим ланцетовидным пером (длина — 0,46 м) и железный кавалерийский меч длиной 0,95 м, при этом длина рукояти составляет 0,21 м (Онайко, 1983. С. 83. Рис. 4).

²¹ Видимо, с ними можно связать присутствие в погребальных комплексах на территории Усть-Лабинского района Краснодарского края трофейного навершия римского знамени (Гущина, Засецкая, 1994. С. 58. № 269) и бронзовой пластины от перекрестья римского меча первой половины I в. н. э. (Белова, Эрлих, 1998. С. 173–176).

кампании стала осада города Успы, точное местонахождение которого до сих пор неизвестно. Тем не менее, дать хотя бы приблизительную привязку этого населенного пункта к современной карте, на наш взгляд, вполне возможно. Из рассказа Тацита мы знаем, что Успа находилась на возвышенности, за рекой Пандой, в трех днях пути от Танаиса (Тас. Ann. XII. 16–17). Конечно, «день пути» — расстояние достаточно условное, но, по Вегецию, скорость движения римских подразделений военным шагом составляла около 5,9 км/час (Veget. I. 9), что при продолжительности дневного марша 6–7 часов дает до 35–40 км в сутки. Таким образом, с учетом крайнего разброса цифр, Успа находилась в 105–120 км от дельты Дона. Если сопоставить эти данные с археологической картой Восточного Приазовья, то в указанных пределах оказывается группа городищ по реке Кирпили (Панда?), а между ней и Доном поселения этого периода вообще отсутствуют (Каменецкий, 1989. С. 226, 242). К тому же к северу от Кирпили местность, в отличие от более южных равнинных районов, становится пересеченной, с высотными отметками до 50 м. Расположенные здесь городища представляют собой холмы с четко выраженной цитаделью и глубоким рвом. В свое время на этот район в связи с событиями Боспорской войны обратил внимание М. Б. Щукин, но он связывал группу городищ у ст. Ново-Джере-лиевская с областью дандариев, куда был направлен первый удар Аквилы и аорсов (Щукин, 1994. С. 206).

Расположенный на возвышенности главный город сираков, судя по наличию в нем десяти тысяч рабов (Тас. Ann. XII. 17), был достаточно населенным. Его окружали рвы и стены «не из камня, а из сплетенных прутьев с насыпанной посередине землей» (Тас. Ann. XII. 16). Высота подобных оборонительных сооружений, в качестве ос-

новы которых использовались турлучные конструкции, вряд ли превышала 4 м.²² Несмотря на известную примитивность таких укреплений, не рассчитанных на правильную осаду, сходу взять их не удалось. Согласно римской тактике захвата городов, если попытка первого штурма не завершилась успехом, начинали развертывать инженерные работы под прикрытием легковооруженных войск и метательных машин (Разин, 1955. С. 430). Под Успой они заняли лишь часть дня. Город был обложен со всех сторон, но, прежде чем пустить в ход высокие башни, которые упоминает Тацит, осаждающие должны были засыпать рвы, подготовив таким образом штурмовые площадки (ср.: Ле Бозк, 2001. С. 203). Подвижные башни высотой от 15 м сооружались, как и штурмовые лестницы, достаточно быстро из заранее заготовленного материала, перевозившегося в обозе. Добившись с их помощью господства над оборонительной стеной Успы, римляне забросали ее защитников пылающими факелами и копьями. Надо полагать, что такие действия вызвали повреждения деревянных укреплений, потери среди осажденных и падение их морального духа. Сражение прервало только наступление темноты. На следующий день, отвергнув мирные предложения, римляне проникли в город с помощью штурмовых лестниц, которые обычно приставляли к стене или спускали с осадных башен (Apollod. 175–193), и все закончилось санкционированной командованием беспощадной резней²³.

²² Ср. реконструкцию подобных сооружений более раннего времени: Марченко, Житников, Копылов, 2000. С. 76–77. Рис. 13.

²³ Согласно традиции, если понадобился штурм, вся добыча доставалась солдатам (Ле Бозк, 2001. С. 208). Какими ужасами сопровождался такой грабеж, продолжавшийся не один день, мы знаем из описаний взятия Иотапаты в Иудее (Ios. Flav. Bell. Iud. III. 7. 34) и Кремоны в Италии, когда «ни положение,

Массовое истребление жителей Успы заставило сираков задуматься о том, стоит ли продолжать эту войну. В конце концов Зорсин «дал заложников и простерся ниц перед изображением Цезаря, что принесло великую славу римскому войску», которое одержало победу почти без потерь (Тас. Ann. XII. 17). Такой исход дела в условиях, когда военные действия пришлось бы вести «в труднодоступной местности и вдали от морских путей...», где цари «воинственны, народы — кочевые, земля — бесплодна» (Тас. Ann. XII. 20), вполне устраивал римлян, поскольку они прекрасно понимали, что полностью подчинить кочевников чрезвычайно трудно²⁴.

Утрата сиракской конницы в скором времени вынудила Митридата VIII к капитуляции, что лишний раз подчеркивает значение контингентов союзной варварской кавалерии для ведения масштабной войны близ границ Боспора. Бывший царь был вынужден прибегнуть к милосердию вождя аорсов Евнона, который стал добиваться от императора согласия не вести

пленника в триумфальном шествии и сохранить ему жизнь (Тас. Ann. XII. 19–20). На это вполне можно было рассчитывать, так как Клавдий любил демонстрировать свое великодушие по отношению к особам царского рода (Щукин, 1991. С. 92; Фрибус, 2002. С. 122). Характерным примером в данном случае является дарование им в 43 г. прощения побежденному царю Каратаку, объединившему под своей властью племена юго-восточной части Британии (Тас. Ann. XII. 37).

Император согласился на условия, предложенные Евноном, и доставленный в Рим знатный пленник прожил там почти двадцать лет, пока его не казнили за участие в заговоре префекта претория Нимфиция Сабина против императора Гальбы (Plut. Galba. 13). Так завершилась последняя попытка Боспора отстоять независимую от Рима позицию. В конечном итоге она способствовала формированию более взвешенной политики империи по отношению к этому вассальному государству и отказу от постоянного присутствия здесь римских войск.

ни возраст не могли оградить от насилия, спасти от смерти», «в руках у всех пылали факелы и, кончив грабеж, легионеры кидали их, потехи ради, в пустые дома и разоренные храмы» (Тас. Hist. III. 33).

²⁴ Применительно к совсем другому региону, пограничью Китая и Монголии, подобную ситуацию хорошо охарактеризовал О. Латтимор: «Мобильность монголов, отсутствие в Монголии «нервных центров» в виде городов, которые можно захватить, парализуя этим экономическую и политическую жизнь, приводило к тому, что экспедиции с целью оккупации и подчинения страны не давали результата. Монголы, с другой стороны, ... всегда могли совершать очень эффективные рейды внутрь Китая, захватывая уязвимые города и перерезая жизненно важные артерии: дороги и каналы» (Lattimore, 1962. P. 415).

Глава 6 МЕЖДУ ИМПЕРИЕЙ И ВАРВАРАМИ

6.1. В союзе с Римом

Со времени правления Котиса I (45/46–67/68) Боспор начал последовательно проводить политику союзного Риму государства, постоянный контроль за которым осуществлялся через провинцию Вифиния-Понт (Ростовцев, 1917. С. 128 сл.; Шмалько, 1985. С. 115–122). В случае возникновения серьезных проблем, связанных с внутривосточной жизнью царства, их окончательное разрешение могло быть вынесено на суд императора (Iul. Cap. Ant. Pius, 9, 8). Обычно боспорские правители всячески старались продемонстрировать ему свою лояльность и даже исполняли обязанности первосвященников императорского культа (Блаватский, 1985. С. 191–195). Судя по росписи пантикапейского склепа 1841 г., со второй половины I в. в столице государства вошли в употребление обычные для римлян развлечения: гладиаторские бои и травля диких животных (АДЖ. Табл. LXXXIX, 1; XC, 2).

Рим был заинтересован в сохранении Боспорского царства прежде всего как важного фактора поддержания военно-политической стабильности в причерноморском регионе. Поэтому основной задачей правителей Боспора стало усиление обеспечения его безопасности за счет собственной военной силы или, по крайней мере, предоставление точной информации о передвижениях варварских племен (ср.: Gracsev, 1986. P. 312). В связи с этим Котис и

его преемники могли получать финансовую поддержку и инженерные кадры для укрепления обороны своих рубежей. В правление Домициана подобная практика зафиксирована по отношению к царю даков Децебалу (Dio Cass. LXVII. 7. 1–4), получившему статус «друга цезаря и друга римлян» (Кругликова, 1955. С. 63). Кроме того, часть субсидий,¹ поступавших на Боспор (Ростовцев, 1917. С. 129–130; Гайдукевич, 1949. С. 333,450; Доватур, 1959. С. 38; Кругликова, 1966. С. 23; Шелов, 1981. С. 60–62; Сапрыкин, 2006. С. 231–232), могла предназначаться на выплаты соседствующим с ним варварским племенам для обеспечения их действий в римских интересах или с целью предотвращения нападений на территорию империи (Гайдукевич, 1949. С. 345–346; Он же, 1955. С. 181; BR. S. 367–368), если демонстрация силы по тем или иным причинам была невозможна. В целом это была обычная практика в отношении пограничных племен. Вероятно, таким образом следует объяснять наличие большого количества римского импорта в погребениях «Золотого кладбища», возникшего как раз в середине I в. (Щукин, 1994. С. 208; Гущина, Засецкая, 1994. С. 36–37). В связи с этим можно вспомнить об ежегодных выплатах роксоланам при Траяне и Адриане (Ael. Spart. Vita Adr., I, 6, 8) и покупке последним мира у варварских царей (Ael. Spart. Vita Adr., I, 17, 10–11). В свою очередь, в случае ведения военных действий на восточной границе империи, Боспорское царство могло использоваться как база снабжения римской армии хлебом, рыбой, скотом и кожей

¹ Противоположную точку зрения на трактовку сообщения Лукиана о цели визита послов боспорского царя Тиберия Юлия Евпатора к наместнику Вифинии (Luc. Alex. 57) относительно того, что это были не субсидии, а ежегодная подать, см. в следующих работах: Латышев, 1909. С. 116; Максимова, 1956. С. 321; Зубарь, 1998. С. 80–81.

(Ростовцев, 1917. С. 111 сл.; он же, 1989а. С. 129).

Во второй половине I в. в Северном Причерноморье нарастает военная активность отдельных варварских племен, что потребовало принятия ряда мер по укреплению обороны государства. Вероятно, именно тогда была проведена перестройка и полная перепланировка укрепленного поселения Андреевка Северная (Кругликова, 1975. С. 109; 2000. С. 82), а на поселении Ново-Отрадное возведено новое, почти квадратное в плане укрепление с мощными стенами толщиной до 3 м (Кругликова, 1998. С. 156). Впрочем, возможности Боспора в этом отношении были достаточно ограничены. Когда около 62 г. скифы осадили Херсонес, Боспор не смог оказать ему эффективного содействия, что, видимо, напрямую связано с прекращением поступления римских денежных субсидий вследствие тяжелого финансового положения империи при Нероне. Потребовалось организовать специальную военную экспедицию наместника римской провинции Нижняя Мёзия Т. Плавтия Сильвана, чтобы снять эту угрозу (Зубар, 1988. С. 19–27; он же, 1994. С. 26–27; Шмалько, 1990. С. 84–92).

В дальнейшем основные силы империи были заняты на дунайской границе, и она уже не могла жестко контролировать ситуацию на северных берегах Понта. Видимо, практически самостоятельно вел войны с соседними варварами сын Котиса, Рескупорид I (68/69–91/92 гг.). Среди них были не только крымские скифы, столица которых, Неаполь, со второй половины I в. переживала период постепенного запустения практически всех известных строительных комплексов и фактически представляла собой «укрепленный лагерь кочевых юрт» (Зайцев, 2003. С. 44). В любом случае Рескупориду I удалось нанести врагам несколько серьезных поражений. Возможно, именно в память о военных победах царя на границе с сарматским миром его сын мог получить имя Савромат, а на медных монетах конца его правления появились изображения самого правителя Боспора, попирающего у победного трофея коленапреклоненного пленника (рис. 129); скачущего с копьем всадника; богини победы Ники и конной статуи над воротами крепости (Анохин, 1986. С. 154. Табл. 14, 379–382; Там же. Табл. 15, 385). Для покрытия расходов на военные нужды большое количество дупондиев и сестерциев

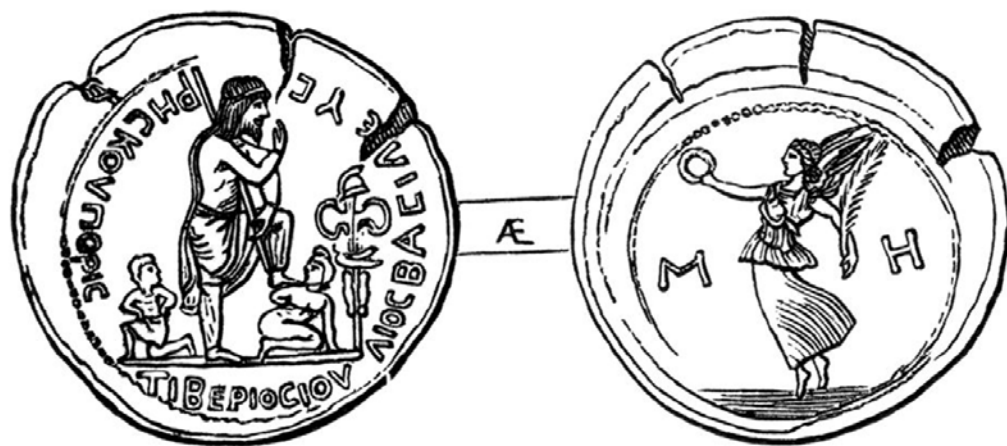

Рис. 129. Сестерций царя Рескупорида I с военной тематикой (по П. О. Бурачкову)

(тип оборотной стороны — Ника с венком) чеканилось из аурихалка, специального сплава, поступавшего на Боспор с территории империи, которая была монополистом в производстве и применении этого монетного металла (Grant, 1946. P. 88; Смекалова, 2001. С. 341). Таким образом, соответствующая чеканка, вероятно, должна была осуществляться с санкции римских властей (Фролова, 1997. Ч. II. С. 153; Смекалова, 2001. С. 337).

Атмосферу напряженной обстановки на всех границах царства в конце правления Рескупорида I, что порой требовало его непосредственного присутствия на театре военных действий, ярко передает пространная надпись в форме элегии, происходящая из Пантикапея (Vinogradov, 1994. P. 73–74; Виноградов, Шестаков, 2005. С. 42–44; Сапрыкин, 1998. С. 202; он же, 2005. С. 45 сл.). Она восхваляет некоего крупного государственного и военного деятеля, бывшего воспитателем царя Савромата I. Подробно перечисляются его воинские должности и награды: — хилиархия, командование фракийской спирой и тяжеловооруженными войнами — гоплитами², золотые почетные знаки за воинскую доблесть³. Подробно

говорится о мужестве чествуемого лица в сражении с некими врагами, судя по контексту, аланами, нападшими на Азиатский Боспор. Эта победа, одержанная «благодаря личной доблести и счастьем царя», прямо названа «великой» и стала широко известной. Далее речь идет о поездке героя надписи к римскому императору, личной аудиенции, одобрении деяний боспорского военачальника, который находился не столь далеко от места событий, и указаниях относительно «справедливого наказания» для аланских царей. Этот эпизод датируется исследователями надписи 92 г. и, соответственно, речь может идти только о Домициане, пребывавшем тогда в Паннонии, где против римлян действовали сарматы-язиги в союзе со свевами (Виноградов, Шестаков, 1995. С. 179–180).

Другие упомянутые в пантикапейском энциклопедическом событии относятся уже ко времени царствования Савромата I (93/94–123/124 гг.). В частности, выполняя впоследствии волю своего бывшего воспитанника, чествуемый, оставив ему часть армии, предпринял военный поход против тавроскифов и оказался близ Херсонеса. Здесь он встретил несколько царей, очевидно, скифов и тавров, направлявшихся для заключения союза с аланами, и не только отвратил варварских вождей от подобных намерений, но и взял с них клятвы верности. Далее упоминается племя псеханов, как объект пристального внимания самого царя. Возможно, Савромат I, чувствуя реальную угрозу со стороны аланов, с помощью дипломатии и убеждения принудил это племя признать его власть (Сапрыкин, 2002. P. 201). Далее прямо гово-

² Ср. с КБН 318: «Сага гоплита, жена Тамира, в память своего мужа поставила эту стелу...» (вторая половина I в. до н.э. — начало I в. н.э.).

³ Что это были за знаки, остается только догадываться. Более определенно можно говорить только о считающихся наградами бронзовых и золотых пряжках с тамгами царей Риметалка (131/132–153/154 гг.) и Евпатора (154–170 гг.), а также их погребальных имитациях из золотой фольги (Яценко, 2001. С. 52; Хршановский, 2007. С. 185–186). В римской армии из золота изготавливали наградные браслеты, шейные гривны и медальоны-фалеры с изображениями императоров. В этой связи заслуживает упоминания такая редкая для боспорской скульптуры деталь, как гривна, изображенная на мраморной статуе Неокла, наместника Горгииппии и, возможно, дарованная ему в качестве воинской награды. Известны и находки золотых шейных гривен в воинских погребениях I–

II вв. (ОАК за 1873 г. С. IV; Ростовцев, 1925. С. 230). Во всяком случае, для этого времени вряд ли можно рассматривать ношение шейной гривны на Боспоре как варварский обычай (Масленников, 1990. С. 59).

рится о победоносной войне со скифами и подчинении тавров (Vinogradov, 1994. P. 73–74).

В этот период внешняя политика Боспора по-прежнему носила проримский характер. Не случайно в одной из надписей Савромат I характеризовался как «выдающийся друг императора и римского народа» (КБН. № 46), хотя он же, в первый и последний раз после Фарнака, именовался «великий царь царей всего Боспора» (КБН. № 1048), что свидетельствует об известной самостоятельности (Цветаева, 1979. С. 18; Шелов, 1981. С. 58). В сочетании с изменениями в монетных типах, выразившимися в появлении или исчезновении портрета императора на боспорских медных монетах (Фролова, 1968. С. 133–137), и данными о разрушениях цитадели Пантикапея и крепостей Фонталовского полуострова это обстоятельство позволило В. П. Толстикову выдвинуть «реконструктивную схему» важнейших событий военно-политической истории Боспора между 101/102 и 108/109 гг., согласно которой этот период ослабления римского влияния на Боспор завершился карательной акцией римской администрации (Толстиков, 1991. С. 54–62). Впрочем, как справедливо отметил С. Ю. Сапрыкин, доступные нам датированные надписи времени Савромата I в отношении элементов титулатуры не укладываются в предложенную хронологическую нишу «самостоятельности» Боспора (Сапрыкин, 1997. С. 90). Действительно, в надписях 104–105 гг., упоминающих боспорского царя, он именуется не только «другом цезаря и другом римлян» (КБН. № 1021, 1045, 1115, 1259), но и «пожизненным первосвященником августов» (КБН. №. 1045). В то же время наименование его «великим царем» присутствует в посвященной надписи 117 г. (КБН № 44), когда у Боспора, по В. П. Толстикову, сепаратистские тенденции должны были уже от-

сутствовать. Изменения в титуле прослеживаются в связи с победами, одержанными в войнах с варварскими племенами после 110 г. (Блаватская, 1976. С. 95–97; Сапрыкин, 1997. С. 92).

Из посвящения Парфенокла и Антимаха «богам, дарующим победу» (КБН № 32) мы знаем, что на начало правления Савромата I, приходится благополучно завершённая война с вышедшими из-под контроля Боспора скифами (Раевский, 1973а. С. 119)⁴. Но этому военному успеху, очевидно, предшествовала серьёзная опасность, которой подверглись европейские владения царя. Иначе трудно объяснить уничтожение в результате сильного пожара фортификационной системы акрополя столицы государства (Толстиков, 1984. С. 51), с чем можно сопоставить уже упоминавшуюся эпитафию пантикапейца Аристана, павшего при защите стен отечества (КБН. № 133). Не исключено, что итогом тех же событий стало превращение Феодосии в «опустевший город» (Агг. Рег. 30), а также разрушение крепости Илурат (Горнчаровский, 2002б. С. 70) и расположенной неподалеку укрепленной усадьбы близ с. Михайловка (Петерс, 1978. С. 117 сл.).

Позднее серьёзная опасность угрожала Боспору на его азиатской стороне, следствием чего стало бурное фортификационное строительство (Сапрыкин, 2006. С. 228–229). Особенно грандиозные ра-

⁴ Оба боспорских военачальника, убедительно сопоставленных В. В. Латышевым с упоминаемыми в других надписях Ульпием Парфенотом и Ульпием Антимахом, сыном Мастуса, судя по всему, были не только коллегами по военному командованию, но и родственниками (IRE, I, 203; КБН. № 628, 697, а также комм. к № 32; Ростовцев, 1913. С. 398 сл.). Возможно, родоначальником этой знатной боспорской фамилии был некий Мастус (без всякого упоминания об отце), «почесть стяжавший царей и сограждан» и погребённый в некрополе Пантикапея: КБН. № 138).

боты проводились в Горгиппии, где найдена мраморная плита, сохранившая следующие строки: «...великий царь Тиберий Юлий Савромат, друг цезаря и друг римлян, благочестивый, пожизненный первосвященник августов и благодетель отечества, снесенные стены города воздвиг от основания, дав их городу преумноженные по сравнению с границами предков...» (КБН. № 1122). В это время была усилена и оборона Танаиса в устье Дона (Шелов, 1972. С. 13–15; Болтунова, 1964. С. 204). Непомерное финансовое бремя, которое в связи с военными расходами взвалила на себя царская казна, вызвало в 98–118 гг. в очередной раз чрезвычайно обильный выпуск сестерциев (Зограф, 1951. С. 204; Смекалова, 2001. С. 337).

Сооруженный в Кехах мощный земляной вал тем не менее не спас город от захвата неприятелем, а Патрей, Тирамба и семь укреплений на Фанталовском полуострове подверглись внезапному разрушению (Толстикова, 1992. С. 54 сл.). Скорее всего эта угроза исходила от племени псеханов, против которых в 109–113 гг. Савромату I пришлось предпринять несколько походов (Яйленко, 1990. С. 216–228; Левченко, 1999. С. 209–218), при этом была взята какая-то крепость (КБН № 980, 981, 1048). Показательно резкое увеличение на рубеже I–II вв. в азиатских владениях Боспора погребений с оружием (около 14 %) по сравнению с предшествующим периодом I в. до н. э. — I в. н. э., когда они составляли 1,5 % (Масленников, 1990. С. 57)⁵.

⁵ На самом деле процент погребений с оружием этого времени еще меньше, так как упоминаемое там же А. А. Масленниковым единственное захоронение с полным набором наступательного вооружения (меч, 3 наконечника копий и 10 наконечников стрел), судя по тому, что меч описывается автором раскопок как акинак с брусковидным навершием (Шавырина, 1983. С. 72), относится к IV–III вв. до н. э. (ср.: Сокольский, 1954. С. 128–129. Рис. 1).

Рим, заинтересованный в спокойствии на своих границах, всегда внимательно наблюдал за развитием военно-политической ситуации на Боспоре, стратегическая роль которого в отношении контроля за перемещением варварских племен значительно возросла со времени дакийских войн. Судя по имеющимся данным, уже при Домициане и Траяне усиление военной деятельности боспорских царей против варваров совпадает с активизацией римской политики на Востоке (Фролова, 1978. С. 25; Зубарь, 1998. С. 64).

Отражением тесных боспоро-римских дипломатических контактов является сообщение о срочном посольстве, отправленном Савроматом I к императору, которое сохранилось в переписке наместника провинции Вифиния Плиния Младшего с Траяном (Plin. Sec. Epist. X. 63. 64. 67), относящейся к периоду между 111 и 113 гг. (Сапрыкин, 1998. С. 191 сл.). В частности, он извещает его: «Царь Савромат написал мне, что ты должен как можно скорее о чем-то узнать». По мнению Б. Функа, письма Плиния Младшего о посольстве Савромата I были связаны с очередным усмирением аланов (Функ, 1992. С. 77; ср.: Яценко, 1992. С. 48). Достаточно вероятным представляется, что в ходе этой и подобной ей дипломатической миссии влиятельные царские сановники и военачальники Ульпий Парфенокл и Ульпий Антиох (КБН № 32, 628), судя по имени, получили от императора Траяна римское гражданство или его родовое имя. Если связать с первым из них ольвийскую эпитафию IPE, I², 203, то получается, что бурная жизнь Марка Ульпия Парфенокла закончилась далеко от родины, в Ольвии, где, учитывая его статус, он также мог выполнять важную военно-политическую миссию вместе с другими знатными боспорцами — Титом Флавием Ахеменом и Адостом, сыном Арсака (IPE,

Р², 202, 204), — к числу которых, возможно, относится и Стратон, сын Промаха (ИРЕ, Р², 229). М. И. Ростовцев даже считал, что при Траяне Ольвия оказалась под протекторатом боспорских царей, которые посылали для ее защиты свои войска (Ростовцев, 1915. С. 12–13). Этим ольвийским надписям начала II в., которые можно отнести к выходцам из высших слоев боспорского общества, особое внимание уделил В. М. Зубарь. С его точки зрения, с которой вполне можно согласиться, они позволяют говорить о сотрудничестве Боспора с Римом в решении различного рода военных задач на территории Северного Причерноморья, но идею протектората над Ольвией все же следует признать сомнительной (Зубарь, 1994а. С. 149; 1998. С. 70–75).

Личное участие Савромата I в военных действиях и проявленная им «доблестная отвага» были увековечены на средства хранителя дворцовой казны Тиберия Юлия Фавмаста в картине, помещенной в специально выстроенное для нее сооружение (КБН. № 45). В данном случае он следовал существовавшей в Риме практике, когда заказывались и выставлялись картины с изображением того, как велась война, чтобы живопись говорила о подвигах императора (ср.: *Iul. Capit. Duo Max.*, XII, 10). Судя по одной из посвячительных надписей (КБН № 44), другим памятником военным успехам царя могло стать основание на Таманском полуострове, видимо, на месте победоносного сражения, города Nikei (Яйленко, 1987. С. 45, 112). Впрочем, сторонники другой версии полагают, что надпись поставлена молодыми гражданами вифинского г. Nikei (ИРЕ, II, 39) или выходцами из него, переселившимися на Боспор (см.: комм. к КБН. № 44; Сапрыкин, 1997. С. 91).

На монетах этого времени часто встречаются символы, связанные с военными

победами: царь на скачущем коне, Ника с венком и пленник на коленях у городских ворот, фланкированных двумя башнями (Анохин, 1986. С. 155–157. Табл. 16, 415–417; табл. 18, 458–461; Табл. 19, 468), — в связи с которыми за Савроматом I, очевидно, и был признан титул «великий царь» (Сапрыкин, 1997. С. 94). Впрочем, эти успехи не избавили западную границу государства от новых нападений. Еще раз усмирять скифов, уже на первом году правления, пришлось сыну Савромата, Котису II (123/124–132/133 гг.), о чем говорится в посвящении его наварха Трифона (КБН. № 33). В целом в это время положение Боспора, снова подчинившего Херсонес, было достаточно прочным. Впрочем, даже освободившись от этой зависимости, Херсонес был вынужден вести с боспорским царем Риметалком (131/132–153/154 гг.) переговоры о заключении союза, очевидно, оборонительного для отражения нападений варварских племен (ИРЕ Р², 423). К этому периоду относятся реконструкция «от основания» башни в Гермонассе (КБН № 1052), перестройка цитадели Патрея (Сапрыкин, 2006. С. 233–234) и восстановление укреплений Илурата (Горнчаровский, 2002. С. 70).

В середине II в. натиск тавроскифов пришлось испытать и Ольвии, куда затем был введен римский гарнизон. Постоянная угроза с их стороны привела к усилению римского военного присутствия в Крыму, где на мысе Ай-Тодор была возведена крепость Харакс (Зубарь, 2000. С. 193). Усилилось в эти годы давление варваров и на границы Боспора, а также восточные провинции Римской империи. Около 150 г. Танаис пережил какую-то военную катастрофу, сопровождавшуюся пожарами и разрушениями не только домов, но и оборонительных башен (Арсеньева, Науменко, 2001. С. 59–60). Эти события связывают с закреплением между 150 и 180 гг. на

новых территориях западной группировки «поздних сарматов», представленной племенами танаитов и асеев (Шелов, 1974. С. 92; Даньшин, 1990. С. 51–56; Яценко, 1993. С. 84–85). Восстановление старых укреплений и постройка новых, зафиксированные многочисленными строительными надписями (Шелов, 1972. С. 269 сл.), превратили город в мощную крепость. Видимо, в результате стремления боспорских царей еще более укрепить Танаис как форпост для борьбы с враждебными варварскими племенами и определенных дипломатических усилий выходцы из племени танаитов заняли в этом городе достаточно привилегированное положение (Яценко, 1989. С. 91; Завойкина, 2004. С. 65–69). Появление новой этнической группировки, вошедшей в состав населения Танаиса, фиксируется и по материалам некрополя, где появляется участок с курганами ярко выраженного степного облика (Толочко, 2003. С. 257). Какие последствия имело появление на Боспоре новых представителей сарматской кочевой среды для развития местного военного дела, трудно сказать. Возможно, с этой миграцией связано распространение в Северо-Восточном Причерноморье длинных мечей с прямым основанием клинка (ср.: Марченко, 1996. С. 57–58).

В начале 170-х гг. пришел в движение варварский мир Северного Причерноморья к западу от Танаиса. Натиску сарматских племен в это время не раз подвергались дунайские провинции империи. Та же судьба, вероятно, постигла владения Херсонеса и Боспора. Скорее всего, не случайно между 170/171 и 173/174 гг. прекратилась боспорская монетная чеканка. В. М. Зубарь и М. В. Скржинская считают, что это было вызвано увеличением размеров трибута, выплачивавшегося Боспором Риму, в связи с финансовыми трудностями последнего (Зубар, Скржинська, 1997.

С. 122). Но перерыв в чеканке, возможно, стал следствием не только экономического кризиса (Ростовцев, 1918. С. 164; Premerstein, 1913. S. 81), но и ухудшением внешнеполитической обстановки. Видимо, в условиях надвигавшейся военной опасности на азиатской стороне Боспора были зарыты несколько кладов золотых статеров, в которых представлены, главным образом, монеты царя Евпатора (154/155–170/171 гг.) (Абрамзон, Фролова, Горлов, 2000. С. 60–61).

6.2. Савромат II и Вторая Боспорская война

Наращивание военных сил империи на дунайской границе и удачные действия против языгов, видимо, позволили предпринять затем ряд внешнеполитических акций на территории Таврики. В начале 174 г. в Херсонес прибыл римский прокуратор провинции Нижняя Мезия Тит Аврелий Кальпурний Аполлонид, который в декрете, изданном в его честь городскими властями (Антонова, Яйленко, 1995. С. 58–87), назван «спасителем от окружившей город угрозы» и «предводителем по водворению у нас мира» (Виноградов, 1996. С. 57). Отсюда, скорее всего, следует, что непосредственной причиной прибытия в Таврику высокопоставленного представителя императора стала необходимость появления здесь римского военного отряда в связи с возросшей опасностью для Херсонеса со стороны его беспокойных соседей (Антонова, Яйленко, 1995. С. 76,81; Виноградов, 1996. С. 57–58; Смышляев, 1996. С. 146–147). Не исключено, что демонстрация силы сочеталась с дальнейшими переговорами и дарми варварским вождям, ведь для II в. это была обычная практика в отношении

пограничных племен⁶. Возможно, такая же военно-дипломатическая миссия была предпринята и относительно Боспора. Показательно, что именно в 174 г. император Марк Аврелий именовал правившим тогда Савроматом II (173/174–210/211 гг.) благодетелем его и всего царства (КБН. № 52). Впрочем, эти события лишь отсрочили новую угрозу Боспору, который продолжал усиливать западную границу государства. В частности, близ линии Узунларского вала возводится от основания крепость Савроматий (Масленников, Чевелев, 1983. С. 91–95; Масленников, 1998. С. 159–164, 254–255) и происходит коренная перестройка территории Илурата (Горнчаровский, 2002. С. 70).

В недавно найденном в Болгарии латинском посвящении ветерана I Италийского легиона упоминается ранее неизвестная Боспорская война, в которой принял участие тогда еще молодой солдат, избавленный по воле божества от многих опасностей в землях варваров (Овчаров, Овчаров, 1988. С. 122–129; Зубарь, 1993. С. 36; 1998. С. 108–112; Сарновский, 2000. С. 246–248; Sarnowski, 1991. S. 137–144). Посвящение было сделано не ранее второго десятилетия III в., когда служба дедиканта подошла к концу⁷. В. М. Зубарь, относя пребывание военнослужащих I Италийского легиона в Таврике к концу 60-х Г. г. II — рубежу II–III вв., считает, что события этой войны падают на период между 186 и 193 гг. (Зубарь, 1993. С. 36; 1994. С. 110 сл.; 1998.

С. 112 сл.). Т. Сарновский, основываясь на собственных наблюдениях относительно сбитой части надписи, восстанавливает в ней две буквы и соответственно почетное наименование I Италийского легиона [Al]ex[andrianae], появляющееся в период правления императора Александра Севера (222–235 гг.). Если это восстановление верно, хотя, учитывая сохранность надписи, его можно поставить под сомнение, то события упомянутой Боспорской войны приходятся на период между 196 и 215 гг. (Сарновский, 2000. С. 248). Впрочем, подобные расчеты всегда достаточно условны, так как в период продолжающихся военных действий служба могла затянуться сверх законного срока, и на практике некоторых солдат «уже совсем одряхлевших, и притом очень многих с изувеченными ранами телом, заставляли служить по тридцати, а то и по сорока лет» (Тас. Ann. I. 17).

Поскольку Савромат II явно делал ставку на укрепление связей с империей, мы вправе предполагать, что название войны связано с театром военных действий (Сарновский, 2000. С. 248. Прим. 17)⁸. Из выражения bello Bosporano таким образом следует, что основную территорию Боспорского царства затронули крупномасштабные военные действия, вызванные варварской угрозой, а не боспоро-римским противостоянием. Для предотвращения этой угрозы, видимо, потребовались совместные усилия боспорской армии и солдат I Италийского легиона, поскольку военнослужащие именно этого подразделения составляли основу наиболее близко расположенных к Восточному Крыму гарнизонов Херсонеса и Харакса (Зубарь, 1998. С. 108–

⁶ Судя по количественному анализу находок римских монет на территориях, занятых варварами Северного Причерноморья, особенно активно политика замирения врагов империи с помощью денег могла проводиться при императорах Антонине Пие и Марке Аврелии (Кропоткин, 1961. С. 32).

⁷ Обычный срок службы составлял как минимум двадцать лет, но во II в. ее продолжительность колебалась между двадцатью тремя и двадцатью шестью годами (Ле Бозк, 2001. С. 92–93).

⁸ Например, именно в этом смысле Павел Орозий писал о Македонской войне (76 г. до н. э.), когда «различные племена, которые обитали вокруг Родопских гор..., жесточайшим образом опустошили Македонию» (Oros. V. 23. 17).

109)⁹ и могли быть переброшены в район военных действий морем. Возможно, как и ранее в экстренных случаях, были привлечены вспомогательные войска из провинции Вифиния-Понт (Speidel, French, 1985. P. 97–102). Не исключено, что с этими событиями связаны два надгробия солдат IV Кипрской когорты Луция Волузия из центурии Секунда и Гая Меммия (КБН. № 691, 726), похороненных в Пантикапее (Зубарь, 2002. 57–67). Тем не менее, первое из упомянутых надгробий может соотноситься и с более ранним эпизодом совместных действий римской и боспорской армий в Таврике, так как солдаты, как правило, указывали свою центурию только в I в. (Ле Бок, 2001. С. 15). Немногочисленность надписей с упоминанием военнслужащих римской армии объясняется непродолжительностью акций, в которых они принимали участие, после чего возвращались в места своей постоянной дислокации¹⁰.

Скорее всего, итоги именно этой Боспорской войны отразила дошедшая до нас надпись 193 г. из Танаиса, которая повествует о том, что Савромат II, «завоевав сираков и скифов и Таврику присоединив по договору, сделал море свободным для мореплавания в Понте и Вифинии...» (КБН. № 1237). Этот текст позволяет сделать ряд весьма важных выводов, касающихся совместных действий царя и представителей римского военного командования в Крыму. Слова «присоединил по договору», очевидно, означали, что после победы над скифами контроль над частью

их территории по согласованию с римскими властями был передан правителю Боспора, в то время как сама римская администрация распространила свою юрисдикцию в юго-западном Крыму на земли вплоть до р. Альма (Зубарь, 1994. С. 112). Судя по активным действиям против пиратов на морских коммуникациях у берегов провинции Вифиния-Понт, Савромат II обладал достаточно большим военным флотом,¹¹ который мог использоваться в интересах Рима. Надо полагать, этот эпизод был не единственным, так как пиратствовавшие племена ахейцев, зигов и генихов были юго-восточными соседями Боспора. Как известно, временами они господствовали на море и на своих узких и легких лодках-камарах вместимостью 25–30 человек нападали не только на купеческие корабли, но даже на какую-нибудь страну или город¹². Страбон, описывая данную ситуацию, отмечает: «Области, подчиненные римлянам, более бессильны против этого зла из-за небрежения посылаемых туда правителей» (Strab. XI. 2. 12).

Надпись 193 г. посвящена царским наместником Зевсу, Аресу и Афродите, но сам его повелитель, видимо, в связи с теми же событиями, отдельно почтил бога войны, отремонтировав его храм и находящуюся в нем статую (КБН. № 63). Святилище Ареса в столице боспорских царей упоминает в одном из своих сочинений старший современник Савромата II, Лукиан Самосатский (Лук. Тох. 50). В связи с

⁹ Р. Саксер предполагает, что численность размещенных в Таврике римских войск составляла от одной до двух тысяч солдат (Saxer R., 1967. S. 91).

¹⁰ Отметим явную спешку при изготовлении надгробия Луция Волузия, под которое использовали более древнюю стелу со сбитой надписью и рельефом, и крайнюю небрежность, с которой вырезана эпитафия Гая Меммия.

¹¹ Правда, вряд ли он численно превышал военно-морское соединение в составе 40 кораблей, выделенное при Нероне для поддержания свободы мореплавания на Понте (Jos. Fl. Bell. Jud. II. 16,3).

¹² Может быть, действия против пиратов были в числе благодеяний, оказанных царем Рескупоридом II жителям города Амастрии, за что они воздвигли ему в 221 г. мраморную статую в Пантикапее (КБН. № 54).

этим можно вспомнить, что Арес был одним из официальных богов-покровителей Митридата VI Евпатора и его потомков (Сапрыкин, 1997. С. 93).

Это было время наивысшего расцвета военной мощи Боспора в первые века н. э. и, скорее всего, уцелевшие скифы были вынуждены признать над собой его власть. Ю. П. Зайцев даже предполагает, что Неаполь Скифский, превратившийся в крупный неукрепленный населенный пункт с хаотичной застройкой, стал в этот период центром вспомогательного аграрного района Боспорского царства, где разместилась резиденция боспорского наместника (Зайцев, 2003. С. 45). Такое положение сохранялось и позднее, при Рескупориде II, который назван в одной из надписей царем Боспора и тавроскифов (КБН. № 1008). Видимо, угроза скифских нападений, таким образом, фактически была полностью ликвидирована. Судя по характерным элементам воинских поясных наборов, свидетельствующим о контактах между Боспором и варварским миром Северной и Средней Европы, в этих и более поздних событиях на стороне боспорской армии принимали участие наемные подразделения, состоявшие из германских воинов (Васильев, 2005. С. 286; он же, 2005а. С. 37 и сл.).

Граница Боспорского царства в районе крымского побережья с конца II в. проходила где-то возле Судака (Сапрыкин, Баранов, 1995. С. 137–140) и далее Старого Крыма (КБН. № 953), а может быть и западнее. В этом отношении обращает на себя внимание почти столетней давности находка посвятительной надписи в селе Партенит у подножия горы Аю-Даг, где «Тиберий Юлий царь Савромат (II — V. г.), друг цезаря и друг римлян, благочестивый, личную свою и своего царства благодетельницу (почтил?) ...» (КБН. № 955). Речь здесь, видимо, идет о римской импе-

ратрице, скорее всего, Юлии Домне, жене императора Септимия Севера (193–211 гг.). Возможно, надпись свидетельствует об участии Боспора в контроле над горной Таврикой, связанной с прибрежным пиратством. В то же время для восточных рубежей государства серьезной проблемой продолжали оставаться военно-политические контакты с аланами. Иначе трудно объяснить появление на Боспоре, согласно надписи 208 г. из Гермонассы, должности главного аланского переводчика (КБН № 1053).

На тройных сестерциях этого времени чеканится изображение римского орла с победным венком в клюве. Начинается выпуск нового для Боспора номинала — двойных денариев, высшего номинала обращавшейся тогда в пределах царства меди (Фролова, 1977. С. 157 сл.). Все сюжеты этой серии так или иначе связаны с военной тематикой. Мы видим здесь заимствованные из римского монетного дела типы *Adventus* (Прибытие) и *Adlocutio* (Обращение), где царь в военном облачении представлен на коне с поднятой правой рукой. Обычно такие изображения связаны с прибытием к войску или обращением с речью к солдатам, хотя, с другой стороны, поднятую руку можно рассматривать как жест адорации или молитвы к верховному богу с благодарностью за победу (Ростовцев, 1989. С. 189). Далее Савромат II предстает опирающимся на палицу и трезубец, атрибутами своих божественных предков, Геракла и Посейдона (рис. 130). Это совсем неудивительно, ведь, судя по фанагорийскому посвящению занимавшего многие важные государственные должности Юлия Менестрата¹³, царь был обожествлен уже при жизни (Кузнецов, 2005. С. 62).

¹³ Он упоминается в КБН № 1049 как хилиарх, а в КБН № 1243 как царский пресбевт в Танаисе и главный постельничий.

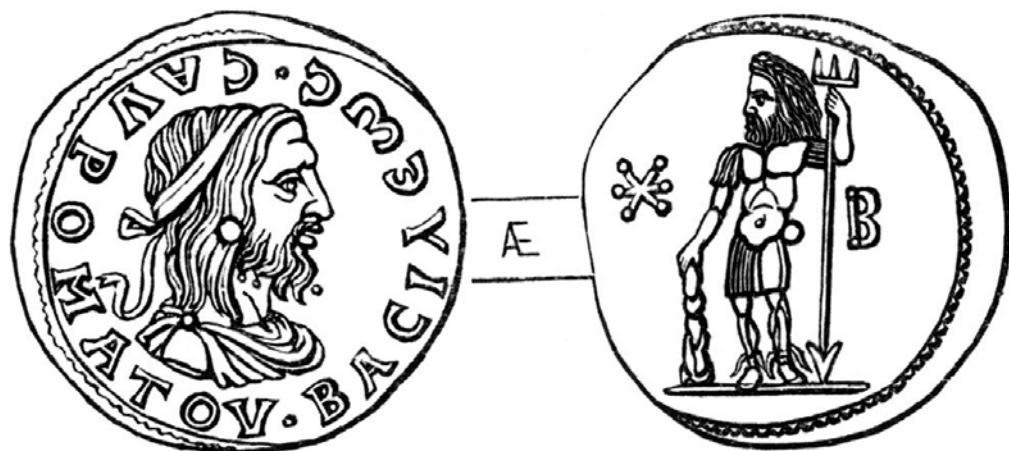

Рис. 130. Двойной динарий царя Савромата II, где он изображен с атрибутами Геракла и Посейдона (по П. О. Бурачкову)

В этом отношении он шел по стопам своего верховного владыки — римского императора Коммода, который видел себя в роли «римского Геракула» и не возражал, если ему приносили жертвы как богу (Ael. Lampr. Comm. Ant., VII, 8, 5–9). Укреплению престижа правившей на Боспоре династии должна была служить и парадная серия монет с изображением подвигов Геракла, проводившая прозрачную параллель между победами Савромата II и деяниями его легендарного прародителя (Горнчаровский, 1984. С. 90–93). Эти монеты, близкие по типам к провинциальной римской чеканке (Масленников, 1986. С. 175–179), были выпущены в небольшом количестве и могли использоваться как награды для участников военных действий, направленных против врагов Боспора. Раздача таких монет должна была способствовать единению царя-полководца с войском. Таким образом, правитель Боспора добивался сразу двух целей: роста своей популярности в армии и осуществления наглядной политической пропаганды.

Занявший трон после смерти Савромата Рескупорид II (211/212–228/229 гг.)

продолжил проримскую политику своего отца и в то же время успешно противостоял соседним варварам. Победы боспорского оружия в 218–219 гг., возможно, сопровождавшиеся присоединением новых территорий (ср.: Mattingly, 1965. P. XXI), были увековечены выпуском монет с изображением всадника с поверженным врагом, трофея и пленника, Ники у трофея (Фролова, 1980. С. 20–21; Анохин, 1986. С. 167–168. Табл. 31, 645–647; Табл. 32, 651–652).

6.3. Вторжения варваров и разрушение системы обороны государства

В конце правления Савромата II и при его непосредственных преемниках экономическое положение государства быстро ухудшилось, что выразилось в увеличении объема монетной чеканки и резком снижении содержания золота в статерах. Показательно, что уже с конца II в. боспорские цари, ранее периодически выделявшие

средства на укрепление фортификационных сооружений (Ср.: КБН № 1241, 1254; Болтунова, 1965. С. 75–76), все чаще стремились переложить это тяжкое бремя на плечи городских жителей (КБН № 1242–1251, 1256, 1257). Основной причиной дальнейших экономических затруднений с конца первой половины III в. стало «изменение политики Рима в отношении Боспора: полное прекращение поставок ауресов и, вероятно, сокращение римских дотаций в виде денариев, так как Империя сама оказалась в состоянии финансового кризиса» (Смекалова, 2001. С. 343). В условиях одновременного обострения внешнеполитической обстановки постоянным становится институт соправительства,¹⁴ что в любом случае обеспечивало продолжение правящей династии и позволяло быстрее реагировать на ситуацию, складывавшуюся в пограничных районах, где пришел в движение варварский мир.

С военными действиями аланских кочевых объединений ряд исследователей связывают единовременный и внезапный разгром Неаполя Скифского около 220–240 гг. (Колтухов, 1999. С. 98; Зайцев, 2003. С. 45). Как своеобразную реакцию на эти события можно рассматривать усиление при Рескупориде II и Котисе III (227/8–233/4 гг.) обороны Европейского Боспора, например, восстановление в 225 г. «от основания» башни укрепления близ современной дер. Осовины к северу от Пантикапея (КБН. № 897), а также оживление строительной деятельности в Танаисе, связанной с реставрацией городских ворот и пришедших со временем в негодность оборонительных стен и башен (КБН. № 1246–1252, 1254, 1257).

¹⁴ Это подтверждается синхронным выпуском в 229/230–231/232 гг. статов Котиса III, Савромата III и Рескупорида III, в 233/234 г. Котиса III и Рескупорида III, в 234/235 г. Рескупорида III и Иниффимея (Анохин, 1986. С. 120–122).

Уже к концу первой половины III в. к боспорским границам из Северо-Западного Причерноморья продвинулись германские племена готов, герулов и боранов (Ременников, 1954; Буданова, 1990; Щукин, 1994. С. 247–248; Лавров, 1995; Айбабин, 1999. С. 242–251). Поскольку рубежи империи тоже подверглись натиску варваров, около 244 г. был осуществлен вывод римских войск из Таврики для усиления армии, стоявшей на Дунае (Ростовцев, 1900. С. 157; 1907. С. 4; Ременников, 1954. С. 36–39; Зубарь, 1994. С. 127). Боспорское государство фактически осталось один на один с новыми врагами. Первой в результате их нападения около 239 г. оказалась разрушенной Горгиппия (Алексеева, 1997. С. 75; Масленников, Миляева, 2005. С. 199–200). Многочисленные находки варварских подражаний римским денариям, ареал распространения которых совпадает, главным образом, с территорией черняховской культуры, показывают, что среди пришельцев с запада, обосновавшихся близ юго-восточной окраины царства на достаточно продолжительный период, было много германцев (Онайко, 1967. С. 52–53; Зубарь, 1998. С. 137). Прошло всего пятнадцать лет и судьбу Горгиппии после 253/4 г. разделил Танаис (Анисимов, 1989. С. 129; Зубарь, 1998. С. 138–139). Очевидно, этот временной промежуток скрывает неизвестные нам военные неудачи, обусловленные непригодностью прежней стратегической доктрины, не рассчитанной на отражение противника, отличавшегося от традиционных большей численностью, вооружением и иной чем прежде тактикой действий. Таким образом, успешно действовавшая в течение нескольких столетий система организации обороны и нападения оказалась совершенно непригодной в новых условиях.

В период натиска готов Боспорское царство уже не могло поддерживать в интересах Рима военно-политическую стабильность на берегах Понта Евксинского. Возможно, ситуация осложнилась из-за уже упоминавшегося разрушительного землетрясения, следы которого зафиксированы на ряде памятников Европейского Боспора (Винокуров, Никонов, 1998. С. 101–103; они же, 2004. С. 95–103). Можно предположить, что пограничные варвары сумели извлечь выгоду из подобных обстоятельств, поскольку, как правило, были хорошо осведомлены о положении государств, на которые собирались напасть, выбирая самый удобный момент (ср.: Liv. IV. 21,5–9; Oros. II. 13,8; Щукин, 2005. С. 293), тем более что такие стихийные бедствия нередко сопровождалась затяжной засухой или эпидемиями. В этом отношении заслуживает внимания сообщение Павла Орозия о том, что в течение двух лет правления императора Деция (249–251 гг.) по всему государству «бушевала гроза невероятных болезней» и «не было почти ни одной римской провинции, ни единого города, ни одного дома, которые не оказались бы поражены и обескровлены той поразившей всех чумой» (Oros. VII. 21. 5). При наличии тесных политических и торговых связей Северного Причерноморья с территорией империи маловероятно, чтобы затянувшаяся эпидемия миновала Боспорское царство. Так или иначе, в течение нескольких лет государство было охвачено какой-то внутренней и внешней борьбой, о конкретном содержании которой мы можем только догадываться.

О ситуации, сложившейся на Боспоре в этот период, повествует автор V в. Зосим: «Когда у них [боспорцев] царская власть переходила от отца к сыну, то по дружбе с римлянами, из-за торговых выгод и посылаемых им каждый год даров — они преграждали путь скифам [этот термин здесь

следует понимать скорее в географическом аспекте — В. г., поскольку в другом месте говорится о «скифах, именуемых готами»], желающим переправиться в Азию; когда же после гибели царского рода к власти пришли некие неблагородные и негодные люди, то из страха за себя они открыли скифам проход через Боспор в Азию и дали им для переправы свои суда» (Zosim. I. 31). К числу этих «неблагородных людей», видимо, можно отнести некоего Фарсанза, чеканившего статеры от своего имени в 253/54–254/55 гг., хотя на троне продолжал пребывать Рескупорид IV (242/43–276/77 гг.) (Гайдукевич, 1949. С. 451; Анохин, 1999. С. 165–166). Очевидно, такая ситуация стала возможной в результате соглашения о разделе власти, в дальнейшем позволившего варварам использовать боспорский флот для пиратских действий на берегах Черного моря и Средиземного морей. Хронология и маршруты этих набегов (рис. 131) сейчас изучены достаточно точно с помощью данных письменных и археологических источников, а также дат сокрытия кладов монет (Salomon, 1971. P. 124–134; Гей, Бажан, 1997).

Первый морской поход с территории Боспора, главной ударной силой которого стало германское племя боранов, состоялся в 256 г. и был направлен на Питиунт. Выбор оказался не очень удачным. Этот хорошо укрепленный опорный пункт римлян на кавказском побережье защищал сильный гарнизон под командованием военачальника Суккессиана. Варвары смело бросились на город, но, получив достойный отпор, сами оказались в сложном положении. Дело в том, что сразу по прибытии, понадеявшись на свои силы, они разрешили боспорским кораблям отплыть назад. Теперь бораны могли рассчитывать только на себя. Им удалось захватить первые попавшиеся корабли в районе Питиунта и, преодолев массу труд-

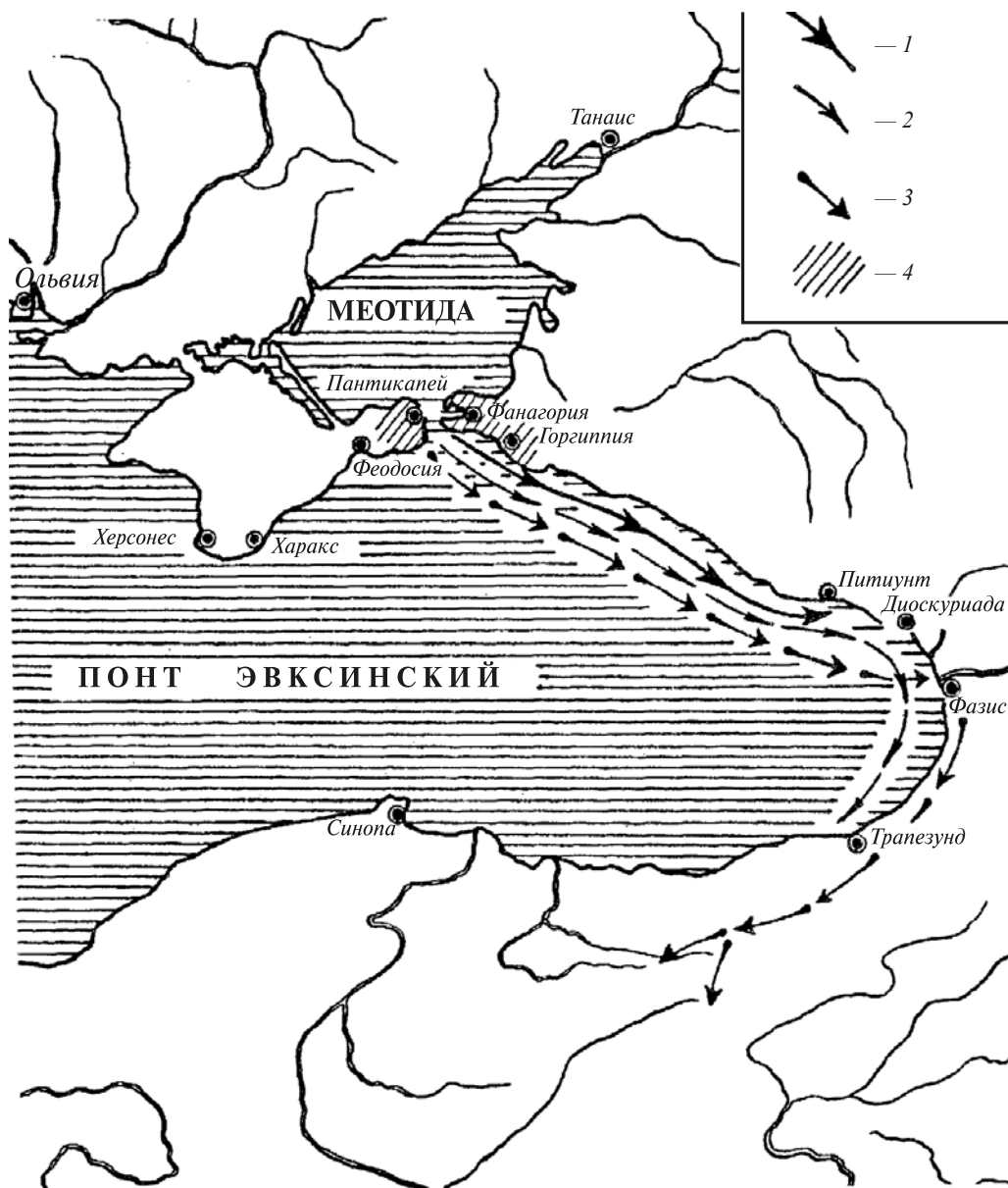

Рис. 131. Походы варваров в Северо-Восточном Причерноморье (по В. П. Будановой):
 1 — поход 255/256 гг; 2 — поход 257 г.; 3 — поход 275 г.; 4 — район концентрации варваров перед походами.

ностей, вернуться к берегам Меотиды (Zosim. I. 31–32). Трудности вполне понятны, если учесть, что жестокая осенняя непогода унесла в этом районе Черного моря немало жизней мореходов. Ведь на кавказском побережье при сильном шторме далеко не везде можно пристать к берегу.

На следующий год «скифы» снова отправились в плавание. Теперь путь их лежал дальше, к берегам реки Фасис, где находился одноименный город, известный богатствами своего храма. Захватить сходу их так и не удалось, а условия болотистой дождливой местности не позволяли развернуть долговременную осаду. Надо полагать, что крепость с гарнизоном из 400 отборных воинов, стенами и башнями из обожженного кирпича и двойным рвом также не вызвала энтузиазма у любителей легкой добычи. Тогда было принято решение взять реванш в Питиунте. К тому же наверняка варварам стало известно, что герой прошлого года, Суккессиан, был отозван императором Валерианом в Антиохию, на театр военных действий против Персии. Скорее всего, никто в городе не рассчитывал, что бораны и их союзники отважатся напасть снова, и, соответственно, не готовились к обороне. По поводу последствий этого печального заблуждения Зосим сообщает: «Без малейшего затруднения, взяв это укрепление и вырезав бывший в нем гарнизон, они (бораны — В. г.) двинулись дальше» (Zosim. I. 32). Получив в свое распоряжение прекрасную гавань и дополнительные суда, бораны напали на Трапезунд. Несмотря на размещенное там более чем десяти тысячное войско, боевой дух защитников крепости оставлял желать лучшего. Многие предавались развлечениям и пьянству, бросая городские укрепления на произвол судьбы. Осаждавшие не преминули этим воспользоваться. Однажды ночью они под-

нялись на стены по заранее подготовленным бревнам и открыли ворота. Толпы варваров хлынули в Трапезунд, громя храмы и подвергая все безудержному грабежу. «С бесчисленным количеством сокровищ и пленных», обогащенные опытом осады крупных римских городов, они вернулись назад «с огромным количеством кораблей» (Zosim. I. 33).

В это время рубежи империи подверглись нападению и других врагов: персов на Востоке, готов во Фракии, франков в Галлии, аламаннов в Северной Италии. Конечно, Римское государство не погибло, но было значительно ослаблено. Этим можно объяснить успех нового похода варварских «друзей Боспора», совершенный в 264 г., когда они опустошили прибрежные и глубинные районы Малой Азии. Спустя три года нападению германского племени герулов, также использовавших берега Меотиды, как свою базу, подверглись многие города Греции. Античные авторы сообщают о 500 судах варваров, отправившихся в плавание (Zosim. I. 39; Dexipp. Fr., 21). Несмотря на всю условность этой цифры, численность их войска вряд ли насчитывала менее 25 тыс. человек. Поскольку в Малой Азии взять уже было нечего, флотилия появилась близ устья Дуная и подвергла разгрому прилегающую местность. Далее ожесточенные сражения развернулись в районе черноморских проливов. Византий, будущий Константинополь, был взят штурмом. В одной из морских битв даже пал командующий римскими кораблями Венериан. Уже на следующий день герулы миновали Пропонтиду, захватили крупнейший город Вифинии, Кизик, и вышли на простор Эгейского моря. Теперь можно было передвигаться от острова к острову, безбоязненно их опустошая. Как в свое время флот персидского царя Дария, корабли герулов пересекли море с востока на запад и оказались

у побережья Греции. Огромные культурные ценности Афин, Элевсина, Коринфа и Аргоса, овеянная древней славой Спарта — все было обречено на беспощадный разгром. Только небольшой отряд афинян во главе с историком Дексиппом решился оказать сопротивление и занялся партизанской войной против превосходящих сил противника. Но нападения из засад и уничтожение отдельных отрядов герулов не могли вынудить варваров покинуть благословенную южную землю. В конечном итоге решающую роль сыграли действия нового римского флота, уничтожившего многие из принадлежавших им кораблей. Поражения «скифов» на море, а затем и на суше, вынудили их выбрать обратный путь через Беотию, Эпир, Македонию и Фракию (Буданова, 1990. С. 97–98). Сам император Галлиен (260–268) пожелал стяжать лавры в борьбе с варварской угрозой. Со своей армией он напал на врагов, которые, отступая, оставили на поле боя три тысячи убитых. Оставшиеся в живых герулы продолжали с боями отступать на север. Их положение облегчил срочный отъезд императора в Италию, где против него вспыхнул мятеж. Только переброска значительной части войск под Медиолан дала «скифам» возможность прорваться через Дунай и вернуться к берегам Меотиды.

Тогда, видимо, настал черед основной территории Боспорского царства подвергнуться натиску озлобленных неудачами и потерей большей части награбленного германцев (Болгов, 1996. С. 31; Щукин, 2005. С. 147), когда от них пострадали многие города и поселения Европейского Боспора (Кругликова, 1966. С. 40; она же, 1975. С. 135–137; она же, 1998. С. 161–162; Зубарев, 2000. С. 64), после чего здесь на семь лет прекратилась монетная чеканка. Последующие годы также были далеко не лучшими для

населения царства. Морские походы варваров продолжались. Только разгромом, учиненным германцами на Боспоре, и захватом всего местного флота можно объяснить тот факт, что герулы, выступившие во главе антиримской коалиции в 269–270 гг., смогли собрать для похода около 2000 кораблей. Борьбу с новым нашествием возглавил преемник Галлиена, один из опытейших полководцев империи, Марк Аврелий Клавдий (268–270 гг.). На этот раз «скифов» преследовали неудачи. В черноморских проливах их флотилию разметало бурей, Византию и Кизику удалось отбить нападение. Попытки с помощью многочисленных осадных машин штурмом взять такие крупные города на побережье Македонии, как Фессалоники и Кассандрия, пришлось прекратить из-за приближения императорских войск. В решающем сражении под Наиссом (совр. Ниш), ценой огромного напряжения сил, победа осталась за римлянами. Часть варварских кораблей проникла в Восточное Средиземноморье и напала на острова Родос, Кипр и Крит, но они гибли истребляемые то морскими битвами, то бурями, и лишь немногие смогли вернуться назад.

Последний поход припонтийских племен от берегов Меотиды на римские провинции Малой Азии состоялся в 275–276 гг. (Ременников, 1964. С. 133–134; Буданова, 1990. С. 102). И на этот раз также использовались боспорские корабли, уничтоженные на обратном пути римским флотом у берегов Боспора Киммерийского (Zosim. I. 64). Тогда же соправителем царя Рескупорида IV, «другом цезаря и другом римлян» Тиберием Юлием Тейраном (275/76–278/79 гг.), после возобновления союза с империей была одержана какая-то крупная победа, судя по надписи на постаменте памятника «богам небесным, Зевсу Спасителю и Гере Спасительнице» (КБН № 36),

равносильная спасению государства (Ремеников, 1964. С. 135). В этот период власть боспорских царей восстановилась, но, как и военный потенциал государства, уже далеко не в прежнем объеме. Видимо,

недостаток финансовых средств и собственных людских резервов привел к тому, что военная теория и практика боспорской армии стали стремительно меняться, приобретая со временем все более «варварский» облик.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Военная история Боспора (VI в. до н. э. — III в. н. э.) демонстрирует интересный путь трансформации системы военного дела древнегреческих колоний, происходившей под влиянием местных варварских племен Северного Причерноморья. Нет сомнения, что греки принесли на берега Черного моря военные традиции, сложившиеся к тому времени в метрополии, и находки греческого вооружения в самых ранних археологических контекстах в этом отношении вполне объяснимы и закономерны. В весьма специфических местных условиях эта система, как представляется, достаточно быстро стала трансформироваться, адаптируясь к местной среде. Имеющиеся памятники археологии позволяют проследить здесь скифские, сарматские, меотские влияния. Эта адаптация прежде всего выразилась в возрастании роли лучников, конницы и т. п. Особенно восприимчивой к этим влияниям, скорее всего, была греческая аристократия.

В истории Боспора, как было показано выше, имелся ряд весьма острых моментов, которые вполне можно назвать кризисными или даже катастрофическими (480 г. до н. э., приблизительно 270 г. до н. э., вторая половина II в. до н. э., середина I в. до н. э., середина III в. н. э. и, вероятно, некоторые другие, пока не столь явные). Эти кризисы по большей мере определялись военно-политической и демографической ситуацией в степях Северного Причерноморья, которая складывалась в связи с продвижением на запад новых кочевнических народов. Появляясь в регионе, номады вступа-

ли в так называемый «период завоевания родины». В истории причерноморских степей интересующего нас времени можно выделить четыре крупные волны передвижения кочевников, которые могут быть связаны со следующими народами: сколотами или «царскими» скифами в конце VI — начале V вв. до н. э., сарматами (сирраками и, вероятно, аорсами) на рубеже IV—III вв. до н. э., роксоланами, языгами и др. в середине II в. до н. э., аланами в середине I в. н. э. Каждая из этих «волн» имела определенную специфику, но их объединяло то, что вторжение номадов в степи Причерноморья знаменовало собой дестабилизацию здесь военно-политической ситуации, а утверждение власти новых хозяев степей означало стабилизацию положения, начало относительно мирного этапа в истории региона. Обозначенная ритмика исторического процесса, на наш взгляд, чрезвычайно важна для понимания особенностей развития как греческих государств северного берега Черного моря, так и окружавших их варварских племен, а, иными словами — для понимания единства их истории.

Дружеские связи с варварским миром, практика смешанных браков, о которых сообщают письменные источники и свидетельствуют данные археологии, прежде всего, знаменитые боспорские курганы, позволяют достаточно уверенно считать, что здесь быстро стала формироваться смешанная по своему составу греко-варварская элита Боспора Киммерийского. Во всяком случае, при Археанактидах это любопытнейшее явление проявилось уже вполне отчетливо. Есть основания считать также, что уже Археанактиды с успехом использовали в своих интересах противоречия, существовавшие в среде варварских племен Северного Причерноморья. Отражая скифскую агрессию, они, как представляется, опирались на поддержку зем-

ледельческих племен Прикубанья (синдов и меотов), которая, очевидно, в немалой степени определила благоприятный для Боспора исход этого опаснейшего противостояния.

Одновременно с ростом роли конницы в боспорском войске падало значение гражданского ополчения, которое на какой-то период, очевидно, вообще исчезло после создания державы Спартокидов. Утвердившийся здесь деспотический строй, по выражению Ю. В. Готье, «вытравил следы демократических учреждений, если они вообще когда-либо там существовали» (1925. С. 206). Важным фактором международной политики в Северном Причерноморье при ранних Спартокидах стал боспоро-скифский союз, который надолго определил достаточно спокойную, стабильную ситуацию, повлияв на расцвет материальной культуры во всем регионе. Тесные связи со скифами, по всей видимости, в определенной степени способствовали обозначившейся ранее трансформации военной системы Боспора в плане усиления в ней местных заимствований.

Следует признать, однако, и то, что несмотря на такую трансформацию, боспорская армия отнюдь не стала вариантом скифской или меотской. Она всегда оставалась армией греческой, которую от вооруженных формирований варварских племен и государств отличал ряд весьма важных обстоятельств, касающихся системы вооружения, характера боевого построения, способа ведения военных действий и т. д. Живая связь колоний с метрополией осуществлялась и в военной сфере, все достижения в этой области несли с собой специалисты своего дела, наемники, которых цари Боспора охотно приглашали к себе на службу. На различных исторических этапах в этом качестве выступали здесь греки, происходившие из самых различных районов Древней Греции, а также

фракийцы и, по всей видимости, кельты (галаты).

Сочетание в армии Боспора при Спартокидах трех обозначенных компонентов — аристократической боспорской конницы, отрядов греческих и пр. наемников, а также контингентов, предоставленных союзными варварскими племенами, — определило ее своеобразие и, в общем, на протяжении почти трех столетий позволило решать весьма сложные военные проблемы, которые ставили перед государством глобальные военно-политические и этнические перемены в Северном Причерноморье (к примеру, во второй четверти III в. до н. э.). Лишь системный экономический и политический кризис, который разразился на Боспоре, как и в других греческих государствах Северного Причерноморья во второй половине II в. до н. э., привел к падению Спартокидов и переходу власти к Митридату VI Евпатору. Вполне допустимо считать, что одной из важных причин такого развития событий стало то обстоятельство, что в среде варваров региона просто не нашлось надежной опоры для долговременного союза, который мог бы стать гарантом стабильности как на Боспоре, так и в прилегающих к нему областях.

После Митридатовских войн Боспор оказался в ситуации, когда при всей значимости взаимодействий с варварским миром, определяющим фактором для его внешней политики стали отношения с Римом. Этот период в истории Боспора можно разделить на два этапа. В первом из них Боспорское государство прошло путь от фактической независимости к окончательному обретению статуса вассального царства. Стремление римских властей иметь здесь в лице дружественного правителя оплот против варваров и враждебных царей вполне понятно, но для достижения этой цели потребовалось почти целое сто-

летие: с середины I в. до н. э. до завершения Боспорской войны 45–49 гг.

Начиная со второй половины I в., Боспорское царство существовало в условиях прочного военно-политического союза с Римом. Уже в начале этого этапа ухудшилась обстановка на дунайской границе империи, а близ рубежей Боспора появились аланы, представлявшие угрозу и для восточных римских провинций. Это обстоятельство способствовало формированию более взвешенной политики Империи по отношению к Боспору, как вассальному государству, и отказу от постоянного присутствия здесь римских войск. К их помощи боспорские цари обращались только в условиях ведения масштабных военных действий, как это было в период Боспорской войны конца II в. Сложившаяся на протяжении нескольких столетий система римско-боспорских отношений была нарушена во времена готских походов середины III в., в которых, благодаря временной политической анархии, активно использовался боспорский флот. В этот период хорошо налаженная, глубоко эшелонированная оборона пограничных рубежей была частично разрушена или пришла в упадок, а в дальнейшем уже никогда не была восстановлена в прежнем объеме.

Командная структура военных сил Боспора римского времени включала ряд должностей, традиционных для эллинистических армий: хилиарх, стратег, наварх, лохаг. В то же время в пехотных отрядах, примерно равных по численности римской когорте (греч. «спира») существовали такие должности, как спирарх и $\kappa\epsilon\upsilon\tau\upsilon\rho\acute{\iota}\omega\nu \acute{\omicron} \kappa\alpha\acute{\iota} \pi\rho\acute{\iota}\nu\kappa\tau\upsilon$ (= *centurio princeps* в римских вспомогательных войсках).

Относительно состава боспорской армии следует отметить, что на рубеже нашей эры, в условиях постоянных военных столкновений с кочевниками, в ней еще более возросло значение кавалерии. К это-

му времени в состав местной правящей элиты и военной организации вошли выходцы из сарматской среды (аспургиане), что позднее привело к изменениям в комплексе наступательного и защитного вооружения боспорской армии, когда отряды катафрактариев стали формироваться из состава боспорских горожан. К числу заимствований из вооружения сарматских катафрактариев, можно отнести использование длинных мечей без металлического наконечника, длинной пики, лука «гуннского» типа, шлемов каркасной конструкции и длинного пластинчатого доспеха с воротом, прикрывающим шею.

Стратегия, применявшаяся боспорским командованием в ходе военных операций, в большинстве случаев, видимо, носила оборонительный характер. Достаточно эффективную оборону государства, не требующую содержания большой постоянной армии, обеспечивало поддержание в постоянной боевой готовности существующих линий земляных валов и опорных пунктов в виде крепостей и укрепленных поселений. В первые века нашей эры крупные наступательные операции, несомненно, должны были согласовываться с римской администрацией или непосредственно с императором. Тактику боспорской армии на поле боя можно охарактеризовать следующим образом: координация действий пехоты, как основы боевого порядка, с тяжелой и более многочисленной легкой конницей.

К сожалению, военное дело и военнополитическая история Боспора, самого крупного политического образования античного периода на северном побережье Черного моря, освещены имеющимися в нашем распоряжении источниками далеко не равноценно. Порой при отсутствии письменных и эпиграфических свидетельств динамика военных событий или культурные взаимодействия в военной сфере просматриваются только через соответствующую

щий археологический материал: остатки фортификационных сооружений, надгробные рельефы, росписи склепов, находки оружия, доспехов и т. д. Можно отметить, что наиболее определенные результаты имеются в отношении вооружения боспорских воинов, которое находит прямые параллели в скифской, меотской или сарматской среде, где создавались новые типы оружия. Другое дело, что население Боспорского царства отчасти перерабатывало многие достижения своих воинственных соседей. Обладая собственной металлургической базой и развитым ремесленным производством, это государство, в свою очередь, очевидно, поставляло различные

предметы вооружения союзным варварам.

Конечно, мы не можем в полной мере рассмотреть многие проблемы, касающиеся развития военного дела Боспора на ранних исторических этапах и в римское время. Современное состояние наших знаний вполне определенно демонстрирует необходимость дальнейших поисков в данном направлении. Остается надеяться, что новые эпиграфические, изобразительные и археологические материалы прольют свет на неизвестные страницы военно-политической истории государства, в течение девяти веков успешно балансировавшего на зыбкой грани между цивилизацией и варварским миром.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Письменные источники

- Amm. Marc.* = Аммиан Марцеллин. Римская история / Пер. Ю. А. Кулаковского и А. И. Сонни. СПб., 1994.
- Apollod.* = Аполлодор. Полиоркетика / Пер. С. П. Кондратьева // Греческие полиоркетика. Флавий Вегетий Ренат. СПб., 1996.
- App. Bell. Civ.* = Аппиан. Гражданские войны / Пер. С. Жебелева // Аппиан. Римские войны. СПб., 1994.
- App. Mithr.* = Аппиан. Митридатовы войны / Пер. Л. Лукомского // Аппиан. Римские войны. СПб., 1994.
- Arist. Pol.* = Аристотель. Политика / Пер. С. А. Жебелева // Аристотель. Сочинения в 4 т. Т. 4. М. 1983.
- Arr. Ac. c. Alan.* = Арриан. Диспозиция против аланов / Пер. А. К. Нёфедкина // Нёфедкин А. К. Кампания Арриана по отражению аланского набега на Каппадокию в 135 г. // *Stratum plus*. 1999. N 3. С. 173–188.
- Caes. De bello Gall.* = Гай Юлий Цезарь. О галльской войне / Пер. М. М. Покровского // Записки Юлия Цезаря и его продолжателей. М., 1993.
- Caes. De bello civ.* = Гай Юлий Цезарь. О гражданской войне / Пер. М. М. Покровского // Записки Юлия Цезаря и его продолжателей. М., 1993.
- De bello Alex.* = Об Александрийской войне / Пер. М. М. Покровского // Записки Юлия Цезаря и его продолжателей. М., 1993.
- Dio Cass.* = Дион Кассий. Римская история = *Dio's Roman History / With an English Translation by E. Cary, on the Basis of the Version of H. B. Foster. Vol. 1–9. London; N.-Y., 1914–1927.*
- Diod.* = Диодор Сицилийский. Библиотека // Латышев В. В. Известия древних писателей греческих и латинских о Скифии и Кавказе. Т. 1: Греческие авторы. Вып. 2. СПб., 1896.
- Dion Chrys.* = Дион Хрисостом. Речи / Пер. М. Е. Грабарь-Пассек // Поздняя греческая проза. М., 1960. С. 92–97.
- Eutrop.* = Евтропий. Бrevиарий от основания города / Пер. Д. В. Кареева и С. А. Сагумцевой. СПб., 2001.
- Flor.* = Луций Анней Флор. Две книги римских войн / Пер. А. И. Немировского // Малые римские историки. М., 1996.
- Front. Strat.* = Фронтин. Военные хитрости / Пер. А. Рановича. СПб., 1996.
- Jos. Fl. Ant.* = Flavii Iosephi. 1893. Opera omnia. Vol. IV. Lipsiae = Иосиф Флавий. Иудейские древности / Пер. Г. г. Генкеля. Минск, 1994.
- Jos. Fl. Bell. Jud.* = Иосиф Флавий. Иудейская война / Пер. М. Финкельберг и А. Вдовиченко. М.; Иерусалим, 1993.
- Heliod. Ephior.* = Гелиодор. Эфиопика / Пер. А. Болдырева и др. // Античный роман. М., 2001.
- Isocr. Trapez.* = Трапедзитик (Банкирская речь) / Пер. Н. Н. Залесского / Исократ. Речи // ВДИ. 1968. № 4. С. 209–216.
- Liv.* = Тит Ливий. История Рима от основания города / Пер. под ред. М. Л. Гаспарова и др. Т. I–III. М., 1989–1993.
- Luc. Alex.* = Лукиан Самосатский. Александр или Лжепророк / Пер. Д. Н. Сергеевского // Лукиан. Сочинения. Т. II. СПб., 2001.
- Luc. Macr.* = Лукиан Самосатский. Долговечные / Пер. Н. П. Баранова // Лукиан. Сочинения. Т. II. СПб., 2001.
- Luc. Tox.* = Лукиан Самосатский. Токсарис / Пер. Д. Н. Сергеевского // Лукиан. Сочинения. Т. I. СПб., 2001.
- Mauric.* = Стратегикон Маврикия / Пер. В. В. Кучмы. СПб., 2004.
- Memn.* = Мемнон. О Геракле / Пер. В. П. Дзагуровой // ВДИ. 1951. № 1. С. 289–316.
- Oros.* = Павел Орозий. История против язычников / Пер. В. М. Тюленева. СПб., 2004.
- Philon* = Филон Византийский. О фортификации / Пер. В. П. Зубова и Ф. А. Петровского // Архитектура античного мира. М., 1940.
- Plin. Nat. Hist.* = Плиний Старший. Естественная история / Пер. М. В. Скржинской // Скржинская М. В. Северное Причерноморье в описании Плиния Старшего. Киев, 1977.
- Plin. Sec. Epist.* = Плиний Младший. Письма / Пер. М. Е. Сергеевского и А. И. Доватура // Письма Плиния Младшего. М., 1983.

- Plut. Crass.* = Красс / Пер. В. В. Петуховой // Плутарх. Сравнительные жизнеописания.: В 3 т. Т. II. М., 1963.
- Plut. Galba* = Гальба / Пер. С. П. Маркиша // Плутарх. Сравнительные жизнеописания: В 3 т. Т. III. М., 1964.
- Plut. Luc.* = Лукулл / Пер. С. С. Аверинцева // Плутарх. Сравнительные жизнеописания: В 3 т. Т. II. М., 1963
- Polyaen* = Полиен. Стратегемы / Пер. под ред. А. К. Нёфедкина. СПб., 2002.
- Polyb.* = Полибий. Всеобщая история / Пер. Ф. Г. Мищенко. Т. I–III. СПб., 1994–1995.
- Procop. Caes. Bell.* = Прокопий Кесарийский. Война с готами / Пер. С. П. Кондратьева. М., 1950.
- Ptol. Geogr.* = Клавдий Птолемей. География // Латышев В. В. Известия древних писателей греческих и латинских о Скифии и Кавказе. Т. I: Греческие авторы. Вып. 2. СПб., 1896.
- Scriptores Historiae Avgustae* = Писатели истории Августов / Пер. С. Н. Кондратьева под ред. А. И. Доватура // Властелины Рима. Биографии римских императоров от Адриана до Диоклетиана. М., 1992.
- Strab.* = Страбон. География / Пер. Г. А. Стратоновского. М., 1964.
- Suet. Calig.* = Гай Светоний Транквилл. Калигула / Пер. М. Л. Гаспарова // Гай Светоний Транквилл. Жизнь двенадцати цезарей. М., 1988.
- Suet. Claud.* = Гай Светоний Транквилл. Божественный Клавдий / Пер. М. Л. Гаспарова // Гай Светоний Транквилл. Жизнь двенадцати цезарей. М., 1988.
- Tac. Agr.* = Корнелий Тацит. Жизнеописание Юлия Агриколы / Пер. А. С. Бобовича, ред. М. Е. Сергеевко // Корнелий Тацит. Соч. в 2 т. Т. I. Л. 1969.
- Tac. Ann.* = Корнелий Тацит. Анналы / Пер. А. С. Бобовича, ред. Я. М. Боровского // Корнелий Тацит. Соч. в 2 т. Т. I. Л., 1969.
- Tac. Hist.* = Корнелий Тацит. История / Пер. Г. С. Кнабе, ред. М. Е. Грабарь-Пассек // Корнелий Тацит. Соч. в 2 т. Т. II. Л. 1969.
- Veget.* = Флавий Вегеций Ренат. Краткое изложение военного дела / Пер. С. П. Кондратьева // Греческие полиоркетики. Флавий Вегеций Ренат. СПб., 1996.
- Zosim.* = Зосим. Новая история // Латышев В. В. Известия древних писателей греческих и латинских о Скифии и Кавказе. Т. I: Греческие авторы. Вып. 2. СПб., 1896.

2. Научная литература

- Абаев В. И.* Осетинский язык и фольклор. М.-Л., 1949.
- Абрамзон М. Г.* Монеты как средство пропаганды официальной политики Римской империи. М., 1995.
- Абрамзон М. Г.* Отношения Рима с союзными городами Причерноморья по нумизматическим данным // РА. 1996. № 1. С. 80–86.
- Абрамзон М. Г., Фролова Н. А., Горлов Ю. В.* Клад золотых боспорских статеров II в. н. э. с Краснобатареинного городища // ВДИ. 2000. № 4. С. 60–67.
- Абрамзон М. Г., Фролова Н. А., Горлов Ю. В.* Раевский клад медных пантикапейских монет // ПИФК. 2000а. Вып. IX. С. 59–63.
- Абрамзон М. Г., Фролова Н. А., Горлов Ю. В.* Фадеевский клад бронзовых монет IV–I вв. до н. э. // ПИФК. 1999. Вып. VII. С. 326–343.
- Абрамов А. П., Паромов Я. М.* Раннеантичные поселения Таманского полуострова // Боспорский сборник. 2. М., 1993. С. 25–98.
- Абрамова М. П.* О мечях синдо-меотского типа // Археологические памятники раннего железного века Юга России. М., 2004. С. 17–22.
- Абрамова М. П.* Сарматские погребения Дона и Урала II в. до н. э. — I в. н. э. // СА. 1961. № 1. С. 91–110.
- Айбабин А. И.* О дате вторжения германцев в Крым // Сто лет черняховской культуре. Киев, 1999. С. 242–251.
- Акопян А. М.* Каменные ядра из Арташата // Проблемы античной культуры. М., 1986. С. 232–237.
- Александровский А. Л., Вязкова О. Е., Гольева А. А., Мальшев А. А., Смекалова Т. Н.* Раевское городище и его окрестности (некоторые итоги и перспективы исследований) // ДБ. 1999. Т. 2. С. 7–29.
- Алексеев А. Ю.* О скифском Аресе // АСГЭ. 1980. Вып. 21. С. 39–47.
- Алексеев А. Ю.* Скифская хроника (Скифы в VII–IV вв. до н. э.: историко-археологический очерк). СПб., 1992.
- Алексеев А. Ю.* Хронография Европейской Скифии VII–IV вв. до н. э. СПб., 2003.
- Алексеев А. Ю., Мурзин В. Ю., Ролле Р.* Чертомлык (скифский царский курган IV в. до н. э.). Киев, 1991.

- Алексеев В. П., Коциевский А. С.* Херсонесская надчеканка на монете Боспорского царства // Нумизматика античного Причерноморья. Киев, 1982. С. 42–45.
- Алексеева Е. М.* Античный город Горгиппия. М., 1997.
- Алексеева Е. М.* Горгиппия в системе Боспорского царства первых веков нашей эры // ВДИ. 1988. № 2. С. 66–85.
- Алексеева Е. М.* Греческая колонизация Северо-Западного Кавказа. М., 1991.
- Алексеева Е. М.* К изучению сельских поселений вокруг Горгиппии // Горгиппия. I. Краснодар, 1980. С. 20–39.
- Алексеева Е. М.* Местная среда ранней Горгиппии // ПИФК. 1999. Вып. VIII. С. 160–169.
- Алексеева Е. М.* Центральная часть Горгиппии в первые века нашей эры // ДБ. 2002. Т. 5. С. 27–53.
- Амброс А. К.* Боспор. Хронология раннесредневековых древностей // БС. 1992. № 1. С. 6–108.
- Андерсон Дж. К.* Древнегреческая конница. СПб., 2006.
- Андреев Ю. В.* Кто изобрел греческую фалангу? // ПАВ. 1993. № 7. С. 36–42.
- Андроникос М.* Царская гробница в Вергине // ВДИ. 1990. № 1. С. 107–128.
- Анисимов А. Н.* О продвижении племен готского союза на Северо-Восточное Причерноморье в середине III в. н. э. (по нумизматическим данным) // Скифия и Боспор. Новочеркасск, 1989. С. 128–130.
- Анохин В. А.* История Боспора Киммерийского. Киев, 1999.
- Анохин В. А.* Монетное дело Боспора. Киев, 1986. Античная художественная бронза. Каталог выставки. Л., 1973.
- Антонова И. А., Яйленко В. П.* Херсонес, Северное Причерноморье и Маркоманские войны по данным херсонесского декрета 174 г. н. э. в честь Тита Аврелия Кальпурния Аполлониды // ВДИ, 1995. № 4. С. 58–87.
- Анфимов И. Н.* Новые находки бронзовых античных шлемов IV–III вв. до н. э. на Северо-Западном Кавказе // Античные государства и варварский мир. Орджоникидзе, 1981. С. 94–100.
- Анфимов Н. В.* Денежное обращение на Елизаветинском городище – эмпории Боспора на Средней Кубани // ВДИ. 1966. № 2. С. 157–165.
- Анфимов Н. В.* Из прошлого Кубани. Краснодар, 1958.
- Анфимов Н. В.* Клад пантикапейских медных монет начала III в. до н. э. из Восточного Приазовья // ВДИ. 1991. № 1. С. 70–76.
- Анфимов Н. В.* Клад пантикапейских монет IV в. до н. э. из восточного Приазовья // Античные государства и варварский мир. Орджоникидзе, 1981. С. 132–137.
- Анфимов Н. В.* Клад пантикапейских монет из г. Славянск-на-Кубани // 1988. СА. № 4. С. 138–145.
- Анфимов Н. В.* Клад пантикапейских монет из станицы Старо-Нижне-Стеблиевская // КСИИМК. 1949. Вып. 24. С. 64–66.
- Анфимов Н. В.* Меото-сарматский могильник у станицы Усть-Лабинской // МИА. 1951. № 23. С. 155–207.
- Анфимов Н. В.* Меоты и их взаимодействия с Боспором в эпоху Спартокидов // Античное общество. М., 1967. С. 127–131.
- Анфимов Н. В.* Новые данные к истории азиатского Боспора (Семибратнее городище) // СА. 1941. VII. С. 258–267.
- Анфимов Н. В.* Раскопки Семибратнего городища // КСИИМК. 1951а. Вып. 37. С. 238–244.
- Анфимов Н. В.* Исследование Семибратнего городища // КСИИМК. 1953. Вып. 51. С. 99–111.
- Аптекарев А. З.* Некоторые предварительные итоги изучения клада боспорских монет из пос. Приморского // Древности Кубани. Краснодар, 1987. С. 38–40.
- Арсеньева Т. М.* Могильник у дер. Ново-Отрадное // Поселения и могильники Керченского полуострова. МИА. 1970. № 155. С. 82–149.
- Арсеньева Т. М., Бётгер Б., Виноградов Ю. Г.* Новые исследования в Танаисе // ВДИ. 1996. № 3. С. 54–72.
- Арсеньева Т. М., Науменко С. А.* Раскопки Танаиса в 1981–1984 гг. // КСИА. 1989. Вып. 191. С. 75–82.
- Арсеньева Т. М., Науменко С. А.* Раскопки Танаиса в центре восточной части городища // БД. 2001. Т. 4. С. 56–124.
- Арсеньева Т. М., Науменко С. А.* Усадьбы Танаиса. М., 1992.
- Арсеньева Т. М., Шелов Д. Б.* Раскопки юго-западного участка Танаиса (1964–1972 гг.) // Античные памятники Нижнего Подонья. М., 1974. С. 151–164.

- Артамонов М. И.* Сокровища скифских курганов. Прага; Л., 1966.
- Археология Венгрии.* Конец II тысячелетия до н. э. — I тысячелетие н. э. М., 1986.
- Ашик А. Б.* Воспорское царство. Одесса, 1848.
- Ашик А. Б.* Керченские древности. О пантикапейской катакомбе, украшенной фресками. Одесса, 1845.
- Бажан И. А., Гей О. А.* К вопросу о датировке «прикамских» ажурных шлемов // Проблемы хронологии эпохи латена и римского времени. СПб., 1992. С. 115–122.
- Беглова Е. А., Эрлих В. Р.* Деталь римского меча из могильника у станицы Тенгинской // РА. 1998. № 2. С. 173–176.
- Белов Г. Д.* Алтарь Зевса в Пергаме. Л., 1959.
- Белова Л. Н.* Монеты из раскопок Тиритаки, Мирмекия и Илурага в 1946–1953 гг. // МИА. 1958. № 85. С. 330–351.
- Бенгтсон Г.* Правители эпохи эллинизма. М., 1982.
- Бертье-Делагард А. Л.* О монетах властителей Боспора Киммерийского, определяемых монограммами // ЗООИД. 1911. XXIX. С. 117–262.
- Беттгер Б., Виноградов Ю. Г.* Результаты исследований совместной русско-немецкой археологической группы в Танаисе в 1993 г. // Международные отношения в бассейне Черного моря в древности и средние века. ТД VII МНК. Ростов-на-Дону, 1994. С. 64–69.
- Бехайм В.* Энциклопедия оружия. СПб, 1995.
- Блаватская Т. В.* Аспург и Боспор в 15 г. н. э. // СА. 1965. № 3. С. 197–209.
- Блаватская Т. В.* Очерки политической истории Боспора в VI–IV вв. до н. э. М., 1959.
- Блаватская Т. В.* Посвящение Левкона I // РА. 1993. № 2. С. 34–47.
- Блаватская Т. В.* Фанагорийская надпись Савромата I // КСИА. 1976. Вып. 145. С. 92–97.
- Блаватский В. Д.* Архаический Боспор // МИА. 1954а. № 33. С. 7–44.
- Блаватский В. Д.* Битва на Фате и греческая тактика IV в. до н. э. // ВДИ. 1946. № 1. С. 101–106.
- Блаватский В. Д.* Земледелие в античных государствах Северного Причерноморья. М., 1953.
- Блаватский В. Д.* Каменное ядро из Фанагории // КСИИМК. 1951. Вып. XXXIX. С. 135–136.
- Блаватский В. Д.* Материалы по античной фортификации в Северном Причерноморье // Ученые записки МГУ. 1950. Вып. 143. С. 126–150.
- Блаватский В. Д.* О боспорских всадниках в росписи Стасовского склепа // АИКСП. Л., 1968. С. 44–45.
- Блаватский В. Д.* О боспорской коннице // КСИИМК. 1949. Вып. XXIX. С. 96–99.
- Блаватский В. Д.* О культе римских императоров на Боспоре // Блаватский В. Д. Античная история и археология. М., 1985. С. 191–195.
- Блаватский В. Д.* О Рескупориде Первом // СА. 1976. № 4. С. 56–62.
- Блаватский В. Д.* О римских войсках на Таврическом полуострове в I в. н. э. // Блаватский В. Д. Античная археология и история. М., 1985. С. 228–233.
- Блаватский В. Д.* Осада и оборона в античном Причерноморье // КСИИМК. 1947. Вып. XVI. С. 89–93.
- Блаватский В. Д.* Отчет о раскопках Пантикапея в 1945–1949, 1952 и 1953 гг. // МИА. 1960. № 103. С. 6–85.
- Блаватский В. Д.* Очерки военного дела в античных государствах Северного Причерноморья. М., 1954.
- Блаватский В. Д.* Пантикапей. Очерки истории столицы Боспора. М., 1964.
- Блаватский В. Д.* Природа и античное общество. М., 1976а.
- Блаватский В. Д.* Раскопки Пантикапея в 1954–1958 гг. // СА. 1960. № 2. С. 168–192.
- Болдырев С. И.* О времени переименования Фанагории в Агриппию // ДБ. 1999. Т. 2. С. 30–38.
- Болтунова А. И.* Был ли Танаис разрушен Полемоном? // ВДИ. 1969. № 2. С. 56–65.
- Болтунова А. И.* Греческие надписи в донских музеях // НЭ. 1965. Т. V. С. 75–96.
- Болтунова А. И.* К истории Танаиса (по данным эпиграфики) // Кlio. 1964. Bd. 42. S. 195–209.
- Болтунова А. И.* К надписи IosPE II. 400 // ВДИ. 1954. № 1. С. 168–176.
- Болтунова А. И.* Надписи Горгиппии (из находок 1971–1981 гг.) // ВДИ. 1986. № 1. С. 43–61.
- Болтунова А. И.* Надпись Пифодориды из раскопок Гермонассы // ВДИ. 1989. № 1. С. 86–94.
- Болтунова А. И.* Надпись под статуей из Горгиппии // СА. 1958. XXVIII. С. 110–116.
- Болтунова А. И.* Новая надпись из Горгиппии и несколько замечаний об организации управления государственным доходами Боспорского царства // Eirene. 1968. N 7. S. 67–76.

- Болтунова А. И., Книпович Т. Н.* Очерк истории греческого лапидарного письма на Боспоре // НЭ. 1962. III. С. 3–31.
- Бонин А. В.* «Базовые памятники» хоры Боспора конца II в. до н. э. — I в. н. э. (проблема датировки) // Боспорский феномен: проблемы хронологии и датировки памятников. СПб., 2004. С. 27–33.
- Борисова В. С., Молев Е. А.* Монеты с легендой АП — АПОΛ и политическая история Боспора // Μνῆμα. Сборник научных трудов, посвященных памяти проф. В. Д. Жигунова. Казань, 2002. С. 269–274.
- Борнс А.* Путешествие в Бухару. Ч. III. М., 1849. Боспорские надгробные рельефы. Каталог выставки. Л., 1990.
- Брабич В. М.* Клад монет III в. до н. э. из Мирмекия // СА. 1964. № 4. С. 193–195.
- Браунд Д.* Римское присутствие в Колхиде и Иберии // ВДИ. 1991. № 4. С. 34–52.
- Брашинский И. Б.* Понтийская экспедиция Перикла // ВДИ. 1958. № 3. С. 110–121.
- Брашинский И. Б.* Понтийское пиратство // ВДИ. 1973. № 3. С. 124–133.
- Брашинский И. Б., Марченко К. К.* Елизаветовское городище на Дону — поселение городского типа // СА. 1980. № 1. С. 211–218.
- Бритова Н. Н.* Образ всадника на рельефах Фракии и Боспора // КСИИМК. 1948. Вып. XXII. С. 53–56.
- Бронштейн Б. Н.* Клавдий Птолемей. М., 1988.
- Брун Ф. К.* Черноморье. Исследование по исторической географии Южной России. Одесса, 1880.
- Брумяко И. В.* О событиях III в. до н. э. в Северо-Западном причерноморье // ВДИ. 1999. № 3. С. 76–91.
- Буданова В. П.* Готы в эпоху Великого переселения народов. М., 1990.
- Бужилова А. П., Масленников А. А.* Военные травмы античного времени. О двух примечательных антропологических находках из Крымского Приазовья // ПИФК. 2000. Вып. VIII. С. 212–216.
- Буюклиев Х.* Тракийский могилен некрополь при Чаталка, Старозагорски окръг // Разкопки и проучвания. Кн. XVI. София, 1986.
- Вайнштейн С. И.* Мир кочевников Центра Азии. М., 1991.
- Вайнштейн С. И., Крюков М. В.* Седло и стремя // СЭ. 1984. № 6. С. 114–130.
- Варданян Р. Е.* Парфянская инвестира (по нумизматическим данным) // Древние культуры Евразии и античная цивилизация. Л., 1983. С. 20–23.
- Васильев А. Н.* К вопросу о времени образования Боспорского государства // Этюды по античной истории и культуре Северного Причерноморья. СПб., 1992. С. 111–128.
- Васильев А. Н.* К вопросу о фракийском происхождении Спартокидов (анализ гипотезы) // Вопросы политической истории СССР. М.-Л., 1977. С. 194–215.
- Васильев А. Н.* К вопросу о событиях 438 г. до н. э. на Боспоре // Проблемы отечественной истории. Ч. II. М.-Л., 1976. С. 154–176.
- Васильев В. В.* Германские воинские пряжки и наконечники ремней на Боспоре // Боспорские исследования. Вып. IX. Керчь, 2005. С. 279–292.
- Васильев В. В.* О некоторых особенностях хронологии предметов вооружения гермцев в Северном Причерноморье (этапы В2 и С1) // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Периоды дестабилизаций и катастроф // Боспорские чтения. Вып. VI. Керчь, 2005а. С. 37–43.
- Вахтина М. Ю.* О древнейших оборонительных сооружениях древнего Порфмия // Фортификация в древности и средневековье: Материалы методологического семинара ИИМК. СПб., 1995. С. 31–33.
- Вахтина М. Ю., Виноградов Ю. А.* Еще раз о ранней фортификации Боспора Киммерийского // Боспорский феномен: колонизация региона, формирование полисов, образование государства: Мат-лы междунар. науч. конф. Ч. I. СПб., 2001. С. 41–45.
- Вахтина М. Ю., Виноградов Ю. А., Rogov E. Я.* Об одном из маршрутов военных походов и сезонных миграций кочевых скифов // ВДИ. 1980. № 4. С. 155–161.
- Ведерников Ю. А., Худяков Ю. С., Омелаев А. И.* Баллистика. От стрел до ракет. Новосибирск, 1995.
- Веселовский Н. И.* Бронзовый панцырный нагрудник с изображением головы Медузы // ИАК. 1918. Вып. 65. С. 1–8.
- Виноградов В. Б.* Сарматы Северо-Восточного Кавказа // Труды Чечено-Ингушского НИИ. Т. 4. Грозный, 1963.
- Виноградов В. Б.* Сиракский союз племен на Северном Кавказе // СА. 1965. № 1. С. 108–121.

- Виноградов Ю. А.* «Там закололся Митридат...» Военная история Боспора Киммерийского в доримскую эпоху. СПб., 2004.
- Виноградов Ю. А.* Архаические комплексы поселения Артюшенко I // Тамарская старина. Вып. 4. СПб., 2002. С. 61–66.
- Виноградов Ю. А.* Боспор Киммерийский // Греки и варвары Северного Причерноморья в скифскую эпоху. СПб, 2005. С. 211–296.
- Виноградов Ю. А.* Бронзовый панцирь из Елизаветинского кургана // Боспорский феномен. Проблема соотношения письменных и археологических источников. Материалы Международной научной конференции. СПб, 2005а. С. 261–264.
- Виноградов Ю. А.* Греческая колонизация и греческая урбанизация Северного Причерноморья // Скифский квадрат. Stratum plus. 1999б. № 3. С. 101–115.
- Виноградов Ю. А.* Две Скифии и скифы царские // Боспорский феномен: колонизация региона, формирование полисов, образование государства, Материалы Международной научной конференции. Ч. II. СПб., 2001. С. 124–127.
- Виноградов Ю. А.* Из истории археологических раскопок на мысе Ак-Бурун под Керчью // Археологические вести. 2001в. № 8. С. 311–315.
- Виноградов Ю. А.* Исследования на западной Украине Мирмекия // КСИА. 1991. Вып. 204. С. 71–77.
- Виноградов Ю. А.* Итоги археологического изучения поселения Артюшенко I на Таманском полуострове // Третья Кубанская археологическая конференция. Тезисы докладов. Краснодар; Анапа. 2001а. С. 17–20.
- Виноградов Ю. А.* К проблеме полисов в районе Боспора Киммерийского // АМА. 1993. Вып. 9. С. 79–96.
- Виноградов Ю. А.* Курган Ак-Бурун (1875 г.) // Скифия и Боспор (Материалы конференции памяти академика М. И. Ростовцева). Новочеркасск, 1993б. С. 38–51.
- Виноградов Ю. А.* Курган Малая Близница (История изучения и датировка) // Боспорские исследования. Вып. VII. Симферополь; Керчь, 2004б. С. 89–111.
- Виноградов Ю. А.* Курганы варварской знати V в. до н. э. в районе Боспора Киммерийского (Опыт интерпретации) // ВДИ. 2001б. № 4. С. 77–87.
- Виноградов Ю. А.* Мирмекий // Очерки археологии и истории Боспора. М., 1992. С. 99–120.
- Виноградов Ю. А.* Народы Северного Причерноморья и Митридатовы войны // Скифия, Фракия и эллинский мир. Stratum plus. 2003–2004. № 3. СПб, Кишинев, Бухарест, 2005б. С. 198–207.
- Виноградов Ю. А.* Народы Северного Причерноморья и Митридатовы войны // Таманская старина. 2000. Вып. 3. СПб., С. 90–93.
- Виноградов Ю. А.* Новые находки оружия на городище Мирмекий // Памятники старины. Концепции. Открытия. Версии. Т. I. СПб; Псков, 1997. С. 141–146.
- Виноградов Ю. А.* О датировке комплекса находок у деревни Мерджаны // Таманская старина. СПб., 1998. Вып. 1. С. 62–68.
- Виноградов Ю. А.* О двух волнах сарматских миграций в Причерноморских степях доримского времени // Херсонесский сборник. Вып. XIII. Севастополь, 2004в. С. 20–28.
- Виноградов Ю. А.* О двух победах Неоптолема на Боспоре Киммерийском // ANAXAPΣIΣ. Памяти Ю. Г. Виноградова. Севастополь, 2001. С. 65–69.
- Виноградов Ю. А.* О погребении воина у Карантинного шоссе под Керчью // Stratum plus, ПАВ. СПб.; Кишинев, 1997а. С. 73–80.
- Виноградов Ю. А.* О ритонах из кургана Карагодеуаш // Скифы, сарматы, славяне, Русь. ПАВ. 1993а. № 6. С. 66–71.
- Виноградов Ю. А.* О так называемом кургане Ашика (1838 г.) // Невский археолого-историографический сборник. СПб., 2004а. С. 49–56.
- Виноградов Ю. А.* Обломок махайры из Мирмекия // АИБ. III. Керчь, 1999. С. 153–160.
- Виноградов Ю. А.* Особенности и историческое значение объединения Археанактидов на Боспоре Киммерийском // Античные государства. Политические отношения и государственные формы в античном мире. СПб., 2002а. С. 183–196.
- Виноградов Ю. А.* Северное Причерноморье в условиях кризиса второй половины II в. до н. э. // Из истории античного общества. 2007. Вып. 9–10. С. 118–139.
- Виноградов Ю. А.* Северное Причерноморье после падения Великой Скифии // Hyperboreus. 1999а. Vol. 5. Fasc. 1. С. 56–82.
- Виноградов Ю. А.* Укрепления акрополя Мирмекия (предварительные итоги изучения) // Фор-

- тификация в древности и средневековье (материалы методологического семинара ИИМК). СПб., 1995. С. 33–36.
- Виноградов Ю. А.* Усобища сыновей боспорского царя Перисада I // *Материалы и исследования по археологии Кубани.* Вып. 3. Краснодар. 2003. С. 77–92.
- Виноградов Ю. А., Марченко К. К.* Северное Причерноморье в скифскую эпоху. Опыт периодизации истории // *СА.* 1991. № 1. С. 145–155.
- Виноградов Ю. А., Марченко К. К., Рогов Е. Я.* Сарматы и гибель Великой Скифии // *ВДИ.* 1997. № 3. С. 93–103.
- Виноградов Ю. А., Тохтасьев С. Р.* Ранняя оборонительная стена Мирмекия // *ВДИ.* 1994. № 1. С. 54–63.
- Виноградов Ю. А., Фонаев Д. И.* Коллекция металлических предметов с Ягорлыцкого поселения // *Археологические вести.* 2000. № 7. С. 96–105.
- Виноградов Ю. Г.* Вотивная надпись дочери царя Скилура из Пантикапея и проблемы истории Скифии и Боспора во II в. до н. э. // *ВДИ.* 1987. № 1. С. 55–86.
- Виноградов Ю. Г.* Левкон, Гекатей, Октамасад и Горгипп (Процесс интеграции Синдики в Боспорскую державу по новелле Полиэна (VIII, 55) и вотивной эпиграмме из Лабриса) // *ВДИ.* 2002. № 3. С. 3–22.
- Виноградов Ю. Г.* Новое документальное досье императорской эпохи из Херсонеса // *ВДИ.* 1996. № 1. С. 48–60.
- Виноградов Ю. Г.* Очерк военно-политической истории сарматов в I в. н. э. // *ВДИ.* 1994. № 2. С. 151–170.
- Виноградов Ю. Г.* Перстень царя Скила. Политическая и дипломатическая история скифов в первой половине V в. до н. э. // *СА.* 1980. № 3. С. 92–108.
- Виноградов Ю. Г.* Полис в Северном Причерноморье // *Античная Греция.* Т. I. М., 1983. С. 366–420.
- Виноградов Ю. Г.* Политическая история ольвийского полиса VII–I вв. до н. э. М., 1989.
- Виноградов Ю. Г.* Разгром сарматами Великой Скифии: следы ведут в тавриду // *Проблемы скифо-сарматской археологии Северного Причерноморья (К 100-летию Б. Н. Гракова).* Запорожье, 1999. С. 59–62.
- Виноградов Ю. Г.* Фанагорийские наемники // *ВДИ.* 1991. № 4. С. 14–33.
- Виноградов Ю. Г.* Херсонес, Боспор и их варварское окружение в III в. до н. э. // *Межгосударственные отношения и дипломатия в античности.* Казань, 2000. С. 269–277.
- Виноградов Ю. Г.* Херсонесский декрет «О несении Диониса» IOSPE. P. 343 и вторжение сарматов в Скифию // *ВДИ.* 1997. № 3. С. 104–124.
- Виноградов Ю. Г., Зайцев Ю. П.* Новый эпиграфический памятник из Неаполя Скифского (предварительная публикация) // *Археология.* 2003. № 1. С. 44–53.
- Виноградов Ю. Г., Молев Е. А., Толстиков В. П.,* Новые эпиграфические источники по истории митридатовой эпохи // *Причерноморье в эпоху эллинизма.* Тбилиси, 1985. С. 589–600.
- Виноградов Ю. Г., Полемон, Херсонес и Рим* // *ВДИ.* 1992. № 3. С. 130–139.
- Виноградов Ю. Г., Шестаков С. А.* Laudatio Funerbris из Пантикапея // *ВДИ.* 2005. № 2. С. 42–44.
- Виноградов Ю. Г., Щеглов А. Н.* Образование территориального Херсонесского государства // *Эллинизм: экономика, политика, культура.* М., 1990. С. 310–371.
- Винокуров Н. И.* Гибель ранней «цитадели» городища Артезиан // *Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Периоды дестабилизации и катастроф* // *Боспорские чтения.* Вып. VI. Керчь, 2005.
- Винокуров Н. И.* Новые изображения всадников на Боспоре // *ДБ.* 2002. № 5. С. 70–85.
- Винокуров Н. И., Никонов А. А.* О следах землетрясений античного времени на западе Европейского Боспора // *РА.* 1998. № 4. С. 98–114.
- Винокуров Н. И., Никонов А. А.* Тотальные разрушения второй половины III в. н. э. на Боспоре как хронологический репер // *Боспорский феномен: проблемы хронологии и датировки памятников.* Материалы международной научной конференции. Ч. I. СПб., 2004. С. 95–103.
- Витт В. О.* Лошади Пазырыкских курганов // *СА.* 1952. XVI. С. 163–205.
- Вознесенская Г., Левада М.* Кузнечные изделия из могильника Чатыр-Даг: попытка типологического анализа и технология производства // *Сто лет черняховской культуре.* Киев, 1999. С. 252–276.
- Волков И. В.* О происхождении «монгольского» способа стрельбы из лука // *Материалы и исследования по археологии Северного Кавказа.* 2003. Вып. 2. С. 154–156.

- Высотская Т. Н.* Неаполь — столица поздних скифов. Киев, 1979.
- Высотская Т. Н.* Этнический состав населения Крымской Скифии (по материалам могильников) // Материалы к этнической истории Крыма. Киев, 1987. С. 40–67.
- Вэрри Дж.* Войны античности: от Греко-песидских войн до падения Рима. М., 2004.
- Вязьмитина М. И.* Культура населения Нижнего Днепра после распада единой Скифии // СА. 1969. № 4. С. 62–77.
- Гаврилов А. В.* Округа античной Феодосии. Симферополь, 2004.
- Гаврилов А. К.* Скифы Савмака — восстание или вторжение? (IRE. II. 352 — Syll. 709) // Этюды по античной истории и культуре Северного Причерноморья. СПб., 1992. С. 53–73.
- Гаврилюк Н. А., Черненко Е. В.* «Скифский» поход Зопириона // Проблемы археологии Северного Причерноморья. Херсон, 1991. С. 65–69.
- Гайдукевич В. Ф.* Античные города Боспора. Мирмекий. Л., 1987.
- Гайдукевич В. Ф.* Боспор и Аркадия // ЗОАО. 1960. I(34). С. 105–111.
- Гайдукевич В. Ф.* Боспор и скифы (тезисы доклада) // ПИСП. 1959. С. 276–278.
- Гайдукевич В. Ф.* Боспор и Танаис в доримский период // Проблемы социально-экономической истории древнего мира. М.-Л., 1963. С. 293–307.
- Гайдукевич В. Ф.* Боспорский город Илурат // СА. 1950. XIII. С. 173–204.
- Гайдукевич В. Ф.* Боспорское царство. М.; Л., 1949.
- Гайдукевич В. Ф.* Загородная сельская усадьба эллинистической эпохи в районе Мирмекия // Гайдукевич В. Ф. Боспорские города. Л., 1981. С. 6–54.
- Гайдукевич В. Ф.* Загородная сельская усадьба эллинистической эпохи в районе Мирмекия // Гайдукевич В. Ф. Боспорские города. Л., 1981а. С. 6–54.
- Гайдукевич В. Ф.* Илурат (раскопки 1954–1960 гг.) // Гайдукевич В. Ф. Боспорские города. Л., 1981а. С. 76–136.
- Гайдукевич В. Ф.* Илурат. Итоги археологических исследований 1948–1953 гг. // МИА. 1958. № 85. С. 9–148.
- Гайдукевич В. Ф.* История античных городов Северного Причерноморья (краткий очерк) // АГСП. 1955. С. 23–147.
- Гайдукевич В. Ф.* Мирмекий. Советские раскопки в 1956 г. (1934–1956). Варшава. 1959а.
- Гайдукевич В. Ф.* О местоположении древней Тиритаки // МИА. 1941. № 4. С. 85–92.
- Гайдукевич В. Ф.* Раскопки Мирмекия в 1935–1938 гг. // МИА. 1952а. № 25. С. 135–222.
- Гайдукевич В. Ф.* Раскопки Тиритаки в 1935–1940 гг. // МИА. 1952. № 25. С. 15–134.
- Гайдукевич В. Ф., Михайловский К.* Мирмекий в свете советско-польских исследований 1956–1958 гг. // Исследования по археологии СССР. Л. 1961. С. 127–138.
- Галанина Л. К.* Греческие поножи Северного Причерноморья // АСГЭ. Вып. 7. 1965. С. 5–7.
- Галанина Л. К.* Курджипский курган. Л., 1980.
- Галль фон Х.* Сцена поединка всадников на серебряной вазе из Косики (истоки восприятия одного иранского мотива в Южной России) // ВДИ. 1997. № 2. С. 174–198.
- Герасимова В.* Дислокация на римските помощни войски в провинция Мизия от 44 до 86 г. на н. е. // Археология. 1970. № 4. С. 22–27.
- Герасимова В.* Разместване на римските помощни войски през II в. в Мизия и Дакия (по епиграфични паметници) // Археология. 1969. № 4. С. 5–11.
- Герберштейн Г.* Записки о Московии. М., 1988.
- Глебов В. П.* Сарматы и Боспор на рубеже эр // Боспорский феномен: колонизация региона, формирование полисов, образование государства. Ч. 2. СПб., 2001. С. 194–201.
- Голенко В. К.* Еще раз локализации вала Асандра // Причерноморье, Крым, Русь в истории и культуре. Мат-лы II Судакской междунар. науч. конф. 2004. Ч. I. С. 39–48.
- Голенко К. В., Масленников А. А.* Два клада монет с поселения «Полянка» // Новое в советской нумизматике и нумизматическом музееведении (К 200-летию Отдела нумизматики Эрмитажа). Л., 1987. С. 51–52.
- Голенко К. В.* Монеты из раскопок Нимфея 1939–1970 гг. // НЭ. 1974. Вып. XI. С. 61–93.
- Голенко К. В., Шелов Д. Б.* Монеты из раскопок Пантикалея 1945–1961 гг. // НС. 1961. Вып. 1. С. 151–163.
- Голубовский П. В.* С какого времени можно проследить на юге России способ защиты табором? // Труды XI Археологического съезда в Киеве. Т. II. М., 1899. С. 72–79.
- Голубцова Е. С.* Северное Причерноморье и Рим на рубеже нашей эры. М., 1951.

- Голыженков И. А. Армия императорского Рима I–II вв. н. э. М., 2000.
- Горелик М. В. Опыт реконструкции скифских доспехов по памятнику скифского изобразительного искусства — золотой пластине из Геремесова кургана // СА. 1971. № 3. С. 236–244.
- Горелик М. В. Оружие Древнего Востока. М., 1993.
- Горемыкина В. И. Из истории Боспора Киммерийского I в. до н. э. и начала I в. н. э. // УЗ-МПИ. 1956. Вып. 11. С. 130–140.
- Горлов Ю. В. К истории Фанагории в IV в. до н. э. // Проблемы античной культуры. М., 1986. С. 135–137.
- Горлов Ю. В., Лопанов Ю. А. Оборонительные сооружения европейского Киммерика // ПИФК. 1997. Вып. IV, 1. С. 137–143.
- Горончаровский В. А. Аспургиане и военно-политическая история Боспора на рубеже н. э. // Таманская старина. Вып. 3. СПб., 2000. С. 54–58.
- Горончаровский В. А. Боспор и Рим в правление Митридата VIII // Античное государство: политические отношения и государственные формы в античном мире. СПб., 2002б. С. 197–206.
- Горончаровский В. А. Боспорская кавалерия времени войны Митридата VIII с Римом в 45–49 гг. // Боспорский феномен: Колонизация региона. Формирование полисов. Образование государства. Материалы международной научной конференции. Ч. 2. СПб., 2001д. С. 217–221.
- Горончаровский В. А. Боспорская кавалерия первых веков нашей эры // ANAXAPCIC. Херсонесский сборник. 2001а. XI. С. 72–85.
- Горончаровский В. А. Водоснабжение в системе обороны Илурата // Скифия и Боспор (тезисы конференции памяти академика М. И. Ростовцева). Новочеркасск, 1989а. С. 75–77.
- Горончаровский В. А. Греко-скифские взаимодействия на территории Европейского Боспора в I–III вв. н. э. // Проблемы истории Крыма. Тезисы докладов научной конференции. Симферополь, 1991. Вып. 1. С. 38–39.
- Горончаровский В. А. Домостроительство и социальная структура Илурата // Новые экспедиционные исследования археологов. Л., 1983. С. 31–32.
- Горончаровский В. А. К вопросу о боспорских катафрактариях // Международные отношения в бассейне Черного моря в древности и середине века. Тезисы докладов VI науч. конф. Ростов н/Дону, 1992. С. 40–42.
- Горончаровский В. А. К вопросу о водоснабжении крепости Илурат // Боспор Киммерийский и Понт в период античности и средневековья: Мат-лы II Боспорских чтений. Керчь, 2001б. С. 31–34.
- Горончаровский В. А. К вопросу об инновациях в комплексе снаряжения верхового коня на Боспоре первых веков н. э. // МОБЧМ., 2002в. С. 115–118.
- Горончаровский В. А. Кавалерия позднеантичного Боспора // Боспор Киммерийский на перекрестке греческого и варварского миров (античность — средневековье). Керчь, 2000б. С. 52–60.
- Горончаровский В. А. Катафрактарии в истории военного дела Боспора // ПАВ. 1993. № 6. С. 79–82.
- Горончаровский В. А. Командная структура и организация боспорской армии в I–III вв. н. э. // Херсонесский сборник. 2004. Вып. XIII. С. 38–44.
- Горончаровский В. А. Крепость Илурат в системе обороны западной границы Боспорского царства в I–III вв. н. э. // Фортификация в древности и средневековье. СПб., 1995. С. 60–62.
- Горончаровский В. А. Крепость Илурат: итоги изучения // Боспор Киммерийский, Понт и варварский мир в период античности и средневековья. Керчь, 2002а. С. 68–77.
- Горончаровский В. А. Лук «гуннского» типа в комплексе вооружения позднеантичного Боспора // VI чтения памяти профессора В. Д. Блаватского: Тезисы докладов. (К 100-летию со дня рождения). М., 1999. С. 43–44.
- Горончаровский В. А. Между Империей и варварами. Военное дело Боспора римского времени. СПб.; М., 2003.
- Горончаровский В. А. Между Империей и варварами: военно-политическая история Боспора на рубеже нашей эры // Stratum plus. 2000а. № 3. С. 229–236.
- Горончаровский В. А. Мраморная стела сыновей Панталеонта из Горгииппи // Hesperobogues. 2002. Vol. 8. Fasc. 1. С. 184–189.
- Горончаровский В. А. Новая серия публикаций древностей Северного Причерноморья античной эпохи (M. Mielczarek. Armes grecques, scythes et sarmates du littoral septentrional de la Mer Noire dans la collection du Musee de l'Armee

- Polonaise a Varsovie. Torun. 1995) // Археологические вести. 1999а. № 6. С. 436–438.
- Горнчаровский В. А. Новый тип двойного денария Савромата II // ВДИ. 1984а. № 3. С. 90–93.
- Горнчаровский В. А. Оборонительные сооружения Илурата // Проблемы исследования античных городов. М., 1989. С. 36–37.
- Горнчаровский В. А. Погребения с оружием в некрополе Илурата // Военная археология. СПб., 1998. С. 85–89.
- Горнчаровский В. А. Предметы вооружения из раскопок некрополя Илурата I–III вв. н. э. // Acta universitatis Lodzianensis. T. I. Folia Archaeologica. 2001в. N 23. С. 69–74.
- Горнчаровский В. А. Римско-боспорский конфликт 40-х гг. I в. н. э. // ВДИ. 2003а. № 3. С. 129–138.
- Горнчаровский В. А. Седло в комплексе снаряжения верхового коня на Боспоре первых веков н. э. // Роль ахалтекинских коней в формировании мирового коннозаводства. Ашхабад, 2001г. С. 86–88.
- Горнчаровский В. А. Стратегия и тактика боспорской армии первых веков н. э. // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Этнические процессы. Керчь, 2004а. С. 96–103.
- Горнчаровский В. А. Терракотовая статуя женского божества из раскопок некрополя Илурата: Афродита или Фортуна? // СΥΣΤΗΤΑ. Памяти Ю. В. Андреева. СПб., 2001. С. 25–257.
- Горнчаровский В. А., Никоноров В. П. Граффито из Илурата с изображением катафрактария // Тезисы IV Высшей школы молодых востоковедов. 1986. Т. 1. М. С. 184–185.
- Горнчаровский В. А., Никоноров В. П. Илуратский катафрактарий (к истории античной тяжелой кавалерии) // ВДИ. 1987. № 1. С. 201–213.
- Горнчаровский В. А., Тихонов Т. С. Римский гладиус из раскопок некрополя Горгиппии // ХС. 2006. Вып. XIV. С. 121–124.
- Готье Ю. В. Очерки по истории материальной культуры Восточной Европы. Л., 1925.
- Граков Б. Н. Материалы по истории Скифии в греческих надписях Балканского полуострова и Малой Азии // ВДИ. 1939. № 3. С. 231–312.
- Граков Б. Н. Скифы. М., 1971.
- Граков Б. Н. Термин Σκῆθαι и его производные в надписях Северного Причерноморья // КСИ-ИМК. 1947. Вып. 16. С. 79–88.
- Грач Н. Л. Некрополь Нимфея. СПб, 1999.
- Грач Н. Л. Нова пам'ятка елліністичного часу з Нимфею // Археологія. 1987. 57. С. 81–94.
- Грач Н. Л. Открытие нового исторического источника в Нимфее // ВДИ. 1984. № 1. С. 81–88.
- Грене Ф. Новая гипотеза о датировке рельефов Халчаяна // ВДИ. 2000. № 2. С. 130–135.
- Григорьев В. В. Об отношениях между кочевыми народами и оседлыми государствами // ЖМНП. 1875. 178. С. 1–27.
- Григорьев Д. В. К вопросу о военно-политической ситуации на Боспоре в конце VI — первой половине V в. до н. э. // ПИФК. 1998. Вып. V. С. 38–43.
- Григорьев Д. В. Состав войска и его тактика в VI–V вв. до н. э. на Боспоре // РА. 2000. № 3. С. 30–35.
- Гриневич К. Э. Оборона Боспора Киммерийского // ВДИ. 1946. № 2. С. 160–164.
- Грицик Е. В. Находки предметов вооружения на поселении Вышестеблиевская-11 // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Этнические процессы. Керчь, 2004. С. 104–108.
- Гуленков К. Л. Налоги на Боспор при Митридате VI Евпаторе // ПМФК. 2002. Вып. XII. С. 308–310.
- Гумилев Л. Н. Ритмы Евразии: эпохи и цивилизации. М., 1993.
- Гуцица И. И. Янчокракский клад // Древности Восточной Европы. М., 1969. С. 43–51.
- Гуцица И. И., Засецкая И. П. «Золотое кладбище» римской эпохи в Прикубанье. СПб, 1994.
- Гуцица И. И., Засецкая И. П. Погребения зубовско-воздвиженского типа из раскопок Н. И. Веселовского в Прикубанье (I в. до н. э. — начало II в. н. э.) // Археологические исследования на юге Европы. Тр. ГИМ. Вып. 70. М., 1989. С. 71–141.
- Даньшин Д. И. Танаиты и танаисцы во II–III вв. н. э. // КСИА. 1990. Вып. 197. С. 52–54.
- Дашевская О. Д. Поздние скифы в Крыму // САИ. Вып. Д 1–7. М., 1991.
- Дворниченко В. В., Федоров-Давыдов Г. А. Сарматское погребение скептуха I в. н. э. у с. Косика Астраханской области // ВДИ. 1993. № 3. С. 141–165.
- Демьянчук С. Г., Туровский Е. Я. Греко-варварские взаимоотношения в Северном Причерноморье III в. до н. э. и их влияние на монетное дело эллинских государств региона // Проблемы скифо-сарматской археологии Северного Причерноморья (К 100-летию Б. Н. Гракова). Запорожье, 1999. С. 91–94.

- Денисова В. И.* Боспор конца I в. до н. э. — начала I в. н. э. (к проблеме переименования городов). // ΣΥΣΤΙΓΙΑ. Памяти Ю. В. Андреева. СПб., 2000. С. 258–263.
- Десятчиков Ю. М.* Арифарн, царь сираков // История и культура античного мира. М., 1977. С. 45–48.
- Десятчиков Ю. М.* Катафрактарий на надгробии Афения // СА. 1972. № 4. С. 68–77.
- Десятчиков Ю. М.* Процесс сарматизации Боспора: Автореф. дисс. ... канд. истор. наук. М., 1974.
- Десятчиков Ю. М.* Сатархи // ВДИ. 1973. № 1. С. 131–144.
- Диатроптов П. Д.* Изображения всадников в античном Северном Причерноморье // Поздние скифы Крыма. М., 2001. С. 78–86.
- Диатроптов П. Д.* Культ героев в античном Северном Причерноморье. М., 2001а.
- Дитлер П. А.* Аттический шлем из станицы Темнолесской // СА. 1964. № 1. С. 315–320.
- Доватур А. И.* Реметалк и Евпатор // ВДИ. 1959. № 4. С. 24–42.
- Долгоруков В. С.* Некоторые вопросы истории и топографии ранней Фанагории // КСИА. 1990. Вып. 197. С. 30–37.
- Долгоруков В. С.* Укрепления раннегреческого города // Археология Старого и Нового Света. М., 1982. С. 176–190.
- Доманский Я. В.* Ольвия и Скифия в раннеэллинистическое время // Причерноморье в эпоху эллинизма. Тбилиси, 1985. С. 233–242.
- Доманский Я. В., Фролов Э. Д.* Основные этапы развития межполюсных отношений в Причерноморье в доримскую эпоху (VIII–I вв. до н. э.) // Античные полисы и местное население Причерноморья. Севастополь, 1995. С. 78–99.
- Дорошко В. В.* Новые находки римского военного снаряжения с территории Южного Крыма // Причерноморье, Крым, Русь в истории и культуре. Материалы II Судакской международной научной конференции. 2004. Ч. I. С. 49–53.
- Драчук В. С.* Системы знаков Северного Причерноморья. Тамгообразные знаки северопонтийской периферии античного мира первых веков нашей эры. Киев, 1975.
- Дьячков С. В.* Римские граждане в Северном Причерноморье // Античный мир. Византия. Харьков, 1997. С. 57–79.
- Дьячков С. В.* Римские граждане на Боспоре // МАИЭТ. 1993. Вып. III. С. 244–246.
- Дюбрьюкс П.* Описание развалин и следов древних городов и укреплений, некогда существовавших на европейском берегу Босфора Киммерийского // ЗООИД. 1858. Т. IV. С. 3–84.
- Евдокимов Г. Л., Мурзин В. Ю.* Раннескифское погребение с оружием из Херсонской области // Вооружение скифо и сарматов. Киев, 1984. С. 75–82.
- Ернштедт Е. В.* Монументальная живопись Северного Причерноморья // АГСП. М.; Л. 1955. С. 248–285.
- Ждановский А. М.* К истории сиракского союза племен (по материалам курганных погребений Среднего Прикубанья) // Дон и Северный Кавказ в древности и средневековье. Ростов-на-Дону, 1990. С. 35–48.
- Ждановский А. М.* Подкурганные катакомбы Среднего Прикубанья первых веков н. э. // Археолого-этнографические исследования Северного Кавказа. Краснодар, 1984. С. 72–79.
- Ждановский А. М., Марченко И. И.* Сарматы в Прикубанье // Проблемы сарматской археологии и истории: Тезисы докладов конференции. Азов, 1988. С. 42–56.
- Жебелев С. А.* Последний Перисад и скифское восстание на Боспоре // ИГАИМК. 1933. Вып. 70.
- Жебелев С. А.* Северное Причерноморье. М.; Л., 1953.
- Завойкин А. А.* 2006. Кризис «первой половины» V в. до н. э. и проблема образования Боспорского государства // РА. 2006. № 4. С. 103–111.
- Завойкин А. А.* Афины — Боспор — Гераклея Понтийская (от Перикла до Клеарха) // Межгосударственные отношения и дипломатия в античности. Казань, 2000. С. 249–268.
- Завойкин А. А.* Краткий очерк истории Боспора VI — первой четверти III вв. до н. э. // ПИФК. 2004б. Вып. XIV. С. 58–94.
- Завойкин А. А.* О времени автономной чеканки Фанагории // БС. 1995. 6. С. 89–94
- Завойкин А. А.* О времени присоединения к Боспору Синдской гавани // Боспорский феномен: проблемы хронологии и датировки памятников. Ч. I. СПб, 2004а. С. 60–64.
- Завойкин А. А.* Фанагория во второй половине V — начале IV вв. до н. э. (по материалам

- раскопа «Южного города») // ДБ. 2004. Suppl. I. М.
- Завойкина Н. В.* О времени появления варварской общины в Танаисе // Боспорский феномен: проблемы хронологии и датировки памятников. СПб., 2004. С. 65–69.
- Завойкина Н. В.* Частные сообщества Пантикапея в первые века н. э. // ДБ. 2003. Т. 6. С. 120–137.
- Заднепровский Ю. А.* Ранние кочевники Семиречья и Тянь-Шаня // Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время. М., 1992. С. 73–86.
- Зайцев Ю. П.* Неаполь Скифский (II в. до н. э. — III в. н. э.). Симферополь, 2003.
- Зайцев Ю. П.* Скилур и его царство (Новые открытия и новые проблемы) // ВДИ. 1999. № 2. С. 127–148.
- Зайцев Ю. П.* Хронология царства Скилура (по археологическим данным) // Античная цивилизация и варварский мир (Материалы 7-го археологического семинара). Краснодар, 2000. С. 39–45.
- Засецкая И. П.* Культура кочевников южнорусских степей в гуннскую эпоху (конец IV–V вв.). СПб., 1994.
- Засецкая И. П., Марченко И. И.* Классификация стеклянных канфаров позднеэллинистического и раннеримского времени // АСГЭ. 1995. Вып. 32. С. 90–104.
- Заходер Б. Н.* Каспийский свод сведений о Восточной Европе. Т. II. М., 1967.
- Зеймаль Е. В.* Аму-Дарьинский клад: Каталог выставки. 1979.
- Зинько В. Н.* Некоторые итоги изучения сельской округи античного Нимфея // МАИЭТ. 1996. Вып. 5. С. 12–20.
- Зинько В. Н.* Хора боспорского города Нимфея // Боспорские исследования. Вып. IV. Симферополь—Керчь, 2003.
- Златковская Т. Д.* Мёзия в I и II вв. нашей эры. М., 1951.
- Зограф А. Н.* Античные монеты // МИА. 1951. № 16.
- Зограф А. Н.* Лук и стрельба из него на монетах Северного Причерноморья // Нумизматика античного Причерноморья. Киев, 1982. С. 5–14.
- Зограф А. Н.* Мирмекийский клад монет III в. до н. э., найденный в 1934 г. // МИА. 1941. № 4. С. 152–156.
- Зограф А. Н.* Описание монет, найденных при раскопках Тиритаки и Мирмекия в 1935–1940 гг. // МИА. 1952. № 25. С. 363–386.
- Золотарев М. И., Туровский Е. Я.* К истории античных сельских усадеб Херсонеса на Гераклейском полуострове // Древнее Причерноморье. Материалы I Всесоюзных чтений памяти проф. П. О. Карышковского. Одесса, 1990. С. 71–89.
- Зубар В. М.* Про похід Плавтія Сільвана в Крим // Археологія. 1988. Вып. 63. С. 19–26.
- Зубар В. М., Скржинська М. В.* До інтерпретації одного писемного джерела з історії Боспора (Luc. Alex. 57) // Археологія. 1997. № 4. С. 119–123.
- Зубарев В. Г.* Античная география Европейского Боспора по Клавдию Птолемию // ДБ. 1998. Т. 1. С. 105–124.
- Зубарь В. М.* Еще раз по поводу интерпретации надгробия солдата Кипрской когорты Луция Волузия из Пантикапея // Боспорский феномен: погребальные памятники и святилища. Ч. I. СПб., 2002. С. 57–67.
- Зубарь В. М.* Из истории Северо-Западной Таврики рубежа IV–III — середины II вв. до н. э. // ПИФК. 2004. Вып. XIV. С. 195–208.
- Зубарь В. М.* Об одном типе боспорских керамических клейм // ВДИ. 2001. № 4. С. 146–149.
- Зубарь В. М.* Римская крепость Харакс // Stratum plus. 2000. N 4. С. 176–200.
- Зубарь В. М.* Римское военное присутствие в Таврике // Stratum plus. 2003. № 4. С. 8–179.
- Зубарь В. М.* Северное Причерноморье и Септимий Север // ВДИ. 1993. № 4. С. 34–44.
- Зубарь В. М.* Северный Понт и Римская империя. Киев, 1998.
- Зубарь В. М.* Таврика и Римская империя. Киев, 2004а.
- Зубарь В. М.* Херсонес Таврический и Римская империя: очерки военно-политической истории. Киев, 1994. .
- Зубарь В. М., Антонова И. А.* Бутероль ножен длинного римского меча из Херсонеса // РА. 2001. № 2. С. 122–124.
- Зубарь В. М., Симоненко А. В.* О снаряжении боевых коней в первые века н. э. на территории Северного Причерноморья // Вооружение скифов и сарматов. Киев, 1984. С. 148–155.
- Зубарь В. М., Шмалько А. В.* Римско-боспорская война и Херсонес // Древности Степного Причерноморья и Крыма. Запорожье, 1993. С. 225–231.

- Иванов В. М.* Греческая фортификация Северного Причерноморья VI — первой половины I вв. до н. э. Автореф. дисс. ... канд. истор. наук. М., 2005.
- Иванов Т.* Абритус. София, 1980.
- Иванова А. П.* Новая скульптурная находка в Керчи // КСИИМК. 1948. Вып. XXIII. С. 31–35.
- Иванова А. П.* Скульптура и живопись Боспора. Киев, 1961.
- Иевлев М. М.* Роль природного фактора в проникновении сарматов на территорию северопричерноморских степей // Проблемы археологии Северного Причерноморья (К 100-летию основания Херсонского музея древностей). Ч. 2. Херсон, 1990. С. 31–33.
- Исмагилов Р. Б.* Саи, скифы и Боспор (научный этюд на тему «классической» Скифии) // Скифы, сарматы, славяне, Русь. ПАВ. 1993. № 6. С. 62–65.
- Кадеев В. И.* Новый надгробный памятник II в. н. э. из Херсонеса // КСИА. 1985. Вып. 182. С. 66–69.
- Кадеев В. И.* Херсонес Таврический в первых веках н. э. Харьков, 1981.
- Казакевич Э. Л.* К полемике о восстании Савмака // ВДИ. 1963. № 1. С. 57–70.
- Казанский М.* Готы на Боспоре Киммерийском // Сто лет черняховской культуре. Киев, 1999. С. 277–297.
- Калаишиков М. В.* Новый тип поселений Азиатского Боспора первой половины I в. н. э. // Актуальные проблемы историко-археологических исследований. К. 1987. С. 64–65.
- Каллистов Д. П.* Очерки по истории Северного Причерноморья античной эпохи. Л., 1949.
- Каллистов Д. П.* Политика Августа в Северном Причерноморье // ВДИ. 1940. № 2. С. 65–77.
- Каллистов Д. П.* Северное Причерноморье в античную эпоху. М., 1952.
- Каллистов Д. П.* Этюды из истории Боспора в римский период. I. Боспор, Митридат Евпатор и Рим // ВДИ. 1938. № 2(3). С. 276–286.
- Каменецкий И. С.* Меоты и другие племена Северо-Западного Кавказа в VII в. до н. э. — III в. н. э. // Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время. М., 1989. С. 226–242.
- Каминская И. В.* Меотский могильник у х. Александровского в Закубанье // Вопросы археологии Адыгеи. Майкоп, 1984. С. 80–82.
- Каминская И. В., Каминский В. Н., Пьянков А. В.* Сарматское погребение у станицы Михайловской (Закубанье) // СА. 1985. № 4. С. 228–233.
- Каминский В. Н.* О конструкции лука и стрел северокавказских аланов // КСИА. 1982. Вып. 170. С. 48–51.
- Каргопольцев С. Ю., Бажан И. А.* Умбоны щитов и боевые топоры римского времени // ПАВ. 1992. № 2. С. 113–126.
- Карейша Д. В.* Археологические разыскания близ древних Пантикапеи, Фанагории и Херсонеса // ЖМВД. 1846. Вып. 16. С. 284–310.
- Карышковский П. И.* Сарматские тамги на античных монетах Причерноморья // Античные города Северного Причерноморья и варварский мир. Л., 1973. С. 15–16.
- Карышковский П. О.* Монеты Ольвии. Киев, 1988.
- Карышковский П. О.* Об эре Херсонеса Таврического // Краткие сообщения о полевых исследованиях ОГУ и ОГАМ в 1960 г. Одесса, 1961. С. 107–113.
- Карышковский П. О., Фролова Н. А.* Правление Асандра на Боспоре по нумизматическим данным // Древнее Причерноморье. Одесса, 1990. С. 89–112.
- Кастанаян Е. Г.* Порфмий // Travaux du Centre d'Archeologie Mediterranéenne de l'Academie Polonaise des Sciences. 1983. T. 26. ETUDES et TRAVAUX. XIII. P. 162–168.
- Кастанаян Е. Г.* Раскопки Порфмия в 1968 г. // КСИА. 1972. Вып. 130. С. 77–82.
- Кауфман С. А.* Об уступчатых склепах Боспора // Сообщения Института истории и теории архитектуры СССР. 1947. № 6. С. 1–32.
- Кац В. И.* К вопросу о времени существования боспорской колонии на Елизаветовском городище // Боспорский феномен: колонизация региона, формирование полисов, образование государства: Мат-лы междунар. конф. СПб., 2001. С. 85–91.
- Кислий О. С., Скорий С. А.* Скiфське поховання V ст. до н. е. поблизу Керчі // Археологія. 1990. № 2. С. 128–130.
- Кляшторный С. Г., Савинов Д. Г.* Стенные империи Евразии. СПб., 1994.
- Кнауэр Э. Р.* О «варварском» обычае подвешивания отрубленных голов противника к шее коня // Боспорский рельеф со сценой сражения (Амазономахия?). М.; СПб., 2001. С. 200–215.
- Книпович Т. Н.* Танаис. М.; Л., 1949.
- Кобылина М. М.* Милет. М., 1965.

- Кобылина М. М.* Поздние боспорские пелики // МИА. 1951. № 19. С. 136–170.
- Кобылина М. М.* Сооружения V в. до н. э. на южной окраине Фанагории // КСИА. 1969. Вып. 116. С. 98–104.
- Кобылина М. М.* Страницы ранней истории Фанагории // СА. 1983. № 2. С. 51–61.
- Кобылина М. М.* Фанагория // МИА. 1956. № 57. С. 5–101.
- Ковалевская В. Б.* Конь и всадник. М., 1977.
- Колобов А. В.* Штандарты римской армии эпохи принципата // ПИФК. 2001. Вып. X. С. 38–44.
- Колобова К. М.* К вопросу о награждении пантикапейца золотым кольцом // СА. 1958. Т. XXVIII. С. 193–197.
- Колобова К. М.* Политическое положение городов в Боспорском государстве // ВДИ. 1953. № 4. С. 47–71.
- Колтухов С. Г.* Заметки о военно-политической истории Крымской Скифии // Древности Степного Причерноморья и Крыма. Запорожье, 1993. С. 206–222.
- Колтухов С. Г.* Новые материалы к периодизации и реконструкции оборонительных сооружений Неаполя Скифского // СА. 1990. № 2. С. 176–188.
- Колтухов С. Г.* Укрепления Крымской Скифии. Симферополь, 1999.
- Конноли П.* Греция и Рим. Энциклопедия военной истории. М., 2000.
- Контамин Ф.* Война в Средние века. СПб., 2001
- Копылов В. П.* Таганрогское поселение в системе раннегреческих колоний Северного Причерноморья // ВДИ. 1999. № 4. С. 170–176.
- Копылов В. П., Ларенок П. А.* Таганрогское поселение. Материалы и исследования Таганрогской археологической экспедиции. Вып. II. Ростов-на-Дону, 1994.
- Коровина А. К.* К вопросу об изучении Семибратних курганов // СА. 1957. № 2. С. 174–187.
- Коровина А. К.* Раскопки некрополя Тирамбы (1966–1970) // СГМИИ. 1987. Вып. 8. С. 3–70.
- Корпусова В. Н.* Некрополь Золотое. К этнокультурной истории европейского Боспора. Киев, 1983.
- Костенко В. И.* Сарматы в низовьях Днепра в первые века нашей эры // Проблемы археологии Северного Причерноморья (К 100-летию основания Херсонского музея древностей). Ч. 2. Херсон, 1990. С. 29–31.
- Кошеленко Г. А.* О фронтальности в парфянском искусстве // Историко-археологический сборник. М., 1962. С. 135–146.
- Кошеленко Г. А.* Об одном свидетельстве Диодора о ранней истории Боспорского царства // Древнейшие государства Восточной Европы. 1996–1997. М., 1999. С. 130–141.
- Крадин Н. Н.* Кочевничество в цивилизационном и формационном развитии // Цивилизации. Вып. 3. М., 1995. С. 164–179.
- Крадин Н. Н.* Кочевые империи: генезис, расцвет, упадок // Восток. 2001. № 5. С. 21–32.
- Крадин Н. Н.* Кочевые общества (проблемы формационной характеристики). Владивосток, 1992.
- Крадин Н. Н.* Структура власти в государственных образованиях кочевников // Феномен восточного деспотизма. Структура управления и власти. М., 1993. С. 192–210.
- Крижицкий С. Д., Щеглов О. М.* Про зерновий потенціал античних держав Північного Причорномор'я // Археологія. 1991. № 1. С. 46–56.
- Кропоткин В. В.* Клады римских монет на территории СССР. М., 1961.
- Кругликова И. Т.* Боспор в позднеантичное время. М., 1966.
- Кругликова И. Т.* Киммерик в свете археологических исследований 1947–1951 гг. // МИА. 1958. № 58. С. 219–253.
- Кругликова И. Т.* Некрополь поселения у дер. Семеновка // СА. 1969. № 1. С. 98–119.
- Кругликова И. Т.* Поселение у деревни Ново-Отрадное // ДБ. 1998. Т. 1. С. 143–185.
- Кругликова И. Т.* Раскопки некрополя в районе Астраханской улицы в 1954–1964 гг. // Горгиппия. Т. II. Краснодар, 1982. С. 117–149.
- Кругликова И. Т.* Раскопки поселения «Андреевка Северная» // ДБ. 2000. № 3. С. 78–96.
- Кругликова И. Т.* Сельское хозяйство Боспора. М., 1975.
- Крушкол Ю. С.* Античное здание в районе Горгиппии // АИКСП. Л., 1968. С. 213–219.
- Крушкол Ю. С.* Клад бронзовых монет времени Митридата VIII из селения Сукко Анапского района // ВДИ. 1978. № 4. С. 61–63.
- Крушкол Ю. С.* Патрейский клад 1950 г. // КСИ-ИМК. 1956. Вып. 66. С. 116–117.
- Крушкол Ю. С.* Раскопки древнего Патрея в 1950 г. // ВДИ. 1951. № 2. С. 225–228.
- Крыганов А. В.* Налучья и их ношение раннесредневековыми кочевниками Евразии // Культуры евразийских степей второй половины I тысячелетия н. э. Самара, 1996. С. 344–352.

- Крыжицкий С. Д.* К вопросу об определении количества населения в греческом эллинистическом городе // Причерноморье в эпоху эллинизма: Мат-лы III Всесоюзного симпозиума по древней истории Причерноморья. Тбилиси, 1985. С. 91–102.
- Крыжицкий С. Д., Буйских С. Б., Бураков А. В., Отрешко В. М.* Сельская округа Ольвии. Киев, 1989.
- Крыкин С. М.* Фракийцы в античном Северном Причерноморье. М., 1993.
- Кубишев А. И., Покляцкий О. В., Симоненко О. В.* Про взаимовносины сарматів з населенням зарубинецької культури // Археологія. 1987. Вып. 58. С. 56–63.
- Кубланов М. М.* Итоги археологических разысканий в районе деревни Ивановки (Керченский полуостров) в 1947 г. // УЗЛПИ. 1948. Т. 68. С. 27–54.
- Кубланов М. М.* Новые погребальные сооружения Илурата // КСИА. 1979. № 159. С. 90–97.
- Кубланов М. М., Христановский В. А.* Некрополь Илурата: раскопки 1984–1988 гг. // Проблемы религиоведения и атеизма в музеях. Л., 1989. С. 6–42.
- Кузнецов В. Д.* Раскопки в Кепях 1984–1989 гг. // Очерки археологии и истории Боспора. М., 1992. С. 28–45.
- Кузнецов В. Д.* Уникальные открытия на Таманском полуострове // Вестник истории, литературы и искусства. Т. 1. М., 2005. С. 51–56.
- Кулаковский Ю.* Карта Европейской Сарматии по Птолемию. Киев, 1899.
- Кулаковский Ю.* Прошлое Тавриды. Киев, 1914.
- Кунина Н. З.* Античное стекло в собрании Эрмитажа. СПб., 1997.
- Кунина Н. З., Сорокина Н. П.* Стекланные бальзамарии Боспора // ТГЭ. 1972. Т. XIII. С. 146–177.
- Кушаев С. А.* Новые памятники железного века Западного Казахстана // КСИА. 1978. № 154. С. 76–89.
- Кызласов И. Л.* О происхождении стремян // СА. 1973. № 3. С. 24–36.
- Лавров В. В.* Готы и Боспор в III в. н. э. // Античный полис. Проблемы социально-политической организации и идеологии античного общества. СПб., 1995. С. 120–127.
- Лазаров Л.* О кельтском государстве с центром в Тиле при Каваре // ВДИ. 1996. № 1. С. 114–123.
- Ланцов С. Б.* Кутлакская крепость второй половины I в. до Р. Х. — I в. // Археология Крыма. Т. 1. Симферополь, 1999. С. 69–79.
- Ланцов С. Б., 1999.* Краткие сведения о боспорской крепости Кутлак-Афинеоне (?) псевдо-Арриана // ВДИ. 1999. № 1. С. 121–136.
- Ланцо-Данилевский А., Мальмберг В.* Курган Карагодеуашх // МАР. 1894. № 13.
- Латышев В. В.* Греческие и латинские надписи, найденные в южной России в 1901 г. // ИАК. 1902. Вып. 3. С. 21–57.
- Латышев В. В.* Краткий очерк истории Боспорского царства // ПОНТИКА. СПб., 1909. С. 359–370.
- Латышева В. А.* Литературные источники по истории Боспора рубежа нашей эры // Вопросы истории и археологии Боспора. Воронеж; Белгород. 1991. С. 37–52.
- Латышева В. А.* О роли Динамии в период правления на Боспоре Полемона // ВХУ. 1981. Вып. 214. С. 101–107.
- Ле Бозк Я.* Римская армия эпохи ранней империи. М., 2001.
- Лебедев Г. С.* Эпоха викингов в Северной Европе. Л., 1985.
- Левина Л. М.* Керамика и вопросы хронологии памятников джетысаарской культуры // Материальная культура народов Средней Азии и Казахстана. М., 1966. С. 45–90.
- Левина Л. М.* Памятники джетысаарской культуры сер. 1 тыс. до н. э. — сер. 1 тыс. н. э. // Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время. Археология СССР. М., 1992. С. 61–72.
- Левина Л. М.* Этнокультурная история Восточного Приаралья. М., 1996.
- Левченко Н. В.* Эпизод правления Савромата I // Древнейшие государства Восточной Европы. 1996–1997. М., 1999. С. 209–219.
- Лимберис Н. Ю., Марченко И. И.* Некоторые итоги исследования оборонительных сооружений Старокорсунского городища № 2 // Археология и этнография Северного Кавказа. Краснодар, 1998. С. 41–65.
- Лимберис Н. Ю., Марченко И. И.* Погребения VI–V вв. до н. э. из грунтовых могильников меотских городищ Правобережья Кубани // Материалы и исследования по археологии Кубани. Вып. 1. Краснодар, 2001. С. 32–123.
- Литвинский Б. А.* Бактрийцы на охоте // ЗВОРАО. 2002. Т. I (XXVI). С. 181–213.

- Литвинский Б. А.* Храм Окса в Бактрии. Т. 2: Бактрийское вооружение в древневосточном и греческом контексте. М., 2001.
- Ломоури Н.* К истории Понтийского царства. Тбилиси, 1979.
- Лушин Б.* Археологические находки 1935–1936 гг. в окрестностях станицы Тульской и Даховской близ Майкопа // ВДИ. 1939. № 3. С. 210–223.
- Мазетти К.* Война Дария I со скифами и вавилонская пророческая литература // ВДИ. 1982. № 3. С. 106–110.
- Максимова А. Г., Мерциев М. С., Вайнберг Б. И., Левина Л. М., 1968.* Древности Чардары (Археологические исследования в зоне Чардаринского водохранилища). Алма-Ата, 1968.
- Максимова М. И.* Античные города юго-восточного Причерноморья. М.; Л., 1956.
- Максимова М. И.* Заметки об Ахтанизовском кладе // КСИА. 1969. Вып. 116. С. 55–58.
- Малашев В. Ю.* Сарматы на колонне Траяна // Материальная культура Востока. Ч. I. М., 1988. С. 69–88.
- Малинова Р., Малина Я.* Прыжок в прошлое. М., 1988.
- Манцевич А.* Остатки бронзового щита из IV Семибратнего кургана // СГЭ. 1971. Вып. XXXII. С. 64–66.
- Манцевич А. П.* Кургan Солоха. Л., 1987.
- Манцевич А. П.* Открытие царской гробницы у деревни Вергина в Северной Греции (античная Македония) // ВДИ. 1980. № 3. С. 153–167.
- Маринович Л. П., Кошеленко Г. А.* О боспорских валах // ДБ. 2000. Т. 3. С. 131–135.
- Марков Г. Е.* Кочевники Азии. М., 1976.
- Марти Ю. Ю.* Городские крепостные стены Тиритак и прилегающий комплекс рыбозасолочных ванн // МИА. 1941. № 4. С. 11–24.
- Марченко И. Д.* Город Пантикапей. Симферополь, 1974.
- Марченко И. Д.* Литейная форма конца VI в. до н. э. из Пантикапея // КСИА. 1962. Вып. 89. С. 51–53.
- Марченко И. Д.* Позднеархаическая мастерская оружейника в Пантикапее // СА. 1971. № 2. С. 146–156.
- Марченко И. Д.* Раскопки восточного некрополя Фанагории в 1950–1951 гг. // МИА. 1956. № 57. С. 102–127.
- Марченко И. И.* Сираки Кубани (по материалам курганных погребений Нижней Кубани). Краснодар, 1996.
- Марченко К. К.* Боспорское поселение на Елизаветовском городище // Очерки археологии и истории Боспора. М., 1992. С. 174–186.
- Марченко К. К.* К проблеме греко-варварских контактов в Северо-Западном Причерноморье в V–IV вв. до н. э. (Сельские поселения Нижнего Побужья) // Stratum plus. 1999. 3. С. 145–172.
- Марченко К. К.* Модель греческой колонизации Нижнего Побужья // ВДИ. 1980. № 1. С. 131–143.
- Марченко К. К.* Третий период стабилизации в Северном Причерноморье античной эпохи // ВДИ. 1996. № 2. С. 70–80.
- Марченко К. К., Житников В. Г., Копылов В. П.* Елизаветовское городище на Дону. М., 2000.
- Марченко К. К., Житников В. Г., Яковенко Э. В.* Елизаветовское городище — греко-варварское торжище в дельте Дона // СА. 1988. № 3. С. 63–78.
- Маршак Б. И.* Искусство Согда. // Центральная Азия: Новые памятники письменности и искусства. М., 1987. С. 238–248.
- Масленников А. А.* Геракл Савромата II // Проблемы античной культуры. М., 1986. С. 175–183.
- Масленников А. А.* Греки и варвары на «границах» Боспора (Взгляд на проблему к концу тысячелетия) // Древнейшие государства Восточной Европы. 1996–1997. М., 1999. С. 170–192.
- Масленников А. А.* Грунтовые некрополи сельских поселений Караларского побережья (Восточный Крым) первых веков н. э. // БД. 2000. Т. 3. С. 136–200.
- Масленников А. А.* Древние земляные погранично-оборонительные сооружения Восточного Крыма. М., 2003.
- Масленников А. А.* Еще раз о боспорских валах // СА. 1983. № 3. С. 14–22.
- Масленников А. А.* Зенонов Херсонес — городок на Меотиде // Очерки археологии и истории Боспора. М., 1992. С. 120–173.
- Масленников А. А.* Исследования сельской территории европейского Боспора. Итоги и перспективы к концу века // РА. 1997. № 3. С. 60–70.
- Масленников А. А.* Население Боспорского государства в VI–I вв. до н. э. М., 1981.
- Масленников А. А.* Население Боспорского государства в первых веках н. э. М., 1990.
- Масленников А. А.* Новые материалы к истории военного дела античного Боспора // ВДИ. 1996. № 1. С. 68–79.

- Масленников А. А.* Полемон I на Боспоре. // БС. 1995. № 6. С. 158–167.
- Масленников А. А.* Эволюция организации сельской территории европейского Боспора // Археология. 1992а. № 2. С. 69–84.
- Масленников А. А.* Эллинская хора на краю Ойкумены. Сельская территория европейского Боспора в античную эпоху. М., 1998.
- Масленников А. А., Миляева Ю. В.* Кризисы и катастрофы в истории Боспора (к постановке проблемы) // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Периоды дестабилизаций и катастроф // Боспорские чтения. Вып. VI. Керчь, 2005. С. 191–203.
- Масленников А. А., Трейстер М. Ю.* Фрагмент аттического шлема из раскопок поселения на Чокракском мысу // Археология. 1997. № 1. С. 144–149.
- Масленников А. А., Чевелев О. Д.* Охранные раскопки на Новониколаевском городище // КСИА. 1983. 174. С. 91–95.
- Маслов В. Е.* О датировке изображений на поясных пластинах из Орлатского могильника. // Евразийские древности. М., 1999. С. 220–236.
- Матковская Т. А.* Мастерские надгробного рельефа Европейского Боспора I в. до н. э. — II в. н. э. // Археология и искусство Боспора. СГМИИ. Вып. 10. М., 1993. С. 387–407.
- Мацулевич Л. А.* Бляхи-обереги сарматского панциря // СГЭ. 1947. Вып. IV. С. 5–8.
- Мацулевич Л. А.* Кто был Каллисфен, названный в надписи, открытой в Керчи в 1894 г. // СА. 1941. VII. С. 61–80.
- Мачинский Д. А.* Некоторые проблемы этногеографии восточноевропейских степей во II в. до н. э. — I в. н. э. // АСГЭ. 1974. № 16. С. 122–132.
- Мачинский Д. А.* О времени первого активного выступления сарматов в Поднепровье по свидетельствам античных письменных источников // АСГЭ. 1971. Вып. 13. С. 30–54.
- Мелюкова А. И.* Античная письменная традиция о скифской непобедимости // КСИИМК. 1949. Вып. 30. С. 105–110/
- Мелюкова А. И.* Вооружение скифов. САИ. Д 1–4. М., 1964.
- Мелюкова А. И.* Оружие, конское снаряжение, повозки, наверхия // Археология СССР. Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время. М., 1989. С. 92–100.
- Могильников В. А.* Саргатская культура // Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время. Археология СССР. М., 1992а. С. 292–311.
- Могильников В. А.* Хунну Забайкалья // Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время. Археология СССР. М., 1992. С. 254–273.
- Мозолевський Б. М.* Товста Могила. Київ, 1979.
- Молев Е. А.* Археологические исследования Китая в 1970–1983 гг. // Археологические памятники Юго-Восточной Европы. Курск, 1985. С. 140–167.
- Молев Е. А.* Аспургиане у Страбона // Древности. Харьков, 1995а. С. 60–63.
- Молев Е. А.* Боспор в период эллинизма. Нижний Новгород, 1994.
- Молев Е. А.* Боспор и варвары Северного Причерноморья накануне похода Диофанта // Международные отношения в бассейне Черного моря в древности и средневековье. Ростов-на-Дону, 1986а. С. 54–64.
- Молев Е. А.* Боспорське місто Кітей IV–III ст. до н. э. (за матеріалами розкопок 1970–1981 рр.) // Археологія. 1986. 54. С. 34–46.
- Молев Е. А.* К вопросу об обстоятельствах прихода к власти на Боспоре Археанактидов // Из истории античного общества. Вып. 6. Нижний Новгород, 1999. С. 64–80.
- Молев Е. А.* Митридат Евпатор. Саратов, 1976.
- Молев Е. А.* О возможности персидского протектората над Боспором // Боспорский феномен. Колонизация региона, формирование полисов, образование государства. Ч. I. СПб., 2002. С. 29–33
- Молев Е. А.* О времени установления статуи Митридата Евпатора в Нимфее // Античный мир. Белгород, 1999б. С. 85–91.
- Молев Е. А.* Политическая история Боспора VI–IV вв. до н. э. Ниж. Новгород, 1997.
- Молев Е. А.* Правление Фарнака на Боспоре // Боспор Киммерийский, Понт и варварский мир в период античности и средневековья. Материалы III Боспорских чтений. Керчь, 2002а. С. 182–187.
- Молев Е. А.* Спарток и первые Спартокиды на Боспоре // АМА. 1999а. Вып. 10. С. 30–35.
- Молев Е. А.* Властитель Понта. Нижний Новгород, 1995.
- Моммзен Т.* История Рима. Т. II. От битвы при Пидне до смерти Суллы. СПб., 1994.

- Моммзен Т.* История Рима. Т. V. Провинции от Цезаря до Диоклетяна. СПб., 1995.
- Мошкова М. Г.* О раннесарматских втульчатых стрелах // КСИА. 1962. Вып. 89. С. 77–82.
- Мошкова М. Г.* Среднесарматская культура // Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время. Археология СССР. М., 1989. С. 177–191.
- На краю ойкумены. Греки и варвары на северном берегу Понта Эвксинского. Каталог выставки. М., 2002.
- Надэль Б.* Боспорская надпись IosPE II, 33 // ВДИ. 1948. № 3. С. 212–214.
- Неверов О. Я.* Античные инталии. Л., 1976.
- Неверов О. Я.* Итальянские геммы в некрополях северопонтийских городов // Из истории Северного Причерноморья в античную эпоху. Л., 1979. С. 104–115.
- Немировский А. И.* Митридат Евпатор, Боспор и восстание Савмака // Византиноведческие этюды. Тбилиси, 1978. С. 63–70.
- Нестеренко Н. Д.* Заметки по денежному обращению меди Боспора последней четверти II в. до н. э. // ВДИ. 1987. № 2. С. 74–84.
- Нестеренко Н. Д.* Клады Горгииппии // КСИА. 1981. Вып. 168. С. 85–87.
- Нефёдкин А. К.* Боевые колесницы и колесничие древних греков (XVI–I вв. до н. э.). СПб., 2001.
- Нефёдкин А. К.* Воины с тремя копьями на надгробиях I–II вв., или к вопросу о тактике боспорской пехоты // Боспорский феномен. Погребальные памятники и святилища. Ч. 1. СПб., 2002. С. 67–78.
- Нефёдкин А. К.* Изучение феномена фаланги в историографии новейшего времени // Мнемон. 2004. Вып. 3. С. 453–464.
- Нефёдкин А. К.* Кампания Арриана по отражению аланского набега на Каппадокию в 135 г. // Stratum plus. 1999. № 3. С. 173–188.
- Нефёдкин А. К.* Развитие древнегреческого лоха // Para bellum. Военно-историческое обозрение. 1998. № 5. С. 24–31.
- Нефёдкин А. К.* Рец.: M. Mielczarek. The Army of the Bosporan Kingdom / Translated by N.V. Secunda (Studies in the History of Ancient and Medieval Art of Warfare. Vol. IV). Lodz: Oficyna Naukowa. 1999. 103 p. + XXV pl. // ВДИ. 2002a. № 3. С. 217–219.
- Нефёдкин В. П.* К вопросу об интерпретации изображения воина на одной стеле из Керчи // Боспорский феномен: проблемы хронологии и датировки памятников. Ч. 1. СПб., 2004a. С. 225–231.
- Никонов В. П.* К вопросу о седлах парфянской кавалерии // Военное дело номадов Северной и Центральной Азии. Новосибирск, 2002. С. 21–27.
- Никонов В. П., Худяков Ю. С.* Изображения воинов из Орлатского могильника. // Евразия: культурное наследие древних цивилизаций. Вып. 2: Горизонты Евразии. Новосибирск, 1999. С. 141–154.
- Новиченкова Н. Г.* О контактах населения Горного Крыма с Боспором по материалам святилища у перевала Гурзуфское седло // БС. 1994. № 4. С. 54–59.
- Новиченкова Н. Г.* Римское военное снаряжение из святилища у перевала Гурзуфское седло // ВДИ. 1998. № 2. С. 51–67.
- Новиченкова Н. Г.* Устройство и обрядность святилища у перевала Гурзуфское седло. Ялта, 2002.
- Новосадский Н. И.* Последние годы борьбы Митридата с Римом // Труды секции археологии РАН ИИОН. 1928. Вып. IV. С. 345–356.
- Овчаров Д., Овчаров Н.* Мраморная колонка III в. с надписью на латинском языке из Преслава // Thracia. 1988. Т. 8. С. 122–129.
- Ольховский В. С.* Рельеф с поселения Юбилейное I: этнографические и фольклорные реалии // Боспорский рельеф со сценой сражения (Амазономахия?). М.; СПб., 2001. С. 144–181.
- Онайко Н. А.* Архаический Торик. Архаический город на северо-востоке Понта. М., 1980.
- Онайко Н. А.* О центрах производства золотых обкладок ножен и рукояток ранних скифских мечей, найденных в Приднестровье // Культура античного мира. М., 1966. С. 159–176.
- Онайко Н. А.* Эллинистическое здание Раевского городища и его место в архитектуре Боспора // СА. 1967. № 2. С. 155–168.
- Онайко Н. А.* Юго-восточная окраина Боспора. Раевское городище, Торик // АГСП. 1984. С. 91–93.
- Онайко Н. А., Дмитриев А. В.* Сторожевые посты в окрестностях Бат и некоторые вопросы социально-экономической и политической истории юго-восточной окраины Боспора на рубеже нашей эры // ВДИ. 1982. № 2. С. 106–121.

- Онайко Н. А., Дмитриев А. В.* Укрепленное здание в античном поселении у с. Владимировка близ Новороссийска // КСИА. 1981. Вып. 168. С. 93–100.
- Орешиников А. В.* К нумизматике преемников Аспурга // ИРАИМК. 1921. Т. 1. С. 1–8.
- Отчет Императорской Археологической комиссии за 1891 г. СПб., 1891.
- Охотников С. Б.* Нижнее Поднестровье в VI–V вв. до н. э. Киев, 1990.
- Панов А. Р.* Политика Калигулы на Боспоре // Из истории античного общества. 2007. Вып. 9–10. С. 157–165.
- Панов А. Р.* Поход Полемона I на Боспор: проблемы интерпретации источников // АМА. 2002. Вып. 11. С. 106–108.
- Паромов Я. М.* К вопросу о пространственном размещении крепостей Фонталовского полуострова // ДБ. 2003. Т. 6. С. 95–103.
- Паромов Я. М.* Принципы изучения эволюции системы расселения на Таманском полуострове в античное и средневековое время // Древние памятники Кубани. Краснодар, 1990. С. 56–69.
- Паромов Я. М.* Укрепленные дома Азиатского Боспора // Боспорский феномен: колонизация региона, формирование полисов, образование государства. СПб., 2001. Т. I. С. 79–85.
- Парфенов В. Н.* Император Цезарь Август: армия, война, политика. СПб., 2001.
- Парфенов В. Н.* Флавий и Боспор. К вопросу о римском либерализме // Из истории античного общества. 2007. Вып. 9–10. С. 157–165.
- Первалов С. М.* «Тактика» Арриана: военный опыт народов Кавказа и Восточной Европы глазами греческого философа и римского офицера // Древнейшие государства Восточной Европы. 1996–1997. М., 1999. С. 283–315.
- Первалов С. М.* Статья римским полководцем, читая греков // ПИФК. 1999а. Вып. VIII. С. 145–153.
- Переводчикова Е. В., Фирсов К. Б.* К реконструкции убора коней из кургана Козел // Древности Евразии: от ранней бронзы до раннего средневековья. Памяти В. С. Ольховского. М., 2005. С. 394–406.
- Перици А. И.* Война и мир на пороге цивилизации. Кочевые скотоводы // Война и мир в ранней истории человечества. Т. II. М., 1994. С. 129–244.
- Перици А. И.* Данничество. М., 1973.
- Петерс Б. Г.* Военное дело // Археология СССР. Античные государства Северного Причерноморья. М., 1984. С. 187–197.
- Петерс Б. Г.* Исследования нижнего слоя Патрея // Проблемы исследования античных городов. Тезисы. М., 1989. С. 96–97.
- Петерс Б. Г.* Михайловское городище античного времени // Проблемы советской археологии. М., 1978. С. 112–127.
- Петерс Б. Г.* Морское дело в античных государствах Северного Причерноморья. М., 1982.
- Петерс Б. Г.* Терракоты из городища у с. Михайловка // Терракоты Северного Причерноморья. САИ. 1970. Вып. Г1–11. С. 112–114.
- Петрова Э. Б.* Античная Феодосия. История и культура. Симферополь, 2000.
- Петрова Э. Б.* Царские наместники Феодосии в первых веках н. э. // АМА. 2002. Вып. 11. С. 39–41.
- Пилипко В. Н.* Старая Ниса: Здание с квадратным залом. М., 1996.
- Писаревский Н. П.* Морской флот античных государств Северного Причерноморья. Автореф. дис... д-ра ист. наук. Воронеж, 2001.
- Плетнева С. А.* Кочевники средневековья. Поиски исторических закономерностей. М., 1982.
- Плетнева С. А.* О построении кочевнического лагеря-вежи // СА. 1964. № 3. С. 133–140.
- Плетнева С. А.* Половцы. М., 1990.
- Полин С. В.* О походе Дария в причерноморскую Скифию // Древности скифов. Киев, 1994. С. 86–102.
- Полин С. В.* О хронологии раннескифской культуры (по И. Н. Медведской) // РА. 1998. № 4. С. 50–63.
- Полин С. В.* От Скифии к Сарматии. Киев, 1992.
- Полин С. В., Симоненко А. В.* Раннесарматские погребения Северного Причерноморья // Исследования по археологии Поднепровья. Днепропетровск, 1990. С. 76–95.
- Полосьмак Н. В.* Всадники Уюка. Новосибирск, 2001.
- Пругло В. И.* Восточные кварталы Мирмекия // ЗОАО. 1960. I (34). С. 266–274.
- Пругло В. И.* Позднеэллинистические боспорские терракоты, изображающие воинов // Культура античного мира. М., 1966. С. 205–213.
- Пугаченкова Г. А.* О панцирном вооружении парфянского и бактрийского воинства // ВДИ. 1966. № 2. С. 188–213.

- Пугаченкова Г. А.* Скульптура Халчаяна. М., 1971.
- Пуздровский А. Е.* О скифо-херсонесских конфликтах III–II вв. до н. э. // Античные полисы и местное население Причерноморья. Севастополь, 1995. С. 142–146.
- Пуздровский А. Е.* Очерк этносоциальной истории Крымской Скифии во II в. до н. э. — III в. н. э. // ВДИ. 1999. № 4. С. 97–119.
- Пуздровский А. Е.* Политическая история Крымской Скифии во II в. до н. э. — III вв. н. э. // ВДИ. 2001а. № 3. С. 86–118.
- Пуздровский А. Е.* Римско-боспорская война и этнополитическая ситуация в Крымской Скифии в середине I в. н. э. // Боспорский феномен: колонизация региона, формирование полисов, образование государства. Ч. 2. СПб., 2001. С. 212–217.
- Пуздровский А. Е.* Сарматы в Крыму // Проблемы истории Крыма. Вып. 1. Симферополь, 1991. С. 100–101.
- Рабинович Б. З.* Шлемы скифского периода // Труды Отдела истории первобытной культуры Гос. Эрмитажа. 1941. Т. I. С. 99–171.
- Раев Б. А., Симоненко А. В., Трейстер М. Ю.* Этнорусско-италийские и кельтские шлемы в Восточной Европе // Древние памятники Кубани. Краснодар, 1990. С. 117–135.
- Раевский Д. С.* К истории греко-скифских отношений (II в. до н. э. — II в. н. э.) // ВДИ. 1973. № 2. С. 110–119.
- Раевский Д. С.* Скифы и сарматы в Неаполе Скифском. // Проблемы скифской археологии. МИА. 1971. № 177. М. С. 143–151.
- Разин Е. А.* История военного искусства. Т. 1. М., 1955.
- Ременников А. М.* Борьба племен Подунавья и Северного Причерноморья с Римом в 275–279 гг. // ВДИ. 1964. № 4.
- Ременников А. М.* Борьба племен Северного Причерноморья с Римом в III веке. М., 1954.
- Риджвей Б. С.* Стела из Музея изобразительных искусств, найденная на Тамани // Таманский рельеф. М., 1999. С. 47–58.
- Рогов Е. Я.* Укрепленные поселения Таманского полуострова // Боспорский феномен: греческая культура на периферии античного мира. СПб., 1999. С. 153–157.
- Ростовцев М. И.* Амага и Тиргатао // ЗООИД. 1915. Вып. 32. С. 58–77.
- Ростовцев М. И.* Античная декоративная живопись на юге России. СПб., 1913.
- Ростовцев М. И.* Бронзовый бюст боспорской царицы и история Боспора в эпоху Августа // Древности. 1916. Т. XXV. М. С. 1–31.
- Ростовцев М. И.* Военная оккупация Ольвии римлянами // ИАК. 1915а. Вып. 58. С. 1–16.
- Ростовцев М. И.* Государство и культура Боспорского царства: 2. Государство и социальный строй эпохи римского протектората // ВДИ. 1989. № 3. С. 184–203.
- Ростовцев М. И.* Государство и культура Боспорского царства: 2. Государство и социальный строй эпохи римского протектората // ВДИ. 1989а. № 4. С. 124–133.
- Ростовцев М. И.* Государство и культура Боспорского царства: 2. Государство и социальный строй эпохи римского протектората // ВДИ. 1990. № 1. С. 175–183.
- Ростовцев М. И.* К истории Херсонеса в эпоху ранней Римской империи // Сб. статей в честь гр. П. С. Уваровой. Древности. Т. XXVI. М., 1916а. С. 5–16.
- Ростовцев М. И.* Классические и скифские древности северного побережья Черного моря // ПАВ. 1993. № 5. С. 25–38.
- Ростовцев М. И.* Курганные находки Оренбургской области эпохи раннего и позднего эллинизма // МАР. 1918а. № 37.
- Ростовцев М. И.* Новые латинские надписи из Херсонеса // ИАК. 1907. Вып. 23. С. 1–20.
- Ростовцев М. И.* Понт, Вифиния и Боспор // Русский исторический журнал. 1917. № 1–2. С. 111–130.
- Ростовцев М. И.* Римские гарнизоны на Таврическом полуострове и Ай-Тодорская крепость // ЖМНП. 1900. № 3. С. 140–158.
- Ростовцев М. И.* Сарматы // ПАВ. 1993а. № 5. С. 91–97.
- Ростовцев М. И.* Святылище фракийских богов и надписи бенефициариев в Ай-Тодоре // ИАК. 1911. Вып. 40. С. 1–42.
- Ростовцев М. И.* Средняя Азия, Россия, Китай и звериный стиль // ПАВ. 1993б. № 5. С. 57–75.
- Ростовцев М. И.* Страбон как источник для истории Боспора // Сборник статей в честь В. П. Бузескула. Харьков, 1914. С. 366–380.
- Ростовцев М. И.* Эллинизм и иранство на юге России. Пг. 1918.
- Рубан В. В.* Керамика Ягорлыцкого поселения из собраний Херсонского музея // СА. 1983. № 1. С. 285–290.

- Рубцов С. М.* Легионы Рима на Нижнем Дунае. Военная история римско-дакийских войн. СПб.; М., 2003.
- Руденко С. И.* Горноалтайские находки и скифы. М.; Л., 1952.
- Руденко С. И.* Культура хуннов и ноинулинские курганы. М.; Л., 1962.
- Руденко С. И.* Сибирская коллекция Петра I // САИ. 1962а. Вып. ДЗ–9.
- Русяева А. С., Назаров В. В.* Фрагмент щита из ольвии // ВДИ. 1994. № 1. С. 45–52.
- Русяева А. С., Супруненко А. Б.* Исторические личности эллино-скифской эпохи. Киев, 2003.
- Савинов Д. Г.* Новые материалы по истории сложного лука и некоторые вопросы его эволюции в Южной Сибири // Военное дело древних племен Сибири и Центральной Азии. Новосибирск, 1981. С. 146–162.
- Савостина Е. А.* Многоярусные стелы Боспора: семантика и структура // Археология и искусство Боспора // СГМИИ. 1992. Вып. 10. С. 357–386.
- Сазонов А. А.* Могильник первых веков нашей эры близ хутора Городского // Вопросы археологии Адыгеи. Майкоп, 1992. С. 244–274.
- Сазонов А. А., Спасовский Ю. Н., Сахтарьек З. Н., Тов А. А.* Новые материалы могильника первых веков нашей эры близ хутора Городского // Археология Адыгеи. Майкоп, 1995. С. 113–137.
- Салов А. И.* Архаическое поселение на месте Анапы // Проблемы античной культуры. М., 1986. С. 188–195.
- Салов А. И.* Клад боспорских монет из поселения Виноградного // НЭ. 1974. XI. С. 94–98.
- Самойлова Т. Л.* Поход Зопириона в Северо-Западное Причерноморье // Древности причерноморских степей. Киев, 1993. С. 46–51.
- Сапрыкин С. Ю., Баранов И. А.* Грецкий надпись из Судака // Археология. 1995. № 2. С. 137–140.
- Сапрыкин С. Ю.* Аспург, царь Боспора // ДБ. 2002а. Т. 5. С. 207–223.
- Сапрыкин С. Ю.* Аспургiane // СА. 1985. № 2. С. 65–78.
- Сапрыкин С. Ю.* Боспорское царство на рубеже двух эпох. М., 2002.
- Сапрыкин С. Ю.* Боспорское царство: от тирании к эллинистической монархии // ВДИ. 2003. № 3. С. 11–35.
- Сапрыкин С. Ю.* Был ли на Боспоре храм Асклепия? // Северное Причерноморье в античное время. 2002б. С. 186–190.
- Сапрыкин С. Ю.* Гераклея Понтийская и Херсонес Таврический. Взаимоотношения метрополии и колонии в VI–I вв. до н. э. М., 1986.
- Сапрыкин С. Ю.* Женщины-правительницы Понта и Боспорского царства (Динамия, Пифодорида, Антония Трифена) // Женщина в античном мире. М., 1995. С. 181–203.
- Сапрыкин С. Ю.* Из истории Понтийского царства Полемонидов (по данным эпиграфики) // ВДИ. 1993. № 2. С. 25–38.
- Сапрыкин С. Ю.* Митридатовские традиции в политике Боспора на рубеже нашей эры (время Фарнака и Асандра) // Античность и варварский мир. Орджоникидзе, 1985а. С. 63–86.
- Сапрыкин С. Ю.* Неопубликованная эпитафия из Горгиппии // ВДИ. 2001. № 1. С. 190–194.
- Сапрыкин С. Ю.* Плиний Младший и Северное Причерноморье // ВДИ. 1998. № 1. С. 191–204.
- Сапрыкин С. Ю.* Понтийское царство. Государство греков и варваров в Причерноморье. М., 1996.
- Сапрыкин С. Ю.* Уникальный статур боспорской царицы Динамии // СА. 1990. № 3. С. 204–214.
- Сапрыкин С. Ю.* Царь Савромат I Боспорский // Античность: история и историки. Казань, 1997. С. 89–94.
- Сапрыкин С. Ю.* Энкомий из Пантикапея и положение Боспорского царства в конце I — начале II в. н. э. // ВДИ. 2005. № 2. С. 45–81.
- Сапрыкин С. Ю., Масленников А. А.* Греческие надписи с мыса Зюк // ДБ. 1999. Т. 2. С. 193–202.
- Сарианиди В. И.* Храм и некрополь Тилля тепе. М., 1989.
- Сарновский Т.* О Боспорской войне в конце II в. н. э. // Sarnovsky T., Saleva O. Балаклава. Римская военная база и святилище Юпитера Долихена. Warschau, 2000. С. 246–248.
- Семенов Ю. И.* Война и мир в земледельческих предклассовых и ранних классовых обществах // Война и мир в ранней истории человечества. Ч. II. М., 1994. С. 7–127.
- Сергеев Г. П.* Олонештский античный клад // ВДИ. 1966. № 2. С. 132–142.
- Сидоренко В. А.* Высшие воинские должности на Боспоре во II — начале IV вв. н. э. (по материалам эпиграфики) // Боспорские исследования. Вып. I. Керчь, 2001. С. 137–146.

- Сидорова Н. А.* Новые открытия в области античного искусства. М., 1965.
- Силантьева Л. Ф.* Некрополь Нимфея // МИА. 1959. № 69. С. 5–107.
- Симоненко А. В.* «Сарматская посадка» — историческая реальность или исторический миф? // Третья Кубанская археологическая конференция. Краснодар-Анапа, 2001. С. 161–166.
- Симоненко А. В.* Военное дело населения степного Причерноморья в III до н. э. — III в. н. э.: Дис. ... канд. ист. наук. Киев, 1986.
- Симоненко А. В.* Импортное оружие у сарматов // Кочевники евразийских степей и античный мир (проблемы контактов). Новочеркасск, 1989. С. 56–73.
- Симоненко А. В.* Некоторые дискуссионные вопросы современного сарматоведения // ВДИ. 2002. № 1. С. 107–121.
- Симоненко А. В.* Сарматские мечи и кинжалы на территории Северного Причерноморья // Вооружение скифов и сарматов. Киев, 1984. С. 129–147.
- Симоненко О. В.* Ранньосарматський період у Північному Причорномор'ї // Археологія. 1994. № 1. С. 32–48.
- Симоненко, Лобай.* Сарматы Северо-Западного Причерноморья в I в. н. э. (погребения знати у с. Пороги). Киев, 1991.
- Скржинская М. В.* Награды граждан античных городов Северного Причерноморья // ВДИ. 2003. № 4. С. 89–101.
- Скржинская М. В.* Северное Причерноморье в описании Плиния Старшего. Киев, 1977.
- Скрипкин А. С.* Этюды по истории и культуре сарматов. Волгоград, 1997.
- Скудная В. М.* Два клада монет из Нимфея // ВДИ. 1950. № 4. С. 78–81.
- Смекалова Т. Н.* Боспор в сфере влияния Римской империи (по данным о составе монетных сплавов) // ДБ. 2001. Т. 4. С. 324–349.
- Смекалова Т. Н., Дюков Ю. Л.* Монетные сплавы государств Причерноморья. Боспор, Ольвия, Тира. СПб., 2001.
- Смирнов К. Ф.* Вооружение савроматов // МИА. 1961. № 101.
- Смирнов К. Ф.* Меотский могильник у станции Пашковской // МИА. 1958. № 64. С. 272–312.
- Смирнов К. Ф.* О мечях синдо-меотского типа // КСИА. 1980. Вып. 162. С. 38–45.
- Смирнов К. Ф.* Сарматские курганные погребения в степях Поволжья и Южного Приуралья // Доклады и сообщения исторического факультета МГУ. 1947. Вып. 5. С. 75–82.
- Смирнов К. Ф.* Сарматские племена Северного Прикаспия // КСИА. 1950. Вып. 34. С. 97–114.
- Смирнова Н. В.* Надгробия членов пантикапейских синодов // Боспорский феномен: погребальные памятники и святилища. Ч. 1. СПб., 2002. С. 62–67.
- Смирнова Н. В.* Частные микросообщества Боспора: полтора века исторического поиска // ПИФК. 2001. Вып. X. С. 252–267.
- Смышляев А. Л.* Карьера, миссия и статус Тита Аврелия Кальпурния Аполлонида // ВДИ. 1996. № 3. С. 141–147.
- Соколов Г. И.* Античное Причерноморье. Л., 1973.
- Соколов Г. И.* Фанагорийский известняковый шлем // СА. 1972. № 2. С. 184–191.
- Соколова О. Ю., Павличенко Н. А.* Новая посвятельная надпись из Нимфея // Hyperboreus. Vol. 8. Fasc. 1. С. 99–121.
- Сокольский Н. И.* Боспорские мечи // МИА. 1954. № 33. С. 123–196.
- Сокольский Н. И.* Валы в системе обороны Боспора Киммерийского // СА. 1957. XXVII. С. 91–106.
- Сокольский Н. И.* Военное дело Боспора. Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. М., 1954.
- Сокольский Н. И.* Деревообрабатывающее ремесло в античных государствах Северного Причерноморья. М., 1971.
- Сокольский Н. И.* К вопросу о наемниках на Боспоре в IV–III вв. до н. э. // СА. 1958. XXVIII. С. 298–307.
- Сокольский Н. И.* К истории северо-западной части Таманского полуострова в античную эпоху // Acta antiqua Philippopolitana. Studia archeologica. Sophia, 1963. С. 19–28.
- Сокольский Н. И.* Каменные ядра из Пантикапея // МИА. 1962. № 103. С. 241–249.
- Сокольский Н. И.* Крепость аспургиан на Боспоре // КСИА. 1975. Вып. 143. С. 21–30.
- Сокольский Н. И.* Крепость на городище у хутора Батарейка I // СА. 1963а. № 1. С. 179–191.
- Сокольский Н. И.* Новые памятники синдской скульптуры // КСИА. 1965. Вып. 100. С. 86–96.
- Сокольский Н. И.* О боспорских щитах // КСИ-ИМК. 1955. Вып. 58. С. 14–25.
- Сокольский Н. И.* Таманский толос и резиденция Хрисалиска. М., 1976.

- Соловьев С. Л., Бутягин А. М. Архаические комплексы поселения Волна 1 в окрестностях Гермоначасы // Тамарская старина. Вып. 4. СПб., 2002. С. 69–80.
- Соломоник Э. И. Каменная летопись Херсонеса. Симферополь, 1990.
- Сон Н. А., Назаров В. В. Знахідкі римської зброї в Тірі та Ольвії // Археологія. 1993. № 1. С. 121–124.
- Сонова Н. К. К вопросу об установлении династии Спартокидов на Боспоре // Ученые записки МОПИ. 1971. Т. 288. Вып. 13. С. 40–56.
- Сонова Н. К. Правление Аспурга на Боспоре в освещении русской дореволюционной и советской историографии // Вопросы истории и археологии Боспора. Воронеж; Белгород, 1991. С. 112–123.
- Сорокина Н. П. Новые данные по истории архитектурного ансамбля эпохи эллинизма на азиатском Боспоре // Причерноморье в эпоху эллинизма. Тбилиси, 1985. С. 374–382.
- Сорокина Н. П. Тузлинский некрополь. Труды ГИМ «Памятники культуры». 1957. Вып. 26.
- Спицын А. А. Фалары южной России // ИАК. 1909. Вып. 29. С. 18–53.
- Стасов В. В. Катакомба с фресками, найденная в 1872 г. близ Керчи // Соч. Т. 1. СПб., 1894. С. 214–290.
- Степанова Е. В. Боспорские седла // Боспорский феномен: проблемы хронологии и датировки памятников. Ч. 1. СПб., 2004. С. 231–246.
- Стринггольм А. М. Походы викингов, государственное устройство, нравы и обычаи древних скандинавов. Ч. 1. М., 1861.
- Струве В. В. Древнейший историк СССР // Струве В. В. Этюды по истории Северного Причерноморья, Кавказа и Средней Азии. Л., 1968. С. 147–200.
- Сударев Н. И. Две находки римского времени из г. Сочи // Древности Северного Кавказа. М., 1991.
- Суриков И. Е. Историко-географические проблемы Понтийской экспедиции Перикла // ВДИ. 1999. № 2. С. 98–114.
- Схатум Р. Б. Из истории военного дела предков адыгов. Краснодар, 2001.
- Толочко И. В. Некрополь Танаиса I–III вв. н. э. // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья: Мат-лы IV Боспорских чтений. Керчь, 2003. С. 248–258.
- Толстиков В. П. Археологические открытия на акрополе Пантикапея и проблемы боспорских отношений в VI–V вв. до н. э. // Боспорский феномен. Колонизация региона, формирование полисов, образование государства: Мат-лы междунар. науч. конф. Ч. I. СПб., 2001. С. 45–57.
- Толстиков В. П. К вопросу об оборонительных сооружениях акрополя Пантикапея в IV–I вв. до н. э. // ВДИ. 1977. № 3. С. 156–167.
- Толстиков В. П. К проблеме образования Боспорского государства (Опыт реконструкции военно-политической ситуации на Боспоре в конце VI — первой половине V вв. до н. э.) // ВДИ. 1984. № 3. С. 24–59.
- Толстиков В. П. Костюм и вооружение на Таманской стеле с воинами // Таманский рельеф. М., 1999. С. 122–137.
- Толстиков В. П. Надгробие воина из Ахтанизовского лимана // ВДИ. 1976. № 1. С. 80–90.
- Толстиков В. П. Неизвестные страницы истории Боспорского царства // СГМИИ. 1992а. Вып. 10. С. 41–65.
- Толстиков В. П. О системе обороны акрополя Пантикапея // СГМИИ. 1984а. Вып. 7. С. 28–56.
- Толстиков В. П. Пантикапей — столица Боспора // Очерки археологии и истории Боспора. М., 1992. С. 45–99.
- Толстиков В. П. Святылище на акрополе Пантикапея // ВДИ. 1987. № 1. С. 88–112.
- Толстиков В. П. Фонталовский укрепленный район в истории Боспорского царства // Археология. 1989. № 1. С. 52–65.
- Толстиков В. П. Фортификация античного Боспора. Автореф. ... дис. ... канд. ист. наук. М., 1981.
- Толстиков В. П. Эллинистические элементы в фортификационных системах Боспора // Причерноморье в эпоху эллинизма. Тбилиси, 1985. С. 352–365.
- Толстиков В. П., Журавлев Д. В., Ломтадзе Г. А., Многокамерные строительные комплексы в системе застройки акрополя Пантикапея VI–V вв. до н. э. // ДБ. 2003. 6. С. 307–350.
- Толстой И., Кондаков Н. Русские древности в памятниках искусства. Вып. I. СПб., 1889.
- Тохтасьев С. Р. Боспор и Синдика в эпоху Левкона I (Обзор новых эпиграфических публикаций) // ВДИ. 2004. № 3. С. 144–180.
- Тохтасьев С. Р. Еще раз о синдских монетах и синдском царстве // Боспорский феномен: ко-

- лонизация региона, формирование полисов, образование государства: Мат-лы Междунар. науч. конф. Ч. I. СПб., 2001. С. 63–79.
- Тохтасьев С. Р.* К чтению и интерпретации почитательной надписи Левкона I с Семибратнего городища // *Hypoboreus*. 1998. Vol. 4. Fasc. 2. С. 286–301.
- Тохтасьев С. Р.* Происхождение титулатуры Спартокидов // *Боспор Киммерийский и Понт в период античности и средневековья: Мат-лы II Боспорских чтений*. Керчь, 2001а. С. 161–164.
- Треболева Г. В.* Структура боспорской армии в первые века нашей эры // *ПИФК*. 2002. Вып. XII. С. 311–316.
- Треболева Г. В.* Типы оборонительных сооружений на Боспоре в первые века нашей эры // *ПИФК*. 2001. Вып. XI. С. 128–137.
- Трейстер М. Ю.* Бронзовый нагрудник панциря с изображением головы Медузы из кургана № 6/1914-1915 у ст. Елизаветинской в Прикубанье // *Боспорские чтения*. Вып. IX. Керчь, 2008. С. 269–278.
- Трейстер М. Ю.* Бронзолитейное ремесло Боспора // *Сообщения ГМИИ*. 1992. Вып. 10. С. 66–110.
- Трейстер М. Ю.* Бронзолитейное ремесло Боспора VI–V вв. до н. э. // *Eirene*. 1988. XXV. S. 45–67.
- Трейстер М. Ю.* Ионийские ремесленники — скифам // *ВДИ*. 1998. № 4. С. 130–141.
- Трейстер М. Ю.* К находкам металлических деталей римского военного снаряжения и конской сбруи в Северном Причерноморье // *РА*. 2000. № 2. С. 156–163.
- Трейстер М. Ю.* Кельты у Північному Причорномор'ї // *Археологія*. 1992а. № 2. С. 37–50.
- Трейстер М. Ю.* Римляне в Пантикапее. // *ВДИ*. 1993. № 2. С. 51–73.
- Трейстер М. Ю.* Сарматская школа художественной торевтики (к открытию сервиза из Косики) // *ВДИ*. 1994. № 1. С. 172–203.
- Туаллагов А. А.* К вопросу об аланских катафрактариях // *Третья Кубанская археологическая конференция*. Краснодар-Анапа, 2001. С. 194–200.
- Туаллагов А. А.* Катафрактарии и Боспор // *Боспорский феномен: проблемы хронологии и датировки памятников*. СПб., 2004. С. 276–285.
- Тункина И. В.* К истории открытия Н. Ю. Паганиоти в 1821 г. близ Керчи // *Боспорский феномен: колонизация региона, формирование полисов, образование государства. Материалы Международной научной конференции*. Ч. II. СПб., 2001. С. 279–287.
- Тункина И. В.* О судьбе рукописного наследия Павла Дюбрюкса // *Боспорский феномен: греческая культура на периферии античного мира*. СПб., 1999. С. 8–34.
- Тункина И. В.* Русская наука о классических древностях юга России (XVIII — середина XIX в.). СПб., 2002.
- Устинова В. О.* Аспург та аспургіани. // *Вісник Харківського університету*. 1969. № 35. С. 62–71.
- Фармаковский Б. В.* Раскопки в Ольвии в 1902–1903 гг. // *ИАК*. 1906. Вып. 13. С. 1–306.
- Фокеев М. М.* Проблемы оседания сарматов Днестровско-Прутского междуречья // *Проблемы скифо-сарматской археологии Северного Причерноморья (К 100-летию Б. Н. Гракова)*. Запорожье. 1999. С. 259–262.
- Фрибус Т. Ю.* Клавдии глазами римлян и варваров // *АМА*. 2002. Вып. 11. С. 117–123.
- Фролова Н. А.* Боспор и Рим в конце I — начале II вв. н. э. по нумизматическим данным // *ВДИ*. 1968. № 2. С. 133–144.
- Фролова Н. А.* К вопросу о начале правления Аспурга на Боспоре // *ВДИ*. 1979. № 1. С. 139–144.
- Фролова Н. А.* Клад боспорских монет конца III–II вв. до н. э. (Керчь, 1996 г.) // *Шестая Всероссийская нумизматическая конференция: Тезисы докладов и сообщений*. СПб., 1998. С. 23–26.
- Фролова Н. А.* Монетное дело Боспора. Ч. I–II. М., 1997.
- Фролова Н. А.* Монетное дело Рескупорида II // *НЭ*. 1968. Т. VII. С. 43–67.
- Фролова Н. А.* Монетное дело Рескупорида III (211–226 гг. н. э.) // *НЭ*. 1980. Т. XIII. С. 13–37.
- Фролова Н. А.* О времени правления Гепеирии и Митридата III // *ВДИ*. 1977а. № 3. С. 166–174.
- Фролова Н. А.* О времени правления Динамии // *СА*. 1978. № 2. С. 51–60.
- Фролова Н. А.* О причинах реформы денежного обращения на Боспоре в правление Савромата II // *НС*. 1977. Ч. 5. Вып. 1. С. 150–180.
- Фролова Н. А.* О римско-боспорских отношениях в I — середине III в. н. э. по нумизматическим данным // *Нумизматика античного Причерноморья*. Киев, 1982. С. 55–63.

- Фролова Н. А.* Об изображении шита и меча на одном типе монет Левкона II // ПИФК. 1999. Вып. VII. С. 310–325.
- Фролова Н. А., Савостина Е. А.* Находки под стенами боспорской усадьбы: клад или строительная жертва? // РА. 1998. № 1. С. 140–153.
- Фролова Н. А., Шургая И. Г.* Илуратский клад монет Рискупорида V // ВДИ. 1982. № 1. С. 91–97.
- Функ Б.* Проримская ориентация в титулатуре боспорских царей // Этюды по античной истории и культуре Северного Причерноморья. СПб., 1992. С. 74–93.
- Хабдулина М. К.* Хронология наконечников стрел раннего железного века Северного Кавказа // Кочевники уральско-казахстанских степей. Екатеринбург, 1993. С. 24–43.
- Хазанов А. М.* Катафрактары и их роль в истории военного искусства // ВДИ. № 1. С. 180–191.
- Хазанов А. М.* Некоторые спорные вопросы истории сложных луков // СА. 1970. № 2. С. 273–276.
- Хазанов А. М.* Сложные луки евразийских степей и Ирана в скифо-сарматскую эпоху // Материальная культура народов Средней Азии и Казахстана. М., 1966. С. 29–44.
- Хазанов А. М.,* Очерки военного дела сарматов. М., 1971.
- Хайнен Х.* Митридат VI Евпатор и народы Северного Причерноморья // Археология. 1993. № 4. С. 24–31.
- Харко А. П.* Монеты из раскопок Тиритаки и Мирмекия в 1935–1940 гг. // МИА. 1952. № 25. С. 357–362.
- Харко Л. П.* Фрагмент фриза с изображением гигантов из станицы Таманской // СА. 1941. VII. С. 81–93.
- Храпунов И. Н., Мульд С. А.* Катакомбы из могильников Фонтаны и Левадки в связи с происхождением позднескифской культуры // ПИФК. 2004. Вып. XIV. С. 239–269.
- Хриановский В. А.* Погребение военачальника боспорского царя Митридата VI Евпатора на некрополе Китея // Из истории античного общества. 2007. Вып. 9–10. С. 182–192.
- Худяков Ю. С.* Эволюция сложносоставного лука у кочевников Центральной Азии // Военное дело населения юга Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск, 1993. С. 107–148.
- Цалкин В. И.* Домашние и дикие животные Северного Причерноморья в эпоху раннего железа // МИА. 1960. № 55. С. 7–110.
- Цалкин В. И.* Древнее животноводство племен Восточной Европы и Средней Азии. М., 1966.
- Цветаева Г. А.* Боспор и Рим. М., 1979.
- Цветаева Г. А.* Грунтовый некрополь Пантикапея, его история, этнический и социальный состав // МИА. 1951. № 19. С. 63–86.
- Цветаева Г. А.* Кирпичи с тамгой из Горгииппии // КСИА. 1975. Вып. 143. С. 99–101.
- Цветаева Г. А.* Поход Фарнака на Фанагорию в свете последних археологических открытий // Новое в советской археологии. М., 1965. С. 234–236.
- Черненко Е. В.* Битва при Фате и скифская тактика // Вооружение скифов и сарматов. Киев, 1984а. С. 59–75.
- Черненко Е. В.* О влиянии военного дела скифов на военное дело античных колоний Северного Причерноморья // Проблемы греческой колонизации Северного и Восточного Причерноморья. Тбилиси, 1979. С. 185–186.
- Черненко Е. В.* О времени и месте появления тяжелой конницы в степях Евразии // Проблемы скифской археологии. М., 1971. С. 35–38.
- Черненко Е. В.* Оружие из Семибратних курганов // Скифские древности. Киев, 1973. С. 64–81.
- Черненко Е. В.* Погребения с оружием из некрополя Нимфея // Древности Восточного Крыма. Киев, 1970. С. 190–198.
- Черненко Е. В.* Скифо-персидская война. Киев, 1984.
- Черненко Е. В.* Скифские лучники. Киев, 1981.
- Черненко Е. В.* Скифский доспех. Киев, 1968.
- Черненко Е. В., Зубарь В. М., Сон Н. А.* Бутероль из Тире // СА. 1989. № 2. С. 250–252.
- Черняк А. Б.* О коньектуре Липсия Aorsí в рассказе Тацита о боспорском походе римлян // Античная цивилизация и варварский мир. Ч. I. Новочеркасск, 1992. С. 95–102.
- Чистов Д. Е.* Акрополь Нимфея в первой половине IV в. до н. э. // ΣΥΣΤΙΤΑ. Памяти Ю. В. Андреева. СПб, 2000. С. 242–251.
- Чистов Д. Е.* Развитие оборонительной системы Мирмекия в V–III вв. до н. э. // Античный мир. Белгород, 1999а. С. 82–85.
- Чистов Д. Е.* Строительный комплекс второй четверти IV в. до н. э. из раскопок Мирмекия // АИБ. III. Керчь, 1999. С. 161–183.
- Чубова А. П., Касперавичюс М. М., Саверкина И. И., Сидорова Н. А.* Искусство Восточного Средиземноморья I–IV веков. М., 1985.

- Шавырина Т. Г.* Раскопки некрополя Фанагории в 1978 г. // КСИА. 1983. Вып. 174. С. 69–73.
- Шелов Д. Б.* Города Северного Причерноморья и Митридат Евпатор // ВДИ. 1983. № 2. С. 40–58.
- Шелов Д. Б.* Идея всепонтийского единства в древности // ВДИ. 1986. № 1. С. 36–42.
- Шелов Д. Б.* К опубликованию двух кладов из Нимфея // ВДИ. 1951. № 1. С. 263–264.
- Шелов Д. Б.* Махар, правитель Боспора // ВДИ. 1978. № 1. С. 55–72.
- Шелов Д. Б.* Монетное дело Боспора в VI–II вв. до н. э. М., 1956.
- Шелов Д. Б.* Некоторые вопросы этнической истории Приазовья II–III вв. н. э. по данным танаисской ономастики // ВДИ. 1974. № 1. С. 80–90.
- Шелов Д. Б.* Понтийская держава Митридата Евпатора // Причерноморье в эпоху эллинизма. Тбилиси, 1985. С. 551–572.
- Шелов Д. Б.* Римляне в Северном Причерноморье во II в. н. э. // ВДИ. 1981. № 4. С. 62–66.
- Шелов Д. Б.* Тамга Риметалка // КАМ., 1966. С. 268–277.
- Шелов Д. Б.* Танаис — эллинистический город // ВДИ. 1989. № 3. С. 47–54.
- Шелов Д. Б.* Танаис и Нижний Дон в III–I до н. э. М., 1970.
- Шелов Д. Б.* Танаис и Нижний Дон в первые века нашей эры. М., 1972.
- Шелов Д. Б.* Феодосия, Гераклея и Спартокиды // ВДИ. 1950. № 3. С. 168–178.
- Шелов-Коведяев Ф. В.* История Боспора в VI–V вв. до н. э. // Древнейшие государства на территории СССР, 1984. М., 1985. С. 5–187
- Шилов В. П.*, Калиновский курганный могильник // МИА. 1959. № 50.
- Шкорпил В. В.* Боспорские надписи, найденные в 1907 г. // ИАК. 1908. Вып. 27. С. 42–54.
- Шкорпил В. В.* Боспорские надписи, найденные в 1913 г. // ИАК. № 54. С. 65–82.
- Шкорпил В. В.* Новонайденные боспорские надписи // ИАК. 1917. Вып. 63. С. 109–120.
- Шкорпил В. В.* Отчет о раскопках в г. Керчи в 1904 г. // ИАК. 1907. Вып. 25. С. 1–66.
- Шкорпил В. В.* Отчет о раскопках в г. Керчи и его окрестностях в 1903 г. // ИАК. 1907. Вып. 17. 1–76.
- Шкорпил В. В.* Отчет о раскопках в г. Керчи и на Таманском полуострове в 1911 г. // ИАК. 1914. Вып. 56. С. 1–74.
- Шмалько А. В.* Восточный поход Нерона // АМА. 1990. Вып. 8. С. 84–92.
- Шмалько А. В.* Римское управление Вифинией-Понтом в I в. н. э. // ВХУ. 1985. № 268. С. 115–122.
- Шмидт Р. В.* К исследованию боспорских оборонительных валов // СА. 1941. VII. С. 268–279.
- Шнирельман В. А.* У истоков войны и мира // Война и мир в ранней истории человечества. Т. I. М., 1994. С. 11–175.
- Штуттерих Р.* Рельеф с изображением битвы скифов, найденный на Таманском полуострове // Боспорский рельеф со сценой сражения (Амазономахия?). М.; СПб., 2001. С. 74–117.
- Шульц П. Н.* Курган Кара-Оба близ Керчи (раскопки 1967–1969 гг.) // КСИА. 1971. Вып. 128. С. 55–62.
- Шульц П. Н.* Раскопки кургана Кара-Оба в 1968 г. // Археологические исследования на Украине в 1968 г. Вып. III. Киев, 1968. С. 140–144.
- Шургая И. Г.* Изображения всадника и коня из Илурата. // КСИА. 1983. Вып. 174. С. 96–99.
- Шургая И. Г.* Раскопки в юго-западном районе Илурата в 1966–1968 гг. // КСИА. 1970. Вып. 124. С. 61–68.
- Щеглов А. Н.* Еще раз о позднескифской культуре в Крыму (к проблеме происхождения) // Проблемы археологии. Вып. 4. СПб., 1998. С. 141–153.
- Щеглов А. Н.* О греко-варварских взаимоотношениях на периферии эллинистического мира // Причерноморье в эпоху эллинизма. Тбилиси, 1985. С. 185–198.
- Щеглов А. Н.* Северо-Западный Крым в античную эпоху. Л., 1978.
- Щукин М. Б.* Готский путь. Готы, Рим и черняховская культура. СПб., 2005.
- Щукин М. Б.* Забытые бастарны // Stratum plus. 1999. Вып. 5. С. 75–90.
- Щукин М. Б.* На рубеже эр. Опыт историко-археологической реконструкции политических событий III в. до н. э. — I в. н. э. в Центральной и Восточной Европе. СПб., 1994.
- Щукин М. Б.* Некоторые замечания к вопросу о хронологии зубовско-воздвиженской группы и проблеме ранних алан // Античная цивилизация и варварский мир. Ч. I. Новочеркасск, 1992а. С. 103–130.
- Щукин М. Б.* Некоторые проблемы хронологии раннеримского времени (к методике историко-

- археологических сопоставлений) // АСГЭ. 1991. Вып. 31. С. 90–106.
- Эдаков А. В. Поход Дария I в Северное Причерноморье в свете египетской исторической традиции // Международные отношения в бассейне Черного моря в древности и средневековье. Ростов-на-Дону, 1986. С. 14–22.
- Эллинистическая техника. М.; Л., 1948.
- Эрлих В. Р. Меотские мечи из Закубанья // Древности Северного Кавказа и Причерноморья. М., 1991. С. 77–99.
- Эрлих В. Р. Об одной серии шлемов из Закубанья // ВА. 1996. № 3. С. 176–179.
- Юргович Д. Новейшие археологические открытия в Крыму // ЗООИД. 1875. IX. С. 403–409.
- Яйленко В. П. Военная акция Дария I на Киммерийском Боспоре // Боспорский феномен: проблемы хронологии и датировки памятников. Ч. I. СПб., 2004. С. 55–60.
- Яйленко В. П. Династическая история Боспора от Митридата Евпатора до Котиса I // Эпиграфические памятники и языки древней Анатолии, Кипра и античного Северного Причерноморья. М., 1990а. С. 128–215.
- Яйленко В. П. Женщины, Афродита и жрица Спартокидов в новых боспорских надписях // Женщины в античном мире. М., 1995. С. 204–272.
- Яйленко В. П. Материалы по боспорской эпиграфике // Надписи и языки древней Малой Азии, Кипра и античного Северного Причерноморья. М., 1987. С. 19–116.
- Яйленко В. П. Новые эпиграфические памятники о Митридате Евпаторе и Фарнаке // Причерноморье в эпоху эллинизма. Тбилиси, 1985. С. 617–627.
- Яйленко В. П. Одна боспорская эпитафия // Проблемы античной культуры. М., 1986. С. 222–226.
- Яйленко В. П. Ольвия и Боспор в эпоху эллинизма // Эллинизм: экономика, политика, культура. М., 1990. С. 249–309.
- Яйленко В. П. Поход Савромата I на Азиатский Боспор // Эпиграфические памятники и языки древней Анатолии, Кипра и античного Северного Причерноморья. М., 1990б. С. 216–228.
- Яковенко Э. В. О дипломатических контактах Боспора со Скифией времен Атея // Международные отношения в бассейне Черного моря в древности и средние века. Ростов-на-Дону, 1986. С. 43–54.
- Яковенко Э. В. Скифы Східного Криму в V–III ст. до н. э. Київ, 1974.
- Яковенко Э. В. Скифы на Боспоре (Греко-скифские отношения в VII–III вв. до н. э.): Автореф. дисс. ... д-ра истор. наук. М., 1985.
- Яценко И. В. Тарелка царицы Гелепирии из Неаполя Скифского // Историко-археологический сборник. М., 1962. С. 101–103.
- Яценко С. А. Аланская проблема и центральноазиатские элементы в культуре кочевников Сарматии рубежа 1–2 вв. н. э. // ПАВ. 1993. № 3. С. 60–72.
- Яценко С. А. Аланы в Восточной Европе в середине I — середине IV вв. н. э. // ПАВ. 1993а. № 6. С. 83–88.
- Яценко С. А. Аланы и Рим в СП в начале 2 в. н. э. // Международные отношения в бассейне Черного моря в древности и средние века: Тезисы VI науч. конф. Ростов-на-Дону, 1992. С. 48–49.
- Яценко С. А. Антропоморфные образы в искусстве ираноязычных народов Сарматии II–I вв. до н. э. // Stratum plus. 2000. 4. С. 251–272.
- Яценко С. А. Знаки-тамги ираноязычных народов древности и раннего средневековья. М., 2001.
- Яценко С. А. О сармато-аланском сюжете росписи в пантикапейском «склепе Анфестерия» // ВДИ. 1995. № 3. С. 188–194.
- Яценко С. А. Образы сармато-аланов в искусстве северопонтийских греков // Боспорский феномен: проблемы хронологии и датировки памятников. Ч. 2. СПб., 2004.
- Яценко С. А. Политический центр Алании во второй половине I–II вв. н. э. // Первая Кубанская археологическая конференция. Краснодар, 1989. С. 88–91.
- Amelung W. Die Sculpturen des Vaticanischen Museums. Bd. I. Berlin, 1903.
- Anderson J. G. The Eastern Frontier under Augustus // САН. 1934. Vol. V. P. 239–283.
- Andronicos M. Vergina. The Royal Tombs and the Ancient City. Athen. 1984.
- Arsen'eva T. M., Bötiger B., Vinogradov Ju. G. Griechen am Don. Die Grabungen in Tanais 1994 // ЕА. 1995. Bd. 1. S. 213–263.
- Baitinger H. Die Angriffswaffen aus Olympia // Olympische Forschungen. Bd. XXIX. Berlin; New York, 2001.
- Beneš J. Auxilia Romana in Moesia atque in Dacia // Studie Archeologického Ústavu Československé Akademie Věd v Brně. 1978. Vol. VI.2.

- Best J. G. P.* Thracian Peltasts and their Influence on Greek Warfare. Croningen, 1969.
- Bivar A. D. H.* Cavalry Equipment and Tactics on the Euphrates Frontier // DOP. 1972. No. 26. P. 271–291.
- Blum I.* Die Stadtmauer von Alt-Milet. Ergebnisse des 1996 und 1997 // AA. 1999. Heft 1. S. 53–76.
- Boardman J., Kurtz D. C.* Greek burial customs. London; Southampton, 1971.
- Bohn R.* Das Heiligtum der Athena Polias Nikephoros // Altertümer von Pergamon. II. Berlin, 1885.
- Böttger B.* Zur hellenistischen Period der Stadt Tanais (3. —1. Jh. v. Chr.) // ANAXAPΣIΣ. Памяти Ю. Г. Виноградова. Севастополь, 2001. С. 44–64.
- Braat W. C.* Römische Schwerter und Dolche im Rijksmuseum van Oudheden // Oudheidkundige Mededelingen. 1967. T. 48. S. 56–61.
- Brandis C. G.* Bosporos // RE. 1899. Bd. III. 6. Sp. 779.
- Brandis C. G.* Chiliarchos // RE. 1899a. Bd. III. 6. Sp. 2276.
- Braund D.* King Scribonius // Боспорский феномен: проблемы хронологии и датировки памятников. Ч. 1. СПб., 2004. С. 81–87.
- Braund D.* Rome and the Friendly Kings. L.; N. Y., 1984.
- Brown F. E.* A Recently Discovered Compaund Bow // Annales de l'Institut Kondakov (Seminarium kondakovianum. IX). Praha, 1937. P. 1–9.
- Buchholz H.-G.* Pfeilspitzen // AA. 1976. 1. S. 1–13.
- Burnett A.* The Coinage of King Agrippa I of Judaea and a New Coin of King Herod of Chalkis // Melanges de Numismatique offerts à Pierre Bastien. Wetteren. 1987. P. 29–39.
- Cichorius C.* Ala // RE. 1897. Bd. I. Sp. 1223–1270.
- Cichorius C.* Cohors // RE. 1901. Bd. VII. Sp. 231–356.
- Cichorius C.* Die Reliefs der Trajanssäule. Berlin, 1896.
- Cobet Ju.* Die Mauern sind die Stadt. Zur Stadtbefestigung des antiken Milet // AA. 1997. Heft. 2. S. 249–284.
- Connolly P.* A reconstruction of a Roman saddle // Britannia. 1986. Vol. 17. P. 353–355.
- Connolly P.* Experiments with the Roman saddle // Exercitus. 1988. Vol. 2, 5. P. 71–76.
- Connolly P.* Greece and Rome at war. London, 1981.
- Connolly P.* The Roman Saddle // BAR. International Series. 1987. N 336. P. 7–27.
- Connolly P.* The saddle horns from Newstead // Journal of Roman Military Equipment Studies. 1991. Vol. 1. P. 61–66.
- Coulston J. C.* Roman Archery Equipment // BAR. 1985. N 275. P. 220–36.
- Curle J.* A Roman Frontier Post and its People. The Fort of Newstead in the Parish of Melrose. Glasgow, 1911.
- De Hoffmeyer A. B.* Arms and Armour in Spain. Vol. 1. Madrid, 1972.
- Détienne V.* La phalange. Problèmes et controverses // Problèmes de la guerre en Grèce ancienne. Paris, 1968. P. 119–142.
- Die Funde aus Olympia. Ergebnisse hundertjähriger Ausgrabungstätigkeit. Athen. 1980.
- Dintsis P.* Hellenistische Helme. I–II. Roma, 1986.
- Dixon K., Southern P.* The Roman Cavalry. London; New York, 1997.
- Ducrey P.* La fortification des cités grecques: rôle, fonction et efficacité // La fortification dans l'histoire du Monde Grec. Paris, 1986. P. 133–142.
- Eichberg M.* Scutum. Die Entwicklung einer italischetruskischen Schildform von den Anfängen bis zur Zeit Ceasars // Europäische Hochschulschriften. 1987. Reihe XXXVIII. Bd. 14.
- Erdmann E.* Die sogenannten Marathonpfeilspitzen in Karlsruhe // AA. 1973. 1. S. 30–58.
- Fedoseev N. F.* Zum achämenidische Einfluß auf die historische Entwicklung der nordpontischen griechischen Staaten // Archäologische Mitteilungen aus Iran und Turan. 1997. Bd. 29. S. 309–319.
- Flavii Iosephi.* Opera omnia. Vol. IV. Lipsiae. 1893.
- Foxhall L.* Farming and fighting in ancient Greece // War and Society in the Greek World. London; New York, 1995. P. 134–145.
- French D. H.* Classis Pontica // Epigraphica Anatolica. 1984. IV. P. 53–59.
- Frolova N. A.* Über die Darstellung von Schild und Schwert auf einem Münztyp des bosporanischen Königs Leukon II (zweite Hälfte des 3. Jhs. v. Chr.) // Griechisches Münzwerk. Stephanos nomismatikos Edith Schönert-Geiss zum 65. Geburtstag. Berlin, 1998. S. 251–269.
- Funck B.* Das Bosporanische Reich und Rom zur Zeit des Kaiser Augustus // Altertum. Bd. 32. H. 1. S. 19–34.
- Gaerte W., 1920. Die Beinschutzwaffen der Griechen. Dresden, 1986.
- Gajdukevič V.* Das Bosporanische Reich. Berlin-Amsterdam, 1971.

- Gall von H.* Die Reiterkampfszene auf der Silbervase von Kosika. Ursprünge und Rezeption eines iranischen Motivs in Südrußland // *Archäologische Mitteilungen aus Iran und Turan.* 1997. N 29. S. 243–269.
- Gall von H.* Zu den kleinasiatischen Treppentunneln // *AA.* 1967. Bd. 82. S. 504–509.
- Gardiner-Gardner J. R.* Dareios' Scythian Expedition and its Aftermath // *Klio.* 1987. Bd. 69. 2. S. 326–350.
- Gerkan von A.* Kalabaktepe, Athenatempel und Umgebung // *Milet.* Band I, 8. Berlin, 1925.
- Geyer F.* Neoptolemos // *RE.* 1935. 16,2. Sp. 2464–2465.
- Ghirshman R.* La selle en Iran // *Iranica Antiqua.* 1973. Vol. X. P. 94–107.
- Ginters W.* Das Schwert der Scythen und Sarmaten in Sudrussland. Berlin, 1928.
- Goroncharovski V. A.* Between the Roman Empire and Barbarians: Innovations in the Warfare of the Bosporan kingdom during the end of the 1st century B. C. — 2nd century A. D. // XIV International Congress of Prehistoric and Protohistorical Sciences. Liege. 2001. P. 305–306.
- Goroncharovski V. A.* Iluraton — a fortress in the defensive system of the west border of Bosporan kingdom in the 1st–3rd centuries A. D. // XIII International Congress of Prehistoric and Protohistorical Sciences. Forli. 1996. Vol. I. P. 316–317.
- Goroncharovski V. A.* Iluraton. In: Treister M. J., Vinogradov J. G. Archaeology on the Northern Coast of the Black Sea // *AJA.* 1993. Vol. 97. N 3. P. 548–550.
- Goroncharovski V. A.* Watersupply in the defensive system of Bosporan fortress Iluraton // 6th Annual Meeting of European Association of Archaeologists. Final Program and Abstracts. Lisbon, 2001a. P. 221–222.
- Gracey M. H.* The Armies of the Judaen client kings // *BAR.* 1986. Vol. 297 (i). P. 311–323.
- Grant M.* From Imperium to Auctoritas. Cambridge, 1946.
- Hall H.* Das Reiterkampfbild in der iranischen und iranisch beeinflussten Kunst parthischer und sassanidischer Zeit. Berlin, 1990.
- Hansen M. H.* The Hellenic Polis // A Comparative Study of the Thirty City-State Cultures. Copenhagen, 2000. P. 141–187.
- Hanson V. D.* The Wars of the Ancient Greek and Their Invention of Western Military Culture. London, 1999.
- Hanson V. D.* The Western Way of War. Infantry Battle in Classical Greece. London; Sydney; Auckland; Toronto, 1989.
- Hanson V. D.* Warfare and Agriculture in Classical Greece. Berkeley; Los Angeles; London, 1998.
- Hanson V.* The Classical Greek Warrior and the Egalitarian Military Ethos // *The Ancient World.* 2000. Vol. XXXI. No. 2. P. 111–126.
- Harris B. F.* Bithynia: Roman Sovereignty and the Survival of Hellenism // *ANRW.* 1980. Bd. 7. Hf. 7. P. 857–901.
- Henry R.* Photius bibliothèque. I. Paris, 1959.
- Herrmann G.* Parthian and Sassanian Saddlery. New Light from the Roman West // *Archeologia Iranica et Orientalis. Miscellanea in honorem Lois Vanden Berghe.* Vol. II. Gent., 1997. P. 757–809.
- Hoffmann H.* Early Cretan Armorers. Mainz am Rheine. 1972.
- Hökmann O.* Naval and Others Graffiti from Nymphaion // *Ancient Civilizations from Scythia to Siberia.* 1999. Vol. 5. 4. P. 303–356.
- Holder P. A.* Studies in the Auxilia of the Roman Army from Augustus to Trajan // *BAR. Int. Ser.* 70. Oxford, 1980.
- Hyland A.* Training the Roman cavalry. From Arrian's *Ars Tactica.* London, 1993.
- Ilkjaer J.* Illerup Adal. Bd. 1. Die Lanzen und Speere. Aarhus, 1990.
- Jaekel P.* Pergamenische Waffenreliefs // *Waffen- und Kostümkunde.* 1965. 2. S. 97–104.
- James S.* Dura-Europos and the Introduction of the «Mongolian Release» // *BAR.* 336. 1987. P. 77–83.
- Jarva E.* Archaeologia on Archaic Greek Body Armour. Rovaniemi, 1995.
- Jarva E.* On the Shield-Apron in Ancient Greek Panoply // *Acta archaeologica.* Vol. 57. Munksgaard. 1986. P. 1–25.
- Kazanski M.* Les éperons, les umbo, les manipules de boucliers et les haches de l'époque romaine tardive dans la région pontique: origine et diffusion // *Beiträge zu römischer und barbarischer Bewaffnung in den ersten vier nachchristlichen Jahrhunderten.* Lublin; Marburg, 1994. P. 429–484.
- Khazanov A. M.* Nomads and the Outside World. Cambridge, 1984.
- Kieseritzky G., Watzinger C.* Griechische Grabreliefs aus Sudrussland. Berlin, 1909.
- Kimmig W.* Ein Keltenschild aus Ägypten // *Germania.* 1940. 24. 2. S. 106–111.

- Kunze E.* Beinschienen // Olympische Forschungen. Bd. XXXI. Berlin, 1991.
- Kunze E.* Chalkidische Helme IV–VII mit Nachträgen zu I und II // Bericht über die Ausgrabungen in Olympia. IX. Berlin, 1996. S. 76–100.
- Kunze E.* Helme // Bericht über die Ausgrabungen in Olympia. VIII. Berlin. 1967. S. 111–183.
- Kunze E.* Korinthische Helme // Bericht über die Ausgrabungen in Olympia. VII. Berlin. 1961. S. 56–128.
- Kunze E.* Schildbeschläge // Bericht über die Ausgrabungen in Olympia. VI. Berlin. 1958. S. 74–117.
- Künzl E.* Waffendekor in Hellenismus // JRMES. 1997. 8. S. 61–89.
- Lattimore O.* Studies in Frontier History. Paris, 1962.
- Lebedinsky I.* Armes et guerriers barbares au temps des Grandes Invasions (IV au VI siècle ap. J.-C.). Paris, 2001.
- Leshnik L. S.* Some Early Indian Horse-Bits and other Bridle Equipment // AJA. 1971. Vol. 75. N 2. P. 141–150.
- Littauer M. A.* Early stirrups // Antiquity. 1981. Vol. LV. Nr. 214. P. 99–105.
- Lorimer H. L.* The Hoplite Phalanx with special reference to the poems of Archilochus and Tytaeus // BSA. 1947. XLII. P. 76–138.
- Lurie S. J.* Jeszcze o dekrecie ku czci Diofantosa // Meander. 1959. Rok XIV. 2. S. 67–78.
- Maass M.* Aegina, Apaia–Tempel. Neue Funde von Waffenweihungen // AA. 1984. 2. S. 263–280.
- Maenchen-Helfen O.* Crenelated mane and scabbard slide // CAJ. 1957. Vol. 3. №. 2. P. 95–138.
- Magie D.* Roman Rule in Asia Minor. Vol. I. Princeton–New Jersey. 1950.
- Markle M. M.* The Macedonian Sarissa, Spear, and Related Armour // AJA. 1977. Vol. 81. Nr. 3. P. 323–339.
- Mattingly H.* Coins of the Roman Empire in the British Museum. London, 1965.
- McGing B. C.* The Foreign Policy of Mithridates VI Eupator King of Pontus. Leiden, 1986.
- McLeod W.* The Range of the Ancient Bow // Phoenix. 1965. Vol. XIX. N 1. P. 1–14.
- Mielczarek M.* Cataphracti and clibanarii. Studies on the Heavy Armored cavalry of the Ancient World. Lodz, 1993.
- Mielczarek M.* The Army of the Bosporan kingdom. Lodz, 1999.
- Minns E.* Scythians and Greeks. Cambridge, 1913.
- Mitchiner M.* Oriental coins and their values. The Ancient and Classical World. 600 B. C. — A. D. 650. London, 1990.
- Mordvinceva V.* Sarmatische Phalaren // Archäologie in Eurasien. 2001. Band 11.
- Moretti L.* Inscriptions Graece urbis Romae // Studi publicati dell'Istituto Italiano per la storia antica. 1972. XXII, 1–2.
- Müller W.* Der Pergamon-Altar. Leipzig, 1978.
- Nicholls R. V.* Old Smirna. The iron age fortification and associated remains on the city perimeter // BSA. 1958/1959. 53/54. P. 36–137.
- Nicolle D.* Sassanian armies. Dewsbury, 1996.
- Nikonorov V. P.* Cataphracti, cataphractarii and clibanarii: another look at the old problem of their identifications // Военная археология. Оружие и военное дело в исторической и социальной перспективе. СПб., 1998. С. 131–138.
- Okhotnikov S. B.* Settlements in the Lower Reachers of the Dniestr (6-th — 3-th Centuries BC) // North Pontic Archaeology. Recent Discoveries and Studies. Leiden; Boston; Köln. 2001. P. 91–115.
- Olbrycht M. J.* Die Aorsier, die Oberen Aorsen und die Siraker bei Strabon. Zur Geschichte und Eigenart der Völker in nordostpontischen und nordkaukasischen Raum in 2.–1. Jh. v. Chr. // Klio. 2001. Vol. 83. S.
- Parfenov V.* Dynamis, Agrippa und der Friedensaltar. Zur militärischen und politischen Geschichte des Bosporanische Reiches nach Asandros // Historia. 1996. Bd. 45. 1. S. 95–103.
- Premierstein von A.* Untersuchungen der Geschichte des Kaisers Markus // Klio. 1913. XIII. S. 79–90.
- Raev B. A.* Celtic «Jokey-Cap» Helmet in the Don Area // Idem. Roman Imports in the Lower Don Baisin. BAR International Series. 1986. P. 85–86.
- Rausing G.* The Bow. Some notes on its Origin and Development. Lund, 1967.
- Rawson J.* Mysterries of ancient China. New dicoveries from the Early Dinasties. L., 1996.
- Reinach Th.* Mithridates VI Eupator, roi de Pont. Paris, 1890.
- Reinach Th.* Quelques éres pontiques // Histoire par les monnaies. Paris, 1902. P. 140–154.
- Reinhold M.* Marcus Agrippa. A Biography. Roma, 1965.
- Remouchamps A. E.* Griechische Dolch- und Schwertformen. Ein Betrag zur Chronologie der euro-

- päisichen Bronzezeit // Oudheidkundige Mededeelingen. 1926. VII. S. 20–67.
- Ritterling*. Legio // RE. 1925. Bd. 12. Sp. 1186–1829.
- Robinson H. R.* The Armour of Imperial Rome. London, 1973.
- Roddaz J.-M.*, Marcus Agrippa. Rome, 1984.
- Rose Ch. B.* «Princes» and Barbarians on the Ara Pacis // AJA. 1990. Vol. 94. № 3. P. 453–460.
- Rosovtzeff M.* Pontus and its Neighbours: the First Mithridatic War // CAH. 1932. IX. P. 211–260.
- Rostovtzeff M. I.* Graffiti // Excavations at Dura-Europos. New Haven. 1933. P. 195–224.
- Rostovtzeff M. I.* Queen Dynamis of Bosphoros // JHS. 1919. Vol. XXXIX. P. 88–109.
- Rostovtzeff M. I.* Vexillum and Victory // Journal of Roman Studies. 1942. N 34. P. 92–106.
- Rostovtzeff M.* Iranians and Greeks in South Russia. Oxford, 1922.
- Rostovtzeff M.* The Bosphoran Kingdom // CAH. 1930. VIII. P. 561–589.
- Roux G.* Meutre dans sanctuaire sur l'amphore de Panagurišté // Antike Kunst. 1964. VII.1. P. 30–41.
- Rudolf R. S., Wen Yu.* Hun tomb art of West China. Berkley; Los Angeles, 1951.
- Salomon M.* The Chronology of Gothic IncurSION into Asia Minor in the 3rd Century A. D. // Eos. 1996. T. 59. Fasc. 1. P. 124–134.
- Saprykin S.* The kingdom of Bosphoros on the turn of our era (Barbarian and Roman impact on its development) // Cités grécques sociétés indigènes et empires mondiaux dans la région nord-pontique: origines et development d'une coine politique, economique et culturelle (VII s. a. c. — III s. p. s.). Bordeaux. 2002. P. 191–203.
- Saprykin S. Y.* A Bosphoran Fortified Settlement Near the Modren Village of Novootradnoe in the Eastern Crimea // North Pontic Archaeology. Recent Discoveries and Studies. Leiden; Boston; Köln, 2001. P. 285–293.
- Saprykin S. Yu., Maslennikov A. A.* Bosphoran Chora in the Reign of Mithridates VI Eupator and His Immediate Successors // Ancient Civilizations from Scythia to Siberia. 1995. Vol. 2, 3. P. 261–282.
- Sarnowski T.* Barbaricum und ein Bellum Bosphoranum in einer Inschrift aus Preslav // ZPE. 1991. Bd. 87. P. 137–144.
- Sarnowski T.* Wojsko rzymskie w Mezji Dolnej i na północnym wybrzeżu Morza Czarnego. Warszawa, 1988.
- Šarov O.* Die Gräber des sarmatische Hochadels von Bosphoros // Kontakt-Kooperation-Konflikt. Germanen und Sarmaten zwischen dem 1. und dem 4. Jahrhundert nach Christus // Schriften des Archäologische Landesmuseums. 2003. Bd. 1. Neumünster. S. 35–64.
- Saxer R.* Untersuchungen zu den Vexillationen des römischen Kaiserheeres von Augustus bis Diokletian. Köln. 1967.
- Schukin M.* Shields, Swords and Spears as Evidence of Germanic-Sarmatian Contacts and Barbarian-Roman Relations // Beiträge zu römischer und barbarischer Bewaffung in den ersten vier nachchristlichen Jahrhunderten. Lublin; Marburg. 1994. P. 485–495
- Secunda N.* The Seleucid Army. Stockport, 1994.
- Sekunda N., Hook A.* Greek Hoplite 480–323 BC. Oxford, 2000.
- Shahbazi A. Sh.* Darius in Scythia and Scythians in Persepolis // Archaeologische Mitteilungen aus Iran. 1982. Bd. 15. S. 189–235.
- Shchukin M.* The Celts in Eastern Europe // Oxford Journal of Archaeology. 1995. Vol. 14. P. 201–227.
- Simonenko A.* Bewaffung und Kreiswesen der Sarmaten und späten Skythen im nordlichen Schwarzmeergebiet // EA. 2001. S. 187–327.
- Simonenko A.V.* The problem of the Sarmatian penetration in the North Pontic area according to archaeological data // Il Mar Nero. 1994. Vol. I. P. 99–136.
- Skripkin A.* Östliche und westliche Neurungen in der materialen Kultur der Sarmaten der europäischen Steppen in den ersten Jahrhundert n. Chr. // Kontakt-Kooperation-Konflikt. Germanen und Sarmaten zwischen dem 1. und dem 4. Jahrhundert nach Christus // Schriften des Archäologische Landesmuseums. Bd. 1. Neumünster. S. 9–18.
- Snodgrass A.* Early Greek Armour and Weapon. Edinburgh, 1964.
- Snodgrass A. M.* Arms and Armor of the Greeks. Baltimore; London, 1999.
- Sokolova O. Yu.* Investigations of an Early Hellenistic Shrine in Nymphaeum // Ancient Civilizations from Scythia to Siberia. 2000. Vol. 6. No 3–4. P. 155–172.
- Speidel M., French D. H.* Bythinian Troops in the Kingdom of the Bosphoros // Epigraphica Anatolica. 1985. Hf. 6. P. 97–102.
- Starr C. G.* Roman Imperial Navy 31 BC — 324 AD. N.-Y., 1960.

- Stead I. M.* Many More Iron Age Shields from Britain // *The Antiquaries Journal*. 1991. Vol. LXXI.
- Sulimirski T.* The Sarmatians. Thames and Hudson, 1970.
- Tolstikov V. P.* Descriptions of the fortifications of the classical cities in the region to the north of the Black Sea // *Ancient Civilizations from Scythia to Siberia*. 1997. Vol. 4. 3. P. 187–231.
- Tolstikov V. P.* La fortification comme source pour l'histoire du Bosphore antique // *La fortification dans l'histoire du monde Grec. Actes du Colloque International*. Paris, 1986. P. 167–177.
- Treister M. Ju.* Roman Military Equipment in the Kingdom of Bosphoros // *Beiträge zu römischer und barbarischer Bewaffung in den ersten vier nachchristlichen Jahrhunderten. Marburger Kolloquium* 1994. Lublin; Marburg, 1994. S. 91–100.
- Treister M. Ju.* The Celts in the North Pontic Area: a Reassessment // *Antiquity*. 1993. Vol. 67. 257. P. 789–804.
- Trillmich W.* Familienpropaganda der Caesars Caligula und Claudius. Berlin, 1988.
- Trousdale W.* The Long Sword and Scabbard Slide in Asia. Washington, 1975.
- Ulbert G.* Gladii aus Pompeji // *Germania*. 1969. T. 47. S. 97–128.
- Van Wees H.* The development of the hoplite phalanx. Iconography and reality in the seventh century // *War and Violence in Ancient Greece*. Duckworth and The Classical Press of Wales. 2000. P. 125–166.
- Vencl Sl.* War and Warfare in Archaeology // *Journal of Anthropological Archaeology*. 1984. Vol. 3. No. 2. P. 116–132.
- Vermeule C.* Hellenistic and Roman Cuirassed Statues // *Berytes*. 1959. Vol. XIII. P. 5–50.
- Vermeule C.* Roman Imperial Art in Greece and Asia Minor. Cambridge, 1968.
- Vickers M.* Scythian and Thracian antiquities in Oxford. Oxford, 2002.
- Vickers M.* Scythian Treasures in Oxford. Oxford, 1978.
- Vinogradov J. G.* Greek Epigraphy of the Black Sea Coast, the Caucasus and Central Asia (1985–1990) // *Ancient Civilizations from Scythia to Siberia*. 1994. Vol. I. P. 68–84.
- Vinogradov Ju. G.* Der Staatsbesuch der «Isis» im Bosphoros // *Ancient Civilizations from Scythia to Siberia*. 1999. Vol. 5. 4. P. 272–302.
- Vinogradov Ju. G.* Die historische Entwicklung der poleis der nördlichen Schwarzmeergebietes in 5. Jahrhundert v. Chr. // *Chiron*. 1980. 10. S. 53–100.
- Vinogradov Yu. A.* Selected Findings from the Myrmekion Acropolis // *Etudes et travaux*. 1999. XIII. P. 280–293.
- Weber H.* Angriffswaffen // *Olympische Forschungen*. I. Berlin, 1944. S. 146–165.
- Wells P. S.* Culture contact and culture change. Early Iron Age central Europe and the Mediterranean world. Cambridge University Press, 1980.
- West R.* Römische Porträtplastik. München, 1933. Bd. I.
- Wood S.* Diva Drusilla Panthea and the Sisters of Caligula // *AJA*. 1995. Vol. 99. N 3. P. 457–482.
- Wood S.* Memorial Agrippina, Agrippina the Elder in Julio-Claudian art and propaganda // *AJA*. 1988. Vol. 92. Nr. 3. P. 409–430.
- Zieling H.* Studien zu germanischen Schilden der Spätlatene- und der römischen Kaiserzeit im freien Germanien. BAR. Intern. Ser. 505. Oxford, 1989.
- Żygulski Z. (Jr.)* The Wagon Laager // *Fasciculi Archeologiae Historicae*. Fasc. VII. Łódź, 1994. P. 15–20.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АГСП — Античные города Северного Причерноморья. М.; Л. 1955; Античные государства Северного Причерноморья. М., 1984.
- АДЖ — *Ростовцев М. И.* Античная декоративная живопись на юге России. СПб., 1913.
- АСГЭ — Археологический сборник Государственного Эрмитажа.
- АИКСП — Античная история и культура Северного Причерноморья. Л., 1968.
- АМА — Античный мир и археология. Саратов.
- АО — Археологические открытия. М.
- АПНП — Античные памятники Нижнего Подонья. М., 1974.
- БС — Боспорский сборник. М.
- ВДИ — Вестник древней истории. М.
- ВХУ — Вестник Харьковского университета.
- ДБ — Древности Боспора. М.
- ДБК — Древности Боспора Киммерийского. СПб., 1854.
- ЖМВД — Журнал Министерства внутренних дел. СПб.
- ЖМНП — Журнал Министерства народного просвещения. СПб.
- ЗООА — Записки Одесского археологического общества.
- ЗООИД — Записки Одесского общества истории и древностей.
- ИАК — Известия Императорской археологической комиссии. СПб.
- КАМ — Культура античного мира. М., 1966.
- КБН — Корпус боспорских надписей. М.; Л., 1965.
- КСИА — Краткие сообщения Института археологии. М.
- КСИИМК — Краткие сообщения Института истории материальной культуры. М.
- МАИЭТ — Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. Симферополь.
- МАР — Материалы по археологии России. СПб.
- МИА — Материалы и исследования по археологии СССР. М.; Л.
- МИС — Граков Б. Н. Материалы к истории Скифии в греческих надписях Балканского полуострова и Малой Азии // ВДИ., 1939. № 3. С. 231–315.
- НС — Нумизматический сборник Государственного Исторического Музея. М.
- НЭ — Нумизматика и эпиграфика. М.
- ОАК — Отчет Императорской археологической комиссии. СПб.
- ПАВ — Петербургский археологический вестник.
- ПИФК — Проблемы истории, филологии и культуры. М.; Магнитогорск.
- РА — Российская археология. М.
- СА — Советская археология. М.
- СГМИИ — Сообщения Государственного музея изобразительных искусств имени А. С. Пушкина. М.
- СГЭ — Сообщения Государственного Эрмитажа. Л.
- УЗМПИ — Ученые записки Могилевского педагогического института.
- УЗЛПИ — Ученые записки Ленинградского педагогического института.
- Хсб — Херсонесский сборник. Севастополь.
- АА — Archäologischer Anzeiger.
- АЖА — American Journal of Archaeology.
- BSA — The Annual of the British School at Athens.
- ANRW — Aufstieg und Niedergang der Römischen Welt.
- BAR — British Archaeological Report.
- BR — *Gajdukevič V. F.* Das Bosporianische Reich. В.; Amsterdam., 1971.
- САН — Cambridge Ancient History.
- CAJ — Central Asiatic Journal.
- CIRB — Corpus Inscriptionum Pegni Bosporani. Album Imaginem. Petropoli, MMIV.
- DOP — Dumbarton Oak Papers.
- EA — Eurasia antiqua.
- ILS — Inscriptiones Latinae selectae.
- IosPE — *Latyshev B.* Inscriptiones orae septentrionalis Ponti Euxini. Vol. I, II, IV, I². Petropoli. 1885–1916.
- K-W — *Kieseritzky G., Watzinger C.* Griechische Grabreliefs aus Sudrussland. Berlin., 1909.
- RE — *Pauly-Wissowa-Kroll.* Real-Encyclopadie der klassischen Altertumswissenschaft.
- SC — Scythica et Caucasica = *Латышев В. В.* Известия древних писателей греческих и латинских о Скифии и Кавказе. СПб., 1893–1906.
- SHA — Scriptorum Historiae Augusti JRMES — Journal of Roman Military Equipment Studies.
- ZfA — Zeitschrift für Archäologie.
- ZfN — Zeitschrift für Numismatik.
- ZPE — Zeitschrift für Papyrologie und Epigraphik.

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ

- Рис. 1. Северное Причерноморье в скифскую эпоху — 6
- Рис. 2. Греческие колонии Боспора Киммерийского — 14
- Рис. 3. Изображения скифских воинов — 18
- Рис. 4. Электровый сосуд из кургана Куль-Оба с изображением скифов — 20
- Рис. 5. Деревянный лук из Трехбратнего кургана под Керчью, вид с двух сторон (по С. С. Бессоновой) — 21
- Рис. 6. Золотая накладка на горит из кургана Чертомлык — 21
- Рис. 7. Вооружение скифов — 22
- Рис. 8. Скифская конница в бою (по М. В. Горелику) — 23
- Рис. 9. Деталь булавы из поселения Артющенко I — 25
- Рис. 10. Ранняя фортификация Боспора — 29
- Рис. 11. Укрепления акрополя Мирмекия второй половины VI в. до н.э. (реконструкция И. О. Гурова) — 29
- Рис. 12. Защитное вооружение боспорских воинов — 34
- Рис. 13. Бронзовый нагрудник из Шестого Елизаветинского кургана. — 37
- Рис. 14. Древнегреческие мечи — 39
- Рис. 15. Находки наконечников копий (1–3) и мечей (4–6) — 42
- Рис. 16. Мечи местных типов из некрополей Боспора — 43
- Рис. 17. Наконечники стрел из слоя пожара 490–480 гг. до н. э. в Пантикапее (по В. П. Толстикову, Д. В. Журавлеву и Г. А. Ломтадзе) — 47
- Рис. 18. Находки из слоя разрушения в Мирмекии — 48
- Рис. 19. Укрепления акрополя Пантикапея (по В. П. Толстикову) — 50
- Рис. 20. Оборонительная стена Тиритаки (первая четверть V в. до н. э.). По В. П. Толстикову — 51
- Рис. 21. Оборонительная стена Мирмекия (конец первой трети V в. до н. э.) — 52
- Рис. 22. Европейский Боспор — 53
- Рис. 23. Находки из Нимфейских курганов — 57
- Рис. 24. Находки из погребения у Аджимушка — 58
- Рис. 25. Изображения меотских воинов — 61
- Рис. 26. Таманский рельеф с изображением сражения варваров (амазономахия?) — 62
- Рис. 27. Изображения оружия на таманском рельефе (по В. С. Ольховскому) — 63
- Рис. 28. Находки вооружения из курганов Прикубанья — 64
- Рис. 29. Серебряная накладка на горит из кургана Карагодеуашх (по Е. В. Черненко) — 66
- Рис. 30. Пластинчатый доспех из Четвертого Семибратнего кургана (реконструкция Е. В. Черненко) — 67
- Рис. 31. Часть серебряного нагрудника из Второго Семибратнего кургана — 67
- Рис. 32. Находки оружия из рядовых могильников Прикубанья — 69
- Рис. 33. Северная оборонительная стена Мирмекия конца V — начала IV вв. до н. э. (по В. Ф. Гайдукевичу) — 74
- Рис. 34. Восточная оборонительная стена Мирмекия конца V — начала IV вв. до н. э. (по В. Ф. Гайдукевичу) — 75
- Рис. 35. Оборонительные стены Семибратнего городища — 77
- Рис. 36. Рельеф с изображением батальной сцены из Керчи (1828 г.) — 80
- Рис. 37. Таманский рельеф с изображением воина — 80
- Рис. 38. Таманский рельеф с изображением воина: — 81
- Рис. 39. Боспорская пелика с изображением охоты аримаспа на грифоне. Под ногами коня виден щит-пельта (Собрание ГМИИ им. А. С. Пушкина) — 82
- Рис. 40. Золотой гребень из кургана Солоха с изображением сражающихся скифов. — 83

- Рис. 41. Находки из кургана Ашика (1838 г.) — 84
- Рис. 42. Находки оружия из боспорских курганов IV в. до н. э. — 86
- Рис. 43. Деревянная основа седла из Пантикапея — 88
- Рис. 44. Схема битвы при Фате (по В. Д. Блаватскому) — 93
- Рис. 45. Схема битвы при Фате (по Е. В. Черненко) — 94
- Рис. 46. Находки из кургана Ак-Бурун (1875 г.) — 97
- Рис. 47. Надгробие воина из Керчи (1951 г.) — 99
- Рис. 48. Северное Причерноморье после падения Великой Скифии — 101
- Рис. 49. План Порфмия эллинистического времени (реконструкция Е. Г. Кастанаян) — 103
- Рис. 50. Восточная оборонительная стена Мирмекия III вв. до н. э. (перекрыта более ранняя стена конца V — начала IV вв. до н. э.) — 103
- Рис. 51. Акрополь Пантикапея в III в. до н. э. (реконструкция В. П. Толстикова) — 104
- Рис. 52. Граффити с изображением батальных сцен из святилища Нимфея (по О. Хёкманну) — 106
- Рис. 53. Находки кельтских шлемов из Северного Причерноморья (по Б. А. Раеву, А. В. Симоненко и М. Ю. Трейстеру) — 111
- Рис. 54. Корабль «Исида» (по О. Хёкманну) — 114
- Рис. 55. Кельтские щиты на Боспоре — 115
- Рис. 56. Терракотовая статуэтка с изображением воина с кельтским щитом (Пантикапей) — 116
- Рис. 57. Погребение воина у Карантинного шоссе под Керчью (1834 г.) — 117
- Рис. 58. Терракотовая статуэтка с изображением всадника (поселение Артющенко I на Таманском полуострове) — 118
- Рис. 59. Находки из боспорских курганов — 119
- Рис. 60. Боспорская бронзовая монета с изображением лука ассиметричной формы (Поселение Артющенко I на Таманском полуострове) — 120
- Рис. 61. Северное Причерноморье во второй половине II—I вв. до н. э. — 122
- Рис. 62. Надпись Аргота из Неаполя Скифского (по Ю. П. Зайцеву) — 127
- Рис. 63. Монета Митридата VI Евпатора (увеличено) — 129
- Рис. 64. Планы «домов-башен» Боспора Киммерийского (по Я. М. Паромову) — 138
- Рис. 65. Новоотрадное на Керченском полуострове. Реконструкция крепости I в. до н. э. (по А. А. Масленникову) — 139
- Рис. 66. Акрополь Пантикапея. Куртина, предназначенная для установки катапульт (реконструкция В. П. Толстикова) — 143
- Рис. 67. Находки из Ахтанизовского клада — 146
- Рис. 68. Боспорское царство в римский период — 152
- Рис. 69. Боспорское царство и восточная часть Римской империи в I—III вв. — 153
- Рис. 70. Надгробие Стратоника, сына Зенона. Пантикапей. I в. — 159
- Рис. 71. Надгробие Матиана, сына Заидара. Ок. рубежа н. э. — 162
- Рис. 72. Изображение катафрактария на серебряном сосуде из погребения у с. Косика (Астраханская обл.) — 163
- Рис. 73. Фреска из пантикапейского склепа Анфестерия, сына Гегесиппа. — 164
- Рис. 74. Граффито с изображением катафрактария из Дура-Европос (Сирия). — 168
- Рис. 75. Мраморная стела Аполлония и Антипатра, сыновей Панталеонта, из Горгиппии — 170
- Рис. 76. Изображения седел с вертикальными выступами в парфянском искусстве: — 171
- Рис. 77. Реконструкция римского седла из Валькенбурга (по П. Конноли) — 172
- Рис. 78. Постамент надгробия Фаллона, сына Пофа, с изображением оседланных лошадей. Горгиппия. I в. — 173
- Рис. 79. Обломок надгробного рельефа I—II в. из Темрюкского музея: — 173
- Рис. 80. Терракотовая статуэтка всадника из слоя III в. на городище Артезиан в Крымском Приазовье (по Н. И. Винокурову): — 174

- Рис. 81. Боспорские воины. Фрагмент росписи Стасовского склепа 1872 г. — 176
- Рис. 82. Боспорские мечи I–III вв. н. э. — 178
- Рис. 83. Короткие мечи I–II вв. из раскопок некрополя Горгиппии: — 180
- Рис. 84. Надгробие Феагена, сына Гермогена. Ахиллий. Конец I в. — 182
- Рис. 85. Боспорские кинжалы I–II в.: — 183
- Рис. 86. Надгробие Клеона, сына Клеона. Пантикапей. I-я пол. I в. — 183
- Рис. 87. Наконечники копий I–II в.: — 185
- Рис. 88. Надгробие Дионисия и Аристида. Пантикапей. II в. — 186
- Рис. 89. Наконечники дротиков II–III вв.: — 187
- Рис. 90. Надгробный рельеф I–II в. из некрополя Нимфея — 188
- Рис. 91. Деревянная модель горита из некрополя Пантикапея. Сер. I в. — 189
- Рис. 92. Изображения всадников с луками «скифского» (вверху) и «гуннского» (внизу) типа. Фрагмент надгробия Афения, сына Мены. — 191
- Рис. 93. Изображение всадника с луком «гуннского» типа в росписи склепа 1841 г. — 192
- Рис. 94. Железные черешковые наконечники стрел I–III вв. — 193
- Рис. 95 (справа). Изображение воина в шлеме на стеле Менофила, сына Демострата. — 195
- Рис. 96 (внизу). Изображение шлема на стеле Родона, сына Гелия. — 195
- Рис. 97. Конические каркасные шлемы II — начала III вв. из погребений у хут. Городского в Прикубанье (по А. В. Сазонову). — 196
- Рис. 98. Посвятительный рельеф Трифона, сына Андромена. Танаис. II в. — 196
- Рис. 99. Терракотовая статуэтка всадника в ламеллярном доспехе. I–II в. — 197
- Рис. 100. Изображение катафрактария на обломке штукатурки из Илурата. — 198
- Рис. 101. Посвятительный рельеф с изображением полководца из Пантикапея. I–II в. — 200
- Рис. 102. Верхний рельеф мраморной стелы Фаллона, сына Пофа. I в. — 201
- Рис. 103. План погребения № 21 у хут. Городского в Прикубанье (по А. В. Сазонову) — 203
- Рис. 104. Кольчуга из погребения № 21 у хут. Городского в Прикубанье: реконструкция кольчужного доспеха (по А. В. Сазонову) — 203
- Рис. 105. Металлические детали боспорских щитов (по М. Казанскому): — 205
- Рис. 106. Схема предполагаемого сражения между армией Арриана и аланами в 135 г. (по А. К. Нефёдкину). — 210
- Рис. 107. Сцена конного боя в росписи пантикапейского склепа 1841 г. — 212
- Рис. 108. Сцена конного боя в росписи Стасовского склепа 1872 г. — 214
- Рис. 109. Батальная сцена в росписи Стасовского склепа 1872 г. — 214
- Рис. 110. Батальная сцена в росписи пантикапейского склепа 1873 г. (по Ф. И. Гроссу) — 216
- Рис. 111. Кутлакская крепость. План по С. Б. Ланцову — 218
- Рис. 112. Кутлакская крепость. Реконструкция по С. Б. Ланцову. Вид с юго-востока — 218
- Рис. 113. Сторожевые башни на юго-восточной границе Боспора (реконструкция А. А. Масленникова) — 219
- Рис. 114. Схема пространственного размещения крепостей Фонталовского — 219
- Рис. 115. Схема расположения древних земляных укреплений на Керченском полуострове (по А. А. Масленникову): — 220
- Рис. 116. Система обороны восточной части хоры Европейского Боспора в первые века н. э. (по А. А. Масленникову). Типы поселений: — 222
- Рис. 117. Крепости Азиатского Боспора I в. до н. э. — I в. н. э. — 224
- Рис. 118. Боспорские монеты I–II в. с изображением крепостей — 224
- Рис. 119. Крепость Илурат. I–III в. План — 226
- Рис. 120. Илурат. Северо-восточная оборонительная стена с башней. План и фасировка — 228
- Рис. 121. Илурат. Разрез северо-восточного склона городища по трассе подземного хода — 232

- Рис. 122. Илурат. Вариант реконструкции юго-восточной и юго-западной оборонительных линий — 234
- Рис. 123. Золотой статер царя Фарнака (по П. О. Бурачкову) — 243
- Рис. 124. Золотой статер с изображением царя Асандра — 247
- Рис. 125. Бронзовый бюст царицы Динамии — 249
- Рис. 126. Изображение царя Аспурга на боспорской монете — 258
- Рис. 127. Медная монета с изображением Митридата VIII и Гепепирии — 265
- Рис. 128. Портрет императора Клавдия на гемме из пантикапейского слепа — 268
- Рис. 129. Сестерций царя Рескупорида I с военной тематикой (по П. О. Бурачкову) — 273
- Рис. 130. Двойной динарий царя Савромата II, где он изображен с атрибутами Геракла и Посейдона (по П. О. Бурачкову) — 282
- Рис. 131. Походы варваров в Северо-Восточном Причерноморье (по В. П. Будановой): — 285

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

А

Абаев В. И. 166
Абеак, царь сираков 161
Абрамзон М. Г. 242, 278
Август Гай Октавиан, римский император (27 г. до н. э. – 14 г.) 249, 250, 252, 253, 256, 262
Аврелий Кальпурний Аполлонид 278
Аврелий Родон, сын Лоллея 156
Агаф, сын Сакла 159, 191
Агриппа I, иудейский царь 261
Агриппа Марк Випсаний, римский полководец 250, 251
Агриппина Старшая, мать императора Калигулы 262
Адриан, римский император (117–138) 209, 225, 272
Айбабин А. И. 283
Аквила Гай Юлий, римский военачальник 267, 268, 270
Акопян А. М. 235
Александр Македонский (356–323 гг. до н. э.) 154
Александр Север, римский император (222–235) 279
Александровский А. Л. 255
Алексеев А. Ю. 168
Алексеев В. П. 264
Алексеева Е. М. 154, 187, 217, 255, 283
Алким 165
Амброз А. К. 164, 169, 172
Аммиан Марцеллин 166, 190, 208, 256
Анаксагор, сын Демагора 192
Андерсон Дж. 167
Анисимов А. Н. 283
Анохин В. А. 188, 216, 230, 235, 255, 256, 258–260, 262, 264, 267, 273, 277, 282, 284
Антимах Ульпий 275, 276
Антиох Коммагенский, царь 261, 263
Антипатр, сын Панталеонта 170
Антоний Марк 252, 254
Антонин Пий, римский император (138–161)
Антония Трифена 261

Антонова И. А. 180, 278, 279
Анфестерий, сын Гегесиппа 163–166, 177, 184, 199
Аполлон (миф.) 243
Аполлоний, сын Аполлония 184
Аполлоний, сын Панталеонта 170
Аппиан 155
Арес (миф.) 259, 281
Ариобарзан 243
Аристид 186
Аристон, сын Аристона 225, 275
Аристотель 230
Арриан 209, 257
Арсеньева Т. М. (=Arsen'eva) 188, 255, 263, 278
Архелай, царь Каппадокии 263
Асандр, архонт и царь Боспора (49/48–21/20 до н. э.) 154, 162, 177, 220, 221, 246, 247, 249, 250, 253–256
Асандрох, царь 254, 255
Аспург, боспорский царь (14–37) 154, 158, 160, 163, 165, 166, 213, 256–260, 264
Атта, сын Трифона 167
Атрак, половецкий хан 248
Афений, сын Мены 162, 174, 191, 196
Афинодор, сын Селевка 153
Афродита (миф.) 199, 281
Ашик А. Б. 211

Б

Баалшамин (миф.) 170, 171
Бажан И. А. 195
Баранов А. Н. 281
Битоит 155
Беглова Е. А. 180, 269
Бертъе-Делагард А. Л. 254
Беттгер Б. (=Böttger) 255, 263
Блаватская Т. В. 153, 258, 275
Блаватский В. Д. 154, 155, 157, 159, 161, 175, 184, 185, 199, 201, 202, 208, 209, 240, 254, 265, 272
Болгов Н. Н. 286
Болдырев С. И. 253, 256, 257
Болтунова А. И. 153, 154, 165, 249, 255, 256, 263, 275, 283
Бонин А. В. 255
Борнс А. 184
Брандис К. 250
Бритова Н. Н. 161
Бронштейн Б. Н. 227

Буданова В. П. 283, 286
 Бурачков П. О. 243, 273, 282
 Буюклиев Х. 202

В

Ваатеринге В. (=Vaateringe V.) 169
 Вайнштейн С. И. 168, 169, 172
 Валериан, римский император (253–260) 285
 Вар Тит Флавий, командир I Боспорской когор-
 ты 209
 Варданян Р. Е. 242, 262
 Вегеций 208, 270
 Ведерников Ю. А. 190
 Венериан, командующий римским флотом 285
 Веселовский Н. И. 199, 202
 Виктория (миф.) 175
 Виноградов Ю. Г. (=Vinogradov Ju. G.) 156,
 158, 161, 254–256, 258, 259, 263, 264, 267,
 268, 274, 279
 Винокуров Н. И. 172, 174, 185, 240, 266, 284
 Витт В. О. 162
 Вознесенская Г. 179
 Волузий Луций 280
 Высотская Т. Н. 236, 237, 241, 258
 Вязкова О. Е. 255

Г

Газурий 180
 Гайдукевич В. Ф. 153, 156, 158, 166, 172, 174,
 213, 225, 227–229, 235–241, 251, 254, 256,
 259, 261, 264, 272, 284
 Галл Авл Дидий, римский военачальник 265–267
 Галлиен, римский император (253–268) 286
 Галль фон Х. (=Gall von H.) 170, 186, 213, 215
 Гальба, римский император (68–69) 271
 Гаттиан 154
 Гей О. А. 195
 Гелиодор 185
 Гера (миф.) 286
 Геракл (миф.) 264, 282
 Герасимова В. 156, 209
 Герберштейн С. 166
 Гипепирия 230, 263–265
 Гипсикрат Амисский 247
 Гиршман Р. (=Ghirshman R.) 169
 Глебов В. П. 268
 Голенко В. К. 220
 Голенко К. В. 163
 Голубовский П. В. 211
 Голубцова Е. С. 249, 251, 261

Гольженков И. А. 257
 Гольева А. А. 255
 Горелик М. В. 213
 Горемыкина В. И. 254
 Горлов Ю. В. 278
 Горончаровский В. А. 157, 161–163, 165, 169,
 170, 172, 180, 190, 192, 193, 196, 198, 199,
 207, 208, 212, 227, 248, 261, 264, 265, 268,
 275, 278, 279, 282
 Готье Ю. В. 289
 Граков Б. Н. 168, 209, 257
 Грач Н. Л. 179, 193
 Грене Ф. 197
 Гросс Ф. В. 215, 216
 Гурандухт, дочь грузинского царя Давида
 Строителя 248
 Гущина И. И. 179, 184, 198, 201, 269, 272

Д

Давид Строитель, грузинский царь (1073–1125)
 248
 Дама, сын Гая 160
 Данышин Д. И. 278
 Дарий, персидский царь (522–486 до н. э.) 286
 Дафн 191
 Дворниченко В. В. 163, 185
 Дейотар 243, 244
 Дексипп 286
 Денисова В. И. 253
 Десятчиков Ю. М. 162, 170, 174, 190, 191, 196,
 197, 213
 Децебал, царь племени даков 272
 Деций, римский император (249–251) 284
 Диатроптов П. Д. 161, 211
 Диз, сын Бифия 156
 Динамия, боспорская царица (21/20 г. до н. э.—
 7/8 г. н. э.?)
 Дион Кассий 250–252, 254, 261, 264
 Дион Хрисостом 221
 Дионисий 186
 Диофант, полководец понтийского царя Митри-
 дата VI Евпатора 259
 Дмитриев А. В. 217
 Доватур А. И. 272
 Домициан, римский император (81–96) 272,
 274, 276
 Домиций Кальвин, римский военачальник 244
 Дорошко В. В. 180, 181
 Драчук В. С. 165
 Друзилла, сестра императора Калигулы 262
 Дюбрюкс П. 225, 227, 235, 238

Дюков Ю. Л. 264

Дьячков С. В. 156, 260

Е

Евнон, царь аорсов 161, 268, 271

Евсевий 250

Елена, жена Диза 156

Ернштедт Е. В. 165, 213

Евпатор, боспорский царь (154/155–170/171)
272, 274, 278

Ж

Ждановский А. М. 179, 195, 196

Жебелев С. А. 153

Житников В. П. 270

З

Завойкина Н. В. 160, 278

Заднепровский Ю. А. 194

Зайцев Ю. П. 259, 264, 273, 281, 283

Залесский Н. Н. 154

Засецкая И. П. 179, 184, 198, 201, 269, 272

Зевс (миф.) 281, 286

Златковская Т. Д. 267

Зограф А. Н. 235, 264, 275

Зорсин, царь сираков 267, 271

Зосим 284, 285

Зубарев В. Г. 227, 286

Зубарь В. М. 155, 156, 163, 167, 180, 242, 246,
259, 265, 266, 272, 273, 276, 278–280, 283

И

Иванова А. П. 172, 174, 176, 185, 191

Иевлев М. М. 246

Ининфимей, боспорский царь (234/235–
239/240) 283

Иосиф Флавий 180, 248, 251, 252

Ирод I Великий, царь Иудеи (37–4 до н. э.)

Исократ, афинский оратор 154

К

Кадеев В. И. 251

Калигула, римский император (37–41) 260–
262, 264

Казанский М. (=Kazanski M.) 206

Калашников М. В. 269

Каллистов Д. П. 249, 250, 264

Каменецкий И. С. 259, 270

Каминский В. Н. 190, 191, 201

Карасев А. Н. 259

Каратак, вождь одного из британских племен
271

Карышковский П. О. 163

Кастанаян Е. Г. 253

Кизерицкий Г. (=Kieseritzky G.) 160

Кирпичников А. Н. 168

Клавдий, римский император (41–54) 261, 264,
265, 268, 269, 271

Клавдий II Готский, римский император (268–
270) 286

Клеон, сын Клеона 183

Книпович Т. Н. 159, 165, 256

Ковалевская В. Б. 167

Колобова К. М. 154, 158 Котис I, боспорский
царь (45/46–68) 161, 165, 211, 260, 264,
265, 267–269, 272, 273

Колобов А. В. 175

Колтухов С. Г. 259, 264, 283

Коннолли П. (=Connolly P.) 154, 156, 171, 172,
181

Контамин Ф. 161, 221

Копылов В. П. 270

Корнелий Гней, римский консул 250

Корпусова В. Н. 188, 193

Костенко В. И. 268

Котис II, боспорский царь (123/124–132/133)
154, 188, 260, 277

Котис III, боспорский царь (227/228–233/234)
283

Котис IV, фракийский царь 261

Коциевский А. С. 264

Кошеленко Г. А. 213, 221

Крадин Н. Н. 160

Красс Марк Лициний, римский политический
деятель и полководец 242, 250

Криспин Тиберий Клавдий, командир I Боспор-
ской когорты 209

Кропоткин В. В. 271

Кругликова И. Т. 158, 181, 188, 227, 253, 269,
272, 274, 286

Крушкол Ю. С. 264, 269

Крыганов А. В. 191

Крыжицкий С. Д. 239

Крыкин С. М. 155, 156, 257

Крюков М. В. 169

Кубланов М. М. 239

Кузнецов В. Д. 255
 Кунина Н. З. 213
 Кушаев С. А. 169
 Кызласов И. Л. 213

Л

Лавров В. В. 283
 Латтимор О. (=Lattimore O.) 271
 Лагышев В. В. 154, 159, 251, 254, 272, 275
 Ле Бозк Я. 156, 257, 266, 270, 279
 Левада М. 179
 Левина Л. М. 169, 182
 Левченко Н. В. 275, 276
 Ливий Тит 252
 Лимберис Н. Ю. 179
 Литвинский Б. А. 193, 194, 197, 202
 Лукиан 161, 258, 259, 272, 281

М

Маврикий 192, 208
 Максимова М. И. 194, 251, 272
 Малашев В. Ю. 194, 202
 Малина Я. 202
 Малинова Р. 202
 Мальшев А. А. 255
 Маринович Л. П. 221
 Марк Аврелий 279
 Марченко И. Д. 177
 Марченко И. И. 177, 179, 243, 268, 278
 Марченко К. К. 270
 Маршак Б. И. 163
 Масленников А. А. 154, 155, 157, 159, 175,
 217, 220, 221, 223, 225, 227, 246–248, 251–
 253, 254, 257, 274, 275, 277, 279, 282, 283
 Маслов В. Е. 163, 164, 196
 Мاستус 275
 Матиан, сын Заидара 162, 163, 169, 184, 191,
 265, 263
 Матковская Т. А. 163, 174
 Мацулевич Л. А. 201, 268
 Мельчарек М. (=Mielczarek M.) 154, 155, 161,
 167, 174–176, 182, 184, 190, 206, 208
 Мельюкова А. И. 168
 Меммий Гай 280
 Менестрат, сын Госемфлия 153
 Менофил, сын Демострата 172, 194, 195
 Миляева Ю. В. 283
 Митридат VI Евпатор 154–157, 159, 175, 242,
 245, 248, 250, 252, 254, 255, 263, 281, 289

Митридат VII Пергамский, претендент на бос-
 порский трон 246
 Митридат VIII, боспорский царь (39/40–44 н. э.)
 165, 175, 230, 254, 260–271
 Молев Е. А. 242, 245, 247, 264
 Моммзен Т. 261
 Мурзин В. Ю. 168

Н

Надэль Б. 260
 Назаров В. В. 180
 Науменко С. А. 188, 278
 Неокл. сын Мойродора 183, 274
 Нерон, римский император (54–68) 157, 268,
 280
 Нефёдкин А. К. 155, 188, 209, 245, 257
 Ника (миф.) 199, 273, 277, 282
 Никонов А. А. 240, 284
 Никоноров В. П. (=Nikonovov V. P.) 161, 163,
 168, 191, 196, 198
 Нимфидий Сабин 271
 Новиченкова Н. Г. 181, 201, 252, 264, 269

О

Овчаров Д. 279
 Овчаров Н. 279
 Омелаев А. И. 190
 Онайко Н. А. 217, 255, 269, 283

П

Панов А. Р. 250, 261
 Панталеонт 170, 249, 250
 Паромов Я. М. 269
 Парфенов В. Н. (=Parfenov V. N.) 249, 252–254,
 256
 Парфенокл Ульпий 275, 276
 Патрикий Петр 264
 Перевалов С. М. 185
 Петерс Б. Г. 275
 Петрова Э. Б. 153, 217
 Пилипко В. Н. 167, 170, 191
 Пифодорида, жена боспорского царя Полемона
 I 254, 256
 Плавгий Сильван, легат провинции Нижняя
 Мезия 273
 Плетнева С. А. 211, 247, 248
 Плиний Старший 199, 225, 266
 Плиний Младший 276

- Полемон I, боспорский царь (14–8 до н. э.)
 201, 221, 247, 249–256, 263
 Полемон II, царь Понта (38–63/64) 261
 Полибий 154
 Помпей Гней 242, 243
 Помпей Секст 250
 Полосьмак Н. В. 168
 Посейдон (миф.) 264, 282
 Прим Марк Ульпий 156
 Пругло В. И. 156
 Птолемей Клавдий 225, 227, 267
 Пугаченкова Г. А. 167, 197
 Пуздровский А. Е. 259, 263, 264
 Пьянков А. В. 201
- Р**
- Раевский Д. С. 275
 Ременников А. М. 283, 287
 Реметалк III, фракийский царь (19–21) 175, 261
 Рескупорид I, боспорский царь (68/69–92/93)
 260, 273, 274
 Рескупорид II, боспорский царь (210/211–
 226/227) 188, 197, 216, 260, 280–283
 Рескупорид III, боспорский царь (233/234–
 234/235) 283
 Рескупорид IV, боспорский царь 240/241–
 267/268) 284, 286
 Риметалк, боспорский царь (131/132–153/154)
 167, 175, 260, 274, 277
 Родон, сын Гелиоса 194, 195
 Ролле Р. 168
 Ростовцев М. И. 153–160, 164, 165, 167, 175,
 179, 181, 194, 195, 199, 201, 212, 213, 215,
 Роуз Ч. (=Rose Ch.) 254
 Рубцов С. М. 209, 257
 Руденко С. И. 164, 168
 Русяева А. С. 254
 Рейнак Т. 261
 Разин Е. А. 270
- С**
- Савинов Д. Г. 190
 Савостина Е. А. 174, 255
 Савромат I, боспорский царь (93/94–123/124)
 154, 156, 160, 188, 260, 263, 274–277
 Савромат II, боспорский царь (174/175–210/211)
 163, 198, 223, 260, 278–282
 Савромат III, боспорский царь (229–231) 283
 Сазонов А. А. 166, 202
 Саксер Р. (=Saxer R.) 280
- Сапрыкин С. Ю. 153, 154, 156–159, 246, 247,
 249, 250, 253–256, 258–261, 265, 267, 269,
 272, 274–277, 281
 Сараниди В. И. 183
 Сарновский Т. (=Sarnowski T.) 279
 Сас, боспорский гоплит 274
 Сатир I, боспорский архонт-царь (433/432–
 389/388 до н. э.) 154
 Светоний 262
 Секунд 280
 Септимий Север, римский император (193–211)
 281
 Сидоренко В. А. 153
 Симоненко А. В. (=Simonenko A. V.) 167, 168,
 174, 184, 186, 189, 192, 258
 Скилакс, придворный мастер императоров
 Клавдия и Нерона 268
 Скржинская М. В. 158
 Скрибоний, претендент на боспорский трон,
 муж царицы Динамии 250
 Скрибоний Либон 250
 Скрипкин А. С. (=Skripkin A. S.) 177, 182, 268
 Скржинская М. В. 266, 278
 Смекалова Т. Н. 181, 242, 255, 264, 273, 275,
 283
 Смирнов К. Ф. 162, 192
 Смирнова Н. В. 160
 Смышляев А. Л. 279
 Соколов Г. С. 180
 Сокольский Н. И. 153, 168, 169, 177, 179, 182,
 183, 189, 193, 206, 215, 246–248, 255, 269, 277
 Соломоник Э. И. 251
 Сон Н. А. 180, 242
 Сопей 154
 Сопова Н. К. 254
 Сорокина Н. П. 213
 Сосибий, сын Диониса 185
 Созм, царь Иудейской Аравии 261
 Стасов В. В. 213
 Степанова Е. В. 169, 172
 Стефанский А. М. 211
 Страбон 160, 161, 220, 246, 247, 255, 280
 Стратоник, сын Зенона 158, 159, 191
 Сударев Н. И. 269
 Суккессиан, римский военачальник 284, 285
 Супруненко А. Б. 254
 Схатум Р. Б. 166, 202
- Т**
- Тамира 274
 Тацит 167, 175, 178, 208, 211, 257, 265, 267–270

Тейран, боспорский царь (275/276–278/279) 286
 Тиберий, римский император (14–37) 258, 260, 261, 266
 Тигран Великий 154, 184
 Тихонова Т. С. 180
 Толочко И. В. 278
 Толстиков В. П. 153, 223, 224, 241, 259, 275
 Траян, римский император (98–117) 156, 194, 202, 209, 272, 276
 Треболева Г. В. 155, 239
 Трейстер М. Ю. (=Treister M.) 156, 163, 174, 185, 199, 243, 253
 Триарий, римский военачальник 245
 Трифон, сын Андромена 195, 196, 199
 Трифон, боспорский наварх 277
 Туаллагов А. А. 162
 Туллий Гемин 267
 Тункина И. В. 237

У

Устинова В. О. 250, 254

Ф

Фавмаст Тиберий Юлий 277
 Фаллон, сын Пофа 172, 201
 Фарнак, боспорский царь (63–47 до н. э.) 156, 157, 160, 161, 242–244, 247, 275
 Фармаковский М. В. 215
 Фарсанз, боспорский правитель в 253/254 г.
 Феаген, сын Гермогена 182
 Федоров-Давыдов Г. А. 163, 185
 Филон Византийский
 Фортуна (миф.) 262
 Фрибус Т. Ю. 262, 271
 Фролова Н. А. 240, 258, 260, 262, 264, 273, 275, 276, 278, 281, 282
 Функ Б. 263, 276

Х

Хазанов А. М. 161, 162, 166, 177–179, 181, 184, 190, 192–194, 198, 201, 243
 Херманн Г. (=Herrmann G.) 169, 170
 Хрисалиск 177, 246, 248, 255
 Худяков Ю. С. 190, 191, 196
 Хопкинс Д. 199
 Хршановский В. А. 239, 274
 Храпунов И. Н. 259
 Ходарз, сын Омпсалака 259

Ц

Цалкин В. И. 162, 166, 167
 Цветаева Г. А. 156, 163, 243, 265

Ч

Чевелев О. Д. 227, 279
 Черненко Е. В. 180, 192, 211
 Черняк А. Б. 269
 Чубова А. П. 181

Ш

Шавырина Т. Г. 277
 Шелов Д. Б. 163, 255, 256, 263, 272, 275, 278
 Шестаков С. А. 156, 274
 Шилов В. П. 162, 198
 Шкорпил В. В. 160, 172, 181, 188
 Шмалько А. В. 265, 266, 272, 273
 Шургая И. Г. 163, 164, 236, 240
 Щеглов А. Н. 159
 Щукин М. Б. (=Schukin M.) 206, 243, 247, 251, 255, 265, 268, 270–272, 283, 284, 286

Э

Эрлих В. Р. 180, 269
 Эрот (миф.) 199, 254

Ю

Юлий Каллисфен 201, 268
 Юлий Менестрат 282
 Юлий Патий 166, 197
 Юлий Цезарь 157, 207, 221, 243–246
 Юлия Домна 281

Я

Яйленко В. П. 190, 246, 249, 250, 254, 256, 258, 261, 267, 268, 275–279
 Яценко И. В. 165, 263
 Яценко С. А. 163, 164, 165, 167, 183, 274, 276, 278

A–Z

Anderson J. G. 250, 254
 Beneš J. 209

Bivar A. D. 193
Braat W. C. 181
Braund D. 249, 260, 261
Brandis C. G. 154
Brown F. E. 190
Burnett A. 262
Cichorius C. 156
Coulston J. C. 190
Curle J. A. 181
Ducrey P. 221
Funk B. 256
French D. H. 266, 280
Gracey M. H. 257, 272
Grant M. 273
Harris B. F. 267
James S. 192
Lebedinsky I. 194
Maenchen-Helfen O. 163
Magie D. 261
Markle M. M. 185
Mattingly H. 282

McLeod W. 192
Minns E. 194
Mitchener M. 190
Nicolle D. 191
Premerstein v. A. 278
Rausing G. 190
Rawson J. 163
Reinhold M. 251
Roddaz J.-M. 251
Secunda N. 157, 160
Southern P. 172, 206
Speidel M. 280
Starr C. G. 266
Šarov O. 179
Trillmich W. 262
Trousdale W. 181
Ulbert G. 181
Vermeule C. 199
West R. 262
Wood S. 263
Zygulski Z. (Jr.) 211

УКАЗАТЕЛЬ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ

А

- Абритус 230
Августа Траяна (совр. Стара Загора, Болгария) 236
Агриппия (Фанагория?) 253, 257
Аждимушкайское погребение 57–58
Азовское море 26, 54, 220, 246
Ай-Тодор, мыс 278
Ак-Аллаха, могильник 168
Ак-Бурун, мыс 96–98, 222
Аккосов вал 54
Ак-Монайский вал 220
Акташский вал 220
Александрия 244
Алексеевское поселение 46
Алитуб 255
Альма, река 280
Альпы 141
Амастрия 280
Амис 142
Анапская станица 138, 255, 269
Анатолия 41
Англия 242
Андреевка Северная 223, 227, 253, 274
Антиохия 286
Антиохия Писидийская 257
Аньян 192
Арабатская стрелка 220
Аравия 267
Аргос 36, 286
Армения 242, 243
Аргезиан 172, 174, 185, 223, 253, 266
Артющенко I 24, 28, 46, 118, 120, 125
Атаманская гора 223
Атика 102
Афганистан 183
Афины 38, 71, 82, 286
Афинский (Делосский) морской союз 60, 72
Ахтанизовский клад 145–146, 147
Ахтанизовский лиман 114, 138, 255

- Ашика курган 34, 38, 84–85
Аю-Даг, гора 281

Б

- Багерovo 223
Баксы 85
Балканский полуостров 13
Батарейка I 223, 224
Батарейка II 224
Баты 217
Безкровного вал 220
Белинское 223
Беотия 286
Бойко-Понура 243
Болгария 202, 279
Большая Близица 86–87, 119
Бондаренково 223
Борисфен (Днепр) 121
Боспор Киммерийский, пролив 5, 9, 13, 26, 38, 46, 54, 59, 60, 88, 124, 132, 137, 139, 140, 141, 242, 266, 286
Британия 265, 271
Будапешт 34
Буерова могила 98, 119–120

В

- Валькенбург 171
Варзовка 223
Везувий 240
Вергина 65
Византий 266, 285, 286
Вифиния 245, 266
Владимировка 137–138, 269
Войково 223
Волна I 28
Высокое 223
Вышестеблиевское 11 11, 38 сл., 42

Г

- Гавгамелы 117
Галатия 244
Галлия 221, 285
Гаргаза 95
Генеральское 223, 253
Генеральское-Западное 100–101
Гераклея Понтийская 73, 76
Германия 156, 175, 176
Гермонасса 5, 13, 27, 253, 256
Глазовка 223

Голландия 171
 Горгиппия 27, 74, 108, 113, 153, 158, 162, 163,
 170, 172, 180, 183, 185, 187, 201, 217, 246,
 255, 263, 274, 275, 283
 Городской, хут. 196, 202
 Граник (река) 39
 Греция 286, 289
 Гурзуфское седло 180, 201, 249, 252, 264, 269

Д

Дакия 176
 Дельфы 110
 Дербент 246
 Дон, река 26, 36, 89, 90, 109, 110, 217, 255, 270,
 275
 Днепр, река 30, 113, 123
 Днестр, река 123
 Дунай 283, 285, 286
 Дура-Европос 167, 190, 192

Е

Египет 41, 113
 Европа 181
 Евфрат, р. 167, 190, 209, 248
 Египет 175
 Елизаветинские курганы 36, 38, 65, 67
 Елизаветинское городище 108, 125
 Елизаветовское городище 63, 89–90, 109

З

«За Родину» 138
 Запорожская станица. 269
 Зела 245
 Зеленый мыс 223
 Зенонов Херсонес 47, 104, 130, 223
 Змеиный курган 87
 Золотое 112, 187, 193, 223, 253
 Золотое Плато 100
 Zubovo-Vozdviyenskaya курганная группа 243

И

Иберия 40
 Ивановка 225, 227
 Иерусалим 221, 251
 Иллирия 56
 Илурат 10, 163, 183, 185, 187, 192, 193, 197,
 223, 225–241, 275, 278, 279
 Иония 59

Иотапата 270
 Испания 207
 Истр (Дунай) 17, 26
 Италия 40, 141, 144, 270, 285, 286
 Иудея 248, 251, 270

К

Кавказ 30, 89, 109, 126, 133, 141
 Казахстан 169
 Каллатис 95
 Каменка 223
 Каппадокия 209, 243, 257, 263
 Карагодеуашх 60–61, 65, 66
 Карантинное шоссе 116–117
 Кара-оба 134, 223
 Караул-оба 217
 Карры 184, 242
 Каспийское море 168
 Кассандрия 286
 Кезы 223
 Кекуватского курган 85–86
 Кепы 5, 13, 27, 29, 47, 55, 72, 95, 275
 Керченский полуостров 27, 54, 102, 112, 126,
 134, 139, 220
 Керченский пролив 5, 7, 16, 17, 26
 Керчь 19, 24, 27, 98, 116, 158, 182, 188, 199
 Кесария 253, 257
 Кизик 285, 286
 Киликия 261
 Киммерик 13, 27, 104
 Кипр 286
 Кирпили, река 270
 Китай 87, 168, 177, 181, 182, 192, 264, 271
 Китей 104
 Колхида 243
 Коммагена 263
 Корея 87, 168
 Коринф 33, 286
 Косика 163, 185, 197
 Костырино 223
 Кояшский вал 220
 Красноармейское 223
 Кремона 270
 Крит 41, 286
 Крутой Берег 112
 Крым 100, 101, 217, 252, 258, 278, 280
 Крымские горы 27, 89
 Кубань, река 90, 125, 242, 267
 Куль-Оба 18, 19, 22, 85–86, 134, 223
 Куль-тепе 223

Курджипис 61–62, 63, 65, 67–68
 Кутлакская крепость (Афинеон?) 217, 218, 251

Л

Лабрис (Семибратнее городище) 255, 269
 Ленина хутор, городище № 2 90
 Либкнехтовка 223

М

Маджид-и-Сулейман 171
 Македония 65, 87, 110, 279, 286
 Макеевка 8
 Малая Азия 160, 245, 250, 257, 285
 Малая Близница 87, 119
 Марфовка 223
 Мезия 176, 178, 209, 211, 265–267, 273, 278
 Мелитопольский курган 19
 Меотида 121, 128, 136, 220, 242, 285, 286
 Мерджаны 119–120
 Мидия 167
 Милет 30, 38, 78
 Мирмекий 13, 27 сл., 30 сл., 42, 46 сл., 52, 55,
 59, 71, 73 сл., 103–104, 107, 142–143, 241
 Митилена 251
 Митридат, гора 213
 Михайловка 223
 Монголия 168, 182, 271
 Мысхако 269

Н

Наисс (совр. Ниш) 286
 Неаполь Скифский 165, 236, 241, 259, 263,
 264, 273, 281, 283
 Никея 277
 Никополь 244
 Нимфей 5, 13, 27, 31, 43, 47, 54 сл., 59, 72, 74,
 76, 78, 102, 105–106, 113, 140, 144, 188, 193,
 216
 Нимфейские курганы 55 сл.
 Ново-Джерелиевское 270
 Ново-Отрадное 139, 223, 253, 274
 Новороссийск 269
 Ньюстид 172

О

Олимпия 209, 257
 Олонешты (клад) 87
 Ольвия 13, 26, 30, 44, 124, 136, 180, 192, 221, 276

Опук 223
 Орлатский могильник 191
 Осовины 223, 283

П

Пазырык 164, 168
 Пальмира 178, 213
 Панда, р. 270
 Паннония 176, 209, 274
 Пантикапей 5, 13, 17, 27, 31, 33, 37 сл., 44, 46
 сл., 49, 54 сл., 59, 79, 83, 88, 95, 104, 109,
 116, 129, 131, 136, 141, 142, 143–144, 156,
 158, 165, 189, 199–202, 217, 241, 246, 251–
 253, 264, 274, 275, 280, 283
 Партенит 281
 Парфия 171
 Пагиниоти курган 85
 Патрей 27 сл., 142, 223, 236, 275
 Пашковский могильник 68
 Перекоп 259, 268
 Пергам 121
 Персия 79, 286
 Питиунт 267, 284, 285
 Полянка 223, 253
 Помпеи 240
 Понт, море 16, 30, 102, 157, 243, 251, 252, 273,
 280, 284
 Понт, Понтийское государство 17, 129, 135, 136,
 137, 139, 140, 141, 142, 143, 144, 145, 147, 148
 Порфмий 28, 30 сл., 47, 54, 59, 102–103, 142,
 223, 253
 Пропонтида 285
 Псоя 95
 Пять Братьев 19

Р

Раевское городище 130, 255
 Рассвет хутор 137–138, 269
 Реция 175
 Рим, город 5, 9, 17, 132, 133, 135, 136, 137, 139,
 140, 141, 142, 143, 144, 145, 147, 148, 252–
 254, 258, 261, 271, 277
 Родопские горы 279
 Родос 286
 Рошава Драгана 202

С

Савроматий 223, 279
 Салачик 101, 223, 253

Сан-Реми 171
 Сарматия 246
 Сары-Кая 217
 Семеновка 187, 253
 Семибратнее городище (Лабрис) 76–78, 104, 107, 137–138
 Семибратние курганы 64–65, 67, 68
 Сиа 170, 171
 Сибирь 121
 Синдика 77, 78, 217
 Синдская Гавань (Синд) 13, 27, 30, 31, 42, 47, 53, 74
 Синопа 157, 246, 250, 251
 Сиреневая бухта 223, 253
 Сирия 167, 176, 209, 213
 Сицилия 13
 Скала 223
 Скандинавия 133
 Скифия 16, 24, 25, 26, 30, 31, 38, 65, 68, 89, 91, 96, 97, 98, 102, 109, 123, 128, 259
 Скифия Малая (Крымская) 104, 113, 123, 127, 128, 147
 Созы 269
 Солоха 24, 82–83
 Сорос (курган на Марафонском поле) 135
 Сочи 269
 Спарта 286
 Средиземное море 5, 17, 105, 284, 286
 Стара Загора 202, 235
 Старая Ниса 170
 Старый Крым 281
 Старокорсунский могильник 68
 Старокорсунское городище № 2 90
 Старо-Титоровское погребение 146–147
 Судак 281
 Сукко 264, 269

Т

Таврика 122, 227, 266, 278, 279, 280, 281, 283
 Таганрогское поселение 27, 30
 Таманский полуостров 7, 24, 26, 28, 38, 54, 79, 87, 107, 108, 114, 125, 136, 145, 153, 179, 217, 246, 277
 Таманский толос 113
 Тамариново 223
 Танаис (Дон) 17, 26, 121
 Танаис (город) 109, 153, 158, 159, 178, 187, 199, 217, 255, 259, 263, 270, 275, 278, 280, 282, 283
 Тасуново 223
 Темир-гора 223

Темрюк 162
 Тилис 110
 Тилля-тепе 183
 Тира 180
 Тирамба 43, 55, 275
 Тирас (Днестр) 135
 Тиритака 13, 27, 47, 49, 53 сл., 59, 104, 241
 Тиритакский вал 53 сл., 60, 217
 Тифлисская (совр. Тбилисская) станица 195, 196
 Толстая Могила 24
 Торик 46
 Трапезунт 286
 Три Брата 19, 20, 24
 Троя 38
 Тузла, коса 179
 Тузлинский некрополь 55

У

Узунларский вал 220, 221, 223, 251, 253, 279
 Узунларское озеро 220
 Уйташ 246
 Успа 270, 271
 Усть-Лабинский могильник 68

Ф

Фанагория 5, 13, 27, 33, 47, 53 сл., 73 сл., 107, 137, 144, 158, 159, 162, 177, 181, 201, 217, 242, 243, 246, 253, 255, 256
 Фасис 243, 286
 Фат (река) 92–94
 Феодосия 13, 27, 71 сл., 76, 78–79, 100, 129, 144, 153, 158, 217, 246, 251, 258, 275
 Фермопильское ущелье 35
 Фессалоники 286
 Филиппополь 236
 Фокея 209, 257
 Фонталовский полуостров 125, 153, 223, 275
 Фракия 40, 41, 71, 82, 110, 230, 236, 267, 285, 286

Х

Халкидика 35
 Харакс 278, 280
 Херсонес Гаврический 13, 26, 102, 121, 124, 129, 130, 134, 135, 136, 142, 144, 180, 246, 251, 259, 266, 273, 274, 277, 278–280
 Херсонес Фракийский 54
 Хрисалиска резиденция 137

Ц

Цемдолинское 137, 269

Ч

Черное море 5, 13, 16, 17, 25, 54, 72, 95, 135,
242, 284, 285, 288, 290

Чергомлык 19, 20

Чокракский мыс 117, 223, 253

Чурубашский вал 54

Чурубашский маяк 223

Чурубашское озеро 227

Ш

Шверинский курган 134

Широкая балка 255

Шотландия 172

Э

Эгейское море 285

Элевсин 286

Эпир 286

Этрурия 111

Эфес 265

Ю

Юбилейное 62–63, 67, 79, 138, 255

Юз-Оба 85, 87

Я

Ягорлык 30

Ялта 201, 249

Ярославская, ст. 242

УКАЗАТЕЛЬ ЭТНИЧЕСКИХ ТЕРМИНОВ

А

Аламанны 285
Аланы 15, 16, 17, 161, 274, 276, 281
Аорсы 16, 110, 268–271, 288
Аркадские наемники 118
Асеи 278
Аспургиане 122–123, 217, 246–248, 254, 255, 290
Ахейцы 126, 131, 132, 133, 134, 135, 136, 137,
140, 141, 280

Б

Бастарны 123, 135, 136
Бораны 283–286

Г

Галаты 110, 113, 116, 120, 126, 145, 156, 189
Галлы 154
Гениохи 126, 132, 133, 134, 135, 136, 137, 141, 280
Германцы 154, 286
Герулы 283, 285, 286
Геты 123
Готы 5, 7, 17, 283–286
Гунны 15, 168

Д

Дандарии 77–79, 160, 267, 269, 270

Е

Епагириты 267

З

Зиги 126, 132, 133, 134, 135, 136, 137, 280

К

Кельты 110–111, 113, 116, 118, 123, 144
Керкеты 77

Киммерийцы 31, 41
Киприот (наемник?) 118
Кутригуры 248

Л

Лабритяне 77

М

Меоты 27, 55, 60 сл., 78–79, 92, 112, 118, 123,
125, 127–128, 132, 136, 160, 247, 258, 289

Н

Норманны 133

П

Парфяне 191, 242
Пафлагонцы 118
Персы 30, 32, 36, 41
Печенеги 15
Половцы 15
Псессы 78–79, 160, 258

Р

Римляне 244, 245, 254, 266–269, 271, 275
Роксоланы 16, 17, 121, 122, 124, 129, 135, 288

С

Савроматы 91, 161, 267
Сарматы 8, 15, 16, 60, 90, 91, 95, 96, 98, 100
сл., 105, 108 сл., 113, 119, 121, 123, 124, 125,
127, 128, 131, 136, 140, 177, 179, 199, 256,
259, 274, 288
Сарматы царские 110
Сатархи 122, 123, 124, 131, 132
Свевы 274
Синды 27, 55, 60 сл., 65, 74, 78 сл., 132, 160,
258, 289
Сираки 16, 91, 92, 94, 96, 107, 110, 161, 267,
269–271, 288
Сиракузянин (наемник?) 118
Скифы 8, 15 сл., 17 сл., 27, 30 сл., 46 сл., 47, 55,
58 сл., 60, 65, 76, 83, 89, 90, 92, 95, 96, 100 сл.,
105, 113, 121, 123, 124, 125, 126, 127, 129,
130, 131, 133, 134, 135, 136, 140, 144, 258,
259, 253, 264, 273, 274, 281, 284–286, 288, 289

Скифы царские 16, 46
Сколоты 46, 288
Спарганцы 94

Т

Тавроскифы 274, 281
Тавры 27, 89, 129, 131, 132
Танаиты 160, 258, 278
Тарпеты 160, 258
Татаро-монголы 15
Тореты 78–79, 160, 258
Турки-сельджуки 248

У

Урги 121

Ф

Фатеи 92, 112
Фракийцы 91, 94, 118, 127–128, 144, 154, 156,
289
Франки 285

Х

Хазары 15
Хиосец (наемник?) 118

Я

Языги 16, 17, 121, 122, 274, 278, 288

SUMMARY

War History and Warfare of the Cimmerian Bosphorus (6th century BC — middle of the 3rd century AD)

by Ju.A. Vinogradov and
V.A. Goroncharovskiy

The Cimmerian Bosphorus — the name used for the Kerch Gulf and the adjacent territory in Antiquity — saw pioneering Greek newcomers who established several colonies there in the first half of the 6th century BC, such as Panticapaeum, Nymphaeum, Phanagoria, etc.. It was in the Cimmerian Bosphorus that the largest ancient state was founded within the Northern Pontic area — the Greek-barbarian Bosporan kingdom. Its military history is interesting in many aspects, of which one of the most important aspects demonstrates the particularities of the adaptation of the Greek military system to specific military-political and demographic conditions of the region under review. Undoubtedly the Greeks brought to the northern coast of the Black Sea the system of warfare that had formed by that time in the mother country, and finds of genuine Greek weapons coming from the earliest archaeological contexts of the region are quite natural. However, under conditions of the Northern Pontic area this system seems to have been sufficiently quickly transformed by adapting to the local milieu. The available archaeological evidence reveals here Scythian, Maeotic and Sarmatian influences. This adaptation became apparent, first of all, in the increasing role of cavalry troops, archers, etc. Local Greek nobles were most likely the best susceptible to these influences.

Part I of this book is devoted to the period from the appearance of Greeks on the coast

of the Cimmerian Bosphorus to the death of Mithridates VI Eupator and opens with chapter 1 “Greeks and barbarians on the Cimmerian Bosphorus. Problems of coexistence.” The most important feature of the Greek colonies of the Northern Pontic area was the fact that they interacted with a very mobile world of Eurasian nomads. Periodical movements of nomads from east to west (approximately once every 200—300 years) caused serious changes in the military-political situation in the region, thereby influencing the development of all the peoples and states adjacent to the steppe zone. Nomadic invasions of new territories led, as a rule, to military crises, lengthy wars, etc. Among the Greek states of the Black Sea coast the Cimmerian Bosphorus was situated as the very first advanced post on the route of barbarian movements from the east. Several phases in its history may be named as crises or even catastrophes (480 B.C.; around 270 B.C.; second half of the 2nd century B.C.; and probably some other ones as well, although they are not so evident yet). In all likelihood these crises were closely connected with the movements of new nomadic tribes going westwards.

Chapter 2 is entitled “The Bosphorus in the struggle against Scythian aggression”. The Bosporan Greeks were able to successfully resist the Scythian threat in 480 B.C. by entering into a defensive alliance with the ruling dynasty of the Archeanactides at its head. There are valid grounds to believe that the Archeanactides used the contradictions that were in existence among the barbarian tribes of the Northern Pontic area to great success.

Chapter 3 is entitled “The Spartocides create Power”. Simultaneously with the increasing role of cavalry in the Bosphorus, the significance of civil militia forces was diminishing, and as such disappeared altogether after the establishment of the Spartocides' power. A considerable factor of international policy in the Black Sea northern coast under the

Early Spartocides was the Bosporan-Scythian alliance, which set a sufficiently quiet, stable situation for a long time, thereby influencing the heyday of material culture in the 4th century B.C. throughout the region in question. Close relations with the Scythians promoted to some degree a transformation of the Bosporan military system, which had begun sometime earlier through the strengthening of local borrowings.

Chapter 4 is entitled “The Bosporan kingdom between Scythians and Sarmatians”. After the collapse of Great Scythia at the turn of the 4th — 3rd centuries B.C., the most important place in the system of relations of the Bosporan state with the barbarian world was occupied by the Sarmatians. For this reason, Sarmatian features came to manifest themselves in Bosporan warfare. In spite of such a transformation the Bosporan army was not, nevertheless, a version of Barbarian troops. It always kept a Greek army which differed drastically from armed forces of barbarian tribes, viz. in armament, battle formation, ways of conducting military actions, etc. There was an active relationship between the colonies and the mother country, including in the field of warfare. All the main achievements in the military sphere were permanently brought from the Mediterranean Greek world to the Bosphorus by professional soldiers; mercenaries who were invited for military service by the kings of the Bosphorus with pleasure. During various historical phases there served as mercenaries the natives arriving from many lands of Greece, as well as the Thracians and Celts. A combination in the Bosporan army under the Spartokides of the three principal components — aristocratic cavalry troops, detachments of Greek and other mercenaries, and contingents of allied barbarian tribes — made it possible to solve highly complex military problems that were inspired by global military-political and ethnical changes in the Northern Pontic area for

almost three centuries (as, for instance, in the second quarter of the 3rd century B.C.).

Chapter 5 is entitled “Bosphorus in the structure of the State of Mithridates VI Eupators”. Only the serious system and political crisis which began in the Bosphorus, like in the other Greek states of the Northern Black Sea coast, within the latter half of the 2nd century B.C., resulted in the downfall of the Spartocides and the transition of power to Mithridates VI, the king of Pontus. One of the most important reasons of such a course of events seems to have consisted in the absence of any reliable support among barbarians of the region for establishing a long-term alliance that would have been a guarantor of stability both in the Bosphorus and in the lands adjacent to it.

After the defeat and death of Mithridates VI (in 63 B.C.) as a result of his struggle against Rome, the Greek states of the Northern Pontic area, including the Bosporan kingdom, fell into the Romans' control and moved farther north-eastwards — into the very thick of warlike tribes who were dangerous to the civilized world. The new historical realities undoubtedly had an influence upon the warfare of the Bosporan realm, although this influence remained, as a matter of principle, within the course of those regularities which had been outlined by the entire preceding development.

Part II of this book “From the reign of Farnaces to the beginning of the Gothic wars” is devoted to the study of warfare in the Bosporan kingdom in the epoch of Roman political influence (63 B.C. to the middle of the 3rd century AD). It is very important to elaborate on the problems of history of this period. These problems developed under conditions of an appreciable barbarian cultural environment. In this period specific local conditions caused a serious transformation of Bosporan arms and armour, and battle tactics as well. This process went too far on the turn of the Eras, as one can see an intensive influx of Sarmatians into the structure of the Bospho-

ran population and its militarization of the period. At the same time the Bosphoran kingdom as a vassal of the Roman empire partly perceived achievements of its warfare. This part is an attempt to give a complete essay of the warfare and military history of the Bosphoran kingdom in the Roman period as is possible proceeding from the available kinds of evidence, viz. data of the ancient literary and epigraphic sources, archaeology and pictorial art.

Chapter 1, entitled “The Organization of the Bosphoran Army”, deals with the command structure and composition of troops consisting of cavalry and infantry. The army was divided into units of guards, mercenaries, military settlers and, as a reserve force, city civil home guards. Furthermore, military contingents of dependent tribes and allies from the neighbouring peoples were also used. An analysis of the written, epigraphic and pictorial material shows that the barbarian environment and contacts with Rome were of certain importance for the nature of Bosphoran warfare.

Chapter 2, entitled “Offensive and Defensive Weapons”, examines one of the main sources — archaeological finds of weapons. The principal attention is paid to specifics of Bosphoran arms and armour. There is a brief review of the current state of examining swords, daggers, spears, javelins, bows and arrows, helmets, corselets and shields, as well as a description of their available specimens. For many of them very close analogies can be found in different regions of the Sarmatian world. This must be explained as being a result of cultural exchange between Bosphoran warriors and nomads residing in the Northern Pontic steppe area. For instance, the long swords and composite bows of the so-called “Hun” type, both typical for nomadic warfare, became popular in the Bosphoran army during Roman times. Also, the concept of employing heavily-armed cavalrymen (“cataphracts”) was borrowed from Sarmatian nomads.

Chapter 3, entitled “The Bosphoran army on battle fields”, has to do with the study of problems of strategy and tactics of the Bosphoran army and their reflection in scenes of works of pictorial art. It is necessary to underline that Bosphoran commands carried strategic plans which were mainly defensive in character. Large offensive war operations, undoubtedly, had to be coordinated with the Roman administration of the province of Bithynia-Pontos. A special section in this chapter is devoted to analysis of battle scenes in Bosphoran decorative painting.

Chapter 4, “Defense organization of the State”, is devoted to variations of long-term defense of state borders. Such were earth ramparts, fortified settlements with a citadel, and fortresses lying on the ways to the capital city on the shore of Cimmerian Bosphorus. This entire system of defense functioned at least from the late 40s of the 1st century B.C., i. e. King Asandros' reign, up to the middle of the 3rd century AD, when it was destroyed in the course of Germanic invasions (the so-called “Gothic” wars).

Chapter 5, entitled “The Bosphorus on the turn of epochs: from independence to the status of a vassal state”, deals with events of the military history of the Bosphoran kingdom over one hundred years — from Pharnaces' rule (63—47 BC) through the middle of the 1st century AD, when the Bosphorus had gradually been included in the orbit of Roman policy. Thus the events connected with the Bosphoran war of 45-49 AD are considered in detail. Finally, chapter 6, “Between the Roman empire and barbarians”, is devoted to the period of the strong military and political union between Rome and the Bosphorus. During these two-hundred years military organization in the Bosphoran kingdom passed from blossoming to decline caused by the movement of German tribes to the Northeast Black Sea coast.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	5
Часть I. ВОЕННАЯ ИСТОРИЯ И ВОЕННОЕ ДЕЛО БОСПОРА ОТ ВРЕМЕНИ ГРЕЧЕСКОЙ КОЛОНИЗАЦИИ ДО ЗАВЕРШЕНИЯ МИТРИДАТОВЫХ ВОЙН	
Глава 1. Боспор Киммерийский во время греческой колонизации.....	13
1.1. Греки и варвары. Проблемы сосуществования.....	13
1.2. Военное дело скифов.....	17
1.3. Греки на Боспоре. Первые шаги.....	26
Глава 2. Боспор в борьбе со скифской агрессией.....	46
2.1. Союз Археанактидов.....	46
2.2. Военное дело синдо-меотов.....	60
Глава 3. Боспор при ранних Спартокидах.....	71
3.1. Спартокиды создают державу.....	71
3.2. Армия Спартокидов.....	79
3.3. Негативные перемены в степях Северного Причерноморья.....	89
3.4. Усобица сыновей царя Перисада I.....	91
3.5. Новые веяния в военном деле.....	96
Глава 4. Боспор между скифами и сарматами.....	100
4.1. Последствия дестабилизации военно-политической ситуации в степях для Боспора.....	100
4.2. Относительная стабилизация военно-политической обстановки во второй половине III — первой половине II вв. до н. э.....	109
4.3. Новое в военном деле Боспора.....	112
4.4. Боспор в условиях новой дестабилизации в степях.....	121
Глава 5. Боспор в составе державы Митридата VI Евпатора.....	129
5.1. Подчинение Боспора понтийскому царю.....	129
5.2. Боспор и Митридастовы войны.....	136
Часть II. ОТ ПРАВЛЕНИЯ ФАРНАКА ДО НАЧАЛА ГОТСКИХ ВОЙН	
Глава 1. Организация и состав боспорской армии.....	153
1.1. Командный состав и комплектование армии.....	153
1.2. Конница.....	161
1.3. Пехота.....	174
Глава 2. Наступательное и защитное вооружение.....	177
2.1. Наступательное вооружение.....	177
Глава 3. Боспорская армия на полях сражений.....	207
3.1. Стратегия и тактика.....	207
3.2. Батальные сцены в боспорском искусстве.....	211
Глава 4. Оборона границ государства.....	217
4.1. Рубежи обороны.....	217
4.2. Крепость Илурат в системе обороны Европейского Боспора.....	225
Глава 5. Боспор на рубеже эпох: от независимости к статусу вассального царства.....	242
5.1. Правление Фарнака: попытка возрождения державы Митридата Евпатора.....	242
5.2. Укрепление обороны границ государства при Асандре.....	246
5.2. Динамия и Полемон: Боспорское царство на весах политики Римской империи.....	249

5.1. Аспург: друг Цезаря и друг римлян.....	257
5.5. Митридат VIII и Боспорская война 45–49 гг.....	260
Г л а в а 6. Между Империей и варварами.....	272
6.1. В союзе с Римом.....	272
6.2. Савромат II и Вторая Боспорская война.....	278
6.3. Вторжения варваров и разрушение системы обороны государства.....	282
Заключение.....	289
Список использованной литературы.....	293
1. Письменные источники.....	293
2. Научная литература.....	294
Список сокращений.....	325
Указатель имен.....	330
Указатель имен.....	337
Указатель имен.....	342
Summary.....	344

Ю. А. Виноградов
В. А. Горнчаровский

ВОЕННАЯ ИСТОРИЯ И ВОЕННОЕ ДЕЛО БОСПОРА КИММЕРИЙСКОГО

(VI в. до н. э. — середина III в. н. э.).

Редактор *М. М. Козлова*
Корректор *Е. С. Васильева*
Технический редактор *С. В. Кузнецов*
Художественное оформление *С. В. Лебединского*

Лицензия ЛП № 000156 от 27,04,99. Подписано в печать 11,10,2007
Формат 70 × 100^{1/16}. Усл. печ. л. 20,75. Тираж 1000 экз. Заказ №

Филологический факультет Санкт-Петербургского государственного университета.
199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., д. 11.

Отпечатано с готовых диапозитивов в типографии Издательства СПбГУ.
199061, Санкт-Петербург, Средний пр. В.О., д. 41.